

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ**

ISSN 2079-1690

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ**

*Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по группам научных специальностей:
08.00.00 – экономические науки; 23.00.00 – политология;
22.00.00 – социологические науки*

№ 1

**Ростов-на-Дону
2020**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ**

*Регистрационный номер ПИ № ФС 77 – 71827 от 08.12.2017 Федеральной службы
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)*

*Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»*

Главный редактор	ИГНАТОВА Т.В., доктор экономических наук, профессор
Зам. главного редактора	ЧЕРКАСОВА Т.П., доктор экономических наук, профессор

Члены редколлегии:

Alexakis Christos, PhD, Professor, Business School Renne (France); Eugene Nivorozhkin, PhD, Associate Professor in Finance, School of Slavonic and East European Studies, University College, London (Great Britain); Ford Lumban Gaol, PhD, University Bina Nusantara, Jakarta (Indonesia); Атанесян А.В., докт. полит. наук, проф., Ереванский государственный университет (Армения); Ушаков Д.С., докт. экон. наук, проф., Suan Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand);

Арсеньева В.А., докт. экон. наук, доц.; Голобородько А.Ю., докт. полит. наук, доц.; Золочевская Е.Ю., докт. экон. наук, проф.; Кайль Я.Я.; докт. экон. наук, доц.; Кислицын С.А., докт. ист. наук, проф.; Козлюк Н. В.; докт. экон. наук, доц.; Кокин А.В., докт. г.-м. наук, проф.; Колядин А.П., докт. экон. наук, проф.; Крюкова Е.М., докт. экон. наук, проф.; Минаева Е.В., докт. экон. наук, проф.; Овакимян М.А., канд. экон. наук, доц.; Овчаренко Р.К., докт. социол. наук, доц.; Пешкова Е. П., докт. экон. наук, проф.; Понделков А.В., заслуженный деятель науки РФ, докт. полит. наук, проф.; Попова Е.А., докт. полит. наук, доц.; Скворцов Н.Г., докт. социол. наук, проф.; Сологуб В.А., докт. социол. наук, проф.; Чернова О.А., докт. экон. наук, доц.

Адрес редакции: 344002, г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская, 70/54, к. 216.
Тел. 8-863-203-63-89,
e-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru
<http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

**RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION
SOUTH-RUSSIA INSTITUTE OF MANAGEMENT**

ISSN 2079-1690

**STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT.
SCHOLAR NOTES**

*The journal is included into the list of reviewed scientific publications
where main research results of dissertations for the degree of Candidate
and Doctor of Science in specific scientific fields:
08.00.00 – economic science; 23.00.00 – politology; 22.00.00 – sociology*

№ 1

**Rostov-on-Don
2020**

**STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT.
SCHOLAR NOTES**

*Registration number ПИ № ФС 77 – 71827 from 08.12.2017 of Federal Service
for Supervision of communications, information technologies and mass media
(Roskomnadzor)*

*Founder – Federal state budget educational institution of higher education
«Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»*

The Editor in Chief IGNATOVA T.V.,
Doctor of Economic science, professor
Vice-Editor in Chief CHERKASOVA T.P.,
Doctor of Economic science, professor

Editorial Board:

Alexakis Christos, PhD, Professor, Business School Renne, France; *Eugene Nivorozhkin*, PhD, Associate Professor in Finance, School of Slavonic and East European Studies, University College, London, Great Britain; *Ford Lumban Gaol*, PhD, University Bina Nusantara, Jakarta, Indonesia; *Arthur V. Atanesyan*, Doctor of political science, Professor, head of the Department of applied sociology, faculty of sociology, Yerevan state University, Armenia; *Denis S. Ushakov*, PhD, Professor, Suan Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand);

Arsenieva V.A., Doctor of Economic science, docent; *Goloborodko A.Yu.*, Doctor of political Sciences, docent; *Zolocheskaja E.Yu.*, Doctor of Economic science, professor; *Kyle Ya.Ya.*, Doctor of Economics, docent; *Kislitsyn S.A.*, Doctor of Historic science, professor; *Kozlyuk N.V.*; Doctor of Economics, docent; *Kokin A.V.*, Doctor of Geological and Mineralogical science, professor; *Kryukova E.M.*, Doctor of Economics, professor; *Kolyadin A.P.*, Doctor of Economic science, professor; *Minaeva E.V.*, Doctor of Economic science, professor; *Ovakimyan M.A.*, Candidate of Economic science, docent; *Ovcharenko R.K.*, Doctor of Sociology, docent; *Peshkova E.P.*, Doctor of Economics, professor; *Ponedelkov A.V.*, Honorary Scientist of RF, Doctor of Political science, professor; *Popova E.A.*, Doctor of Political science, docent; *Skvortsov N.G.*, Doctor of sociological Sciences, professor; *Sologub V.A.*, Doctor of Sociology, professor; *Chernova O.A.*, Doctor of Economics, docent.

Address: 344002, Russia, Rostov-on-Don, st. Pushkinskaya, 70/54, room 216
Tel: 8-863-203-63-89,

e-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru
<http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ....	11
<i>А.В. Понеделков, Т.В. Игнатова, С.А. Воронцов, Т.П. Черкасова</i> РОЛЬ ВОСПРИЯТИЯ ИТОГОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В РАЗВИТИИ ГРАЖДАНСКОГО И ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ ВОЛГОГРАДСКОЙ И РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ.....	11
РУБРИКА НОМЕРА: УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛОМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ.....	18
<i>А.В. Баранов, О.В. Котлярова, Р.К. Овчаренко, А.В. Тагаев</i> ПОТЕНЦИАЛ СИСТЕМЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ.....	18
<i>С.В. Духновский</i> ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ПРИТЯЗАНИЙ	27
<i>Т.Б. Лаврова, А.Г. Полякова</i> РАЗВИТИЕ ЕДИНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВЫМ СОСТАВОМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	33
<i>В.В. Матвеев</i> ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ И ЕГО АДАПТАЦИЯ К УСЛОВИЯМ РОССИИ.....	41
<i>Р.К. Овчаренко, И.А. Лунева, М.А. Штепа</i> МОТИВАЦИЯ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ И РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ПО ДАННЫМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА)	50
ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ	55
<i>О.С. Белокрылова, Е.Д. Стрельцова</i> ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ В ЭКСПЕРТНОЙ СИСТЕМЕ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК НА ОСНОВЕ НЕЧЁТКОЙ ЛОГИКИ	55
<i>М.К. Бежанов, Е.Х. Бежанова, Р.В. Шагошев</i> ПРОГРАММНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ЭФФЕКТИВНОГО ФОРМИРОВАНИЯ ПОИСКОВЫХ МАЛЫХ ГРУПП ДЛЯ МЧС	64
<i>Н.А. Ершова, Н.В. Сергеева</i> ТЕХНОЛОГИИ ГАРМОНИЗАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ И ПРОЕКТИРОВАНИЯ ЦЕЛЕДОСТИЖЕНИЯ В УПРАВЛЕНИИ РЕГИОНАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ	70
<i>А.З. Зарян, Е.И. Павлова</i> СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД ПРИ ОКАЗАНИИ СЕРВИСНЫХ УСЛУГ НА ТРАНСПОРТЕ	76
<i>Е.В. Минаева, А.В. Аветисян</i> ЭЛЕКТРОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ – БЕЛАЯ КНИГА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ.....	80
<i>Г.В. Овчаренко, Н.Г. Ларкина, В.В. Некрасова</i> ИННОВАЦИОННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ КАК ИМПЕРАТИВ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ.....	84
<i>Ю.В. Пржедецкий, Н.В. Пржедецкая, В.В. Шевелева</i> МАРКЕТИНГ ОРГАНИЗАЦИЙ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ (НА ПРИМЕРЕ ОНКОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ).....	92
<i>Б.И. Хейфиц</i> УПРАВЛЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА: РЕНТНЫЙ ПОДХОД	96

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ	104
А.А. Адаменко, Т.Е. Хорольская, Д.В. Петров ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ТЕОРИИ ЭТНОЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ.....	104
Е.С. Айвазова, А.В. Кононенко, Е.Ф. Проскурина ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА	110
Н.С. Григорьева ПОВЫШЕНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ ГОСТИНИЧНОГО БИЗНЕСА РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ	115
П.В. Жуков СТИМУЛЫ И ПРЕПЯТСТВИЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА В ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЕ КОРПОРАЦИИ.....	121
Н.В. Капустина, Е.А. Ступникова, О.А. Оленина, М.М. Герасимов КЛАССИФИКАЦИЯ ФАКТОРОВ РИСКА ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ	126
А.В. Кокин, А.А. Кокин ПРИРОДОПОДОБНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И СБАЛАНСИРОВАННОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ.....	131
Ю.А. Мащенко СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА БЮДЖЕТНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	137
Э.Д. Рубинская ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СТРАН: МИРОВОЙ ОПЫТ ПРИВЛЕЧЕНИЯ	146
И.Т. Рустамова, Н.Н. оглы Рустамов СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СИСТЕМЕ ШКОЛА-ВУЗ НА РЫНКЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ	154
Т.П. Черкасова, И.А. Бандурина, Е.Л. Черкасов ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ БИЗНЕСА В КОНТЕКСТЕ БАНКОВСКОЙ ПОЛИТИКИ СОЗДАНИЯ ЦИФРОВЫХ ЭКОСИСТЕМ	160
М.Г. Шадиан, А.С. Писаренко ЭФФЕКТИВНЫЙ КОНТРОЛЬ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ.....	166
ПОЛИТОЛОГИЯ И ЭТНОПОЛИТИКА	172
Л.Л. Хоперская, Р.С. Голованов ЕВРАЗИЙСКАЯ СТРАТЕГИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО СОГЛАСИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЮГА РОССИИ).....	172
О.А. Артюхин, А.А. Крицкая, А.Ю. Цыплаков ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОНЯТИЮ «НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ».....	179
Ю.Е. Довгань, Е.А. Довгань, А.С. Геворгян ДОПИНГ КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕШЕНИЯ.....	184
Е.Н. Кондратенко, Д.К. Григорян, М.А. Погорелов АНАЛИЗ ИНФОРМАЦИОННОЙ КОНФРОНТАЦИИ МЕЖДУ РОССИЙСКИМИ И ЗАРУБЕЖНЫМИ СМИ И РОЛЬ ЛИДЕРСКО-ЭЛИТНОГО ФАКТОРА В ДАННОМ ПРОЦЕССЕ.....	188
М.С. Константинов, Р.А. Пупыкин СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ И ОЖИДАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ АНКЕТИРОВАННОГО ОПРОСА 2019 Г.).....	193
А.В. Макаров ГЕНЕЗИС И ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ И СИНГАПУРА).....	203
И.И. Rogov, Т.К. Фарапонова СИРИЙСКИЙ ФАКТОР В РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ.....	208
С.Л. Сергеева КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В КОНТЕКСТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	216

Е.А. Склярова ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ	220
А.В. Соболев ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОРЫ ПО ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ: ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА И ЕГО СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ	224
ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ	236
Н.Х. Гафиагулина КОГНИТИВНЫЙ МОДУС СТРУКТУРНОЙ АРХИТЕКТониКИ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ИНДИКАТОРЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ	236
А.М. Лилухин, Н.В. Баблюян, Д.С. Лебедева МЕДИАЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ	241
И.Е. Пономарев, В.И. Тютюнников МНОГОУРОВНЕВАЯ СИСТЕМА ОРГАНИЗАЦИИ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИХ ТЕХНОЛОГИЙ	246
А.В. Рачипа, С.В. Бурмистров, С.И. Самыгин ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ОРИЕНТАЦИИ РУКОВОДИТЕЛЯ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ	251
В.А. Сорокин, И.Е. Пономарев РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ФИЗКУЛЬТУРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПО ПРОЕКТИРОВАНИЮ ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТА ПО ФИЗИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ	256
М.М. Шахбанова, М.Б. Гимбатова, Р.И. Ремиханова СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИРОВАННОСТЬ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДАГЕСТАНА	261
СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ	268
М.А.Д. Аль-Гаррави БАНКОВСКИЙ КОНТРОЛЬ В СИСТЕМЕ ИСЛАМСКИХ ФИНАНСОВЫХ ИНСТИТУТОВ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В РОССИИ	268
Я.А.Х. Ал Саррай КОНТУРЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ КАРТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	274
Х.Р.К. Бадави ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ ПРОВАЛА РЕФОРМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО АППАРАТА В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ ЕГИПТА	280
А.А. Бобровнич АГРОПРОМЫШЛЕННАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК ОСНОВА ОПТИМИЗАЦИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	285
П.В. Гапонов ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ МУНИЦИПАЛЬНО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ	291
П.А. Горохова РОССИЙСКИЙ РЫНОК РЕКЛАМЫ: СОСТОЯНИЕ, СТРУКТУРА, ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	297
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ	303

CONTENTS

TOWARDS THE 75TH ANNIVERSARY OF VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR	1 1
<i>Ponedelkov Alexandr Vasilievich, Ignatova Tatiana Vladimirovna, Vorontsov Sergey Alexeevich, Cherkasova Tatiana Pavlovna</i>	
THE ROLE OF PERCEPTION OF THE GREAT PATRIOTIC WAR RESULTS IN THE DEVELOPMENT OF CITIZEN AND LABOR POTENCIAL OF STUDYING YOUTH OF VOLGOGRAD AND ROSTOV REGION	11
SPECIAL TOPIC OF ISSUE: MANAGEMENT OF PUBLIC SERVICE PERSONNEL	1 8
<i>Baranov Alexey Viktorovich, Kotlyarova Olga Vladimirovna, Ovcharenko Roman Konstantinovich, Tagayev Alexey Vasilyevich</i>	
POTENTIAL OF THE SYSTEM OF VOCATIONAL PROFESSIONAL EDUCATION FOR CIVIL SERVANTS.....	18
<i>Dukhnovsky Sergey Vitalyevich</i>	
PROFESSIONAL MOTIVATION OF CIVIL SERVANTS WITH DIFFERENT LEVELS OF CLAIMS	27
<i>Lavrova Tatyana Budaevna, Polyakova Aleksandra Grigoryevna</i>	
DEVELOPMENT OF THE UNIFIED INFORMATION SYSTEM FOR THE RUSSIAN FEDERATION CIVIL SERVICE HUMAN RESOURCES MANAGEMENT	33
<i>Matveev Vladimir Vladimirovich</i>	
FOREIGN EXPERIENCE OF PUBLIC SERVICE PERSONNEL MANAGEMENT AND ITS ADAPTATION TO RUSSIAN CONDITIONS	41
<i>Ovcharenko Roman Konstantinovich, Luneva Irina Aleksandrovna, Shtepa Maria Anatolyevna</i>	
MOTIVATION OF CIVIL SERVANTS AND THE EFFECTIVENESS OF THEIR PROFESSIONAL OFFICIAL ACTIVITIES (RESULTS OF SOCIOLOGICAL SURVEY)	50
PROBLEMS OF MANAGEMENT	5 5
<i>Belokrylova Olga Spiridonovna, Streltsova Elena Dmitrievna</i>	
ECONOMIC-MATHEMATICAL MODEL IN THE EXPERT SYSTEM OF QUALITY ASSESSMENT OF PUBLIC PROCUREMENT BASED ON FUZZY LOGIC	55
<i>Bezhanov Magomet Kafeyevich, Bezhanova Elena Khusinovna, Shkhagoshev Rustam Valentinovich</i>	
SOFTWARE IMPLEMENTATION OF THE PROCESS OF EFFECTIVE FORMATION OF SEARCH SMALL GROUPS FOR THE MINISTRY OF EMERGENCIES.....	64
<i>Ershova Natalia Anatolyevna, Sergeeva Nadezhda Vladimirovna</i>	
TECHNOLOGIES FOR HARMONIZATION OF STRATEGIC TARGETING AND DESIGN IN REGIONAL DEVELOPMENT MANAGEMENT	70
<i>Zaryan Asya Zazovna, Pavlova Elena Ivanovna</i>	
SYNERGETIC APPROACH IN THE PROVISION OF SERVICES-GOVERNMENTAL SERVICES TRANSPORTATION	76
<i>Minaeva Elena Vyacheslavovna, Avetisyan Anna Vladimirovna</i>	
ELECTRONIC DEMOCRACY – A WHITE BOOK OF STATE POLICY	80
<i>Ovcharenko Georgy Vasilyevich, Larkina Nataliya Georgievna, Nekrasova Victoria Vitalievna</i>	
INNOVATIVE TRANSFORMATIONS AS AN IMPERATIVE OF INDUSTRIAL POLICY IMPLEMENTATION.....	84
<i>Przhedetskiy Yury Valentinovich, Przhedetskaya Natalia Vitovna, Shevelyova Veronika Vladimirovna</i>	
MARKETING OF HEALTHCARE ORGANIZATIONS IN THE CONTEXT OF NATIONAL PROJECTS ON THE EXAMPLE OF CANCER SERVICE.....	92
<i>Heyfits Boris Igorevich</i>	
MANAGING THE INNOVATIVE POTENTIAL OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX: A RENT-BASED APPROACH	96
PROBLEMS OF ECONOMICS	1 0 4
<i>Adamenko Alexander Alexandrovich, Khorolskaya Tatyana Evgenievna, Petrov Denis Vadimovich</i>	
PREREQUISITES OF EMERGENTIVENESS AND RELEVANCY OF THE THEORY OF ETHNOECONOMICS IN THE CONTEXT OF NEW ECONOMIC REALITY	104
<i>Aivazova Elena Sergeevna, Kononenko Alexey Valentinovich, Proskurina Elena Fedorovna</i>	
ECONOMIC RELATIONS IN THE FIELD OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS	110

Grigoryeva Natalia Stanislavovna INCREASING COMPETITIVENESS OF HOTEL BUSINESSES OF ROSTOV REGION.....	115
Zhukov Pavel Vladimirovich INCENTIVES AND OBSTACLES TO ATTRACTING FOREIGN CAPITAL IN TRANSNATIONAL TRADE AND INDUSTRIAL CORPORATIONS.....	121
Kapustina Nadezhda Valerievna, Stupnikova Elena Anatolievna, Olenina Olga Anatolievna, Gerasimov Mikhail Mikhailovich CLASSIFICATION OF RISK FACTORS FOR INVESTMENT PROJECTS FOR THE DEVELOPMENT OF TRANSPORT INFRASTRUCTURE.....	126
Kokin Alexander Vasilyevich, Kokin Alexander Aleksandrovich NATURE-LIKE TECHNOLOGIES AND BALANCED NATURE MANAGEMENT IN THE MODERN ECONOMY.....	131
Mashchenko Yulia Aleksandrovna IMPROVEMENT OF THE BUDGETARY FINANCING` MECHANISM OF THE SOCIAL SPHERE IN THE RUSSIAN FEDERATION	137
Rubinskaya Eteri Devisovna HIGHLY SKILLED PROFESSIONALS AS A KEY FACTOR IN THE COMPETITIVENESS OF COUNTRIES: INTERNATIONAL EXPERIENCE OF ATTRACTION.....	146
Rustamova Irada Talyatovna, Rustamov Navai Navai ogly CURRENT STATUS AND TRENDS OF FORMATION OF THE MECHANISM OF INTERACTIONS IN THE SYSTEM OF SCHOOL-UNIVERSITY ON THE MARKET OF EDUCATIONAL SERVICES.....	154
Cherkasova Tatiana Pavlovna, Bandurina Irina Alekseevna, Cherkasov Evgeniy Leonidovich INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF BUSINESS IN THE CONTEXT OF BANKING POLICY OF CREATING DIGITAL ECOSYSTEMS.....	160
Shadiyan Makar Garibovich, Pisarenko Anastasia Sergeevna EFFECTIVE CONTROL AS A PREREQUISITE FOR INCREASING THE INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF THE ENTERPRISE	166
POLITOLOGY AND ETHNOPOLITICS	172
Khoperskaya Larisa Lvovna, Golovanov Roman Sergeevich EURASIAN INTER-ETHNIC CONSENT STRATEGY (BASED ON MATERIALS FROM THE STATES OF CENTRAL ASIA AND THE SOUTH OF RUSSIA).....	172
Artyukhin Oleg Aleksandrovich, Kritskaya Anna Aleksandrovna, Tsyplakov Alexander Yuryevich GEOPOLITICAL APPROACHES TO NATIONAL INTERESTS.....	179
Dovgan Yuliya Evgenevna, Dovgan Evgeny Aleksandrovich, Gevorgyan Ashkhen Sergeevna DOPING AS A SOCIAL AND POLITICAL PROBLEM IN THE MODERN WORLD: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE.....	184
Kondratenko Evgenia Nikolaevna, Grigoryan David Kromvelovich, Pogorelov Mikhail Aleksandrovich ANALYSIS OF INFORMATION CONFRONTATION BETWEEN RUSSIAN AND FOREIGN MEDIA AND THE ROLE OF THE LEADER-ELITE FACTOR IN THIS PROCESS	188
Konstantinov Mikhail Sergeevich, Pupykin Roman Aleksandrovich SOCIAL AND POLITICAL GUIDANCE AND EXPECTATIONS OF THE STUDENTS OF ROSTOV REGION (BASED ON THE 2019 QUESTIONNAIRE)	193
Makarov Aleksey Vladimirovich GENESIS AND FEATURES OF THE PROCESS OF FORMATION OF THE EDUCATIONAL SPACE OF THE NATIONAL STATE (ON THE EXAMPLE OF CHINA AND SINGAPORE).....	203
Rogov Ilya Igorevich, Faraponova Tatyana Konstantinovna SYRIAN FACTOR IN RUSSIAN-TURKISH RELATIONS.....	208
Sergeeva Svetlana Leonidovna CONCEPTUAL CONDITIONS FOR THE DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF MUNICIPAL-PRIVATE PARTNERSHIPS IN THE CONTEXT OF THE ACTIVITIES OF INDIVIDUAL POLITICAL PARTIES OF MODERN RUSSIA.....	216
Sklyarova Elena Alekseevna ORIGINS OF FORMATION OF WESTERN EUROPEAN POLITICAL ELITE.....	220
Sobolev Alexandr Viktorovich VICE-GOVERNORS FOR INTERNAL POLICY: THE EVOLUTION OF THE INSTITUTE AND ITS CURRENT STATUS	224

SOCIOLOGY PROBLEMS	236
<i>Gafiatulina Natalya Halilovna</i>	
COGNITIVE MODUS OF STRUCTURAL ARCHITECTONICS OF SOCIAL HEALTH OF STUDENT YOUTH: INDICATORS OF SOCIOLOGICAL MEASUREMENT	236
<i>Lilyukhin Andrey Mikhailovich, Babloyan Natalia Valerievna, Lebedeva Diana Semenovna</i>	
MEDIALOGICAL FACTORS OF OCCURRENCE OF ADDICTIVE BEHAVIOR IN THE YOUTH ENVIRONMENT	241
<i>Ponomarev Igor Evgenyevich, Tyutyunnikov Viktor Ivanovich</i>	
MULTILEVEL SYSTEM FOR ORGANIZING THE PHYSICAL EDUCATION OF YOUTH IN THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION OF HEALTH-SAVING TECHNOLOGIES	246
<i>Rachipa Andrey Valeryevich, Burmistrov Sergey Vladimirovich, Samygin Sergey Ivanovich</i>	
VALUE AND SENSE GUIDANCE OF THE HEAD AS A FACTOR OF IMPROVING THE QUALITY OF MANAGEMENT OF EDUCATIONAL ORGANIZATION.....	251
<i>Sorokin Vladimir Alekseevich, Ponomarev Igor Evgenyevich</i>	
DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL-PHYSICAL CULTURE COMPETENCIES FOR DESIGNING HEALTH TECHNOLOGIES IN THE SYSTEM OF TRAINING A SPECIALIST FOR PHYSICAL EDUCATION.....	256
<i>Shakhbanova Madina Magomedkamilovna, Gimbatova Madina Bagavutdinovna, Remikhanova Ramila Idrisovna</i>	
SOCIAL DISTANCE IN THE CITY SPACE OF DAGESTAN	261
YOUNG SCIENTISTS	268
<i>Al-Garravi Mohammed Abdulvahid Jayas</i>	
BANKING CONTROL IN THE SYSTEM OF ISLAMIC FINANCIAL INSTITUTIONS: USE IN RUSSIA.....	268
<i>Al Sarraail Yasir Ali Haddad</i>	
THE INSTITUTIONAL CONTOURS OF THE POLITICAL TRANSFORMATION IN MODERN RUSSIA.....	274
<i>Badawi Khaled Refat Kemaleldin</i>	
THE MAIN REASONS OF THE ADMINISTRATIVE REFORM FAILURE IN THE CONTEXT OF NATIONAL DEVELOPMENT PROGRAM IN EGYPT.....	280
<i>Bobrovnich Alexander Alexandrovich</i>	
AGRICULTURAL INTEGRATION AS THE BASIS OF OPTIMIZATION OF THE INSTITUTIONAL-ECONOMIC SYSTEM OF THE AGRICULTURAL COMPLEX: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECT	285
<i>Gaponov Petr Vladimirovich</i>	
FEATURES OF PUBLIC POLICY IN THE FIELD OF MUNICIPAL AND PRIVATE PARTNERSHIP IN MODERN RUSSIA: PERSPECTIVE DIRECTIONS OF DEVELOPMENT	291
<i>Gorokhova Polina Andreevna</i>	
RUSSIAN ADVERTISING MARKET: STATE, STRUCTURE, TRENDS AND DEVELOPMENT PROSPECTS.....	297
REQUIREMENTS TO REGISTRATION OF ARTICLES	303

К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

УДК 321.2

DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-1-11-17

РОЛЬ ВОСПРИЯТИЯ ИТОГОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В РАЗВИТИИ ГРАЖДАНСКОГО И ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ ВОЛГОГРАДСКОЙ И РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ

**Понеделков
Александр
Васильевич**

доктор политических наук, профессор, зав. лабораторией проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).
E-mail: ponedelkov@uriu.ranepa.ru

**Игнатова
Татьяна
Владимировна**

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономической теории и предпринимательства, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).
E-mail: ectheory@uriu.ranepa.ru

**Воронцов
Сергей
Алексеевич**

доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: raven_serg@mail.ru

**Черкасова
Татьяна
Павловна**

доктор экономических наук, профессор, декан факультета политологии, профессор кафедры экономической теории и предпринимательства, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).
E-mail: tpch@mail.ru

Аннотация

В статье изучается специфика существующих в среде российской молодежи взглядов на итоги Великой Отечественной войны в контексте задач патриотического воспитания учащейся молодежи. Рассматриваются источники информации, используемые школьниками и студентами Ростовской и Волгоградской областей, об итогах Великой Отечественной войны. Анализ молодежных взглядов проводится с учетом современных вызовов и необходимости сохранения исторической памяти народа. Статья подготовлена на основании эмпирической информации межрегионального социологического исследования.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, молодежь, историческая память, гражданская зрелость, трудовой потенциал, Волгоградская область, Ростовская область, социологический опрос, патриотическое воспитание.

Навстречу великой дате – 75-летию со Дня Победы в Великой Отечественной войне в Южно-Российском институте – филиале РАНХиГС проведена Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Восприятие итогов Великой Отечественной войны в молодежной среде современной России» (28 – 29 февраля 2020 г., г. Ростов-на-Дону). В декабре 2019 – январе 2020 гг. в рамках подготовки к данной конференции лабораторией проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС (г. Ростов-на-Дону) и Ростовским региональным общественным советом проекта «Историческая память» проведено социологическое исследование [1] в форме опроса молодежи в 10 субъектах Российской Федерации: в г. Москве, в Ростовской, Волгоградской, Свердловской,

Челябинской, Тульской областях, в Ставропольском крае, в республиках Карелии, Коми, Северной Осетии–Алании.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что историческая память является значимым ресурсом национальной безопасности, которая представляет собой «способность страны сохранять территориальную целостность, суверенность, политические, экономические, социальные и другие основы общества, выступать в качестве самостоятельного субъекта системы международных отношений» [2]. Социологический опрос показал, что более двух третей молодых людей расценивают Великую Отечественную войну, как войну за существование нашей Родины, за свободу и демократию во всем мире. Более 80 % молодых людей считают, что знание истинных фактов и результатов Великой Отечественной войны необходимо для современной молодежи. И лишь 4 % считают, что позитивного эффекта от подобных знаний нет, «что было, то прошло».

Около двух третей участников опроса считают, что гордость за свою страну и любовь к Родине являются результатом воспитания. Великая Отечественная война ушла в историю, но сражение за историческую память об этой войне продолжается. Для профессоров и преподавателей вузов старшего поколения характерно следующая оценка попыток фальсификации истории Великой отечественной войны: «Для нас, родившихся во второй половине XX века, изучавших эти исторические события под руководством тех, кто принимал в них участие или был непосредственным свидетелем этих событий, подобных вопросов не существовало, а попытки политиков, журналистов, кинорежиссеров, а также последышей власовцев, бандеровцев, лесных братьев, басмачей и прочей нечисти исказить историю воспринимались не иначе: караван идет – собака лает. Мы были убеждены, что нельзя исказить то, что существует объективно, что запечатлено в исторических документах, книгах, воспоминаниях, фильмах» [3].

Президент России В. Путин в Обращении к Федеральному Собранию Российской Федерации с ежегодным Посланием 15 января 2020 г. призвал «защитить правду о победе, это наш долг, как страны-победительницы и ответственность перед будущими поколениями».

В статье представлены некоторые итоги анализа результатов социологического опроса, проведенного в двух субъектах Федерации Южного федерального округа. В ноябре 2019 – январе 2020 г. в Ростовской области опрошено 1265 респондентов, в Волгоградской области - 306. Формулировки вопросов и варианты ответов изложены в редакции, предложенной респондентам. Данные приведены в процентах от реального количества ответов [1].

Ответы на первый вопрос и их распределение (табл. 1) показывает, что молодежь в большинстве своем является хранителем исторической памяти, при этом около 30 процентов считает Великую отечественную войну самым главным событием XX века для россиян и жителей бывших республик СССР. Заслуживает внимания палитра собственных формулировок ответа, которая отражает антивоенные настроения и называет войну страшным событием в истории наших предков, которое не должно повториться, трагедией для мировой цивилизации, событием, из которого молодое поколение должно вынести урок, памятью, которая вызывает чувство гордости.

Насущный личный интерес в изучении событий Великой Отечественной войны проявляют 89,35 % респондентов в Ростовской области и 83,88 % – в Волгоградской области. Возможно, меньший процент интересующихся при значительной группе (15,25 %) ответивших «Нет, не интересуюсь» обусловлен половозрастной структурой респондентов (табл. 2-4).

Таблица 1

**Ответы респондентов на вопрос 1:
«Что для Вас значит Великая Отечественная война?» (%)**

Варианты ответа	Ростовская область	Волгоградская область
1.1 Событие, которое во многом определило современную расстановку сил мирового сообщества.	30,41	31,21
1.2 Самое главное событие XX века для россиян и жителей бывших республик СССР.	28,04	29,25
1.3 Огромный жизненный и нравственный урок будущим поколениям.	30,57	25,16
1.4 Это история нашей семьи.	5,58	5,56
1.5 Для меня ВОВ – далёкое прошлое, события военной поры сейчас не актуальны.	3,61	7,84

Продолжение табл. 1

1.6 Другое: ✓ отражение героизма наших соотечественников, пример самопожертвования, патриотизма и силы; ✓ это подвиг народа, время испытаний и множества смертей, нарушение экономики; ✓ великая война с фашизмом, насилием, геноцидом; ✓ страшное событие в истории наших предков, которое не должно повториться; ✓ то, что люди властные и жестокие, и лишь немногим получается обрести мир и себя; ✓ значит, что проигравшая Германия сейчас занимает вторую строчку в лучших экономиках стран мира, а выигравшая Россия и бывшие республики на стадии "развивающихся стран"; ✓ это очень горький опыт, о котором не стоит забывать. Наша история, которую нельзя переиначить; ✓ самая страшная трагедия, когда-либо случавшаяся с народами; ✓ событие, которое коснулось в той или иной мере каждой семьи. Событие, которое показало мужество и непобедимость русского народа; ✓ трагедия для мировой цивилизации; ✓ одно из страшных событий XX в., определившее дальнейшую жизнь большинства стран мира; ✓ зримое превосходство социализма перед капитализмом; ✓ всё перечисленное; ✓ событие, которое не потеряет свою актуальность никогда; ✓ слишком много времени люди этому посвящают; ✓ одна из самых крупнейших войн; ✓ для меня ВОВ – это память, которая вызывает чувство гордости; ✓ страшнейшее событие, в котором наши предки сражались за нашу жизнь; ✓ самое главное в жизни, история нашей страны, которую надо беречь; ✓ ужасное событие, которое нельзя допускать в будущем; ✓ страшнейшее событие, молодое поколение должно вынести урок и др.	1,47	0,00
1.7 Затрудняюсь ответить	0,32	0,98

Таблица 2

Ответы респондентов на вопрос 26: «Ваш пол» (%)

Варианты ответа	Ростовская область	Волгоградская область
26.1 Мужской.	40,92	55,23
26.2 Женский.	59,08	44,77

Таблица 3

Ответы респондентов на вопрос 27: «Укажите Ваш возраст» (%)

Варианты ответа	Ростовская область	Волгоградская область
27.1 16-18	53,03	51,96
27.2 19-20	28,98	22,55
27.3 21-22	12,59	22,22
27.4 23-25	2,42	3,27
27.5 26-30	2,98	0,00

Таблица 4

Ответы респондентов на вопрос 28: «Профиль вашего образования» (%)

Варианты ответа	Ростовская область	Волгоградская область
28.1 Обучаюсь в общеобразовательной организации (школа).	27,40	49,67
28.2 Обучаюсь в профессионально-техническом учебном заведении гуманитарного профиля.	4,87	0,00
28.3 Обучаюсь в профессионально-техническом учебном заведении технического или естественнонаучного профиля.	3,36	3,60
28.4 Обучаюсь в высшем учебном заведении по специальности технического или естественнонаучного профиля.	9,77	19,93
28.5 Обучаюсь в высшем учебном заведении по специальности гуманитарного профиля.	54,60	26,80

В Волгоградской области отвечали преимущественно школьники, в Ростовской области – студенты. Однако, волгоградские студенты-респонденты в среднем старше, их было в 2 раза больше в группе 21-22 года, и судя по данному возрастному срезу респондентов, это были студенты первого-второго курсов ростовских вузов и старшекурсники волгоградских вузов. Более высокий удельный вес студентов среди опрошенных, на наш взгляд, объясняет большую заинтересованность событиями Великой Отечественной войны в Ростовской области, а также распределение ответов на вопрос об источниках информации об этих событиях (табл. 5).

Таблица 5

Ответы респондентов на вопрос 2: «Интересуетесь ли Вы лично событиями Великой Отечественной войны?» (%)

Варианты ответа	Ростовская область	Волгоградская область
2.1 Да, интересуюсь.	42,66	35,84
2.2 Отчасти интересуюсь.	46,69	48,04
2.3 Нет, не интересуюсь.	6,93	15,25
2.4 Другое: ✓ Да, но понимаю, что этого недостаточно.	1,32	0,33
2.5 Затрудняюсь ответить	2,4	0,54

Учитывая, что респонденты могли выбрать до пяти вариантов ответов об источниках информации (табл. 6), а также дать и свой вариант, при анализе распределения и удельных весов вариантов ответов, можно сделать вывод, что количество вариантов ответов в среднем по респонденту в Волгоградской области составляло две трети от количества ответов в Ростове, т.е. Волгоградская молодежь указывала меньшее число источников. При этом удельный вес упоминаний интернет-источников, соцсетей и компьютерных игр существенно выше, чем в Ростовской области, что возможно объясняется статусом школьников и соответствующим возрастом большинства респондентов и ограничениями по их самостоятельному пользованию инфраструктурой массового досуга (кинотеатры, музеи, мемориальные комплексы).

Таблица 6

Ответы респондентов на вопрос 3: «Из каких источников Вы узнаете о событиях Великой Отечественной войны? (разрешалось выбрать не более 5-ти вариантов)» (%)

Варианты ответа	Ростовская область	Волгоградская область
3.1 Школьного и университетского курсов отечественной и зарубежной истории.	75,73	60,46
3.2 Популярных курсов по телевидению и в интернете.	30,99	32,68
3.3 Дискуссий в социальных сетях.	17,55	22,88
3.4 Сюжетов компьютерных игр.	15,81	23,20
3.5 Художественных фильмов.	53,60	37,25
3.6 Документальных фильмов.	67,27	41,50
3.7 В результате посещения музеев и мемориальных комплексов.	46,01	30,39
3.8 Семейных историй.	40,00	27,12
3.9 В процессе общения с друзьями.	9,96	13,07
3.10 В результате участия в общественных тематических мероприятиях	15,97	10,13
3.11 Другое: ✓ от семьи; ✓ благодаря мультимедийному историческому парку "Россия – моя история"; ✓ статьи в интернете, книги, мемуары; ✓ история ВОВ в томах, СССР издание; ✓ исторических исследований.	0,40	0,00

Тот факт, что значительная часть молодых людей формирует своё представление о Великой Отечественной войне, базируясь на фильмах, подтверждает тезис о том, что восприятие информации современной молодежью слайдовое, нежели текстуальное [4]. Следующие ранговые позиции заняли посещения музеев и мемориальных комплексов и семейные истории. А вот мультимедийный исторический парк "Россия – моя история" в г. Ростове-на-Дону как источник информации

о событиях Великой Отечественной войны указали всего 0,40% молодых людей, что свидетельствует о необходимости активизации работы на данном направлении.

Вместе с тем, технологически-ориентированное распределение используемых источников может объясняться и большим удельным весом лиц мужского пола, а также жителей крупного города среди респондентов Волгоградской области.

Анализ ответов на вопрос об ассоциативном ряде мыслей при раздумьях о великой Отечественной войне (табл. 7) показывает, что и в этом случае респонденты Ростовской области использовали в среднем на треть больше вариантов ответов, при этом подчеркивая роль личностного фактора – сверстников, тружеников тыла, партизан, жертв фашистского плена. Волгоградские респонденты сконцентрированы в основном на Великой Победе – победе над фашизмом в целом (самый массовый ответ – 44,77 %), а ростовские респонденты – на героизме военных лет, что также, на наш взгляд, свидетельствует о более глубоком личностном восприятии итогов военных лет.

Таблица 7

Ответы респондентов на вопрос 8: «О ком или о чём Вы думаете, когда слышите о Великой Отечественной войне? (разрешалось выбрать не более 3-х вариантов) (%)»

Варианты ответа	Ростовская область	Волгоградская область
8.1 О судьбах фронтовиков.	36,84	39,87
8.2 О победе над фашизмом в целом.	40,95	44,77
8.3 О героических событиях военных лет.	51,15	42,16
8.4 О тех, кто переносил лишения в тылу и трудился на Победу.	31,70	22,22
8.5 О тех, кто оказался в фашистском плену.	28,46	18,30
8.6 О тех, кто жил на территории, оккупированной фашистами.	15,18	8,50
8.7 О сверстниках, воевавших на фронтах войны, в партизанских отрядах, трудившихся в тылу.	27,51	24,18
8.8 О том, что было бы со страной и освобождёнными Красной Армией от фашистов странами, если бы мы не победили.	21,19	20,26
8.9 Ни о чём особом не думаю.	2,13	6,54
8.10 Другое: ✓ Об огромной ошибке 20 века. ✓ Выгода власти. ✓ О родственниках, которые были частью ВОВ, и об их жизни во время войны и после.	0,71	0,33
8.11 Затрудняюсь ответить	0,32	0,98

Таблица 8

Ответы респондентов на вопрос 20: «Каковы главные итоги Второй мировой войны? (разрешалось выбрать не более 3-х вариантов)» (%)»

Варианты ответа	Ростовская область	Волгоградская область
20.1 Победа над фашизмом.	55,60	65,36
20.2 Рост международного авторитета СССР.	14,08	25,82
20.3 Рост международного авторитета США.	3,95	5,88
20.4 Создание системы международной безопасности.	6,51	13,40
20.5 Создание ООН.	7,62	10,78
20.6 Восстановление национальной независимости и суверенности стран Европы.	6,83	15,36
20.7 Создание ядерного оружия.	3,98	9,15
20.8 Другое:	0,40	0,00
20.9 Затрудняюсь ответить	1,03	1,96

При выборе вариантов ответа о главных итогах Второй мировой войны волгоградские респонденты дали большее количество ответов, причем последовательно на первое место для обоих регионов на первое место вышла Победа над фашизмом. Анализ ответов на вопрос 20 показал, что для молодежи важна современная расстановка сил мирового сообщества, актуально создание систем международной безопасности [5-6], восстановлении национальной независимости и суверен-

ности стран Европы. Рост международного авторитета СССР молодыми гражданами отмечается в пять раз чаще, чем рост международного авторитета США. Этому во многом способствуют различные формы воспитательной работы, литературные образцы, семейная память и реликвии [7].

Большая часть респондентов проведенного опроса во всех субъектах РФ полагает, что следует проводить общественные мероприятия, связанные с памятными датами Великой Отечественной войны: патриотические фильмы с захватывающим сюжетом; интерактивные выставки с интересными фактами и анимацией; благотворительные акции, совместная реальная помощь ветеранам и пожилым людям, посещения домов престарелых; театральные постановки и музыкальные концерты «Песни Войны», и, безусловно, проведение Парада Победы 9 мая в г. Москве и других городах страны.

В целом, итоги опроса показывают, что учащаяся молодежь Волгоградской и Ростовской областей обладает достаточно высоким уровнем гражданской зрелости, проявляет восприятие методов патриотического воспитания, представляет собой совокупность потенциальных кадров для успешной реализации внешней и внутренней государственной политики России, является основой безопасности государства и общества.

На основе результатов социологического опроса можно утверждать, что современная российская молодежь в своем большинстве осознает значение Победы СССР над фашистской Германией в Великой Отечественной войне для нашей страны и народов других стран, освобожденных Советской армией. Критически относится к попыткам представителей политического руководства ряда государств переписать историю в угоду своим геополитическим амбициям [1, с. 18-19].

Проведенное исследование ориентировано не только на выяснение отношения учащейся молодежи к итогам Великой Отечественной войны, но и на разработку рекомендаций по дальнейшему военно-патриотическому и трудовому воспитанию студентов на примерах подвигов воинов и тружеников тыла. В русле логики развития гражданского потенциала молодежного сегмента населения российских регионов в этнополитическом контексте Юга России, о чем говорилось на предыдущих конференциях в ЮРИУ РАНХиГС [8], мероприятия навстречу 75-летию Победы в Великой Отечественной войне позволят привлечь и заинтересовать молодежь. Проведенное исследование показывает существование абсолютно четко понимаемого респондентами запроса на историческую память, патриотизм, гордость Отчизной, примеры отважных действий конкретных героев-защитников Отечества, что является основой для укрепления национальной безопасности нашего Отечества, путем обращения к лучшим качествам народа как гаранта целостности и стабильности Российского государства.

Литература

1. Восприятие итогов Великой Отечественной войны в молодежной среде современной России. Информационно-аналитические материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 28-29 февраля 2020 г. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2020. 160 с.
2. Воронцов С.А. О необходимости совершенствования государственной политики и управления в сфере безопасности // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2013. Т. 6. № 4 (30). С. 6 – 18.
3. Воронцов С.А., Понеделков А.В. Забытая Великая война: взгляд сквозь столетие (рецензия на книгу Россия в Великой войне 1914 – 1918 годов. Образы и тексты) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 4 (59). С. 92 – 94.
4. Воронцов С.А., Штейнбух А.Г. О необходимости совершенствования подходов к обеспечению национальной безопасности России в информационной сфере // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 9 (64). С. 100 – 108.
5. Аверин А.В., Игнатова Т.В., Кюрджиев С.П., Шхагошев Р.В. Методология и институциональные рамки обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 7 (110). С. 128 – 131.
6. Аверин А.В., Игнатова Т.В., Понеделков А.В., Голобородько А.Ю. Национальная безопасность Российской Федерации в условиях введения санкций // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 8 (111). С. 134 – 137.
7. Отечество в Великой войне 1941–1945 годов. Образы и тексты / Под общ. ред. А.К. Сорокина, А.Ю. Шутова; авт.-сост. К.М. Андерсон, З.Н. Вишнякова, Е.М. Мягкова, С.В. Перевезенцев, А.В. Репников, А.А. Ширинянц, А.Ю. Шутов. – М.: Политическая энциклопедия. 2015. – 279 с. : ил.
8. Аствацатурова М.А., Воронцов С.А., Понеделков А.В., Игнатова Т.В. Упрочение гражданского единства в этнополитическом контексте Юга России экспертные оценки (политико-управленческие идеи и экспертное мнение) // Власть. 2018. № 7. С. 17 – 23.

Ponedelkov Alexandr Vasilievich, Doctor of Political Science, Professor, Head of Cathedra of Politology and Ethnopolitics, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Ignatova Tatiana Vladimirovna, Doctor of Economic Science, Professor, Head of Cathedra of Economic Theory and Entrepreneurship, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: ectheory@uriu.ranepa.ru

Vorontsov Sergey Alexeevich, Doctor of Legal Science, Professor of Cathedra of Process Law, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: raven_serg@mail.ru

Cherkasova Tatiana Pavlovna, Doctor of Economic Science, Professor, Dean of Politology Department, Professor of Cathedra of Economic Theory and Entrepreneurship, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: tpch@mail.ru

THE ROLE OF PERCEPTION OF THE GREAT PATRIOTIC WAR RESULTS IN THE DEVELOPMENT OF CITIZEN AND LABOR POTENCIAL OF STUDYING YOUTH OF VOLGOGRAD AND ROSTOV REGION

Abstract

The article examines the specifics of the existing views of young people on the results of Great patriotic war within the context of the tasks of the patriotic learning of the youth. The sources of information used by schoolchildren and students are considered. The analysis of the views of young people is carried out taking into account modern challenges and the necessity of preserving the historical memory of the people. The article was prepared on the basis of empirical information of interregional sociological research.

Keywords: Great patriotic war, youth, historical memory, citizen maturity, labor potential, Volgograd region, Rostov region, sociological survey, patriotic education.

References

1. Vospriyatie itogov Velikoj Otechestvennoj vojny v molodezhnoj srede sovremennoj Rossii. Informacionno-analiticheskie materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem 28-29 fevralya 2020 g. Rostov n/D.: Izd-vo YURIU RANHiGS, 2020. 160 p.
2. Voroncov S.A. O neobходимosti sovershenstvovaniya gosudarstvennoj politiki i upravleniya v sfere bezopasnosti // Problemnyj analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie. 2013. T. 6. № 4 (30). P. 6 – 18.
3. Voroncov S.A., Ponedelkov A.V. Zabytaya Velikaya vojna: vzglyad skvoz' stoletie (recenziya na knigu Rossiya v Velikoj vojne 1914 – 1918 godov. Obrazy i teksty) // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2015. № 4 (59). P. 92 – 94.
4. Voroncov S.A., SHtejnjuh A.G. O neobходимosti sovershenstvovaniya podhodov k obespecheniyu nacional'noj bezopasnosti Rossii v informacionnoj sfere // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2015. № 9 (64). P. 100 – 108.
5. Averin A.V., Ignatova T.V., Kyurdzhiev S.P., SHkhagoshev R.V. Metodologiya i institucional'nye ramki obespecheniya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2019. № 7 (110). P. 128 – 131.
6. Averin A.V., Ignatova T.V., Ponedelkov A.V., Goloborod'ko A.YU. Nacional'naya bezopasnost' Rossijskoj Federacii v usloviyah vvedeniya sankcij // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2019. № 8 (111). P. 134 – 137.
7. Otechestvo v Velikoj vojne 1941–1945 godov. Obrazy i teksty / Pod obshch. red. A.K. Sorokina, A.YU. SHutova; avt.-sost. K.M. Anderson, Z.N. Vishnyakova, E.M. Myagkova, S.V. Perevezencev, A.V. Repnikov, A.A. SHirinyanc, A.YU. SHutov. – M.: Politicheskaya enciklopediya. 2015. – 279 p. : il.
8. Astvacaturova M.A., Voroncov S.A., Ponedelkov A.V., Ignatova T.V. Uprochenie grazhdanskogo edinstva v etnopoliticheskom kontekste YUga Rossii ekspertnye ocenki (politiko-upravlencheskie idei i ekspertnoe mnenie) // Vlast'. 2018. № 7. P. 17 – 23.

РУБРИКА НОМЕРА: УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛОМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

УДК 35.08

DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-1-18-26

ПОТЕНЦИАЛ СИСТЕМЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ

Баранов Алексей Викторович	зам. директора, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: bav.skags@gmail.com
Котлярова Ольга Владимировна	кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (600017, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 59А). E-mail: olya-apriori@yandex.ru
Овчаренко Роман Константинович	доктор социологических наук, доцент, зав. кафедрой социологии, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: alfa999@inbox.ru
Тагаев Алексей Васильевич	кандидат экономических наук, директор инновационно-технологического центра, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: alvasta13@yandex.ru

Аннотация

По мнению авторского коллектива, система дополнительного профессионального образования для органов власти имеет реальные перспективы, для реализации которых особо значимым является непрерывное сотрудничество самих государственных и муниципальных служащих, заинтересованных в получении дополнительного профессионального образования, а также их руководителей и представителей образовательных организаций. Представленная статья основана на межрегиональном исследовании, в том числе, на результатах опроса, в котором приняли участие 776 государственных служащих Ростовской области. Результатом социологических опросов стало выявление образовательных потребностей государственных и муниципальных служащих, что позволило авторам определить кластер аспектов, совершенствующих систему профессионального развития служащих с точки зрения сотрудничества образовательной организации и заказчика. В статье представлен анализ актуальных изменений законодательства Российской Федерации по вопросу профессионального развития государственных и муниципальных служащих, а также присутствует обзор исследовательских направлений по обсуждаемой теме.

Ключевые слова: профессиональное развитие, образовательная потребность, дополнительное профессиональное образование, государственные гражданские служащие, муниципальные служащие, управленческие кадры, дополнительные профессиональные программы, повышение квалификации, образовательные организации.

Актуальность нехватки квалифицированных кадров в системе государственного и муниципального управления не подвергается сомнению. Исследователи особое внимание уделяют созданию компетентностной модели, определяющей приоритетные характеристики государственных и муниципальных служащих. Сложность заключается не только в налаживании процесса подготовки новых востребованных кадров, но и в лабильности и адаптивности работающих представителей властных структур к новым компетентностным задачам.

Согласимся с мнением ректора Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации Владимира Мау: «Построение процесса обучения на государственной службе надо менять, переходя от традиционного «начитывания» лекций к практико-ориентированному развитию навыков и компетенций госслужащих, включая формирование навыков проектного управления и обеспечения цифровой трансформации органов власти» [www.ng.ru].

По нашему мнению, своевременное изменение парадигмы профессионального развития государственных и муниципальных служащих, регламентируется не только на законодательном, но и на субъектно-личностном уровне, зависит от мотивации самих представителей власти и реализуется посредством взаимодействия ведущих образовательных организаций страны и структурных подразделений государственной и муниципальной службы.

Отметим, что востребованным практико-исследовательским направлением является изучение вопроса подготовки кадров государственного управления.

Так, наиболее значимыми кажутся исследования системных проблем развития управленческих кадров в сфере государственной и муниципальной службы, которые подразумевают анализ 1) недостаточной мотивации представителей властных структур к профессиональному развитию, 2) разумного материального поощрения государственных гражданских служащих, 3) грамотной экономии временных ресурсов, 4) профессиональной занятости служащих; 5) объективной и систематической оценки кадрового потенциала служащих и мн. др. В этой связи интересны работы О.Ю. Герасимова, Ю.В. Бурцева [1]; А.К. Терехова [2].

Другое направления посвящено изучению социальных, учебно-методологических, политических, психологических и других инструментов управления профессиональным развитием государственных служащих. См., например, работы И.Е. Романько [3], Д.С. Саралиновой [4], Н.Д. Стрекаловой, Г.И. Роговой [5].

Исследование основного аспекта профессионального развития управленческих кадров подразумевает совершенствование системы дополнительного профессионального образования государственных служащих, в том числе, разработку и внедрение качественных и востребованных образовательных контентов, направленных на совершенствование профессиональных компетенций современных служащих. См. работы Е.П. Думанской, А.В. Федотовой [6]; О.В. Котляровой [7]; М.Г. Шукюровой, М.У. Баширова, А.А. Бижева [8].

Последние актуальные изменения российского законодательства в сфере государственной службы направлены, в том числе, на совершенствование системы профессионального развития государственных и муниципальных служащих. Так, в соответствии с последней редакцией Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» № 79-ФЗ от 07.07.2014 г. «профессиональное развитие гражданского служащего направлено на поддержание и повышение гражданским служащим уровня квалификации, необходимого для надлежащего исполнения должностных обязанностей, и включает в себя дополнительное профессиональное образование и иные мероприятия по профессиональному развитию». Под «иными мероприятиями» логично понимать обмен профессиональным опытом. Многофакторность профессиональной деятельности государственных и муниципальных служащих предполагает обязательное взаимодействие с коллегами для применения более логичных и верных управленческих решений. Дополнительное профессиональное образование осуществляется в рамках государственного заказа, в рамках государственного задания или за счет средств государственного органа.

По нашему мнению, одним из весомых факторов, совершенствующих систему дополнительного профессионального образования в сфере государственного управления, стала возможность получения образовательного сертификата, представляющего собой именной документ, подтверждающий возможность получения государственным гражданским служащим дополнительного профессионального образования. Интересующую дополнительную профессиональную программу обучающий выбирает сам, руководствуясь индивидуальной образовательной потребностью и собственным желанием приобрести новые компетенции. Также существует альтернатива выбора университета, института или другой образовательной организации, которая входит в реестр исполнителей государственной услуги по реализации дополнительных профессиональных программ для гражданских служащих и предоставляющей эту услугу.

Следствием обсуждаемых изменений становится формирование образовательной инициативы у самих государственных гражданских служащих, заключающейся в решении повысить собственную квалификацию, выбрать конкретную дополнительную профессиональную программу, а также образовательную организацию, реализующую обучение. Государственные гражданские служащие вправе сами определять траекторию собственного профессионального развития, его интенсивность и поддерживающую направленность.

Отметим, что конкурентная составляющая между образовательными организациями, имеющими возможность реализовывать дополнительное профессиональное образования для органов власти, создание реестра соответствующих организаций, а также заинтересованность самих государственных служащих в получении не формального, а реального и необходимого дополнительного профессионального образования вынуждает образовательные организации изменять концепцию

предоставления образовательных услуг, досконально и качественно планируя результат образовательной деятельности.

«Миссией Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации является подготовка глобально конкурентоспособных и адаптивных управленческих кадров для государственного, общественного и частного секторов с целью решения задачи инновационного развития общества»¹.

Эмпирическим материалом представленной работы стали результаты социологического опроса, проведенного в сентябре 2019 г. среди государственных гражданских служащих Ростовской области в государственных органах Ростовской области по решению Совета по вопросам государственной гражданской службы Ростовской области при Губернаторе Ростовской области. В целях повышения качества дополнительных профессиональных программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки для органов власти респондентам было предложено ответить на ряд вопросов, формирующих образовательный запрос непосредственно от самих обучающихся.

Региональные исследования образовательных потребностей государственных гражданских служащих, опыт международных стажировок по результатам Конкурса лучших практик (Конкурс творческого мастерства Президентской академии), ежегодная реализация дополнительных профессиональных программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки для государственных и муниципальных служащих, анализ и классификация современных образовательных тенденций, а также межфилиальное исследовательское взаимодействие позволили авторам определить некоторые аспекты системы совершенствования дополнительного профессионального образования в сфере государственной службы.

Планомерное и масштабное расширение компетентностного потенциала управленческих кадров является основной составляющей эффективного профессионального развития и должно учитывать соблюдение следующих условий.

1) *Разработку и внедрение качественных и кастомизированных образовательных контентов.* Термин «кастомизированный» употреблен в значении «созданный с учетом полного спектра образовательных потребностей заказчика».

Для создания программ, соответствующих образовательным потребностям обучающихся, представители образовательной организации должны системно сотрудничать с представителями властных структур, отслеживать качественные и количественные результаты освоения образовательных программ, верифицировать принципы оценки. Такой подход требует дополнительной исследовательской составляющей и со стороны образовательных организаций, и со стороны структур органов власти. Руководители государственных структур должны выяснять динамичность образовательных потребностей служащих и формировать конкретные и актуальные образовательные запросы. Профессиональная коммуникация между исполнителем и заказчиком должна быть непрерывной и эффективной.

2) *Учет образовательных потребностей самих государственных гражданских служащих.* Формирование компетентностного потенциала действующих государственных и муниципальных служащих не может реализовываться без учета индивидуальных образовательных потребностей. В процессе подготовки и реализации дополнительных профессиональных программ можно выявить широкий спектр конкретных потребностей служащих в приобретении дополнительных компетенций. Важно выявлять компетентностный дефицит в различных направлениях профессиональной деятельности, учитывать мнение обучающихся, консультироваться с руководящим составом структурных подразделений органов власти.

В результате проведенного опроса 31,41 % респондентов сформулировали ответ на вопрос о том, какие конкретно навыки необходимо приобрести для практической работы в целях повышения ее результативности. Результаты опроса представлены в табл. 1.

3) *Учет экспертного мнения системное экспертное консультирование при разработке дополнительных профессиональных программ и участие экспертов в реализации дополнительного образования.* Участие в дополнительных профессиональных программах повышения квалификации и профессиональной переподготовки приглашенных экспертов, являющихся практиками в конкретных сферах государственного управления, повышает качество образовательного продукта, гарантирует практическую значимость обучения и дает возможность реализации обмена опытом с экспертами и коллегами. Экспертное мнение о дополнительной профессиональной программе после ее завершения обеспечивает возможность доработки и совершенствования программы, устранения недостатков, корректировку содержательной и формальной части.

¹ <https://www.ranepa.ru/ob-akademii/programma-razvitiya-akademii>

**Навыки, которые необходимо приобрести для практической работы
в целях повышения её результативности**

№ п/п	Вариант ответа	Кол-во ответов
1	Использование современных информационных и коммуникационных технологий, новых программных продуктов, позволяющих автоматизировать рабочий процесс и документооборот, Excel, Word, PowerPoint, построения макросов при работе с Excel	46
2	Знания в области юриспруденции, гражданского права, Избирательного права, чтение юридических документов, основы юридической техники, Юридическая техника написания законопроектов, Актуализация действующего законодательства, внесение изменений в нормативно-правовые акты, применение на практике нововведений (отраслевое и федеральное законодательство)	40
3	Планирование рабочего времени, расстановка приоритетов, тайм-менеджмент, AGILE методы ("гибкое" планирование), Навыки запоминания большого количества информации и её систематизации, Математический анализ, скоропись и скорочтение, Анализаторские способности, скорость аналитического мышления	19
4	Основы психологии, навыки стрессоустойчивости и решения конфликтных ситуаций, коммуникативные навыки	15
5	Государственное управление и государственная гражданская служба, отраслевые знания	14
6	Ораторское искусство, умение убеждать, подготовка докладов и презентаций	12
7	Деловой этикет, деловое общение, практика взаимодействия с другими регионами и федеральными органами власти, искусство ведения переговоров	10
8	Управленческие навыки, навыки эффективного управления	9
9	Владение актуальным программным обеспечением, специализированными программами государственных информационных систем, технические навыки работы с оборудованием, программирование	8
10	Государственные закупки	7
11	Знаний в сфере экономики, основы финансирования отрасли, цифровой экономики	7
12	Обучение лучшим практикам РФ, обмен опытом, реализация федеральных проектов на региональном уровне	7
13	Делопроизводство и документооборот, машинопись, умение работать в системе "Дело", написание деловых писем	5
14	Soft-skills (гибкие навыки: управление собой, коммуникация, мышление), лидерские качества, самоуверенность	5
15	Проектное и процессное управление	3
16	Строительство и предпроектные работы при разработке проектно-сметной документации	3
17	Знаний в сфере принятия управленческих решений	3
18	Управление персоналом и профессиональное развитие государственных служащих, обмен опытом, изучение лучших практик, кадровое делопроизводство	3
19	Инженерно-технические знания	2
20	Сфера бухгалтерского учета	2
21	Эффективное планирование, стратегическое планирование	2
22	Знаний в сфере оценочной деятельности	1
23	Знаний практики контролирующих органов	1
24	Знания в сфере технического содержания общего имущества МКД	1
25	Медицинские знания	1
26	Практическое обучение АЦК "Финансы" и АЦК "Госзаказ"	1
27	Управление государственным имуществом, земельные отношения	1
28	Защита информации	1

4) Внедрение инновационных методов и технологий обучения, ориентированных на интерактивный образовательный процесс. Большинство исследователей эффективных моделей и поисково-исследовательских технологий обучения свидетельствуют о стремительной потере эффективности образовательного процесса при применении традиционных форм обучения, к которым, прежде всего, относятся лекции и семинары. На всех уровнях получения образования применимы технологии ак-

тивного обучения, подразумевающие конструирование образовательного процесса самими обучающимися. В контексте дополнительного профессионального образования для органов власти уместно говорить о необходимости в проблемном обучении. Формирование у обучающихся нового вида деятельности непосредственно связано с необходимостью его применения во время исполнения профессиональных обязанностей. Динамика определенных компетенций зависит от желания самих служащих обладать соответствующими способностями. Инновационные образовательные технологии в дополнительном профессиональном образовании мотивируют обучающихся и упрощают процесс получения практикоориентированных компетенций. Однако новая методика не может внедряться бессистемно. Нельзя применять зарубежный опыт, к примеру, игровые технологии и симуляторы, не учитывая адаптационную составляющую системы государственного управления Российской Федерации. Также в основе инновационной методологии должна быть ориентация на динамизм современных управленческих процессов, на увеличение скорости принимаемых решения, подразумевающих развитие умения быстрого и правильного реагирования. Важно учитывать информационную открытость, прозрачность системы государственного управления (подробнее об интерактивных методах в системе дополнительного профессионального образования государственных и муниципальных служащих см. исследования А.В. Баранова, А.В. Тагаева, О.В. Котляровой [9]; С.В. Дудчик [10]).

Необходимость внедрения и использования инновационных образовательных методов отмечают большинство респондентов (66,80 %). В процентном соотношении ответы на вопрос «Существует ли необходимость внедрения новых форм и методов профессиональной подготовки и повышения квалификации государственных служащих» представлен на рис. 1.

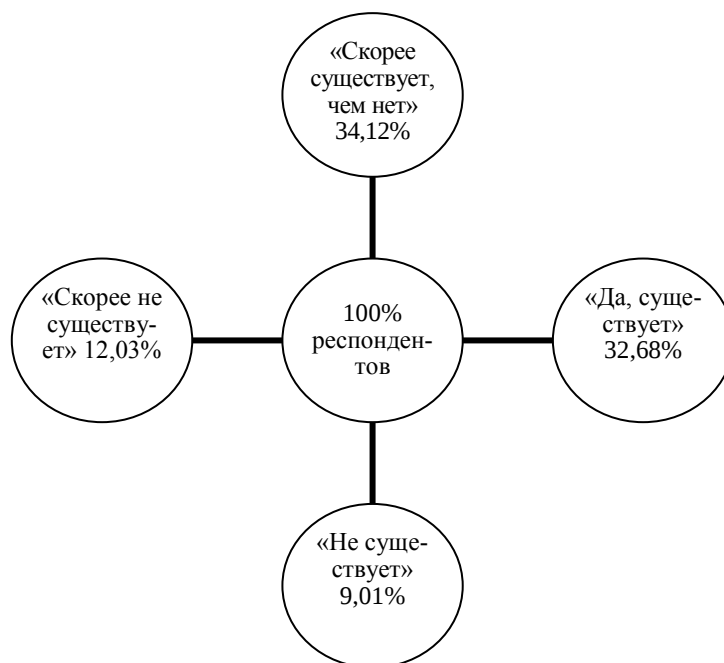

Рис. 1. Существует ли необходимость внедрения новых форм и методов профессиональной подготовки и повышения квалификации государственных служащих?

Немаловажным аспектом совершенствования системы дополнительного профессионального образования для органов власти является не только использования новой методологии, но и освоение и внедрение в профессиональную деятельность информационных и инновационных технологий. В этой связи, по нашему мнению, небезынтересен опыт внедрения в процесс обучения по дополнительным профессиональным программам виртуального образовательного симулятора. Образовательный симулятор основан на методологии геймификации, это учебный тренажер, предоставляющий обучающимся возможности в процессе решения кейсовых задач совершенствовать необходимые навыки (более подробно о виртуальном образовательном симуляторе см. <https://elibrary.ru/item.asp?id=39318818>).

В рамках дополнительных профессиональных программ с учетом возрастных и индивидуальных особенностей обучающихся становится возможным эффективное освоение новых технологий, не доступных ранее. Процентное соотношение ответов на вопрос «Существует ли необходимость более активного и широкого внедрения новых информационных и инновационных технологий и процедур в работу госслужащих в целях повышения результативности государственной гражданской службы?» представлен на рис. 2.

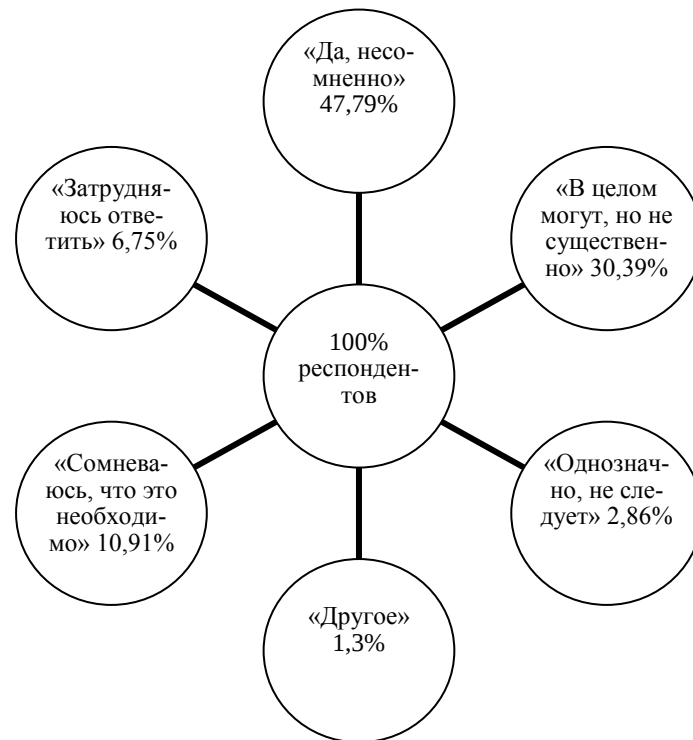

Рис. 2. Существует ли необходимость более активного и широкого внедрения новых информационных и инновационных технологий и процедур в работу госслужащих в целях повышения результативности государственной гражданской службы?

5) *Проектное управление* как основная форма управленческой деятельности должно внедряться и в рамках образовательного процесса. Современные государственные и муниципальные служащие должны применять навыки проектного управления в повседневной профессиональной деятельности. В этой связи модули проектного управления должны быть включены во все дополнительные профессиональные программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки. Считаем важным отметить, что внедрение проектных модулей особо значимо при разработке и реализации образовательных программ для подготовки кадрового резерва государственной службы.

6) *Повышение мотивации научно-преподавательского состава образовательных организаций.* Мониторинг качества реализации дополнительных профессиональных программ и жесткий отбор лучших, по мнению обучающихся, преподавателей, с одной стороны и моральное и материальное поощрение наиболее востребованных представителей научно-преподавательского состава, с другой стороны, в совокупности обеспечат мощную мотивацию для совершенствования образовательного процесса.

7) *Поддержка высокой мотивации* представителей властных структур в получении дополнительного профессионального образования, что, по нашему мнению, возможно достичь взаимобусловленностью развития компетентностных возможностей и карьерного роста.

8) *Осведомленность образовательных организаций,* реализующих дополнительное профессиональное образование, о конкурентах, способных реализовывать программы профессиональной переподготовки и повышения квалификации с учетом всех пожеланий заказчика, на высоком профессиональном уровне, гарантирующим эффективное обучение. В каждом регионе складывается относительно стандартная ситуация, когда услуги дополнительного профессионального образования органам власти оказывает одной образовательной организацией. По нашему мнению, профессорско-преподавательскому составу, участвующему в программах дополнительного профессионального образования, необходимо отслеживать работу конкурентов для повышения качества предлагаемых образовательных контентов.

9) *Мониторинг качества образования,* фиксация уровня знаний обучающихся в начале и в финале дополнительной профессиональной программы. Подобный контроль позволяет увидеть образовательную динамику обучающихся, повысить качество дополнительной профессиональной программы повышения квалификации или профессиональной переподготовки. Одним из факторов

сформированности системы оценки качества образовательных контентов можно считать осознанное желание обучающихся увеличивать спектр приобретаемых компетенций и осваивать большее количество дополнительных профессиональных программ. Процентное соотношение ответов на вопрос «Существует ли необходимость в увеличении количества обучающих мероприятий для госслужащих и сокращении периода времени между их проведением?» представлен на рис. 3.

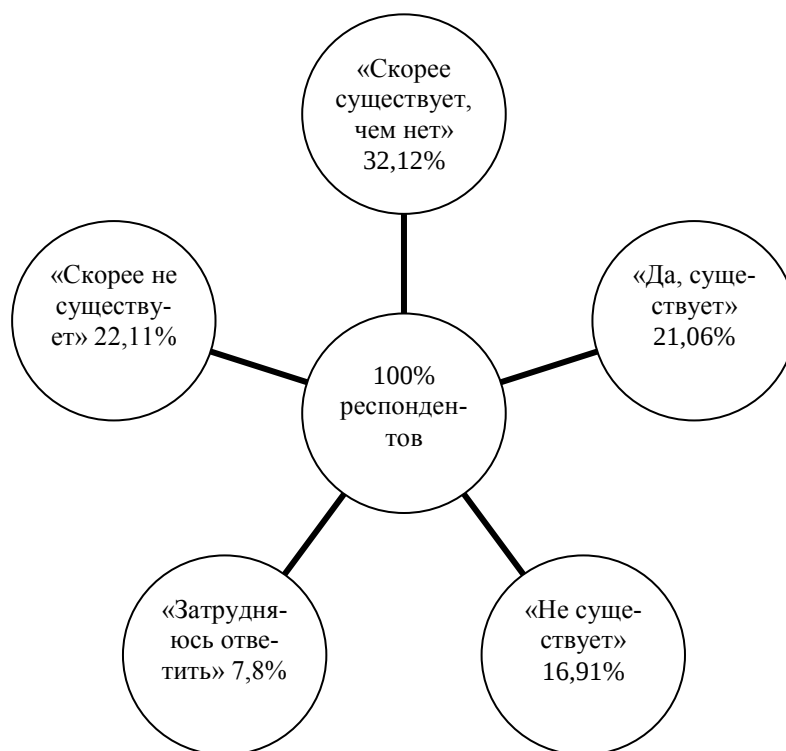

Рис 3. Существует ли необходимость в увеличении количества обучающих мероприятий для госслужащих и сокращении периода времени между их проведением?

6) Внедрение системы интеллектуальной рефлексии, то есть действенный учет прошлого опыта и совершенных ошибок. Традиционно процесс получения дополнительного профессионального образования воспринимается представителями властных структур как комплекс формальных мероприятий. Представители государственного управления формально посещают занятия (или просто ставят отметку о присутствии), преподаватель начитывает лекционный материал, неинтересный и невостребованный в профессиональной деятельности обучающихся, итоговая аттестация в форме тестирования также проводится формально. Единственной целью посещения таких занятий является получение удостоверения о повышении квалификации. Отмена обязательного дополнительного образования один раз в три года и возможность использования сертификата и выбора дополнительной профессиональной программы позволят исключить формализованный подход.

Одной из основных задач Президентской Академии является улучшение качества дополнительного профессионального образования, и, как следствие, повышение эффективности профессиональной подготовки представителей сферы государственного управления. В этой связи спектр предложений прорывного развития системы дополнительного профессионального образования для государственных и муниципальных служащих открыт и требует постоянного совершенствования.

Мы предполагаем, что результатом применения перечисленных мер станет повышение заинтересованности со стороны обучающихся, увеличение результативности реализации дополнительных образовательных программ, изменение отношения государственных служащих к получению дополнительного профессионального образования, как к процессу внедрения в профессиональную деятельность необходимых, востребованных, актуальных и своевременных компетенций. Эти изменения являются частью профессионального развития современных государственных гражданских и муниципальных служащих и имеют значимость в развитии кадровой политики в сфере государственного управления.

Литература

1. Герасимова О.Ю., Бурцева Ю.В. Профессиональное развитие государственных служащих: проблемы и перспективы развития // Фундаментальные исследования. 2016. № 7-2. С. 330-333.
2. Терехов А.К. К вопросу о профессиональном развитии государственных гражданских служащих // В сборнике: Вопросы совершенствования системы государственного управления в современной России. Международный сборник научных статей. Под общей редакцией Л.В. Фотиной. М., 2018. С. 319-324.
3. Романько И.Е. Теоретико-методологические основы управления профессиональным развитием государственных гражданских служащих // Вестник Института дружбы народов Кавказа. Теория экономики и управления народным хозяйством. 2016. № 3 (39). С. 13.
4. Саралинова Д.С. Развитие инструментов управления профессиональным развитием государственных и муниципальных служащих // В книге: Инновационные кластеры в цифровой экономике: теория и практика. Труды VIII научно-практической конференции с международным участием. Под ред. А.В. Бабкина. 2017. С. 569 – 573.
5. Стрекалова Н.Д., Рогова Г.И. Социальные аспекты управления профессиональным развитием государственных служащих федеральной налоговой службы России: результаты эмпирического исследования. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2016. № 3. С. 82 – 106.
6. Думанская Е.П. Дополнительное профессиональное образование государственных гражданских и муниципальных служащих и его связь с экономическим развитием территории // Сборник трудов по проблемам дополнительного профессионального образования. 2018. № 34. С. 65 – 76.
7. Котлярова О.В. Коммуникативная компетентность современного государственного служащего // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 4. С. 8 – 17.
8. Шукшурова М.Г., Баширова М.У. Дополнительное профессиональное образование в развитии управленческой компетентности государственных служащих // В сб.: Научная дискуссия современной молодежи: актуальные вопросы, достижения, инновации. Сборник статей II Международной научно-практической конференции: в 2 частях. 2017. С. 227 – 231.
9. Баранов А.В., Тагаев А.В., Котлярова О.В. Система открытого образования в Республике Корея: перспективы внедрения // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. № 6. С. 40 – 55.
10. Дудчик С.В. Профессиональная подготовка тьюторов в дополнительном профессиональном образовании на кафедре открытых образовательных технологий Московского института открытого образования // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2015. № 4 (40). С. 57 – 65.

Baranov Alexey Viktorovich, deputy director, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: bav.skags@gmail.com

Kotlyarova Olga Vladimirovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Vladimir Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (59A, Gorky Str., Vladimir, 600017, Russian Federation). E-mail: olya-apriori@yandex.ru

Ovcharenko Roman Konstantinovich, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sociology, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: alfa999@inbox.ru

Tagayev Alexey Vasilyevich, Candidate of Economic Sciences, Director of Innovation and Technology center, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: alvasta13@yandex.ru

POTENTIAL OF THE SYSTEM OF VOCATIONAL PROFESSIONAL EDUCATION FOR CIVIL SERVANTS

Abstract

According to the authors' team, the system of vocational professional education for the authorities has real prospects, for the implementation of which the continuous cooperation of state and municipal employees interested in obtaining vocational professional education, as well as their managers and representatives of educational organizations is particularly important. This article is based on an interregional study that involved

776 civil servants of the Rostov region. The result of sociological surveys was to identify the educational needs of state and municipal employees, which allowed the authors to identify a cluster of aspects that improve the system of professional development of employees in terms of cooperation between the educational organization and the customer. The article presents an analysis of current changes in the legislation of the Russian Federation on the issue of professional development of state employees, educational organizations.

Keywords: professional development, educational need, vocational professional education, civil servants, municipal employees, management personnel, vocational professional programs, advanced training, educational organizations.

References

1. Gerasimova O.YU., Burceva YU.V. Professional'noe razvitie gosudarstvennykh sluzhashchih: problemy i perspektivy razvitiya // Fundamental'nye issledovaniya. 2016. № 7-2. P. 330-333.
2. Terekhov A.K. K voprosu o professional'nom razvitii gosudarstvennykh grazhdanskih sluzhashchih // V sbornike: Voprosy sovershenstvovaniya sistemy gosudarstvennogo upravleniya v sovremennoj Rossii. Mezhdunarodnyj sbornik nauchnykh statej. Pod obshchej redakciej L.V. Fotinoj. M., 2018. P. 319-324.
3. Roman'ko I.E. Teoretiko-metodologicheskie osnovy upravleniya professional'nym razvitiem gosudarstvennykh grazhdanskih sluzhashchih // Vestnik Instituta družby narodov Kavkaza. Teoriya ekonomiki i upravleniya narodnym hozyajstvom. 2016. № 3 (39). P. 13.
4. Saralinova D.S. Razvitie instrumentov upravleniya professional'nym razvitiem gosudarstvennykh i municipal'nykh sluzhashchih // V knige: Innovacionnye klasteri v cifrovoj ekonomike: teoriya i praktika. Trudy VIII nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Pod red. A.V. Babkina. 2017. P. 569 – 573.
5. Strekalova N.D., Rogova G.I. Social'nye aspekty upravleniya professional'nym razvitiem gosudarstvennykh sluzhashchih federal'noj nalogovoj sluzhby Rossii: rezul'taty empiricheskogo issledovaniya. // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Menedzhment. 2016. № P. S. 82 – 106.
6. Dumanskaya E.P. Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie gosudarstvennykh grazhdanskih i municipal'nykh sluzhashchih i ego svyaz' s ekonomicheskim razvitiem territorii // Sbornik trudov po problemam dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya. 2018. № 34. P. 65 – 76.
7. Kotlyarova O.V. Kommunikativnaya kompetentnost' sovremennogo gosudarstvennogo sluzhashchego // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 2017. № 4. P. 8 – 17.
8. SHukurova M.G., Bashirova M.U. Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie v razvitii upravlencheskoj kompetentnosti gosudarstvennykh sluzhashchih // V sb.: Nauchnaya diskussiya sovremennoj molodezhi: aktual'nye voprosy, dostizheniya, innovacii. Sbornik statej II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 2 chastyah. 2017. P. 227 – 231.
9. Baranov A.V., Tagaev A.V., Kotlyarova O.V. Sistema otkrytogo obrazovaniya v Respublike Koreya: perspektivy vnedreniya // Srednerusskij vestnik obshchestvennykh nauk. 2016. № 6. P. 40 – 55.
10. Dudchik S.V. Professional'naya podgotovka t'yutorov v dopolnitel'nom professional'nom obrazovanii na kafedre otkrytykh obrazovatel'nykh tekhnologij Moskovskogo instituta otkrytogo obrazovaniya // Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh. 2015. № 4 (40). P. 57 – 65.

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ
С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ПРИТЯЗАНИЙ****Духновский
Сергей
Витальевич**доктор психологических наук, профессор Гуманитарного института
североведения, Югорский государственный университет (628012, Россия,
г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16). E-mail: dukhnovskysv@mail.ru**Аннотация**

В статье с привлечением эмпирического материала описаны особенности профессиональной мотивации государственных гражданских служащих с разным уровнем притязаний. Установлено что у госслужащих с высоким и повышенным уровнем притязаний, и стажем служебной деятельности до десяти лет, выражены инструментальный и профессиональный типы мотивации. Тогда как у служащих с умеренно выраженным уровнем притязаний и трудовым стажем свыше десяти лет доминирующими являются патристический и люмпенизированный типы мотивации. Показано, что с увеличением стажа трудовой (служебной) деятельности имеет место снижение уровня притязаний государственных гражданских служащих, сопровождающееся снижением степени принятия себя как профессионала и изменением установок (активности) на должностное развитие. Кадровыми рисками у госслужащих с высоким уровнем притязаний является выраженность инструментального типа трудовой мотивации в сочетании с высокой ориентацией на должностное развитие. Тогда как у служащих с умеренным уровнем притязаний кадровым риском будет люмпенизированный тип мотивации, сопровождающийся высокой установкой на статусное развитие. Развитие и поддержание на высоком уровне конструктивного отношения к себе как профессионалу, выступает одним из факторов развития и формирования профессиональной мотивации государственных гражданских служащих, снижающим кадровые риски в зависимости от стажа их трудовой (служебной) деятельности.

Ключевые слова: уровень притязаний, мотивация профессиональной деятельности, кадровый риск, стаж трудовой деятельности, государственный гражданский служащий, мотивационные типы, профессиональное саморазвитие, профессиональные задачи, профессиональная сфера.

Мотивация, её особенности является одной из движущих сил и проявлений личности, в том числе и в профессиональной сфере. Важную роль вопросы профессиональной мотивации приобретают в системе государственной гражданской службы. Мотивация взаимосвязана с отношением профессионала к себе, в частности с такой его характеристикой как уровень притязаний. Конструктивное отношение к себе, с одной стороны – способствует повышению профессиональной мотивации, а с другой стороны – определяет её особенности. Это находит своё отражение в профессиональной деятельности государственных гражданских служащих, её эффективности, качестве, а также значимости для субъекта. Изменение профессиональной мотивации возможно осуществлять посредством формирования конструктивного отношения государственных гражданских служащих к себе – как профессионалам. Кроме того, особенности мотивации служащих в сочетании с их уровнем притязаний, как компонента отношения к себе как профессионалу, могут выступать источником кадровых рисков и угроз кадровой безопасности организации.

Отметим, что вопросы мотивации поднимались в работах В.И. Герчикова, Н.Н. Опариной [2], А.А. Грачева [3], Е.П. Ильина [5], М.Ш. Магомед-Эминова [8] и др.; мотивация государственных гражданских служащих рассматривалась в исследованиях С.В. Духновского [4], Н.С. Пряжниковой, М.В. Полевой, Е.В. Камневой [9], И.Б. Шебуракова, О.Н. Шебураковой [13] и др.; феномен «уровень притязаний» изучался в исследованиях Л.В. Бороздиной [1], А.Н. Капустина [6], К. Левина [7], К.Р. Сидорова [10], В.А. Швецово [12] и др.

Несмотря на значительное количество исследований, проблема соотношения уровня притязаний с особенностями профессиональной мотивации государственных гражданских служащих, как компонента их отношения к себе как профессионалу, в научном плане изучена недостаточно. В частности остаются нераскрытыми вопросы о том, какие мотивационные типы присущи государственным гражданским служащим с разным уровнем притязаний; соотносится ли профессиональная мотивация госслужащих, их уровень притязаний со стажем трудовой (служебной) деятельности; возможно ли на основе оценки профессиональной мотивации и уровня притязаний выявить кадровые риски служащих и ресурсы их преодоления.

Методика исследования. В обследовании приняли участие 103 государственных гражданских служащих, проходивших повышение квалификации на базе ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» (Курганский филиал). Все обследованные – практически здоровые, принявшие участие в обследовании по просьбе психолога. В качестве психодиагностических методик использовали:

• авторскую разработку «Определение отношения к себе профессионала» (ОСП). Предмет методики – оценка уровня притязаний, представления и принятия себя как профессионала, а также установок на профессиональное саморазвитие и должностное развитие работника (кандидата).

• «Методика определения мотивационных типов» («Мотайп», разработанная В.И. Герчиковым). Предмет методики – выявление и оценка доминирующего типа трудовой мотивации: инструментального, профессионального, патриотического, хозяйского и люмпенизированного (избегательного) [2].

В рамках исследования предполагали, что уровень притязаний, как компонент отношения к себе профессионала, взаимосвязан с особенностями профессиональной мотивации государственных гражданских служащих. Полагаем, что мотивация и уровень притязаний будут различными у служащих с разным стажем трудовой (служебной) деятельности. Считаем, что на основании оценки отношения к себе как профессионалу, в соотношении с мотивацией профессиональной деятельности, возможно, выявить кадровые риски и ресурсы их преодоления у государственных гражданских служащих.

Описание результатов исследования

На первом этапе исследования, использовали результаты, полученные по методике «Отношение к себе как профессионалу» (ОСП), на основании которых обследованные государственные гражданские служащие были разделены на две подгруппы. Критерием такого деления послужила выраженность показателя «уровень притязаний». Таким образом, в первую группу вошли служащие с высоким и повышенным уровнем притязаний, во вторую – с умеренным (средним) уровнем притязаний. Результаты, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Средние значения по методике «Отношение к себе как профессионалу» (ОСП) у обследованных государственных гражданских служащих с разным уровнем притязаний

Шкалы методики «ОСП»	Уровень притязаний	
	Повышенный и высокий	Средний
Уровень притязаний	56,5±8,2* (9)	46,1±7,9 (6)
Представление о себе как профессионале	44,6±7,3 (5)	49,8±7,7* (8)
Принятие себя как профессионала	54,0±7,6* (8)	47,1±7,2 (6)
Установка на профессиональное саморазвитие	55,1±7,4 (9)	50,2±7,7 (7)
Установка на должностное развитие	48,7±7,8* (8)	44,3±7,1 (7)

Примечание: * – различия достоверно выше на уровне $p \leq 0,05$; в скобках указаны показатели в стандартных значениях – *стэхах*.

Результаты, представленные в таблице 1, позволяют сказать следующее. Субъекты с высоким и повышенным уровнем притязаний отличаются высоким принятием себя как профессионалов, выраженными установками на должностное развитие (стремление реализовать себя как профессионала на карьерных должностях, обладающих высоким статусом и престижем). Тогда у служащих с умеренно выраженным уровнем притязаний на высоком уровне выражено представление о себе как профессионале, что предполагает осознание себя как профессионала, обладающего необходимыми личностно-профессиональными качествами и способностями, соответствующей квалификацией, успешно разрешающего профессиональные задачи. Отметим что показатель «установка на профессиональное саморазвитие» в первой группе служащих выражен на высоком уровне, тогда как во второй – на повышенном уровне. Соответственно, благодаря данной установке, государственные гражданские служащие обеих групп в большей степени ориентируются на профессиональное саморазвитие, на повышение своей профессиональной компетентности.

Кроме того, в ходе корреляционного анализа (на общей выборке) установлены взаимозависимости показателя «уровень притязаний» по методике «Отношение к себе как профессионалу» (ОСП) с показателем «стаж трудовой (служебной) деятельности» у государственных гражданских служащих. Результаты, представлены в табл. 2.

Таблица 2

Матрица интеркорреляций показателя «уровень притязаний» по методике «Отношение к себе как профессионалу» (ОСП) с показателем «стаж трудовой деятельности»

Шкала методики «ОСП»	Стаж трудовой деятельности
Уровень притязаний	-0,43*

Примечание: * – коэффициент корреляции на уровне $p \leq 0,05$

Данные, представленные в табл. 2, говорят о том, что с увеличением стажа трудовой (служебной) деятельности государственных гражданских служащих идет снижение показателя уровня притязаний и наоборот. Данный факт нашёл своё подтверждение при рассмотрении показателя «стаж трудовой (служебной) деятельности», в каждой из обследованных подгрупп. В частности, установлено, что в группу с высоким и повышенным уровнем притязаний преимущественно вошли служащие со стажем трудовой деятельности на государственной гражданской службе до 10 лет, тогда как в группе с умеренно выраженным уровнем притязаний, преобладают государственные гражданские служащие со стажем служебной деятельности свыше десяти лет.

Далее обратимся к анализу профессиональной мотивации государственных гражданских служащих с разным уровнем притязаний, и, соответственно, стажем трудовой (служебной) деятельности. В ходе исследований, нами были установлены различия в доминирующих типах профессиональной мотивации у госслужащих (по методике «Мотайп»). Результаты, представлены в табл. 3.

Таблица 3

**Средние значения по «Методике определения мотивационных типов» (Мотайп)
у обследованных государственных гражданских служащих с разным уровнем притязаний**

Шкалы методики «Мотайп»	Уровень притязания	
	Высокий и повышенный	Средний (умеренный)
Инструментальная мотивация	8,7±1,3*	7,2±1,0
Профессиональная мотивация	8,4±1,0*	6,9±1,2
Патриотическая мотивация	5,2±1,3	8,3±1,1*
Хозяйская мотивация	6,6±1,2	6,8±1,3
Люмпенизированная (избегательная) мотивация	3,7±1,2	6,5±1,1*

Примечание: * – различия достоверно выше на уровне $p \leq 0,05$.

Данные, представленные в табл. 3, показывают, что у государственных гражданских служащих с высоким и повышенным уровнем притязаний и стажем трудовой (служебной) деятельности до десяти лет, доминирующими видами профессиональной мотивации являются инструментальная и профессиональная:

– *инструментальная* (выражена у 34,1 % обследованных служащих данной группы). Согласно позиции В.И. Герчикова [2], для таких служащих работа рассматривается только как источник дохода и других благ, получаемых в качестве вознаграждения за труд; субъект будет работать с максимальной отдачей, если его труд будет справедливо и высоко (в его понимании) оплачиваться. «Доминирующие мотивы: заработок, достижение (ощущение количественно измеримого результата собственного труда)» [2]. Укажем, что данный мотивационный тип выражен у служащих с высоким уровнем притязаний.

– *профессиональная* (выражена у 72,5 % обследованных госслужащих). По мнению В.И. Герчикова, субъект с данным типом мотивации «ценит в работе ее содержание, возможность проявить себя и доказать (не только окружающим, но и себе), что он может справиться с трудным заданием, которое не каждому по силам. Служащие предпочитают самостоятельность и отличаются развитым профессиональным достоинством. Доминирующие мотивы: содержание труда, самосовершенствование, творчество и разнообразие, признание (собственной уникальности и квалификации)» [2]. Отметим, что данный мотивационный тип присущ государственным гражданским служащим с повышенным уровнем притязаний.

У государственных гражданских служащих со стажем трудовой (служебной) деятельности свыше десяти лет, доминирующими видами профессиональной мотивации выступают патриотическая и люмпенизированная (избегательная):

– *патриотическая* (выражена у 58,7 % обследованных служащих данной группы). Служащим с данной мотивацией свойственна убежденность в своей нужности для организации, они отличаются готовностью взвалить на себя дополнительную ответственность ради достижения результатов общего дела. Как отмечает В.И. Герчиков, «именно такой работник способен «загореться» перспективной стратегией, выдвинутой руководством, и будет работать с полной отдачей, способствуя воплощению этой стратегии. Для них важно общественное признание участия в общих достижениях» [2]. Основными мотивами служащих являются взаимоотношения в коллективе, отношения с руководством, причастность к команде и общему делу, признание (заслуг перед коллективом). Укажем, что данный мотивационный тип присущ служащим уровнем притязаний, которых отклоняется в сторону повышенных значений (значение показателя находится на границе 6-7 стэнов).

– *люмпенизированная* (выражена у 41,2 % обследованных госслужащих). Служащие с данным мотивационным типом избегают ответственности, активности и инициативы, обладают слабой мотивацией к эффективной работе. Как отмечает В.И. Герчиков, «основное стремление таких работников – минимизировать свои трудовые усилия на уровне, допустимом со стороны непосредственного руководителя. Основными мотивами служащих могут являться сохранение сил и здоровья, избегание ответственности, следование традициям, часто власть и статус (ради «выгодного» положения в организации)» [2]. Отметим, что данный тип профессиональной мотивации выражен у госслужащих, уровень притязаний которых находится на среднем уровне (значение показателя соответствует 5 стэнам).

Далее обратимся к рассмотрению кадровых рисков государственных гражданских служащих с разным уровнем притязаний и соответствующей ему профессиональной мотивации. Для этого обратимся к результатам корреляционного анализа показателей по шкалам методики «Отношение к себе профессионалу» (ОСП) с показателями по шкалам «Методики определения мотивационных типов» (Мотайп), а также «стаж трудовой (служебной) деятельности». Результаты представлены в табл. 4.

Таблица 4

Матрица интеркорреляций показателей по шкалам методике «Отношение к себе профессионалу» (ОСП), показателя «стаж трудовой деятельности» с показателями по шкалам «Методики определения мотивационных типов» (Мотайп)

Шкалы методики «Мотайп»	Шкала методики «ОСП»					Стаж
	Уп	Ког	Эмо	Ср	Др	
Инструментальная	0,57	0,54	0,25	0,44	0,55	0,25
Профессиональная	0,25	0,23	0,20	0,29	0,26	0,42
Патриотическая	0,23	0,25	0,32	0,34	0,15	0,29
Хозяйская	0,63	0,45	0,42	0,47	-0,33	0,15
Люмпенизированный (избегательный)	-0,33	0,20	0,24	0,34	-0,37	0,31

Примечание: Уп – уровень притязаний, Ког – представление о себе, Эмо – принятие себя, Ср – установка на саморазвитие, Др – установка на должностное развитие.

Результаты корреляционного анализа, представленные в табл. 4, показывают следующее. Так, повышение показателей по шкале «уровень притязаний» (методика «ОСП»), сопровождается увеличением значений по шкалам «инструментальный» и «хозяйский» типы мотивации (методика «Мотайп»).

Кроме того, показатели по шкале «инструментальный тип мотивации» (методика «Мотайп»), взаимосвязаны с показателями по шкале «установки на должностное развитие» (методика «ОСП»). Укажем что данные показатели выражены на высоком уровне у государственных гражданских служащих со стажем трудовой (служебной) деятельности до десяти лет и высоким уровнем притязаний (см. табл. 1). Таким образом, можно предположить, что стремление к доходу (материальному достатку) как ведущая мотивация служащего, сопровождающаяся ориентацией на высокий должностной статус, может являться *кадровым риском служащих*.

Обращает на себя внимание, тот факт, что снижение показателей по шкале «уровень притязаний» (методика «ОСП») при высоком уровне «установок на должностное развитие», сопровождается увеличением показателей по шкале «люмпенизированный (избегательный) тип мотивации» (методика «Мотайп»). Отметим, что данная ситуация имеет место у государственных гражданских служащих со стажем трудовой деятельности свыше десяти лет и умеренно выраженном уровне притязаний (5 стэнов). Соответственно высокие установки на должностное развитие в сочетании с умеренным уровнем притязаний приводят к невозможности (порой по объективным обстоятельствам) достичь желаемых должностных (статусных) целей, что приводит к формированию люмпенизированного (избегательного) типа трудовой мотивации. Что на наш взгляд также является *кадровым риском государственных гражданских служащих*.

Кроме того, увеличение значений по шкале «хозяйский» тип мотивации сопровождается повышением показателей «представление о себе как профессионале», «принятие себя как профессионала» и «установка на профессиональное саморазвитие» (методика «ОСП»). Интересным является тот факт, что показатель «представление о себе как профессионале» у государственных гражданских служащих с умеренным уровнем притязаний достоверно выше, чем у госслужащих с высоким и повышенным уровнем (см. табл. 1). Однако, у последних показатель «принятие себя как профессионала» достоверно выше, чем у служащих с умеренным уровнем притязаний (см. табл. 1).

Таким образом, правомерно заключить, что формирование конструктивного отношения к себе как профессионалу, может являться ресурсом для развития хозяйского типа профессиональной мотивации и повышения уровня притязаний государственных гражданских служащих. В частности *для служащих с высоким (и повышенным) уровнем притязаний*, и стажем профессиональной (служебной) деятельности до десяти лет, «ресурсной» характеристикой хозяйского типа профессиональной мотивации, будет являться *развитие когнитивного компонента самооотношения* – представления о себе как профессионале. Что предполагает осознание себя как профессионала, обладающего необходимыми личностно-профессиональными качествами и способностями, соответствующей квалификацией, успешно разрешающего профессиональные задачи. Тогда как у *служащих с умеренным уровнем притязаний*, такой характеристикой может являться *эмотивный компонент самооотношения* – переживание позитивных чувств (гордости, уважения, уверенности, удовлетворенности и т.п.) относительно себя, своего профессионального и карьерного выбора, своих личностно-профессиональных качеств и способностей.

Соответственно, конструктивное отношение к себе как профессионалу, выступает одним из факторов развития и поддержания мотивации государственных гражданских служащих (в том числе и с разным стажем трудовой (служебной) деятельности), минимизирующим их кадровые риски. При этом конструктивность отношения к себе будет проявляться в повышенной (но не высокой) выраженности представления о себе и принятии себя как профессионала, в сочетании с повышенным уровнем притязаний и установками на профессиональное саморазвитие, с умеренно выраженными установками на должностное (статусное) развитие.

Результаты проведенных исследований позволяют сделать следующие **выводы**:

1. Параметры отношения к себе как к профессионалу, одним из которых является уровень притязаний, взаимосвязаны с типами профессиональной мотивации государственных гражданских служащих. Установлено что уровень притязаний и профессиональная мотивация госслужащих зависит от стажа трудовой (служебной) деятельности.

2. Показано, что с увеличением стажа трудовой (служебной) деятельности имеет место снижение уровня притязаний государственных гражданских служащих, сопровождающееся снижением степени принятия себя как профессионала и изменением установок (активности) на должностное развитие.

3. У государственных гражданских служащих с высоким и повышенным уровнем притязаний (и стажем служебной деятельности до десяти лет), выражены инструментальный и профессиональный типы мотивации. Тогда как у служащих с умеренно выраженным уровнем притязаний и трудовым стажем свыше десяти лет доминирующими являются патристический и люмпенизированный типы профессиональной мотивации.

4. Кадровыми рисками у госслужащих с высоким уровнем притязаний и стажем трудовой (служебной) деятельности до десяти лет является выраженность инструментального типа профессиональной мотивации в сочетании с высокой ориентацией на должностное развитие. Тогда как у служащих с умеренным уровнем притязаний и стажем службы свыше десяти лет кадровым риском будет люмпенизированный (избегательный) тип мотивации, сопровождающийся высокой установкой на статусное (должностное) развитие.

5. Развитие и поддержание конструктивного отношения к себе как профессионалу, выступает одним из условий развития и формирования профессиональной мотивации государственных гражданских служащих, минимизирующим их кадровые риски в зависимости от стажа их профессиональной деятельности. Конструктивность отношения к себе проявляется в повышенной (но не высокой) выраженности представления о себе и принятии себя как профессионала, в сочетании с повышенным уровнем притязаний и установками на профессиональное саморазвитие, с умеренно выраженными установками на должностное (статусное) развитие.

Литература

1. Бороздина Л.В. Исследование уровня притязаний: учеб. пособие. М.: МГУ, 1985. 104 с.
2. Герчиков В.И., Опарина Н.Н. Мотивация персонала: методическое пособие. Приложение к журналу «Справочник по управлению персоналом». М., 2006.
3. Грачев А.А. Организационный подход к формированию культуры безопасности работника // Проблемы педагогики и психологии. 2014. №1. С. 276 – 287.
4. Духновский С.В. Кадровая безопасность организации: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Изд-во Юрайт, 2019. 245 с.
5. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб: Питер, 2006. 512 с.
6. Капустин А.Н. Исследование уровня притязаний в условиях психологического стресса в связи со свойствами нервной системы и темперамента: дис. ... канд. психол. наук. Пермь, 1980. 187 с.

7. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000. 368 с.
8. Магомед-Эминов М.Ш. Трансформация личности. М.: Психоаналитическая ассоциация, 1998. 496 с.
9. Пряхников Н.С., Полевая М.В., Камнева Е.В. Мотивация, стимулирование, вознаграждение труда госслужащих: теоретико-методологический и прикладной аспекты // Вестник Омского университета. Сер. «Экономика». 2018. № 1 (61). С. 163 – 172.
10. Сидоров К.Р. Концепт «уровень притязаний» в современной психологии // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Педагогика. Психология». 2014. Вып. 2. С. 40 – 50.
11. Технологии мотивирования персонала в организации: учебно-методический комплекс. Санкт-Петербург.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. 239 с.
12. Швецова В.А. Особенности профессионального самосознания современных студентов // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 6 (16). С. 194 – 199.
13. Шебураков И.Б., Шебуракова О.Н. Мотивация государственных гражданских служащих: необходимость системного подхода // Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2018. Т. 5. № 3. С. 295–304.

Dukhnovsky Sergey Vitalyevich, doctor of Psychological Sciences, Professor of the Humanitarian Institute of Northern Studies, Ugorsky State University (16, Chekhov Str., Khanty-Mansiysk, 628012, Russian Federation). E-mail: dukhnovskysv@mail.ru

PROFESSIONAL MOTIVATION OF CIVIL SERVANTS WITH DIFFERENT LEVELS OF CLAIMS

Abstract

The article, with the involvement of empirical material, describes the peculiarities of professional motivation of state civil servants with different level of claims. It has been established that civil servants with a high and increased level of claims, and experience of official activity up to ten years, have expressed instrumental and professional types of motivation. While employees with a moderate level of claim and work experience of more than ten years are dominated by patriotic and lumpenized types of labour motivation. It is shown that with increase in an experience of labor (office) activity place takes the decrease in level of claims of the public civil servants which is followed by decrease in extent of acceptance of as the professional and change of installations (activity) on official development. The personnel risks of civil servants with a high level of claim are the expression of an instrumental type of labour motivation combined with a high orientation towards official development. While employees with a moderate level of claim will have a lumpenized type of motivation accompanied by a high position on status development. The development and maintenance at a high level of constructive attitude towards themselves as a professional, is one of the factors of development and formation of professional motivation of state civil servants, reducing personnel risks depending on the length of their work (service) activity.

Keywords: Level of claims, motivation of professional activity, personnel risk, seniority of work, civil servant, motivational types, professional self-development, professional tasks, professional sphere.

References

1. Borozdina L.V. Issledovanie urovnya prityazaniy: ucheb. posobie. M.: MGU, 1985. 104 p.
2. Gerchikov V.I., Oparina N.N. Motivaciya personala: metodicheskoe posobie. Prilozhenie k zhurnalу «Spravochnik po upravleniyu personalom». M., 2006.
3. Grachev A.A. Organizacionnyj podhod k formirovaniyu kul'tury bezopasnosti rabotnika // Problemy pedagogiki i psihologii. 2014. №1. P. 276 – 287.
4. Duhnovskij S.V. Kadrovaya bezopasnost' organizacii: uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata. M.: Izd-vo YUrajt, 2019. 245 p.
5. Il'in E.P. Motivaciya i motivy. SPb: Piter, 2006. 512 p.
6. Kapustin A.N. Issledovanie urovnya prityazaniy v usloviyah psihologicheskogo stressa v svyazi so svojstvami nervnoj sistemy i temperamenta: dis. ... kand. psihol. nauk. Perm', 1980. 187 p.
7. Levin K. Teoriya polya v social'nyh naukah. SPb.: Rech', 2000. 368 p.
8. Magomed-Eminov M.SH. Transformaciya lichnosti. M.: Psihoanaliticheskaya associaciya, 1998. 496 p.
9. Pryazhnikov N.S., Polevaya M.V., Kamneva E.V. Motivaciya, stimulirovanie, voznaagrazhdenie truda gossluzhashchih: teoretiko-metodologicheskij i prikladnoj aspekty // Vestnik Omskogo universiteta. Ser. «Ekonomika». 2018. № 1 (61). P. 163 – 172.
10. Sidorov K.R. Koncept «uroven' prityazaniy» v sovremennoj psihologii // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Pedagogika. Psihologiya». 2014. Vyp. 2. P. 40 – 50.
11. Tekhnologii motivirovaniya personala v organizacii: uchebno-metodicheskij kompleks. Sankt-Peterburg.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gercena, 2007. 239 p.
12. SHvecova V.A. Osobennosti professional'nogo samosoznaniya sovremennyh studentov // Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'. 2012. № 6 (16). P. 194 – 199.
13. SHEburakov I.B., SHEburakova O.N. Motivaciya gosudarstvennyh grazhdanskih sluzhashchih: neobhodimost' sistemnogo podhoda // Vestnik RUDN. Seriya: Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. 2018. T. 5. № 3. P. 295–304.

РАЗВИТИЕ ЕДИНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВЫМ СОСТАВОМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

Лаврова Татьяна Будаевна	кандидат экономических наук, Директор Центра современных технологий обучения и онлайн ресурсов Высшей школы государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 82). E-mail: batueva@ganepa.ru
Полякова Александра Григорьевна	доктор экономических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 82). E-mail: polyakova-ag@ganepa.ru

Аннотация

В связи с тем, что цифровая экономика видоизменяет практику хозяйствования, реконструируется и работа государственных органов: достижения теории и практики формирования цифровой экономики требуют адаптации к теории государственного управления, в том числе и в кадровой его подсистеме. Так, актуализируется необходимость проектирования инновационных систем управления и мониторинга кадров, внедрения новых алгоритмов обработки информации, что требует разработки новых теоретико-методических подходов. В статье рассмотрены предпосылки трансформации кадровой работы на государственной гражданской службе, новые ожидания и требования, предъявляемые к кадровой работе в меняющихся условиях. Отдельного рассмотрения удостоен потенциал, заложенный в использовании массивов больших данных. Структура исследования выстроена по принципу движения от идентификации модели «как есть» в сторону модели «как должно быть». В статье исследована возможность модернизации деятельности кадровых подразделений органов государственной власти в части найма, подбора и оценки персонала за счет использования массивов больших данных. Предложен вариант интеграции блока сбора и обработки больших данных о служащих в ФГИС «Единая информационная система управления кадровым составом государственной службы» с целью совершенствования аналитической работы в кадровой подсистеме.

Ключевые слова: государственная гражданская служба, управление кадровым составом, кадровые процессы, кадровые функции, кадровая аналитика, информационно-коммуникационные технологии, информационная система, цифровая экономика, информационное пространство.

Управление персоналом в сфере государственной гражданской службы предъявляет ряд специфических требований, трансформирующихся в условиях цифровой экономики, к компетенциям специалистов кадровых подразделений. До определённой степени государственная служба и ее кадровая подсистема нечувствительны к изменениям технологии, но ровно до тех пор, пока не будет достигнута критическая масса изменений. Опыт показывает, что государственный сектор редко является пионером в области применения инновационных практик в кадровой сфере, что в большинстве случаев оправданно и объяснимо. Государственная служба функционирует по регламентированным процедурам, пересмотр которых требует временного лага, с одной стороны, а с другой – инновационные технологии всегда сопряжены с более высокими рисками, недопустимыми для государственной гражданской службы.

В качестве примера можно привести опыт коммерческих компаний. Долгое время с их стороны существовало выраженное противодействие использованию социальных сетей работниками. Наблюдалось это до тех пор, пока их распространение не стало повсеместным, в том числе и за счет вхождения в нашу жизнь мобильных устройств. Именно в этот момент стало формироваться понимание того, что для контроля за использованием социальных сетей надо не только снять запрет, но и стать полноценным участником сетевого взаимодействия. В результате многие работодатели в частном секторе приняли решение о перестроении своей маркетинговой, сбытовой, кадровой и продуктовой политики с учетом факторов, происходящих из интернет-среды.

Есть основания полагать, что органы исполнительной власти в своей политике будут двигаться эволюционно похожим образом и вместо отказа от использования технологий и жестких мер контроля перейдут к регулированию процесса использования служащими информационного пространства и, в дальнейшем, к стратегии полной вовлеченности в информационную среду и к сотрудничеству. При экспоненциальном росте информации это неизбежно с точки зрения достижения желаемых социально-экономических эффектов и формирования квалифицированного кадрового состава, способного эффективно и результативно решать задачи государственного управления.

* Статья подготовлена по итогам выполнения ряда разделов НИР в рамках выполнения Государственного задания ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Рассматривая текущие тренды и перспективы использования больших данных в кадровой работе, необходимо отметить, что ближайшая веха – это экспоненциальный рост числа субъектов, применяющих аналитику, основанную на больших данных, в том числе для нужд управления персоналом¹. Количество процессов, охваченных такой аналитикой, также будет расти. Наиболее значимым трендом является стремительный переход от констатирующей и описательной аналитики, основанной на объяснении уже произошедших событий, к предиктивной аналитике. В таком случае, например, задача оценки и объяснения текучести персонала трансформируется в задачу предсказания величины и причин оттока работников, а также их реакций на те или иные изменения во внутренней или внешней среде организации [2].

Таким образом, сам процесс трансформации кадровых процессов в условиях цифровой экономики в мире науки и образования не ставится под сомнение, а скорее выглядит как неизбежность, в то время как в рядах практиков, связанных с государственной гражданской службой, подобная уверенность не столь выражена. В большей степени вопрос кроется в сроках внедрения новых технологий, целесообразности выбора того или иного технологического решения и архитектуры системы, а также минимизации рисков при внедрении технологических нововведений.

Предпосылки трансформации подхода к кадровой работе на государственной службе в условиях цифровой экономики

Рассмотрим, какой импульс изменений задает распространение цифровой экономики в государственной гражданской службе, и как меняются различные кадровые процессы [3].

Во-первых, существенно изменяется объем данных, характеризующих потенциальных сотрудников, которые могут быть приглашены на работу, кандидатов и уже работающий персонал. Обусловлено это расширением круга источников информации, появлением возможностей хранения больших объемов данных и инструментария для их обработки. Кадровая аналитика, используемая в текущей практике, уже сейчас не охватывает все имеющиеся данные, и руководители кадровых служб вынуждены обрабатывать их практически в ручном режиме. Использование неполной информации снижает возможности практически всех кадровых процессов: от отбора до мотивации персонала, не позволяя принимать наиболее обоснованные решения. Ограниченный доступ к информации не позволяет внедрять современные эффективные практики, получившие распространение в коммерческой сфере, как, например, поиск и развитие талантов².

В частности, У. Вольф, директор Credit Suisse по приобретению и развитию талантов, говорит, что сокращение на 1 п.п. оборота по выбытию в части нежелательных увольнений работников экономит банку 75 – 100 млн долл. в год. По данным Wall Street Journal, медианная стоимость замещения выбывающего работника составляет в США примерно 21% от годовой заработной платы соответствующего специалиста. Поскольку замещение является дорогостоящей процедурой, по мере улучшения ситуации с занятостью компании уделяют больше внимания сохранению работников и стремятся задействовать все имеющиеся ресурсы для поиска специалистов с требуемыми характеристиками и при этом минимизировать затраты.

Во-вторых, распространение цифровой экономики влечет за собой не только расширение спектра возможностей, но и минимизацию затрат, что обусловлено самим содержанием цифровой экономики [4; 5]. В самых крайних случаях ее рассматривают как синоним цифровизации и уровня внедрения информационно-коммуникационных технологий, что не совсем оправданно. В большей степени она является зеркалом, отражающим процессы, которые имеют место в народном хозяйстве под влиянием цифровой трансформации.

Можно констатировать, что в научной литературе получают распространение два подхода к определению «цифровой экономики». Согласно первому под ней понимают экономику, основывающуюся на цифровых технологиях и связанную, в основном, с электронными товарами и услугами. Второй подход предполагает рассмотрение «цифровой экономики» как способа осуществления процесса экономического производства с использованием цифровых технологий. Каким подходом к интерпретации понятий «цифровая экономика» ни руководствоваться, однозначно то, что само ее возникновение и распространение обусловлено способностью снижать транзакционные издержки при реализации товаров и услуг. Как правило, издержки не столько финансово-стоимостные, сколько временные, которые, в свою очередь, также могут быть измерены в стоимостном измерении. Именно свойство сокращения издержек, присущее цифровым технологиям, обуславливает то, что первоочередное

¹ [1], а также: Цифровая Россия: новая реальность. Июль 2017 года / Digital McKinsey. – 2017. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tadviser.ru/images/c/c2/Digital-Russia-report.pdf>

² Цифровая Россия: новая реальность. Июль 2017 года / Там же.

распространение они получают в части предоставления государственных и муниципальных услуг, а в кадровой сфере их продвижение идет значительно медленнее.

На основе систематизации описанного в литературе опыта можно выделить ряд проблем в сфере работы с персоналом¹, требующих более эффективного решения, предполагающего обращение к большим данным.

1. Раньше работодатели полагались на различные стандартизированные и массовые оценки, такие как тесты IQ, тесты практических навыков, профессиональные экзамены, пробные задания и даже конкурсы на испытательном сроке, чтобы принять решение о найме, увольнении или продвижении конкретного работника. Но в последние годы большие данные стали новым подходом для научно-обоснованного найма, позволяя рекрутерам решать задачи выбора между двумя или массой потенциальных кандидатов на должность или увольнение.

2. Процесс поиска кандидата может быть трудоемким и, следовательно, затратным. Всеобщая устремленность к реализации принципов бережливого производства и к оптимизации обуславливает потребность в сокращении данного вида затрат при необходимости повышения качества отбора.

3. Источники кадровой информации становятся всё более объемными: базы объявлений, социальные сети и профессиональные форумы со всей очевидностью невозможно эффективно исследовать и анализировать в ручном режиме.

4. Ряд профессий и позиций имеет низкий уровень чувствительности к уровню или профилю образования соискателей (например, на госслужбу может поступить любой человек, имеющий высшее образование), чем злоупотребляют некоторые соискатели, обладающие более развитыми коммуникативными навыками. Существует ряд способов и практических рекомендаций о том, как ввести в заблуждение рекрутера и успешно пройти почти любое собеседование, порой прибегая к мошенничеству. Сегодня выявление таких соискателей реализуется преимущественно субъективно.

Таким образом, происходит изменение наполнения кадровых функций, что возводит в число приоритетных проблему формирования статистической информации о кадровом составе и его изменениях, проблему подготовки аналитических данных о процессах в кадровой подсистеме органов власти и выявления достоверной информации о государственных гражданских служащих.

В деятельности органов государственной власти активно используется информация, загруженная в федеральную государственную информационную систему «Единая информационная система управления кадровым составом государственной службы» (далее – ФГИС «ЕИСУ КС»). Однако процесс формирования баз данных в отношении государственных гражданских служащих, позволяющих выявлять и оценивать разворачивающиеся на государственной гражданской службе тренды, а также формировать прогнозы о будущей возможной динамике и структуре кадрового состава, идет медленно. При этом имеющаяся официальная информация о кадровом составе государственной гражданской службы, предоставляемая Росстатом, далека от исчерпывающей с учетом растущих потребностей в статистических данных и не оперативна, что затрудняет аналитику. При этом многие качественные параметры, необходимые для комплексной оценки, не находят отражения в статистической отчетности в принципе, требуя иных методов обработки информации из иных источников (например, контент-анализа социальных сетей).

Число направлений кадровой работы, где применимы большие данные, ограничено. Данные, которые собирают в отделах персонала (загрузка персонала, процент отсутствий, время обучения, уровень производительности, опыт работы, затраты на подбор и т.п.), создают видение внутренних показателей в прошлом вместо того, чтобы обратить внимание на будущие изменения и перспективы не только внутри организации, но и вне ее. То есть HR продолжает фокусироваться на данных, а не на бизнес-проблемах как таковых. На практике уже сейчас можно выделить направления кадрового менеджмента, наиболее привлекательные с точки зрения потенциала внедрения аналитических процедур, основанных на больших данных:

– рекрутинг: большое количество неструктурированных данных, поступающих в распоряжение кадровых служб (профили в социальных сетях, фотографии, комментарии) дает пространство для анализа и подбора наилучших кандидатов;

– анализ внутренних коммуникаций (анализ почты, телефонных разговоров, встреч в календарях, переписки в корпоративных коммуникаторах и т.д.) на предмет угроз, оценки мотивации и по другим поводам;

¹ [6], а также: Creating Competitive Advantage from Big Data in Retail. / Consumer Marketing Analytics Center. McKinsey & Company. – 2012. – [Электронный ресурс]. URL: http://www.mckinsey.com/client_service/retail/expertise/~media/mckinsey/dotcom/client_service/retail/articles/cmac_creating_competitive_advantage_from_big_data; Measuring the Information Society Report 2017 - Volume 2. / ITU – [Электронный ресурс]. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/publications/mis2017.aspx>

– формирование графиков работы – анализ загрузки на основании данных прошлых периодов и предложение по графикам сменности.

Так или иначе, кадровые службы органов исполнительной власти не могут оставлять без внимания увеличивающийся объем сведений, характеризующих кадровый состав, и вынуждены проводить работу по его оценке вручную. Практика показывает, что данные о нанимаемом на работу кандидате всё же собираются из самых разнообразных источников, включая социальные сети. Поступающий на государственную гражданскую службу кандидат наряду с основными данными о себе указывает профиль в сетях и соглашается на использование данных, что позволяет сотрудникам кадровых служб вести мониторинг на законной основе. Однако процесс, реализуемый без специализированных средств сбора и обработки данных, занимает больше времени, а получаемый результат основывается на обработке лишь той информации, которую смог извлечь сотрудник кадровой или информационно-аналитической службы, т.е. фактически части от всего объема имеющейся информации. Разумеется, для кандидата или сотрудника процесс оценки не является прозрачным, что не столько создает трудности для самого кандидата, сколько делает неявным процесс отбора кадров и формирования требований, предъявляемых к кадровому составу.

Текущая модель кадровой работы с новыми объемами информации на государственной службе

В соответствии со статьей 16 Федерального закона от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» основными кадровыми процессами, составляющими систему управления государственной службой на федеральном уровне и на уровне субъектов Российской Федерации в целях координации деятельности государственных органов, являются процессы, связанные со следующим:

- поступление на государственную службу;
- формирование кадрового резерва;
- прохождение и прекращение государственной службы;
- использование кадрового резерва для замещения должностей государственной службы;
- профессиональное образование и дополнительное профессиональное образование государственных служащих;
- проведение ротации государственных служащих;
- осуществление вневедомственного контроля за соблюдением в государственных органах федеральных законов, иных нормативных правовых актов Российской Федерации, законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации о государственной службе.

Современные рыночные отношения и растущий функционал государственных органов предъявляют к государственным гражданским служащим требования по качественно новой подготовке и расширению профессиональных знаний. Одним из инструментов, способствующих приведению госслужащих в соответствие с современными требованиями, является ФГИС «ЕИСУ КС», созданная на базе Федерального портала государственной службы и управленческих кадров в соответствии с постановлением Правительства РФ от 03.03.2017 г. № 256 «О федеральной государственной информационной системе «Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации».

ФГИС «ЕИСУ КС» является базовым государственным информационным ресурсом в отношении информации о кадровом составе государственных органов (включая аппараты судов и органы местного самоуправления). Она способствует научной организации труда и реализации кадровой работы в части информационного оснащения, ориентирована на информатизацию и автоматизацию процессов внедрения электронного документооборота, обеспечение информационной поддержки управления, автоматизацию архивирования и работы с документами, и представляет собой:

- базовый государственный информационный ресурс в отношении информации о кадровом составе государственных органов, включая сведения о вакантных должностях государственной службы, имеющих в аппаратах судов и государственных органах;
- систему в области государственной службы, в рамках которой осуществляется обработка справок о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, проведение анализа указанных в них сведений, межведомственное взаимодействие в сфере противодействия коррупции;
- ресурс, с использованием которого осуществляется представление документов в электронном виде для участия в конкурсах на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации и включение в кадровый резерв федерального государственного органа;

– федеральную государственную информационную систему в области государственной службы, на официальном сайте которой размещается реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия.

С 01 января 2019 г. федеральные органы исполнительной власти используют данную систему в части ведения кадрового учета и прохождения государственной гражданской службы¹. Единая система применяется для информационного обеспечения федеральной гражданской службы и оптимизации работы кадровых служб федеральных органов государственной власти. Сведения из личного дела гражданского служащего учитываются в реестре гражданских служащих государственного органа и хранятся в базах данных системы.

Актуальность и значимость ФГИС «ЕИСУ КС» определяется и положениями Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» от 01.12.2016 № 642, в соответствии с которыми в ближайшие 10-15 лет в рамках приоритетных направлений научно-технологического развития Российской Федерации требуется обеспечить переход к передовым цифровым, интеллектуальным производственным технологиям, роботизированным системам, новым материалам и способам конструирования, а также создание систем обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта.

В Основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 г., разработанных в целях выполнения Указа Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 07.05.2018 № 204, среди приоритетных направлений системного развития государственной гражданской службы Российской Федерации указаны, в частности, создание системы цифровизации кадровых процессов на государственной гражданской службе посредством внедрения федеральной государственной информационной системы в области государственной службы, формирования аналитической отчетности по вопросам государственной службы и противодействия коррупции; внедрение современных кадровых технологий на гражданской службе в целях ее эффективного функционирования.

Работа ФГИС «ЕИСУ КС» ориентирована, в конечном итоге, на поддержку процесса формирования нового типа современного гражданского служащего с требуемым компетенциями, развитым творческим мышлением, способного к решению в том числе и нестандартных задач, что имеет особую актуальность на фоне активного преобразования нормативно-правовой базы, трансформирующей методы работы, формы и схемы коммуникационного взаимодействия.

Функционирование системы позволяет реализовывать комплекс мероприятий по обеспечению функционирования органов государственной власти, что в первую очередь включает традиционные процессы работы кадровых подразделений и предусматривает выполнение таких функций как организационное и документационное обеспечение деятельности, организация единого порядка работы с кадровыми документами, обмен документами между органами власти, проведение информационно-аналитической работы по вопросам кадрового обеспечения управления и пр. В основе автоматизации кадровых процедур и функций лежит ряд критериев, в числе которых используемая технология делопроизводства и степень ее соответствия основным задачам органа власти, функциональные характеристики системы, программная реализация, стоимость и безопасность системы.

Практическое внедрение алгоритмов обработки информации выстраивается в соответствии с входящими в настоящее время в состав ФГИС «ЕИСУ КС» подсистемами (табл. 1).

Проектирование перспективных направлений кадровой работы на базе ФГИС «ЕИСУ КС» на основе массивов больших данных

Логичным является создание и адаптация дополнительного блока в рамках существующей системы, основанного на обработке массивов больших данных. Модуль должен способствовать обоснованию проектов создания в среднесрочной перспективе новой модели принятия управленческих решений и оценки эффективности государственных гражданских служащих, основанной на всеобъемлющем оперативном информационном обеспечении, полноценно учитывающей интересы объекта и субъекта управления. Он призван обеспечить диагностику и контроль за кадровой подсистемой, консолидацию полноценной информации о кадровом составе в единой базе, координацию деятельности служб управления персоналом, распределение задач и учёт выполненных мероприятий по реагированию на изменения в моделях поведения персонала с целью повышения оперативности реагирования.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 15.08.2019 № 1056 «О едином специализированном информационном ресурсе, предназначенном для профессионального развития государственных гражданских служащих Российской Федерации».

Структура ФГИС «ЕИСУ КС»

Вид подсистемы	Состав
Функциональные подсистемы	официальный портал ФГИС «ЕИСУ КС»;
	подсистема организационно-штатной структуры;
	подсистема учета кадрового состава;
	подсистема формирования кадрового состава;
	подсистема прохождения государственной гражданской службы;
	подсистема обеспечения соблюдения требований к служебному поведению, урегулирования конфликта интересов и противодействия коррупции;
	подсистема государственных гарантий государственных гражданских служащих;
	подсистема профессионального развития государственных гражданских служащих.
Обеспечивающие подсистемы	подсистема администрирования;
	подсистема распорядительной и нормативной документации по вопросам кадровой работы;
	подсистема сбора и аналитической обработки информации, формирования аналитических и статистических отчетов;
	подсистема обмена данными и сообщениями;
	подсистема нормативно-правового обеспечения кадровой работы;
	подсистема информационной безопасности.

Важным этапом проектирования системы больших данных является поиск оптимальной структуры, что подразумевает выбор способа хранения и распределения данных между ее узлами, подбор оборудования и хранилищ данных. При этом необходимо учесть специфику выполняемых запросов, а также способы оптимизации структуры системы. Рассматривая процедуру работы модуля, нельзя не остановиться на ключевых этапах, позволяющих раскрыть функционал его работы.

1. Прием данных. Для эффективного проведения дальнейшей процедуры сбора данных требуется определение источников данных с учетом того, что они характеризуются разнообразными параметрами, в числе которых следующие:

- частота поступления данных из источника,
- объём поступающих данных,
- скорость передачи данных,
- характер и тип поступающих данных,
- достоверность данных.

Исходный формат данных во многом зависит от используемых источников данных. Источники информации в современном управлении – экспоненциально растущие объемы текстов, поступающие из Интернета, внутренних отчетов, договоров, переписки, корпоративных баз знаний, нормативной и справочной информации, структурированных баз данных о клиентах, партнерах, проектах, сделках. При этом наличие данных не означает наличие пригодной для управленческих целей информации и, тем более, знаний о процессе, объекте или событии. Именно знание, основанное на функциональной модели информации, приводит к действию, то есть обеспечивает переход от реактивной (аналитической) модели мира к проактивной (синтетической) модели, позволяя прогнозировать и планировать.

Применительно к модулю работы с кадровым составом государственных служащих наибольшим потенциалом обладают данные, собираемые из медиа-источников, в том числе популярные социальные сети, сайты отзывов, многочисленные форумы и блоги, онлайн-СМИ.

2. Сбор, очистка и хранение данных. Сбор данных сопряжен с непосредственным взаимодействием с системами, позволяющими хранить данные. Использование больших данных сопряжено с необходимостью решения важной проблемы, связанной с многообразием источников информации, в которых данные структурированы неодинаково или содержат противоречия. В совокупности эти проблемы значительно усложняют процесс принятия решений, поскольку всесторонний анализ этой информации будет затруднительным, а результаты – недостоверными. Следовательно, сбор и складирование информации должны сопровождаться очисткой данных, которая представляет собой процесс интеллектуального упорядочивания данных, их структуризации, цензурирования (исключение повторов), кросс-верификации (исключение противоречий).

3. Оперативный и интеллектуальный анализ данных. Оперативный анализ выявляет преимущественно описательные характеристики: частоту и контекст упоминаний персоны в разрезе качеств или выполняемых работ, сравнение с конкурентами, ключевых акторов, участвующих в обсуждении персоны или события, отношение к персоне или процессу (коннотация отзывов), данные акторов, входящих в целевую аудиторию: имена, возраст, географию и пр. Интеллектуальный анализ обладает

большими возможностями, так как предполагает использование новых техник и позволяет инкорпорировать поведенческую психологию, сочетая ее со статистически надежными методами. Он формирует более полную картину поведения индивида и его конкурентов. Интеллектуальный анализ предполагает, что на основе собранных метаданных по заданной выборке формируется типология индивидов по выбранной критериальной системе. Учитывая, что имеется значительное количество данных о психотипах пользователей социальных сетей, становится возможным определить потенциальное поведение кандидата, сравнив имеющиеся по нему данные с поведением пользователей в аккаунтах.

4. Визуализация данных и результатов анализа. Результаты анализа данных могут быть использованы по-разному (табл. 2).

Таблица 2

Варианты представления и использования результатов анализа массивов больших данных

Варианты использования результатов	Содержание процессов
Мониторинг метаданных	Отображение в режиме реального времени заданных параметров функционирования, интенсивности вычислений, распределения задач между элементами кластера, потоков и блоков информации в хранилище, наличия свободного дискового пространства, загрузки со стороны пользователей, отказов оборудования и т.д.
Мониторинг информации	Подсистема, отображающая в режиме реального времени такие процессы, как прием, сбор и анализ данных, а также опосредующая навигацию по ним.
Создание отчетов, запросов, визуализация данных и результатов запросов, вывод в формат презентаций и документов, создание инфографики, сводных таблиц и т.п.	
Преобразование массивов данных, обеспечение их экспорта в другие подсистемы	

Важным этапом является выбор параметров, соответствующих кадровой политике и используемых при формировании аналитики. Подбор HR-метрик и периодичность их расчета осуществляется в соответствии со стоящими задачами. Основные необходимые метрики сосредоточены в трех плоскостях: время, цена и качество. Каждой HR-метрике на выходе должен соответствовать набор (массив) данных, отражающих ситуацию для конкретных ключевых позиций (должностей) или их групп.

Опыт информационно-аналитической поддержки системы управления кадровым составом

Перевод цифровой экономики из теории в пространство действия способен обеспечить в масштабе национальной экономики значительное сокращение транзакционных издержек, включая те, что связаны с получением информации и предоставлением государственных услуг. В той связи в РАНХиГС при Президенте РФ реализуется проект методического сопровождения работы кадровых подразделений в ФГИС «ЕИСУ КС», включая развитие функционала системы. Реализация проекта предполагает оценку применения отчетных кадровых форм для проведения кадровой аналитики и мониторинга типовых кадровых процессов на государственной гражданской службе, а также описание перспективных аналитических процедур, рекомендуемых к выполнению на базе отчетных кадровых форм, учитывающих потенциально возможный на сегодняшний день функционал в кадровой работе на государственной гражданской службе, с учетом возможности интеграции в ФГИС «ЕИСУ КС». Исследование предполагает на выходе формирование положений для практического внедрения в систему принятия управленческих решений на государственном уровне. Предполагается, что это позволит в перспективе заполнить технологические пробелы в части формирования и обработки данных для управления кадровым составом и оказать поддержку принятия важных кадровых решений. Разработанные решения должны дать дорогу внедрению новаторских механизмов, призванных способствовать открытости и обмену данными, обеспечить своевременное преобразование научно-технических достижений в информационно-технологические платформы поддержки процесса разработки и принятия управленческих решений.

Литература

1. Колмаков В.В., Полякова А.Г., Поляков С.В. Проектирование инновационной системы поддержки управленческих решений на основе сетевого анализа и алгоритмов обработки массивов больших данных. // Сборник материалов III Черноморской международной научно-практической конференции Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Под ред. О.А. Шпырко, В.В. Хапаева, С.И. Рубцовой, Ю.Л. Ситько. 2019. С. 172 – 173.
2. Буньковский Д.В. Методы минимизации рисков предприятия. // Вопросы управления. 2018. № 5 (54). С. 125 – 129.
3. Батуева Т.Б., Колесников А.М. Система подготовки и профессионального развития государственных служащих // Ученые записки Российской академии предпринимательства. 2015. № 45. С. 286 – 294.

4. Polyakova A.G., Loginov M.P., Serebrennikova A.I., Thalassinou E.I. Design of a socio-economic processes monitoring system based on network analysis and big data // International Journal of Economics and Business Administration. 2019. T. 7. № S1. С. 130 – 139.
5. Капустюк П.А., Буньковский Д.В. Оплата труда как элемент добавленной стоимости, создаваемой в теневой экономике // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2017. № 4 (83). С. 158 – 168.
6. McAfee A., Brynjolfsson E. Big Data: The Management Revolution // Harvard Business Review. 2012. Vol. 10. P. 60 – 68.

Lavrova Tatyana Budaevna, PhD (econ.), Director of the Center for Modern Teaching Technologies and Online Resources of the Higher School of Public Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadsky Ave, Moscow, 119571, Russian Federation).

E-mail: batueva@ranepa.ru

Polyakova Aleksandra Grigoryevna, Dr.Sc. (econ.), Professor of Economics, PhD (econ.), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadsky Ave, Moscow, 119571, Russian Federation). E-mail: polyakova-ag@ranepa.ru

DEVELOPMENT OF THE UNIFIED INFORMATION SYSTEM FOR THE RUSSIAN FEDERATION CIVIL SERVICE HUMAN RESOURCES MANAGEMENT

Abstract

Due to the fact that the digital economy is modifying managerial practices, the work of government bodies is being reconstructed: advances in the theory and practice of forming a digital economy require applications to the theory of public administration, including its human resource subsystem. Thus, the demand for innovative management systems, HR-monitoring systems, information processing algorithms is getting actual, that requires the new theoretical and methodological approaches development. The article considers the prerequisites for the transformation of human resources related workflow in the state civil service, new expectations and requirements for HRM in changing conditions. A separate consideration was awarded the potential inherent in the use of big data. The research structure is built on the principle of movement from the identification of the "as is" model towards the "as it should be" model. The article explores the possibility of modernizing the activities of personnel departments of state authorities in terms of hiring, selecting and evaluating personnel through the use of big data. An option is proposed for integrating the unit for collecting and processing big data on employees in the Federal State Information System "Unified Information System for Managing the Personnel of the Civil Service" with the aim of improving analytical work in the personnel subsystem.

Keywords: civil service, personnel management, personnel processes, personnel functions, personnel analytics, information and communication technologies, information system, digital economy, information space.

References

1. Kolmakov V.V., Polyakova A.G., Polyakov S.V. Proektirovanie innovacionnoj sistemy podderzhki upravlencheskih reshenij na osnove setevogo analiza i algoritmov obrabotki massivov bol'shih dannyh. // Sbornik materialov III Chernomorskoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M.V. Lomonosova. Pod red. O.A. SHpyrko, V.V. Hapaeva, S.I. Rubcovej, YU.L. Sit'ko. 2019. P. 172 – 173.
2. Bun'kovskij D.V. Metody minimizacii riskov predpriyatiya. // Voprosy upravleniya. 2018. № 5 (54). P. 125 – 129.
3. Batueva T.B., Kolesnikov A.M. Sistema podgotovki i professional'nogo razvitiya gosudarstvennyh sluzhashchih // Uchenye zapiski Rossijskoj Akademii predprinimatel'stva. 2015. № 45. P. 286 – 294.
4. Polyakova A.G., Loginov M.P., Serebrennikova A.I., Thalassinou E.I. Design of a socio-economic processes monitoring system based on network analysis and big data // International Journal of Economics and Business Administration. 2019. T. 7. № S1. P. 130 – 139.
5. Kapustyuk P.A., Bun'kovskij D.V. Oplata truda kak element dobavlennoj stoimosti, sozdavaemoj v tenevoj ekonomike // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennih del Rossii. 2017. № 4 (83). P. 158 – 168.
6. McAfee A., Brynjolfsson E. Big Data: The Management Revolution // Harvard Business Review. 2012. Vol. 10. P. 60 – 68.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ И ЕГО АДАПТАЦИЯ К УСЛОВИЯМ РОССИИ

Матвеев Владимир Владимирович доктор экономических наук, директор, Орловский филиал ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (302001, Россия, г. Орел, ул. Гостиная, 2). E-mail: vvmatveev@fa.ru

Аннотация

Управление персоналом занимает ключевое место в деятельности организации любой организационно-правовой формы, любой сферы деятельности. Обеспечение системы государственной службы кадрами требуемой квалификации, обладающими чувством гражданского долга, выступает наиважнейшей задачей развития государственного управления. Нестабильность в стране, в том числе в органах власти, недостаточно проработанная нормативно-правовая база деятельности госструктур, отсутствие единого методологического подхода к формированию государственной кадровой политики – эти и многие другие проблемы приводят к необходимости изучения зарубежного опыта управления кадрами в сфере государственной службы.

Ключевые слова: управление персоналом, адаптация персонала, зарубежный опыт, государственная служба, государственное управление, государственная кадровая политика, мотивация персонала, стратегическое управление, система обучения служащих.

Введение

С 1990-х гг. было проведено большое количество исследований в области управления персоналом. Были сделаны выводы относительно важности и значимости стратегического управления в данной области, были досконально изучены функции управления персоналом, роль и значимость кадрового менеджмента в деятельности организации, влияние на данный процесс факторов внешней и внутренней среды. Результаты исследований доказывают зависимости производительности труда, эффективности деятельности организаций от текучести кадров [6]. Вместе с тем, подобные исследования касались развития предпринимательского сектора экономики. Процесс управления кадрами государственной службы можно считать одним из наименее проработанных вопросов менеджмента персонала.

К настоящему времени проведено достаточно большое количество исследований, раскрывающих особенности отдельных технологий управления персоналом государственной службы. В. Ванденабеле (Бельгия) в течение 2003-2019 гг. изучает мотивацию персонала государственной службы. Он отмечает, что по мере осуществления модернизации экономики любой страны возникает необходимость реформирования государственного управления. Подобные изменения предполагают, по его мнению, внедрение инноваций в разрезе стратегического управления, разработку «дорожной карты» государственного управления, причем подобные изменения касаются не отдельно взятой страны, а выходят на международный уровень. При этом мотивация государственной службы рассматривается в неразрывной связи с благосостоянием общества: работа государственного служащего должна восприниматься как вклад в развитие общества [17]. Между мотивацией персонала и вкладом в социальное развитие общества В. Ванденабеле отмечает прямую зависимость.

Патрик Данливи – профессор государственного управления Лондонской школы экономики – еще в 1994 году сформулировал так называемое «новое государственное управление», раскрывая необходимость проведения реформы данной сферы деятельности [11]. Впоследствии (2018 г.) он углубил данную тему, придя к выводу о наличии связи между эффективностью деятельности органов государственного управления и жизнеобеспечением общества [10].

Д.Р. Браун отмечает, что высокий моральный дух и мотивация работников государственного сектора экономики способствуют повышению эффективности и результативности экономики в целом. Исследователь уделяет большое внимание вопросам найма работников, а также разрешения конфликтных ситуаций в сфере государственной службы [8].

Обобщая позиции различных ученых, считаем важным выделить основные черты имеющихся в литературе моделей управления человеческими ресурсами государственной службы с тем, чтобы в дальнейшей любая российская государственная структура, разрабатывая свою индивидуальную модель управления персоналом, могла учитывать имеющийся зарубежный опыт в данной области.

1. Актуальность переосмысления существующего подхода к сущности и роли государственного служащего

Большая часть государственных услуг предоставляется местными органами власти, и неэффективность выполнения этих услуг порождает серьезные последствия для социального обеспечения граждан. При исследовании международного опыта кадровой политики в области государственной

службы можно выделить ряд общих параметров для многих стран [16]. Во-первых, статус государственного служащего должен закрепляться в соответствующих правовых документах. Неизменным и самым важным критерием приема на государственную службу является наличие базового образования и необходимой профильной подготовки. Также стоит отметить, что в процессе карьерного роста в рамках развития профессиональных качеств государственному служащему нужно на регулярной основе проходить различные курсы, повышения квалификации и т.д.

Система подготовки, переподготовки и повышения квалификации государственных служащих – это специальным образом организованная система обучения служащих, направленная на совершенствование теоретических и практических знаний, овладение новыми профессиональными умениями и навыками, которые будут отвечать актуальным требованиям государственных профессиональных стандартов и учебных программ. Главная цель, которая преследуется при подготовке, переподготовке или повышении квалификации государственного служащего, состоит в повышении уровня эффективности работы органов государственного управления в целом и развитие каждого сотрудника. Каждому государственному служащему необходимо на постоянной основе совершенствовать свои знания и профессиональные умения и навыки. Достичь этого можно только путем непрерывного обучения.

В связи с вышесказанным актуальной задачей является процесс обеспечения единства профессионального развития с личностным развитием государственного служащего. Для решения данной задачи необходимо в процессе обучения использовать концепции программно-целевого, личностно-ориентированного обучения, использовать новые подходящие методики и технологии для оптимизации образовательного процесса.

Эффективность деятельности органов государственной власти зависит, прежде всего, от качества их кадрового состава, его способности решать сложные управленческие задачи в динамично меняющихся условиях. Особенность таких профессионалов, как государственные служащие, состоит не только в их правовом статусе, а также в требованиях, которые предъявляются к ним для эффективного исполнения профессиональных обязанностей. Исходя из этого формирование компетентного кадрового состава государственной службы с соответствующим уровнем профессиональной подготовки представляется принципиально важным условием успешной реализации реформ и решения задач, которые стоят перед органами власти на современном этапе.

2. Модели подготовки специалистов государственной службы

В настоящее время многие наиболее развитые европейские и американские страны имеют специальные программы по подготовке кадров для государственной службы. Данные программы по своим показателям входят в рамки единого стандарта, который носит название МРА (Master of Public Administration). Степень магистра в области государственного управления признана значимым элементом реформы государственной службы многих стран. Несмотря на упомянутое выше сходство статуса государственных служащих различных стран, между ними имеются и отличия, которые свидетельствуют о наличии различных подходов к подготовке служащих государственного аппарата [15].

Из теории управления персоналом известно, что в качестве базовых выделяют западноевропейскую и американскую системы по подготовке специалистов государственной службы. Основой для американских стандартов послужило традиционное европейское образование, однако стоит отметить, что исторические особенности развития североамериканских стран способствовали появлению значительных отличий в американских стандартах профессионального высшего образования.

Что касается западноевропейских традиций подготовки кадров в сфере государственной службы, то для них также характерны особенности, возникшие в результате процесса адаптации образовательных программ в связи с местными политическими, социально-экономическими и культурными условиями. Так выделились два основных западноевропейских подхода по подготовке государственных служащих – англосаксонский и французский.

2.1. Опыт Великобритании

Англосаксонский подход по подготовке государственных служащих изначально получил распространение в Великобритании. Но впоследствии наиболее существенное влияние на его развитие оказали немецкие ученые, среди них Лоренц фон Штейн, Роберт фон Мольте, Макс Вебер, которые надолго зарекомендовали свое первенство в области подготовки кадров для государственной службы. В настоящее время Швеция, Норвегия, Дания, Нидерланды используют англосаксонский подход при подготовке государственных служащих. Если говорить об особенностях данного подхода, то следует отметить, что для поступления на государственную службу специалист должен обладать базовым юридическим образованием. В настоящее время данное требование является не столь критичным, но все-таки государственные служащие, получающие профессиональное образование в рамках англосаксонского подхода, характеризуются достойной подготовкой в правовой сфере.

Во многих странах Европы и преимущественно в Великобритании и в Германии в связи с процессами глобализации происходит реформирование области деятельности государственных служащих. В связи с этим повышается значимость многих профессиональных качеств государственного служащего: умение самостоятельно принимать управленческие решения, управлять произошедшими изменениями, проявлять лидерские способности и т.д. Если раньше главным требованием, предъявляемым к государственным служащим, было четкое выполнение инструкций, подчинение приказам вышестоящего начальства, минимизация инициативы, то в настоящее время данные стереотипы потерпели крушение, а следование перечисленным требованиям отрицательно влияет на эффективность деятельности государственных служащих. В связи с этим актуальным становится деятельность, направленная на развитие системного мышления, способности работать в команде, улучшение коммуникативных навыков, повышение уровня инициативности и самостоятельности.

В Великобритании для государственных служащих характерно классовое деление, всего имеется семь классов. Высшие должности относятся к первому классу. Одним из направлений реформирования системы государственной службы стала разработка критериев для оценки компетентности государственных служащих. Это, в свою очередь, явилось мотивационным фактором для постоянного совершенствования государственными служащими своих профессиональных способностей, знаний и умений, а также повышения уровня эффективности профессиональных деятельности. При продвижении по карьерной лестнице и присвоении следующего класса основополагающим является уровень образования и профессиональной подготовки.

В Великобритании централизованной программы по подготовке государственных служащих в чистом виде не существует. Даже однозначно определить, что представляет собой программа МРА достаточно сложно, так как программ такого плана несколько. Например, государственное администрирование, государственная политика, государственное управление сектором и другие. Имеется ведущее учебное заведение, в котором проходит обучение основной объем государственных служащих – это Колледж государственной службы (Civil Services College). При проведении занятий упор делается на образовательные программы будущих руководителей. Успешное прохождение обучения и освоение данной программы дает возможность повысить уровень квалификации, необходимый для продвижения по службе до третьего класса. Имеются также программы повышения квалификации специально для государственных служащих с 4 по 7 классы. Что касается служащих 1 и 2 классов, то для них разрабатываются специальные «мастер-классы», способствующие совершенствованию профессиональных навыков.

Следует отметить, что для Великобритании подготовка кадров – это одно из наиболее приоритетных направлений образовательной деятельности. В связи с этим развернута широкая работа по подготовке кадрового состава. Она включает в себя проведение семинаров, конференций и образовательных курсов, за организацию которых отвечают различные министерства и ведомства. Каждое из ответственных ведомств должно разрабатывать свои программы подготовки кадрового состава, учитывая при этом потребности рынка в направлении обучения сотрудников и реальность практического применения полученных знаний, умений и навыков на практике.

Таким образом, для Великобритании характерно отсутствие единой централизованной системы по подготовке кадров государственных служащих, но все-таки этот пробел восполняет наличие большого числа различных семинаров, курсов повышения квалификации и т.д. Несмотря на многообразие форм по обучению сотрудников у них имеются общие черты: обязательная подготовка выпускной работы по проекту, теоретическая подготовка в учебном заведении и овладение практическим опытом в большинстве случаев посредством стажировки.

Для системы подготовки кадров государственных служащих Великобритании характерны следующие признаки:

- наличие четко определенных критериев оценки компетенций государственных служащих, что, в свою очередь, является весомым стимулом постоянного повышения уровня образования и профессиональных умений и навыков [3]. Данный признак позволяет более конкретно определять должностные обязанности государственных служащих и, соответственно, обуславливает обязательность повышения их профессиональных умений.

2.2. Опыт США и Нидерландов

Рассмотрим модель профессиональной компетентности, характерную для государственных служащих США. Она характеризуется следующими особенностями:

1. Руководство изменениями. Данная компетенция заключается в способности видения будущего, т.е. способности к прогнозированию, также развитость в творческой области, обладание инновационным и стратегическим мышлением, постоянное повышение уровня квалификации и общего уровня знаний путем непрерывного обучения, а также достаточный уровень мотивированности.

2. Руководство персоналом. Данная важная компетенция состоит в способности формирования команды, управление конфликтами и т.д.

3. Управление ресурсами как профессиональная компетенция государственного служащего состоит в управлении человеческими ресурсами, управлении финансовыми потоками, а также владение технологиями в области управления персоналом и его мотивации.

4. Достижение результатов. В рамках данной компетенции государственный служащий должен обладать такими качествами как ответственность, способность принимать управленческие решения, административные навыки и др.

5. Коммуникативные умения, т.е. развитие устных, письменных коммуникативных навыков, способность ведения переговоров.

Из данного перечня профессиональных компетенций государственного служащего США следует, что не существует «жестких» рамок для профессионально личностных качеств, необходимых для формирования соответствующей компетенции.

Не остается без внимания опыт Нидерландов, где при подборе государственных служащих, для которых важно наличие специализированных управленческих способностей, применяется модель «Управленческий профиль» (management profile). По аналогии с моделью США рассмотрим основные профессиональные компетенции для государственных служащих в Нидерландах. Среди них выделяются:

1. Системное управление, т.е. управление в соответствии с имеющейся системой, построенной на определенных целях, а также способность строить прогнозы на будущее.

2. Решение проблем. Данная компетенция реализуется при развитии таких способностей, как анализ информации, принятие управленческих решений.

3. Межличностные отношения. Для данной компетенции необходимо наличие следующих способностей: понимание реакции участников совместной деятельности, гибкость мышления, умение слушать и слышать.

4. Оперативная эффективность как компетенция реализуется в случае достаточной развитости данных качеств: инициативности, оперативности контроля, умения грамотно делегировать полномочия.

5. Влияние на людей. В рамках данной характеристики государственного служащего делается акцент на такие качества как: уверенность в себе, способность к убеждению, способность к разработке плана действий.

6. Личные качества: стрессоустойчивость, мотивированность на профессиональную деятельность, способность к непрерывному обучению.

7. Управление с учетом среды. В данном случае речь идет об осознанности значимости внешней среды.

Можно сделать вывод, что для стран с развитым уровнем демократии характерно систематическое использование моделей профессиональной компетенции государственных служащих. С точки зрения структуры данные модели в разных странах достаточно схожи, единственное, что их состав может изменяться в связи со спецификой государственной управленческой деятельности.

3. Процедура отбора кандидатов на должность

Главная цель, преследуемая в процессе отбора кандидата на должность в органы государственной службы – это подбор такого работника, который будет показывать наиболее высокий уровень эффективности и результативности профессиональной деятельности.

В большинстве случаев рассматривается два основных способа поступления на государственную службу: в порядке назначения и на основании конкурса. В практике отбора кандидатов на государственную службу используются следующие формы конкурсного отбора: конкурс документов и конкурс-испытание. Также в качестве распространенных методов оценки претендентов на должности государственных служащих используются: анализ анкетных данных и собеседование, так называемое кадровое интервью. Не стоит упускать из вида такой способ получения нужной информации, как сведения о кандидатах с предыдущего места работы.

Перечисленные методы (возможно в измененных вариациях) отбора кандидатов на должности государственных служащих характерны для зарубежной практики.

4. Особенности подготовки и переподготовки государственных служащих

В последнее время подготовка квалифицированных кадров государственных служащих, отвечающих запросам настоящей практики, стала очень актуальной проблемой. Опыт стран Запада привлекают особое внимание в данном вопросе, так как они одни из первых, кто начал заниматься научной организацией труда государственных служащих [9; 18].

В США Управление по руководству персоналом несет прямую ответственность за организацию процесса обучения и повышения квалификации, в компетенцию данного управления входит разработка методик по оценке работы государственных служащих, а также контроль по их проведению. Набор государственных служащих осуществляет непосредственно Управление по руководству персоналом. При поступлении на службу практически не существует возрастных ограничений, т.е. есть возможность поступить на службу на любую ступень, не преследуя возрастные рамки. Данное управление отвечает за проведение экзаменационных испытаний по установленным программам, проводит экзамен на должности административных судей, отвечает за определение квалификации старших руководителей, для перехода на более высокую ступень по должности государственный служащий также должен сдать экзамен.

Одной из основополагающих в настоящее время целей администрации является обновление государственного аппарата. Это, в первую очередь, имеет отношение к Службе высших руководителей. Правительство США своей важной задачей определило внесение корректировок в функционирование Службы высших руководителей, что в последствии позволит наиболее качественно выполнять профессиональные задачи, стоящие перед данной службой и, конечно, повысить уровень эффективности в работе федеральных органов власти.

Для всех министерств и ведомств характерно наличие системы оценок по выполненной работе членами Службы высших руководителей, при этом учитывается миссия организации и рекомендации, данные службой управления персоналом. Цели и система оценки, с включением основных показателей определяется служащим и руководителем совместно. Обычно включаются следующие показатели: производительность и качество труда, время выполнения работы, издержки деятельности, и конечно, результативность работы.

Каждый год в письменной форме оформляется оценка работы каждого члена Службы высших руководителей. Данная оценка дается в двух экземплярах. Один из них для направления руководителю ведомства, другой же направляется в совет по исполнению, который создан для контроля за объективностью и последовательностью работы.

В законе о Службе высших руководителей определяются как минимум три шкалы для оценивания хорошо, удовлетворительно, неудовлетворительно. При получении оценки «хорошо» государственный служащий, как правило, может рассчитывать на получение премии. Нижестоящие по значимости оценки служат основанием для проведения мероприятий по корректировке действий государственного служащего или же увольнения его из Службы высших руководителей. Однако, оценку руководителей (государственных служащих) нельзя проводить в период 90-120 дней с момента вступления в новую должность, а также в течении 120 дней в случае прихода нового президента.

На основании закона, принятого в 1989 г., все государственные служащие (чиновники) должны проходить аттестацию каждые три года, с целью повышения результативности профессиональной деятельности.

Если рассматривать Германию, то за подготовку государственных служащих здесь отвечают так называемые высшие профессиональные школы государственного управления, которые представлены разветвленной сетью. Помимо основной высшей школы Федерации также осуществляют работу аналогичные школы в федеральных землях. Ко всему прочему, специальные учебные заведения и учебные центры имеют ведомства, которые уполномочены проводить работу по повышению квалификации государственных служащих. Главным условием для приема в высшую профессиональную школу является поступление на государственную службу [2; 5].

Для системы обучения государственных служащих Франции характерны стройность и продуманность структуры. Данная система включает в себя ряд специализированных учебных заведений, важнейшее из которых – Национальная школа администрации. Данная школа готовит преимущественно государственных служащих высшей категории. Окончание Национальной школы администрации является гарантией занятия высоких административных должностей. Во главе данной школы стоит административный совет, председателем которого, как правило, является вице-президент Государственного совета. Так же как участники в его состав входят: министры, государственные служащие высших категорий, представители учащихся и профсоюзов.

В некоторых городах, в частности это: Бастия, Лилль, Лион, Мец, Нант функционируют региональные институты администрации, которые занимаются подготовкой кадров для центральной государственной службы. Каждый из данных институтов ежегодно в рамках конкурсного отбора обучает 100-120 человек. Отдельные конкурсные отборы проходят для следующих категорий:

- 1) те, кто получил университетское образование;
- 2) служащие администраций, имеющие стаж 4 года;
- 3) те, кто имеет общий трудовой стаж не менее 5 лет.

Успешно сдавшим экзаменационные испытания и благополучно прошедшим стажировки предлагаются должности в административных органах управления. Что касается тех, кто не смог успешно выдержать испытания, то они либо могут начать обучение сначала, либо же возвращаются на предыдущее место без повышения по должности. Региональные институты администраций готовят специалистов для всех министерств, за исключением тех, которые имеют свои специализированные школы для подготовки кадров государственных служащих.

В Великобритании система подбора гражданских служащих строится на проведении письменных экзаменов, а затем прохождение обязательного собеседования, основанного на программах ведущих британских университетов. При подборе кадров для высших должностей предпочтительным является проведение устных собеседований. Назначение на должность высших должностных лиц проводит непосредственно министр гражданской службы, т.е. премьер-министр. За назначение на другие должности отвечает руководитель соответствующего министерства, который осуществляет набор самостоятельно, но данный процесс обязательно контролируется комиссией гражданской службы.

В Великобритании делается акцент на обучение и повышение квалификации работающих. Для каждого министерства характерно наличие специального отдела, компетентных сотрудников и управленцев по подготовке переподготовке, повышению квалификации государственных служащих, а также разработаны курсы, соответствующие программам данного ведомства. Существует выбор формы обучения: очная или заочная. Также предусмотрены некоторые льготы для сотрудников, посещающих курсы.

В местных советах существует центральная учебная консультативная группа, которая состоит из представителей всех уровней и сфер власти. Именно данная группа определяет необходимость обучения персонала. Стоит отметить, что местные органы власти полностью берут на себя расходы по предоставляемому обучению, в том случае, если оно признано центральной учебной консультативной группой необходимым.

Обобщая международный опыт по подготовке, переподготовке и повышении квалификации государственных служащих, можно сказать, что для систем разных стран существует ряд общих параметров. Статус государственного служащего, как правило, находит закрепление в соответствующем правовом документе. Одним из главных и, конечно, обязательным условием является наличие базового образования и специальной подготовки по определенному профилю. Помимо этих условий государственный служащий в процессе профессиональной деятельности должен регулярно на постоянной основе посещать разнообразные курсы переподготовки, повышать квалификацию, с целью повышения профессиональной компетентности и карьерного роста.

5. Мотивация государственных гражданских служащих.

По аналогии проанализируем зарубежный опыт мотивации государственных служащих, рассмотрим способы мотивации государственных служащих в разных странах [12]. Если говорить о системе мотивации государственных служащих Великобритании, то для начала стоит отметить, что оплата труда служащего с Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии находится в тесной взаимосвязи с оценкой его деятельности. Данная оценка представляет собой комплекс мероприятий, который включает в себя ежегодное собеседование государственного служащего с начальником и аттестацию. Сотрудники государственной службы получают оценку в рамках пятибалльной шкалы. В ситуации, когда результаты работы высоки, сотруднику ставится оценка «1» или «2», с учетом того, что «1» ставится только в том случае, если качество работы на очень высоком уровне. При получении высшего балла сотрудник (государственный служащий) может рассчитывать на повышение заработной платы или иное денежное вознаграждение, а также возможность карьерного роста.

Одним принципиально важным принципом государственной службы в Великобритании является то, что сотруднику (служащему) предоставляется возможность показать уровень своих способностей, навыков и умений в различных сферах государственного управления и, соответственно, при достойном уровне перечисленных элементов продвигаться по карьерной лестнице. Продвижение по службе находится в прямой зависимости от темпа и качества роста трудового, профессионального опыта государственного служащего.

Если ранее оплата труда государственных служащих была в тесной взаимосвязи с системой классификации должностей (для государственных служащих существовали определенные разряды, в соответствии с которыми находились должности и «вилка оплаты труда» и соответствие разряда оплате трудовой деятельности было едино для всей страны), то в настоящее время вопросом о вознаграждении и принятии размера «вилки оплаты труда» ведают специальные департаменты и агентства, именно они устанавливают минимальный и максимальный уровень оплаты для каждой должности. В Великобритании для расчёта этих значений применяется методика JEGS

(job evaluation and grading support). Используя данную методику, представляется возможным провести оценку значимости отдельных функций и соответственно рассчитать их стоимость.

Такая система оплаты труда ставит размер денежного вознаграждения в прямую зависимость от уровня эффективности и значимости выполняемой профессиональной деятельности государственным служащим. Таким образом заработная плата государственного служащего не находится в зависимости от его классификационного должностного положения. Как уже уточнялось есть определение максимального и минимального размера оплаты труда, но стоит отметить, что в любом случае все надбавки, премии и иные вознаграждения назначаются в соответствии с уровнем эффективности профессиональной деятельности государственного служащего.

В Великобритании главным видом мотивации государственных служащих является материальное стимулирование, которое, в свою очередь, находится в тесной зависимости от результатов их профессиональной деятельности.

Интересным фактом является то, что в США ежегодную аттестацию проходят не только сотрудники (служащие), но и руководитель подразделения проходит проверку на определение уровня результативности и эффективности его деятельности. Это подразделение создает особую систему проверки уровня результативности профессиональной деятельности работников. В соответствии с данной системой определяются цели, преследуемые работниками и руководителем. Составляется соглашение, в котором прописываются цели. Затем данное соглашение подписывается руководителем и работниками подразделения. В тексте данного соглашения, как правило, отражены результативность деятельности, уровень качества и эффективности трудовой деятельности, перспективы инновационного развития. Также стоит отметить, что показатели результативности профессиональной деятельности руководителя находятся в тесной зависимости от уровня результативности подчиненных.

Обратим свое внимание на французский опыт в области мотивации государственных служащих. В настоящее время мотивация французских государственных служащих находится в прямой зависимости от оценки их деятельности. Эта оценка включает в себя две процедуры:

- 1) оценочное собеседование;
- 2) аттестация.

Если говорить об оценочном собеседовании, то оно представляет собой ежегодную процедуру, по способу проведения – это обычная неформальная беседа, в ходе которой обсуждаются вопросы о достижении поставленных целей, решении задач, а также определяется необходимость повышения квалификации государственного служащего, перспективы его карьерного роста. Оценка деятельности государственного служащего первостепенно зависит от достижения им индивидуальных результатов и соответствие этих результатов поставленным целям и задачам.

Чтобы сделать процедуру оценки сотрудника наиболее объективной, существует правило, говорящее, что доля служащих, которым возможно максимально увеличить балл, не должна превышать 20 %. Помимо этого, оценка по результатам аттестационных испытаний согласовывается у нескольких должностных лиц, затем данная оценка проходит согласование со специальной комиссией.

Карьерное положение государственных служащих находится в зависимости от прохождения им по системе рангов и эшелонов. Повышение эшелона зависит напрямую от выслуги лет, а что касается повышения ранга, то здесь непосредственное влияние оказывает руководитель подразделения. Только он может принять решение о продвижении сотрудника по карьерной лестнице, и не всегда это решение находится в зависимости от итогов аттестации или же уровня эффективности работы, а в большинстве случаев зависит от собственных (субъективных) соображений руководителя.

Главной целью данной системы было желание сделать заработную плату государственных служащих более справедливой, равнозначной, объективной. Но одним из результатов формирования данной системы стало образование громоздкой структуры государственных должностей.

6. Выводы

Существует ряд ограничений, которые затрудняют адаптировать зарубежный опыт по подготовке государственных служащих в российских условиях. Уже имеются отечественные разработки по адаптации данного подхода к деятельности российских государственных служб [13], однако их практическая реализация все еще не получила широкого распространения. Первое – это то, что в зарубежной практике ярко выражена децентрализация образовательной системы и переподготовки государственных служащих. В России же, напротив, на высоком уровне развиты традиции централизации, поэтому инициативность федеральных а, тем более, региональных и муниципальных ведомств в вопросах организации образовательных курсов и учебных программ минимальна. Для зарубежного опыта характерна четкая система контроля качества полученного образования, не смотря на все многообразие программ подготовки государственных служащих. В России же это пока остается

нерешенной проблемой. Также серьезная правовая подготовка, традиционно отличающая англосаксонский подход, базируется на совершенно иной правовой традиции - прецедентном праве, что значительно усложняет процесс адаптации зарубежных учебных программ к российским условиям.

В условиях реализации государственных проектов по реформированию различных сфер экономики модернизации деятельности государственной службы России уделяется значительное внимание. В этой связи мировой опыт по разработке и внедрению компетентностного подхода к управлению кадрами в сфере государственной службы заслуживает значительного внимания.

Литература

1. Бондаренко А.А., Григорьева Д.Х. Зарубежный опыт управления персоналом и его адаптация в российских организациях // Инновационные исследования: проблемы внедрения результатов и направления развития: сборник статей Международной научно - практической конференции (18 декабря 2017 г, Челябинск). В 3 ч. Ч.1 / – Уфа: ОМЕГА САЙНС, 2017. С. 24-27. – https://elibrary.ru/download/elibrary_31491024_52394540.pdf
2. Игнатов В.Г. Государственная и муниципальная служба современной России. Изд. 5-е, доп. и перераб. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИФ РАНХиГС, 2011.
3. Соболева Ю.П., Печникова А.В. Управление по компетенциям как средство реализации кадровой стратегии организации // Научные Записки ОрелГИЭТ. 2017. № 5 (23). С. 5 – 9.
4. Соболева Ю.П., Сотникова Е.А., Карпова Т.В. К вопросу о специфике управления персоналом в сфере услуг // Вестник ОрелГИЭТ. 2017. № 4 (42). С. 59 – 63.
5. Стратегия кадровой политики в эпоху цифровой экономики: монография / Под общ. редакцией Н.А. Лытневой. Орел: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, 2019. 272 с.
6. Arthur J.B. Effects of human-resource systems on manufacturing performance and turnover // Academy of management journal. 1994. Vol. 37. № 3. – pp. 670-687. – <http://sabilfeb.lecture.ub.ac.id/files/2015/05/MRA.pdf>, DOI: 10.2307/256705.
7. Brown D.R. Managing diversity In the Trinidad and Tobago public service. Challenges for human resource management // Public Management: An International Journal of Research and Theory. 1999. Volume 1. Issue 2. –pp. 213-234. –<https://doi.org/10.1080/147190399000000004>.
8. Brown K. Human resource management in the public sector // Public Management Review. – 2004. – Volume 6. Issue 3. – pp. 303-309. –<https://doi.org/10.1080/1471903042000256501>.
9. Cooke F.L., Dickmann M., Parry E. Important issues in human resource management: introduction to the 2020 review issue // The International Journal of Human Resource Management. 2020. Volume 31, 2020 - Issue 1: Annual Review. – pp. 1-5. – <https://doi.org/10.1080/09585192.2020.1691353>.
10. Dunleavy P. The UK's Changing Democracy: The 2018 Democratic Audit. – London: LSE Press, 2018. – doi:<https://doi.org/10.31389/book1>.
11. Dunleavy P., Hood Ch. From old public administration to new public management // Public Money & Management. 1994. Volume 14. Issue 3. – pp. 9-16. – <https://doi.org/10.1080/09540969409387823>.
12. Fakhrutdinova E., Yurieva O., Burganova L., Yurieva O. Role of Competence-Based Approach in an Increase of Efficiency of Public Administration // Procedia Economics and Finance. – 2015. – Volume 23. – pp. 1064-1067. – [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)00511-0](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)00511-0).
13. Ghada Barsoum. The Public Sector as the Employer of Choice among Youth in Egypt: The Relevance of Public Service Motivation Theory // International Journal of Public Administration. – 2016. – Volume 39. – Issue 3. – pp. 205-215. – DOI:10.1080/01900692.2015.1004082
14. Nezhina T.G., Zaytseva T.V. A Public Servant: To Be or Not to Be. The Determinants of Employment Decisions Among the Russian MPA Students // International Journal of Public Administration – 2018. – Vol. 41, №. 1, pp. 72-82. – <https://doi.org/10.1080/01900692.2017.1350190>.
15. Sadykova Kuralay K. et al. Approaches to Effective Use of Human Resources in Public Service // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2017. Vol. 8. № 4 (26), pp. 1386-1393. – <https://journals.aserspublishing.eu/jarle/article/view/1548>.
16. Special issue of International Journal of Human Resource Management: Strategic human resource management and public sector performance / Editors E.Knies, P.Boselie, J.Gould-Williams, W.Vandenabeele // The International Journal of Human Resource Management. 2015. Volume 26, 2015 - Issue 3. – pp. 421-424. – <https://doi.org/10.1080/09585192.2014.980127>.
17. Vandenabeele W. Toward a public administration theory of public service motivation. An institutional approach // Public Management Review. 2007. Volume 9. Issue 4: Symposium: Modelling Public Management. – pp. 545-556. – <https://doi.org/10.1080/14719030701726697>.
18. Wright B.E. Public Service and Motivation: Does Mission Matter? // Public Administration Review. 2007. Volume 67. Issue 1. – pp. 54-64. – doi:10.1111/j.1540-6210.2006.00696.x

Matveev Vladimir Vladimirovich, Doctor of Economic Science, Director, Orel Branch of Financial University under the Government of the Russian Federation (2, Gostinaya St., Oryol, 302001, Russian Federation).
E-mail: vvmatveev@fa.ru

**FOREIGN EXPERIENCE OF PUBLIC SERVICE PERSONNEL MANAGEMENT
AND ITS ADAPTATION TO RUSSIAN CONDITIONS**

Abstract

Personnel management occupies a key place in the activities of the organization of any organizational and legal form, of any sphere of activity. Providing the public service system with the necessary qualifications, with a sense of civic duty is the most important task for the development of public administration. The instability in the country, including in power authorities, the lack of a well-developed legal framework for the activities of state structures, the absence of a coherent methodological approach to the formation of State personnel policy – these and many other problems lead to the necessity of study of foreign experience in the field of public service personnel management.

Keywords: *personnel management, personnel adaptation, foreign experience, public service, public administration, public personnel policy, staff motivation, strategic management, training system.*

References

1. Bondarenko A.A., Grigor'eva D.H. Zarubezhnyy opyt upravleniya personalom i ego adaptatsiya v rossijskikh organizatsiyah // Innovatsionnye issledovaniya: problemy vnedreniya rezul'tatov i napravleniya razvitiya: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (18 dekabrya 2017 g, Chelyabinsk). V 3 ch. CH.1 / – Ufa: OMEGA SAJNS, 2017. P. 24-27. – https://elibrary.ru/download/elibrary_31491024_52394540.pdf
2. Ignatov V.G. Gosudarstvennaya i municipal'naya sluzhba sovremennoj Rossii. Izd. 5-e, dop. i pe-rerab. Rostov n/D.: Izd-vo YURIF RANHiGS, 2011.
3. Soboleva YU.P., Pechnikova A.V. Upravlenie po kompetencyam kak sredstvo realizatsii kadrovoj strategii organizatsii // Nauchnye Zapiski OrelGIET. 2017. № 5 (23). P. 5 – 9.
4. Soboleva YU.P., Sotnikova E.A., Karpova T.V. K voprosu o specifike upravleniya personalom v sfere uslug // Vestnik OrelGIET. 2017. № 4 (42). P. 59 – 63.
5. Strategiya kadrovoj politiki v epohu cifrovoj ekonomiki: monografiya / Pod obshch. redakciej N.A. Lytnevoj. Orel: Srednerusskij institut upravleniya – filial RANHiGS, 2019. 272 p.
6. Arthur J.B. Effects of human-resource systems on manufacturing performance and turnover // Academy of management journal. 1994. Vol. 37. № 3. – pp. 670-687. – <http://sabilfeb.lecture.ub.ac.id/files/2015/05/MRA.pdf>, DOI: 10.2307/256705.
7. Brown D.R. Managing diversity In the Trinidad and Tobago public service. Challenges for human resource management // Public Management: An International Journal of Research and Theory. 1999. Volume 1. Issue 2. –pp. 213-234. –<https://doi.org/10.1080/147190399000000004>.
8. Brown K. Human resource management in the public sector // Public Management Review. – 2004. – Volume 6. Issue 3. – pp. 303-309. –<https://doi.org/10.1080/1471903042000256501>.
9. Cooke F.L., Dickmann M., Parry E. Important issues in human resource management: introduction to the 2020 review issue // The International Journal of Human Resource Management. 2020. Volume 31, 2020 - Issue 1: Annual Review. – pp. 1-5. – <https://doi.org/10.1080/09585192.2020.1691353>.
10. Dunleavy P. The UK's Changing Democracy: The 2018 Democratic Audit. – London: LSE Press, 2018. – doi:<https://doi.org/10.31389/book1>.
11. Dunleavy P., Hood Ch. From old public administration to new public management // Public Money & Management. 1994. Volume 14. Issue 3. – pp. 9-16. – <https://doi.org/10.1080/09540969409387823>.
12. Fakhrutdinova E., Yurieva O., Burganova L., Yurieva O. Role of Competence-Based Approach in an Increase of Efficiency of Public Administration // Procedia Economics and Finance. – 2015. – Volume 23. – pp. 1064-1067. – [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)00511-0](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)00511-0).
13. Ghada Barsoum. The Public Sector as the Employer of Choice among Youth in Egypt: The Relevance of Public Service Motivation Theory // International Journal of Public Administration. – 2016. – Volume 39. – Issue 3. – pp. 205-215. – DOI:10.1080/01900692.2015.1004082
14. Nezhina T.G., Zaytseva T.V. A Public Servant: To Be or Not to Be. The Determinants of Employment Decisions Among the Russian MPA Students // International Journal of Public Administration – 2018. – Vol. 41, №. 1, pp. 72–82. – <https://doi.org/10.1080/01900692.2017.1350190>.
15. Sadykova Kuralay K. et al. Approaches to Effective Use of Human Resources in Public Service // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2017. Vol. 8. № 4 (26), pp. 1386-1393. – <https://journals.aserspublishing.eu/jarle/article/view/1548>.
16. Special issue of International Journal of Human Resource Management: Strategic human resource management and public sector performance / Editors E.Knies, P.Boselie, J.Gould-Williams, W.Vandenabeele // The International Journal of Human Resource Management. 2015. Volume 26, 2015 - Issue 3. – pp. 421-424. – <https://doi.org/10.1080/09585192.2014.980127>.
17. Vandenabeele W. Toward a public administration theory of public service motivation. An institutional approach // Public Management Review. 2007. Volume 9. Issue 4: Symposium: Modelling Public Management. – pp. 545-556. – <https://doi.org/10.1080/14719030701726697>.
18. Wright B.E. Public Service and Motivation: Does Mission Matter? // Public Administration Review. 2007. Volume 67. Issue 1. – pp. 54-64. – doi:10.1111/j.1540-6210.2006.00696.x

МОТИВАЦИЯ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ И РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ПО ДАННЫМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА)

**Овчаренко
Роман
Константинович**

доктор социологических наук, доцент, зав. кафедрой социологии, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).
E-mail: alfa999@inbox.ru

**Лунева
Ирина
Александровна**

старший преподаватель кафедры социологии, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: irina-pochenkova@yandex.ru

**Штепа
Мария
Анатольевна**

кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: asp@uriu.ranepa.ru

Аннотация

Гражданская служба, занимая промежуточное положение между государством и обществом, играет ключевую роль в реализации целей и задач государственного управления. От результативности функционирования гражданских служащих, в конечном итоге, зависит качество работы всего государственного аппарата в целом. Но и результаты профессиональной служебной деятельности чиновников определяются их мотивацией к эффективному выполнению своих задач и функций. В статье приведены результаты социологического исследования по проблемам мотивации госслужащих и результативности их профессиональной служебной деятельности, которое было проведено исследовательским коллективом кафедры социологии ЮРИУ РАНХиГС в сентябре – октябре 2019 года в органах исполнительной власти Ростовской области.

Ключевые слова: *мотивация, результативность, гражданская служба, гражданские служащие, прикладное социологическое исследование, профессиональная служебная деятельность, органы исполнительной власти, должностные обязанности служащих, результативность государственной службы.*

Высокий динамизм общественных отношений и нарастание социальных противоречий выдвигают на первые позиции социального прогресса государственный сектор. Только результативная работа органов власти и управления способна обеспечить достижение целей общественного развития. В свою очередь от результативной работы каждого государственного служащего – ядра государственного сектора, зависит результативность всего государственного аппарата.

Категория результативности, представляющая собой степень достижения целей, является одной из центральных в современной системе государственной службы. Необходимость повышения результативности государственной службы обусловлена изменениями, произошедшими в российском государстве за последние два десятилетия. Результативная бюрократия – это почти синонимом результативного государственного механизма. Если чиновники нерезультативны, некомпетентны и плохо мотивированы, серьезные недоработки государства становятся, в принципе, неизбежны.

При этом люди являются одним из основных ресурсов и главным капиталом системы государственного управления, для результативного функционирования этой системы необходимо максимально полно использовать человеческие ресурсы. «На лицах, занимающих государственные и муниципальные должности, в том числе и выборные, лежит историческая миссия не только обеспечения стабильности и гражданского мира, но и приумножения национального богатства. Эта историческая роль высвечивается более выпукло на переломных этапах развития страны. В современный период особенно сильно видны возросшие и усложнившиеся требования к современным российским государственным и муниципальным служащим и высшим должностным лицам» [4]. Вместе с тем, современная система мотивации государственных служащих Ростовской области, имеет резервы совершенствования.

Разработка рекомендаций в области повышения результативности государственной службы через совершенствование мотивации труда государственных гражданских служащих невозможна без исследования факторов и движущих сил мотивации государственных гражданских служащих. Данные аспекты мотивации могут быть выяснены лишь в рамках специально проведенного исследования.

Именно для того чтобы повысить результативность деятельности государственных гражданских служащих Ростовской области было проведено социологическое исследование, направленное на выявление характерных особенностей мотивации профессиональной служебной деятельности госслужащих региона.

Проведение социологического опроса организовано кафедрой социологии Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС в соответствии с решением Совета по вопросам государственной гражданской службы Ростовской области при Губернаторе Ростовской области. Отметим, что данное исследование проведено в рамках научного направления «Социология государственной службы», разрабатываемого на кафедре социологии СКАГС и впоследствии ЮРИУ РАНХиГС, а основные результаты научной деятельности по этому направлению отражены в трудах ученых кафедры [1-3].

Кроме того, подобные исследования проводились нами и ранее [5-6]. Такие образом, опрос имеет смысл рассматривать логическим продолжением планомерной работы кафедры социологии по развитию социологии государственной службы в нашем регионе.

Исследование носило поисковый характер, призванный выявить степень мотивированности гражданских служащих к исполнению своих должностных обязанностей, изучить их оценки действующей системы мотивации в государственных органах Ростовской области, степени результативности гражданской службы, а также выявить возможные направления повышения результативности гражданской службы Ростовской области.

Генеральная совокупность (количество должностей гражданской службы в государственных органах Ростовской области) – 3400 человек по данным Ведомства по управлению государственной гражданской службой Ростовской области. Фактически опрошено 776 гражданских служащих. Ошибка выборки составила не более 3 %.

Для проведения исследования авторским коллективом ученых Южно-Российского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации был применен социологический метод анкетирования. Анкета предварительно была согласована с управлением по кадровой работе Правительства Ростовской области.

По итогам опроса установлено, что мотивация гражданских служащих (как внутренняя готовность эффективно трудиться, внутреннее побуждение, мотив, морально-волевые факторы) по мнению самих гражданских служащих, принявших участие в опросе, удовлетворительная. Подобный ответ дали 42,6 % респондентов.

Систему мотивации в государственных органах (как совокупность внешних стимулов, побуждающих в активной и эффективной деятельности: зарплата, соц.гарантии и т.п.) как удовлетворительную оценили 38,52 % опрошенных. При этом гораздо большее количество опрошенных – 43,66 % – высказали мнение о том, что такая система мотивации недостаточно результативна.

Анализируя факторы, оказавшие влияние на подобную скептическую оценку системы внешней мотивации (стимулирования), отметим наиболее яркие из них:

- 46,99% респондентов указали, что иногда в своей деятельности им случается выполнять бесполезные задания;
- 38,4 % опрошенных, отвечая на вопрос «Насколько вознаграждение за результаты Вашей работы зависят от ее результативности» отметили, что их усилия не всегда бывают оценены материально и нематериально;
- 27 % респондентов не видят связи между результативностью их труда и вознаграждением за него.

Оценку респондентами уровня их денежного содержания и материального положения выделим особо.

По итогам обработки анкет мы увидели, что 50,1 % респондентов, а это более половины всех опрошенных, не удовлетворены размером денежного содержания. Им хватает имеющихся в распоряжении денег только для решения неотложных нужд и оплаты счетов, крупные покупки не по карману.

29,84 % опрошенных указали, что размер денежного содержания мог бы быть и выше, а 14,9 % отметили, что абсолютно не удовлетворены размером денежного содержания.

Отвечая на вопрос «Соответствует ли уровень денежного содержания по Вашей должности размеру нагрузки и уровню ответственности», 41,73 % указали что уровень денежного содержания по занимаемой должности в целом не соответствует размеру нагрузки и уровню ответственности. Кроме того, 41,12% респондентов указали, что перечень социальных гарантий мог бы быть шире.

Обратим внимание и на следующий результат – 44,4% опрошенных считают, что возможности карьерного роста есть, но они весьма ограничены.

Существующие возможности профессионального развития в той или иной мере не удовлетворяют запросам в общей сложности 54,7% опрошенных гражданских служащих Ростовской области.

Рассматривая позитивную сторону вопроса, отметим, что среди мотивирующих факторов, оказывающих влияние на гражданских служащих при прохождении государственной гражданской службы, выделялись чаще:

стабильность гражданской службы – 74,26%;

возможность реализации своих профессиональных способностей – 39,69 %;

возможность личного роста, самосовершенствования – 32,65 %;

возможность принести пользу обществу – 29,71 %;

престиж гражданской службы, высокий социальный статус гражданского служащего – 10,24 %.

Здесь же обратим внимание – 49,74% опрошенных указали, что решающее значение на карьерный рост гражданских служащих оказывают профессиональные и личностные качества.

Среди позитива нельзя не отметить и следующее обстоятельство – 31,33 % респондентов полагают, что все задачи, выполняемые ими, приносят пользу обществу.

Отметим, что подобными мотивами чиновники руководствовались и при поступлении на государственную службу, будучи конкурсантами, соискателями должностей:

гарантия постоянной работы, стабильного положения – 75,03 %;

стремление реализовать свои профессиональные способности – 35,6 %.

желание принести пользу обществу – 33,42 %;

возможность личностного роста – 32,01 %.

Отметим, что для гражданских служащих важен характер работы, большинству хотелось бы, чтобы работа была интересной – 71,19 % ответов, также для респондентов важна возможность карьерного роста – 38,28 % ответов, и возможность реализовать свой личностный потенциал – 37,13 %.

В ходе опроса гражданским служащим было предложено оценить, насколько те или иные факторы мотивируют/демотивируют их при прохождении госслужбы. Было выяснено следующее.

Мотивируют гражданских служащих:

стабильность организации (67,02% ответов);

социальные гарантии (60,05 % ответов);

отношения с непосредственным начальником (60,16 % ответов);

взаимоотношения с коллегами (54,96 % ответов);

возможность профессионального роста (50,92 % ответов);

безопасность труда (45 % ответов);

уважение со стороны коллег (48,82 % ответов);

условия труда (44,48 % ответов).

Факторов, однозначно демотивирующих гражданских служащих, не выявлено. Однако имеет смысл обратить внимание на те из них, которые были оценены гражданскими служащими двояко. К таким, неоднозначно оцениваемым респондентами факторам, можно отнести:

престиж государственной службы (мотивирует 26,74 %, скорее мотивирует 36,23 %, скорее не мотивирует 18,45 %, не мотивирует 13,05 %);

выполнение работы, уважаемой широким кругом лиц (мотивирует 29,78 %, скорее мотивирует 32,67 %, скорее не мотивирует 17,79 %, не мотивирует 11,46 %);

размер оплаты труда (мотивирует 40,16 % скорее мотивирует 27,69 %, скорее не мотивирует 17,98 %, не мотивирует 10,63 %);

удобный режим труда и отдыха (мотивирует 37,11 %, скорее мотивирует 31,58 %, скорее не мотивирует 15,39 %, не мотивирует 12,5 %);

возможность проявления инициативы (мотивирует 37,22 %, скорее мотивирует 34,44 %, скорее не мотивирует 12,71 %, не мотивирует 8,61 %);

карьерный рост (мотивирует 48,08 %, скорее мотивирует 27,41 %, скорее не мотивирует 11,39 %, не мотивирует 7,81 %).

Анализируя ответы респондентов в отношении результативности госслужбы, отметим, что в своей деятельности они ориентированы прежде всего на запросы общества – 60,11 % респондентов понимают под результативностью госслужбы степень соответствия результатов деятельности гражданских служащих ожиданиям населения. Отметим, что в 2019 году 10,24 % опрошенных указали, что по их мнению результативность – степень соответствия целевым ориентирам формальных документов.

Оценивая результативность госслужбы 38,28 % респондентов отметили, что она в целом результативна, но имеются существенные резервы роста, при этом 22,27 % указали, что результативность гражданской службы в настоящее время еще недостаточна.

Среди факторов, которые по мнению опрошенных гражданских служащих препятствуют результативности гражданской службы, выделим:

большой объем рутинной работы – 58,77 %;

необходимость осуществления множества согласований при решении простых вопросов – 42,64 %;

недостаточный уровень оплаты труда – 35,08 %.

Способствуют результативности по мнению респондентов:

высокий уровень профессионализма и квалификации госслужащих – 55,31 %;

активное использование современных информационных технологий – 40,46 %;

эффективный стиль руководства непосредственного начальника – 32,01 %;

хороший морально-психологический климат в коллективе – 30,47 %;

ясность поставленных перед исполнителем целей и четкость задач – 34,44 %.

В целях повышения результативности службы гражданские служащими предложено:

внедрять новые формы и методы профессиональной подготовки и повышения квалификации – 32,68 % ответов;

увеличивать количество обучающих мероприятий для госслужащих и сокращать период времени между их проведением – 32,12 % ответов;

более широко внедрять новые информационные технологии в работу гражданских служащих – 47,79 % ответов.

Отметим также, что по мнению гражданских служащих, в целях совершенствования системы внешней мотивации, необходимо предусмотреть возможность премирования отдельных госслужащих за особые достижения и выполнение сложных поручений – 49,61 % ответов.

Кроме того отметим, что в ходе опроса выяснены следующие штрихи, уточняющие «портрет» гражданской службы Ростовской области:

54,83 % опрошенных удовлетворены сложившимися отношениями в коллективе, но при этом 30,47 % респондентов отметили, что есть моменты недопонимания; 31,12 % опрошенных гражданских служащих стараются избегать конфликтов в служебной деятельности, а 29,95 % респондентов отметили, что конфликтов в их служебной деятельности практически не бывает.

Большая часть опрошенных гражданских служащих оценивает коллектив, в котором они работают как объединение работников, где каждый профессионально выполняет свои обязанности – 55,62 %. Как единую команду свой коллектив воспринимают 25,06 % респондентов.

Таким образом, по итогам проведенного исследования имеет смысл сделать следующие предварительные выводы. Нами выяснено, что на фоне высокой внутренней мотивации, готовности и желания к несению государственной службы, система внешней мотивации оценивается гражданскими служащими как недостаточно эффективная.

Прослеживается неудовлетворенность уровнем денежного содержания, отсутствием прямой взаимосвязи между результатами труда и вознаграждением за труд, видятся пути совершенствования системы премирования.

Гражданские служащие указывают на большой объем рутинной работы, наличие значительного количества согласований при решении служебных вопросов. Кроме того отмечается, что перечень социальных гарантий мог бы быть шире. Также указывается и на ограниченность возможностей карьерного роста. В той или иной мере присутствует неудовлетворенность возможностями профессионального развития. Мотивирующими для гражданских служащих являются такие факторы, как: стабильность гражданской службы; возможность реализации своих профессиональных способностей; возможность личного роста, самосовершенствования; возможность принести пользу обществу; престиж гражданской службы, высокий социальный статус гражданского служащего.

Под результативностью гражданской службы опрошенные гражданские служащие понимают ориентированность на запросы населения. В целом, полагают опрошенные, гражданская служба результативна, но имеются существенные резервы для роста.

Важнейшими факторами, способствующими росту результативности гражданской службы, по мнению респондентов, являются: высокий уровень профессионализма и квалификации чиновников; активное использование современных информационных технологий; эффективный стиль руководства непосредственного начальника; хороший морально-психологический климат в коллективе.

В качестве основных факторов, препятствующих результативности, респондентами были выделены: большой объем рутинной работы; множество согласований при решении простых вопросов; недостаточный уровень оплаты труда.

Таким образом, с учетом основных результатов исследования, дальнейшие шаги в направлении совершенствования гражданской службы Ростовской области видятся в оптимизации системы мотивации государственных гражданских служащих Ростовской области, в рамках чего имеет смысл:

- широко и активно использовать возможности экономического (материального) стимулирования гражданских служащих за высокие показатели службы, предоставляемые законодательством (премия за выполнение особо важных и сложных заданий, ежемесячная надбавка к должностному окладу за особые условия государственной гражданской службы и другие стимулы), в том числе с учетом индивидуальных их результатов;

- в целях повышения престижа государственной службы разработать и внедрить систему общественного признания заслуг чиновников, добившихся высоких показателей в профессиональной служебной деятельности;

- пересмотреть, обновить перечень социальных гарантий гражданских служащих;

- провести работу по разработке и внедрению системы ротации кадров на гражданской службе Ростовской области, прежде всего горизонтальных перемещений персонала.

Литература

1. Зинченко Г.П. Опыты социальных исследований. Монография. Ростов н/Д: ЮРИУ РАНХиГС, 2014. 300 с.
2. Зинченко Г.П., Зинченко Я.Г. Государственная служба: социологические очерки: монография. М.: Университетская книга, 2013. 264 с.
3. Зинченко Г.П., Зинченко Я.Г. Управление поселениями и организациями. Монография. Ростов н/Д, 2017. 192 с.
4. Игнатов В.Г. Государственная и муниципальная служба современной России. Изд. 5-е, доп. и перераб. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИФ РАНХиГС, 2011. 284 с.
5. Овчаренко Р.К. Управление государственной гражданской службой: монография. – Ростов н/Д: Антей, 2011. 360 с.
6. Овчаренко Р.К., Герасименко Д.А., Куликова Д.Н., Поченкова И.А. Система мотивации государственных гражданских служащих Ростовской области и результативность их профессиональной служебной деятельности (Результаты выборочного социологического опроса (сентябрь-октябрь 2014 года). – М. Издательство Перо, 2014.

Ovcharenko Roman Konstantinovich, Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of the Department of Sociology, South Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).

E-mail: alfa999@inbox.ru

Luneva Irina Aleksandrovna, Senior Lecturer, Department of Sociology South Russian Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (34/4002, Russia, Rostov-on-Don, 70/54 Pushkinskaya St.). E-mail: irina-pochenkova@yandex.ru

Shtepa Maria Anatolyevna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration, South Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: asp@uriu.ranepa.ru

MOTIVATION OF CIVIL SERVANTS AND THE EFFECTIVENESS OF THEIR PROFESSIONAL OFFICIAL ACTIVITIES (RESULTS OF SOCIOLOGICAL SURVEY)

Abstract

The civil service, occupying an intermediate position between the state and society, plays a key role in realizing the goals and objectives of public administration. Ultimately, the quality of work of the entire state apparatus as a whole depends on the effectiveness of the functioning of civil servants. But the results of professional performance of officials are determined by their motivation for the effective implementation of their tasks and functions. The article presents the results of a sociological study on the problems of motivating civil servants and the effectiveness of their professional career performance, which was carried out by the research team of the Department of Sociology of YURIU RANEPa in September-October 2019 in the executive authorities of the Rostov Region.

Keywords: motivation, performance, civil service, civil servants, applied sociological research, professional service activities, executive bodies, employee duties, public service performance.

References

1. Zinchenko G.P. Opyty social'nyh issledovaniy. Monografiya. Rostov n/D: YURIU RANHiGS, 2014. 300 s.
2. Zinchenko G.P., Zinchenko YA.G. Gosudarstvennaya sluzhba: sociologicheskie ocherki: monografiya. M.: Universitetskaya kniga, 2013. 264 s.
3. Zinchenko G.P., Zinchenko YA.G. Upravlenie poseleniyami i organizatsiyami. Monografiya. Rostov n/D, 2017. 192 s.
4. Ignatov V.G. Gosudarstvennaya i municipal'naya sluzhba sovremennoj Rossii. Izd. 5-e, dop. i pererab. Rostov n/D.: Izd-vo YURIF RANHiGS, 2011. 284 s.
5. Ovcharenko R.K. Upravlenie gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhboj: monografiya. – Rostov n/D: Antej, 2011. 360 s.
6. Ovcharenko R.K., Gerasimenko D.A., Kulikova D.N., Pochenkova I.A. Sistema motivacii gosudarstvennyh grazhdanskih sluzhashchih Rostovskoj oblasti i rezul'tativnost' ih professional'noj sluzhebnoj deyatel'nosti (Rezul'taty vyborochnogo sociologicheskogo oprosa (sentyabr'-oktyabr' 2014 goda). – M.: Izdatel'stvo Pero, 2014.

ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ В ЭКСПЕРТНОЙ СИСТЕМЕ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК НА ОСНОВЕ НЕЧЁТКОЙ ЛОГИКИ¹

**Белокрылова
Ольга
Спиридоновна**

Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории экономического факультета, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42). E-mail: belokrylova@mail.ru

**Стрельцова
Елена
Дмитриевна**

доктор экономических наук, профессор кафедры «Программное обеспечение вычислительной техники», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова (346428, Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132). E-mail: el_strel@mail.ru

Аннотация

В статье обоснована необходимость разработки моделей и базирующихся на них систем эффективного использования бюджетных средств. В решении этой проблемы ключевую роль играют проблемы организации и оценки качества государственных закупок. Поэтому нами проведён обзор существующих подходов, моделей и различных организационных предложений для решения этих проблем. В статье предложено создание экспертной системы оценки качества государственных закупок. Смоделирована структура экспертной системы, включающая блок базы знаний и её интеллектуального редактора, позволяющего обновлять и добавлять новые знания. Конкретизирована задача создания экономико-математического инструментария оценивания качества товаров и услуг, приобретаемых бюджетными организациями общественного сектора. Выбраны характеристики, оцениваемые экспертами при решении поставленной задачи, и пределы их изменений. Создана логико-лингвистическая модель, позволяющая производить обработку качественно выраженных характеристик государственных закупок. При построении модели использован математический аппарат нечёткой логики. Формально описаны в виде нечётких множеств качественно выраженные входные и выходные характеристики, используемые при оценке качества государственных закупок. Приведены функции принадлежности, выражающие семантику нечётких множеств. Предложенная нечёткая экспертная система использует знания специалистов-экспертов в виде продукционных правил, позволяющих получить нечётко выраженные заключения на основе нечётких предпосылок. Экспертная система спроектирована на основе применения алгоритма нечёткого вывода Mamdani в пакете Fuzzy Logic Toolbox вычислительной среды MATLAB. На построенной логико-лингвистической модели проведены эксперименты, демонстрирующие зависимость изменения интегрального показателя качества государственных закупок от вариаций их входных характеристик. Предложенная экспертная система с встроенной в неё логико-лингвистической моделью позволяет принимать научно и количественно обоснованные решения при оценке качества товаров и услуг, приобретаемых бюджетными организациями.

Ключевые слова: государственные закупки, экспертная система, оценка качества, логико-лингвистическая модель, нечёткая логика, бюджетные организации, бюджетные средства, общественный сектор, экономико-математическая модель.

Введение

В структуре современной экономики общественного сектора государственные закупки для производственных нужд его субъектов являются наиболее масштабной составляющей в связи с выполнением функции обеспечения потребностей общества, выступающей одновременно эффективным инструментом государственного регулирования экономики, прежде всего, ее частного сектора. Все процессы, происходящие в рамках госзакупок, осуществляются на основе главного принципа - эффективности использования бюджетных средств, заключающегося в осуществлении закупок товаров, работ, услуг повышенного качества при минимуме затрат. При этом преследуются противоречивые цели:

- обеспечение полного и своевременного удовлетворения потребности бюджетных организаций в товарах и услугах;
- обеспечение эффективности закупок посредством максимальной экономии бюджетных средств;

¹ Статья подготовлена в рамках исполнения проекта РФФИ № 18-010-00871 «Разработка инструментария оценки и стимулирования качества публичных закупок: концептуальные основания и методические подходы».

- стимулирование использования инновационной и высокотехнологичной продукции в работе бюджетных учреждений;
- реализация новой промышленной политики, целеориентированной на реиндустриализацию экономики России [1, с. 138 – 146].

Наличие противоречивых целей, одни из которых необходимо обратить в максимум (качество), а другие – в минимум (затраты (цена контракта)) создаёт сложности при формировании целевой функции и применении методов экономико-математического моделирования.

Положениями Федерального закона от 5.04. 2013 № 44-ФЗ (в ред. от 27.06.2019 N 152-ФЗ) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» предусмотрено проведение экспертизы на основе привлечения экспертов и экспертных организаций (статья 41). Согласно общему подходу, в процессе экспертного оценивания альтернатив ключевым вопросом является обработка его результатов, от которой во многом зависит качество конечных результатов. Это актуализирует проблему применения вычислительной системы, которая оперирует знаниями специалистов-экспертов в заданной предметной области, способна к обучению и накоплению новых знаний и обладает способностью принятия решений на уровне этих специалистов.

Поскольку проблема оценки качества государственных закупок является многофакторной, то её решение требует применения экономико-математических методов и моделей. Построение экономико-математической модели, позволяющей в условиях взаимодействия многих факторов осуществлять оценку качества государственных закупок, как интегрального показателя, потребовала разработки системы влияющих на этот показатель характеристик. В настоящее время наблюдается повышенный интерес к исследованиям, посвящённым разработке инструментария оценки экономической эффективности государственных закупок, причем, зачастую "эффективность понимается с точки зрения практики, направленной на максимальное соотношение цены и качества" [15, р. 2]. Так, Патласовым О.Ю. и Самариным А.М. проведена оценка финансового состояния участников тендеров, т.е. конечной эффективности их участия в процессе удовлетворения потребностей субъектов общественного сектора [8, с. 135 – 144], на основании результатов которой авторами построено уравнение линейной регрессии с использованием анализируемых методик. Кроме того, представляет научный интерес построенная исследователями нейросетевая модель с использованием различных видов функций активации.

Исследованию экономической эффективности госзакупок, т.е. соотношению цены контракта и их качества (VfM) посвящены работы многих отечественных и зарубежных ученых [3; 12, р. 149-175; 14; 16; 18]. Ряд авторов показали, что на эффективность через цены закупок существенно влияет транспарентность закупочных процедур [9; 10, 11, р. 438]. Следует подчеркнуть, что уровень транспарентности зачастую используется в качестве показателя оценки эффективности и качества закупочных систем, например, Европейским банком реконструкции и развития (European Bank of Reconstruction and Development, EBRD), базового принципа их организации [13], что еще раз подчеркнуто в обновленном (2012 г.) Типовом законе о государственных закупках [17].

Крамин М.В. и его соавторы предлагают использовать инструментарий бенчмаркинга для сравнительной оценки качества закупочных процедур в российских регионах [7; с.96-114]. Вопросы нечёткого моделирования в оценке качества проведения электронных торгов рассматриваются в трудах Гипаева Р.В. [3; с.199-202], Игнатовой Т.В. [4], Белокрыловой О.С., Цыганкова С.С. и др. [5; 9, р. 823-824]. Целостный механизм моделирования процесса проведения тендеров в рамках украинских правовых институций, начиная от постановки задачи и заканчивая принятием окончательного решения, предложен Колпаковой Т.А. [6]. Но проведённые ранее этими и другими авторами исследования не охватывают всего множества возникающих в этой области проблем. Это определило цель и постановку задачи разработки модельного инструментария экспертной системы для оценки качества государственных закупок.

Цель и постановка задачи исследования

Цель проведённого авторами исследования является построение экономико-математической модели, используемой в экспертной системе оценки качества государственных закупок. Многофакторный характер задачи оценки качества госзакупок потребовал разработки комплекса характеристик, влияющих на качество конечного результата. Математическая постановка задачи экспертного оценивания качества товаров и услуг, приобретаемых бюджетными организациями, состоит в реализации отображения $\Omega: X \rightarrow Y$, где $X = \{x_1, x_2, x_3, x_4\}$ – показатели, оцениваемые экспертами; Y – оценка качества закупки. Вектор X представлен следующими компонентами:

x_1 – начальная (максимальная) цена контракта;

X_2 – цена заключённого контракта;

X_3 – наличие (отсутствие) штрафов (пени);

X_4 – расторжение контракта.

Концептуальная модель экспертной системы, построенной на базе использования адаптированной авторами экономико-математической модели $\Omega: X \rightarrow Y$, приведена на рис. 1.

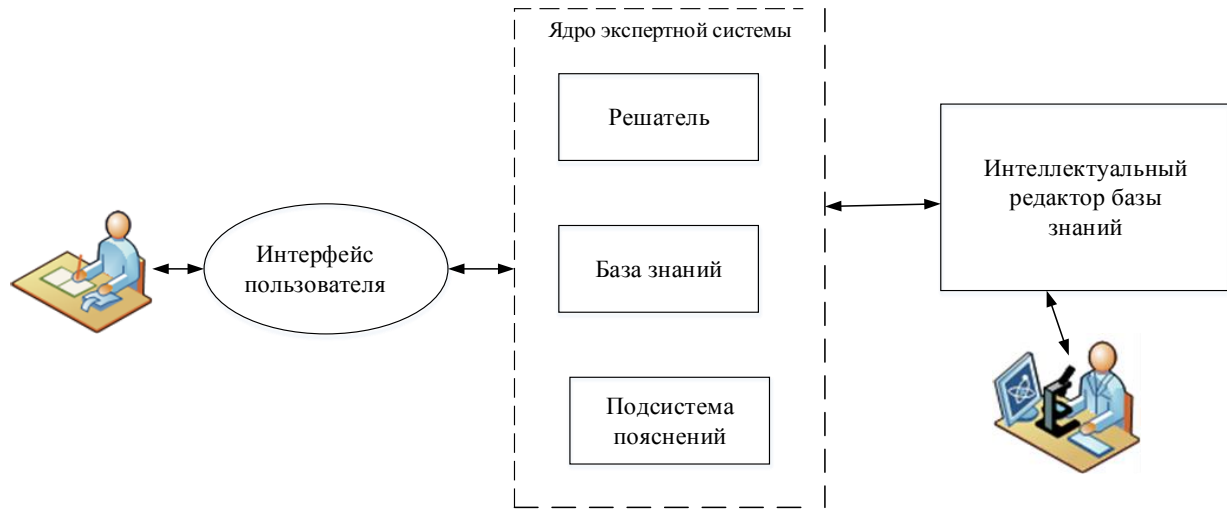

Рис. 1. Концептуальная модель экспертной системы оценки качества закупок

Источник: составлено авторами

Концептуальная модель оценки качества государственных закупок включает следующие компоненты: интерфейс пользователя; ядро экспертной системы; интеллектуальный редактор базы знаний.

С помощью интерфейса пользователь вводит характеристики государственных закупок, поступающих в ядро экспертной системы. Ядро экспертной системы представляет собой комплекс взаимосвязанных блоков: решатель; база знаний; подсистема пояснений. База знаний представляет собой формально выраженные сведения специалистов-экспертов относительно зависимостей между характеристиками государственных закупок и результирующим показателем качества. Блок «Решатель» функционирует на основе алгоритма, осуществляющего отображение $\Omega: X \rightarrow Y$ множества оцениваемых экспертами показателей в интегральный показатель качества. Компонента «Подсистема пояснений» визуализирует зависимости $Y = F_1(x_1, x_2)$, $Y = F_2(x_1, x_3)$, $Y = F_3(x_2, x_3)$. Предлагаемая авторами экспертная система обладает свойством обучения за счёт накопления и редактирования базы знаний (блок «Интеллектуальный редактор базы знаний»).

Методы исследования

В соответствии с концептуальной моделью, представленной на рисунке 1, разрабатываемая экспертная система должна оперировать знаниями естественного интеллекта в процессе оценки качества государственных закупок. При этом в реализации отображения $\Omega: X \rightarrow Y$ множество $X = \{x_1, x_2, x_3, x_4\}$ содержит как количественные, так и качественно выраженные показатели. Вследствие этого поиск зависимости $Y = \Omega(x_1, x_2, x_3, x_4)$ осуществлялся в классе логико-лингвистических исследований. При этом показатели $x_i \in X$ формально описаны лингвистическими переменными $\langle x_i, T(X_i), U_i, \mu_{x_i} \rangle$, где:

X_i – название лингвистической переменной;

$T(X_i) = \{Low, Average, High\}$ – множество атомарных термов, элементы которого описывают вербальные значения лингвистической переменной в виде слов естественного языка «низкий», «средний», «высокий»;

U_i – универсальное множество, на котором заданы значения лингвистической переменной;

$\mu_{x_i} = \{\mu_{x_i}^j\}_{j=1}^3$ – функции принадлежности $\mu_{x_i}^j: U_i \rightarrow [0,1]$, описывающие смысл атомарных лингвистических переменных.

Функции принадлежности $\mu_{x_i}^j: U_i \rightarrow [0,1]$ отражают биективное соответствие между значениями универсума $u \in U_i$ и действительными числами $\mu_{x_i}^j \in [0,1]$. Они определяют семантику нечёткого множества $j \in \{Low, Average, High\}$.

Элементы множества $T(X_i)$ представляют собой названия нечётких множеств, характеризующих показатель X_i .

Качество государственной закупки оценивается интегральным показателем Y , также представленным лингвистической переменной $\langle Y, T(Y), U_Y, \mu_Y \rangle$ с множеством атомарных термов $T(Y) = \{Low, Average, High\}$, универсальным множеством U_Y и набором $\mu_Y = \{\mu_Y^j\}_{j=1}^3$ функций принадлежности $\mu_Y^j: U_Y \rightarrow [0,1]$. Для оценки качества государственных закупок нами построена логико-лингвистическая модель Quality, программно реализованная в системе MATLAB пакета Fuzzy Logic Toolbox (рис. 2).

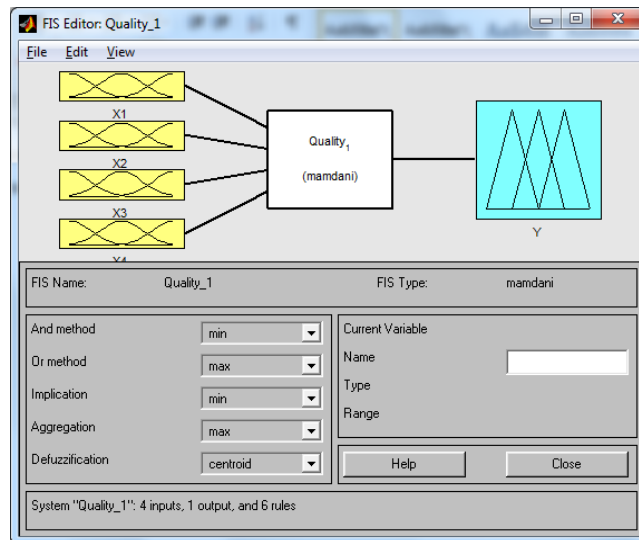

Рис. 2. Модель Quality оценки качества государственных закупок
Источник: составлено авторами

Приведём формальное описание лингвистических переменных X_1, X_2, X_3, X_4 , участвующих в отображении $\Omega: X \rightarrow Y$. В результате экспертного опроса определено, что лингвистическая переменная X_1 , представляющая собой характеристику начальной цены контракта, принимает значения в интервале от 0 до 20 млн. руб. В связи с этим она задана на универсальном множестве в виде отрезка $U_i = [0, 20]$. Характеристика начальной цены контракта «низкая» принята в пределах от 0 до 4 млн. руб., «средняя» – в пределах от 6 до 10 млн. руб. и «высокая» – от 11 до 20 млн. руб. В связи с этим соответствующие качественным характеристикам нечёткие множества с названиями *Low, Average, High* описываются трапецидальными функциями принадлежности $\mu_{X_i}^{Low}(0,0,5,20)$, $\mu_{X_i}^{Average}(0,6,10,20)$, $\mu_{X_i}^{High}(0,11,20,20)$:

$$\mu_{X_1}^{Low}(0,0,5,20) = \begin{cases} 0, & X_1 \leq 0; \\ 1, & 0 < X_1 \leq 5; \\ \frac{20 - X_1}{20 - 5}, & 5 < X_1 \leq 20; \\ 0, & X_1 > 20; \end{cases} \quad (1)$$

$$\mu_{X_1}^{Average}(0,6,10,20) = \begin{cases} 0, & X_1 \leq 0; \\ \frac{X_1}{6}, & 0 < X_1 \leq 6; \\ 1, & 6 < X_1 \leq 10; \\ \frac{20 - X_1}{20 - 10}, & 10 < X_1 \leq 20; \\ 0, & X_1 > 20; \end{cases} \quad (2)$$

$$\mu_{X_1}^{High}(0,11,20,20) = \begin{cases} 0, & X_1 \leq 0; \\ \frac{X_1}{11}, & 0 < X_1 \leq 11; \\ 1, & 11 < X_1 \leq 20 \\ 0, & X_1 > 20. \end{cases} \quad (3)$$

На рис. 3 приведены графики функций принадлежности нечётких множеств *Low*, *Average*, *High*, количественно оценивающих лингвистическую переменную X_1 .

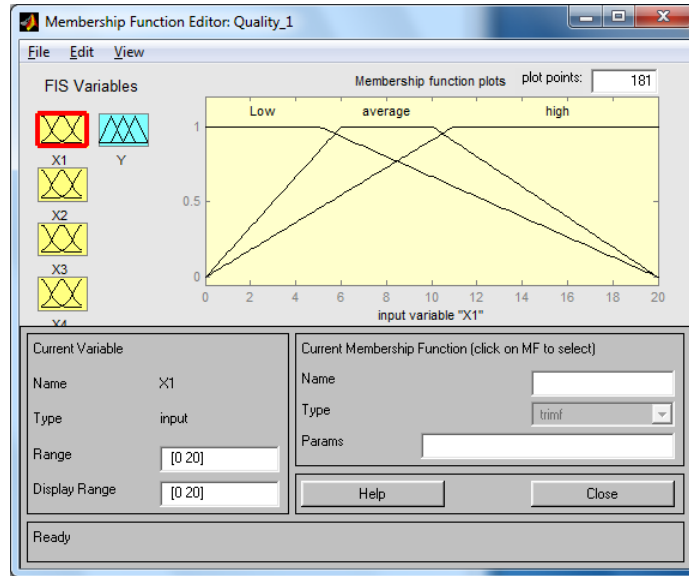

Рис. 3. Графики функций принадлежности нечётких множеств *Low*, *Average*, *High* лингвистической переменной X_1 . Источник: составлено авторами

Выраженные в качественном виде характеристики $T(X_2) = \{Low, Average, High\}$ лингвистической переменной x_2 , представленной кортежем $\langle x_2, T(X_2), U_2, \mu_{X_2} \rangle$, также заданы на универсальном множестве $U_2 = [0, 20]$ с набором семантик $\mu_{X_2} = \{\mu_{X_2}^j\}_{j=1}^3$, $\mu_{X_i}^{Low}: U_i \rightarrow [0, 1]$, $\mu_{X_i}^{Average}: U_i \rightarrow [0, 1]$, $\mu_{X_i}^{High}: U_i \rightarrow [0, 1]$ трапецидального вида. Функции $\mu_{X_i}^{Low}$, $\mu_{X_i}^{Average}$, $\mu_{X_i}^{High}$ описаны аналитическими выражениями, аналогичными выражениям (1),(2) и (3).

Значениями лингвистической переменной $\langle x_3, T(X_3), U_3, \mu_{X_3} \rangle$ являются элементы термножества $T(X_3) = \{Low, Average, High\}$, количественно определённые на универсуме $U_3 = [0, 10]$. Эти значения задаются в процентах. В соответствии с результатами экспертного опроса показатель *Low* отвечает количественным значениям из интервала $[0, 2]$, показатель *Average* – из интервала $[3, 5]$, а показатель *High* – из интервала $[6, 10]$. Формальные выражения функций принадлежности $\mu_{X_i}^{Low}(0,0,2,10)$, $\mu_{X_i}^{Average}(0,3,5,10)$, $\mu_{X_i}^{High}(0,6,10,10)$ имеют следующий вид:

$$\mu_{X_3}^{Low}(0,0,2,10) = \begin{cases} 0, & X_3 < 0; \\ 1, & 0 \leq X_3 \leq 2; \\ \frac{10 - X_3}{10 - 2}, & 2 < X_3 \leq 10; \\ 0, & X_3 > 10; \end{cases}$$

$$\mu_{X_3}^{Average}(0,3,5,10) = \begin{cases} 0, & X_3 < 0; \\ \frac{X_3}{3}, & 0 \leq X_3 < 3; \\ 1, & 3 \leq X_3 < 5; \\ \frac{10 - X_3}{10 - 5}, & 5 \leq X_3 \leq 10; \\ 0, & X_3 > 10; \end{cases}$$

$$\mu_{X_3}^{High}(0,6,10,10) = \begin{cases} 0, & X_3 < 0; \\ \frac{X_3}{3}, & 0 \leq X_3 < 6; \\ 1, & 6 \leq X_3 \leq 10; \\ 0, & X_3 > 10. \end{cases}$$

Интегральный показатель Y качества государственных закупок задаётся на множестве атомарных термов $T(Y) = \{Low, Average, High\}$ и описывается лингвистической переменной $\langle Y, T(Y), U_Y, \mu_Y \rangle$. Значения этой переменной представляют собой нечёткие множества с семантикой в виде функций принадлежности $\mu_Y^{Low}(0,0,3,10)$, $\mu_Y^{Average}(0,4,7,10)$, $\mu_{X_i}^{High}(0,8,10,10)$ на универсуме $U_Y = [0, 10]$. Интегральный показатель качества государственных закупок Y оценивается по десятибалльной шкале. Функции принадлежности составлены на базе результатов экспертного опроса и определены выражениями:

$$\mu_Y^{Low}(0,0,3,10) = \begin{cases} 0, & Y < 0; \\ 1, & 0 \leq Y < 3; \\ \frac{10-Y}{10-3}, & 3 \leq Y < 10; \\ 1, & Y > 10; \end{cases}$$

$$\mu_Y^{Average}(0,4,7,10) = \begin{cases} 0, & Y < 0; \\ \frac{Y}{4}, & 0 \leq Y < 4; \\ 1, & 4 \leq Y < 7; \\ \frac{10-Y}{10-7}, & 7 \leq Y \leq 10; \\ 1, & Y > 10; \end{cases}$$

$$\mu_Y^{High}(0,8,10,10) = \begin{cases} 0, & Y < 0; \\ \frac{Y}{8}, & 0 \leq Y < 8; \\ 1, & 8 \leq Y \leq 10; \\ 0, & Y > 10. \end{cases}$$

Результаты исследования и их обсуждение

Отображение $\Omega: X \rightarrow Y$, реализующее решатель экспертной системы, программно воплощено с помощью системы MATLAB пакета Fuzzy Logic Toolbox. При этом зависимость между качественно выраженными показателями $Y = \Omega(x_1, x_2, x_3, x_4)$ определялась, исходя из знаний специалистов-экспертов по управлению государственными закупками, добытых в результате экспертного опроса, и описана представленными в вербальной форме продукционными правилами. В настоящей статье приведён пример одного правила вывода:

- если показатели X_1 и X_2 оцениваются характеристиками «высокая», а X_3 и X_4 – характеристиками «низкая», то интегральный показатель качества государственных закупок Y оценивается показателем «высокий».

Логическое представление продукционных правил в логико-лингвистической модели оценки качества государственных закупок приведено на рис. 4.

На основе применения алгоритма Mamdani, на котором базируется отображение $\Omega: X \rightarrow Y$, в системе MATLAB пакета Fuzzy Logic Toolbox построена экономико-математическая модель, позволяющая при варьировании значениями вектора $X = \{x_1, x_2, x_3, x_4\}$ определять значения интегрального показателя качества государственных закупок Y . На рис. 5 приведён интерфейс построенной логико-лингвистической модели Quality. Рисунок 5 демонстрирует пределы изменения переменных $x_1 \in [0, 20]$, $x_2 \in [0, 20]$, $x_3 \in [0, 10]$, $x_4 \in [0, 20]$, $Y \in [0, 10]$. На модели Quality проведены эксперименты в результате изменения значений показателей вектора входных характеристик $X = \{x_1, x_2, x_3, x_4\}$.

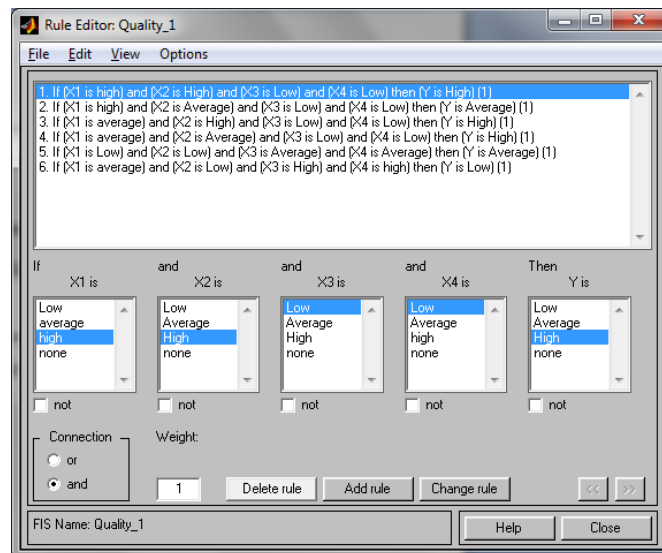

Рис. 4. Продукционные правила оценки качества государственных закупок.
Источник: составлено авторами

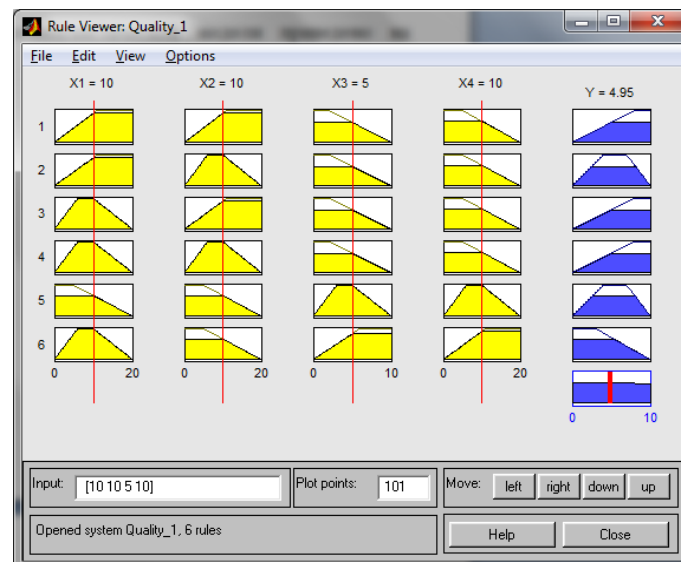

Рис. 5. Результат функционирования логико-лингвистической модели Quality.
Источник: составлено авторами

Значения интегрального показателя качества государственных закупок Y , соответствующие экспериментальным изменениям, занесены в табл. 1, где приведены результаты экспериментов, проведённых на модели Quality (табл. 1).

Таблица 1

Результаты экспериментов на модели Quality

№	Входные переменные				Выходная переменная
	X_1	X_2	X_3	X_4	Y
1					
2	1,36	2,62	1,74	2	5,1
3	7,42	4,77	1,74	2	5,78
4	15,9	15,5	2,05	2,92	6,14
5	17,4	18,9	1,14	3,85	6,55

Построенная модель позволяет спланировать эксперимент и определить оптимальные значения показателей качества государственных закупок.

Заключение

Предложенная экспертная система с встроенной в неё логико-лингвистической моделью обеспечивает на основе формализации и использования знаний специалистов по госзакупкам проводить достоверную оценку качества государственных закупок на основе использования

качественно выраженных входных характеристик. В результате проведенных исследований авторами получены следующие результаты, обладающие научной новизной.

1. Предложена структура интеллектуальной экспертной системы, функционирующая на основе формализации и использования знаний специалистов по госзакупкам.
2. Построена логико-лингвистическая модель на основе математического аппарата нечеткой логики, позволяющая использовать в процессе принятия решений качественно выраженные показатели.
3. Предложена программная реализация построенной логико-лингвистической модели в системе MATLAB пакета Fuzzy Logic Toolbox.

Литература

1. Белокрылов К.А. Промышленная и закупочная политика государства: проблемы взаимосвязи // Journal of Economic Regulation. 2016. Т. 7. № 4. С. 138 – 146.
2. Белокрылова О.С., Корытцев М.А. Механизмы повышения эффективности государственных расходов. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 2006. 109 с.
3. Гипаев Р.В. Электронные торги и их нечеткое моделирование // Экономика. Бизнес. Информатика. 2017. Т. 3. № 2. С. 199 – 202.
4. Игнатова Т.В., Кармизов А.Е. Институциональные принципы конкурса в системе управления государственной собственностью // Известия КБНЦ РАН. 2015. № 1 (63). С. 141 – 146.
5. Белокрылов К.А., Белокрылова О.С., Стрельцова Е.Д. и др. Качество государственных закупок в условиях цифровизации экономики: концептуальные основания, оценка, механизмы повышения: колл. монография / под. общ. ред. Белокрыловой О.С. Ростов н/Д.: Изд-во «Содействие – XXI век», 2018. 163 с.
6. Колпакова Т. А. Моделирование процесса принятия решений при проведении тендеров // Системы обработки информации. 2014. № 2. С. 228 – 232.
7. Крамин Т. В., Григорьев Р. А., Крамин М. В. К вопросу об оценке экономической эффективности госзакупок в России // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. № 4. С. 96 – 114.
8. Патласов О.Ю., Самарин А.М. Нейросетевое моделирование оценки финансового состояния участников коммерческих тендеров и госзакупок // Вестник Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии. 2014. № 4 (38). С. 135 – 144.
9. Belokrylova O.S., Belokrylov K.A., Streltsova E.D., Tsygankov S.S., Tsygankova E.M. Quality Evaluation of Public Procurement: Fuzzy Logic Methodology // Popkova E.G. (ed.). Growth Poles of the Global Economy: Emergence, Changes and Future Perspectives. Lecture Notes in Networks and Systems. Springer Nature Switzerland AG, 2010. P. 823-834. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-15160-7>.
10. Belokrylova O.S., Belokrylov K.A. Transparency of the governmental procurement for civil society and the factors of their efficiency // Revista Espacios. 2017. Vol. 38. № 31. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.revistaespacios.com/a17v38n31/17383102.html>.
11. Boehm F., Olaya J. Corruption in Public contracting auction: the role of transparency in bidding processes // Annals of Public and Cooperative Economics. 2006. Vol. 77. № 4. P. 431 – 452.
12. Dimitri N. Best Value for Money in Procurement // Journal of Public Procurement. 2013. № 13 (2). P. 149 – 175.
13. Guide to Enactment of the UNCITRAL Model Law on Public Procurement. New York: UNITED NATIONS, 2014. 419 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.uncitral.org/pdf/english/texts/procurem/ml-procurement-2011/Guide-Enactment-Model-Law-Public-Procurement-e.pdf>.
14. Erridge A., McIlroy J. Public Procurement and Supply Management Strategies // Public Policy and Administration. 2002. № 17 (1). P. 52 – 71.
15. Flynn A. Measuring procurement performance in Europe // Journal of Public Procurement. 2018. Vol. 18. Issue 1. P. 2 – 13.
16. Loader K. The Challenge of Competitive Procurement: Value for Money versus Small Business Support // Public Money and Management. 2007. № 27 (5). P. 307 – 314.
17. Procurement Policies and Rules. London: The European Bank for Reconstruction and Development, 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ebrd.com/downloads/procurement/ppr10.pdf>.
18. Thai K.V. Public Procurement Re-examined // Journal of Public Procurement. 2001. № 1 (1). P. 9 – 50.

Belokrylova Olga Spiridonovna, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University (105/42, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: belokrylova@mail.ru

Streltsova Elena Dmitrievna, Doctor of Economics, Professor Department of "Computer Software", South-Russian state Polytechnic University (NPI) named after M. I. Platov (132, Prosveshcheniya St., Novocherkassk, 346428, Russian Federation). E-mail: el_strel@mail.ru

ECONOMIC-MATHEMATICAL MODEL IN THE EXPERT SYSTEM OF QUALITY ASSESSMENT OF PUBLIC PROCUREMENT BASED ON FUZZY LOGIC

Abstract

At present, there is a need to develop models and systems based on them for the effective use of budgetary funds. In solving this problem, the key role played by the organization and evaluation of the quality of public procurement. The article provides an overview of existing approaches, models and various organizational proposals to solve this problem. This article is devoted to the creation of an expert system for assessing the quality of public procurement. The structure of the expert system including the block of knowledge base and its intellectual editor allowing to update and add new knowledge is offered. The task of creating economic and mathematical tools for assessing the quality of goods and services purchased by budget organizations. The characteristics evaluated by experts in solving the problem and the limits of their changes are selected. A logical-linguistic model has been created, which allows processing the qualitative characteristics of public procurement. The mathematical apparatus of fuzzy logic was used in the construction of the model. Formally described in the form of fuzzy sets qualitatively expressed input and output characteristics used in assessing the quality of public procurement. Membership functions expressing the semantics of fuzzy sets are given. The proposed fuzzy expert system uses the knowledge of experts in the form of production rules, allowing to obtain fuzzy conclusions based on fuzzy assumptions. The expert system is designed on the basis of application of Mamdani fuzzy inference algorithm in Fuzzy Logic Toolbox package of MATLAB computing environment. On the basis of the constructed logical-linguistic model, experiments were carried out to demonstrate the dependence of changes in the integral indicator of the quality of public procurement on the variations of their input characteristics. The proposed expert system with a built-in logical and linguistic model allows to make scientifically and quantitatively sound decisions in assessing the quality of goods and services purchased by budget organizations.

Keywords: public procurement, expert system, quality assessment, logical and linguistic model, impractical logic, budgetary organizations, budgetary funds, public sector, economic and mathematical model.

References

1. Belokrylov K.A. Promyshlennaya i zakupchnaya politika gosudarstva: problemy vzaimosvyazi // Journal of Economic Regulation. 2016. T. 7. № 4. P. 138 – 146.
2. Belokrylova O.S., Korytcev M.A. Mekhanizmy povysheniya effektivnosti gosudarstvennyh raskhodov. Rostov n/D.: Izd-vo Rostovskogo un-ta, 2006. 109 p.
3. Gipaev R.V. Elektronnnye torgi i ih nechyotkoe modelirovanie // Ekonomika. Biznes. Informatika. 2017. T. 3. № 2. P. 199-202.
4. Ignatova T.V., Karmizov A.E. Institucional'nye principy konkursa v sisteme upravleniya gosudarstvennoj sobstvennost'yu // Izvestiya KBNC RAN. 2015. № 1 (63). P. 141 – 146.
5. Belokrylov K.A., Belokrylova O.S., Strel'cova E.D. i dr. Kachestvo gosudarstvennyh zakupok v usloviyah cifrovizatsii ekonomiki: konceptual'nye osnovaniya, ocenka, mekhanizmy povysheniya: koll. monografiya / pod. obshch. red. Belokrylovoj O.S. Rostov n/D.: Izd-vo «Sodejstvie – XXI vek», 2018. 163 p.
6. Kolpakova T. A. Modelirovanie processa prinyatiya reshenij pri provedenii tenderov // Sistemi obrobki informacii. 2014. № 2. P. 228 – 232.
7. Kramin T. V., Grigor'ev R. A., Kramin M. V. K voprosu ob ocenke ekonomicheskoy effektivnosti goszakupok v Rossii // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. 2017. № 4. P. 96 – 114.
8. Patlasov O.YU., Samarin A.M. Nejrosetevoe modelirovanie ocenki finansovogo sostoyaniya uchastnikov kommercheskih tenderov i goszakupok // Vestnik Sibirskoj gosudarstvennoj avtomobil'no-dorozhnoj akademii. 2014. № 4 (38). P. 135-144.
9. Belokrylova O.S., Belokrylov K.A., Streltsova E.D., Tsygankov S.S., Tsygankova E.M. Quality Evaluation of Public Procurement: Fuzzy Logic Methodology // Popkova E.G. (ed.). Growth Poles of the Global Economy: Emergence, Changes and Future Perspectives. Lecture Notes in Networks and Systems. Springer Nature Switzerland AG, 2010. R. 823-834. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-15160-7>.
10. Belokrylova O.S., Belokrylov K.A. Transparency of the governmental procurement for civil society and the factors of their efficiency // Revista Espacios. 2017. Vol. 38. № 31. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.revistaespacios.com/a17v38n31/17383102.html>.
11. Boehm F., Olaya J. Corruption in Public contracting auction: the role of transparency in bidding process-es // Annals of Public and Cooperative economics. 2006. Vol. 77. № 4. P. 431 – 452.
12. Dimitri N. Best Value for Money in Procurement // Journal of Public Procurement. 2013. № 13 (2). P. 149 – 175.
13. Guide to Enactment of the UNCITRAL Model Law on Public Procurement. New York: UNITED NATIONS, 2014. 419 r. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.uncitral.org/pdf/english/texts/procurement/ml-procurement-2011/Guide-Enactment-Model-Law-Public-Procurement-e.pdf>.
14. Erridge A., McIlroy J. Public Procurement and Supply Management Strategies // Public Policy and Administration. 2002. № 17 (1). P. 52 – 71.
15. Flynn A. Measuring procurement performance in Europe // Journal of Public Procurement. 2018. Vol. 18. Issue 1. P. 2-13.
16. Loader K. The Challenge of Competitive Procurement: Value for Money versus Small Business Support // Public Money and Management. 2007. № 27 (5). P. 307 – 314.
17. Procurement Policies and Rules. London: The European Bank for Reconstruction and Development, 2010. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.ebrd.com/downloads/procurement/ppr10.pdf>.
18. Thai K.V. Public Procurement Re-examined // Journal of Public Procurement. 2001. № 1 (1). P. 9 – 50.

ПРОГРАММНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ЭФФЕКТИВНОГО ФОРМИРОВАНИЯ ПОИСКОВЫХ МАЛЫХ ГРУПП ДЛЯ МЧС

**Бежанов
Магомет
Кафеевич**

кандидат экономических наук, доцент,
Северо-Кавказская государственная гуманитарная технологическая
академия (369000, Россия, КЧР, г. Черкесск, ул. Ставропольская, 36).
E-mail: bezhanmk@mail.ru

**Бежанова
Елена
Хусиновна**

кандидат экономических наук, доцент,
Северо-Кавказская государственная гуманитарная технологическая
академия (369000, Россия, КЧР, г. Черкесск, ул. Ставропольская, 36).
E-mail: lenab-p@mail.ru

**Шхагошев
Рустам
Валентинович**

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории
и предпринимательства, Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: shhagoshev@mail.ru

Аннотация

Рассматриваются вопросы формирования малых групп на базе выделенного множества специалистов различного профиля и формирования целевых групп для эффективной работы в команде, для выполнения определенной целевой программы поисково-спасательного характера. Рассматривается конкретная информационная задача формирования наиболее активного варианта специальных поисковых малых групп для МЧС.

Ключевые слова: МЧС, поисковые малые группы, эффективность, целевая программа, критерии оптимальной работы, теория графов, информационные связи, математическая модель, множество альтернатив, интерфейс, Lazarus, Delphi, FreeBSD, Mac OS X, Microsoft Windows.

Из года в год в Российской Федерации происходит большое количество масштабных чрезвычайных ситуаций (МЧС) техногенного, экологического, природного характера: страдают, гибнут люди, наносится большой материальный ущерб. Поэтому важной государственной функцией является защита населения и национального достояния от последствий ЧС, аварий, катастроф и других стихийных бедствий, а также вооруженных конфликтов – социальных бедствий для населения [1]. После Чернобыльской катастрофы была сделана попытка перестройки гражданской обороны (ГО), но она желаемых результатов не принесла. И только создание Госкомитета РФ, а затем и МЧС РФ по делам ГО и ЧС стало главным шагом в деле построения в стране современной системы предупреждения и ликвидации ЧС. В связи с этим обусловлена актуальность проведенного исследования по автоматизации оптимального формирования малых поисковых групп исполнителей.

Основная цель формирования малых групп, в общем понимании, заключается в том, что на базе выделенного множества специалистов различного профиля формируются целевые группы для эффективной работы в команде, для выполнения определенной целевой программы поисково-спасательного характера. Потенциальные члены формируемой поисковой малой группы – это специалисты, имеющие определенный опыт практической работы, и характеризуются различными морально-психологическими качествами. Зачастую на практике большое значение могут иметь не личностные показатели, или даже не профессионализм одного из членов формируемой малой группы, а межличностные отношения. Иными словами, от того, как слаженно будет работать коллектив (малая группа), будет зависеть эффективность работы группы в целом [10]. Показатели, влияющие на эффективность работы малой группы, например, взаимная совместимость членов малой поисковой группы, их взаимная дополняемость в профессиональном отношении, физическая подготовленность всех членов формируемой поисковой малой группы.

Для представления перечисленных критериев оптимальной работы группы, в психологии существуют социологические задачи, связанные с изучением процессов, происходящих в малых группах [3; 11].

Математическое моделирование поисковой малой группы, определенной структуры, в нашем случае, это иерархическая структура осуществляется с использованием аппарата теории графов [2; 4-6]. В предложенной Петовой Е.Х. [8] теоретико-графовой модели формирования малых групп в виде типового графа (звезда) информационные связи между членами группы отражаются по принципу отношения подчиненности.

Рассмотрим конкретную информационную задачу формирования наиболее активного варианта специальных поисковых малых групп для МЧС. В каждую группу входят 4 человека, например, существуют поисковые малые группы (ПМГ) предназначенные для проведения поисково-спасательных работ на местах различного рода катастроф. При этом состав ПМГ работает так, что члены группы подчиняются одному из руководителей, т.е. старшему по званию поисковой группы. Использование таких малых групп исполнителей в организациях порождает свою технологию принятия решения [3].

Математическая постановка для задачи формирования поисковых малых групп. Как уже было отмечено в [8], математическая модель базируется на взвешенном графе. Для формируемых поисковых малых групп (ПМГ) будем использовать иерархическую структуру, в которой главному по званию члену поисковой группы подчиняются рядовые члены поисковой группы.

На рис. 1 представлен граф (представление поисковой малой группы), образующих звезду.

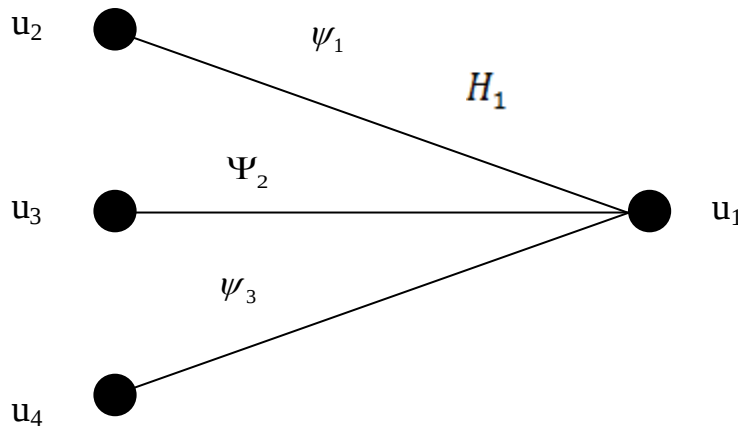

Рис. 1. Типовой граф H_1

Центр u_1 звезды H_1 соответствует руководителю (ПМГ), а висячие вершины соответствуют исполнителям этой группы. Типовой граф H_1 отражает такую структуру информационных связей и отношений подчиненности, когда информационные связи и отношения подчиненности существуют только для пар вида «руководитель – исполнитель», причем, у руководителя нет заместителей.

Для поиска эффективной связки членов формируемой поисковой малой группы в математическом ее представлении, необходимо найти полное множество альтернатив (ПМА), из которого лицо принимающее решение (ЛПР) выберет оптимальное (эффективное), с точки зрения описанных выше критериев.

В работе [8] описывается ситуация покрытия графа 4-х вершинной звездой (структура поисковых малых групп) для 2-критериальной задачи, для которых существуют полиномиальные алгоритмы нахождения полного множества альтернатив. Эти алгоритмы базируются на идее совместного использования метода ограничений и линейной свертки критериев [8].

Доказательство существования полиномиального алгоритма решения задачи покрытия графа 4-х вершинной звездой, а также посчитанная полиномиальной сложность такого алгоритма и сам полиномиальный алгоритм приводится в [7].

На основе такого полиномиального алгоритма был создан программный продукт эффективного формирования поисковых малых групп.

Интерфейс и основные этапы работы приложения «Оптимизация формирования поисковых малых групп». Программное приложение «Оптимальное формирование поисковых малых групп», написанное на языке Delphi и реализованное в кроссплатформенной среде визуального программирования Lazarus [9].

Интерфейс предлагаемого приложения «Оптимальное формирование поисковых малых групп» состоит из 2-х окон.

Первое окно предназначено для запуска и окончания работы приложения, также в этом окне располагается кнопка, которая выводит справку о работе полиномиального 1-критериального алгоритма, описанного выше содержательными обозначениями подмножеств и вершин графа. На рис. 1 представлено начальное окно работы приложения.

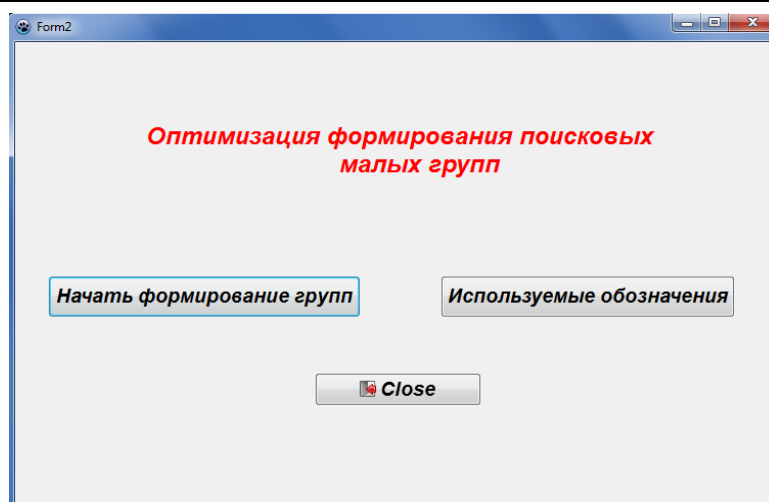

Рис. 1. Начальное окно работы приложения
«Оптимальное формирование поисковых малых групп»

Вторая кнопка (начать формирование групп) непосредственно запускает сам процесс расчетов и представления оптимального варианта.

Второе окно: в этом окне располагаются командные кнопки:

Первая кнопка – заполнить (заполняет таблицу смежности 12-вершинного графа).

Вторая кнопка – случайные значения (присваивают случайное значение переменным x , y для всевозможных пар вершин полного графа, где X -критерии обозначающего психологическую совместимость членов поисковой группы, Y -критерий обозначающий дополняемость профессиональной и физической подготовленности членов поисковой группы).

Третья кнопка – показать выводит в окне полный 12-вершинный граф. Четвертая кнопка – убирать графическое представление полного графа, очищает в окне от данных, выбранных случайным образом. Также в этом окне располагается меню кнопок позволяющий осуществить выбор расчетов по формированию оптимальной иерархической структуры типа звезда. На рис. 2 представлено второе окно работающего приложения.

Рис. 2. Окно приложения вычислительной части

Справка представлена рисунком 3.

На рис. 4 продемонстрирован процесс заполнения данных выбранных случайным образом в таблицах.

Form3

Представленный полный 12- вершинный граф разбивается на четыре подмножества. Первое подмножество (вершины 1,2,3)- подмножество руководителей формируемой малой группы. Второй подмножество (вершины 4,5,6)- первый исполнитель, который подчиняется руководителю. Третье подмножество (вершины 7,8,9)- второй исполнитель, который также подчиняется руководителю. Четвертое подмножество (вершины 10,11,12)- третий исполнитель в подчинении руководителя.

При оптимальном формировании групп спасателей (малых групп) в проекте учитывается два критерия. Первый критерий – это психологическая совместимость, второй критерий профессиональная дополняемость, которая включает в себя такие аспекты, как физическая подготовленность, знание методов и приемов оказания первой помощи.

Формирование групп спасателей осуществляем из принципа в сумме максимум первого критерия и максимум второго критерия.

В проекте использовался полиномиальный алгоритм покрытия графа определенной структурой (структура - звезда) и венгерский алгоритм нахождения совершенного парасочетания .

Рис. 3. Справка приложения «Оптимальное формирование поисковых малых групп»

Form1

Заполнение Расчет 1 Расчет 2 Расчет 3 Расчет 4 Итого

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	0	85	94	98	172	78	99	11	112	164	174	99
2	85	0	131	145	8	110	179	160	64	87	123	85
3	94	131	0	149	65	82	34	143	20	161	129	168
4	98	145	149	0	91	68	73	23	55	67	44	91
5	172	8	65	91	0	119	123	158	127	115	119	94
6	78	110	82	68	119	0	149	100	113	172	174	70
7	99	179	34	73	123	149	0	117	31	127	152	82
8	11	160	143	23	158	100	117	0	88	85	101	124
9	112	64	20	55	127	113	31	88	0	105	113	136
10	164	87	161	67	115	172	127	85	105	0	134	91
11	174	123	129	44	119	174	152	101	113	134	0	90
12	99	85	168	91	94	70	82	124	136	91	90	0

X-Психологическая совместимость членов поисковой группы
Y-Дополняемость профессиональной подготовленности и физическое подготовленность членов поисковой группы

X	Y	X	Y	X	Y	X	Y	X	Y	X	Y	X	Y	X	Y																	
1,2	83	2	2,3	63	68	3,4	98	51	4,5	46	45	5,6	30	89	6,7	57	92	7,8	32	85	8,9	17	71	9,10	60	45	10,11	68	66	11,12	2	88
1,3	10	84	2,4	98	47	3,5	61	4	4,6	36	32	5,7	70	53	6,8	28	72	7,9	3	28	8,10	40	45	9,11	40	73	10,12	48	43			
1,4	10	88	2,5	6	2	3,6	13	69	4,7	22	51	5,8	93	65	6,9	56	57	7,10	58	69	8,11	42	59	9,12	61	75						
1,5	98	74	2,6	98	12	3,7	7	27	4,8	9	14	5,9	59	68	6,10	76	96	7,11	82	70	8,12	62	62									
1,6	29	49	2,7	92	87	3,8	58	85	4,9	40	15	5,10	25	90	6,11	77	97	7,12	43	39												
1,7	42	57	2,8	93	67	3,9	19	1	4,10	44	23	5,11	30	89	6,12	40	30															
1,8	10	1	2,9	27	37	3,10	97	64	4,11	12	32	5,12	65	29																		
1,9	29	83	2,10	29	58	3,11	70	59	4,12	24	67																					
1,10	74	90	2,11	98	25	3,12	96	72																								
1,11	85	89	2,12	54	31																											
1,12	51	48																														

Заполнить Случ. знач. Показать Убрать Очистить

Рис. 4. Заполнение ячеек таблиц данными, выбранными случайным образом.

Рис. 5 иллюстрирует графическое представление полного 12-вершинного графа.

Form1

Заполнение Расчет 1 Расчет 2 Расчет 3 Расчет 4 Итого

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	0	85	94	98	172	78	99	11	112	164	174	99
2	85	0	131	145	8	110	179	160	64	87	123	85
3	94	131	0	149	65	82	34	143	20	161	129	168
4	98	145	149	0	91	68	73	23	55	67	44	91
5	172	8	65	91	0	119	123	158	127	115	119	94
6	78	110	82	68	119	0	149	100	113	172	174	70
7	99	179	34	73	123	149	0	117	31	127	152	82
8	11	160	143	23	158	100	117	0	88	85	101	124
9	112	64	20	55	127	113	31	88	0	105	113	136
10	164	87	161	67	115	172	127	85	105	0	134	91
11	174	123	129	44	119	174	152	101	113	134	0	90
12	99	85	168	91	94	70	82	124	136	91	90	0

X-Психологическая совместимость членов поисковой группы
Y-Дополняемость профессиональной подготовленности и физическое подготовленность членов поисковой группы

X	Y	X	Y	X	Y	X	Y	X	Y	X	Y	X	Y	X	Y																	
1,2	83	2	2,3	63	68	3,4	98	51	4,5	46	45	5,6	30	89	6,7	57	92	7,8	32	85	8,9	17	71	9,10	60	45	10,11	68	66	11,12	2	88
1,3	10	84	2,4	98	47	3,5	61	4	4,6	36	32	5,7	70	53	6,8	28	72	7,9	3	28	8,10	40	45	9,11	40	73	10,12	48	43			
1,4	10	88	2,5	6	2	3,6	13	69	4,7	22	51	5,8	93	65	6,9	56	57	7,10	58	69	8,11	42	59	9,12	61	75						
1,5	98	74	2,6	98	12	3,7	7	27	4,8	9	14	5,9	59	68	6,10	76	96	7,11	82	70	8,12	62	62									
1,6	29	49	2,7	92	87	3,8	58	85	4,9	40	15	5,10	25	90	6,11	77	97	7,12	43	39												
1,7	42	57	2,8	93	67	3,9	19	1	4,10	44	23	5,11	30	89	6,12	40	30															
1,8	10	1	2,9	27	37	3,10	97	64	4,11	12	32	5,12	65	29																		
1,9	29	83	2,10	29	58	3,11	70	59	4,12	24	67																					
1,10	74	90	2,11	98	25	3,12	96	72																								
1,11	85	89	2,12	54	31																											
1,12	51	48																														

Заполнить Случ. знач. Показать Убрать Очистить

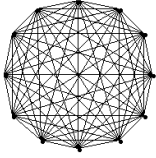

Рис. 5. Графическое представление полного 12-вершинного графа

На рис. 6 показано оптимальное связывание вершины обозначающие руководителя поисковой малой группы с 1-ым членом в этой группы. Причем выбор по суммарному максимальному критерию (используемые критерии X,Y описаны выше).

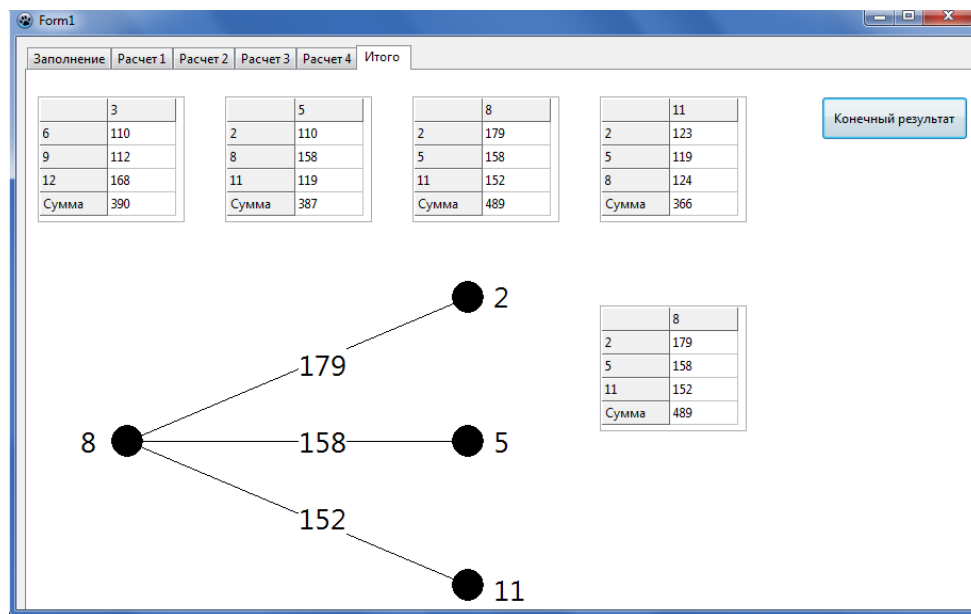

Рис. 6. Оптимальное связывание вершин исходного графа

Предлагаемый программный продукт – оптимальное формирование малых поисковых групп – является гибким, т.е. без особого труда можно трансформировать, изменять исходные данные, а именно набор данных осуществлять не случайным образом, а вводить вручную по конкретным числовым характеристикам психологической совместимости и профессиональной дополняемости всех членов группы. Также можно изменять в рамках предлагаемого программного приложения структуру формируемой поисковой группы.

Литература

1. Аверин А.В., Игнатова Т.В., Кюрджиев С.П., Шагошев Р.В. Методология и институциональные рамки обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 7 (110). С. 128 – 131.
2. Гэри М., Джонсон Д. Вычислительные машины и труднорешаемые задачи. М.: Мир, 1982. 416 с.
3. Джуэлл Л. Индустриально-организационная психология: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2001. 720 с.
4. Кристофидес Н. Теория графов. Алгоритмический подход. М.: Мир, 1978. 432 с.
5. Ловас Л., Пламмер Н. Прикладные задачи теории графов. Теория парасочетаний в математике, физике, химии. М.: Мир, 1998. 653 с.
6. Пападимитриу Х., Стайглиц К. Комбинаторная оптимизация. Алгоритмы и сложность. М.: Мир, 1985. 512 с.
7. Перепелица В.А., Петова Е.Х. Исследование отношений подчиненности в математических моделях формирования целевых групп исполнителей. Фракталы в науке, производстве и обществе: Сборник трудов научно-практической конференции, посвященной 275-летию Российской Академии Наук, 21-23 декабря 1998г., г. Черкесск. Под ред. С.М. Тлисовой. Нижний Архыз: КИИЦентр «CYGNUS», 1999. С. 47 – 58.
8. Петова Е.Х. Проблема нахождения множества альтернатив для многокритериальной задачи формирования целевых групп. Препринт №133Т. Нижний Архыз: РАН CAO, 1999. С. 1 – 13.
9. Соколова Ю.С., Жулева С.Ю. Разработка приложений в среде Delphi [Электронный ресурс]: учебное пособие. М.: Горячая линия-Телеком, 2013. 142 с. Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/12036>. – ЭБС «IPRbooks»
10. Слинков А.М., Игнатова Т.В. Декомпозиция социально-трудовой сферы организации как объекта управленческого мониторинга // Известия КБНЦ РАН. 2016. № 2 (70). С. 118 – 125.
11. Шереги В.А. Основы прикладной социологии. Т. 1, Т. 2. М.: Ред.-изд. фирма «Academia», 1995.

Bezhanov Magomet Kafeevich, Candidate of Economic Sciences, Docent, North Caucasian state humanitarian technological academy (36, Stavropolskaya St., Cherkessk, KarachayCherkess Republic, 369000, Russian Federation). E-mail: bezhanmk@mail.ru

Bezhanova Elena Khusinovna, Candidate of Economic Sciences, Docent, North Caucasian state humanitarian technological academy (36, Stavropolskaya St., Cherkessk, KarachayCherkess Republic, 369000, Russian Federation). E-mail: lenab-p@mail.ru

Shkhagoshev Rustam Valentinovich, Candidate of Economic Science, Docent of Chair of Economic Theory and Entrepreneurship, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-onDon, 344002, Russian Federation). E-mail: shhagoshev@mail.ru

SOFTWARE IMPLEMENTATION OF THE PROCESS OF EFFECTIVE FORMATION OF SEARCH SMALL GROUPS FOR THE MINISTRY OF EMERGENCIES

Abstract

The questions of the formation of small groups on the basis of a selected set of specialists of various profiles and the formation of target groups for effective teamwork, for the implementation of a specific target search and rescue program are considered. The specific informational task of forming the most active variant of special search small groups for the Ministry of Emergencies is considered.

Keywords: Ministry of Emergencies, small search groups, efficiency, target program, criteria for optimal performance, graph theory, information connections, mathematical model, many alternatives, interface, Lazarus, Delphi, FreeBSD, Mac OS X, Microsoft Windows.

References

1. Averin A.V., Ignatova T.V., Kyurdzhiev S.P., SHkhagoshev R.V. Metodologiya i institucional'nye ramki obespecheniya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2019. № 7 (110). P. 128 – 131.
2. Geri M., Dzhonson D. Vychislitel'nye mashiny i trudnoreshaemye zadachi. M.: Mir, 1982. 416 p.
3. Dzhuell.L. Industrial'no-organizacionnaya psihologiya: Uchebnik dlya vuzov. SPb.: Piter, 2001. 720 p.
4. Kristofides N. Teoriya grafov. Algoritmicheskij podhod. M.: Mir, 1978. 432 p.
5. Lovas L., Plammer N. Prikladnye zadachi teorii grafov. Teoriya parasochetaniy v matematike, fizike, himii. M.:Mir, 1998. 653 p.
6. Papadimitriu H., Stajglic K. Kombinatornaya optimizaciya. Algoritmy i slozhnost'. M.: Mir, 1985. 512 p.
7. Perepelica V.A., Petova E.H. Issledovanie otnoshenij podchinennosti v matematicheskikh modelyah formirovaniya celevyh grupp ispolnitelej. Fraktaly v nauke, proizvodstve i obshchestve: Sbor-nik trudov nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 275-letiyu Rossijskoj Akademii Nauk, 21-23 dekabrya 1998 g., g.Cherkessk. Pod red. S.M. Tlisovoj. Nizhnij Arhyz: KII Centr «CYGNUS», 1999. P. 47 – 58.
8. Petova E.H. Problema nahozhdeniya mnozhestva al'ternativ dlya mnogokriterial'noj zadachi formirovaniya celevyh grupp. Preprint №133T. Nizhnij Arhyz: RAN SAO, 1999. P. 1 – 13.
9. Sokolova YU.S., Zhuleva S.YU. Razrabotka prilozhenij v srede Delphi [Elektronnyj resurs]: uchebnoe posobie. M.: Goryachaya liniya-Telekom, 2013. 142 c. Rezhim dostupa: <http://www.iprbookshop.ru/12036-> EBS «IPRbooks».
10. Slinkov A.M., Ignatova T.V. Dekompoziciya social'no-trudovoj sfery organizacii kak ob"ekta upravlencheskogo monitoringa // Izvestiya KBNC RAN. 2016. № 2 (70). P. 118 – 125.
11. SHeregi V.A. Osnovy prikladnoj sociologii. T. 1, T. 2. M.: Red.-izd.firma «Academia», 1995.

**ТЕХНОЛОГИИ ГАРМОНИЗАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ
И ПРОЕКТИРОВАНИЯ ЦЕЛЕДОСТИЖЕНИЯ В УПРАВЛЕНИИ РЕГИОНАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ**

**Ершова
Наталья
Анатольевна** кандидат экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики, Российский государственный университет правосудия (117418, Россия, г. Москва, Новочерёмушкинская ул., 69).
E-mail: nataly_ershova@mail.ru

**Сергеева
Надежда
Владимировна** ст. преподаватель кафедры экономики, Российский государственный университет правосудия (117418, Россия, г. Москва, Новочерёмушкинская ул., 69).
E-mail: serna1963@yandex.ru

Аннотация

Стратегическое целеполагание приобретает все большую значимость и актуальность в условиях реализации национальных программ, призванных обеспечить высокие темпы экономического развития регионов. Однако практика стратегирования социально-экономического развития регионов свидетельствует о наличии такой серьезной проблемы как неспособность органов управления успешно разрабатывать и реализовывать различные программы. Как известно, несмотря на достигнутые плановые финансовые показатели основная стратегическая цель - повышение уровня и качества жизни населения РФ не решена. Считается, что в основном это связано с разнонаправленностью целей в системе управления регионом, их несогласованностью и разупорядоченностью. Для совершенствования процессов стратегического целеполагания необходим переход к новым технологиям стратегического целеполагания. В статье описывается методика целеполагания при разработки и актуализации стратегий и программ социально-экономического развития в органах государственного и муниципального управления Республики Коми, разработанных на основе обобщения и интеграции современных научно-методических и организационно-методических разработок в области стратегического управления социально-экономическими системами регионального и муниципального масштаба.

Ключевые слова: сбалансированное социально-экономическое развитие регионов, региональное стратегирование, целеполагание, стратегическое планирование, региональное развитие, качество управления, управленческие решения, проектный подход, управленческая команда.

Региональное развитие – не просто одна из важнейших сторон, но и самая суть, квинтэссенция развития России. В обществе уже сложилось представление об актуальности региональных проблем, их остроте, сложности, необходимости решать эти проблемы, причем значительную их часть, – не откладывая в «долгий ящик». Этим объясняется растущий интерес к исследованиям региональных проблем и со стороны государства, и со стороны научного сообщества [1, 2].

Как известно, одной из ключевых проблем регионального развития является нарастающая экономическая дифференциация отдельных регионов. Исследования, проведенные Институтом региональных исследований и городского планирования Высшей школой экономики¹, выявили наличие прямой зависимости экономического роста от качества принимаемых в регионах управленческих решений.

Таким образом, приоритетной задачей региональных властей является повышение качества управления, выражающееся в первую очередь в разработке стратегий социально-экономического развития – базовых документов, определяющих устойчивое развитие регионов [5]. Дальнейшее развитие регионального стратегирования видится в формализации процедур и совершенствовании технологии целеполагания, в том числе на основе создания систем стимулирования и персональной ответственности руководителей органов исполнительной власти субъектов РФ за результаты реализации документов стратегического планирования, использования процедур независимого (внешнего) аудита, расширения практики применения проектного подхода и формирования специализированных проектных офисов на уровне субъектов Федерации.

При этом процесс целеполагания определяется как процесс выдвижения, обсуждения и формализации целей, достижение которых является функцией управляющего органа. Если стратегические цели, стратегия и тактика их достижения не определены, либо определены недостаточно точно, либо не приняты членами управляющего органа, наиболее вероятна реализация следующих рисков:

– руководители, не располагая стратегией и тактикой своих действий, переходят в режим ситуативного реагирования на возрастающий во времени поток событий;

¹ https://irsup.hse.ru/data/2017/03/17/1169958730/Russian_Regions_Future_P4.pdf, Дата обращения 19.01.2020.

- подчиненные не имеют четкого представления о том, что отнесено к их компетенции и за что конкретно они несут ответственность;
- высокий уровень неопределенности не позволяет должностным лицам сосредоточиться на исполнении своих функций;
- подчиненные выражают недовольство тем, что не участвуют в принятии решений и теряют мотивацию к более напряженной деятельности;
- система управления и организация в целом деградируют, снижается исполнительская дисциплина, повышаются риски (дезориентации, не достижения ранее поставленных целей, упущенных возможностей, неисполнения распоряжений, вхождения деловых процессов в состояние ступора и т.д.), влекущие за собой серьезные последствия.

В качестве базовой методики при проведении процедуры стратегического целеполагания предлагается использовать методику проектирования пирамиды целей и задач. Данная методика является достаточно простым и эффективным способом реализации процедуры целеполагания и стратегирования, который отвечает выше перечисленным требованиям к организации процесса целеполагания как в режиме индивидуального целеполагания в стационарных условиях, так и в режиме корпоративного целеполагания или в нестационарных условиях.

К достоинству методики можно отнести гармоничное совмещение в ней процессов целеполагания и проектирования стратегии и тактики целедостижения. При этом существует достаточно простой переход от стратегии и тактики как совокупностей упорядоченных действий и мероприятий – к описанию временной организации деятельности и планированию ресурсов. Важной особенностью методики является ее ориентированность на эксплицитное (явное) выражение интересов и ценностных установок участников процедуры целеполагания, что позволяет попутно решать и задачи управления целями и ценностями в компании (управляющей корпорации – в широком смысле).

Несмотря на признание значимости целеполагания большинством руководителей, приступая к формулировке целей, члены управленческой команды далеко не всегда могут ответить себе на вопросы, раскрывающие истинный смысл целеполагания и позволяющие использовать его как эффективный инструмент управления изменениями:

- **отчего** достижение именно этой цели поможет решить актуальную проблему?
- **почему** именно это изменение приведет к желаемому результату?
- **для чего** конкретно нужно проводить те или иные изменения?
- **зачем**, в конечном счете, нужно что-либо менять?

Отсутствие ответов на эти существенные вопросы (особенно – на последние три вопроса) вносит серьезные искажения в процессы и результаты целеполагания. В случае корпоративного целеполагания ответы на эти вопросы особенно существенны. Это связано с тем, что ответы на эти вопросы раскрывают содержание мотивационно-потребностной сферы участников процесса целеполагания.

Уклонение от эксплицитного (явного) выражения интересов участников корпоративного целеполагания указывает на незрелость управленческой команды, наличие маскируемых конфликтов интересов, способных в последствии разрушить как управленческую корпорацию, так и проекты, ею инициированные [4]. В случае неявного выражения интересов участников (выражения через формулировку цели) сформулированная цель нередко не только не отвечает требованиям, сформулированным П. Друкером [3], но и не выражает реальные потребности и мотивации части субъектов целеполагания (а в последствии – участников проекта).

Принимаемое решение должно быть обоснованно и адекватно текущей ситуации, поэтому, еще до момента формулирования цели нужно уделить внимание проработке проблем и выстроить концепцию управленческого исследования, результатом которого должно стать более четкое понимание существующих проблем и принципиальных путей их решения, определяющих основные направления генерации идей по решению проблем [6].

Ниже, на рис. 1, представлен способ организации целевой и процедурной информации, получивший название пирамиды целей и задач.

Методика построения пирамиды целей и задач (ПЦЗ) позволяет, оперируя типовыми алгоритмами и базовыми шаблонами (рис. 1), разработать прикладную (опорную) модель системы целей и задач организации, концепцию стратегии целедостижения и основу плана работ с распределением задач и ресурсов по силам и средствам, вовлекаемым в проект по достижению целей.

Использование методики целеполагания с применением модели ПЦЗ позволяет не только упорядочить (ранжировать) цели по иерархиям, но и определить наиболее эффективную стратегию и тактику их достижения. При этом разработка алгоритма целедостижения происходит на основе четко структурированной и концептуально выверенной модели будущего, формализованной в виде иерархии макро-целей.

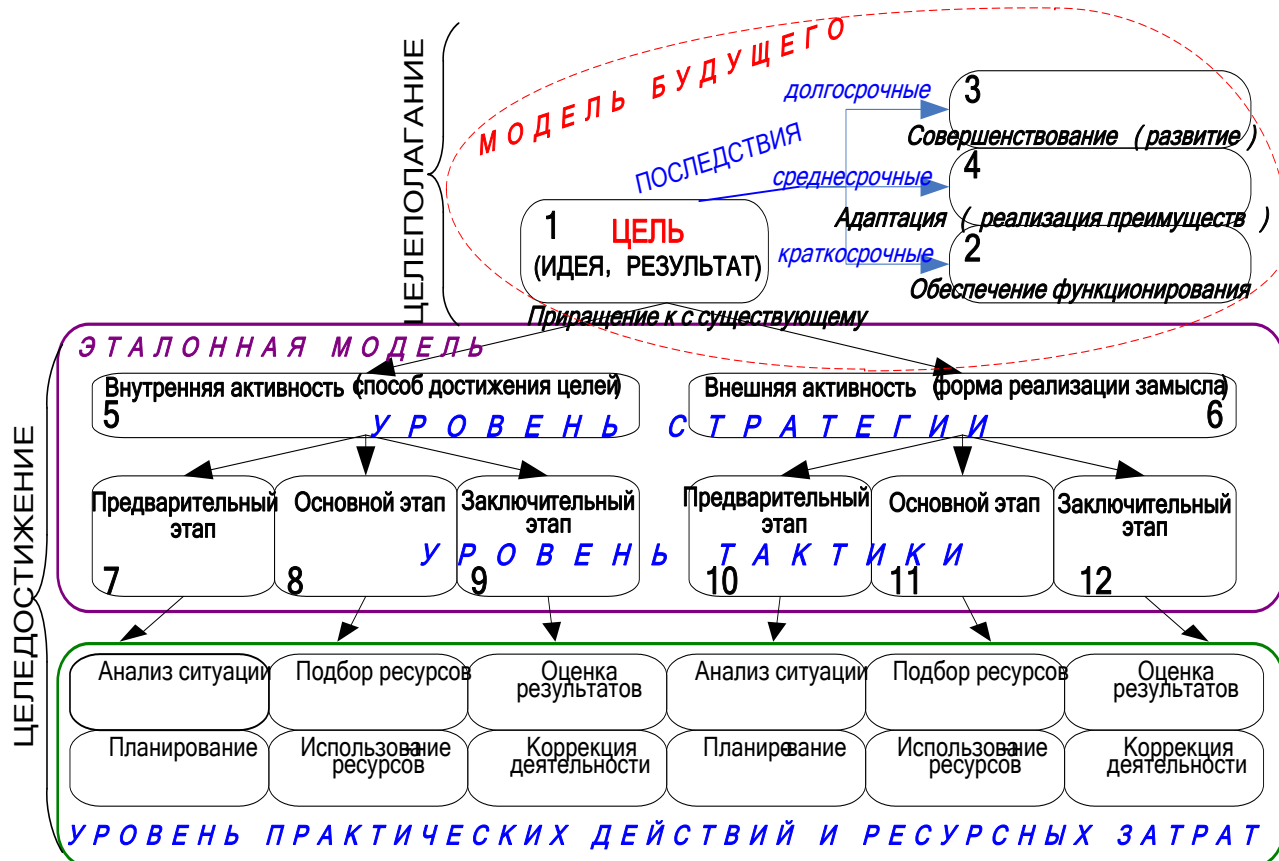

Рис. 1. Базовый шаблон пирамиды целей и задач

При построении целей в ПЦЗ необходимо соблюдать четкую последовательность из 12 шагов, отображенных на рисунке 1. Особенно это касается формулировки макро-целей, из которых состоит так называемая «модель будущего».

Сценарий целеполагания при этом состоит из двух этапов, различающихся содержанием и предметом мыслительной деятельности:

1. Этап (1-6 шаги) – формулировка целей, распределенных по иерархическим уровням, что позволит впоследствии (согласовав эти цели с функциональными) стратегиями выстроить дорожную карту социально-экономического развития региона.

2. Этап (7-12 шаги) – формулировка тактических задач и описание практических действий по их выполнению.

Достижение четкости полученных формулировок на уровне стратегических целей и умеренность детализации тактических шагов на каждом этапе процедуры позволяют провести дальнейшую декомпозицию до сбалансированного перечня конкретных практических действий, для которых на данном уровне управленческой иерархии несложно определить операционный состав и рассчитать количество ресурсов, необходимых для пошаговой реализации стратегии.

Каждая задача, полученная в результате декомпозиции на соответствующем туре процедуры целеполагания закрепляется за функциональным подразделением или отдельным сотрудником организации, отвечающим за наступление результата¹. В последующем это позволит четко определить и критерии целедостижения и результативность субъектов ответственности, и, таким образом, сформировать систему управления по результатам.

Представленный шаблон ПЦЗ может применяться для решения как исследовательских, так и проектных задач целеполагания/целедостижения в любой предметной области и для проработки системы целей любого уровня.

Последовательность операций декомпозиции показана на рис. 2.

¹ В случае проектного управления – за ролью проекта.

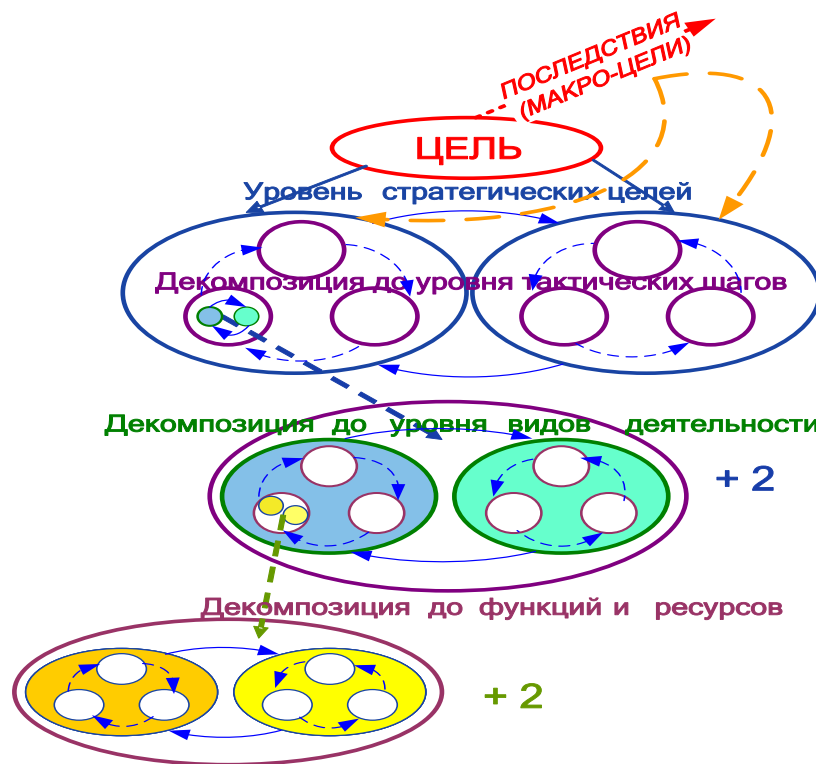

Рис. 2. Схема декомпозиции элементов системы целей до уровня функций и ресурсов

Совместное участие членов управленческой команды и экспертов в процессе разработки прикладной модели ПЦЗ позволяет с одной стороны, задействовать интеллектуальный потенциал коллектива, а с другой стороны – мотивировать коллектив (по крайней мере, ту его часть, которая участвовала в процедуре целеполагания) на достижение поставленных целей и обеспечить понимание сотрудниками и/или подразделениями их места в системе деятельности по достижению целей.

Кроме того, методику целесообразно использовать для решения задачи стандартизации представления данных при целеполагании и выработке согласованных управленческих решений в организациях со сложной системой управления.

Применяя методику проектирования пирамиды целей и задач (ПЦЗ), можно формулировать цели в произвольной сфере деятельности, повышая или понижая уровень целей в зависимости от того, какими объектами, процессами или проектами предполагается оперировать, какими интервалами времени реализации проектов и какими горизонтами прогнозирования. Полученная в итоге мозгового штурма ПЦЗ позволяет гарантировать достижение корректно сформулированных целей даже в условиях высокой скорости изменений, поскольку планирование деятельности осуществляется не «из настоящего», а «из будущего» с учетом настоящего.

Данная методика имеет ряд преимуществ перед другими методами целеполагания, применяемых для планирования и организационного проектирования:

1. Стратегия целедостижения основана на концептуально и иерархически упорядоченной модели будущего, которая предполагает формулировку целей на текущий период (краткосрочное планирование), с учетом адаптации к изменениям (среднесрочное планирование) и определения вектора развития (долгосрочное планирование).

2. Наличие в модели будущего целей, ориентированных на адаптацию системы к изменениям позволяет выстроить четкую формулировку стратегии управления, которая является оптимальной на текущий момент и позволяет разработать адаптивную к внутренним и внешним условиям тактику реагирования.

3. Определение наиболее эффективного способа достижения целей (основа внутренней политики) в совокупности с определением возможных, наиболее успешных форм ее поведения во внешней среде (основа внешней политики) позволяет четко структурировать тактические шаги по целедостижению, что в итоге позволяет составить более полный перечень конкретных практических действий, гарантирующих (обеспечивающих) целедостижение с соблюдением трех принципов: минимизации, достаточности и целесообразности расходов ресурсов.

4. Упорядочение деятельности по циклу стадий и фаз деятельности (тактическим шагам) позволяет определить основные области оценивания (они же – направления приложения усилий) и разработать для каждой из них адекватные и объективные ключевые показатели в качественном и количественном выражении.

При этом следует отметить, что совокупность четырех макро-целей, как правило, образуют группу так называемых «целей – мотиваторов», что позволяет определить состав и уровень социальной группы, к которой они адресованы и, таким образом, определить круг заинтересованных лиц (выгодоприобретателей) проекта/программы. Так, при постановке цели «разработка и внедрение дорожной карты модернизации экономики региона» в случае, когда цели следующих иерархических уровней включают в себя интересы широких кругов общества, значительно расширяются и возможности для привлечения, мобилизации и активизации общественных сил (включая экспертные сообщества, коммерческие и некоммерческие организации) в процесс ее реализации.

Данная методика целеполагания прошла успешную апробацию по разработке стратегии социально-экономического развития Республики Коми до 2020 года¹. В табл. 1 представлен пример целеполагания при разработке дорожной карты модернизации региональной экономики Республики Коми.

Таблица 1

**Пример целеполагания при разработке дорожной карты модернизации
региональной экономики Республики Коми**

<i>Свойство цели</i>	<i>Уровень цели</i>	<i>Содержание целей по иерархиям</i>
Долгосрочная	Макро-цель (уровень max)	Развитие региона в рамках новой модели жизнеустройства
Среднесрочная	Макро-цель (уровень opt)	Реализация социально-экономических и организационно-технологических механизмов согласования интересов государства и общества
Краткосрочная	Макро-цель (уровень min)	Методическое обеспечение процессов адаптивного управления и координации государственных и общественных действий в области модернизации
Базисная	Разработка и внедрение дорожной карты (ДК) модернизации экономики региона	
Цель = Идея = Результат		
1. Создание субъекта и формирование теоретико-методологического базиса разработки дорожной карты		2. Разработка отраслевых расширений и представление концепции дорожной карты на региональном форуме
1.1. Организация рабочих групп по отраслевым направлениям	1.2. Согласование подходов и методов разработки ДК	1.3. Распределение функций по областям компетенций экспертов
		2.1. Распределенная работа групп над положениями Концепции ДК
		2.2. Согласование положений Концепции и составление единой ДК
		2.3. Подготовка Концепции ДК для принятия обществом

Разработка и внедрение в управленческую практику органов государственного и муниципального управления Республики Коми данного шаблона в процессе стратегического планирования позволило составить наиболее информационно-емкий и достаточно полный «портрет» состояния общественного сознания, приоритетов целей и специфики общественного развития.

¹ Постановление Правительства Республики Коми от 27.03.2006 года «О Стратегии социально-экономического развития Республики Коми на период до 2020 года (В редакции Постановлений Правительства Республики Коми от 27.04.2006 г. N 84; от 24.12.2007 г. N 309; от 26.01.2009 г. N 22; от 22.12.2009 г. N 390; от 21.05.2010 г. N 151; от 22.12.2010 г. N 460; от 23.05.2011 г. N 205; от 22.03.2013 г. N 88) [www. https://base.garant.ru/27390323/](https://base.garant.ru/27390323/) Дата обращения 15.01.2020.

Литература

1. Александрова М.В., Минаева Е.В. Инновационное развитие как приоритетное направление повышения конкурентоспособности региона // Экономика и предпринимательство. 2018. №8 (97). С. 503 – 507.
2. Государственное стратегическое управление: Монография / Под общ. ред. проф. Ю.В. Кузнецова. СПб.: Питер, 2014. 320 с.
3. Друкер П. Задачи менеджмента в XXI веке. М.: Издательство: Вильямс, 2004. 272 с.
4. Ершова Н.А. Формирование эффективных управленческих команд как элемента трансформации систем государственного управления в условиях глобализации // Вестник молодых ученых-международников. 2018. № 3 (5). С. 103 – 123.
5. Куликова Н.В. Методология управленческих исследований. Учебное пособие. М.: МИРБИС, 2007.
6. Рябова Т.Ф., Маслюкова Е.А., Юткина О.В. Внутренние резервы роста экономики страны // Экономика и предпринимательство. 2018. № 8 (97). С. 1310 – 1313.

Ershova Natalia Anatolyevna, Candidate of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Economics, Russian State University of Justice (69, Novocheryomushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation). E-mail: nataly_ershova@mail.ru

Sergeeva Nadezhda Vladimirovna, Art. Lecturer, Department of Economics, Russian State University of Justice (69, Novocheryomushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation). E-mail: serna1963@yandex.ru

TECHNOLOGIES FOR HARMONIZATION OF STRATEGIC TARGETING AND DESIGN IN REGIONAL DEVELOPMENT MANAGEMENT

Abstract

Strategic goal-setting is becoming increasingly important and relevant in the context of the implementation of national programs designed to ensure high rates of economic development in the regions. However, the practice of strategizing the socio-economic development of the regions indicates the presence of such a serious problem as the inability of government to successfully develop and implement various programs. As you know, despite the achieved planned financial indicators, the main strategic goal – improving the level and quality of life of the population of the Russian Federation has not been resolved. We believe that this is mainly due to the multidirectional goals in the system of managing the region, their inconsistency and disorder. To improve the processes of strategic goal-setting, a transition to new technologies of strategic goal-setting is necessary. The article describes the goal-setting methodology in the development and updating of strategies and programs for socio-economic development in the bodies of state and municipal government of the Komi Republic, developed on the basis of generalization and integration of modern scientific, methodological and organizational-methodological developments in the field of strategic management of socio-economic systems of regional and municipal scale.

Keywords: *balanced socio-economic development of regions, regional planning, goal setting, strategic planning, regional development, management quality, management solutions, project approach, management team.*

References

1. Aleksandrova M.V., Minaeva E.V. Innovacionnoe razvitie kak prioritetnoe napravlenie povysheniya konkurentosposobnosti regiona // Ekonomika i predprinimatel'stvo. 2018. №8 (97). P. 503 – 507.
2. Gosudarstvennoe strategicheskoe upravlenie: Monografiya / Pod obshch. red. prof. YU.V. Kuznecova. SPb.: Piter, 2014. 320 p.
3. Druker P. Zadachi menedzhmenta v XXI veke. M.: Izdatel'stvo: Vil'yams, 2004. 272 p.
4. Ershova N.A. Formirovanie effektivnyh upravlencheskih komand kak elementa transformacii sistem gosudarstvennogo upravleniya v usloviyah globalizacii // Vestnik molodyh uchenyh-mezhdunarodnikov. 2018. № 3 (5). P. 103 – 123.
5. Kulikova N.V. Metodologiya upravlencheskih issledovaniy. Uchebnoe posobie. M.: MIRBIS, 2007.
6. Ryabova T.F., Maslyukova E.A., Yutkina O.V. Vnutrennie rezervy rosta ekonomiki strany // Ekonomika i predprinimatel'stvo. 2018. № 8 (97). P. 1310 – 1313.

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД ПРИ ОКАЗАНИИ СЕРВИСНЫХ УСЛУГ НА ТРАНСПОРТЕ

Зарян	аспирант,
Ася	Российский университет транспорта (127994, Россия, г. Москва,
Зазовна	ул. Образцова, 9). E-mail: brilliant211@mail.ru
Павлова	кандидат экономических наук, профессор,
Елена	Российский университет транспорта (127994, Россия, г. Москва,
Ивановна	ул. Образцова, 9). E-mail: elenaivanovna@bk.ru

Аннотация

Изложен новый подход к развитию сервиса на транспорте в России, основанный на комплексном предоставлении услуги. Отражены особенности оказываемых услуг в крупнейших транспортных компаниях России. Проанализированы условия, основные проблемы реализации сервиса и ключевые задачи. Предложена схема организации клиентоориентированного сервиса на транспорте. Приведена централизованно-сетевая структура перспективного сервиса, выделены экономические и рыночные аспекты внедрения разработанного подхода.

Ключевые слова: сервисные услуги, транспортные компании, модульно-сетевая структура, бизнес-модель, доставка грузов, синергетический подход, сервисное обслуживание, транспортные услуги, новая составляющая.

Введение

Транспорт составляет одну из важнейших отраслей экономики, которая удовлетворяет потребности в перевозках других субъектов экономической деятельности и населения. Сервисы в составе транспортного комплекса можно определить, как структурный кластер, оперативно формирующий специализированные цепочки услуг, окончательным звеном которых является доставка грузов потребителю.

Конкурентоспособность транспортной отрасли в целом и отдельных транспортных организаций во многом зависит от качества и комплексности предоставляемых услуг. На первое место выходят не просто количественные показатели набора услуг, но их комплексность и взаимоувязанность, то есть синергетический подход. Он позволяет рассматривать сервисные услуги на транспорте в их развитии и неоднозначности (вариативности).

Синергетический подход до настоящего времени мало применялся в данной сфере научных исследований, что и обусловило актуальность рассмотрения синергетических методов применительно к сервисам на транспорте.

Цель исследования заключается в анализе научно-технических и организационно-методических путей повышения эффективности взаимодействия организаторов сервиса на транспорте и потребителей и разработке концептуальных подходов к централизованно-сетевому сервисному обслуживанию операторами на транспорте.

Методами исследования послужили системный подход, методы научной абстракции, дедукции и индукции, экономический анализ, метод прогнозных оценок и методы моделирования.

Современный рынок предъявляет высокие требования к качеству и комплексности сервисных услуг. Такие услуги могут оказывать перевозчики, владельцы транспортной инфраструктуры (станций, портов, мостов, складов и т. д.), экспедиторы и другие, которые осуществляют обслуживание пассажиров, грузоотправителей, грузополучателей.

Ведущие транспортные компании активно переходят к оказанию комплексных услуг, то есть делают поворот в сторону синергетического подхода. Так, например, согласно отчетности ОАО «РЖД», компания переходит от обычных схем перевозки грузов к оказанию комплексных услуг «от двери до двери», а также участвует в глобальных цепях поставок. Для этого был актуализирован набор предлагаемых услуг с созданием их единого каталога. Кроме того, компания предлагает услуги для особых клиентов и категорий грузов, в частности, перевозки негабаритных грузов, контейнерные перевозки (в экспериментальном порядке), перевозки международных почтовых отправлений в контейнерах и доставка по принципу «от двери до двери» и др.¹

На воздушном транспорте для создания конкурентных преимуществ авиакомпании ведут отбор оказываемых услуг в конкретных сегментах. Набор компонентов обслуживания, в зависимости от выбранной стратегии, может включать, в частности, для пассажиров первого класса возможность

¹ Транспортно-логистические услуги. – [Электронный ресурс] URL: <https://ar2018.rzd.ru/ru/performance-overview/transportation-logistics/transportation-logistics-services>. (дата обращения 21.01.2020 г.).

регистрации пассажиров на рейс в гостинице, предоставление наземного транспорта для доставки пассажиров и их багажа в аэропорт и пр. На борту самолета отдельными авиакомпаниями для пассажиров могут быть предоставлены бар, кинозал, диваны и др. Бортпроводники также должны соответствовать высокому уровню обслуживания. Такая стратегия комплексности услуг на земле и на борту самолета и неповторимости, в сравнении с другими авиакомпаниями, создает благоприятное впечатление об общем уровне сервиса.

Вместе с тем, активно развивается и другая группа авиакомпаний – низкобюджетные компании, реализующие бизнес-модели low-cost, которые могут создаваться как дочерние компании крупного авиаперевозчика. Такие компании используют не новые воздушные суда и значительно сокращают набор сервисных услуг с целью минимизации расходов и соответствующего снижения тарифов, что позволяет получать прибыль на объемах работ. Низкобюджетные перевозчики могут осуществлять продажу билетов по низким тарифам даже на год вперед [2].

Судоходные компании оказывают услуги на рынке морских транспортных услуг. Однако они работают в едином ритме с портами, которые выполняют многообразие дополнительных сервисных операций. В единой цепи работают экспедиторы, судовые агенты, фрахтовые брокеры, компании судового менеджмента, таможенные брокеры¹. В развитие набора сервисных услуг крупные судоходные компании создают несколько взаимосвязанных линий (сервисов), которые способны взаимно осуществлять передачу контейнеров через перевалочные порты – хабы.

Услуги, оказываемые на транспорте, должны соответствовать следующим условиям:

- определение цели сервисного обслуживания с направленностью в будущее (в рамках данной цели – безопасное и высококачественное комплексное обслуживание пассажиров и клиентов);
- целенаправленная передача и получение информации для обслуживания процесса транспортировки;
- целевой результат, выраженный в виде доставки пассажиров и грузов в нужное место и время при гарантированном соблюдении требований к сервисным услугам.

Нужно учитывать эластичность сервиса, под которой подразумевается возможность полного отказа от оказания услуг со стороны клиента, либо избирательного подхода к их набору. На выбор клиента будут влиять как ценовая составляющая, так и гарантии их обязательного исполнения, которые подтверждаются лицензиями, сертификатами, используемым уровнем цифровизации бизнес-процессов при оказании сервисных услуг и др.

Правовую базу для обеспечения согласованных действий участников бизнес-процессов составляет договорная система о предоставлении услуг. Определяющими условиями для высокоэффективного взаимодействия оператора сервиса на транспорте и контрагентов при разработке цепочек поставок являются общее информационное пространство и возможность быстрого выполнения финансовых операций.

В настоящее время практически полностью завершено реформирование отечественной транспортной отрасли в модульно-сетевую структуру, позволяющую сконцентрировать усилия специализированных операторов на транспорте на решении узкопрофильных задач, обеспечивающих функционал сервиса в горизонтальной и вертикальной кооперации. Противоречия между мышлением и практической деятельностью, целью и результатом возникают постоянно и требуют разрешения [1].

Транспортная отрасль наработала большой опыт по организации дифференцированных по сегментам рынка специальных услуг: транспортно-экспедиторская деятельность, погрузочно-разгрузочные работы, юридическое сопровождение, бухгалтерский учет, закупка оборудования, подбор персонала, маркетинг, реклама, клининг, поддержание эксплуатационной готовности транспортного парка, хранение и комплектация товаров, сортировка, упаковка и маркировка грузов, мониторинг, обеспечение безопасности и экологичности перевозок, связь, обновление и поддержка информационных ресурсов и др. Однако повышение эффективности взаимодействия организаторов сервиса на транспорте и потребителей все еще продолжает оставаться актуальным направлением развития отрасли².

¹ Сервис на морском транспорте. – [Электронный ресурс] URL:

<https://ru.essays.club/%D0%93%D1%83%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B5-%D0%BD%D0%B0%D1%83%D0%BA%D0%B8/%D0%93%D0%B5%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%B8%D1%8F/C%D0%B5%D1%80%D0%B2%D0%B8%D1%81-%D0%BD%D0%B0-%D0%BC%D0%BE%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BC-%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%D0%B5-221701.html>. (дата обращения 21.01.2020 г.).

² Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года. – [Электронный ресурс] URL: <http://static.government.ru/media/files/Z31ADuvq0eoXlknPdhWRYI22ISdhpas.pdf> (дата обращения 20.01.2020 г.).

Адаптивность транспортных операторов к изменчивости внешних условий: рыночной конъюнктуры, маркетинговых ниш, стратегий конкурентов, законодательной базы, таможенной политики государства и т.п. обеспечивается возможностью последовательной сборки услуг, когда одним и тем же типовым набором многофункциональных сопрягаемых модулей может быть реализован широкий диапазон сервисов на транспорте. Такая структурная пластичность сервиса активно работает на удовлетворенность спроса, поскольку расширяет возможности выбора или участия в формировании самими клиентами пакетов транспортных услуг.

Структура услуги формируется по заявке клиента. При этом автоматически выполняется распределение ролей отдельных узкоспециализированных пространственно разнесенных операторов по выполнению закрепляемых за ними этапов продвижения услуги. Комплексная увязка операторов в единой логике доведения услуги до потребителя выполняется по инициативе и при контроле ответственного оператора сервиса на транспорте. К бизнес-процессу по мере продвижения услуги подключаются контрагенты и подрядчики на информационной платформе облачного интернет ресурса оператора сервиса. Распределение финансов производится мгновенно по согласованным тарифам в прозрачной схеме взаиморасчетов в зависимости от трудовых и временных затрат участников кооперации.

Структура оператора сервиса на транспорте позволяет не только оперативно проанализировать критичные факторы, но и оптимизировать состав учитываемых входных данных, корректировать время начала и окончания процедур, регулировать прозрачность контроля, степень автоматизации процессов, расходы на рекламу и др. Рентабельность сервиса на транспорте обеспечивается управлением экономическими категориями, формирующими прибыль. При этом наиболее значимыми становятся аспекты, напрямую зависящие от структуры и детализации облачного веб-интерфейса оператора: реклама, доступность информации для клиента, удобство интерфейса, обратная связь, данные о надежности оператора [4].

Организация сервисных потоков услуг предполагает запуск и поддержание ряда параллельных типовых замкнутых циклических процессов: потребность – регистрация заявки – финансирование – трансфер грузов – удовлетворение потребности. Циклы начинаются с регистрации хаотично поступающих заявок клиентов, которые далее систематизируются, классифицируются, группируются и обуславливают старт трансфера грузов. Уровень интеллектуальности сервиса определяет рациональное сопряжение материальных, информационных и финансовых потоков в ходе продвижения услуги.

Большое разнообразие стихийно возникающих в России транспортных операторов в настоящее время предпочитают автономность и неохотно кооперируются. Анализ состояния и трендов отечественного и зарубежного рынков транспортных услуг показывает, что в ближнесрочной перспективе будут продолжаться: наращивание сложности сервисов на транспорте, повышение уровня их стандартизации, усиление позиций на международном рынке транспортных услуг, дальнейший рост быстродействия и комфортности бизнес-процессов для клиентов и организаторов [3].

В сложившихся условиях наиболее целесообразная схема организации клиентоориентированного сервиса на транспорте может быть построена на концептуальной основе централизованно-сетевого обслуживания. При этом транспортные агенты различной специализации могут консолидировать свои ресурсы, чтобы повысить совместные возможности за счет: применения спецтранспорта, географической дислокации сети сервисных центров, делегирования полномочий иностранным операторам в стране-экспортере и др.

В общем виде синергетический процесс формирования и предоставления сервисных услуг транспортных операторов можно представить следующим образом. После регистрации заявки синтезируется и иницируется оптимальная схема доставки услуги от отправителя к заказчику, в которой узловыми элементами служат отдельные операторы в части касающейся их компетенций на коммерческой основе распределения ответственности и прибыли по согласованной в кооперации со всеми сторонами тарифной сетке, таким образом реализуется принцип сетевой централизации.

Однако, основным связующим звеном в кооперации, гарантом доставки услуги до потребителя и распределителем финансов является иницирующий процесс оператор сервиса на транспорте. В этом проявляется централизованность стратегии транспортного сервиса. Такая бизнес-модель дополнительно позволяет анализировать, прогнозировать и минимизировать риски сервиса на транспорте.

Оператор сервиса на транспорте занимает центральное место в кооперации в вопросе доведения услуги до потребителя, обеспечивает все этапы ее поставки, и обладает всей полнотой исторической, статистической, справочной, методической и аналитической информации обо всех ключевых аспектах, формирующих качество сервисных бизнес-процессов.

Заключение

Эффективность сервиса на транспорте во многом определяет уровень обслуживания потребителей, обусловленный оснащенностью организаторов сервиса, их совокупным организационным, информационным и техническим ресурсным потенциалом.

Предложенная концепция централизованно-сетевого сервисного обслуживания обеспечивает высокую конкурентоспособность отечественного поставщика транспортных услуг на мировом рынке, поскольку предполагает консолидацию усилий кооперации региональных и зарубежных операторов, специализирующихся на хорошо отработанных узких направлениях общего бизнеса.

Одна из сильных сторон концепции сервиса – в возможности оперативного синтеза гибких и надежных цепочек продвижения транспортных услуг для широкого круга территориально разнесенных по всему миру поставщиков и потребителей. Эффект обусловливается прозрачным конструированием цепочек услуг, при котором любой из участников бизнеса располагает возможностями согласованного управления общими ресурсами кооперации.

Результаты исследования

1. Выполнено обоснование актуальности исследования резервов повышения эффективности операторов сервиса на транспорте.
2. Проанализированы современные экономические условия для развития сервисного бизнеса на транспорте и использование сервисных услуг в крупных транспортных компаниях.
3. Выделены аспекты бизнес-модели сервиса на транспорте, наиболее зависящие от облачного веб-интерфейса оператора.
4. Детализирован циклический процесс продвижения транспортной услуги к потребителю.
5. Определены критичные факторы для повышения интеллектуальности сервиса на транспорте.
6. Сформулирована концепция централизованно-сетевого сервисного обслуживания операторами на транспорте территориально распределенных потребителей.

Область применения результатов охватывает управление сервисными услугами на транспорте.

Литература

1. Кузнецов Ю.В., Капустина Н.В. Принципы исследования системы управления рисками // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2010. Т. 13. № 1. С. 15 – 21.
2. Мнишко А.В. Развитие рынка низкобюджетных авиаперевозок в Российской Федерации: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 – [Электронный ресурс] URL: https://guu.ru/files/referate/2014/mnishko_a_dis.pdf
3. Смирнова Е.А. Управление цепями поставок: Учебное пособие. СПб: СПбГУЭФ, 2016. 120 с.
4. Транспортное обеспечение коммерческой деятельности: учеб. пособие / Под ред. Г. Я. Резго. М.: Финансы и статистика, 2009. 128 с.

Zaryan Asya Zazovna, Postgraduate Student, Russian University of Transport (9, Obraztsova str., Moscow, 127994, Russian Federation). E-mail: brilliant211@mail.ru

Pavlova Elena Ivanovna, PhD in Economics, Professor, Russian University of Transport (9, Obraztsova str., Moscow, 127994, Russian Federation). E-mail: elenaivanovna@bk.ru

SYNERGETIC APPROACH IN THE PROVISION OF SERVICES-GOVERNMENTAL SERVICES TRANSPORTATION

Abstract

A new approach to the development of transport services in Russia, based on a comprehensive service provision, is presented. The features of the services rendered in the largest transport companies in Russia are reflected. The conditions, main problems of service implementation and key tasks are analyzed. The scheme of organization of customer-oriented service in transport is proposed. The centralized network structure of a promising service is presented, and the economic and market aspects of implementing the developed approach are highlighted.

Keywords: services, transport companies, modular network structure, business model, cargo delivery, synergistic approach, service, transport services, price component.

References

1. Kuznecov YU.V., Kapustina N.V. Principy issledovaniya sistemy upravleniya riskami // Vestnik Murmanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2010. T. 13. № 1. P. 15 – 21.
2. Mnishko A.V. Razvitie rynka nizkobyudzhethnyh aviaperevozok v Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. ekon. nauk: 08.00.05 – [Elektronnyj resurs] URL: https://guu.ru/files/referate/2014/mnishko_a_dis.pdf
3. Smirnova E.A. Upravlenie cepyami postavok: Uchebnoe posobie. SPB: SPbGUEF, 2016. 120 p.
4. Transportnoe obespechenie kommercheskoj deyatel'nosti: ucheb. posobie / Pod red. G. YA. Rezgo. M.: Finansy i statistika, 2009. 128 p.

ЭЛЕКТРОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ – БЕЛАЯ КНИГА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Минаева Елена Вячеславовна	доктор экономических наук, профессор, Российский государственный университет правосудия (117418, Россия, г. Москва, Новочерёмушкинская ул., 69). E-mail: 5880972@mail.ru
Аветисян Анна Владимировна	аспирант, Российский государственный университет правосудия (117418, Россия, г. Москва, Новочерёмушкинская ул., 69). E-mail: avetisian.annav@mail.ru

Аннотация

В данной статье исследуются системы электронного управления, в частности электронная демократия, дано определение понятия, рассмотрены виды электронной демократии, цели данной системы, риски внедрения и несовершенства в нынешних условиях развития цифровой экономики. Также исследован уровень развития информационно коммуникационных технологий и зависимость электронной демократии от данных технологий.

Ключевые слова: электронное правительство, электронная демократия, информационно-коммуникационные технологии, цель, риски, стратегия, цифровая экономика, цифровые технологии, административный персонал.

С использованием цифровых технологий изменяются повседневная жизнь человека, производственные отношения, структура экономики и образование, а также возникают новые требования к коммуникациям, вычислительным мощностям, информационным системам и сервисам [3]. В настоящее время данные становятся новым активом, причем, главным образом, за счет их альтернативной ценности, то есть по мере применения данных в новых целях и их использования для реализации новых идей. В России в настоящее время урегулировано большинство вопросов, возникающих в рамках использования информационно телекоммуникационных технологий в различных сферах деятельности. Однако регуляторная и нормативная среда имеет ряд недостатков, в ряде случаев создавая существенные барьеры на пути формирования новых институтов цифровой экономики, развития информационно телекоммуникационных технологий и связанных с ними видов экономической деятельности¹.

Электронное правительство включает в себя электронную демократию и предоставление электронных публичных услуг [5]. Публикация информации электронными средствами как вид деятельности относится к э-услугам.

Информационно коммуникационные технологии (ИКТ) должны совершенствовать доступ и коммуникации с чиновниками и избранными политиками. Электронные средства голосования на выборах и референдумах должны дополнять неэлектронные традиционные способы.

Определение понятия «электронная демократия» («э-демократия», «виртуальная демократия») можно представить как – форму общественных отношений, при которой граждане и организации привлекаются к государственным образовательным процессам и процессам государственного управления, а также к местному самоуправлению путём широкого использования информационно коммуникационных технологий. Это понятие определяется рядом с понятиями: электронная экономика, электронная коммерция, электронные услуги, электронная культура, электронное образование, электронная медицина.

Электронная демократия – это использование ИКТ в демократических процессах, которое позволяет усилить участие, инициативность и привлечение граждан на национальном, региональном и местном уровнях публичной жизни, улучшить прозрачность демократического процесса принятия решений, а также подотчётность демократических институтов, улучшить чувствительность/обратную реакцию органов власти на обращение граждан, содействие публичным дебатам и внимание граждан к процессу принятия решений².

Электронная демократия делится на секторы:

- электронный парламент;
- электронное законотворчество;
- электронное голосование;
- электронное правосудие;

¹ Программа "Цифровая экономика Российской Федерации", утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р.

² Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. N 1662-р.

- электронная медиация;
- электронная экология;
- электронные выборы;
- электронный референдум;
- электронные консультации;
- электронные петиции;
- электронные политические компании;
- электронные опросы.

Э-парламент – использование ИКТ парламентом, парламентариями, административным персоналом для выполнения своих заданий, особенно с целью привлечения граждан. Электронный парламентаризм предусматривает привлечение значительного количества заинтересованных сторон: членов парламента, административного персонала, избирателей, граждан, медиа. Э-парламент использует и другие сектора электронной демократии – э-законодательство, э-голосование, э-петиции, э-консультации.

Э-законотворчество – использование ИКТ для написания законопроектов, комментирования, консультаций, структурирования, форматирования, представления и внесения изменений. Делает законотворческий процесс более прозрачным, позволяет совершенствовать содержание законодательства, обеспечивает лучший доступ к законодательству и гражданскую компетентность в сферы законодательства.

Э-правосудие – использование ИКТ для совершения правосудия всеми участниками процесса, повышения качества судебных услуг для граждан и бизнеса. Включает электронную коммуникацию и обмен данными, доступ к судебной информации. Система правосудия улучшается на основе лучшего доступа граждан к правосудию.

Э-медиация – использование ИКТ для поиска способов решения споров без физического присутствия субъектов конфликта. Э-средства, собственно, и являются посредниками.

Э-экология (окружающая среда) – использование ИКТ для оценки и защиты окружающей среды, планирования пространственного развития, устойчивого и безопасного использования природных ресурсов на основе участия граждан в принятии решений.

Э-выборы, э-референдум, э-инициативы – предполагают использование ИКТ в указанных политических мероприятиях на одной или нескольких стадиях их выполнения.

Э-голосование – предполагает использование ИКТ на выборах или референдумах, как минимум, для подсчёта голосов.

Э-консультация – электронный способ сбора данных о мыслях/позициях определённых стейкхолдеров, общественности относительно определённых вопросов публичной политики. Консультация не предполагает обязанность ответственного лица принимать решения рекомендованным способом. Существует большое количество форм э-консультаций: формальные / неформальные, регулированные общественностью или властью, нерегулированные.

Э-инициативы – позволяют гражданам высказывать свои предложения способами ИКТ и таким образом влиять на формирование публичной политики.

Э-петиции – использование ИКТ для выдвижения протестов и рекомендаций демократическим институтам. Граждане подписывают петиции и включаются в дискуссию, указывая онлайн свои имена и адреса.

Э-политические компании – использование ИКТ для поощрения граждан принять участие в избирательных или других политических компаниях, направленных прямо или косвенно на влияние и формирование или внедрение политики. Э-политические компании связаны в первую очередь с э-избирательными компаниями, э-адвокатскими компаниями.

Э-опрос – позволяет получать мысли граждан электронными способами по случайной или целевой выборке. Как правило, гражданам предлагается вопрос и варианты ответов¹.

В качестве приоритетов национальной стратегии следует определить следующие направления электронной демократии по трём уровням:

- Базовый уровень – открытые данные (одноканальное информирований) – позволяет негосударственным институтам и активистам оперативно готовить альтернативные и конкурентоспособные продукты политики (мониторинг и оценку, проекты решений, экспертизу). Дополнительной выгодой является развитие IT сектора экономики.

¹ Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 года № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)»».

- Мезоуровень – опубликование информации про политику на ВЭБ ресурсах (одноканальное информирование). Речь об опубликовании аналитических продуктов органов власти: отчёты, новости о деятельности и услуги, которые дают гражданам обобщенные и доступные знания о текущей политике. Основная выгода для граждан – возможность обеспечить компетентность в политике перед участием в ней. Электронные способы способствуют получению информации в реальном времени, оперативность «запрос – ответ». На этом уровне активно совершается политика электронного просвещения, инклюзии, доступности устройств и ИКТ для разных категорий населения.

- Верхний уровень – участие граждан в формировании политики, политический диалог (двусторонний обмен информацией). Электронные инструменты позволяют в реальном времени выполнять политический диалог и эффективное влияние на базе электронных дискуссионных платформ.

Основой формирования и развития политики электронной демократии было решено принять смешанную стратегию встречных решений «сверху вниз» - «снизу вверх», которая позволяет:

- учитывать реальные проблемы доступа к инструментам электронной демократии разных групп граждан, в разных экономических, социальных и политических условиях регионов Российской Федерации;

- учитывать различия в уровне готовности к внедрению инструментов электронной демократии разных органов государственной власти и местного самоуправления;

- планомерно внедрять международные стандарты электронной демократии на всех уровнях;

- учитывать инициативы национальных, региональных и локальных инициативных групп, интернет-активистов из числа бизнеса, государственных служащих, медиа и других заинтересованных лиц;

- учитывать и оперативно убирать риски внедрения инструментов электронной демократии.

Стратегическими целями электронной демократии было принято считать:

- использование ИКТ для совершенствования государственного управления, отношений между государством и гражданами, становление электронных форм взаимодействия между органами государственной власти и органами местного самоуправления, и физическими и юридическими лицами;

- защиту информационных прав граждан, прежде всего, что касается доступности информации, защиты информации про личность, поддержки демократических институтов та минимизации риска «информационного неравенства».

Ожидаемыми последствиями достижения стратегических целей является - способствование становлению открытого демократического общества, которое будет гарантировать соблюдение конституционных прав граждан касаясь участия в общественной жизни, принятие соответствующих решений органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Основные направления целей это - обеспечение свободного доступа населения к телекоммуникационным услугам, в частности к сети интернет, ИКТ и информационным ресурсам.

Задачами стратегических целей являются: содействие демократическим преобразованиям в обществе путём обеспечения доступа населения к информационным ресурсам и систем предоставления информационных услуг органами государственной власти и органами местного самоуправления с использованием сети интернет, в частности путём обнародования проектов соответствующих нормативно-правовых актов, внедрение новых форм взаимодействия с общественностью с использованием ИКТ (в части опросов, консультаций, гражданских экспертиз).

Ожидаемые результаты выполнения стратегических целей – увеличить уровень защиты прав и свобод человека и его благосостояния, активизировать участие граждан в управлении государством [6].

Но также существуют риски внедрения электронной демократии, такие как:

1. Затягивание административной реформы и обеспечение возможности государственных органов осуществлять стратегию, в части разработки и выполнения проектов, повышения компетентности в сфере электронной демократии;

2. Ухудшение социально-экономического положения населения, которое не позволит снять финансовые преграды доступа в интернет. Этот риск особенно актуален для сельских территорий;

3. Отсутствие политического консенсуса о приоритетности электронной демократии;

4. Спад гражданской активности на национальном уровне и ограниченные возможности реализации проектов электронной демократии;

5. Низкое качество подготовки стратегии, особенно в части сбалансированной системы показателей результативности;

6. Неравномерность процесса внедрения проектов электронной демократии на уровне отдельных институций и регионов. При таких условиях стратегия не сможет своевременно корректироваться [4, с. 41];

7. Недостаток бюджетных ресурсов и международной поддержки.

Э-демократия может быть внедрена любой заинтересованной стороной. Инициатива может исходить «сверху вниз» от органа власти на всех уровнях государственного управления, а также «снизу вверх» как инициатива граждан. Каждый из подходов имеет своих преимущества. При этом необходимо брать во внимание особенности политической системы культуры.

Имплементация электронной демократии требует тщательной экспертизы разных сфер деятельности органа власти, постепенности внедрения на основе понятной методологии, на основе механизмов мониторинга и оценки. Успех внедрения электронной демократии зависит от политической воли руководства, которое выявляет готовность к структурным изменениям. Существует потребность в учебных программах, тренингах и инструментах, которые гарантируют инклюзию всех групп граждан.

С точки зрения граждан, как определяющих субъектов электронной демократии выражается надежда на то, что ИКТ могут улучшить демократические процессы Российской Федерации, в частности участие граждан в формировании политики.

При этом имеющиеся существенные социальные, экономические и технические преграды по внедрению электронной демократии, связанные с:

- отсутствием информации и знаний о сути и возможности электронной демократии у почти 80% пользователей интернет. В свою очередь, это обуславливает отсутствие спроса среди пользователей на взаимодействие с государственными органами онлайн;
- недостаточность использования правительством взаимодействия на основе социальных сетей, которым отдают предпочтение 76% пользователей интернет;
- ограниченные возможности участия в электронной демократии имеют лица пожилого возраста, сельские жители и граждане с низким уровнем образования [7].

Также не стоит забывать о такой проблеме, как опасность манипулирования данными голосований из-за недостаточного уровня безопасности, опасность цифрового разделения на тех, кто владеет информацией и тех, кто не владеет [2]. Не стоит забывать об ущемлении принципа демократии выбора, влияние экстремистских группировок на избирателей, в частности на молодых избирателей [1].

С точки зрения интернет-активистов из числа бизнеса и политической элиты, которая взаимодействует в рамках широких инициатив основной проблемой внедрения политики электронной демократии является отсутствие законодательного обеспечения конкретных инструментов электронной демократии (доступ к открытым правительственным данным, э-петиции, э-обращения граждан).

Роль технологий в электронной демократии не является определяющей. Большое количество и качество технологий не обуславливают качество демократического процесса. Ответственность за внедрение технологий должна лежать на институции, которая отвечает за электронную демократию как политику.

Литература

1. *Вершинин М.С.* Политическая коммуникация в информационном обществе. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2001. С. 90-91.
2. *Кравченко В.И.* Политическая культура как отражение политико-коммуникативной реальности общества / Сборник научных трудов "Актуальные проблемы теории коммуникации". СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. С. 59 – 71.
3. *Лаврик Н.В.* Электронная демократия: мировой опыт // Вестник Забайкальского государственного университета. 2017. Т. 23. № 2. С. 67 – 75.
4. *Мовсесян А.* Современные тенденции становления информационного общества в мировой экономике и России // Общество и экономика. 2001. № 6. С. 32 – 46.
5. *Омеличкин О.В.* Электронная демократия: понятие, проблемы // Вестник КемГУ. 2014. № 1(57). С. 86 – 89.
6. *Песков Д.Н.* Интернет в российской политике: утопия и реальность // Полис. 2002. № 1. С. 31 – 65.
7. *Чеботарева А.А.* Механизмы электронной демократии: возможности и проблемы их реализации в Российской Федерации // Правовая информатика. Вып. 3. 2012. С. 49 – 54.

Minaeva Elena Vyacheslavovna, Doctor of Economics, Professor of the Department of Economics, Russian State University of Justice (69, Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).
E-mail: 5880972@mail.ru

Avetisyan Anna Vladimirovna, Graduate student, Russian State University of Justice (69, Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation). E-mail: avetisyan.annav@mail.ru

ELECTRONIC DEMOCRACY – A WHITE BOOK OF STATE POLICY

Abstract

This article explores e-government systems, in particular e-democracy, gives a definition of the concept, considers the types of e-democracy, the goals of this system, the risks of implementation and imperfections in the current development environment of the digital economy. The level of development of information and communication technologies and the dependence of e-democracy on these technologies are also investigated.

Keywords: e-government, e-democracy, information and communications technology, goal, risks, strategy, digital economy, digital technology, administrative staff.

References

1. Vershinin M.S. Politicheskaya kommunikaciya v informacionnom obshchestve. Spb.: Izd-vo Mihajlova V.A., 2001. P. 90-91.
2. Kravchenko V.I. Politicheskaya kul'tura kak otrazhenie politiko-kommunikativnoj real'nosti obshchestva / Sbornik nauchnyh trudov "Aktual'nye problemy teorii kommunikacii". SPb.: Izd-vo SPbGPU, 2004. P. 59 – 71.
3. Lavrik N.V. Elektronnaya demokratiya: mirovoj opyt // Vestn. Zabajkal. gos. un-ta. 2017. T. 23. № 2. P. 67 – 75.
4. Movsesyan A. Sovremennye tendencii stanovlenii informacionnogo obshchestva v mirovoj ekonomike i Rossii // Obshchestvo i ekonomika. 2001. № 6. P. 32 – 46.
5. Omelichkin O.V. Elektronnaya demokratiya: ponyatie, problemy // Vestnik KemGU. 2014. № 1(57). P. 86 – 89.
6. Peskov D.N. Internet v rossijskoj politike: utopiya i real'nost' // Polis. 2002. № 1. P. 31 – 65.
7. Chebotareva A.A. Mekhanizmy elektronnoj demokratii: vozmozhnosti i problemy ih realizacii v Rossijskoj Federacii // Pravovaya informatika. Vyp. 3. 2012. P. 49 – 54.

УДК 338

DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-1-84-91

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ КАК ИМПЕРАТИВ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Овчаренко
Георгий
Васильевич	доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).
E-mail: menedjment@uriu.ranepa.ru
Ларкина
Наталья
Георгиевна	кандидат экономических наук, доцент кафедры «Маркетинг и коммуникации в бизнесе», Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42).
E-mail: nat1-la@yandex.ru
Некрасова
Виктория
Витальевна	кандидат экономических наук, зав. кафедрой менеджмента, доцент, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).
E-mail: menedjment@uriu.ranepa.ru

Аннотация

В статье рассматриваются нравственно-этические аспекты инновационных преобразований в инновационной деятельности организаций. Обосновывается на практических ситуациях необходимость инновационной активности человека в его жизнедеятельности. Показана значимость инновационной культуры в создании социального равновесия в коллективе. Предложены модели стратегически-инновационной диверсификации в инновационном развитии общества. Определены возможности воспроизводства инновационного потенциала с учетом личной ответственности руководителей. Дана оценка ключевых факторов инновационных преобразований в контексте инновационного образования и инновационного мышления руководителей. Обозначены особенности инновационного управления знаниями.

Ключевые слова: нравственно-этические аспекты, инновационный климат, самосовершенствование личности, инновационное развитие, инновационная активность, инновационные знания, инновационный потенциал, обновление производства, инновационные ценности.

Нарушение равновесия в социально-экономической системе возникает вследствие низкого уровня **морального сознания** экономических субъектов в контексте ценностей, идеалов, норм и принципов поведения, эмоций, чувств, убеждений, переживаний, которые отражают **жизненно-практический и исторический опыт** людей в форме индивидуальных и коллективных представлений, при этом выполняют функции механизма социальной преемственности при организации жизнедеятельности.

Авторы отмечают, что понимание вышеизложенного – это **логика нравственно-этических** аспектов в современных экономических отношениях на всех уровнях: мега-, макро-, мезо- и микро-, что обуславливает компромисс между взаимодействующими экономическими субъектами.

Обозначенная особенность компромисса при любых взаимодействиях определяется на практике уровнями **инновационной культуры**, то есть осознанием всеми **значимости этики**, нравов, традиций и специфики национального развития переходящие из поколений **исторически** сложившиеся, что обуславливает гуманистическую направленность благосостояния для людей, а также удовлетворения в своей жизнедеятельности.

Подтверждением вышеизложенного является инновационное развитие ООО «КЗ "Ростсельмаш"» на основе создания ее руководителями не только инновационных знаний персонала, но и инновационного климата и культуры в коллективах, определяющих разработку и производство конкурентоспособных новационных моделей комбайнов для страны, так как хлеб – это сила и могущество государства.

Как показывает практика развития общества, **значимость** и влияние уровня **образования** на социальную активность личности определяют степень ее участия в общественной и политической жизни, а также гражданского поведения, что обуславливает самоподдерживающийся **климат доверия** в коллективе.

Понимание вышеизложенного обуславливается тем, что человек в своей жизнедеятельности ориентирован на будущее, приобретая все новые социальные навыки при взаимодействии в коллективе самореализуется и стремится к самосовершенствованию с пониманием норм нравственности и справедливости.

Не случайно в условиях кризиса экономики ужесточается конкуренция за привлечение человеческих знаний, как источник обновления производства во всех отраслях промышленности для реализации **инновационного прорыва** в развитии страны при четком и гибком государственном регулировании этих процессов в необществе.

Однако авторы отмечают, что переход экономики на инновационный уровень развития возможен только при применении **инновационных знаний** людей во всех аспектах: техническом, технологическом, организационно-управленческом на основе **научного** подхода и **инновационного мышления** руководителей всех уровней управления с учетом их личной ответственности за результат точно в срок, но при инновационной активности и инвестиционной валентности всех регионов РФ. Так как статистика и анализ инновационной активности организаций не превышает 10% согласно данным Росстата, особенно плохо в отраслях сырьевого комплекса.

В связи с вышеизложенным необходимо отметить, что исторический опыт показывает – единственный механизм таких изменений в инновационной активности – институт гражданского общества с духовной нравственностью, то есть государство должно ориентировать социально-экономическую активность на реализацию инновационного развития экономики, но при условии создания условий для самоорганизации российского общества при поддержке и контроле государства и личной ответственности руководителей всех уровней управления во всех отраслях экономики [1].

В силу вышеизложенного с практической точки зрения умение руководителей организации применять стратегию дифференциации продуктовых моделей по принципу технологической взаимопригодности позволяет не только улучшить координацию взаимодействия подразделений, но и расширить технологические возможности в этапах инновационного процесса, реализуя инновационные организационные структуры, что и обуславливает конкурентоспособность организации в контексте синергетического использования научного потенциала всех работников, обуславливающего достижение **инновационной цели**. В этой связи авторы отмечают, что появляется инновационный вектор руководителей на приоритетность производственного этапа в инновационном процессе при разработке и создании новшеств, коммерциализация которых – это и есть инновационные товар или услуга с учетом специфики деятельности, но и риска и изменений конъюнктуры спроса.

Примером такого **научного подхода** в реализации этапов инновационного процесса является ООО «КЗ "Ростсельмаш"» руководители которого создают новые модели комбайнов на основе инновационных знаний персонала и собственных инновационных технологий, что и обеспечивает инновационный уровень развития в контексте 75% спроса комбайнов регионами РФ, одновременно реализуя инновационные модели на экспорт в количестве 20% выпуска комбайнов¹. При этом постоянно совершенствуется организационная структура управления производством на всех уровнях управления во всех подразделениях с учетом тенденции и практики развитых стран и специфики развития российской экономики для перехода на новый уровень развития с реализацией

¹ Газета «Ростсельмашевец» от 20.02.2018.

инновационной стратегии диверсификации, что определяет опережение конкурентов по расширению сегмента спроса.

Совокупность вышеуказанных принципов обуславливает не только новое содержание этапов технологии управления производством, но и гибкое применение совершенствованных организационных структур моделей инновационной деятельности, осуществляющих реализацию инновационных проектов точно в срок, что создает синергетический эффект в инновационном развитии организации с учетом мировых тенденций и кризисных ситуаций [2].

Усложнение производственных процессов, увеличение наукоемкости создаваемой продукции (услуги), неопределенность конъюнктуры обуславливает наличие у руководителей видения инновационной стратегии развития и гибкой тактики ее реализации, что обеспечит переход на инновационный уровень деятельности с социально-экологическим вектором для повышения качества жизни людей и достижения нравственной справедливости в необществе в контексте инновационного цикла 5-го и 6-го технологических укладов.

В силу вышеизложенного авторы предлагают помнить предложения Президента РФ В.В. Путин, что «надо искать решения, которые позволили бы нам преодолеть складывающуюся одностороннюю технологическую зависимость, ...необходимо выстроить эффективный механизм обновления экономики ...с эффективным сельским хозяйством, ...нам нужно тщательно выбрать приоритеты и сохранить научный и производственный потенциал» [3].

Так в своих исследованиях А. Кьелл отмечает, чтобы добиться успеха в XXI веке, нужно научиться управлять бесконечной инновацией – это никогда не прекращающийся поиск путей создания новых ценностей для всех, кого, так или иначе, затрагивает деятельность компании.

Теоретически исследования ученых разных стран подтверждают, что на практике происходит **циклическое** развитие общества, обоснованное человеческим интеллектом, который в условиях инновационно-информационного общества является определяющим фактором **воспроизводства** национального **инновационного потенциала** и его необходимым элементом для перехода общества на новый уровень развития – **необщество**, что подтверждается исследованиями русского ученого В.И. Вернадского о том, что биосфера переходит в новое эволюционное состояние – ноосферу, перерабатывается научной мыслью человечества [4]. Таков новый исторический путь развития России.

Подтверждение этому – инновационная деятельность руководителей ООО «КЗ "Ростсельмаш"», создавших социально-мотивированные условия творческой деятельности персонала при изготовлении мирового уровня моделей комбайнов с реализацией его совокупного интеллекта, обуславливающего не только ответственность каждой личности, но и мировой уровень качества комбайнов.

С практической точки зрения, все отрасли промышленности должны быть обновлены в контексте инновационно-технологических изменений, то есть переход к 6-му технологическому укладу на основе доверительного взаимодействия государства, науки, образования, производства и общества в целях осуществления революционных изменений во всех производственных процессах и на всех уровнях управления при конкретной ответственности каждого участника этих процессов за конкретный результат.

Анализ вышеизложенного показывает, что весь коллектив должен работать над инновационным совершенствованием деятельности организации для увеличения производительности труда, чтобы обеспечить инновационное развитие экономики и мирового уровня качества жизни людей.

Авторы считают, что **только инновационное мышление руководителей-организаторов и интеллект** персонала являются **ключевым вектором** гибкой инновационной деятельности организации, обладающим способностью генерировать новые особые знания в синергию инновационного творчества для достижения инновационной цели – становление новой модели экономики – инновационной с социально-экологическим вектором.

В своих исследованиях С.Д. Валентей отмечает, что в современных условиях цикличность эволюции в обществе определяет «революцию в производственных силах не как просто очередной технологический прорыв, а интеграцию качественных изменений в экономических, социально-культурных, технологических и др. сферах развития с ценностной ориентацией постепенно закрепляемых в генетическом коде и обществе» [5, с. 58] (рис. 1).

В силу вышеизложенного, необходимо отметить оригинальность понимания русским ученым Н.Д. Кондратьевым того, что в силу количественной ограниченности, так и в силу качественного несовершенства нашего знания мы всюду лишены возможности абсолютно точного прогноза; однако в различных областях действительности фактические **возможности стратегического предвидения** весьма различны, так как человек своей единой тройственной природой биопсихического духовного существа определяет и трехмерность всей совокупности под названием «общество».

Рис. 1. Алгоритм инновационной гармонии

Авторы отмечают, что логика вышеизложенного обуславливает необходимость создания инновационно-социальной и ноосферной направленности **становления новой экономики России** – это **возрождение духовности** – практический путь выхода из системного кризиса на основе творческого самовыражения каждого человека, то есть государство обеспечивает создание в обществе социального взаимодействия и восстановление в нем нравственно-социальной справедливости.

С теоретической точки зрения совершенно очевидна иннопарадигма становления новой философии созидания с пониманием руководителями приоритетности интеллекта человека: его знаний, квалификации и ценностей, то есть формируется **НЕОмодель** развития – инновационно-гуманная экономика для людей при инновационном переосмыслении моделей инновационного управления производством для занятости каждого работника на основе инновационного обучения креативности с учетом создания социо-экологических аспектов в новой экономике, чтобы стать интеллектуально-технологическим лидером с умением прогнозировать и оценивать будущий рост на современном этапе развития, а также понимать какие научные кадры будут нужны сейчас для становления инновационной экономики в регионах. Исходя из этого, необходимо создавать инновационных руководителей с **инновационными компетенциями**, способных **создать инновационную инфраструктуру** и формировать инновационную политику, определяющую инновационный прорыв в экономике.

С научной точки зрения инновационно-социальная и ноосферная направленность становления новой модели экономики России – это духовное возрождение и практический путь выхода из системного кризиса на основе творческого самовыражения каждого человека.

Так, В. Шепель в своих исследованиях отмечает, что «каждый руководитель организации призван в первую очередь произвести такую обязательную интеллектуальную акцию, как всестороннее теоретическое обоснование своей управленческой деятельности, ...он должен обладать фундаментальной и реальной для жизненного применения духовно-возвышенной компетенцией» [9].

В этот момент решающая радикальная **роль государства** – **реализация инновационного управления интеллектуальным потенциалом** страны и регионов с целью адаптации новой экономики к глобальному кризису при архи-гибком и быстром воспроизводстве, обновлении и создании инновационных знаний во всех отраслях промышленности и уровнях управления.

По мнению авторов, в практическом аспекте руководители компании ООО «КЗ"Ростсельмаш"» отвергли **модель роста** масштаба деятельности и определили переход к аспекту инновационного мышления в сторону изменяющихся приоритетов клиентов с учетом применения синергетической стратегии – диверсификации производства, то есть создали инновационную парадигму интенции. Тем самым реализовав свою инновационную политику с социально-экологической направленностью в инновационной деятельности на основе сформированной инновационной миссии и создании инновационного климата [6].

Однако авторы отмечают, что при наличии высокого экономического потенциала в каждом регионе наблюдаются низкие показатели уровня и качества жизни людей из-за неэффективного использования интеллектуального потенциала, что обуславливает государственное регулирование

промышленности и инвестиций в регионах в целях роста благосостояния всех людей в регионах, но при условии использования методологии реализации приоритетных проектов при проведении структурной диверсификации.

В.В. Путин в 2016 г. отмечал, что мы рассматриваем машиностроение как один из драйверов отечественной экономики, отрасль с огромным экспортным потенциалом, которая должна и может стать символом национального успеха, технологического лидерства России – как это сделал, например, наш оборонно-промышленный комплекс¹.

В силу вышеизложенного, руководителям всех уровней управления надо понимать и осознавать, что основным вектором их инновационного мышления является совершенствование и обновление материально-технологической базы производства, создание методов по сокращению затрат на всех этапах инновационно-производственного цикла при разработке и создании новшеств с последующей их реализацией, то есть получение инновационного товара и нового уровня развития (рис. 2).

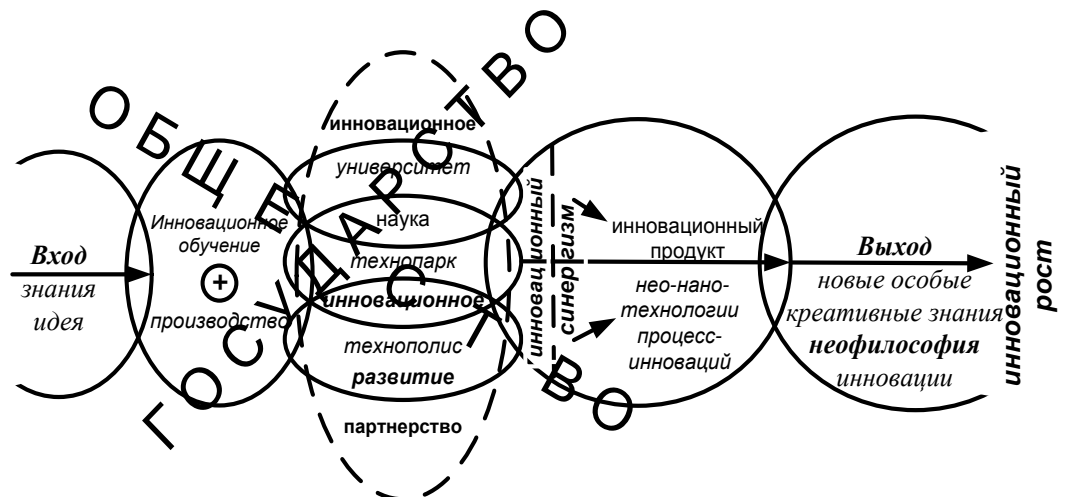

Рис. 2. Инновационный цикл НЕООбновления

Авторы отмечают, что анализ производительности труда показывает необходимость научного прогнозирования создания технологических возможностей не только обновления производства во всех отраслях экономики, но и воссоздание инновационного уровня производственной науки во всех приоритетных отраслях промышленности, на примере ООО «КЗ"Ростсельмаш"», создавшего интеллектуальную модель комбайна, убирающего хлеб без комбайнера, более того, без импорта в его деятельности. Президент РФ В.В. Путин управлял этим комбайном, посетив в феврале 2018 г. эту компанию.

В Краснодаре на совещании по АПК привел он ООО «КЗ"Ростсельмаш"», как пример инновационного развития: «У России есть трудолюбивые и образованные люди – люди, имеющие стремление быть всегда первыми; в национальном характере наших людей – привычка побеждать, стремление быть свободными и независимыми»².

Как показывает практика инновационного развития лидеров-новаторов организации, лидером становится тот, кто действует, идет вперед, готов и способен реализовать инновационные преобразования в своей деятельности, достигая мирового уровня производительности труда, осуществляя ее на основе принципа научной организации труда и творческого патриотизма персонала, а также создавая инновационно-гуманные ценности для людей, определяющие нравственную справедливость в коллективе – это и есть степень инновационного развития экономики [2].

В соответствии с вышеизложенным, становится очевидным, что реализация справедливости в кризисных условиях будет определяться:

- умением руководителей-организаторов предвидеть будущую ситуацию развития;
- способностью создать и применить инновационные знания персонала;
- созданием и реализацией собственных инновационных технологий на производстве;
- высоким социально-экологическим инновационным уровнем инновационного климата;
- гибкой и прозрачной системой инномотивации каждого участника процесса;

¹ Путин В.В. Выступление на съезде Союза машиностроителей России 19.04.2016 г.

² Путин В.В. «О стратегии развития России до 2020 года. Выступление на расширенном заседании Госсовета» 8 февраля 2008 г. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24825>

- научной диффузией инновационных технологий в производстве;
- доверительным партнерством руководителей с персоналом.

Пример. Компания ООО «КЗ "Ростсельмаш"» создала «Академию образования» не только для подготовки собственных кадров, но и производит инновационное обучение как профессоров институтов и университетов России, так и комбайнеров всех регионов РФ, воплощая призыв Президента РФ В.В. Путина – «нам нужно всем вместе осуществить инновационный рывок-форсайт, тогда мы победим».

Анализ вышеизложенного показывает, что изменения **инновационно-информационно-цифровых технологий** обуславливают возрастающую роль:

- знаний человека как источника и их создателя;
- личностных качеств – восприимчивости к новшествам;
- гибкого регулирования социальных процессов;
- научного управления производством с его обновлением;
- формирования инновационного климата в коллективе.

С научной точки зрения, создание и функционирование **инновационного образования** предопределяет аспект социализации личности, так как мгновенно изменяющиеся инновационно-информационные технологии способствуют быстрой самореализации личности и заставляют ее заниматься постоянным самосовершенствованием, то есть приоритет принадлежит ее ценностям – внутренним убеждениям, которые изменяют поведение, что способствует социальному равновесию и становлению новой философии инновационного образования с вектором новационно-социального партнерства в коллективе – формирование неосоциальной психологии человека – духовное единство личности и необщества.

Чарльз Грегг в своей работе «Мудрость нельзя передать словами» отмечает, что в жизни человек по своей эволюции природы должен уметь быть руководителем-организатором, то есть иметь способность создать гармонию целого в своей деятельности с учетом личной нравственной ответственности в сфере человеческих отношений, имея уровень интеллектуальной компетентности, что предопределяет партнерские доверительные дружеские взаимоотношения с людьми и создание творческой атмосферы в коллективе.

Авторы считают, что только **инновационное мышление руководителей-организаторов и интеллект** персонала являются **ключевым вектором** гибкой инновационной деятельности организации, обладающие способностью генерировать новые особые знания в синергию инновационного творчества всего коллектива для достижения инновационной цели – становление новой модели экономики – инновационной.

В кризисной экономике приходит осознание того, что инновационное ее развитие обуславливается творчеством и инновационными знаниями человека, самореализация которого предопределяет создание новых инновационных знаний и новых ценностей организации, то есть человек – это созидатель и источник постоянного обновления общества.

Исходя из вышеизложенного, лидеры в инновационном развитии обновляют свои ключевые ценности, компетенции и знания персонала на основе инновационной философии, определяющие инновационную стратегию и тактику с учетом инновационных изменений психологии человека, осуществляя не только жизненный цикл организации, но и временной аспект инновационных совершенствований на всех уровнях управления и во всех подразделениях в своем инновационном развитии.

Так, Ю.В. Яковец в своих исследованиях отмечает, что «в основе инновационной динамики общества лежит новое развитие человека, его духовного мира – неонауки, инновационной культуры, иннообразования, материализующихся в средствах труда, преобразованных разумом и трудом людей» [7].

Логика вышеизложенного находит отражение в Докладе Римскому клубу (1979 г.) «Нет пределов обучению» с определением термина **«инновационное обучение»** – процесс, определяющий инновационные изменения в знаниях, культуре и социальной среде, реакция на проблемные ситуации, возникающие в жизни человека и общества в эпоху инноватики», то есть готовность принять на себя ответственность за результаты деятельности, определяющие истинные ценности в жизни людей, так как становление инновационного сознания профессионалов-новаторов предопределяет креативный подход для создания социально-экологической среды развития общества.

Анализ идеологии лидеров-компаний показывает, что все методы и приемы гуманного воздействия на сотрудников – это инструменты, способствующие выполнению всех функций при достижении инновационных целей, которые характеризуются универсальностью и специфичностью с учетом восприимчивости сотрудников к изменениям.

Пример. Очень важно в условиях кризиса научное осмысление значимости собственной производственной науки руководителями организации, которая не только обеспечивает инновационное конкурентное развитие, но и определяет постоянное создание новых особых знаний у персонала, что и осуществляют руководители ООО «КЗ "Ростсельмаш"» сейчас с пониманием того, что интеллект человека – это индивидуальная его компетентность, включающая не только новые знания, но и умения, навыки, образование, новаторский порыв, честность, инсайт, ответственность, гуманную культуру и создаваемые им ценности [2].

Так, компания ООО «КЗ "Ростсельмаш"» разрабатывает собственные инновационные программы по разработке и созданию инновационного ряда комбайнов, реализуемые моделями инновационной деятельности, что определяет гибкое освоение различных аспектов поведения в коллективе с ориентацией на инновацию с инновационным мышлением ее руководителей, что позволяет осуществить генерацию новых идей с их реализацией инновационными принципами организации производства – самосовершенствование.

С теоретической точки зрения, **креативное мышление** персонала – результат процесса творческой деятельности руководителей с социально-экологической направленностью. Согласно логике циклического развития общества **инновационное мышление** – высокая степень креативности на новых особых знаниях, то есть вектор гуманно-морально-нравственно-духовного самосовершенствования и самореализации личности.

В современных условиях становление новой экономики характеризуется тенденцией к социализации, то есть превращение экономического роста в инновационный тип развития экономики, где мораль превращается в нравственную потребность с гуманным экономическим поведением участников творческого процесса [2].

В подтверждение этому П. Друкер в своих исследованиях отмечал, что новшество, внедренное в производство, переходит в инновационный результат инновационной деятельностью, которая не только обладает экономической целесообразностью и ценой, но и имеет общественную ценность в виде социальной инновации – это изменение нового типа мышления и стиля жизни каждой личности.

Практика лидеров-компаний по созданию новых особых знаний показывает, что истинная ценность затраченного времени и инвестиций определяется эффективностью использования этих знаний при реализации инновационных проектов.

Пример: компания ООО «КЗ "Ростсельмаш"» создает новые особые знания персонала путем гуманных методов:

- стимулирование каждого работника не только за идею, но и ее практическую реализацию через систему «Пуск»;
- создание инновационного центра обучения всех работников;
- формирование инновационной культуры во всех подразделениях;
- гибкий социальный пакет.

Однако эти примеры показывают, что при создании и реализации универсальной модели организационного знания руководителям организации следует объединить преимущества как западного, так и японского подходов, поскольку создание новых знаний – основа реализации инновационного управления в условиях **НЕО**информационного общества и глобальной кризисной экономики.

На практике топ-менеджеры должны понимать, что мы живем и трудимся в неоинформационном обществе, где все, взаимодействуя, создают ценнейший ресурс экономики – новые особые знания работников, что определяет его инновационное развитие.

По определению Б. Мартина, форсайт представляет процесс, связанный с систематической попыткой заглянуть в отдаленное будущее науки, инновационные технологии в экономике и обществе с целью определения областей стратегических исследований и технологий, которые, вероятно, могут принести наибольшие экономические и социальные выгоды [8].

С научной точки зрения, **только инновационно-социально-гуманные технологии** определяют **сущность духовного развития** человечества в контексте **инновационного возрождения нравственности, этики и социальной справедливости**, так как человек – созидатель, предопределяющий инновационное развитие общества своим интеллектом и пониманием необходимости выживания только для создания духовности и мира всем людям.

Литература

1. Овчаренко Г.В., Ларкина Н.Г., Овакимян М.А., Мелихова Б.С. Инновация социально-технологических систем в новой экономике. Монография. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2019. 126 с.
2. Овчаренко Г.В., Ларкина Н.Г. Инновационное управление. Учебник. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС. 333 с.

3. Путин В.В. Нам нужна новая экономика // Ведомости. №3029 от 30.01.2012.
https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/01/30/o_nashih_ekonomicheskikh_zadachah
4. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 520 с.
5. Валентей С.Д. На пути к мировой цивилизации // Вопросы экономики. 1993. № 11. С. 53 – 61.
6. Овчаренко Г.В., Ларкина Н.Г. Инновационное управление. Практикум: учебное пособие. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2018. 303 с.
7. Яковец Ю.В. Инновации: теория, механизм, государственное регулирование. Учебное пособие. – М.: РАГС, 2002. 237 с.
8. Ben R. Martin. Technology Foresight in a Rapidly Globalizing Economy – SPRU – Science and technology Policy research University of Science, 1995.
9. Шепель В.М. Человековедческая компетентность менеджера. Управленческая антропология. - М.: Дом педагогики, 2000. 543 с.

Ovcharenko Georgy Vasilyevich, Doctor of Economic Science, Professor of Cathedra of Management, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).

E-mail: menedjment@uriu.ranepa.ru

Larkina Nataliya Georgievna, Candidate of Economic Science, Docent of Cathedra “Marketing and Communications in Business”, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: nat1-la@yandex.ru

Nekrasova Victoria Vitalievna, Candidate of economic Sciences, head of the Department of management, associate Professor, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).

E-mail: menedjment@uriu.ranepa.ru

INNOVATIVE TRANSFORMATIONS AS AN IMPERATIVE OF INDUSTRIAL POLICY IMPLEMENTATION

Abstract

The article deals with the moral and ethical aspects of innovation transformations in the innovation activity of organizations. The necessity of innovative activity of the person in his life activity is grounded on practical situations. The importance of innovative culture in creating social balance in the team is shown. The models of strategic-innovative diversification of innovative development of society are offered. Possibilities of reproduction of innovative potential taking into account personal responsibility of heads are defined. The assessment of key factors of innovative transformations in the context of innovative education and innovative thinking of managers is given. The features of innovative knowledge management are outlined.

Keywords: moral and ethical aspects, innovative climate, self-improvement of personality, innovative development, innovative activity, innovative knowledge, innovative potential, renewal of production, innovative values.

References

1. Ovcharenko G.V., Larkina N.G., Ovakimyan M.A., Melihova B.S. Innovaziya social'no-tehnologicheskikh sistem v novej ekonomike. Monografiya. Rostov n/D.: Izd-vo YURIU RANHiGS, 2019. 126 p.
2. Ovcharenko G.V., Larkina N.G. Innovacionnoe upravlenie. Uchebnik. Rostov n/D.: Izd-vo YURIU RANHiGS. 333 p.
3. Putin V. Nam nuzhna novaya ekonomika // Vedomosti. №3029 ot 30.01.2012.
https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/01/30/o_nashih_ekonomicheskikh_zadachah
4. Vernadskij V.I. Filosofskie mysli naturalista. M.: Nauka, 1988. 520 p.
5. Valentej S.D. Na puti k mirovoj civilizacii // Voprosy ekonomiki. 1993. № 11. P. 53 – 61.
6. Ovcharenko G.V., Larkina N.G. Innovacionnoe upravlenie. Praktikum: uchebnoe posobie. Rostov n/D.: Izd-vo YURIU RANHiGS, 2018. 303 p.
7. YAkovec YU.V. Innovacii: teoriya, mekhanizm, gosudarstvennoe regulirovanie. Uchebnoe posobie. – M.: RAGS, 2002. 237 ps.
8. Ben R. Martin. Technology Foresight in a Rapidly Globalizing Economy – SPRU – Science and technology Policy research University of Science, 1995.
9. SHepel' V.M. CHelovekovedcheskaya kompetentnost' menedzhera. Upravlencheskaya antropologiya. - M.: Dom pedagogiki, 2000. 543 p.

МАРКЕТИНГ ОРГАНИЗАЦИЙ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ (НА ПРИМЕРЕ ОНКОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ)**Пржедецкий
Юрий
Валентинович**доктор медицинских наук, профессор,
Заслуженный врач Российской Федерации, зав. отделением реконструктивно-
пластической хирургии и онкологии, Ростовский научно-исследовательский
онкологический институт (344037, Россия, г. Ростов-на-Дону, 14-я линия, 63).
E-mail: yurypr@gmail.com**Пржедецкая
Наталия
Витовна**доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономическая теория»,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
(344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69). E-mail: nvpr@bk.ru**Шевелева
Вероника
Владимировна**кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономическая теория»,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
(344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69).
E-mail: belovedonika @yandex.ru**Аннотация**

При формировании и развитии маркетинга медицинских организаций современной России свойственны такие тенденции, которые проявляются в более активном продвижении медицинских организаций, медицинских товаров и услуг, медицинских работников. При этом на всех этапах маркетинговой деятельности существует множество проблем, связанных с дефицитом инвестиционных ресурсов и недостаточной гибкостью государственных организаций здравоохранения, а также недоверием потребителей и низкой ценовой конкурентоспособностью частных организаций здравоохранения.

Ключевые слова: здравоохранение, маркетинг медицинских организаций, медицинские услуги, частные и государственные медицинские организации, сегментация рынка, комплекс маркетинга, медицинские услуги, конкурентоспособность, уровень жизни населения.

Здравоохранение является одной из ключевых сфер национальной экономики, которая во многом определяет уровень жизни населения. В современной России эта сфера подвержена серьезным изменениям, связанным с возникновением и интенсивным развитием частных медицинских организаций, с одной стороны, и пересмотром основ функционирования государственных медицинских организаций – с другой.

Одной из современных тенденций является то, что медицинские услуги, которые традиционно рассматриваются как общественные блага, переходят в разряд экономических благ [1]. Именно поэтому, даже не имея возможности получения медицинских услуг на платной основе и зная о существующих возможностях, потребители заинтересованы в получении бесплатных медицинских услуг от государственных организаций здравоохранения на условиях высокого качества и сервиса, рост которых не может быть достигнут при сокращении объемов финансирования деятельности этих организаций.

Это вызывает растущее недовольство деятельностью государственных организаций здравоохранения и снижение интереса к эффекту системы обязательного медицинского страхования, отмена которой делает все медицинские услуги коммерческими и, соответственно, недоступными для малоимущих слоев населения.

Исходя из этого, можно выдвинуть предположение, что маркетинг медицинских организаций становится все более популярным в современной России, но, в то же время, сталкивается с определенными проблемами, требующими внимания и поиска перспективных средств их решения, с учетом приоритетности сферы здравоохранения для социально-экономической системы.

Согласно социологическому опросу, проведенному Всероссийским центром изучения общественного мнения в 2017 г., большинство населения считает низкий уровень развития здравоохранения самой серьезной проблемой современной России¹.

Опрос Всероссийского центра изучения общественного мнения, проведенный в 2017 г., показал, что только 9% россиян положительно оценивают текущее состояние сферы здравоохранения, а 52% считают ситуацию в этой сфере критической. К ключевым проблемам здравоохранения относятся следующие:

¹ Данные Всероссийского центра изучения общественного мнения [Электронный источник] <https://wciom.ru/>

- низкий уровень обслуживания в государственных организациях здравоохранения – трудности в организации приема к врачу, большие очереди, невнимательное и неуважительное отношение медицинского персонала (56%);
- низкий уровень профессионализма медицинских работников – неверный диагноз и отрицательный результат лечения (37%);
- ценовая недоступность медицинских изделий и услуг и их дефицит (35%);
- высокий уровень морального и физического износа медицинских технологий и оборудования, отсутствие необходимых медицинских материалов и медикаментов (31%)¹.

Согласно другому социологическому исследованию, проведенному Всероссийским центром изучения общественного мнения в 2018 г., большинство современных российских потребителей (46%) предпочитают пользоваться услугами государственных организаций здравоохранения, многие (35%) предпочитают самолечение, а минимальная доля (11%) пользуются услугами частных (коммерческих) организаций здравоохранения².

Согласно докладу о глобальной конкурентоспособности на 2017-2018 гг., подготовленному в рамках Всемирного экономического форума, Россия занимает 93-е место среди 137 стран мира по ожидаемой продолжительности жизни (70,9 года), что свидетельствует о недостаточно благоприятной ситуации в сфере здравоохранения³.

На основании вышеизложенного российскими учеными делаются следующие основные выводы:

- в настоящее время в российской системе здравоохранения наблюдается кризис, вызванный также низкой маркетинговой активностью российских медицинских организаций [2];
- перспективным средством преодоления кризиса российской системы здравоохранения является активизация маркетинговой деятельности медицинских организаций [3];
- существует явное противопоставление государственных и частных медицинских организаций, которые имеют свои маркетинговые преимущества и недостатки, что не позволяет в полной мере и эффективно удовлетворять потребности российских потребителей в медицинской продукции и услугах.

В результате изучения практики функционирования современного российского рынка медицинских услуг определены следующие тенденции развития маркетинга медицинских организаций в современной России, которые классифицируются по объектам продвижения на рынке с помощью маркетинга:

1. Развитие Интернет-маркетинга медицинских организаций. Практически все современные российские организации здравоохранения – не только частные (коммерческие), но и государственные (некоммерческие) – имеют сайт, на котором размещена актуальная информация о деятельности организации и ее конкурентных преимуществах. На Интернет-сайте медицинских организаций, как правило, есть возможность сбора обратной связи, которая часто имеет форму отзывов потребителей, к которым могут получить доступ все желающие. Именно поэтому Интернет-сайт является важным элементом репутации современных российских медицинских организаций. Частные медицинские организации проводят программы лояльности для удержания своих клиентов, предоставляя персональные карты лояльности со скидками на медицинские услуги.

2. Развитие маркетинга медицинских изделий и услуг. Инновационные медицинские услуги продвигаются на рынке с помощью маркетинга. Государственные (некоммерческие) организации здравоохранения размещают на своем сайте информацию о современных инновационных медицинских услугах для поддержания своей конкурентоспособности. Частные (коммерческие) организации здравоохранения также размещают информацию о предоставляемых инновационных медицинских услугах на своих веб-сайтах и имеют автоматические информационные бюллетени для своей целевой аудитории, которые включают предложения товаров для инновационных медицинских услуг [4].

3. Развитие персонального маркетинга (маркетинг медицинских работников). Конкуренция на российском рынке медицинских услуг присутствует как на уровне медицинских организаций, так и на уровне медицинских работников, заинтересованных в создании собственной клиентской базы (для максимизации своих доходов при работе в частных организациях здравоохранения) и повышении репутации (для формирования карьеры в государственных организациях здравоохранения).

¹ Данные Всероссийского центра изучения общественного мнения [Электронный источник] <https://wciom.ru/>

² Там же.

³ Материалы Всемирного экономического форума, 2018 [Электронный источник] <https://roscongress.org/materials/otchyet-o-globalnoy-konkurentosposobnosti-2018-goda/>

охранения) [5]. Для этого создаются специализированные Интернет-площадки, форумы, рейтинги и пр., на которых потребители оставляют отзывы и оценивают работу медицинских работников.

Определены также следующие проблемы развития маркетинга медицинских организаций в современной России, характерные для государственных (некоммерческих) и частных (коммерческих) медицинских организаций на всех этапах маркетинговой деятельности (табл. 1).

Таблица 1

Проблемы развития маркетинга здравоохранения и его организации в современной России

Стадия маркетинговой деятельности	Проблемы маркетинговой деятельности	
	Государственные организации здравоохранения	Частные организации здравоохранения
1. Проведение маркетинговых исследований	– дефицит маркетингового бюджета; – сложность обработки маркетинговая информация.	малый объем существующей клиентской базы и ограниченный отбор во время проведения маркетинговых исследований.
2. Сегментация рынок	невозможность сегментации рынка в связи с нормативно-правовыми ограничениями.	ограниченная сегментация из-за невозможности присутствия на многих сегментах рынка.
3. Разработка комплекса маркетинга	– сложность расширения необходимого ассортимента в связи с недоступностью новых технологий и оборудования; – ограниченные возможности в области ценообразования; – ограниченные каналы и средства маркетинговой системы связи.	– необходимость держать широкий ассортимент услуг; – низкая ценовая конкурентоспособность благодаря наличию свободных альтернатив; – сложность формирования маркетинговых каналов связи.
4. Реализация маркетинговых мероприятий	низкая гибкость в связи с необходимостью строгого соблюдения государственных норм и стандартов	ожидания потребителей, которые противоречат восприятию медицинских услуг как общественных нужд

Согласно информации, представленной в табл. 1, современную маркетинговую модель государственных организаций здравоохранения можно охарактеризовать как наличие сильного бренда с низкой маркетинговой активностью. На первом этапе маркетинговой деятельности – проведении маркетинговых исследований – государственные организации здравоохранения обычно сталкиваются с проблемой дефицита маркетингового бюджета в связи с тем, что их деятельность финансируется исходя из объема предоставляемых медицинских услуг через систему обязательного медицинского страхования и маркетинговые расходы не закладываются в цену медицинских услуг.

Существует также проблема, связанная со сложностью обработки маркетинговой информации. На интернет-сайтах государственных организаций здравоохранения и управляющих организаций – Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения и социального развития – предусмотрена возможность сбора обратной связи (пожелания, жалобы и др.)¹. Однако практика обратной связи не пользуется популярностью у современных российских потребителей, что делает ее источником ограниченной маркетинговой информации. Формы для заполнения потребителями не приспособлены к автоматической обработке информации и требуют ручной обработки, что не может быть сделано государственными организациями здравоохранения из-за нехватки трудовых ресурсов.

На втором этапе маркетинговой деятельности – сегментации рынка – государственные организации здравоохранения сталкиваются с проблемой невозможности сегментации рынка из-за нормативно-правовых ограничений, связанных с необходимостью полного географического охвата территории государственными медицинскими услугами и их предоставления в полном объеме (фиксированный перечень предоставляемых услуг) бесплатно (по условиям обязательного медицинского страхования). Не имея возможности проводить собственную товарно-ценовую политику и выбирать место размещения, государственные организации здравоохранения ориентируются на заданный сегмент рынка.

¹ Данные Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения и социального развития [Электронный источник] <http://www.roszdravnadzor.ru/>

На третьем этапе маркетинговой деятельности – разработке комплекса маркетинга – государственные организации здравоохранения сталкиваются с проблемой расширения ассортимента в связи с недоступностью новых технологий и оборудования, проблемой ограниченных возможностей в сфере ценообразования и проблемой ограниченных каналов и средств маркетинговых коммуникаций (прежде всего через Интернет-сайт организаций здравоохранения).

На четвертом этапе маркетинговой деятельности – реализации маркетинговых мероприятий – государственные организации здравоохранения сталкиваются с проблемой низкой гибкости в связи с необходимостью строгого соблюдения государственных норм и стандартов. В частности, повышение уровня сервиса затруднено в государственных организациях здравоохранения из-за высоких и растущих норм эффективности труда, согласно которым время, выделяемое на каждого пациента, строго ограничено, а объем бумажной работы для каждого клиента слишком велик.

Маркетинговую модель частных медицинских организаций можно охарактеризовать как формирование брендов с высокой маркетинговой активностью [5]. На первом этапе маркетинговой деятельности – маркетинговом исследовании – частные медицинские организации сталкиваются с проблемой малого объема клиентской базы и ограниченного отбора при проведении маркетинговых исследований.

На втором этапе маркетинговой деятельности – сегментации рынка – частные медицинские организации сталкиваются с проблемой ограниченной сегментации из-за невозможности присутствия на большом количестве сегментов рынка. Так, например, большинство пенсионеров в России предпочитают получать медицинские услуги в государственных организациях здравоохранения по месту жительства и бесплатно.

На третьем этапе маркетинговой деятельности – разработке комплекса маркетинга – частные медицинские организации сталкиваются с проблемой необходимости сохранения широкого ассортимента продукции, низкой ценовой конкурентоспособности за счет свободных альтернатив и сложности маркетинговых коммуникаций в связи с их фоновым обращением со стороны потребителей (например, SMS-объявления обычно рассматриваются как спам и удаляются).

На четвертом этапе маркетинговой деятельности – маркетинговых мероприятий – частные медицинские организации сталкиваются с проблемой слишком большой активности, что противоречит ожиданиям потребителей относительно принадлежности медицинских услуг к общественным благам.

Итак, можно сделать вывод, что современной России свойственны тенденции развития маркетинга медицинских организаций, которые проявляются в более активном продвижении медицинских организаций, медицинских товаров и услуг, медицинских работников. При этом на всех этапах маркетинговой деятельности существует множество проблем, связанных с дефицитом инвестиционных ресурсов и недостаточной гибкостью государственных организаций здравоохранения, а также недоверием потребителей (сложность формирования брендов) и низкой ценовой конкурентоспособностью (за счет свободных альтернатив) частных организаций здравоохранения.

Отсутствие системности маркетинга в здравоохранении, невозможность практического решения текущих маркетинговых задач при раздельном функционировании государственных и частных организаций здравоохранения приводит к выводу о целесообразности объединения усилий и сотрудничества (партнерства), что позволит преодолеть характерные для каждой стороны проблемы и максимизировать совокупные преимущества, связанные с ростом эффективности маркетинговой деятельности.

Литература

1. *Игнатова Т.В., Аширова М.Н.* Общественные блага и государственные услуги // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия Экономика. Экология. 2015. № 2. С. 7 – 17.
2. *Костянян А.А.* Клиентоориентированность в государственном здравоохранении: воздействие на уровень удовлетворенности пациентов // Маркетинг в России и за рубежом. 2018. № 1. С. 7 – 13.
3. *Савельева Н.А., Коваленкова О.Г., Симонян Т.В.* Современные тенденции развития сферы медицинских услуг на примере Северо-Кавказского федерального округа // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 1 (104). С. 13 – 18.
4. *Резник Г.А.* Стратегия позиционирования компании на основе социально-маркетинговой программы // Маркетинг в России и за рубежом. 2019. № 5. С. 10 – 15.
5. *Шерешева М.Ю., Костянян А.А.* Клиентоориентированность персонала в государственных организациях здравоохранения России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 8. Менеджмент. 2015. № 4. С. 74 – 114.

Przhedetskiy Yuriy Valentinovich, Ph.D. (Med.), Professor, Honored doctor of the Russian Federation, head of the Department of reconstructive plastic and oncology, Rostov Cancer Research Institute (63, 14 line, Rostov-on-Don, 344037, Russian Federation). E-mail: yurypr@gmail.com

Przhedetskaya Natalia Vitovna, Doctor of Economics, professor of Economic Theory department, Rostov state economic university (RINH) (69, B. Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: nvpr@bk.ru

Shevelyova Veronika Vladimirovna, Candidate of Economic Sciences, associate professor "The economic theory", Rostov state economic university (RINH) (69, B. Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: beloveronika @yandex.ru

**MARKETING OF HEALTHCARE ORGANIZATIONS
IN THE CONTEXT OF NATIONAL PROJECTS ON THE EXAMPLE OF CANCER SERVICE
Abstract**

The formation and development of marketing of medical organizations in modern Russia are characterized by such trends, which are manifested in a more active promotion of medical organizations, medical products and services, medical workers. At the same time, at all stages of marketing activities, there are many problems associated with the lack of investment resources and lack of flexibility of public health organizations, as well as consumer distrust and low price competitiveness of private health organizations.

Keywords: health care, medical organization marketing, medical services, private and public medical organizations, market segmentation, marketing complex, medical services, competitiveness, living standards of the population.

References

1. Ignatova T.V., Ashirova M.N. Obshchestvennye blaga i gosudarstvennye uslugi // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Ekonomika. Ekologiya. 2015. № 2. P. 7 – 17.
2. Kostanyan A.A. Klientoorientirovannost' v gosudarstvennom zdravooхранении: vozdeystvie na uroven' udovletvorennosti pacientov // Marketing v Rossii i za rubezhom. 2018. № 1. P. 7 – 13.
3. Savel'eva N.A., Kovalenkova O.G., Simonyan T.V. Sovremennye tendencii razvitiya sfery medicinskih uslug na primere Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2019. № 1 (104). P. 13 – 18.
4. Reznik G.A. Strategiya pozicionirovaniya kompanii na osnove social'no-marketingovoy programmy // Marketing v Rossii i za rubezhom. 2019. № 5. P. 10 – 15.
5. SHeresheva M.YU., Kostanyan A.A. Klientoorientirovannost' personala v gosudarstvennykh organizatsiyah zdravooхранения Rossii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 8. Menedzhment. 2015. № 4. P. 74 – 114.

УДК 338.43

DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-1-96-103

**УПРАВЛЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА:
РЕНТНЫЙ ПОДХОД**

Хейфиц Борис Игоревич кандидат экономических наук, доцент, Липецкий казачий институт технологий и управления (филиал) Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ) (398006, Россия, г. Липецк, ул. Краснознаменная, 4). E-mail: b.heifits@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрен процесс управления инновационным потенциалом агропромышленного комплекса с точки зрения рентного подхода. Автором исследовано влияние голландской болезни на инновационный потенциал АПК, выявлены различия между действительным и фиктивным капиталами. Проведены исследования производственно-генетического потенциала решения проблемы импортозамещения и реиндустриализации АПК РФ. В результате предложено инновационным дифференциальным рентным доходом называть избыток над среднеотраслевой прибылью в АПК за счет дополнительно вложенного капитала в инновационную деятельность и сформировано авторское представление о факторах, формирующих инновационную дифференциальную ренту как результата функционального управления инновационным потенциалом АПК.

Ключевые слова: инновационный потенциал, агропромышленный комплекс, рентный доход, инновационный дифференциальный доход, рентные отношения, земельная рента, конкурентоспособность производства, производительность труда, организационно-технические инновации.

Радикальные изменения в ресурсной и организационной основах современной экономики коренным образом изменили классические представления о видах ренты и сущности рентных отношений в сельском хозяйстве. Без инновационного развития невозможен процесс импортозамещения, что прежде всего является направлением экономической политики любого государства [15].

Если говорить об эволюции исследований социально-экономической сущности и природы земельной ренты с точки зрения инновационного развития агропромышленного комплекса то, тем

не менее, нельзя не вспомнить труды Д. Рикардо, который считал, что образование ренты обусловлено не только и не столько природными факторами, сколько необходимостью вовлекать в сельскохозяйственный оборот земли худшего качества вследствие ограниченности хороших и лучших земель.

Рикардо, труды которого сохраняют свою актуальность и в настоящее время утверждал: «Рента – создание ценности, а не создание богатств» [1, 5], – постулируя тем самым, что источник ренты – не характеристики земель (плодородие), а труд сельскохозяйственных рабочих. Но одни и те же трудовые усилия на более плодородных землях дают больший, по сравнению с худшими землями. Реализация этой продукции позволяет собственнику земли получить рентный доход. Стратегия развития во многом определяется сценарием изменения общей бизнес-среды [6].

Развитие теории ренты К. Марксом ввело в научный оборот категории абсолютной и дифференциальной ренты.

Абсолютная рента имеет внеотраслевой характер: причина ее образования заключается в монополии частной собственности на землю, а условие образования обусловлено относительно (по сравнению с промышленностью) низким органическим строением капитала. Дифференциальная рента I образуется вследствие ограниченности лучших земель, более плодородных и расположенных более удобно для потребителя продукции, условием ее образования является собственность на лучшие земли.

Дифференциальная рента II порождается мероприятиями по повышению плодородию, в результате которых формируется дополнительная прибыль. Собственник участка, повышая плату за пользование участком с улучшенными характеристиками, получает дифференциальную ренту II. Соответственно, обладание худшими участками либо стимулирует инновационную активность собственника или арендатора как инструмента обеспечения среднерыночной доходности на вложенной капитал, либо, в противоположном случае, ведет к разорению арендатора и ликвидации неэффективного актива собственником. Поэтому владельцы лучших земель в меньшей степени заинтересованы в инновационном развитии как вследствие образования абсолютной ренты и дифференциальной ренты I; условием конкурентоспособности производства на худших участках является стремление владельцев или арендаторов к получению дифференциальной ренты II. На основании приведенных аргументов можно утверждать, что формирование инновационного потенциала агропромышленного комплекса зависит от возможности получения собственниками факторов сельскохозяйственного производства абсолютной ренты и дифференциальной ренты I, а использование инновационного потенциала определяется мотивацией к получению дифференциальной ренты II.

В специальной литературе отмечается обратная связь доступности благ, извлекаемых из природных ресурсов, и технологического прогресса: чем выше интенсивность использования природных ресурсов и чем большую рентабельность эта деятельность обеспечивает, тем выше вероятность технологического отставания и тем ниже темпы инновационной активности. Об этом пишут, например, А.С. Семенов и Е.А. Дерунова: «Еще одним возможным объяснением стабилизации технологического отставания и даже деиндустриализации в ряде стран являются искажения экономики, возникающие из-за увеличения интенсивности разработки исчерпаемого природного ресурса, например, нефти или газа. Из-за более высокой рентабельности капитал начинает перетекать из наукоемких отраслей, обеспечивающих рост технологического уровня экономики в целом, в сектор добычи ресурса. Этот эффект может усугубляться тем, что в связи с ростом благосостояния населения, спрос на неторгуемый товар внутри страны увеличится, цены на него вырастут, и факторы производства будут перетекать также и в сектор неторгуемого товара. Эти два эффекта и представляют собой «голландскую болезнь», результатом которой становится угасание наукоемкого обрабатывающего сектора и усиление зависимости экономики от экзогенной цены на ресурсы» [12].

Голландская болезнь как экономический феномен в сельском хозяйстве обусловлено значительными площадями сельскохозяйственных угодий или земельных участков, потенциально пригодных для ведения сельского хозяйства и развития агропромышленного комплекса. Ведение сельскохозяйственного производства на лучших землях, дающих возможность получения дифференциальной ренты I, не создает стимулов для инновационной активности и, при прочих равных условиях, дестимулирует внедрение достижений научно-технического прогресса.

Напротив, условиям получения дифференциальной ренты II, является деятельность по улучшению плодородия земель, внедрение организационно-технических инноваций. Следовательно, ухудшение качества земли в агропромышленном комплексе региона является фактором, инициирующим инновационные изменения при производительном использовании ресурсов земледелия и животноводства. Поэтому в дальнейшем под инновационным потенциалом АПК будем понимать способность комплекса в целом и/или отдельных элементов, его составляющих, к изменениям,

прогрессу и трансформации в новое состояние, обеспечивающее его конкурентоспособность по сравнению с прочими отраслями экономики.

Конкурентоспособность в контексте настоящего исследования понимается как возможность получения, по крайней мере, не меньшей по сравнению с другими отраслями экономики, прибыли на вложенный капитал. Эту возможность обеспечивает инновационная активность и образования дифференциальной ренты II.

Авторское представление о проявлении голландской болезни в сельском хозяйстве представлено на рис. 1. Краткосрочные эффекты голландской болезни проявляются в снижении производительности труда при неизменной и, может быть, растущей рентабельности производства за счет образования дифференциальной ренты II. Организационно-технические инновации ведут к высвобождению персонала и безработице.

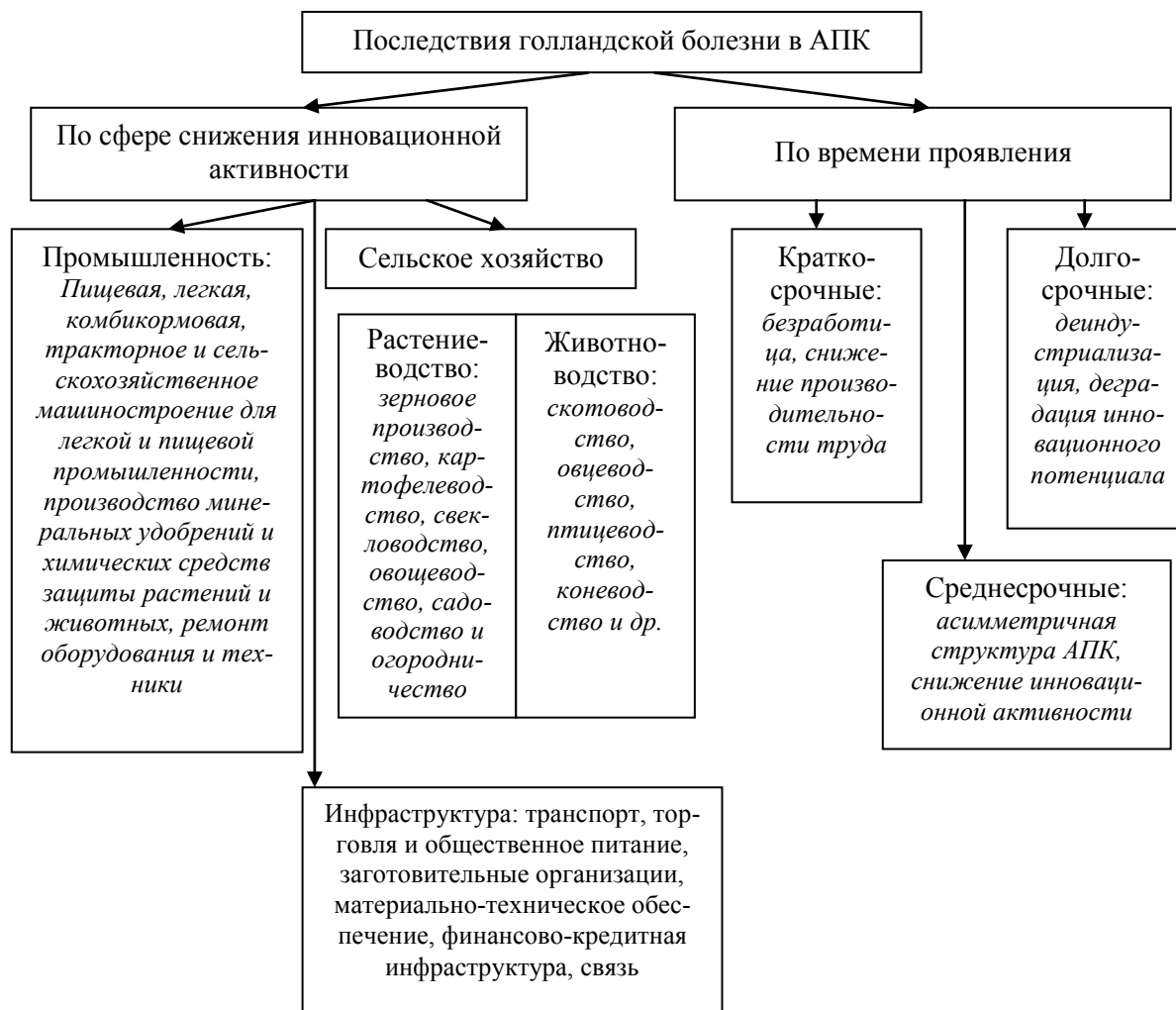

Рис. 1. Влияние голландской болезни на инновационный потенциал АПК
(разработано автором на основе [14])

Одним из существенных отличий современной экономики от экономики XVIII – XIX вв., когда А. Смит, Д. Рикардо и К. Маркс заложили основы и разработали теорию ренты, является формирование двух сегментов рынка:

- стоимостной или реальный, в котором функционирует действительный капитал, создается фактическая стоимость и формируется цена товара;
- рентный, в котором работает фиктивный капитал и может формироваться фиктивная стоимость [9, с. 297].

Различия между фиктивным и действительным капиталами отражены на рис. 2.

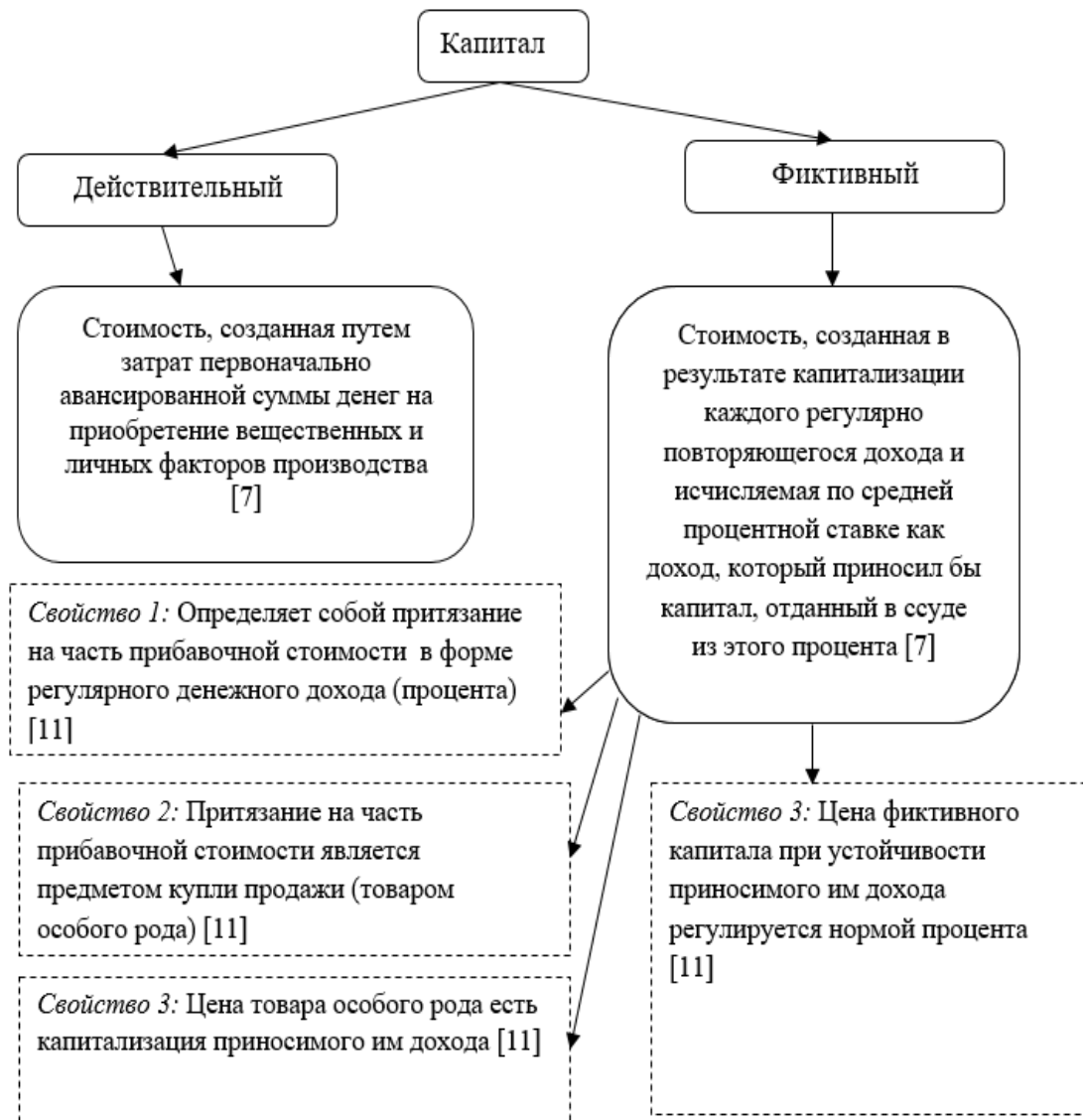

Рис. 2. Действительный и фиктивный капитал
(составлено автором по [7, 11, с. 687])

Одной из важнейших причин деиндустриализации российской экономики в целом и агропромышленного комплекса в частности, а также же деградации инновационного потенциала АПК, является высокая доля фиктивного капитала [13].

Взаимосвязь между рентой и инновациями в сельском хозяйстве не исчерпывается только земельной рентой, но имеет более общий характер. Например, Е.М. Носкова фактором роста инновационной активности в сельском хозяйстве считает перераспределение ренты в добывающей промышленности [10].

Связь ренты и инновационного потенциала прослеживается в трудах ученых, занимающихся проблемами управления развитием АПК и его инновационным потенциалом. В частности, Г.А. Ефимова и О.В. Осипова, проводя исследования производственно-генетического потенциала решения проблем реиндустриализации и импортозамещения агропромышленного комплекса РФ, предложили концепцию рентного подхода к регулированию процесса воспроизводства генетического потенциала на уровне селекционно-генетических структур в связи с дифференциальной рентой II [4] (рис. 3).

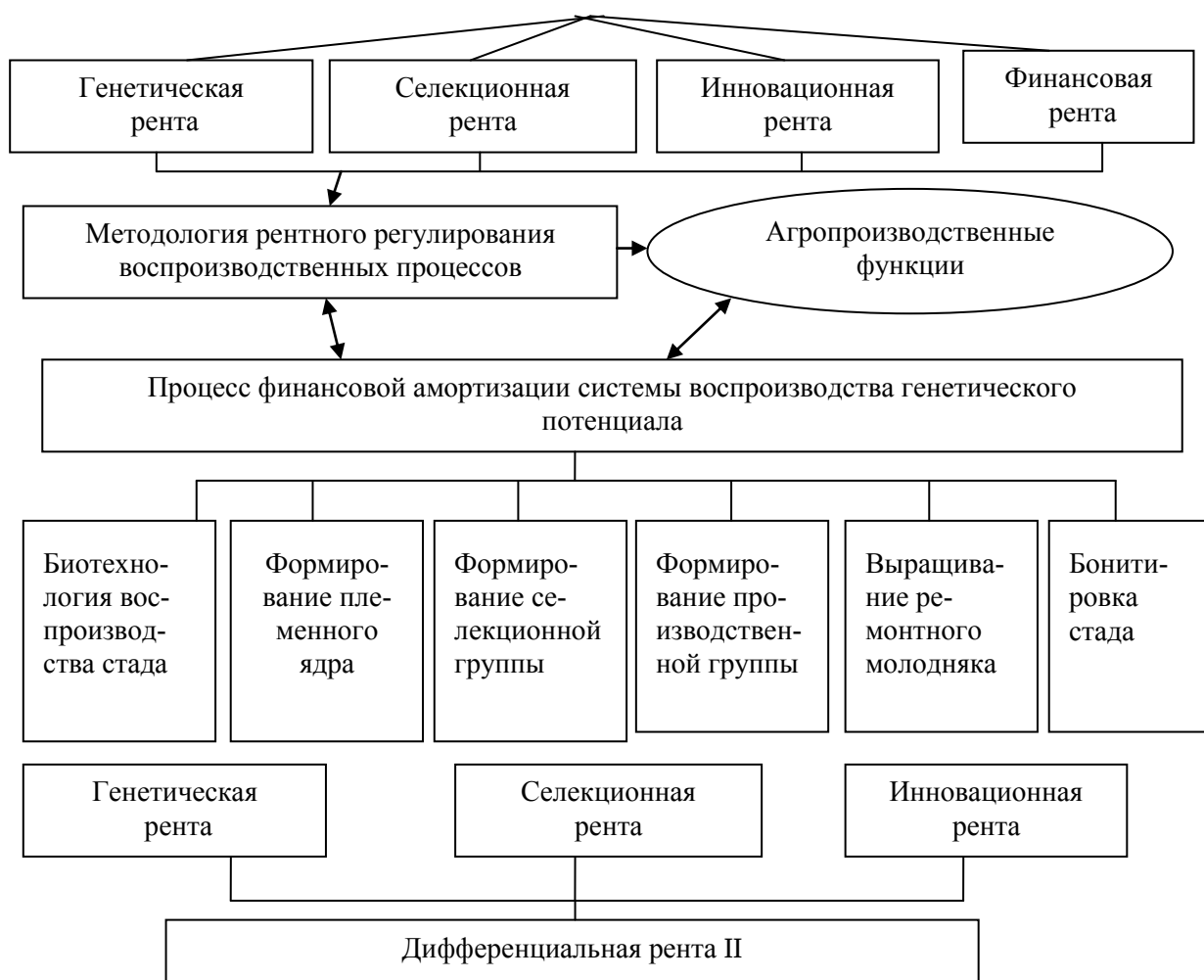

Рис. 3. Концепция рентного подхода к регулированию процесса воспроизводства генетического потенциала на уровне селекционно-генетических структур [4]

Как следует из рис. 3, дифференциальная рента включает в себя инновационную ренту, и поэтому можно говорить, что инновации являются одним из факторов образования дифференциальной ренты II [3]. Тогда инновационным дифференциальным рентным доходом будем называть избыток над среднеотраслевой прибылью в АПК за счет дополнительно вложенного капитала в инновационную деятельность.

Инновационная рента в контексте настоящего исследования синонимична понятию интеллектуальной ренты, что подтверждается и практикой. Так, обобщая итоги развития аграрного сектора Белгородской области за 2017 г., губернатор области подчеркивал, условием повышения конкурентоспособности сельскохозяйственного производства является получение так называемой интеллектуальной ренты как результата научных исследований и инновационной активности.

Интенсивным фактором повышения конкурентоспособности сельскохозяйственного производства является развитие и эффективное использование инновационного потенциала АПК. Развитие биотехнологий и получение биотехнологических продуктов – еще одно важнейшее направление отрасли. [2].

На рис. 4 представлена авторское представление о факторах, формирующих инновационную дифференциальную ренту как результата функционального управления инновационным потенциалом АПК.

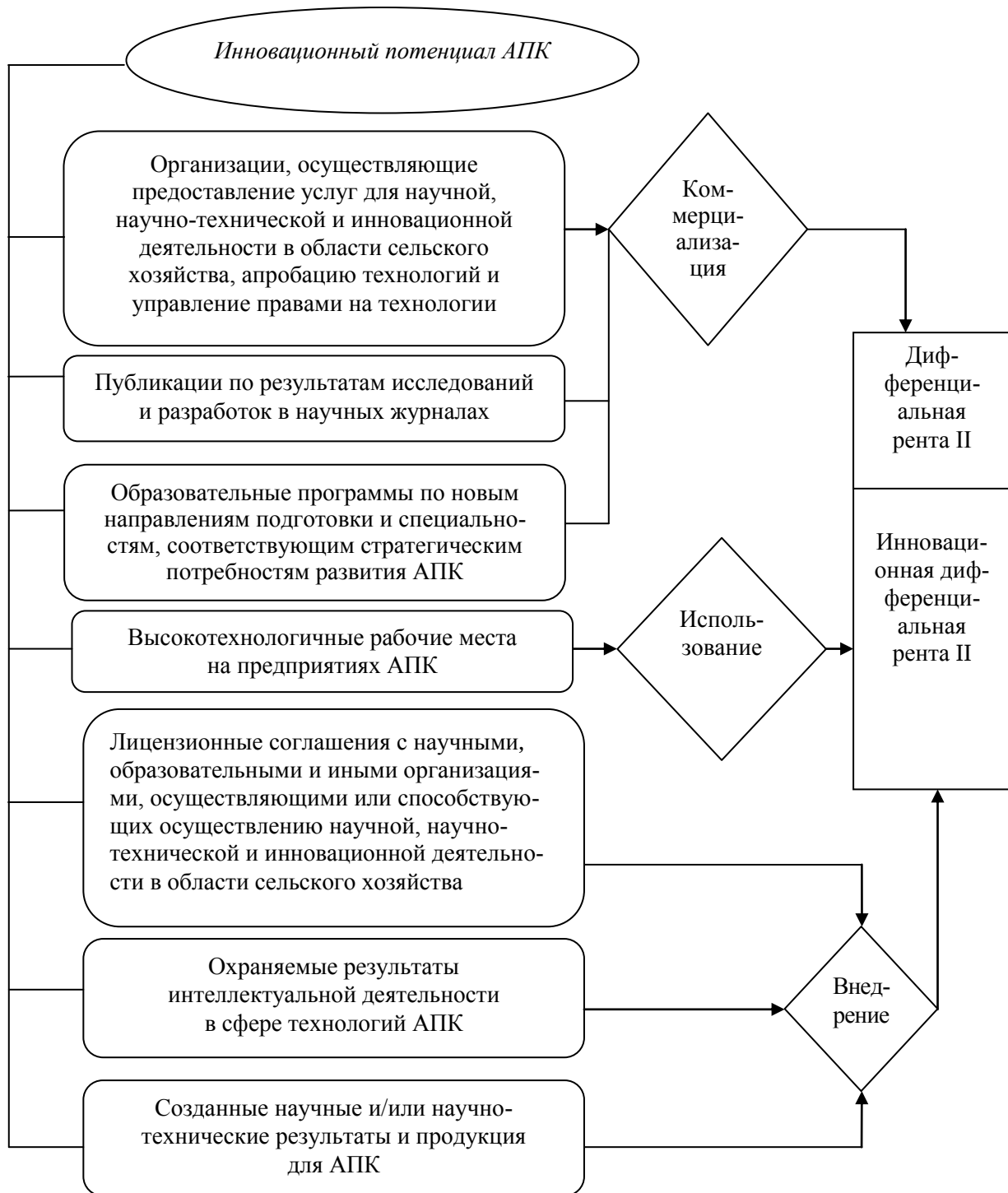

Рис. 4. Формирование инновационной дифференциальной ренты II (разработано автором)

Факторы инновационного потенциала АПК определены автором в соответствии с нормами, установленными Федеральной научно-технической программой развития сельского хозяйства на 2017 – 2025 годы. При использовании концепции формирования инновационной дифференциальной ренты II объектами воздействия при функциональном подходе к управлению инновационным потенциалом являются комплекс согласованных действий по:

- планированию коммерциализации, использования и внедрения факторов формирования инновационного потенциала;
- организации деятельности субъектов инновационной деятельности АПК;
- мотивации субъектов АПК к наращиванию инновационной активности;
- мониторингу и контролю соответствия инновационной деятельности субъектов АПК долгосрочным и среднесрочным национальным, региональным и отраслевым стратегиям социально-экономического развития.

Литература

1. Барсукова Г.Н. Теория земельной ренты как методологическая основа институционального регулирования земельных отношений: исторически экскурс [Электронный журнал] // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 124. С. 563-578. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_28103251_78329141.pdf Дата обр. 21.10.2019 г.
2. Белгородская область: совместными усилиями решать новые задачи [Электронный ресурс]. URL: <http://mcx.ru/press-service/regions/belgorodskaya-oblast-sovmestnymi-usiliyami-reshat-novye-zadachi/> Дата обр. 20.12.2019 г.
3. Джалал А.К., Изотова З.А., Бабин М.М. Дифференциальная рента в системе бизнес-планирования деятельности организаций АПК [Электронный ресурс] // Известия сельскохозяйственной науки Тавриды. 2018. № 16 (179). С. 128-137. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36774240_24350564.pdf Дата обр. 20.12.2019 г.
4. Ефимова Г.А., Осипова О.В. Производственно-генетический потенциал решения проблемы импортозамещения и реиндустриализации АПК РФ [Электронный ресурс] // Экономическое возрождение России. 2015. № 3 (45). С. 117-122. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_24147850_19888741.pdf
5. Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. М.: Экономическое наследие, 1995. 544 с.
6. Капустина Н.В. Методология управления развитием организации на основе риск-менеджмента: автореферат дис. ... доктора экономических наук / Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ. Ростов-на-Дону, 2015. 43 с.
7. Маркс К. Капитал. Т. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1961–1962. Т. 25. ч. 2, с. 212.
8. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии: Т. 2 // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. – 2-е изд. – Т. 24.
9. Мещеров В.А. Рыночный механизм рентных отношений в мировой экономике // Экономические науки. 2010. № 11 (72). С. 295 – 306.
10. Носкова Е.М. Инновационные технологии в сельском хозяйстве Арктической зоны Российской Федерации // В сборнике: Инновационная экономика и менеджмент: Методы и технологии Сборник материалов II Международной научно-практической конференции. Под ред. О.А. Косорукова, В.В. Печковской, С.А. Красильникова. 2018. С. 226-230.
11. Розенберг Д.И. Комментарии к «Капиталу» К. Маркса. М., 1983. 720 с.
12. Семенов А.С., Дерунова Е.А. Моделирование инновационно-технологического развития российской экономики // В сб.: Математическое моделирование в экономике, страховании и управлении рисками Сборник материалов IV Международной молодежной научно-практической конференции: в 2-х томах. 2015. С. 87-92. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25546193_82050759.pdf Дата обр. 11.10.2019 г.
13. Сорокин А.В. Деиндустриализация как феномен неравенства норм прибыли // Экономическое возрождение России. 2016. № 3 (49). С. 35-44. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26607576_33889443.pdf
14. Филатова И.Н. Государственное влияние на инновационное развитие экономики // В сборнике: Математическое моделирование в экономике, страховании и управлении рисками: Сборник материалов IV Международной молодежной научно-практической конференции: в 2-х томах. 2015. С. 257–262. https://elibrary.ru/download/elibrary_25546227_84665505.pdf Дата обр. 17.11.2019 г.
15. Импортозамещение и издержки обращения. Монография / Общ. ред. Третьяк В.П. / Моск. гос. ун-т технологий и упр. им. К.Г. Разумовского (Первый казачий ун-т). М.: Экономика, 2017. 240 с.

Heyfits Boris Igorevich, candidate of economic Sciences, associate Professor, Lipetsk Cossack Institute of technology and management (branch) of the Moscow state University of technology and management named after K.G. Razumovsky (First Cossack University) (4, Krasnoznamennaya St., Lipetsk, 398006, Russian Federation). E-mail: b.heifits@yandex.ru

**MANAGING THE INNOVATIVE POTENTIAL OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX:
A RENT-BASED APPROACH**

Abstract

The article considers the process of managing the innovative potential of the agro-industrial complex from the point of view of the rent approach. The author studies the impact of Dutch disease on the innovative potential of the agricultural sector, and identifies differences between real and fictitious capital. Studies of the production and genetic potential of solving the problem of import substitution and reindustrialization of the agricultural sector of

the Russian Federation. As a result, it is proposed to call the excess over the average industry profit in the agricultural sector due to additional capital invested in innovative activities, and the author's idea of the factors that form the innovative differential rent as a result of functional management of the innovative potential of the agricultural sector is formed.

Keywords: *innovation potential, agro-industrial complex, rental income, innovative differential income, rental relations, land rent, production competitiveness, labor productivity, organizational and technical innovations.*

References

1. Barsukova G.N. Teoriya zemel'noj renty kak metodologicheskaya osnova institucional'nogo regulirovaniya zemel'nyh otnoshenij: istoricheski ekskurs [Elektronnyj zhurnal] // Politematicheskij setevoy elektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2016. № 124. P. 563-578. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_28103251_78329141.pdf Data obr. 21.10.2019 g.
2. Belgorodskaya oblast': sovmestnymi usiliyami reshat' novye zadachi [Elektronnyj resurs]. URL: <http://mcx.ru/press-service/regions/belgorodskaya-oblast-sovmestnymi-usiliyami-reshat-novye-zadachi/> / Data obr. 20.12.2019 g.
3. Dzhalal A.K., Izotova Z.A., Babin M.M. Differencial'naya renta v sisteme biznes-planirovaniya deyatel'nosti organizacij APK [Elektronnyj resurs] // Izvestiya sel'skohozyajstvennoj nauki Tavridy. 2018. № 16 (179). P. 128-137. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36774240_24350564.pdf Data obr. 20.12.2019 g.
4. Efimova G.A., Osipova O.V. Proizvodstvenno-geneticheskij potencial resheniya problemy importozameshcheniya i reindustrializacii APK RF [Elektronnyj resurs] // Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii. 2015. № 3 (45). P. 117-122. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_24147850_19888741.pdf
5. ZHid SH., Rist SH. Istoriya ekonomicheskikh uchenij. M.: Ekonomicheskoe nasledie, 1995. 544 p.
6. Kapustina N.V. Metodologiya upravleniya razvitiem organizacii na osnove risk-menedzhmenta: avtoreferat dis. ... doktora ekonomicheskikh nauk / Ros. akad. nar. hoz-va i gos. sluzhby pri Prezi-dente RF. Rostov-na-Donu, 2015. 43 p.
7. Marks K. Kapital. T. 3 // Marks K., Engel's F. Soch., 2-e izd. M.: Izdatel'stvo politicheskoy lite-ratury, 1961–1962. T. 25. ch. 2, p. 212.
8. Marks K. Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii: T. 2 // K. Marks, F. Engel's. Soch. – 2-e izd. – T. 24.
9. Meshcherov V.A. Rynochnyj mekhanizm rentnyh otnoshenij v mirovoj ekonomike // Ekonomicheskie nauki. 2010. № 11 (72). P. 295 – 306.
10. Noskova E.M. Innovacionnye tekhnologii v sel'skom hozyajstve Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii // V sbornike: Innovacionnaya ekonomika i menedzhment: Metody i tekhnologii Sbornik materialov II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Pod red. O.A. Kosorukova, V.V. Pechkovskoj, S.A. Krasil'nikova. 2018. P. 226-230.
11. Rozenberg D.I. Kommentarii k «Kapitalu» K. Marksa. M., 1983. 720 p.
12. Semenov A.S., Derunova E.A. Modelirovanie innovacionno-tekhnologicheskogo razvitiya rossijskoj ekonomiki // V sb.: Matematicheskoe modelirovanie v ekonomike, strahovanii i upravlenii riskami Sbornik materialov IV Mezhdunarodnoj molodezhnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 2-h tomah. 2015. P. 87-92. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25546193_82050759.pdf Data obr. 11.10.2019 g.
13. Sorokin A.V. Deindustrializaciya kak fenomen neravenstva norm pribyli // Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii. 2016. № 3 (49). P. 35-44. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26607576_33889443.pdf
14. Filatova I.N. Gosudarstvennoe vliyanie na innovacionnoe razvitie ekonomiki // V sbornike: Matematicheskoe modelirovanie v ekonomike, strahovanii i upravlenii riskami: Sbornik materialov IV Mezhdunarodnoj molodezhnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 2-h tomah. 2015. P. 257–262. https://elibrary.ru/download/elibrary_25546227_84665505.pdf Data obr. 17.11.2019 g.
15. Importozameshchenie i izderzhki obrashcheniya. Monografiya / Obshch. red. Tret'yak V.P. / Mosk. gos. un-t tekhnologij i upr. im. K.G. Razumovskogo (Pervyj kazachij un-t). M.: Ekonomika, 2017. 240 p.

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ТЕОРИИ ЭТНОЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Адаменко Александр Александрович	доктор экономических наук, профессор кафедры теории бухгалтерского учета, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (350044, Россия, г. Краснодар, ул. Калинина, 13). E-mail: adam83@mail.ru
Хорольская Татьяна Евгеньевна	старший преподаватель кафедры теории бухгалтерского учета, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (350044, Россия, г. Краснодар, ул. Калинина, 13). E-mail: khorolskaya77@mail.ru
Петров Денис Вадимович	руководитель научно-издательского центра «Академия знаний» (350018, Россия, г. Краснодар, ул. Камвольная, 3). E-mail: hati1984@mail.ru

Аннотация

Современный этап экономического развития характеризуется реакцией региональных систем предпринимательства России на технологические сдвиги, происходящие повсеместно, во всех сферах деятельности человека, иными словами происходит формирование «новой экономической реальности». В этих условиях целесообразно осуществлять поиск внутренних ресурсов развития данных систем, что возможно в рамках развития такого сегмента национальной экономики, как этноэкономика. В статье обоснованы причины востребованности теории этноэкономики, обозначены ее основополагающие признаки, указаны эффекты, происходящие в этноэкономике и обусловленные современным состоянием экономики в целом.

Ключевые слова: экономика, этноэкономика, этнос, этническая система, экономические отношения, хозяйственные системы, национальная экономика, традиционное хозяйство, индустриальное хозяйство.

Современный этап экономического развития характеризуется реакцией существующих хозяйственных систем на технологические сдвиги, происходящие повсеместно, во всех сферах деятельности человека, иными словами происходит формирование «новой экономической реальности». В сложившихся условиях вполне логично, что хозяйственные системы, а именно региональные системы предпринимательства России, в поисках ресурсного обеспечения с целью своего развития, должны сконцентрироваться на своих собственных, внутренних ресурсах, при этом не следует ожидать прихода инвесторов со стороны. В этих условиях целесообразно рассмотреть понятие этноэкономики и обосновать причины ее востребованности.

Прежде всего, отметим, что феномен этноэкономики соответствует отдаленной зоне эволюционного процесса в системе хозяйства. Данная зона зачастую оказывается за пределами внимания исследователей и практиков, концентрирующих свое внимание, в первую очередь, на лидерах экономического роста. Отметим, что в середине XX века теория этноэкономики привлекла к себе внимание специалистов в области кризисного регулирования, которые осуществляли поиск способов повышения эффективности территорий с неблагоприятными условиями экономического роста, а именно регионов, которым присущи такие характерные особенности, как низкий уровень развития человеческого фактора, технологическая отсталость, преобладание устаревших форм хозяйствования и т.д. [8]

Неравномерность и циклический характер развития данных хозяйственных систем приводит к тому, что отдаленная зона постепенно расширяется, захватывая достаточно обширные территории различных государств, некоторые страны, а также значительную часть ряда континентов, например, такая ситуация сложилась после освобождения от колониальной зависимости некоторых стран Африки и Азии. Отметим, что сформировавшаяся таким образом зона является довольно устойчивой.

Отдаленная позиция в процессе развития экономики совершенно не предполагает отрицание вклада недостаточно развитых хозяйственных сообществ в производимый с их участием национальный продукт, создаваемое национальное богатство, процесс появления рабочих мест, совокупные доходы и т.д. Стабильное существование многочисленных групп людей, населяющих отдаленные районы, обеспечивает наличие следующих факторов:

- имеющаяся на данной территории с давних времен ресурсная база;

- веками используемые способы создания благ;
- образовавшийся в процессе развития человеческий фактор;
- применение отсталых технологий и форм организации производства;
- сопротивляющиеся нововведениям социальные институты;
- веками существующие народные способы создания благ – такая опора

Многие ученые, занимающиеся исследованиями в данном направлении, для обобщающей характеристики различных форм этноэкономики применяют такое понятие, как «традиционные хозяйственные практики», при этом они и отмечают достаточно устойчивый характер этих практик, их способность к воспроизводству в процессе развития экономических отношений. Следует отметить, что такой признак, как устойчивость развития территории в процессе эволюции, является весьма существенным с точки зрения актуальности дальнейшего исследования развития теории этноэкономики.

Этноэкономика включает в себя хозяйство относительно замкнутых этнических групп, проживающих в многонациональных регионах и опирающихся на собственную ресурсную базу, ремесленные навыки и веками существующие способы создания простейших благ, натуральное или мелкотоварное производство отдельных домохозяйств, не выходящих за пределы местных рынков, хозяйство индивидуальных предпринимателей, не обладающих существенными средствами, а также хозяйство так называемых самозанятых людей, предоставляющих различные услуги.

Можно сказать, что феномену этноэкономики свойственен некоторый переход из одного состояния в другое, иными словами, качественный скачок в своем развитии. В частности следует отметить переход от традиционного хозяйства к индустриальному хозяйству. В своих научных трудах Дж. Арриги в качестве особенности такого перехода назвал следующее: в то время, как для традиционного общества, где способ организации экономических отношений и фундаментальный уклад всей социальной жизни существовали в неизменном виде на протяжении многих веков, опорными были условия стабильности, неизменности технологий, связей и традиций, индустриальное производство с его динамизмом и глубиной перемен нуждается в совершенно иных опорах – готовности людей к обновлению своих компетенций, гибких институтах, адаптивных организационных механизмах [2].

В процессе перехода к индустриальному хозяйству можно обозначить возникающие в системе экономики явные противоречия. В частности, это касается ярко выраженного противодействия высокоразвитого индустриального ядра, с одной стороны, и консервативной периферии, которая до настоящего времени опирается на устаревшие ценности, институты, способы ведения хозяйства, с другой стороны. Что касается этноэкономики, то она как раз и относится к так называемой консервативной периферии, что в свою очередь подтверждает ее прямую связь с переходным периодом в развитии экономики.

На основании всего вышеизложенного можно сформулировать ряд основополагающих признаков феномена этноэкономики (рис. 1).

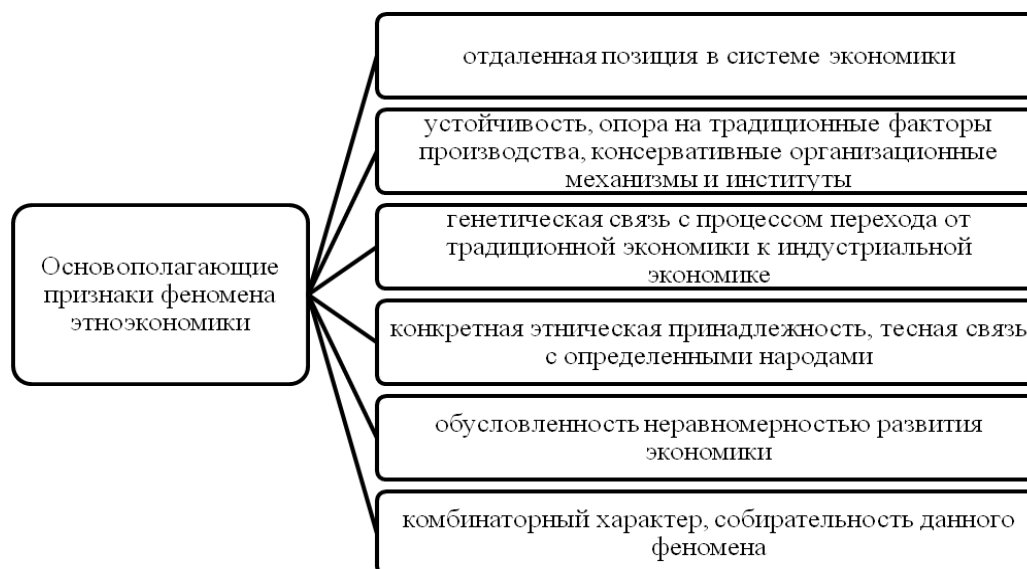

Рис. 1. Основополагающие признаки феномена этноэкономики

Устойчивость феномена этноэкономики подтверждается двумя взаимосвязанными фактами:

- во-первых, он на протяжении достаточно длительного периода времени обеспечивает существование определенных народностей, групп людей;
- во-вторых, наблюдается его постоянное воспроизводство.

Эти обстоятельства дают нам право говорить о том, что данный феномен актуален в настоящее время, при этом существует реальная потребность в его исследовании, а именно, описании, систематизации, обосновании принципов его развития в рамках совокупной экономической системы. Иными словами, довольно широко освещаемое в современной науке понятие этноэкономики, действительно является востребованным и теория этноэкономики должна иметь продолжение в своем развитии.

Теория этноэкономики оформилась в мировой экономической науке во второй половине XX века, в России данная теория обосновалась несколько позже, чем в мировом экономическом обществе, ее появление пришлось на конец периода рыночных преобразований в нашей стране.

В процессе детального исследования теории этноэкономики в первую очередь необходимо уделить внимание такой основополагающей характеристике данной теории, как ее четкая этническая принадлежность определенным народам, неразрывная связь с ним, с особенностями его жизненного уклада, ведения хозяйства и т.д.

Исходя из принципов системного подхода каждая этническая система (народ, этнос) выступает довольно сложной органической системой, процесс развития которой вполне может быть изучен и описан. При этом в ходе эволюции каждая из существовавших в мире этнических систем проходила определенные этапы своего развития, постепенно приходя к своему завершению. Но она неизменно оставляет после себя определенные условия, предпосылки для возникновения и развития следующей этнической системы.

Следовательно, наличие этнических систем, которые бы не имели под собой исторического пришлого и конечной точки развития, можно предположить только лишь при полном игнорировании принципов историзма и системного подхода. История полна фактов, когда вновь появившиеся этносы вобрали в себя ряд жизненных циклов существовавших ранее народов, сформировавших в свое время богатую культуру, воплотивших свой созидательный потенциал в многочисленных памятниках, но подошедших к завершающей стадии своего существования.

В рамках данной темы исследования остановимся на элементах человеческого фактора, которые переходят из одной этнической системы, завершившей свое существование, к вновь образуемой этнической системе. Речь идет о производительных силах этноса, культуре, нормах и традициях, сформированных знаниях в различных областях и т.д. С этой целью необходимо рассмотреть различные понятия этноса.

Среди множества существующих в современной научной литературе понятий этносов, остановимся на определении, которое дал этому термину Л. Гумилев. По нашему мнению, именно данная трактовка наиболее полно соответствует двум указанным выше принципам, как принципу историзма, так и системному подходу: этнос есть естественно сформировавшаяся общность людей, которая опирается на специфический, лишь этой общности свойственный стереотип общественно-хозяйственного поведения, причем: основа такого стереотипа составляет способ активного взаимодействия участников общности со средой их обитания; на основе указанного стереотипа поведения возникает единая для всей общности традиция [3].

Представим на рис. 2 все составляющие данного понятия, а также обобщенные результаты оценки их познавательных ресурсов.

Все вышесказанное в полной мере обуславливает складывающуюся потребность в развитии теории этноэкономики. В настоящее время в экономической науке сложилось вполне определенное мнение, разделяемое многими учетными в части исследования основных направлений данной теории, а именно в определении ее метода, предмета, основных характеристик, правомерности и целесообразности ряда понятий.

Тем не менее, все существующие на сегодняшний день разработки по исследованию феномена теории этноэкономики находятся все таки на начальной стадии исследования. В имеющихся трудах отражается обобщенный, не в полной мере однородный характер исследуемого явления, что свидетельствует больше о теоретическом характере, а не практических разработках в этом направлении. Данное обстоятельство дает возможность классифицировать теорию этноэкономики как достаточно неоднородную экономическую систему, которая существует в условиях несбалансированности социально-экономического развития экономики.

Рис. 2. Структурные компоненты определения этноса, оценка их познавательных ресурсов в контексте исследования (по Л. Гумилеву)

Выше была проведена параллель между этноэкономикой и определенными этническими группами, особенностями укладами общественно-хозяйственной жизни этой этнической группы. Данная связь представляет возможность обозначить важное определение теории этноэкономики, в частности рассматривать данную теорию как особое направление развития экономической науки, которое осуществляет изучение форм экономических отношений, формирующихся в результате предметного воплощения, хозяйственной реализации потенциала созидательной энергии, которым располагает определенный народ.

Исходя из такой трактовки понятия этноэкономики, целесообразно сформулировать вывод о том, что этноэкономики, появившиеся на основе реализации потенциала созидательной энергии различных народов, обладают значимыми функциональными, структурными, организационными и институциональными различиями. Данный вывод, в свою очередь, позволяет определить систему этноэкономики как единство многообразия форм проявления созидательной энергии различных народов. При этом каждый народ преломляет свой энергетический потенциал созидания сквозь призму присущего ему особого стереотипа поведения, что обеспечивает специфику результатов реализации такого потенциала. В свою очередь, устойчивость указанного стереотипа обуславливает четкое, исторически воспроизводимое профилирование тех форм отношений, которые складываются в этноэкономике данного народа.

Формы отношений, складывающихся в этноэкономике, встроены в общую систему экономики, занимая в ней свое определенное место. При этом трансформация указанной системы приводит к изменению позиции и роли компонента этноэкономики [12]. Например, если в условиях централизованной экономики государство обеспечивало населению относительно слаборазвитых регионов рабочие места, необходимый уровень доходов, доступ к основным материальным благам, соблюдение социальных стандартов достойной жизни, то рыночные преобразования в указанных регионах привели к массовой безработице, потере значительной части необходимых доходов, недоступности многих благ и несоблюдению привычных социальных стандартов.

Соответственно, в указанных регионах имело место возрождение, казалось бы, навсегда отесненных на дальнюю периферию и занимавших весьма скромные позиции форм отношений и институтов этноэкономики, опиравшихся не на государство, а на возможности крупной и разветвленной семьи, многолюдной и экономически сильной родовой общности (клана).

Вакуум, образовавшийся после выхода государства из сферы регулирования земельных отношений, имущества домохозяйств, был заполнен традиционными формами общинного регулирования, формами имущественных отношений на основе институтов адата и других архаичных институтов, а недостаточность государственной системы социального обеспечения и поддержки малоимущих была компенсирована возможностями социальных связей, гарантий и ресурсов, предоставляемых разветвленной семьей и родовыми общностями. Правомерно предположить, что усиление роли государства в регулировании развития системы экономики способно привести к вытеснению из нее традиционных форм отношений, снижению их социально-экономической роли и сокращению ареала этноэкономики.

Как известно, интерес к той или иной теории возрастает вместе с накоплением в ее секторе исследований совокупности актуальных проблем, многие из которых связаны с появлением новых фактов, требующих своего объяснения в рамках теории и не всегда вписывающихся в ее структуру. В настоящее время теория этноэкономики переживает всплеск общественного интереса к ней, поскольку в ее секторе исследований накопилось множество качественно новых и весьма противоречивых фактов, которые не вписываются в существующую теорию и не находят в ее рамках объяснения. Соответственно, растущий интерес к теории этноэкономики ориентирован на ее критику.

Оценивая указанный всплеск интереса, правомерно предположить, что в движении экономических отношений в сфере общественно-хозяйственной жизни различных этносов наметился новый переход порога меры, о котором свидетельствуют многообразные, глубокие и динамичные преобразования в технологиях, человеческом факторе, организационных механизмах, институтах. Эти преобразования затрагивают и общественную потребность в теории этноэкономики, изменяя ее [10].

Оценивая указанные эффекты, выделим среди них новые формы проявления созидательной энергии народов, возникающие под воздействием противоположно направленных сил глобальной интеграции и национальной дифференциации. Указанные силы преобразуют пространство развития этно-экономики, создавая в нем, в частности:

- особый сектор синтетических форм проявления созидательной энергии двух или нескольких народов, участвующих в интеграционном национально-хозяйственном взаимодействии;
- особый сектор сепаратных форм проявления созидательной энергии этнических групп, выделившихся из крупной национально-хозяйственной системы под воздействием сил дифференциации [1].

В свою очередь, синтетические и сепаратные формы проявления созидательной энергии народов вступают во взаимодействие, в котором могут действовать силы притяжения или отталкивания, в зависимости от совместимости тех стереотипов поведения, которые были заложены в данных формах.

Литература

1. Адаменко А.А., Хорольская Т.Е. Общественная потребность в теории этноэкономики / В сборнике: Тренды развития современного общества: управленческие, правовые, экономические и социальные аспекты. Сборник научных статей 9-й Международной научно-практической конференции. Курск, 2019. С. 15 – 17.
2. Арриги Дж. Долгий двадцатый век. М.: Территория будущего, 2006. 469 с.
3. Гумилев Л.Н. О термине «этнос» / Доклад на заседании Отделения этнографии 17 февраля 1966 г. // Доклады Географического общества СССР. 1967. Вып. 3. С. 3 – 17.
4. Донгак Б.А. Потенциальные возможности этнического предпринимательства в Республике Тыва (на примере животноводства) // Вестник института экономики и управления НовГУ. 2014. № 1. С. 18 – 23.
5. Ермоленко А.А. Парадигма теории этноэкономики // Этноэкономика Юга России: концепции, параметры, механизмы: Домбайские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции / Под ред. Р.А. Канцеров, Ю.С. Колесникова: В 2 ч. Ч. 1. Черкесск: КЧГТА, 2005. С. 56 – 63.
6. Ключко Е.Н., Кобозева Е.М. Этноэкономика региона: потенциал, функции, барьеры развития // Бизнес. Образование. Право. 2017. № 4 (41). С. 38 – 42.
7. Ключко Е.Н., Прохорова В.В. Этнопредпринимательство как новация при переходе экономики на инновационный путь развития // Современная научная мысль. 2017. № 3. С. 127 – 134.
8. Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира» (Asian Drama: An Inquiry into the Poverty of Nations). М.: Прогресс, 1972. С. 157 – 183.
9. Традиционные хозяйственные практики народов Северного Кавказа: этноэкономика – век XXI / Под ред. Ю.С. Колесникова, В.Н. Овчинникова. Ростов н/Д: Изд-во «Содействие – XXI век», 2017. 192 с.

10. Хорольская Т.Е. Разработка векторов развития теории этноэкономики в контексте современных социально-экономических преобразований // Естественно-гуманитарные исследования. 2019. № 25 (3). С.175-179.
11. Этноэкономика в модернизационной парадигме развития народного хозяйства / Ответственные редакторы Ю.С. Колесников, В.Н. Овчинников. Ростов-на-Дону: РГУ, 2004. С. 13 – 68.
12. Хорольская Т.Е. Развитие теории этноэкономики в условиях современных социально-экономических преобразований. Дис. канд. экон. наук. Владикавказ, 2019. 167 с.

Adamenko Alexander Alexandrovich, Doctor of Economics, Professor of the Department of Accounting Theory, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilina (13, Kalinina St., Krasnodar, 350044, Russian Federation). E-mail: ad-am83@mail.ru

Khorolskaya Tatyana Evgenievna, Senior Lecturer, Department of Accounting Theory, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilina (13, Kalinina St., Krasnodar, 350044, Russian Federation). E-mail: khorolskaya77@mail.ru

Petrov Denis Vadimovich, Head of the Scientific Publishing Center, Kuban Social and Economic Institute (3, Kamvolnaya St., Krasnodar, 350018, Russian Federation). E-mail: hati1984@mail.ru

RELEVANCY AND EMERGENTIVENESS OF THE THEORY OF ETHNOECONOMICS IN THE CONTEXT OF NEW ECONOMIC REALITY

Abstract

The current stage of economic development is characterized by the reaction of the Russian regional business systems to technological shifts occurring everywhere, in all spheres of human activity, in other words, the formation of a "new economic reality" is taking place. Under these conditions, it is advisable to search for internal resources for the development of these systems, which is possible within the framework of the development of such a segment of the national economy as ethno-economics. The article substantiates the reasons for the demand for the theory of ethnoeconomics, identifies its fundamental features, indicates the effects occurring in ethnoeconomics and due to the current state of the economy as a whole.

Keywords: *economy, ethnoeconomics, ethnos, ethnic system, economic relations, economic systems, national economy, traditional economy, industrial economy.*

References

1. Adamenko A.A., Horol'skaya T.E. Obshchestvennaya potrebnost' v teorii etnoekonomiki / V sbornike: Trendy razvitiya sovremennogo obshchestva: upravlencheskie, pravovye, ekonomicheskie i social'nye aspekty. Sbornik nauchnykh statej 9-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Kursk, 2019. P. 15 – 17.
2. Arrigi Dzh. Dolgij dvadcatyj vek. M.: Territoriya budushchego, 2006. 469 p.
3. Gumilev L.N. O termine «ethnos» / Doklad na zasedanii Otdeleniya etnografii 17 fevralya 1966 g. // Doklady Geograficheskogo obshchestva SSSR. 1967. Vyp. 3. P. 3 – 17.
4. Dongak B.A. Potencial'nye vozmozhnosti etnicheskogo predprinimatel'stva v Respublike Tyva (na primere zhivotnovodstva) // Vestnik instituta ekonomiki i upravleniya NovGU. 2014. № 1. P. 18 – 23.
5. Ermolenko A.A. Paradigma teorii etnoekonomiki // Etnoekonomika YUga Rossii: koncepcii, pa-rametry, mekhanizmy: Dombajskie chteniya: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii / Pod red. R.A. Kancerova, YU.S. Kolesnikova: V 2 ch. CH. 1. CHerkessk: KCHGTA, 2005. P. 56 – 63.
6. Klochko E.N., Kobozeva E.M. Etnoekonomika regiona: potencial, funkcii, bar'ery razvitiya // Biznes. Obrazovanie. Pravo. 2017. № 4 (41). P. 38 – 42.
7. Klochko E.N., Prohorova V.V. Etnopredprinimatel'stvo kak novaciya pri perekhode ekonomiki na innovacionnyj put' razvitiya // Sovremennaya nauchnaya mysl'. 2017. № 3. P. 127 – 134.
8. Myurdal' G. Sovremennye problemy «tret'ego mira» (Asian Drama: An Inquiry into the Poverty of Nations). M.: Progress, 1972. P. 157 – 183.
9. Tradicionnye hozyajstvennye praktiki narodov Severnogo Kavkaza: etnoekonomika – vek HKHI / Pod red. YU.S. Kolesnikova, V.N. Ovchinnikova. Rostov n/D: Izd-vo «Sodejstvie – HKHI vek», 2017. 192 p.
10. Horol'skaya T.E. Razrabotka vektorov razvitiya teorii etnoekonomiki v kontekste sovremennykh social'no-ekonomicheskikh preobrazovanij // Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya. 2019. № 25 (3). P. 175-179.
11. Etnoekonomika v modernizacionnoj paradihme razvitiya narodnogo hozyajstva / Otvetstvennye redaktory YU.S. Kolesnikov, V.N. Ovchinnikov. Rostov-na-Donu: RGU, 2004. P. 13 – 68.
12. Horol'skaya T.E. Razvitie teorii etnoekonomiki v usloviyah sovremennykh social'no-ekonomicheskikh preobrazovanij. Dis. kand. ekon. nauk. Vladikavkaz, 2019. 167 p.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА**Айвазова
Елена
Сергеевна**

кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54); доцент кафедры физической подготовки, Ростовский филиал Российской таможенной академии (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. Будёновский, 20). E-mail: aivazova.elena@mail.ru

**Кононенко
Алексей
Валентинович**

кандидат политических наук, доцент кафедры физического воспитания, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: kon1308@yandex.ru

**Проскурина
Елена
Федоровна**

старший преподаватель кафедры физического воспитания, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: PROSKURINA.L61@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы экономического взаимодействия в области физической культуры и спорта, возможности создания условий для государственно-частного партнёрства в этой сфере. Подчеркивается необходимость задействовать вместе с государственными (бюджетными) ресурсами потенциал предпринимательской инициативы. Авторами раскрывается понятие «экономика физической культуры и спорта» как хозяйственные отношения в области спортивной индустрии на общегосударственном уровне и на уровне отдельных спортивных и физкультурных организаций, клубов.

Ключевые слова: экономическое регулирование, физическая культура, спорт, материальная база, формы собственности и управления, экономические отношения, финансовые ресурсы, экономическая система, физкультурные организации.

В нашей стране в настоящее время физическая культура и спорт находятся на стадии социальной трансформации. В современном обществе эта отрасль культуры общества играет важную роль в формировании здорового образа жизни людей, тем самым позволяет приобрести им социальный опыт. Но сейчас в массовом спорте наблюдается кризис, основными причинами которого является то, что происходит перестройка в системе управления в сфере физической культуры и спорта. Это привело к некоторым сложностям в использовании материальной базы. Отсюда следует, что требуется пересмотреть экономические отношения в этой области.

Экономические отношения в широком смысле – это отношения, которые возникают между людьми-субъектами в процессе производства, распределения, обмена и потребления жизненных благ, продуктов и услуг.

Физическая культура и спорт (ФКиС) производят такие, так называемые, продукты, как здоровье, долголетие, развлечение, активный досуг. Отрасль «Физическая культура и спорт» имеет своих потребителей и производителей, собственную индустрию, свои рыночные и нерыночные институты. Все это должно гармонично «вписываться» как в национальную экономику, так и в международные экономические отношения. Весь спектр хозяйственных отношений в сфере физической культуры и спорта, методы решения теоретических и практических задач, которые возникают в этой области, использование материальных, трудовых, финансовых и иных ресурсов, как отдельных спортивных организаций, так и общества в целом [3, 7] изучает специальная наука – **экономика физической культуры и спорта**.

Экономика ФКиС учитывает особенность экономических отношений, зависящих от различных форм собственности. Управление в области физической культуры и спорта на различных предприятиях, имеет, зачастую, государственную (спортивные сооружения), профсоюзную (средства из бюджета профсоюзов) и личную собственность (оплата абонементов) [1]. При использовании всех этих видов собственности акцентируется внимание на их юридическом статусе.

Государственная собственность включает находящиеся в ведении Федерального агентства по ФКиС сооружения, предприятия, производящие спортивный инвентарь и т.п. В данном случае агентство заботится о сохранности и приумножении этой государственной собственности, а также использовании ее для занятий физической культурой и спортом всеми гражданами.

Главенствующая роль государственной собственности, прежде всего, заключается в том, чтобы обеспечить единство интересов отдельных ведомств и спортивных обществ в осуществлении спортивно-массовой и физкультурно-оздоровительной деятельности. Постановления, распоряжения Федерального агентства по ФКиС, как государственного органа обязательны для выполнения и соблюдения физкультурных организаций всех ведомств и спортивных обществ. По мнению Президента РФ Путина В.В., «...необходимо создавать максимально благоприятные условия для государственно-частного партнёрства в сфере спорта и физической культуры, задействовать вместе с государственными, бюджетными ресурсами потенциал предпринимательской инициативы, желание малого и среднего бизнеса работать в сфере массового спорта, оказывать гражданам востребованные услуги – от организации доступных секций до выпуска недорогой спортивной формы и инвентаря»¹.

Физкультурно-оздоровительные и спортивно-массовые мероприятия, которые должны проводиться в учебных заведениях, учреждениях и на предприятиях регулируются государством и являются обязательными для исполнения.

Роль муниципальных спортивных комитетов заключается в контроле и координации работы Добровольных Спортивных Обществ (ДСО) и других спортивных организаций. Также в их компетенции комплексное и целенаправленное решение вопросов развития материальной базы, оказание помощи в выборе места для спортсооружений, в их оборудовании и оснащении необходимыми снарядами и прочим инвентарем. ДСО организуют и проводят соревнования, могут самостоятельно производить спортивные товары и др.

Большинство спортивных залов, стадионов и других спортсооружений является собственностью государственных предприятий и организаций, подчинены различным министерствам и ведомствам страны. Часть из этих сооружений предприятия передают для использования в профсоюзы и ДСО. В следствие этого между ними возникают определенные экономические отношения [1], которые связаны с эксплуатацией этих сооружений.

В оперативном управлении общественных организаций, профсоюзов, ДСО, Российской оборонной спортивно-технической организации (РОСТО) находятся, кроме спортсооружений, производственные предприятия, административные здания и помещения, учебно-тренировочные, спортивные и туристические базы и т.д.

В соответствии с уставами ДСО профсоюзов, имуществом, принадлежащим им, могут пользоваться все физкультурники и спортсмены, которые являются членами этих добровольных спортивных обществ. Они имеют право тренироваться в спортивных школах, секциях и командах, учебно-тренировочных сборах. А также принимать участие во всех мероприятиях, которые проводят ДСО: спортивных соревнованиях, праздниках, Спартакиадах, в том числе обучаться на различных курсах. При этом члены ДСО имеют право безвозмездно пользоваться спортивными сооружениями, оборудованием, инвентарем.

Существует множество форм управления физкультурными организациями, и это обусловлено, прежде всего, наличием множества форм собственности. Как правило, управление осуществляют такие органы, как: Федеральное агентство, спорткомитеты, отраслевые ведомства, профсоюзы, федерации по видам спорта и другие общественные организации.

В связи с многообразием форм управления физкультурными организациями происходит ведомственная разобщенность в использовании спортивных сооружений, их неравномерное распределение между отраслями и производственными объединениями [3].

За последние годы сложилась тенденция неоднородной насыщенности физкультурных организаций спортивными сооружениями. Это приводит в ряде случаев к их недостаточному и частичному использованию. Например, школы, вузы, техникумы располагают большей частью спортивных площадок, но ощущают острую нехватку стадионов, плавательных бассейнов и футбольных полей.

Такую же ситуацию можно наблюдать и в рамках одного и того же района, где у крупных предприятий с большим капиталом есть возможность создать сеть спортивных сооружений, а у более мелких такая возможность отсутствует. Таким образом и возникает, так называемое, спортивное неравенство производственных коллективов одного и того же района [1]: у одних спортсооружения в избытке, и, в связи с этим неполное их использование, а другие испытывают острую нехватку, что ограничивает возможности развития у этого контингента физической культуры и спорта.

Ведомственная разобщенность, разделяющая физкультурников и спортсменов на «своих» и «чужих», осложняет проведение общих спортивно-массовых и физкультурно-оздоровительных мероприятий для населения, проживающего в одном районе. Эта разобщенность приводит к различиям

¹ Заседание Совета при Президенте по развитию физической культуры и спорта. 27 марта 2019 года. Москва. Олимпийский центр синхронного плавания.

в порядке и размерах финансирования и материально-технического снабжения. Для искоренения недостатков в области физической культуры и спорта необходимо совершенствовать экономические отношения.

Фундаментальная проблема **экономической теории** – это, прежде всего, проблема регулирования действий участников производства. Развитие экономики в любой стране – это, как правило, результат согласованных действий производителей, тогда как кризис, соответственно, – результат их антагонизма. Наилучший механизм регулирования – вечная проблема экономики, так как постоянно изменяются технологические и социальные условия производства. В экономической практике и теории существует два кардинально противоположных подхода решения этой проблемы. Один из них получил название «классического», при котором максимальная эффективность общественного производства достигается благодаря предоставлению каждому из его участников неограниченной экономической свободы.

Противоположный (социалистический) подход заключается в том, что все действия членов производства должны быть подчинены жесткой директивной регламентации (когда, сколько, для кого и что произвести). Контролирующая функция со стороны общества осуществляется его властным институтом [1] – государством, которое обладает правом и силой к внешнеэкономическому принуждению. Такая директивная организация производства исключает рынок, который несостоятелен без экономической самодостаточности производителей. Особая важность и необходимость контроля государством экономики признается различными экономическими концепциями [1, 3]. Но эта экономическая система в советский период была не всегда оправдана.

Директивная планомерность стала определяться как экономическая модель государственно-го «социализма» [1]. Однако, эта форма претерпела крах. На практике реализация принципов такой организации общественного производства приводила к еще большему дефициту, разрушению экономики и закреплению тоталитаризма.

Современное постиндустриальное общество доказало, что возможно решить проблему оптимального регулирования экономики, совершив переход от социалистической или классической модели экономики к смешанной. Эта модель является более адаптированной под современные реалии. Она строится на синтезе рационального использования рыночного механизма и административно-командного управления. Последнее, обычно, применяется в отраслях народного хозяйства, имеющих важное стратегическое значение. Для этой системы характерны: рационализм, внедрение инноваций и инвестиций, преобладание желаний индивида. Другими словами, современная социально-регулируемая экономика – это рыночная экономика, при которой рыночное устройство общества переросло в общественное устройство рынка, где действия координируются на основе взаимодействия на рынках свободных частных производителей и свободных индивидуальных потребителей.

За рубежом дефиниции «физическая культура» и «экономика физической культуры» подменяется термином «спорт», который подразумевает все многообразие взаимоотношений при подготовке, воспитанию, управлению и связанной с этим деятельностью. В российской практике и странах СНГ используется два термина – «физическая культура» и «спорт» [3]. Эти понятия трактуются учеными этой области по-разному, но наиболее правильной принято считать формулировку в Федеральном Законе «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 04.12.2007 N 329-ФЗ (ред. от 27.12.2018).

А именно – «физическая культура – часть культуры, представляющая собой совокупность ценностей, норм и знаний, создаваемых и используемых обществом в целях физического и интеллектуального развития способностей человека, совершенствования его двигательной активности и формирования здорового образа жизни, социальной адаптации путем физического воспитания, физической подготовки и физического развития».

«Спорт» – сфера социально-культурной деятельности как совокупность видов спорта, сложившаяся в форме соревнований и специальной практики подготовки человека к ним.

Экономика физической культуры и спорта рассматривает хозяйственные отношения в области спортивной индустрии в двух направлениях:

- 1) на общегосударственном уровне (макро-уровень);
- 2) на уровне отдельных физкультурно-спортивных организаций, клубов, федераций и других объединений с различными формами собственности и источниками финансирования (микро-уровень) [3, 4].

Таким образом, макроэкономика физической культуры и спорта оперирует такими совокупными показателями, как степень финансирования и доходов физкультурно-спортивных организаций, клубов, спортсооружений и учреждений страны, общим количеством спортсменов, тренеров и спортивных инструкторов. Причем, выявляются возможности развития физической культуры и

спорта и разрабатываются меры по регулированию экономических отношений в этой сфере на уровне государства.

В свою очередь, микроэкономика этой сферы концентрирует анализ экономического взаимодействия отдельных субъектов, изучает работу самостоятельных структурных единиц или индивидов, а также спортивных и физкультурных организаций всех видов и организационных форм.

Экономика ФКиС решает следующие задачи:

- накапливает и систематизирует экономические знания в своей области;
- генерирует новые знания и исследования в данной сфере;
- выявляет и формулирует экономические проблемы, которые возникают в ходе развития хозяйственных отношений, находит возможности их решения;
- определяет пути развития экономических отношений в отечественном и зарубежном спорте, прогнозирует их вектор и динамику;
- разрабатывает практические рекомендации по повышению эффективности хозяйственных отношений в сфере физической культуры и спорта [3, 4].

В экономике ФКиС используется сравнительно-исторический метод, при помощи которого выявляются общие и отличительные черты в экономических отношениях и явлениях в их историческом развитии. Этот метод позволяет выявить и сравнить степень развития рассматриваемых процессов, отметить произошедшие в них изменения, а также определить тенденции и закономерности развития физической культуры и спорта в формате развития экономики в целом [2, 3].

Экономические отношения в области спорта развиваются, усложняются коммуникации. Поэтому прошлый опыт целесообразно применять к современным и будущим событиям [2] избирательно и не в полном объеме. Такое положение дел обязывает использовать в экономике физической культуры и спорта и другие методы исследования. Например, система экономического анализа строится на дедуктивном методе, то есть на основе общих принципов базируются частные хозяйственные процессы.

В экономике ФКиС широко применяются методы анализа и синтеза. В этом случае целостная экономическая система разбивается на составные части – отдельно функционирующие рынки с целью выявления их структуры, строения, а также свойств и признаков [3, 4]. Или, при использовании метода синтеза, объединение различных элементов в целостную систему. Таким образом, экономика физической культуры и спорта рассматривается как составная часть рыночной экономики в целом, а система мер по государственному урегулированию спортивных отношений соотносится с общей концепцией государственного регламентирования хозяйственных процессов в стране и является ее составной частью [3].

Также используется метод научной абстракции, при котором объект исследования освобождается от частного, случайного, кратковременного, единичного, и находится в нем существенное, постоянное, типичное.

Можно рассмотреть такой пример: если цены на спортивную атрибутику возрастают, то они пользуются меньшим спросом, т.е. их начинают меньше покупать. То же самое можно сказать о спортивной форме, минеральной воде, продаваемой при спортооружениях и т.д. Не зависимо от вида товара это явление закономерно. Таким образом, с помощью метода абстракции выводится закон спроса [4].

В экономике ФКиС, как и в других науках, для демонстрации тенденций и закономерностей зачастую используются такие способы представления данных, как графики, рисунки, таблицы и диаграммы. Это позволяет наглядно проводить экономических анализ различных процессов, отслеживать взаимосвязи между явлениями, использовать математический инструментарий и информационно-компьютерные технологии.

Физическая культура и спорт в современном обществе тесно связаны с экономикой. Правительство поощряет новые разработки в области физической культуры, а также научные исследования, направленные на стимулирование спортсменов к достижению наивысших результатов и содействие их участию [6] в этой сфере общественной жизни. Но улучшение и поддержка физкультурно-спортивного сектора имеет огромное значение и для широких масс населения, т.е. приносит общественную пользу, т.к. укрепляет здоровье людей, совершенствует их культуру и организует активное проведения досуга. Спортивные товары пользуются спросом у определенного контингента, у профессиональных спортсменов, физкультурников, любителей активного отдыха и спортивного туризма. На макроуровне потребление спортивных товаров преобразуется в совокупный спрос, государственный аппарат вступает в экономические отношения в области физической культуры и спорта, т.к. непосредственно заинтересован в развитии этих отношений и их всесторонней поддержке [6].

В последние годы отмечаются позитивные перемены в этой значимой сфере экономических взаимоотношений, а также некоторые положительные итоги преобразований, что позволяет предполагать будущие благоприятные перспективы российской физкультурно-спортивной индустрии и ее инфраструктуры.

Литература

1. Бонус В.А. Повышение эффективности использования рыночных инструментов в профессиональном спорте: дисс. канд. эконом. наук: 08.00.05, 08.00.13. Кисловодск, 2011. 157 с.
2. Волкова А.Д., Геращенко А.В., Милова Ю.Ю. Роль и значение физической культуры и спорта для общества и экономики // Молодежный вестник ИРГТУ. Иркутск: Иркутский национальный исследовательский технический университет, 2014.
3. Галкин В.В. Экономика и управление физической культурой и спортом: учеб. пособие для вузов. Ростов на Дону: Феникс, 2006. 440 с.
4. Галкин В.В. Экономика спорта и спортивный бизнес / <http://vadim-galkin.ru/articles/books/economics-of-sports-and-sports-business/>
5. Zubarev Yu.A., Suchilin A.A. Экономика физической культуры и спорта. Волгоград: «ОФСЕТ», 2000. 256 с.
6. Разуваева И.Ю., Мадамина Г.М. Экономика в области спорта // Молодой ученый. № 15(149). Ч. VII. Казань, 2017. С. 672 – 674.
7. Экономика физической культуры и спорта / Под ред. В.У. Агеевца, Р.М. Орлова. СПб., 2000. 274 с.

Aivazova Elena Sergeevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of Cathedra of Physical Training, South-Russia Institute of Management - branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation); Docent of the physical training department, Rostov branch of Russian Customs Academy (20, Budenovskiy St, Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: aivazova.elena@mail.ru

Kononenko Alexey Valentinovich, Candidate of Political Sciences, Docent of Cathedra of Physical Training, South-Russia Institute of Management - branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St, Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).

E-mail: kon1308@yandex.ru

Proskurina Elena Fedorovna, the senior teacher of Cathedra of Physical Training, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St, Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: PROSKURINA.L61@mail.ru

ECONOMIC RELATIONS IN THE FIELD OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS

Abstract

The article deals with the problems of economic cooperation in the field of physical culture and sports, the possibility of creating conditions for public-private partnership in this area. The necessity to use together with the state (budgetary) resources the potential of entrepreneurial initiative is emphasized. The authors reveal the concept of "Economics of physical culture and sports" as economic relations in the field of sports industry at the national level and at the level of individual sports and physical culture organizations, clubs.

Keywords: economic regulation, physical culture, sports, material base, forms of ownership and management, economic relations, financial resources, economic system, physical education organizations.

References

1. Bonus V.A. Povyshenie effektivnosti ispol'zovaniya rynochnykh instrumentov v professional'nom sporte: diss. kand. ekonom. nauk: 08.00.05, 08.00.13. Kislovodsk, 2011. 157 p.
2. Volkova A.D., Gerashchenko A.V., Milova YU.YU. Rol' i znachenie fizicheskoy kul'tury i sporta dlya obshchestva i ekonomiki // Molodezhnyy vestnik IRGTU. Irkutsk: Irkutskij nacional'nyy issledovatel'skij tekhnicheskij universitet, 2014.
3. Galkin V.V. Ekonomika i upravlenie fizicheskoy kul'turoj i sportom: ucheb. posobie dlya vuzov. Rostov na Donu: Feniks, 2006. 440 p.
4. Galkin V.V. Ekonomika sporta i sportivnyj biznes / <http://vadim-galkin.ru/articles/books/economics-of-sports-and-sports-business/>
5. Zubarev Yu.A., Suchilin A.A. Ekonomika fizicheskoy kul'tury i sporta. Volgograd: «OFSET», 2000. 256 p.
6. Разуваева И.Ю., Мадминова Г.М. Экономика в области спорта // Молодой ученый. № 15(149). Ч. VII. Казань, 2017. С. 672 – 674.
7. Экономика физической культуры и спорта / Под ред. В.У. Агеевца, Р.М. Орлова. СПб., 2000. 274 p.

ПОВЫШЕНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ ГОСТИНИЧНОГО БИЗНЕСА РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Григорьева

Наталья

Станиславовна

кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой «Экономика и инновационные рыночные исследования», Южный университет (ИУБиП) (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина 33а/47).
E-mail: iubip502@yandex.ru

Аннотация

Одной из наиболее важных категорий в экономике является понятие конкурентоспособности, характеризующее степень превосходства фирмы по отношению к конкурентам. В современном мире основной причиной и движущей силой непрекращающегося поиска направлений роста конкурентоспособности предприятия является именно конкуренция. А в связи с тем, что главная цель предпринимательской деятельности по определению заключается в максимизации прибыли, вопрос поддержания высокой степени конкурентоспособности определенно выносится на первый план. В статье представлены итоги исследования по конкурентоспособности предприятий гостиничного бизнеса, определены направления повышения в сфере гостеприимства.

Ключевые слова: туризм, гостеприимство, конкуренция, конкурентоспособность, туристский поток, инновации, субъекты туристской индустрии, номерной фонд, коллаборация, цифровые технологии.

В современных рыночных условиях отрасль гостеприимства, все более усиленно, пробивается в лидирующие позиции по степени привлекательности для развития бизнеса. Предпосылкой к такой действительности являются кризисные процессы, начавшиеся в 2013 году и поставившие экономику страны в нестабильное положение. В таких условиях гостиничная сфера является одной из немногих отраслей, способных быстро адаптироваться к постоянно изменяющемуся реалиям [1]. В связи с этим, благодаря возможностям максимизации прибыли и эффективного функционирования, сегмент гостеприимства характеризуется рентабельностью и высокой степенью приспособляемости. Важно отметить, что за последние несколько лет российская гостиничная сфера увеличивает свое влияние на рынке. По результатам 2019 г. спрос на отечественные курорты увеличился на 37 %. Более того, отмечается усиление привлекательности российских мест отдыха для иностранных граждан – в среднем число прибытий возросло на 40%. В результате, растущие показатели туристического сегмента способствуют привлечению более пристального внимания к гостиничному бизнесу.

Теоретические и методологические основы изучения конкуренции и конкурентоспособности были заложены такими учеными, как: А. Смит, К. Маркс, А. Маршалл, Д. Риккардо, Дж. Робинсон, Дж. Кейс, Й. Шумпетер, Э. Чемберлен, Ф.А. Хайек, М. Портер, К. Макконелл, С. Брю, а также многими другими выдающимися экономистами. Кроме того, весомый вклад в разработку проблемы конкурентоспособности внесли следующие отечественные авторы: Н.И. Кабушкина, Г.А. Бондаренко, Л.П. Шматько, С.С. Скобкина, В.К. Карнаухова и Г.А. Яковлева, О.В. Аристова, Т.Н. Гоголева, Л.А. Жигуна, А.Н. Чекменева, В.А. Шабашева, А.И. Добрынина, П.Р. Завьялова и др.

Именно поэтому большую актуальность представляет собой вопрос основных инструментов и направлений повышения конкурентоспособности гостиницы. На рис. 1 представлены основные направления повышения конкурентоспособности субъектов туристической индустрии на примере гостиничного бизнеса.

Рис. 1. Основные направления повышения конкурентоспособности гостиницы

В первую очередь, рассмотрим такой инструмент повышения конкурентоспособности, как коллаборация [2]. Термин можно интерпретировать как совместную деятельность людей или компаний, направленную на достижение общих целей. Данное направление дает существенные плоды как в сфере гостеприимства, так и других сегментах экономики. Взаимная деятельность позволяет предприятиям обмениваться опытом, получать новые идеи для работы, увеличивать число бизнес партнеров и расширять целевую аудиторию.

Немаловажное значение имеет и тот факт, что за счет сотрудничества процесс коллаборации позволяет реализовать новый продукт, способный захватить внимание населения и создать общественный резонанс. В качестве примера коллаборации можно привести одно из последних объединений мировой ведущей сети деловых связей LinkedIn и одной из крупнейших в мире гостиничных групп Accor Hotels [3]. Результатом совместной деятельности стала разработка сервиса Business Check со свободным доступом гостям отелей через приложение. Благодаря новому продукту, человек, находясь в другом населенном пункте, может выяснить, кто из его «контактов» остановился в том же месте и связаться с ними.

В качестве второго метода увеличения конкурентоспособности гостиницы можно назвать выход в отрасль отельного бизнеса предприятий, функционирующих не в сфере гостеприимства. В связи с тем, что гостиничный рынок наиболее легко по сравнению с другими отраслями адаптируется к внешним изменениям, данный вид деятельности значительно повышает свою популярность среди фирм, главная работа которых не переплетена со сферой гостеприимства.

Так, международный фонд прямых инвестиций Hermes-Sojitz, работающий в сфере добычи полезных ископаемых, пищевой промышленности и инноваций, находится в процессе реализации туристического проекта Scandic Regatta в Карелии. Комплекс состоит из гостиницы на 135 номеров, яхт-клуба из 100 суден, 10 плавучих бунгало, 3 ресторанов, фитнес-зала, SPA-центра, вертолетной площадки и бассейна. Планируемый срок окончания строительства планируется на конец марта 2020 года. Следует отметить, что появление новых субъектов в отельном бизнесе свидетельствует о росте внимания и интереса к данному рынку, что объясняется большим количеством причин, в частности, сильно возросшим потоком отдыхающих. Согласно статистическим сведениям фирмы World Travel&Tourism Council, показатели мирового туризма возросли на 3,1%, обогнав прогнозируемую величину на 2,3 п.п.

Российский отельный сегмент тоже характеризуется положительным трендом. Так, большая часть туристического потока, согласно Ростуризму, приходится на россиян (75%). Что же касается иностранных граждан, то подобный туристический поток также набирает значительные обороты, главным образом, благодаря китайским отдыхающим. По данным Ростуризма, рост туристов именно за счет Китая на конец 2019 года составил около 50%. В основе третьего направления увеличения конкурентоспособности лежит индивидуальный подход и эксклюзивное отношение к посетителям. Дело в том, что в настоящее время турист выбирает не просто ночлег, а гостиницу, способную погрузить гостя в уникальную атмосферу с присущими только ей особенностями [4]. Интересно, что футуролог Джеймс Кэнтон (Institute for Global Futures) и эксперты Hotels.com сформировали прогноз возможных модификаций путешествий и гостиничной жизни спустя год, 25 лет и в 2060 году. Итоги исследования отображены в работе Hotels of the Future. Идеи, изложенные в труде, могут быть задействованы с целью формирования конкурентных преимуществ, способных создать неповторимость предлагаемой отельной услуги. Согласно разработчикам, новшества в науке, технологии, энергетики и сфере развлечений способны коренным образом поменять культуру проживания в гостинице. Так, например, процесс бронирования будет лежать на работе искусственного интеллекта – виртуальных роботов с встроенной программой поиска скрытых закономерностей в данных (data mining) и их обработки на интуитивном уровне (intuitive computing). Подобные передовые механизмы дадут возможность туристам получить в наивысшей степени персонализированные услуги. Основные идеи ученых можно изложить в виде схемы на рис. 2.

Идея временного отеля иллюстрирует гостиницу, работающую в течение конкретного периода времени, при этом локацию и дизайн можно определить посредством голосования через определенное мобильное приложение. Проект гостиницы, набравший наивысшее число голосов, будет воплощен в жизнь благодаря 3D-принтеру и нанотехнологий. Период функционирования подобных гостиниц будет ограничен; что же касается оплаты, то услуги будут приобретаться за счет криптовалюты HotelCoin, базирующейся на технологии блокчейн (досконально упорядоченная база данных с конкретными алгоритмами создания цепочек транзакций и доступа с данным, позволяющей свести к нулю потерю информации, мошенничество и т.п.).

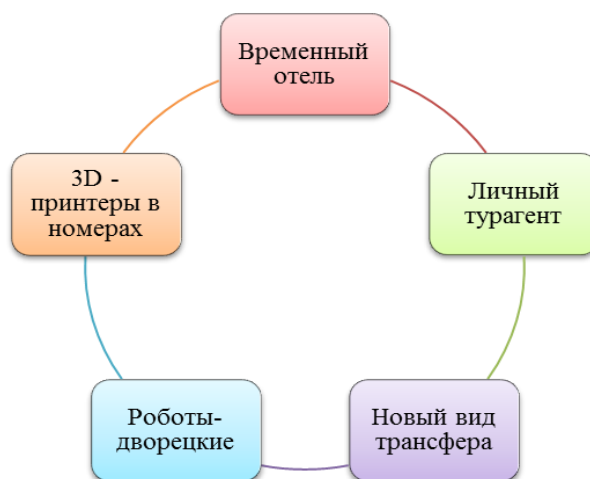

Рис. 2. Футуристические идеи придания уникальности гостиничной услуги

Следующей идеей является формирование личного аватара гостя, который будет интерпретироваться как цифровой программный агент и проводить бронирование номера в гостинице. В процессе своей работы аватар нацелен на реализацию всех предпочтений, связанных с путешествием и проживанием в гостиничном предприятии. Функционировать агент будет через Siri от компании Apple и Alexa от Amazon. Интересно, что различные аватары будут коммуницировать между собой, договариваться и планировать поездки. Другим прогнозом можно назвать внедрение инновационного трансфера с аэропорта в форме самоуправляемых капсул, летающих машин, способствующих исключению пробок, и вакуумных поездов, которые позволят проходить огромные расстояния за секунды.

Кроме того, эксперты спрогнозировали появление роботов-дворецких, которые заранее программируются на существование конкретных умений и навыков, владение языками и использование определенной информации с целью обеспечения комфортного проживания гостей в отеле. Подобные дворецкие осуществляют все процессы: от трансфера из аэропорта и до клининга в номерах, приготовления еды, несложной беседы, оказания развлекательных услуг, услуг-консьержа [5]. И, наконец, последняя идея заключается в оснащении каждого номера 3D-принтерами, которые позволят создавать необходимые предметы в реальной жизни: одежда, гаджеты, лекарства и др. Более того, активно прогнозируется возникновение 3D-шоппинга – у постояльцев гостиницы появится возможность скачивать из облачных хранилищ разработанные заранее продукты и печатать впоследствии на 3D-принтере. Таким образом, конкурентоспособность фирмы является очень обширным понятием, включающим множество показателей. Но важно отметить, что в рамках сферы гостеприимства наиболее весомым фактором можно назвать уровень привлекательности осуществляемых услуг, именно за счет которого и обозначается степень и возможность реализации большого количества потребностей и требований гостей.

Анализ конкурентоспособности компании открывает доступ к данным, используя которые, можно понять, что конкретно манит потребителя в услугах рассматриваемого отеля и в чем именно опережают данное предприятие конкуренты. Важно отметить, что в настоящее время нельзя назвать какой-либо единый метод оценки конкурентоспособности организации [6]. Насчитывается большое число подходов, позволяющих провести анализ, и каждая отдельная фирма склоняется к наиболее подходящему именно для ее специфики функционирования. Что касается вариантов роста конкурентоспособности компании в сфере гостеприимства, то необходимо сказать, что в рамках отельного бизнеса обязательным является инновационный подход, который может проявляться в применении новейших технологий, внедрении новой услуги и т.д. [7]. При этом наиболее эффективным способом увеличения конкурентоспособности гостиницы можно назвать реализацию нового направления работы касательно осуществляемых услуг, поскольку отель, начинающий первым свою деятельность на рынке, характеризуется отсутствием конкурентов, создает спрос и устанавливает перечень услуг и цены на них.

Важно отметить, что в 2019 году сфера гостеприимства региона увеличилась на 3%. Рост гостиничного рынка начал фиксироваться с 2010 г. Однако, если темпы роста в 2011 году характеризовались 11%, в 2012 году – 21%, то 2013 год уже нес за собой снижение развития. В целом общий объем рынка гостеприимства в Ростове вырос с 1,3 млрд в 2011 г. до 1,98 млрд в 2019 г. [8].

Несмотря на то, что туристический сегмент города за последние годы все же активно растет, следует отметить, что более интенсивному развитию препятствуют такие причины, как низкий

уровень городской и гостиничной инфраструктуры и шаткое положение программы модернизации туризма в регионе.

Отметим, что ситуацию на рынке гостиничных услуг значительно изменил Чемпионат Мира по футболу, прошедший в 2018 г. С одной стороны, данное мероприятие способствовало увеличению количества рыночных агентов за счет появления на гостиничном рынке г. Ростов-на-Дону крупных отелей. Так, еще в 2014 г. была открыта гостиница категории 4 звезды международной сети «Меркур». Помимо нее в эксплуатацию за период 2017–2018 годов были введены пять отелей категории 4 звезды: «Графский Парк», «Hotel De Art 13», «ОТЕЛЬ Авангард», «Парк-отель Либхабер» и «Старый Город». Кроме того, Чемпионат Мира привнес в ростовскую гостиничную инфраструктуру два отеля категории 5 звезд: «Бутик Отель 39» и «Radisson Blu Hotel Rostov-on-Don», принадлежащий международной отельной сети. Однако с другой стороны, по прошествии мероприятия, управляющие ростовских гостиниц отмечают кардинальные трансформации в отрасли за счет значительного увеличения числа отелей и уменьшения размера выездного потока после окончания Чемпионата Мира. В итоге, значительной проблемой в настоящее время становится острая конкуренция между гостиничными предприятиями. Ситуация усугубляется тем, что в период мероприятия начало функционировать большое число миниотелей в центральной части Ростова, ведущие низкую ценовую политику. В результате, более крупные предприятия попадают в ситуацию вынужденного снижения цен.

Исходя из особенностей системы обслуживания, целей функционирования, назначения и других параметров, Ростов-на-Дону характеризуется наличием следующих видов средств размещения: отель, мотель, гостиница, гостевой дом, парк-отель, апартамент-отель, минигостиница, бутик-отель, хостел и др. Благодаря использованию сайта было выявлено, что в городе функционирует 648 гостиниц, при этом их структуру можно увидеть на рис. 3.

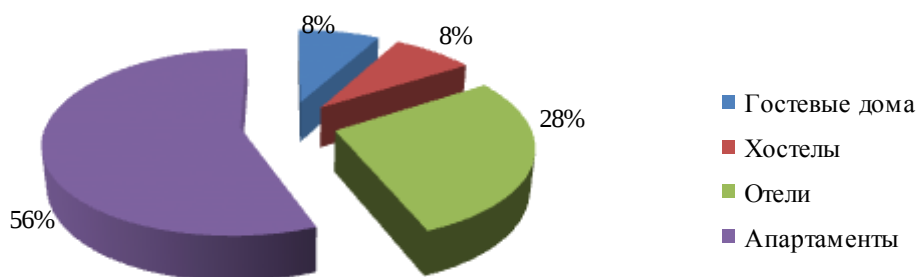

Рис. 3. Структура рынка сферы гостеприимств г. Ростова-на-Дону по виду размещения

Делая вывод по диаграмме, можно увидеть, что явный тренд появления апартаментов характерен и для нашего города: на них приходится 54,5%, на хостелы – 8,2%. Не секрет, что путешественников привлекает сравнительно небольшая стоимость пребывания, однако необходимо учитывать, что с правовым статусом данных средств размещения пока не до конца установлен. Именно поэтому отели представляют собой надежный и типичный способ временного проживания с досугом и регистрацией. Итак, на сегодняшний день в г. Ростов-на-Дону функционируют 180 отелей с номерным фондом около 2 500 номеров. Структура рынка отельного бизнеса в зависимости от сертификации по системе звезд представлена на рис. 4.

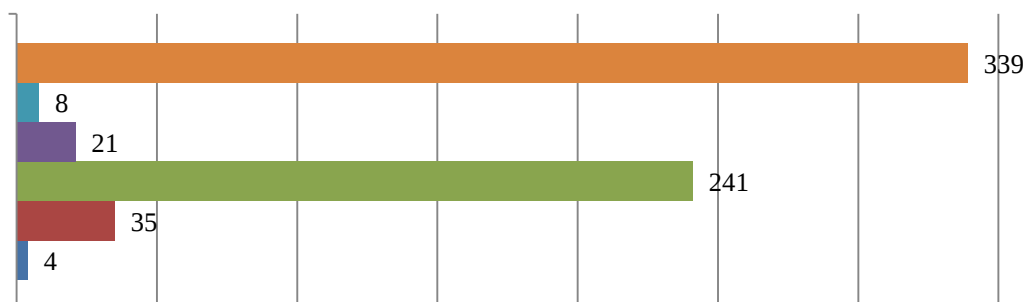

Рис. 4. Структура рынка сферы гостеприимств г. Ростова-на-Дону в зависимости от сертификации по системе звезд

Согласно диаграмме, 47% от всех отелей составляют гостиницы категории «без звезд», при этом в период активного сезона заполняемость колеблется между 85% и 90%, пассивного – 50-55%.

На 2-ух и 3-ех звездочные отели приходится 34% от общего числа отелей: в активный период загрузка номерного фонда составляет 75-80%, в пассивный – 40-45%. Отели категории 4 звезды – 14%: в активный период загрузка – 65-75%, в пассивный – 35%. Что касается средней цены номера, то для четырех звездочной гостиницы она составляет 3 575 рублей. И, наконец, на долю отелей с категории 5 звезд приходится 2% от общего числа гостиничных предприятий. Загрузка номерного фонда в активный период составляет 65%, в пассивный – 30-35%; средняя цена – 6 500 рублей.

Важно отметить, что портрет гостя г. Ростова-на-Дону можно охарактеризовать как бизнес-турист. Это связано с тем, что в городе реализуется большое количество инвестиционных проектов, запускается множество филиалов крупных компаний и регулярно осуществляются научные конференции и деловые встречи. В связи с этим лето для ростовских отелей – низкий сезон. Поскольку практически все отели Ростова нацелены преимущественно на деловые поездки, можно выявить их схожие слабые и сильные стороны. Для этого можно применить метод SWOT-анализа, позволяющий выявить внешние и внутренние условия функционирования отельного бизнеса. В табл. 1 представлен SWOT-анализ отелей г. Ростов-на-Дону

Таблица 1

SWOT-анализ отелей г. Ростов-на-Дону

Сильные стороны	Слабые стороны
Большой ассортимент предоставляемых услуг	Низкая степень информирования и маркетингового продвижения
Хорошая репутация и имидж	Слабая адаптация к рыночным изменениям
Высокий уровень сервиса	Старые технологии
Удобная геолокация	
Возможности	Угрозы
Рост границ влияния	Падение спроса со стороны потребителей
Расширение целевой аудитории	Рост числа конкурентов
Возрастание частоты посещения отелей гостями	Высокие барьеры входа на новые рынки
Внедрение инноваций и новых технологий в системе обслуживания клиентов	Экономический кризис и падение благосостояния населения

Таким образом, проведя SWOT-анализ гостиниц Ростова, можно сделать вывод, что предприятиям сферы гостеприимства города необходимо расширить число и разнообразить ассортимент предоставляемых услуг, поддерживать уровень репутации и высокое качество сервиса. Кроме того, отелям следует модернизировать информационные коммуникации, быть в курсе тенденций на рынке и регулярно обновлять технологическое сопровождение работы. При этом, эффективная деятельность в будущем может привести к появлению таких возможностей, как увеличение границ влияния, расширение аудитории потребителей и внедрение новых технологий в системе обслуживания и лояльности гостей.

Итак, все основные направления повышения конкурентоспособности представлены на рис. 5.

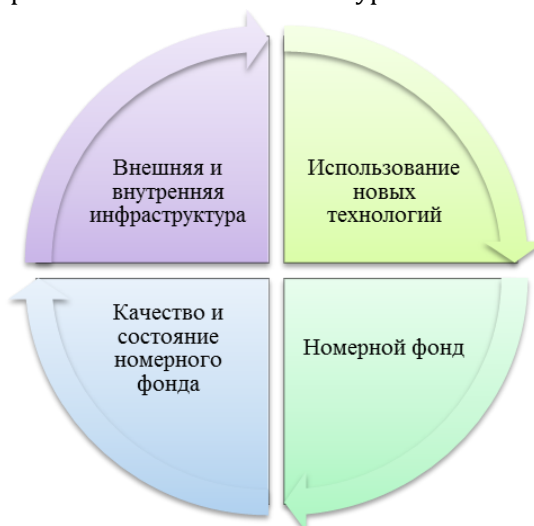

Рис. 5. Направления повышения конкурентоспособности гостиничного бизнеса

Определение конкурентоспособности является широким и многогранным, включающим в себя множество составляющих и зависящим от большого числа факторов. Однако в пределах предприятия сферы гостеприимства, главным критерием, иллюстрирующим степень конкурентоспособности, является уровень привлекательности оказываемых услуг, позволяющий удовлетворить

весь спектр потребностей целевой аудитории. Анализ конкурентоспособности организации дает возможность оценить на глубинном уровне, какие требования предъявляет гость к услугам конкретного отеля и в каких сегментах конкуренты обладают опережающими характеристиками. Основной целью анализа является совершенствование выявленных проблемных аспектов деятельности организации с перспективой роста ее конкурентоспособности.

Литература

1. Дынник Д.И., Белозубов И.Н. Кластерная модель развития инновационной экономики / В сборнике: Сотрудничество без границ. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию Донецкого филиала Института управления, бизнеса и права. Донецк, 2014. С. 234 – 240.
2. Курилова Л.М., Дынник Д.И. Проблемы эффективности налоговой политики региона (на примере Ростовской области) // Ученые записки Института управления, бизнеса и права. Серия: Экономика. 2017. № 5. С. 264 – 279.
3. Дынник Д.И. Формирование оценки эффективности деятельности региональных органов исполнительной власти при проектном подходе управления // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2018. Т.4. № 1. С. 32 – 42.
4. Брюханова Н.В., Дынник Д.И. Социально-экономическое положение монопрофильного муниципального образования // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2018. Т.4. № 1. С. 16 – 21.
5. Брюханова Н.В., Дынник Д.И. Проблемы и перспективы развития сферы туризма в условиях цифровой экономики / В сборнике: Вопросы формирования и проблемы реализации национальной технологической инициативы в регионах. Сборник докладов участников I международной научно-практической конференции. Ростов н/Д., 2019. С. 276 – 279.
6. Лобас Ю.Н., Матвеева О.А. Мотивация научных работников в практике управления современной организации / В сборнике: Транспорт: наука, образование, производство. Сборник научных трудов. Ростов н/Д., 2018. С. 244 – 247.
7. Лобас Ю.Н., Матвеева О.А. Профессиональная мобильность в науке и тенденции ее измерения // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2016. № 7-1 (19). С. 192 – 196.
8. Григорьева Н.С. Проблемы и перспективы развития туризма в Ростовской области // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 3 (106). С. 31 – 35.

Grigoryeva Natalia Stanislavovna, PhD, associate professor of the department Economy and Innovational Market Investigations, Southern University (IMBL) (33A/47, M. Nagibina Av., Rostov-on-Don, 344068, Russian Federation). E-mail: iubip502@yandex.ru

INCREASING COMPETITIVENESS OF HOTEL BUSINESSES OF ROSTOV REGION

Abstract

One of the most important categories in the economy is the concept of competitiveness, which characterizes the degree of superiority of a company in relation to competitors. In the modern world, the main reason and driving force of the ongoing search for directions of growth in the competitiveness of an enterprise is precisely competition. And due to the fact that the main goal of entrepreneurial activity, by definition, is to maximize profits, the issue of maintaining a high degree of competitiveness is definitely brought to the fore. The article presents the results of a study on the competitiveness of hotel business enterprises, identifies areas of improvement in the hospitality industry.

Keywords: *tourism, hospitality, competition, competitiveness, tourist flow, innovation, tourism industry entities, number of rooms, collaboration, digital technologies.*

References

1. Dynnik D.I., Belozubov I.N. Klasternaya model' razvitiya innovacionnoj ekonomiki / V sbornike: Sotrudnichestvo bez granic. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj 20-letiyu Doneckogo filiala Instituta upravleniya, biznesa i prava. Doneck, 2014. P. 234 – 240.
2. Kurilova L.M., Dynnik D.I. Problemy effektivnosti nalogovoj politiki regiona (na primere Rostovskoj oblasti) // Uchenye zapiski Instituta upravleniya, biznesa i prava. Seriya: Ekonomika. 2017. № 5. P. 264 – 279.
3. Dynnik D.I. Formirovanie ocenki effektivnosti deyatel'nosti regional'nyh organov ispolnitel'noj vlasti pri proektnom podhode upravleniya // Intellektual'nye resursy – regional'nomu razvitiyu. 2018. T.4. № 1. P. 32 – 42.
4. Bryuhanova N.V., Dynnik D.I. Social'no-ekonomicheskoe polozhenie monoprofil'nogo municipal'nogo obrazovaniya // Intellektual'nye resursy – regional'nomu razvitiyu. 2018. T.4. № 1. S. 16 – 21.
5. Bryuhanova N.V., Dynnik D.I. Problemy i perspektivy razvitiya sfery turizma v usloviyah cifrovoj ekonomiki / V sbornike: Voprosy formirovaniya i problemy realizacii nacional'noj tekhnologicheskoy iniciativy v regionah. Sbornik dokladov uchastnikov I mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Rostov n/D., 2019. P. 276 – 279.
6. Lobas YU.N., Matveeva O.A. Motivaciya nauchnyh rabotnikov v praktike upravleniya sovremennoj organizacii / V sbornike: Transport: nauka, obrazovanie, proizvodstvo. Sbornik nauchnyh trudov. Rostov n/D., 2018. P. 244 – 247.
7. Lobas YU.N., Matveeva O.A. Professional'naya mobil'nost' v nauke i tendencii ee izmereniya // Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ekonomika, nauka, tekhnologii. 2016. № 7-1 (19). P. 192 – 196.
8. Grigor'eva N.S. Problemy i perspektivy razvitiya turizma v Rostovskoj oblasti // Nauka i obrazovanie: hoz-yajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2019. № 3 (106). P. 31 – 35.

**СТИМУЛЫ И ПРЕПЯТСТВИЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА
В ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЕ КОРПОРАЦИИ****Жуков****Павел****Владимирович**

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика
и менеджмент», Донской государственной технической
университет (344000, Россия, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1).
E-mail: zhukovpv@bk.ru

Аннотация

В статье представлена роль транснациональных компаний в движении капиталов. Приведен ряд факторов, способствующих движению капитала. Обозначены основные причины миграции капитала. Рассмотрены теоретические механизмы мобилизации инвестиций в России. В качестве примера приведены наиболее успешные, согласно международному рейтингу, российские транснациональные промышленные корпорации нефтегазовой специализации.

Ключевые слова: транснациональные торгово-промышленные корпорации, российская экономика, мировое хозяйство, движение капитала, прямые иностранные инвестиции, миграция капитала, стимулы вывоза капитала, механизмы привлечения инвестиций, внешнеэкономическая деятельность, инвестиционный климат.

На сегодняшний день мировые инвестиции – это один из наиболее эффективных механизмов достижения целей всех стран. Ускорение процесса глобализации мировой экономики со временем приведет к устранению всех таможенных политических барьеров движению капиталов, мир станет единым рынком для всех стран [1].

Особую роль в движении капиталов играют транснациональные компании, и их действия подчинены своей логике и часто идут вразрез с общемировой экономической стратегией. По своей сути они действуют как отдельные государства, и даже по своим экономическим возможностям превосходят отдельные государства, так, к примеру, общий бюджет компании «Apple» превышает совокупный бюджет России¹.

Субъектами движения капитала в мировом хозяйстве и источниками его происхождения являются:

- частные коммерческие структуры;
- государственные, международные экономические и финансовые организации.

В свою очередь, к факторам, которые способствуют движению капитала, можно отнести следующие:

- глобализация производства;
- вклад ТНК в дочерние предприятия;
- финансовые организации регулируют поток капитала;
- международные соглашения уклонение от двойного налогообложения [2–3].

Что касается движения капитала, то его использование осуществляется в следующих формах:

- прямых инвестиций в промышленные, торговые и другие предприятия;
- портфельных инвестиций;
- среднесрочных и долгосрочных международных кредитов ссудного капитала промышленным и торговым корпорациям, банкам и другим финансовым учреждениям;
- экономической помощи;
- бесплатных (льготных) кредитов².

В процессах взаимодействия с разными странами для получения благоприятного инвестиционного режима транснациональные торгово-промышленные корпорации активно вовлечены в деятельность официальных, смешанных и частных механизмов управления глобальными экономическими процессами.

Особенности такого вовлечения определяются спецификой соответствующих механизмов, основные черты которых можно суммировать следующим образом:

1. В работе официальных механизмов полноправное участие принимают только государственные акторы мировой политики, которые и выступают в качестве субъектов принятия решений, связанных с регулированием мировой экономики.

¹ Теории международной торговли. Глобальные проблемы мировой экономики [Электр. ресурс] – URL: <https://textbooks.studio/mirovaya-ekonomikauchebnik/formyi-vyivoza-kapitala.html> (дата обращения: 03.10.19).

² Портал EREPORT.RU. Мировая экономика. Капитал. Формы международного движения капитала [Электронный ресурс] — URL: <http://www.ereport.ru/articles/mirecon/capital.htm> (дата обращения: 23.09.19).

2. В рамках смешанных механизмов имеет место партнерство государственных акторов с негосударственными, представляющими бизнес-сектор и силы гражданского общества.

3. Частные механизмы регулирования глобальных экономических процессов не предусматривают участия разных государств и международных правительственных организаций и связаны с реализацией инициатив корпораций (в т.ч. корпоративных программ социальной ответственности и отраслевых кодексов бизнес-поведения) и субъектов гражданского общества (к примеру, проектов глобального мониторинга коррупции и соблюдения базовых прав человека, в т. ч. в трудовой сфере).

Таким образом, можно сказать, что решения самих транснациональных торгово-промышленных корпораций имеют ключевое значение для «запуска в действие» соответствующих механизмов.

Следует также отметить, что международное движение капиталов является перекрестным процессом, связывающим все государства, при этом одна и та же страна может выступать и как инвестором, так и получателем инвестиций [4].

К основным причинным факторам миграции капитала относятся:

1. Разница в экономическом развитии стран (несовпадение спроса на капитал и его предложения).
2. Различие в норме прибыли (разное налоговое законодательство в странах, выгоднее инвестировать страны с меньшими налогами).
3. Экономическое и политическое положение в стране, влияющее на риски инвестиций.
4. Стремление усвоить передовой технический опыт тех стран, куда вкладываются средства.
5. Развитие производства товара ближе к потребителю. К примеру, вкладывая средства в автомобильную промышленность в России, инвестор сокращает затраты на транспортные расходы, поскольку автомобили отечественной сборки также пользуются в России достаточно большим спросом.
6. Преодоление внешнеторговых барьеров, к примеру, инвестирование в производство автомобилей в России выгоднее, чем экспорт автомобилей из-за рубежа, т.к. не облагается налогами.
7. Стремление завоевать и укрепиться на новых рынках.
8. Диверсификация, минимизация рисков (вложение денежных средств в разные производства, в разных странах, страхует от непредвиденных обстоятельств).
9. Снижение издержек (в странах с благоприятным инвестиционным климатом гораздо дешевле рабочая сила, налоговая нагрузка, экологические требования и т.д.) [5].

Также к основным причинам, стимулирующим вывоз капитала, следует отнести следующие:

- глобализация, растущая взаимосвязь и взаимодополняемость национальных экономик;
- международное производственное кооперирование, вложения транснациональных торгово-промышленных корпораций в дочерние компании, обеспечивающее замкнутый производственный цикл внутри компании, когда разные производства размещены по всему миру, в разных странах, но объединены в одну технологическую цепочку;
- стремление развивающихся стран привлечь инвестиционные средства;
- международные соглашения и организации (к примеру, ВТО) ослабляющие таможенные барьеры между странами [6].

Мировая система хозяйствования располагает внушительным набором экономических рычагов, способных коренным образом трансформировать российскую экономику. Однако наиболее прогрессивным инструментом считаются иностранные инвестиции, активное привлечение которых стимулирует рост экономического потенциала регионов страны и обеспечивают интенсивность перехода к конкурентоспособной модели их развития [7–8]. Проблема привлечения инвестиций дала толчок разработке и внедрению комплекса мер, систем, действий, способных обеспечить их стабильный приток.

Государственные механизмы привлечения инвестиций подразумевают наличие схем и программ привлечения финансовых средств, а также меры поддержки предпринимательской активности. Частные же механизмы функционируют в рамках деятельности частных структур и организаций, обеспечивающих денежные поступления в экономику [9].

В обозначенном контексте большое значение приобретает рассмотрение следующих теоретических механизмов мобилизации инвестиций в России:

1. Механизмы обеспечения финансирования. Такие механизмы обеспечивают венчурное, акционерное, проектное и бюджетное финансирование.
2. Системы и организации, которые оказывают содействие притоку инвестиций, такие как государственные институты развития, Торгово-промышленная палата РФ.
3. Содействие со стороны государства. К подобным мерам поддержки относятся государственные гарантии, специальные экономические зоны, налоговые льготы [10].

В условиях современной экономики иностранные инвестиции способны существенно скорректировать экономический потенциал России и развить новые сравнительные преимущества.

Традиционный интерес иностранных инвесторов проявляется к таким отраслям и видам деятельности в российской экономике, как обрабатывающая промышленность, оптовая и розничная торговля и финансовая деятельность.

Следует сказать, что ситуация, сложившаяся на сегодняшний день в экономике России, требует нового подхода к формированию механизма привлечения иностранных инвестиций в ТНК.

Достижение устойчивого роста российской экономики возможно обеспечить на основе стимулирования инновационной активности отечественных компаний с привлечением иностранных инвесторов к реализации совместных проектов в стратегически значимых сферах экономики. В современных условиях отсутствие желания иностранных инвесторов направлять свои инвестиции в российскую экономику связано как с политическими рисками, так и с проблемами правового регулирования предпринимательской и хозяйственной деятельности в целом, в том числе с несовершенством правоприменительной практики, нестабильностью российской валюты, ограничительными экономическими мерами со стороны США, Канады, Европейского Союза, Японии, наличием пробелов в действующем законодательстве о прямых иностранных инвестициях.

Привлечение иностранных инвестиций в экономику России требует применения комплексного подхода к созданию условий и организации и ведения бизнеса как на макро-, так и на мезо- и микроуровнях, т.е. предполагает согласованную работу государственных органов власти, региональных структур и предприятий в направлении формирования инвестиционного климата и инвестиционного потенциала с учетом приоритетов экономики России.

Основное внимание при этом следует уделить разработке методов и инструментов стимулирования инвестиционных процессов в форме привлечения прямых иностранных инвестиций, способных обеспечить приток в национальную экономику финансовых ресурсов и инновационных технологий. Более того, особое внимание требует разработка методов и инструментов, обеспечивающих контроль и надзор за деятельностью иностранных инвесторов на территории России, что связано с необходимостью организации валютного контроля и валютного регулирования за деятельностью иностранных компаний-инвесторов в сфере сотрудничества с российскими предприятиями, развивающими внешнеэкономическую деятельность и осуществляющими поставку производимой продукции на рынки зарубежных стран [11].

Привлечение иностранных инвестиций в национальную экономику имеет особое значение в стратегически значимых сферах, что в первую очередь включает внешнеэкономическую деятельность российских корпораций, активно производящих и реализующих свою продукцию на зарубежных рынках. К тому же особое внимание для привлечения иностранных инвестиций в российскую экономику следует уделить созданию институционально-организационных элементов, направленных на решение ряда вопросов в сфере нормативно-правового регулирования инвестиционных процессов как на макроуровне, на мезоуровне (уровне регионов), и на микроуровне (в деятельности отдельных компаний).

Поддержка инвестиционной деятельности зависит от целей, которые государство ставит перед собой в развитии приоритетных отраслей и предприятий. На данный момент наиболее привлекательными для внедрения иностранных инвестиций являются: топливно-энергетический сектор, фармацевтическая и химическая промышленность, биотехнологии, информационно-коммуникационные технологии, транспортное машиностроение, агропромышленный комплекс, производство продуктов питания.

Среди негативных факторов, отрицательно повлиявших на объем инвестиций в российские торгово-промышленные корпорации, следует выделить наиболее значимые:

- снижение инвестиций в связи с завершением крупных инвестиционных проектов;
- высокий уровень коррупции и неправомерного использования выделенных средств;
- сложность ведения бизнеса и санкции.

Некоторое восстановление притока ПИИ в российскую экономику началось во втором квартале 2018 года (ПИИ увеличились на 7115 млн. долларов), в 2019 году также наблюдался их положительный рост.

Окупаемость проектов в России может быть и в 1,5-2,5 раза быстрее, чем в Европе. На Западе очень сложно реализовать проекты недвижимости с доходностью 10-12%, а в России это вполне реально. В первую очередь, Россия привлекательна для иностранцев с точки зрения размещения производства. За последние несколько лет рабочая сила в России заметно подешевела. К тому же у России есть хороший потенциал с точки зрения сырья. Иностранные инвесторы рассчитывают на оживление экономического роста и потребительского спроса в России после длительного спада. Как отмечает «Bloomberg», сейчас инвесторы пересмотрели свои прогнозы за 2019 год с учетом ожиданий снижения ключевой ставки, роста цен на сырье и возможного постепенного снятия санкций США и ЕС.

Хотя российские ТНК на сегодняшний день находятся преимущественно на стадии укрепления своих позиций, но многие экономисты отмечают потенциальную возможность навязать конкурентную борьбу зарубежным гигантам в случае совершенствования условий ведения бизнеса. Говоря о российских ТНК, важно отметить, что большинство из них имеют сырьевую направленность, что обуславливается природно-географическими факторами, в частности, наличием запасов полезных ископаемых различных видов на территории России.

Так, к примеру, по данным списка Forbes Global 2000, для составления которого анализируются такие показатели, как выручка и прибыль организации, капитализация и активы, в 2018 году наиболее успешной российской транснациональной корпорацией оказалась транснациональная промышленная корпорация газовой отрасли – ПАО «Газпром», занявшая 43 позицию. Кроме того, в данном списке представлены такие отечественные корпорации, как ПАО НК «Роснефть» и ПАО НК «Лукойл». Таким образом, компании нефтегазовой специализации действительно успешно конкурируют с зарубежными ведущими транснациональными корпорациями, однако менее развитые технологии и недостаток научно-исследовательских и оптово-конструкторских работ не позволяют отечественным корпорациям топливно-энергетического комплекса продвигаться вперед [12].

Согласно данным РиаРейтинг – универсального рейтингового агентства медиагруппы «Россия сегодня», которое специализируется на оценке социально-экономического положения регионов РФ, экономического состояния компаний, отраслей экономики, а также банков страны, в рейтинге инвестиционно-привлекательных промышленных корпораций расположились следующие российские транснациональные компании: «НОВАТЭК», «Норильский никель», «Газпром нефть», «Татнефть», «Сургутнефтегаз» и международная сталелитейная компания «НЛМК» («Новолипецкий металлургический комбинат»).

На Петербургском международном экономическом форуме привели данные ежегодного исследования аудиторско-консалтинговой сети ЕУ «Инвестиционная привлекательность стран Европы за 2018 год». Россия заняла девятое место среди десяти европейских стран, наиболее привлекательных для иностранных инвестиций. Согласно исследованию, впервые с 2013 года, США возглавили рейтинг, инвестирующих в Россию, стран. В общей сложности зарубежные инвесторы вложили средства в 211 проектов на территории РФ.

Факторами привлекательности зарубежных инвестиций, к примеру, в 2018 году аналитики аудиторско-консалтинговой сети ЕУ называют низкую инфляцию и некоторое ускорение экономического и, соответственно, промышленного роста. По их мнению, стабилизация роста цен в пределах 4% в год делает возможным долгосрочное планирование.

Дальнейшие перспективы инвестиций в Россию на Петербургском международном экономическом форуме будут обсуждаться на встречах Президента РФ В.В. Путина с главами крупнейших мировых инвестиционных компаний, которые совокупно управляют капиталом свыше 15 трлн долл.

К 2019 году Россия поднялась в рейтинге Doing Business, составляемый группой Всемирного банка, на четыре ступени, заняв в нем 31 место среди 190 стран. При этом еще шесть лет назад страна занимала позиции в середине рейтинга. Мировые экономисты-эксперты в своей аналитике отмечают улучшение инвестиционного климата, упрощение процедур легализации для ведения бизнеса, сокращение бюрократических процедур и проверок, а также повсеместное внедрение электронной документации и «единого окна».

Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» поставлена глобальная цель по осуществлению прорывного развития России в научно-технологической и социально-экономической сферах, в том числе за счет реализации масштабных инвестиционных проектов. Такой результат можно достигнуть за счет наличия востребованной бизнесом эффективно функционирующей инфраструктуры, и с учетом комфортных условий для осуществления деятельности ТНК.

Таким образом, на сегодняшний день существует безусловная необходимость в привлечении иностранного капитала в деятельность российских корпораций. Это создаст конкурентные преимущества транснациональных торгово-промышленных корпораций, а также будет служить стимулом развития экономики и промышленности России.

Литература

1. Шмелева Е.С., Ромашова И.А., Синева Н.А., Яшкова Е.В. Международное движение капитала: сущность, структура, динамика // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. № 5. С. 182 – 187.
2. Булатов А. Международное движение капитала [Электронный ресурс] – URL: <http://www.mirec.ru/2014-03/mejdunarodnoe-dvijenie-kapitala> (дата обращения: 01.09.18).

3. Поляков В.В., Щенин Р.К. Мировая экономика и международный бизнес. Экспресс-курс. М.: КноРус, 2015. 278 с.
4. Мировая экономика и международные экономические отношения: современное состояние, проблемы и основные тенденции развития: уч. пособие / Е.Д. Фролова [и др.]: под общ. ред. Е.Д. Фроловой, С.А. Лукьянова. - Екатеринбург: УрФУ, 2016. 184 с.
5. Соркин М. Капитализм и его этапы [Электронный ресурс] – URL: <https://ledokol-ledokol.livejournal.com/61064.html> (дата обращения: 15.07.19).
6. Ивасенко А.Г., Никонова Я.И. Мировая экономика. М.: КноРус, 2014. 640 с.
7. Поздняков К.К. Теоретические основы механизма привлечения иностранных инвестиций в регионы РФ и обоснование их практической применимости: монография. – USA: Lulu Press INC, 2015. 174 p.
8. Поздняков К.К. Построение эконометрической модели с целью определения основных факторов, влияющих на региональную инвестиционную активность // Высшая школа. 2015. № 19. С. 4 – 9.
9. Поздняков К.К. Предложения по созданию и улучшению региональной экосистемы социального предпринимательства // Вопросы экономических наук. 2015. № 6 (76). С. 67 – 69.
10. Поздняков К.К. Комплексная оценка инвестиционной привлекательности и инвестиционной активности российских регионов: методика определения и анализ взаимосвязей // Вопросы экономических наук. 2004. № 2 (6). С. 96 – 101.
11. Никулина О.В., Волошина А.Б. Особенности влияния экономического кризиса на развитие системы международных расчетов участников сферы международного бизнеса // Экономика и предпринимательство. 2017. № 3-2 (80-2). С. 157 – 162.
12. Сидоренкова А.Л. Российские транснациональные корпорации на мировом рынке // Вектор экономики. 2019. №6 <http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2019/6/worlddeconomy/Sidorenkova.pdf>.

Zhukov Pavel Vladimirovich, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Economics and Management Department, Don state technical university (1, Gagarin Square, Rostov-on-Don, 344000, Russian Federation). E-mail: zhukovpv@bk.ru

INCENTIVES AND OBSTACLES TO ATTRACTING FOREIGN CAPITAL IN TRANSNATIONAL TRADE AND INDUSTRIAL CORPORATIONS

Abstract

This article presents the special role of multinational companies in the movement of capital. The factors that contribute to the movement of capital are given. The main causative factors of capital migration are identified. The theoretical mechanisms of investment mobilization in Russia are considered. As an example, the most successful, according to the international rating, Russian transnational industrial corporations of oil and gas specialization are given.

Keywords: *transnational trade and industrial corporations, the Russian economy, the world economy, capital flows, foreign direct investment, capital migration, incentives for the export of capital, mechanisms for attracting investment, foreign economic activity, the investment climate.*

References

1. SHmeleva E.S., Romashova I.A., Sineva N.A., YAshkova E.V. Mezhdunarodnoe dvizhenie kapitala: sushchnost', struktura, dinamika // Innovacionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya. 2018. № 5. P. 182 – 187.
2. Bulatov A. Mezhdunarodnoe dvizhenie kapitala [Elektronnyj resurs] – URL: <http://www.mirec.ru/2014-03/mejhdunarodnoe-dvijenie-kapitala> (data obrashcheniya: 01.09.18).
3. Polyakov V.V., SHCHenin R.K. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyj biznes. Ekspress-kurs. M.: KnoRus, 2015. 278 p.
4. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye ekonomicheskie otnosheniya: sovremennoe sostoyanie, problemy i osnovnye tendencii razvitiya: uch. posobie / E.D. Frolova [i dr.]: pod obshch. red. E.D. Frolovoj, S.A. Luk'yanova. - Ekaterinburg: UrFU, 2016. 184 p.
5. Sorkin M. Kapitalizm i ego etapy [Elektronnyj resurs] – URL: <https://ledokol-ledokol.livejournal.com/61064.html> (data obrashcheniya: 15.07.19).
6. Ivasenko A.G., Nikonova Y.A.I. Mirovaya ekonomika. M.: KnoRus, 2014. 640 p.
7. Pozdnyakov K.K. Teoreticheskie osnovy mekhanizma privlecheniya inostrannyh investitsij v regiony RF i obosnovanie ih prakticheskoy primenimosti: monografiya. – USA: Lulu Press INC, 2015. 174 p.
8. Pozdnyakov K.K. Postroenie ekonometricheskoy modeli s cel'yu opredeleniya osnovnyh faktorov, vliyayushchih na regional'nuyu investicionnuyu aktivnost' // Vysshaya shkola. 2015. № 19. P. 4 – 9.
9. Pozdnyakov K.K. Predlozheniya po sozdaniyu i uluchsheniyu regional'noj ekosistemy social'nogo predprinimatel'stva // Voprosy ekonomicheskikh nauk. 2015. № 6 (76). P. 67 – 69.
10. Pozdnyakov K.K. Kompleksnaya ocenka investicionnoj privlekatel'nosti i investicionnoj aktivnosti rossijskikh regionov: metodika opredeleniya i analiz vzaimosvyazey // Voprosy ekonomicheskikh nauk. 2004. № 2 (6). P. 96 – 101.
11. Nikulina O.V., Voloshina A.B. Osobennosti vliyaniya ekonomicheskogo krizisa na razvitie sistemy mezhdunarodnyh raschetov uchastnikov sfery mezhdunarodnogo biznesa // Ekonomika i predprinimatel'stvo. 2017. № 3-2 (80-2). P. 157 – 162.
12. Sidorenkova A.L. Rossijskie transnacional'nye korporacii na mirovom rynke // Vektor ekonomiki. 2019. №6 <http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2019/6/worlddeconomy/Sidorenkova.pdf>.

КЛАССИФИКАЦИЯ ФАКТОРОВ РИСКА ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Капустина Надежда Валерьевна	доктор экономических наук, профессор, Российский университет транспорта (127994, Россия, г. Москва, ул. Образцова, 9). E-mail: kuzminova_n@mail.ru
Ступникова Елена Анатольевна	кандидат экономических наук, доцент, Российский университет транспорта (127994, Россия, г. Москва, ул. Образцова, 9). E-mail: stupnikovaeva@ya.ru
Оленина Ольга Анатольевна	кандидат экономических наук, доцент, Российский университет транспорта (127994, Россия, г. Москва, ул. Образцова, 9). E-mail: oleninaolga@mail.ru
Герасимов Михаил Михайлович	кандидат экономических наук, доцент, Российский университет транспорта (127994, Россия, г. Москва, ул. Образцова, 9). E-mail: germihmih@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуются подходы к определению и сущности рисков и факторов риска проектов развития и строительства транспортной инфраструктуры. Рассмотрены подходы к классификации факторов риска инвестиционных проектов развития транспортной инфраструктуры и предложен авторский подход к данному вопросу.

Ключевые слова: *строительство транспортной инфраструктуры, факторы риска, инвестиционный проект, развитие, классификация, инвестиционные проекты, процесс управления, реализация проекта, риск-менеджмент.*

В условиях трансформации рыночной экономики реальное существование факторов риска субъектов хозяйственной деятельности и пересекающихся с рассматриваемыми факторами трудовыми, моральными, временными, материальными, административными и других видов потерь является неизбежным моментом в процессе организации процесса строительства на всех стадиях и этапах транспортного инвестиционного строительного проектирования. Необходимым является акцентирование своего внимания на том факте, что «риск случайного повреждения или случайной порчи движимого или недвижимого имущества должен возлагаться на собственника данного конкретного имущества, если другая ответственность не прописана в контракте или законе» (ГК, ст. 211).

Следует также отметить, что в итоге развития информационно-транспортных коммуникаций количество вероятных отрицательных событий все только будет увеличиваться и нарастать. Максимальный уровень ответственности в процессе управления и реализации монтажно-строительных и других видов работ в процессе реализации инвестиционного строительного проекта всегда лежит на подрядчике, так как именно он и несет всю полную ответственность за возведение объекта строительства.

Научные исследовательские работы по исследуемой проблематике в достаточной активной форме осуществляются во всем мире с устоявшейся и развивающейся рыночной экономикой. Например, в США в 1960-х гг. такие ученые, как Б. Хеджер, Р. Мер, Т. Мос предложили комплексную теорию рисков коммерческого предприятия. Также стоит затронуть особый значимый вклад в эту область знаний западных известных авторов: У. Андерсона, У. Тинга, С. Стоуна, У. Арсура, Г. Магнуссона и др.

В отечественной практике данная проблема начала изучаться сравнительно недавно, примерно в последние 30–35 лет. Российские исследователи сосредоточили свое внимание на анализе и изучении данных проблем лишь в период трансформации экономики и развития рыночных отношений в РФ. К их числу стоит отнести – В.И. Авдийский, А.П. Альгин, И.Т. Балабанов, В.М. Бездежных, П.Г. Грабовый, Ю.Ю. Кинев, Г.Б. Клейнер, Р.М. Качалов, Л. Скамай, В.Д. Шапиро и др. В российской исследовательской практике в последнее время количество публикаций возросло. Все они отражают различные стороны риска в определенных условиях хозяйствования, однако, не достаточно много можно найти обобщающих теоретических исследовательских трудов, которые подробно раскрывают истинную суть анализа, оценки и управления факторами риска развития и строительства транспортной инфраструктуры.

В настоящее время само понятие «риск» применяют во многих социальных, общественных и естественных науках. Следовательно, риск можно определить, как междисциплинарный объект научного исследования.

Многие исследователи под риском подразумевают возможности наступления определенных неблагоприятных событий, которые могут повлечь за собой потери различного характера [9]. С.И. Ожегов в словаре русского языка в общем толковании характеризует риск как возможную опасность, действие на удачу, в надежде на счастливый исход [12]. Отраженные в этих исследованиях трактовки можно охарактеризовать как в достаточной степени общие и их можно использовать относительно любой из сфер человеческой активности. Исходя из целей исследования, авторы в основном заинтересованы факторами риска развития и строительства транспортной инфраструктуры. В трактовке понятия «риск», рассмотренным С.И. Ожеговым, слова «надежда на счастливый исход», «возможная опасность» отражают вероятностный характер явления и понятия «риск».

В результате, стоит отметить, что в современных экономических исследованиях отражено большое количество трактования риска, от «риск как возможность случайного появления нежелательных расходов, оцениваемых в денежном эквиваленте» [13], до «риска как следствие бездействия или действий, результатом которых возникает реальная возможность получения неопределенных доходов различного характера, как положительных, так и отрицательных в отношении финансово-хозяйственного положения предприятия» [7].

С точки зрения заявленной тематики исследования следует рассмотреть более детально подходы к понятию инвестиционный риск. Так, например, В.М. Безденежных, В.И. Авдийский под инвестиционным риском подразумевают риск, обусловленный неопределенностями в инвестиционной сфере [4]. Предполагается, что обозначенные в данном определении неопределённости способны вызвать разнообразные отклонения в системе.

Другие авторы определяют инвестиционные риски мезоуровня и предлагают определять их как возможную вероятность снижения инвестиционного дохода или возникновения убытков, или нежелательных отклонений от реализации инвестиционного проекта, реализуемого на мезоуровне [2, с. 62–65].

Исходя из рассмотренных подходов к определению рисков, уточним понятие рисков в транспортном строительстве.

К определению рисков в транспортном и инфраструктурном строительстве следует относить негативные события и их размер в денежном эквиваленте, которые отражают сопровождающие их убытки или потери. Рассмотренные обстоятельства могут быть спровоцированы ошибками в процессе проектирования, недостатков в процессе обоснования необходимости строительства конкретных объектов, а также неэффективного менеджмента проекта на каждом из этапов проектного жизненного цикла. Следуя определению риска и в целях повышения эффективности управления ими, стоит определить сущность и конкретизировать понятие «фактор риска».

Под факторами риска понимают обстоятельства, при которых причинами риска могут являться и ведут к ситуациям риска [10]. Р.М. Качалов трактует рисковые факторы, как возмущающие действия и помехи, то есть такие рисковые события, которые при случае своего появления смогут вызвать нежелательные отклонения от планируемых результатов, то есть смогут повлиять на величину и возможности проявления нежелательных отклонений от целей деятельности хозяйствующего субъекта [6]. Представленное определение является характерным для реагирующего подхода к управлению факторами риска. В соответствии с данным определением рисковая ситуация наступает обязательно. Соответствуя современной концепции и специфики управления рисками транспортного строительства, риск-менеджмент должен носить превентивный характер, то есть устремляться к тому, чтобы данное рисковое событие не смогло наступить, или, его влияние было предсказуемыми и минимальным. Изучив предложенный подход, под фактором риска необходимо подразумевать те явления, при которых причины появления угроз и ситуации риска могут быть обнаружены и приведут (или не приведут) к нежелательным рисковым событиям и ситуациям [5].

В качестве системного элемента управления рисками строительства транспортной инфраструктуры следует определить, что такое индикатор риска. Понятие «индикатор риска» определяет собой инструмент, который может сигнализировать о возможном приближении или вероятности проявления рисковых событий, являясь индикатором возможного возникновения фактора риска транспортного строительства [5].

Инфраструктурное транспортное строительство, наряду с общими особенностями строительства, имеет ряд специфических особенностей, присущих линейно протяжённым объектам.

Анализировать и выделять риски при строительстве транспортной инфраструктуры на взгляд авторов следует, исходя из позиций жизненного цикла инвестиционного проекта.

В экономической литературе представлено множество подходов к классификации факторов риска. Часть авторов предлагают классифицировать инвестиционные риски на технологические,

финансовые, инвестиционные политические, законодательно-правовые [1]. Другие авторы дополняют перечисленные группы инвестиционных рисков техническими, рисками финансирования, социально-психологическими и информационными [3].

В отношении инфраструктурных инвестиционно-строительных проектов некоторые ученые предлагают выделять систематические и несистематические риски [8].

По мнению авторов данного исследования, помимо систематических и несистематических факторов риска, для инфраструктурных инвестиционно-строительных проектов следует рассматривать специфические риски, присущие только данной сфере и классифицировать их по фазам жизненного цикла проекта (табл. 1).

Таблица 1

**Классификация рисков при реализации инфраструктурного
инвестиционно-строительного проекта [составлено авторами]**

Фазы жизненного цикла инфраструктурного инвестиционно-строительного проекта	Виды рисков	Классификационное развитие
Прединвестиционная фаза	1. Риск некорректного определения объемов перевозок	1.1. Недооценка объемов перевозок 1.2. Переоценка объемов перевозок
	2. Проектные риски	2. 1. Риск получения отрицательного заключения экспертиз 2.2. Недостаточный уровень компетентности разработчиков технического задания 2.3. Недостаточный уровень компетентности разработчиков проектной документации
	3. Риск недостаточного нормативно-правового и методического обеспечения	3.1. Отсутствие актуальных нормативно-правовых актов и методического обеспечения, действующих на территории РФ 3.2. Несоответствие норм и правил Российского и международного законодательства
	4. Риск несистемности	4.1. Риск недооценки наличия «барьерных мест» 4.2. Опережающий рост объемов строительства жилищно-гражданского назначения
	5. Риски при согласовании территорий под строительство	5.1. Риск негативного отношения населения (возражения общественности при общественных слушаниях) 5.2. Археологические риски (риск выявления объектов археологического или культурного наследия на земельном участке) 5.3. Риск выбора неоптимального варианта в следствии противодействия собственников земельных участков строительству
Инвестиционная фаза	1. Финансовые риски	1.1. Риск недофинансирования (из-за финансовых проблем участников проекта) 1.2. Риск увеличения затрат в период строительства 1.3. Риск банкротства участников проекта
	2. Строительные риски	2.1. Риск снижения качества строительства 2.2. Риск увеличения сроков строительства 2.3. Риск несоблюдения проектных решений 2.4. Логистические риски (срыв поставок материалов)
	3. Политические риски (санкционные)	3.1. Риск выхода зарубежных партнеров из проекта 3.2. Риск отказа зарубежных партнеров в поставке материалов, оборудования

Эксплуатационная фаза	1. Риск дефицита квалифицированных трудовых ресурсов	1.1. Риск ошибок прогнозирования потребности квалифицированных трудовых ресурсов; 1.2. Риск неэффективного использования квалифицированных трудовых ресурсов (организация труда)
	2. Экологические риски	2.1. Риск возникновения техногенных чрезвычайных ситуаций; 2.2. Риск ухудшения состояния окружающей среды.
	3. Эксплуатационные риски	3.1. Рост транспортной усталости 3.2. Изношенность или отсутствие эксплуатационного парка

Предложенная классификация будет способствовать повышению эффективности процесса управления рисками в процессе реализации транспортных строительных проектов. Эффект будет достигаться за счет возможности менеджмента сконцентрироваться на конкретных факторах риска, присущих данному этапу реализации проекта.

Литература

1. *Архипова Ю.А.* Риски в инвестиционной деятельности и способы их снижения // Молодой ученый. 2015. №5. С. 232-234. – URL <https://moluch.ru/archive/85/15947/> (дата обращения: 31.08.2019).
2. *Безденежных В.М., Индарбаев А.А.* Управление инвестиционными рисками на мезоуровне регулирования / Современная наука: актуальные проблемы и перспективы развития: материалы и доклады Международной научно-практической конференции, 8–14 мая 2019 г. Том 1. – Княгинино: НГИЭУ, 2019. 196 с.
3. *Безденежных В.М., Индарбаев А.А.* Классификационный подход к инвестиционным рискам на мезоуровне регулирования // Экономические науки. 2019. № 8 (177). С. 31 – 34.
4. *Авдийский В.И., Безденежных В.М.* Прогнозирование и управление рисками хозяйствующих субъектов: учебник. М.: КНОРУС, 2017. 272 с.
5. *Капустина Н.В.* Развитие организации на основе риск-менеджмента: теория, методология и практика: Монография. М.: ИНФРА-М, 2014. Сер. Научная мысль. 178 с.
6. *Качалов Р.М.* Управление экономическим риском: Теоретические основы и приложения: монография. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. 248 с.
7. *Кинев Ю.Ю.* Оценка рисков финансово-хозяйственной деятельности предприятия на этапе принятия управленческого решения [Электронный ресурс] // Менеджмент в России и за рубежом. 2000. № 5. – Режим доступа: <http://www.cfin.ru/press/management/2000-5/06.shtml>. Дата обр. 18.10.2018
8. *Козлов П.А., Владимирская И.П., Козлова В.П.* Экономико-технологические риски в проектах развития транспортной инфраструктуры // Транспорт Российской Федерации. Журнал о науке, практике, экономике. 2009. № 2 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomiko-tehnologicheskie-riski-v-proektah-razvitiya-transportnoy-infrastruktury> (дата обращения: 10.10.2019)
9. *Лускатова О.В.* Управление риском и экономической устойчивостью горных предприятий на основе теории нечетких множеств. М., 2004. 196 с.
10. *Марцынковский Д.А., Владимирцев А.В., Марцынковский О.А.* Руководство по риск-менеджменту: Ассоциация по сертификации «Русский Регистр». СПб.: Береста, 2007. 105 с.
11. *Оленина О.А., Герасимов М.М.* Учет рисков при реализации инвестиционных проектов в транспортном строительстве // 2013. № 1. С. 94 – 98. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20137683> Дата обр. 11.12.2019 г.
12. *Ожегов С.И.* Русский язык: Словарь русского языка. М., 1989. 555 с.
13. *Чернова Г.В., Кудрявцев А.А.* Управление рисками: учебное пособие. М.: ТК Велби; Изд-во Проспект, 2005. 160 с.

Kapustina Nadezhda Valerievna, Doctor of Economic Sciences, Professor, Russian University of Transport (9, Obraztsova St., Moscow, 127994, Russian Federation). E-mail: kuzminova_n@mail.ru

Stupnikova Elena Anatolievna, Candidate of economic Sciences, associate Professor, Russian University of Transport (9, Obraztsova St., Moscow, 127994, Russian Federation). E-mail: stupnikovaea@ya.ru

Olenina Olga Anatolievna, Candidate of economic Sciences, associate Professor, Russian University of Transport (9, Obraztsova St., Moscow, 127994, Russian Federation). E-mail: oleninaolga@mail.ru

Gerasimov Mikhail Mikhailovich, Candidate of economic Sciences, associate Professor, Russian University of Transport (9, Obraztsova St., Moscow, 127994, Russian Federation). E-mail: germihmih@yandex.ru

CLASSIFICATION OF RISK FACTORS FOR INVESTMENT PROJECTS FOR THE DEVELOPMENT OF TRANSPORT INFRASTRUCTURE

Abstract

The article examines approaches to the allocation and nature of risks and risk factors for development projects and construction of transport infrastructure. Approaches to classification of risk factors of investment projects for the development of transport infrastructure are considered and the author's approach to this issue is proposed.

Keywords: construction of transport infrastructure, risk factors, investment project, development, classification, investment projects, management process, project implementation, risk management.

References

1. Arhipova YU. A. Riski v investicionnoj deyatel'nosti i sposoby ih snizheniya // Molodoj uchenyj. 2015. №5. P. 232-234. – URL <https://moluch.ru/archive/85/15947/> (data obrashcheniya: 31.08.2019).
2. Bezdenzhnyh V.M., Indarbaev A.A. Upravlenie investicionnymi riskami na mezourovne regulirovaniya / Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy i perspektivy razvitiya: materialy i doklady Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 8–14 maya 2019 g. Tom 1. – Knyaginino: NGIEU, 2019. 196 p.
3. Bezdenzhnyh V.M., Indarbaev A.A. Klassifikacionnyj podhod k investicionnym riskam na mezourovne regulirovaniya // Ekonomicheskie nauki. 2019. № 8 (177). P. 31 – 34.
4. Avdijskij V.I., Bezdenzhnyh V.M. Prognozirovanie i upravlenie riskami hozyajstvuyushchih sub"ektov: uchebnik. M.: KNORUS, 2017. 272 p.
5. Kapustina N.V. Razvitie organizacii na osnove risk-menedzhmenta: teoriya, metodologiya i praktika: Monografiya. M.:INFRA-M, 2014. Ser. Nauchnaya mysl'. 178 p.
6. Kachalov R.M. Upravlenie ekonomicheskim riskom: Teoreticheskie osnovy i prilozheniya: monografiya. M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2012. 248 p.
7. Kinev YU.YU. Ocenka riskov finansovo-hozyajstvennoj deyatel'nosti predpriyatiya na etape prinyatiya upravlencheskogo resheniya [Elektronnyj resurs] // Menedzhment v Rossii i za rubezhom. 2000. № 5. – Rezhim dostupa: <http://www.cfin.ru/press/management/2000-5/06.shtml>. Data obr. 18.10.2018
8. Kozlov P.A., Vladimirskaia I.P., Kozlova V.P. Ekonomiko-tehnologicheskie riski v proektah razvitiya transportnoj infrastruktury // Transport Rossijskoj Federacii. Zhurnal o nauke, praktike, ekonomike. 2009. № 2 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomiko-tehnologicheskie-riski-v-proektah-razvitiya-transportnoy-infrastruktury> (data obrashcheniya: 10.10.2019)
9. Luskatova O.V. Upravlenie riskom i ekonomicheskoy ustojchivost'yu gornyh predpriyatij na osnove teorii nechetkih mnozhestv. M., 2004. 196 p.
10. Marcynkovskij D.A., Vladimircsev A.V., Marcynkovskij O.A. Rukovodstvo po risk-menedzhmentu: Associaciya po sertifikacii «Russkij Registr». SPb.: Beresta, 2007. 105 p.
11. Olenina O.A., Gerasimov M.M. Uchet riskov pri realizacii investicionnyh proektov v transportnom stroitel'stve // 2013. № 1. S. 94 – 98. Rezhim dostupa: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20137683> Data obr. 11.12.2019 g.
12. Ozhegov S.I. Russkij yazyk: Slovar' russkogo yazyka. M., 1989. 555 p.
13. Chernova G.V., Kudryavcev A.A. Upravlenie riskami: uchebnoe posobie. M.: TK Velbi; Izd-vo Prospekt, 2005. 160 p.

ПРИРОДОПОДОБНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И СБАЛАНСИРОВАННОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

**Кокин
Александр
Васильевич**

доктор геолого-минералогических наук, профессор, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: alex@avkokin.ru

**Кокин
Александр
Александрович**

руководитель группы компаний "АЛКОН" (198320, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Геологическая, 79А).
E-mail: alex@alkon.net

Аннотация

Рассматриваются ограниченные возможности использования конвергентных природоподобных технологий при решении проблем устойчивого развития в силу того, что естественные обменные процессы в биосфере протекают медленнее, чем это необходимо человеку для удовлетворения своих потребностей в рамках воспроизводства природных ресурсов и качества окружающей среды. Вместо конвергентности природоподобия предлагается использовать принцип (закон) сбалансированного природопользования, обеспечивающего возможность связать темпы экономического роста с темпами воспроизводства природных ресурсов (или замены непрерывно расходуемых ресурсов на новые с лучшими технологическими свойствами) и качества среды в рамках воспроизводства ассимиляционной функции природы.

Ключевые слова: *природоподобные технологии, сбалансированное природопользование, ассимиляционный потенциал, темпы экономического роста, устойчивое развитие, конвергенция, природоподобие, эволюция, хозяйственная деятельность человека.*

Введение

Термин «природоподобные технологии» имеет разные толкования как в рамках принятия мировым сообществом концепции (стратегии) устойчивого развития, так и попытки «копировать деятельность природы» в рамках конвергентных природоподобных технологий [1 – 3], энтузиастом внедрения которых в России стал президент НИЦ Курчатовского института М.В. Ковальчук [4, 5]. В понятие конвергентности М.В. Ковальчук вносит смысл сведения или сближения современных разрозненных научных знаний в единое представление о сущности самой Природы, а точнее в понятие, связанное с необходимостью осознания сущности **природоподобия**. Хотя этому «осознанию» уже насчитывается, по крайней мере, тысячелетия истории хозяйственной деятельности со времён неолитической революции, когда человек начал копировать природу при ведении сельского хозяйства. По существу же в рамках современных представлений природоподобие предполагает необходимость современному человеку создавать и внедрять в хозяйственную деятельность такие технологии, которые бы не противоречили естественной ассимиляционной функции природы. В этой связи, во-первых, технологии, создаваемые человеком, не должны противоречить известным законам сохранения их функционирования. Во-вторых, их использование в экономике, социальной сфере должны вписываться в естественный круговорот вещества в ходе исторически сложившихся обменных процессов в структуре и функции биосферы по поддержанию жизни на Земле [6].

Но на самом деле не всё так просто, поскольку как бы рачительно не осуществлял свою хозяйственную деятельность человек, он с помощью мощнейшего, изобретённого только им (не природой), инструмента экономики способен всё к чему она не прикоснётся превратить в отходы. Последние сам обязан перерабатывать по предлагаемому технологами замкнутому циклу (отнюдь не естественному исторически сбалансированному обменными процессами в биосфере), чтобы не превратить биосферу в известную в биологии «чашечку Петри». Проблема состоит в том, что естественные обменные процессы в биосфере цикличны в зависимости от времени суток, смены времён года, периодичности солнечной активности, вековых изменений климата, вулканической деятельности, способности живых организмов (от одноклеточных до высших) с разной скоростью влиять на обменные процессы в атмосфере, гидросфере, литосфере и т.д. В этом смысле у природы нет дефицита времени ни по воспроизводству не возобновляемых и возобновляемых природных ресурсов, ни по способности её поддерживать жизнь на протяжении почти 4 млрд лет. У человека главным дефицитом является время. Его хозяйственная деятельность по темпам воспроизводства ресурсов и качества среды не может вписаться в историю многовековых сбалансированных обменных процессов биосферы, потому что большинство из них протекают не только медленно, но и обусловлены участием многозависимых факторов, важнейшим из которых является разнообразие живых организмов [7], непрерывно сокращающих свое разнообразие под влиянием хозяйственной деятельности. Человеку же для

удовлетворения собственных возрастающих во времени потребностей требуется непрерывно увеличивать темпы экономического роста, что приводит к возрастанию темпов изъятия природных ресурсов (в первую очередь непрерывно расходуемых). Это же приводит к возрастанию производства отходов при ограниченных возможностях их полной переработки и вовлечению в обменные процессы по поддержанию собственного гомеостаза человека и всего живого на Земле. Поэтому **человек в принципе не может слепок природоподобия применить в своей деятельности в силу неестественности используемых человеком технологий для своего развития по сравнению с природой**. Во-первых, искусственные технологии энергозатратны (о чём справедливо говорит М.В. Ковальчук). Во-вторых, производимые человеком отходы производственной и хозяйственной деятельности вносят дисбаланс в естественную скорость воспроизводства как возобновляемых, так и невозобновляемых природных ресурсов, в скорость самих обменных процессов, что влияет на их естественную сбалансированность. Поэтому если не так давно под качеством жизни человечество понимало только способность к потреблению, развитию образования, культуры, науки, технологий, то теперь в категорию этих качеств человек вынужден включать качество окружающей среды сильно влияющей на состояние продолжительности жизни людей. И тем не менее вопросы использования природоподобия в хозяйственной деятельности человека весьма актуальны, но это природоподобие должно рассматриваться в другом аспекте. А именно в аспекте сбалансированного природопользования.

Трансляция подобию самоорганизации природы на разном уровне организации вещества как следствие невозможности выхода из этого подобию ни при каких искусственно создаваемых технологиях

Вынесенный в заголовок текст может представлять собой аксиому [6]. Действительно на уровне технологий, какие бы не создавал человек, они должны работать на принципах, заложенных самой природой в точном соответствии с законами сохранения. В противном случае технологии работать не будут. Например, создавая технологии по выращиванию кристаллов алмазов на любой углеродной основе, человек непременно следует естественным законам их образования в земных и космических условиях. Создание искусственных химических соединений не может быть осуществлено вне подобию следованию химических процессов в рамках периодического закона Д.И. Менделеева. Создаваемый искусственный интеллект базируется на основе интеллекта человека, мозг которого функционирует в рамках существующих биоэнергетических, биохимических законов, формирующих сознание и мышление как следствие эволюции живого. Трансляция связей любого уровня организации общественных отношений осуществляется также как в животном мире от семьи к стае, популяции. У человека через сознание, мышление, накопленный опыт в результате развития общественных отношений от семьи, рода, к племени, государству, межгосударственным отношениям. Сами материалы и технологические конструкции, создаваемые человеком тем надёжнее, чем полнее соответствуют фундаментальным законам сохранения. Форму искусственных конструкций (машин, роботов, сложных технических систем) природа не могла создавать, но их функционирование и работоспособность непременно должны соответствовать существующим законам сохранения в рамках логики систем, которые определяются целью создаваемой конструкции или технологии.

Любые управленческие системы в рамках социоприродных связей формируются исключительно на основе опыта хозяйственной и общественной деятельности человека **на лоне природы** и становятся устойчивыми в достижении поставленных целей развития только в случае если они не противоречат сбалансированной сущности экосистем по поддержанию жизни.

Поэтому **трансляция подобию самоорганизации природы на разном уровне организации действительно представляет собой философскую категорию сущности, выйти за пределы которой не представляется возможным человеку ни при каких обстоятельствах**. В противном случае искусственные технологии, устройства, системы (включая общественные) работать не будут вне естественных и общественных законов сохранения. В рамках системного подхода любая подсистема (в т.ч. хозяйственная деятельность человека) должна подчиняться закону организации системы (природы), из которой он вышел, в которой живёт и развивается. Следовательно хозяйственная деятельность человека не может не вписываться в самоорганизацию природы до тех пор, пока его деятельность не будет противоречить законам сохранения.

Сбалансированное природопользование как пример следования человеком природоподобным технологиям

Миллиарды лет формирования обменных процессов в биосфере по поддержанию жизни на Земле привели их в состояние сбалансированности, что позволило живому эволюционировать в направлении его многообразия и устойчивости в различных средах. Человек как биосоциальное

существо в рамках цефализации стал разумным в результате понимания собственной сущности и места в Природе на основе следования им фундаментальным естественным и развивающимся общественным законам развития.

Однако современный человек в рамках своей хозяйственной деятельности не только влияет на состояние сбалансированности обменных процессов, с чем трудно не согласиться, но весьма сложно себе представить, что антропогенное влияние может сказываться на уровне ассимиляционного потенциала биосферы, поскольку она (биосфера) до сих пор выполняет функцию по поддержанию жизни на Земле. Оказалось [8], что значение коэффициента ассимиляции (способности биосферы восстанавливать свои естественные качества) до сих пор не претерпело существенных изменений [9]. **А его флуктуации во времени относительно естественного состояния связаны большей частью с коротко-, длинно- и вековыми естественными периодическими изменениями, не зависящими от хозяйственной деятельности человека.** Хотя сегодня в обществе доминирует и иная точка зрения [8].

Тем не менее интенсивное вовлечение природных ресурсов в хозяйственную деятельность человека, возрастание производства отходов поставили проблему выживаемости человечества в связи не только с дефицитом природных ресурсов для будущих поколений в силу их непрерывного расходования, но и в связи с неблагоприятными изменениями состояния качества окружающей среды. Эту проблему мировое сообщество пытается решить в рамках стратегии устойчивого развития. ООН, в рамках конференции РИО-92, обязала все государства её членов закрепить в собственном законодательстве принципы устойчивого развития. Этому последовала и Россия, приняв собственную стратегию¹. Другими словами мировое сообщество сделало упор на сбалансированность своего развития. Это в принципе подразумевает копирование природы по сохранению воспроизводства природных ресурсов и качества среды, но уже в рамках учёта темпов экономического роста мировой экономики. Однако не было ясно, какими темпами должна развиваться мировая (в т.ч. региональная и муниципальная) экономика, чтобы быть не только устойчивой, но и человечество могло добиться состояния воспроизводства природных ресурсов и качества среды в рамках сохранения ассимиляционной функции природы по поддержанию жизни на Земле. Выход был найден в формулировке закона сбалансированного природопользования имеющего следующий вид:

$$T = (t_1 + t_2)a,$$

где T – темпы прироста ВВП, выраженного в % к предыдущему году; t_1 – темпы воспроизводства природных ресурсов с отчислением средств в % от прироста ВВП; t_2 – темпы воспроизводства качества окружающей среды с отчислением средств в % от прироста ВВП; a – величина ассимиляционного потенциала природы (природных комплексов, вовлеченных в хозяйственную деятельность) на глобальном (для мировой экономики), региональном (для экономики государства) и локальном уровне (в рамках экономики муниципальных образований). При этом: 1 – значение ассимиляционного потенциала ненарушенной природы принимается за $a = 1,0$; 2 – нарушенный ассимиляционный потенциал при участии хозяйственной деятельности человека может принимать значения $a < 1,0$ (модифицированная природа); 3 – в условиях полностью изменённой (трансформированной) человеком природы a стремится к 0. Физический смысл второго и третьего состояний состоит в том, чтобы сохранить природу человек сам обязан дополнять функцию воспроизводства ресурсов и качества среды в рамках уровня (темпов) своего использования природных ресурсов и степени своего давления на окружающую среду. Не потому что природа этого не может, а потому что она делает это медленнее, чем требуется человеку в непрерывной гонке за своё развитие.

В настоящее время плата за негативное воздействие на окружающую среду (ОС) носит большей частью условный механизм взимания платежей, связанный с так называемыми коэффициентами экологической ситуации, опирающиеся на предельные значения негативного воздействия на ОС, которые зачастую не имеют под собой достаточной научной базы. Например, если при загрязнении воды или атмосферного воздуха предельно допустимые значения загрязняющих компонентов не достигнуты, то это вовсе не значит, что ОС остаётся не нарушенной. В рамках естественных биогеохимических обменных процессов, как известно, в разбавленных средах могут быть достигнуты условия образования весьма токсичных соединений, влияющих на всё живое.

В целом существующее в экологическом праве России искусственное разделение на природоресурсное и природоохранное право весьма условно. Например, вода не может быть рассмотрена только в качестве природного ресурса, поскольку она является в том числе и средой (экосистемой),

¹ Указ Президента РФ от 01.04.1996 №440 «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию».

обеспечивающей жизнедеятельность живых организмов в ней. Нарушение же экосистемы водной среды влияет на свойство воды как ресурса и провести границу между этими понятиями и свойствами невозможно. В этом смысле неизбежна ответственность природопользователей как за загрязнение воды, так и за нанесение вреда ресурсу в рамках двойной ответственности. Это же касается лесных, биотических ресурсов, и т. д. Стало быть и стоимостную оценку природных ресурсов и качества ОС разделить невозможно. Воспроизводимая стоимость ресурса и ОС просто обязаны быть равновеликими. В этой связи в сформулированном выше законе сбалансированного природопользования отчисления на воспроизводство природных ресурсов и качества ОС должны быть равновелики и закон приобретает вид:

$$T = 2ta,$$

где t – общий стоимостной показатель отчисления средств (в % от прироста ВВП) на воспроизводство как используемых природных ресурсов, так и качества ОС. Здесь не возникает пресловутая необходимость рассчитывать негативное воздействие на ОС с учётом каждой величины ПДК, ПДН, ПДВ и т. д. Любая хозяйственная деятельность связана с использованием энергии, воды, земли, строительных материалов, полезных ископаемых и т. д. Стало быть свойство равновеликой стоимости воспроизводства ОС и ресурсов даёт возможность без учёта качественных характеристик многочисленных показателей оценить полную стоимость нанесённого вреда любому уровню организации хозяйственной деятельности [10]: местному, региональному, мировому. При этом в условиях использования невозобновимых ресурсов (непрерывного расходования) необходимо делать пропорциональные отчисления на замену новыми с лучшими технологическими свойствами и более широко распространёнными в природе. Что и происходит на самом деле при переходе производства к разным энергоносителям от каменного угля к жидкой и более технологичной нефти. А последняя – природным газом. *Налицо тенденция вовлечения более энтропийных состояний энергоносителей в истории экономики (от твёрдого, жидкого к газообразному топливу)*. В современных условиях разрабатываются технологии управляемого термоядерного синтеза в процессе превращения тяжёлых изотопов водорода в гелий. А при отчислении средств на воспроизводство возобновимых ресурсов необходимо учитывать время их воспроизводства (лесных, биотических, почвенных и др.).

Особое значение приобретает величина ассимиляционной функции природохозяйственного (мирового, регионального, местного) комплекса. Платежи (t) сильно зависят от величины a . Например, при темпах прироста ВВП в 4 % от ранее достигнутого в условиях ассимиляционной функции природы ($a = 0,5$) производственно-хозяйственных комплексов отчисления (в % от прироста ВВП) на воспроизводство природных ресурсов и качества среды в общем составят 8% от прироста ВВП [$4\% = (4\% + 4\%) \cdot 0,5$] или в виде стоимостных отчислений – 0,32%. При $a = 1,0$ отчисления на воспроизводство природных ресурсов и качества среды будут всего 4%, а в виде стоимостных отчислений – 0,16% [$4\% = (2\% + 2\%) \cdot 1,0$]. То есть платность природопользования (инвестиции в воспроизводство природных ресурсов и качества ОС) сильно зависят от величины ассимиляционного потенциала природы (природохозяйственного комплекса, муниципального образования, региона, государства, биосферы в целом для мировой экономики).

В рамках следования закону сбалансированного природопользования *хозяйственная деятельность, таким образом, может развиваться любыми темпами* лишь бы выполнялась процедура дополнительного участия человека в темпах воспроизводства ресурсов и качества ОС самой природой. А это возможно только в случае достижения высочайшей культуры производства и осознания людьми того, какое место занимает человек в Природе. Либо он только потребитель, что определяет его только как животную сущность, либо он разумный созидатель условий своего развития. Разумность же человека открывает ему возможность управлять процессами потребления и воспроизводства всего необходимого в рамках понимания и следования им законам поддержания своего и гомеостаза всего живого на Земле. Если это достигается, то ассимиляционный потенциал на глобальном, региональном и местных уровнях постепенно может восстанавливаться до уровня ($1 > a > 0$), при котором ему в рамках любых темпов экономического развития не будет грозить дефицит природных ресурсов и утрата качества ОС. Правда, в действительности ассимиляционный потенциал никогда не достигнет величины $a=1,0$ и может в лучшем случае варьироваться только вблизи значения $a=0,5$. Т. е. когда будут достигнуты условия коэволюции человека и природы в понимании Н. Моисеева и А. Урсула. Физический смысл такого состояния состоит в том, что и природа, и человек (в рамках развития собственных технологий) будут вкладывать равные затраты на воспроизводство ассимиляционного потенциала.

В Европе у некоторых экономистов возникает желание жить в рамках нулевых (достигнутых) темпов экономического роста. Закон сбалансированного природопользования допускает это при значении ассимиляционной функции территории Европы близком к величине $a = 0,5$. Однако если другими государствами закон сбалансированного природопользования соблюдаться не будет (например Китаем, Индией), то европейцы будут ощущать на себе ресурсные и экологические издержки этих государств, поскольку человечество находится в замкнутой системы биосферы. Козволюции и устойчивого развития должна достигать вся мировая экономика.

Действительно, в рамках сбалансированного природопользования при $T = 0$, отчисления на природопользование должны быть также равны нулю, если скорость обменных естественных и антропогенных процессов будут близки. Т.е. европейцы перейдут на систему полной утилизации отходов и превращения их в ресурсы.

Во времени может возникнуть экстремальный случай, когда человечество, предположим, упустит шанс воспроизводства функции биосферы по поддержанию жизни на Земле. Тогда при ассимиляционном потенциале стремящимся к нулю функцию по поддержанию жизни на Земле должно взять на себя человечество в рамках превращённой им природы (модель жизнеобеспечения в космических станциях, кораблях). Другими словами человек в этом случае должен обладать энергией биосферного потенциала с искусственно задействованным механизмом обменных процессов. Тогда возникает вопрос, зачем достигать искусственных условий, если Природа сама выработала естественный механизм по поддержанию жизни на Земле? Наиболее разумным остаётся вариант следованию природоподобным технологиям, но в рамках сбалансированного природопользования. А это как раз и означает способность разума управлять не только своей хозяйственной деятельностью, но и следовать естественным законам сохранения природы.

Выводы

1. Природоподобные технологии, о которых часто сегодня говорят, это попытка вырвать из сущности биосферы её способность формировать естественные сбалансированные всей историей Земли обменные процессы по поддержанию жизни (которые сегодня не под силу человеку) в угоду производству, экономике, социальной сферы, которые бы казались «природоподобными». Но на самом деле они не могут учитывать всего разнообразия явлений самой природы, приведшей к созданию уникальной жизненной среды, которая постепенно перешла в состояние разумной. Энергетические затраты биосферы по поддержанию обменных процессов в ней не соизмеримы даже в далёком будущем с хозяйственным потенциалом человека. Воспроизводство различных видов природных ресурсов с участием живого вещества биосфера осуществляет со скоростями более медленными, чем на это способен человек. На образование некоторых из них природе требуются миллиарды, сотни миллионов, миллионы лет. А история хозяйственной деятельности (с эпохи неолита) насчитывает не более 12 тысяч лет. При этом только за одно столетие человечество использовало невозобновимых ресурсов больше, чем за всю историю его существования. Поэтому в рамках созданной человеком мировой экономики он обязан непрерывно тратить средства на переход к освоению новых ресурсов с лучшими технологическими качествами.

2. Природа способна утилизировать отходы и возвращать их в естественный круговорот обменных процессов медленнее, чем человек. Поэтому в рамках устойчивого развития он должен тратить средства на то, чтобы ускорить эти обменные процессы, либо в помощь природным обменным процессам создавать свои технологии, ускоряющие их ход на Земле.

3. Создав экономику, сформировав культуру, науку, технологии человек вынужден увеличивать темпы экономического роста, чтобы развиваться, а это означает непрерывное возрастание потребления природных ресурсов и увеличение нагрузки на ОС. В этом смысле разумность человеческая достаётся ему дорого, цена которой – возможность прекращения собственной истории.

4. Чтобы остаться на тренде развития человек должен свою хозяйственную деятельность не копировать у природы (ему это не под силу ни в рамках энергетических затрат ни в рамках временных процессов более длительного воспроизводства природных ресурсов и переработки отходов хозяйственной деятельности человека), а формировать систему сбалансированного природопользования при соблюдении человеком фундаментальных законов сохранения, в основе которых лежит сущность самой природы. То есть создание человеком таких технологий, которые бы не нарушали динамическое равновесие в сущности обменных процессов в биосфере по поддержанию жизни на Земле.

5. Вырвать из сущности самой природы технологии, которые кажутся нам природоподобными на самом деле всегда окажутся подражанием природе, поскольку мы не можем следовать всей полноте взаимозависимых естественных факторов, формирующих её самою.

Литература

1. Владленова И.В. Формирование NBIC-конвергентной парадигмы в современной науке // Практична філософія: Науковий журнал. 2010. N 4. С. 20 – 26.
2. Ефременко Д.В., Гиряева В.Н., Евсеева Я.В. NBIC-конвергенция как проблема социально-гуманитарного знания // Эпистемология и философия науки, т. XXXIV 2012. № 4. С. 112 – 129.
3. Schummer J. From Nano-Convergence to NBIC-Convergence: "The best way to predict the future is to create it" // Governing Future Technologies. Springer Netherlands, 2009. P. 57 – 71.
4. Ковальчук М.В. Наука и жизнь: Моя конвергенция: Т. 1: Автобиографические наброски: Научно-популярные и концептуальные статьи. М.: Академкнига, 2011. 304 с.
5. Ковальчук М.В. Конвергенция наук и технологий: от неживого к живому. – http://tvkultura.ru/anons/show/episode_id/972435/brand_id/20898/
6. Кокин А.В., Кокин А.А. Смысл разума. Ростов н/Д – СПб.: Алкон, 2019. 687 с.
7. Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и её окружения. М.: Наука. 1987. 348 с.
8. Кокин А.В., Кокин А.А. Современные экологические мифы и утопии. СПб: Бионт, 2008. 323 с.
9. Кокин А.В. Ассимиляционный потенциал биосферы. Ростов н/Д: СКАГС, 2005. 185 с.
10. Игнатов В.Г., Кокин А.В. Ассимиляционный потенциал природы как фактор устойчивого развития регионов// Устойчивое развитие Юга России. Ростов н/Д.: СКАГС, 2003. С. 137 – 147.

Kokin Alexander Vasilyevich, doctor of geological and mineralogical sciences, professor, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: alex@avkokin.ru

Kokin Alexander Aleksandrovich, head of ALKON group of companies (79A, Geologicheskaya St., St. Petersburg, 198320, Russian Federation). E-mail: alex@alkon.net

NATURE-LIKE TECHNOLOGIES AND BALANCED NATURE MANAGEMENT IN THE MODERN ECONOMY

Abstract

The limited possibilities of using convergent nature-like technologies in solving the problems of sustainable development are considered due to the fact that natural metabolic processes in the biosphere proceed more slowly than is necessary for a person to satisfy his needs within the framework of reproduction of natural resources and environmental quality. Instead of the convergence of nature similarity, it is proposed to use the principle (law) of balanced nature management, which provides the opportunity to connect the economic growth rate with the reproduction rate of natural resources (or replace continuously consumed resources with new ones with better technological properties) and environmental quality in the framework of reproducing the assimilation function of nature.

Keywords: nature-like technologies, balanced nature management, assimilation potential, economic growth rates, sustainable development, convergence, nature, evolution, human economy.

References

1. Vladlenova I.V. Formirovanie NBIC-konvergentnoj paradigmy v sovremennoj nauke // Praktichna filosofiya: Naukovij zhurnal. 2010. N 4. P. 20 – 26.
2. Efremenko D.V., Giryayeva V.N., Evseeva YA.V. NBIC-konvergenciya kak problema social'no-gumanitarnogo znaniya // Epistemologiya i filosofiya nauki, t. XXXIV 2012. № 4. P. 112 – 129.
3. Schummer J. From Nano-Convergence to NBIC-Convergence: "The best way to predict the future is to create it" // Governing Future Technologies. Springer Netherlands, 2009. P. 57 – 71.
4. Koval'chuk M.V. Nauka i zhizn': Moya konvergenciya: T. 1: Avtobiograficheskie nabroski: Nauchno-populyarnye i konceptual'nye stat'i. M.: Akademkniga, 2011. 304 p.
5. Koval'chuk M.V. Konvergenciya nauk i tekhnologij: ot nezvivogo k zhivomu. – http://tvkultura.ru/anons/show/episode_id/972435/brand_id/20898/
6. Kokin A.V., Kokin A.A. Smysl razuma. Rostov n/D – SPb.: Alkon, 2019. 687 p.
7. Vernadskij V.I. Himicheskoe stroenie biosfery Zemli i eyo okruzheniya. M.: Nauka. 1987. 348 p.
8. Kokin A.V., Kokin A.A. Sovremennye ekologicheskie mify i utopii. SPb: Biont, 2008. 323 s.
9. Kokin A.V. Assimilyacionnyj potencial biosfery. Rostov n/D: SKAGS, 2005. 185 p.
10. Ignatov V.G., Kokin A.V. Assimilyacionnyj potencial prirody kak faktor ustojchivogo razvitiya regionov// Ustojchivoe razvitie YUGa Rossii. Rostov n/D.: SKAGS, 2003. P. 137 – 147.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА БЮДЖЕТНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**Мащенко
Юлия
Александровна**

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, финансов и природопользования, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).
E-mail: yulia-maschenko@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается динамика и структура расходов консолидированного бюджета РФ на социальную сферу как важнейший финансовый параметр социальной политики государства. Сделан вывод о специфике социальных расходов государства в России, акценте преимущественно на выполнении функции социальной защиты. Обоснована приоритетность на современном этапе функции социального развития и необходимости совершенствования механизма бюджетного оказания государственных и муниципальных услуг в социальной сфере.

Ключевые слова: социальная политика, расходы бюджета на социальную сферу, государственное (муниципальное) задание, государственный (муниципальный) социальный заказ, бюджетная система, консолидированный бюджет, социальное развитие, социальная защита, качество жизни населения.

Социальные расходы государства – затраты на всех уровнях бюджетной системы в сферах образования, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, социальной поддержки населения и т.д. – являются важнейшим параметром государственной социальной политики, ее приоритетов, масштабов, направлений. Одновременно социальная политика государства призвана обеспечить решение ключевых проблем общественного развития, таких как бедность и социальное неравенство, депопуляция и высокая заболеваемость населения и т.д. [1].

В течение 2000 – 2010 гг. расходы на цели социального развития устойчиво составляют более половины всех расходов консолидированного бюджета РФ, варьируясь в пределах 59–64 %. Темпы роста бюджетных расходов по различным статьям социального характера соответствуют либо превышают темпы роста общего объема расходов (за исключением жилищно-коммунального хозяйства) (табл. 1).

Таблица 1

**Расходы консолидированного бюджета РФ на социальную сферу
в номинальном выражении, млрд руб.**

ПОКАЗАТЕЛЬ	2011	2015	2016	2017	2018	2018 к 2011 гг., %
Расходы всего	19994,6	29741,5	31323,7	32395,7	33880,7	169,4
в том числе						
Жилищно-коммунальное хозяйство	1 195,0	979,9	992,6	1 209,9	1 324,1	110,8
Охрана окружающей среды	38,6	71,7	84,0	116,3	148,3	384,2
Образование	2 231,8	3 034,6	3 103,1	3 264,2	3 668,6	164,4
Культура. кинематография	310,6	395,6	422,8	492,9	528,2	170,1
Здравоохранение	1 933,1	2 861,0	3 124,4	2 820,9	3 315,9	171,5
Социальная политика	6512,2	10479,7	10914,2	12022,5	12402,2	190,4
Физическая культура и спорт	162,9	254,9	262,3	327,0	331,4	203,5
Средства массовой информации	95,3	125,7	119,9	127,3	136,5	143,2
Удельный вес социальных расходов в общем объеме расходов, %	62,4	61,2	60,7	62,9	63,3	
Доля социальных расходов к ВВП, %	20,7	23,0	22,9	23,7	23,3	

Составлено автором по данным: Ежегодная информация об исполнении консолидированного бюджета Российской Федерации // <https://www.minfin.ru/ru/statistics/conbud/>

Совокупные социальные расходы по отношению к валовому внутреннему продукту также характеризуются устойчивым значением, стабильно составляя в рассматриваемый период не менее 20%. Определенные колебания динамики и структуры социальных расходов консолидированного бюджета в последние годы в значительной степени обусловлены стадиями экономического цикла. В частности, экономический кризис 2014 года, сокративший финансовые возможности государства, привел к стагнации практически всех видов социальных расходов. Возобновление их роста в номинальном выражении с 2015 года во многом связано с политической необходимостью выполнения большого числа обязательств в социальной сфере, продиктованной Указами Президента РФ от 7 мая 2012 года. Увеличение объема расходов на социальную защиту, обусловившее рост ее удельного веса в структуре социальных расходов с 32,6% до 35,4% с 2011 по 2018 гг., было обеспечено возросшими трансфертами из федерального бюджета, необходимыми для увлечения пенсионных выплат и различных социальных пособий населению, обеспечения сбалансированности Пенсионного фонда РФ. Сокращение либо стабильное значение удельного веса расходов на образование, здравоохранение (снижение на 0,4%, рост на 0,1% в 2011-2019 гг. соответственно) приводит к заключению о приоритетности для социальной политики государства расходов на социальную защиту – расходов более текущего, нежели инвестиционного характера. Данный вид расходов направлен на решение очевидной проблемы сокращения реальных доходов населения и падения жизненного уровня, что отмечается в стране с 2014 года. Значительная (более того, беспрецедентная в отечественной истории) доля различных видов социальных выплат в структуре денежных доходов населения (19,4-19,6% в 2017-2018 гг.), стабильное значение доходов от оплаты труда (64-66% практически за все 2000-е годы) на фоне снижения доходов от собственности и предпринимательства подтверждает также тезис о компенсаторной роли расходов на социальную политику и ее ключевом значении в общих социальных расходах государства.

Таким образом, социальная сфера была и остается приоритетом для государства с точки зрения осуществления расходов [2], что выражается в стабильном увеличении объемов бюджетного финансирования в номинальном выражении и росте социальных расходов по отношению к валовому внутреннему продукту. Положительная динамика была несколько нарушена экономическим кризисом 2014 года, но возобновлена в дальнейшем. Приоритет в социальных расходах принадлежит расходам на социальную защиту населения, что свидетельствует о патерналистском, обеспечительном характере социальной политики в России, ориентированной на недопущение резкого снижения и поддержание существующего уровня и качества жизни населения.

Данная структура социальных расходов с преобладанием расходов на социальную защиту населения характерна для большинства стран; но столь существенное значение данного показателя (в России он составляет 78 %) является исключительным (табл. 2).

Таблица 2

Структура расходов государственного (консолидированного) бюджета по функциональному типу (в %)*¹

	Здраво- охранение	Образова- ние	Жилищ- но- комму- нальное хозяйство	Отдых, культура, религия	Социальная защита		Социаль- ные расходы, всего
					в % к об- щим рас- ходам бюджета	в % к со- циальным расходам	
Россия	3,4	2,2	2,3	1,1	32,7	78,0	41,9
Германия	16,3	9,6	0,9	2,3	43,2	58,6	73,7
Норвегия	17,1	11,1	1,7	3,1	40,0	53,5	74,8
Великобритания	17,8	12,0	1,1	1,5	38,4	52,9	72,6
Китай	8,9	12,3	8,2	1,5	22,0	40,0	55,0
Япония	19,6	8,2	1,8	1,0	41,8	55,4	75,4
США	24,4	16,1	1,3	0,7	20,6	32,6	63,1
Австралия	18,9	14,3	2,0	2,2	27,2	40,8	66,6

* - в целях обеспечения методологической сопоставимости данных показателей информация по всем странам, включая Россию, приводится по используемым Росстатом материалам МВФ. что делает невозможным прямое сопоставление данных таблиц 1 и 2.

¹ Россия и страны мира. 2018: Стат.сб. / Росстат. М., 2018. 375 с.

По данным табл. 2, социальная политика в большинстве государств с точки зрения соотношения основных направлений расходов носит многофункциональный характер. Важнейшей особенностью современной социальной политики является выполнение ею в обществе двух взаимосвязанных функций – функции защиты и функции развития. Доля расходов на социальную защиту определяется объемом социальных гарантий государства, национальными параметрами уровня жизни и стандартами социально-экономической безопасности и традиционно колеблется в пределах 40 – 55 % с незначительными отклонениями. При этом даже государства с либеральной моделью социальной политики обеспечивают инвестиции в развитие человеческих ресурсов на основе расходов на образование, культуру, здравоохранение. Происходит очевидное смещение приоритетов в социальной политике большинства современных государств – от акцента на перераспределении через бюджет ресурсов в пользу нуждающихся и незащищенных ключевой функцией становится формирование благоприятной для самореализации каждого члена общества социально-экономической среды [3].

Одновременно данные табл. 2 наглядно свидетельствуют о существенном отставании России по уровню бюджетного финансирования отраслей социальной сферы, обеспечивающих формирование человеческого капитала общества, и акценте на реализацию защитной функции социальной политики. Российское государство, судя по структуре расходов в социальной сфере, продолжает выполнять функцию компенсатора недостаточно высоких параметров уровня жизни и качества жизни населения. Объемы средств, выделяемых на образование и здравоохранение, явно недостаточны по сравнению с задачами стоящими перед отраслями (ликвидация дефицита работников, развитие сети организаций, повышение доступности услуг и др.), что признавалось при рассмотрении проектов бюджета в соответствующих комитетах Государственной Думы [4].

Вместе с тем необходимость усиления социальной ориентированности современных экономик, усложнение представлений о параметрах уровня и качества жизни населения, формирование новых вызовов и угроз в самой национальной социально-экономической системе и за ее пределами требуют переосмысления социальной функции государства, совершенствования базовых подходов и инструментов обеспечения развития человеческого потенциала. Ответом в западных странах стала активная социализация бизнеса, формирование и развитие обширного некоммерческого сектора, принявшего на себя определенную часть функций, социальная направленность практически всех направлений экономической политики государств (структурной, инвестиционной, антимонопольной и др.). Речь идет о тесном взаимодействии рыночного и нерыночного, в том числе государственного и семейного секторов, при решении важнейших социальных задач.

Традиционной реакцией на эти вызовы в России являются прежде всего меры тактического характера, в частности, регулярные поиски государством возможностей по сокращению неэффективных бюджетных расходов и более рациональному и экономному использованию бюджетных средств [5]. Государство всегда уделяло внимание разработке и реализации мер, направленных на преобразование организационно-экономических механизмов функционирования социальной сферы России, что отражено в целом спектре крупных управленческих преобразований, объединенных в ряд этапов (табл. 3).

Таблица 3

**Основные периоды преобразований
организационно-экономических и финансовых основ
оказания государственных и муниципальных услуг в социальной сфере**

Годы	Периоды	Содержание преобразований
Конец 1980-х – начало 1990-х гг.	Переходный период	Разработка и реализация элементов новой хозяйственной системы (механизма), основанного на повышении экономической самостоятельности государственных учреждений, внедрение нормативного финансирования, развитие платных услуг
1990-е гг.		Адаптация организаций социальной сферы к изменившимся макроэкономическим условиям, внедрению рыночных отношений Формирование условий для появления негосударственных организаций Развитие экономической самостоятельности государственных и муниципальных учреждений Развитие альтернативных, государственных и негосударственных, источников финансирования

2004-2013 гг.	Совершенствование правового положения государственных (муниципальных) учреждений	Внедрение принципов бюджетирования, ориентированного на результат Реструктуризация сети бюджетных организаций Переход от финансирования содержания учреждений к финансовому обеспечению оказания государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере
2014 г. – 2018 гг.		Совершенствование механизма государственных (муниципальных) заданий и планов финансово-хозяйственной деятельности бюджетных и автономных учреждений. Оптимизация структуры сети бюджетных учреждений путем ликвидации или преобразования Совершенствование системы нормативного финансового обеспечения государственных (муниципальных) услуг
2019 г. – настоящее время	Создание единого рынка государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере	Повышение эффективности использования имущественных комплексов государственных (муниципальных) учреждений Создание условий для участия негосударственных организаций в оказании государственных (муниципальных) услуг на единых началах с бюджетными организациями Развитие социального предпринимательства

Первым крупным системным преобразованием организационно-экономических параметров социальной сферы было внедрение нового хозяйственного механизма в учреждениях здравоохранения в конце 1980-х гг., сменившееся в начале 1990-х гг. более радикальным развитием рыночных отношений, попыткой приватизации и развитием самостоятельности государственных учреждений. Однако ограничение приносящих доход видов деятельности, контроль за поступлением и расходованием внебюджетных средств, сохранение сметных принципов финансирования, предоставление бюджетных средств на основе индексации ассигнований прошлых лет при отсутствии четких формулировок целей и конечных результатов использования бюджетных средств и т.д. к началу 2000-х годов стали факторами, существенно ограничивающими возможности эффективного функционирования организаций социальной сферы и повышение эффективности управления государственными (муниципальными) финансами.

Внедряемая с 2004 года модель бюджетирования, ориентированного на результаты в рамках среднесрочного финансового планирования, позволила начать переход к многолетнему бюджетному планированию с установлением четких правил распределения бюджетных ресурсов с учетом или в прямой зависимости от достижения конкретных результатов (предоставления услуг). Федеральным законом от 08 мая 2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» созданы инструменты и механизмы, направленные на повышение эффективности бюджетных расходов, а именно (рис. 1):

создание новых типов государственных, муниципальных учреждений
перевод деятельности учреждений на программно-целевую основу путем внедрения механизма формирования заданий и утверждения плана финансово-хозяйственной деятельности для бюджетных и автономных учреждений
внедрение субсидии на выполнение государственного (муниципального) задания как механизмов финансового обеспечения деятельности бюджетных и автономных учреждений
предоставление права бюджетным и автономным учреждениям заниматься приносящей доход деятельностью с поступлением доходов от этой деятельности в распоряжение учреждений
расширение прав бюджетных и автономных учреждений по распоряжению частью находящегося у них на праве оперативного государственного (муниципального) имущества и т.д.

Рис. 1. Основные направления совершенствования правового и экономического положения государственных (муниципальных) учреждений

Переходный период реформирования государственных и муниципальных учреждений и формирования нового механизма оказания и финансового обеспечения государственных (муниципальных) услуг и работ официально завершился в 2012 году. В рамках реализации указанной реформы была проведена масштабная работа по анализу и изменению структуры подведомственных учреждений на всех уровнях управления; разработаны и внедрены принципы финансового обеспечения деятельности казенных учреждений на основе бюджетной сметы и автономных и бюджетных учреждений – на основе субсидий на выполнение государственного (муниципального) задания в соответствии с основными положениями ст. 69.2 и 78.1 БК РФ (рис. 2).

Рис. 2. Составные элементы субсидии на выполнение государственного (муниципального) задания

Выявленные в последующие годы проблемы и ограничения, неоднократно отмечаемые в заключениях Счетной Палаты РФ, потребовали доработки государственного и муниципального задания как инструмента управления, а именно:

- формирования общероссийских базовых (отраслевых) перечней (классификаторов) государственных (муниципальных) услуг, оказываемых физическим лицам, а также региональных перечней государственных (муниципальных) услуг, работ, не включенных в общероссийские классификаторы, в соответствии с которыми формируются государственные (муниципальные) задания. Данное нововведение дало возможность субъектам РФ и муниципальным образованиям регулярно обновлять состав оказываемых услуг в соответствующих перечнях с учетом территориальной (демографической, национально-культурной, экономической и пр.) специфики;

- совершенствование системы нормативного финансирования государственных услуг, работ. Единицей нормирования может быть только единица работы услуги, но не учреждение. Для обеспечения единых подходов Бюджетным Кодексом федеральным органам исполнительной власти, осуществляющих функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в установленных сферах деятельности, вменяется в обязанность устанавливать общие требования к определению нормативных затрат на оказание государственных (муниципальных) услуг;

- повышения качества программно-целевых методов бюджетного планирования и стратегического управления в целом. В настоящее время как никогда актуальной является разработка полноценной системы стратегических документов, задающих актуальные приоритеты социально-экономического развития и государственной политики в сферах реализации государственных программ, корректировка механизма их формирования и реализации. Перевод ряда госпрограмм на принципы проектного управления с 1 января 2018 года дает возможность сконцентрировать ресурсы на достижении стратегических целей и социально и экономически значимых результатов; с помощью процедуры ранжирования сформировать оптимальный набор проектов под достижение целей, обеспечить высокое качество подготовки, планирования и контроля реализации «пилотных» госпрограмм, обоснованность бюджетных расходов, снижение возможных рисков.

Тем не менее, как отмечается в Концепции повышения эффективности бюджетных расходов в 2019 – 2024 годах, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 31.01.2019 № 117-р, реализованные мероприятия по повышению эффективности и качества оказания государственных и муниципальных услуг наряду с практически трехкратным ростом социальных расходов консолидированного бюджета РФ не были результативными. В деятельности государственных (муниципальных) учреждений остается ряд нерешенных проблем и вопросов причем большинство проблем носит системный характер и свойственны всей системе бюджетного планирования и управления социальной сферой. К ним относятся:

- преимущественное применение для расчета необходимого объема финансирования метода обратного счета («первоначальных нормативных затрат», определенных путем деления суммы

текущих расходов на количество оказанных услуг). Данный метод, изначально определенный как оптимальный только для переходного периода, продолжает активно применяться. Метод прямого счета, предполагающий расчет затрат на основе требований к условиям и качеству оказания услуг (учебных планов, образовательных стандартов, стандартов оказания медицинской помощи, санитарных норм и правил и т.д.) реализуется декларативно;

- ориентация деятельности учреждений по выполнению государственного (муниципального) задания на выполнение количественных показателей, а не на повышение ее качества; как следствие – низкое качество предоставляемых услуг;

- ограничение финансово-экономической самостоятельности учреждений, особенно автономных, со стороны органа-учредителя; излишний контроль за финансовыми потоками в ущерб оценке достижения показателей объема и качества оказания государственных услуг;

- неэффективное использование имущественных комплексов учреждений, закрепленных на праве оперативного управления, в отсутствие показателей эффективности использования имущества;

- низкая производительность труда в бюджетном секторе, необоснованная дифференциация в заработной плате руководителей и рядовых сотрудников и др.

Основную проблему сложившейся модели финансового обеспечения государственных (муниципальных) услуг мы видим в том, что она остается способом финансирования от достигнутого, в рамках имеющихся бюджетных возможностей, а не потребностей в финансовых ресурсах. Как следствие, и государственные (муниципальные) программы, и государственные (муниципальные) задания остаются набором расходных обязательств, отражающих преимущественно возможности бюджета, но плохо связанных с целями, задачами, необходимыми результатами.

Однако к настоящему времени повышение эффективности и качества оказания государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере связывают не столько с совершенствованием механизма государственного (муниципального) задания, сколько с созданием открытого рынка социального сервиса путем привлечения негосударственных организаций к оказанию услуг в социальной сфере. Именно данное направление совершенствования социальной политики государства, как было отмечено выше, является одним из приоритетных в западных странах, выбравших путь равноправного и сбалансированного развития и взаимодействия рыночного и нерыночного секторов в социальной сфере.

Как свидетельствуют результаты рейтинга субъектов РФ по итогам реализации механизмов поддержки СОНКО и социального предпринимательства в 2018 году, представленные на портале соответствующей единой автоматизированной информационной системы nko.economy.gov.ru, практически все субъекты Российской Федерации имеют опыт привлечения негосударственных организаций в целях оказания государственных (муниципальных) услуг, но при этом данные организации конкурируют только между собой, но не с государственными и муниципальными учреждениями. Как полагают законодатели, в настоящее время необходимо формировать единый рынок социальных услуг, на котором будут взаимодействовать на равных началах и государственные, и негосударственные поставщики в целях повышения качества и доступности государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере.

Данная задача полностью соответствует одной из основополагающих целевых установок государственного регулирования экономики России – обеспечению рационального хозяйствования, ориентированного на повышение эффективности, создание и развитие конкурентных условий [6]. На федеральном уровне к настоящему времени сформированы основы адекватной целям и задачам этапа нормативно-правовой базы (рис. 3).

5 декабря 2018 года Государственной Думой РФ принят в первом чтении проект Федерального закона № 519530-7 «О государственном муниципальном социальном заказе на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере». Цель законопроекта – повышение доступности и качества государственных и муниципальных услуг в социальной сфере, оказываемых как государственными, так и негосударственными исполнителями, путем обеспечения условий для справедливой конкуренции между ними и формирования открытого рынка (рис. 4).

Законопроект предусматривает единство подходов при организации оказания услуг, гарантирующее отсутствие дискриминации для экономических субъектов, участвующих в данном процессе; устанавливает равную стоимость для государственных и негосударственных исполнителей социальных услуг; распространяется на услуги как из общероссийских (отраслевых) базовых, так и региональных перечней (классификаторов) государственных и муниципальных услуг. Органы исполнительной власти ежегодно определяют объем государственного (муниципального) социального заказа по конкретным услугам и способ его выполнения из трех возможных (рис. 5).

Рис. 3. Нормативно-правовые акты, направленные на расширение участия негосударственных организаций в оказании государственных (муниципальных) услуг

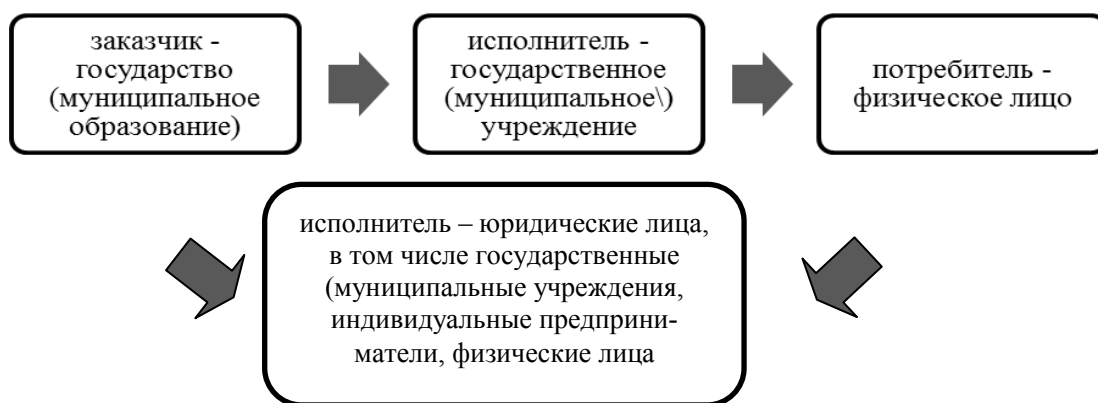

Рис. 4. Трансформация состава субъектов деятельности по оказанию государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере

Рис. 5. Способы отбора исполнителей услуг при исполнении государственного (муниципального) социального заказа

Вместе с тем в данной сфере при формировании нового организационно-экономического механизма, предусмотренного проектом указанного ФЗ, могут потенциально возникнуть или уже возникают следующие проблемы:

- недофинансирование государственных, муниципальных учреждений при проигрыше конкурсного отбора на исполнение услуг и, как следствие, возникновение кредиторской задолженности, отсутствие ресурсов на сохранение штатной численности и на выполнение обязательств по повышению оплаты труда и т.д.;

- высвобождение специалистов бюджетной сферы и необходимость обеспечить их переподготовку;
- административные барьеры для поставщиков социальных услуг, связанные, прежде всего, со сроками возмещения затрат;
- нестабильность финансовой поддержки некоммерческих организаций в силу краткосрочности их договора с публично-правовым образованием о предоставлении субсидий;
- неравные для государственных и негосударственных организаций условия налогообложения (отсутствие налоговых льгот у негосударственных организаций), содержания имущественных комплексов и т.д.

Таким образом, основные финансовые параметры современной социальной политики в России, выраженные показателями расходов консолидированного бюджета на отрасли социальной сферы, демонстрируют приоритет ее защитной функции – поддержание определенного уровня социальной защищенности и стабильности доходов уязвимых групп населения. Безусловно, в настоящий исторический момент это является необходимостью, поскольку реальные располагаемые доходы населения неуклонно снижаются на протяжении последних лет и составляют по данным 2018 года 86,4% к уровню 2013 года¹.

Доля расходов консолидированного бюджета на социальную защиту держится стабильно на уровне 35,5-36,5% к общему объему расходов, и, учитывая круг задач и проблем, которые существуют в данной сфере, снижение этого показателя невозможно. Согласно Указу Президента РФ от 7 мая 2018 года № 204 одной из национальных целей развития Российской Федерации является снижение в два раза уровня бедности за счет устойчивого роста реальных доходов и уровня пенсионного обеспечения граждан выше уровня инфляции, что требует значительных объемов финансирования.

Не менее важное направление социальной политики государства, отражающее функцию развития и связанное с его ролью в обеспечения производства социально значимых благ в отраслях образования, здравоохранения, культуры и т.д., несмотря на положительную внешне динамику характеризуется явно недостаточным уровнем финансового обеспечения, особенно в сравнении с аналогичными параметрами развитых стран. В частности, национальная система здравоохранения России при объеме расходов на медицинское обслуживание 3,3-3,5% ВВП (и минимальном рекомендованном Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) показателе не менее 5% ВВП) не в состоянии эффективно выполнять свои функции [3]. Как результат, по уровню здоровья населения в рейтинге показателей Индекса глобальной конкурентоспособности в 2018 году Россия занимает 100-е место. Объем и структура финансирования данных сфер формируют уровень социальной обеспеченности будущего страны, качество ее населения как совокупность социально-демографических, интеллектуальных, экономических и других характеристик. Совершенствование же человеческого потенциала выступает сегодня одним из основных приоритетов государственной политики [7].

В условиях систематической ограниченности бюджетных средств на цели социального развития и одновременно необходимости усиления социальной ориентации экономики России требуется совершенствование существующих и разработка новых механизмов бюджетного финансирования социальной сферы. Страны Запада, столкнувшиеся в свое время с подобными проблемами, нашли выход в формировании обширного негосударственного некоммерческого сектора, способствующего реализации значительной части функций социальной защиты и развития с одновременным повышением социальной ответственности бизнеса [3].

С учетом мирового опыта в России основным направлением решения данной задачи в настоящее время является: развитие практики бюджетного финансирования государственных и негосударственных поставщиков на конкурсной основе с целью формирования единого рынка социальных услуг. Практически имеет место передача оказания (выполнения) значительной части государственных услуг в рыночный, нерыночный и семейный сектор. Это требует системного регулирования участия государственных организаций в оказании государственных и муниципальных услуг, а именно: совершенствования механизмов закупок для государственных и муниципальных нужд, предоставления грантов и иных субсидий поставщикам услуг на конкурсной основе, разработки и внедрения инструмента целевых потребительских субсидий (ваучеров), расширения направлений государственной поддержки социального предпринимательства и социально ориентированных некоммерческих организаций.

¹ Российский статистический ежегодник. 2018: Стат.сб. / Росстат. М., 2018. 694 с.

Литература

1. Суханова Т.В. Социальные аспекты экономического роста // Экономические отношения. 2019. № 2. С. 881 – 894.
2. ВейнбENDER Т.Л. Аналитическое исследование доходов и расходов государственного бюджета в РФ // Финансовая экономика. 2019. № 12. С. 114 – 118.
3. Филиппова И.А. Анализ социальных расходов и источников их формирования в европейском союзе // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2011. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sotsialnyh-rashodov-i-istochnikov-ih-formirovaniya-v-evropeyskom-soyuze> (дата обращения: 24.11.2019).
4. Ржаницына Л.С. Динамика социальных расходов в проекте федерального бюджета России на 2019-2021 гг. // Проблемы прогнозирования. 2019. № 4. С. 75 – 81.
5. Игнатова Т.В., Алифанова Е.Н. Институциональная характеристика бюджетного финансирования общественного сектора // Финансовые исследования. 2018. № 2. С. 20 – 26.
6. Игнатова Т.В., Кюрджиев С.П., Уварова Г.Г. Факторный подход к оценке условий развития конкурентной среды на региональном уровне // Естественно-гуманитарные исследования. 2019. № 25. С. 81 – 85.
7. Игнатова Т.В., Черкасова Т.П. Интеграция технологических факторов и институциональных условий перехода к инновационному типу экономического роста // JOURNAL OF ECONOMIC REGULATION (Вопросы регулирования экономики). 2019. Том 10. № 2. С. 72 – 82.

Mashchenko Yulia Aleksandrovna, Candidate of Economic Science, Docent of Chair of Economy, Finance and Nature, South-Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., 344002, Rostov-on-Don, Russian Federation).
E-mail: yulia-maschenko@yandex.ru

IMPROVEMENT OF THE BUDGETARY FINANCING` MECHANISM OF THE SOCIAL SPHERE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract

The article discusses the dynamics and structure of expenditures of the consolidated budget of the Russian Federation on the social sphere as the most important financial parameter of the state social policy. The author shows that the specificity of social state spending in Russia is the emphasis mainly on the function of social protection. The priority at the present stage of the function of social development and the need to improve the mechanism of budget provision of state and municipal services in the social sphere is substantiated.

Keywords: social policy, social budget expenditures, state (municipal) assignment, state (municipal) social order, budget system, consolidated budget, social development, social protection, quality of life of the population.

References

1. Suhanova T.V. Social'nye aspekty ekonomicheskogo rosta // Ekonomicheskie otnosheniya. 2019. № 2. P. 881 – 894.
2. Vejnбender T.L. Analiticheskoe issledovanie dohodov i raskhodov gosudarstvennogo byudzheta v RF // Finansovaya ekonomika. 2019. № 12. P. 114 – 118.
3. Filippova I.A. Analiz social'nyh raskhodov i istochnikov ih formirovaniya v evropejskom soyuze // Finansovaya analitika: problemy i resheniya. 2011. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sotsialnyh-rashodov-i-istochnikov-ih-formirovaniya-v-evropeyskom-soyuze> (data obrashcheniya: 24.11.2019).
4. Rzhanicyna L.S. Dinamika social'nyh raskhodov v proekte federal'nogo byudzheta Rossii na 2019-2021 gg. // Problemy prognozirovaniya. 2019. № 4. P. 75 – 81.
5. Ignatova T.V., Alifanova E.N. Institucional'naya harakteristika byudzhetnogo finansirovaniya obshchestvennogo sektora // Finansovye issledovaniya. 2018. № 2. P. 20 – 26.
6. Ignatova T.V., Kyurdzhiev S.P., Uvarova G.G. Faktornyj podhod k ocenke uslovij razvitiya konkurentnoj sredy na regional'nom urovne // Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya. 2019. № 25. P. 81 – 85.
7. Ignatova T.V., Cherkasova T.P. Integraciya tekhnologicheskikh faktorov i institucional'nyh uslovij perekhoda k innovacionnomu tipu ekonomicheskogo rosta // JOURNAL OF ECONOMIC REGULATION (Voprosy regulirovaniya ekonomiki). 2019. Tom 10. № 2. P. 72 – 82.

ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СТРАН: МИРОВОЙ ОПЫТ ПРИВЛЕЧЕНИЯ

Рубинская кандидат экономических наук, доцент, Южно-Российский институт управления –
Этери филиал Российской академии народного хозяйства и государственной
Девисовна службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: eteri-rubinskaya@mail.ru

Аннотация

Инновационное, технологическое и экономическое развитие стран мира неразрывно связано с ростом потребности в высококвалифицированных специалистах и, как следствие, обострением конкурентной борьбы за человеческий капитал. В статье на основе статистических и фактологических материалов выявлены факторы, влияющие на миграционную привлекательность стран, проведен анализа миграционных практик привлечения/возвращения высококвалифицированных специалистов, исследована трансформация подходов и механизмов миграционной политики в сторону гибкости, прозрачности и селективной направленности.

Ключевые слова: человеческий капитал, высококвалифицированные специалисты, миграция высококвалифицированных специалистов, постиндустриализация, миграционная политика, фактор конкурентоспособности, привлечение специалистов, «утечка умов», «циркуляция умов».

На современном этапе развития мировой экономики, человеческий капитал является ключевым ресурсом, определяющим опережающее социально-экономическое развитие страны. Мировой опыт подтверждает, что именно наличие человеческого капитала, способно обеспечивать технологическое лидерство государства в условиях жесткой конкуренции [1, с. 50-79]. «Погоня за умами» стала одним из определяющих факторов экономического процветания стран [2, с. 133]. В свою очередь, целенаправленная миграционная политика по привлечению высококвалифицированных специалистов ведет к интенсификации интеллектуальной миграции.

В качестве основных критериев отнесения трудового мигранта к квалифицированным / высококвалифицированным специалистам в концептуальных подходах ученых выступают уровень образования (степень бакалавра и выше) и квалификация, полученная по образованию [3, с. 9; 4, с. 275; 5, с. 16].

Нормативные документы международных организаций и государственных норм права более четко и подробно определяют понятие высококвалифицированных специалистов. Согласно Международной Стандартной Классификации Занятий (МСКЗ-08) уровень квалификации – это показатель сложности и объема задач и обязанностей, выполняемых в рамках занятия¹. В данной международной классификации определены 10 основных групп занятий и 4 уровня квалификации. К высококвалифицированным относятся те занятия, которые соответствуют четвертому уровню квалификации.

Знания и навыки, необходимые для квалифицированного выполнения работы в рамках занятий, отнесенных к четвертому уровню квалификации, обычно получают в результате обучения в высшем учебном заведении в течение 3-6 лет и получения первой степени или высшей квалификации (уровень 5а или выше МСКО-97). В некоторых случаях обширный опыт и обучение по месту работы могут заменять формальное образование либо могут требоваться в дополнение к формальному образованию. Занятия, отнесенные к четвертому уровню квалификации, включают в себя, например, руководителей служб по сбыту и маркетингу, инженеров по гражданскому строительству, преподавателей в средней школе, врачей, музыкантов, медицинских сестер в операционных, аналитиков компьютерных систем.

Следует подчеркнуть, что несмотря на существование международной классификации, многие государства пользуются своей национальной классификацией, хотя, тем странам, чьи классификации занятий в концептуальном и структурном плане соответствуют МСКЗ-08, легче достигать сопоставимости своих статистических данных о профессиональной занятости на международном уровне.

Думается, сложность определения высококвалифицированных специалистов как категории трудовых мигрантов во многом объясняется тем, что каждая страна определяет собственные критерии отбора оценки уровня образования и квалификации специалистов.

¹ https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/publication/wcms_306603.pdf

Зачастую в правовых нормах различных государств к указанным критериям добавляется размер предлагаемой работнику заработной платы (Ирландия, Германия), уровень образования и квалификация, требования к которым значительно варьируются в зависимости от соответствующего стажа работы (Австралия).

Стремление стран привлекать высококвалифицированных специалистов подтверждают данные, приведенные в отчете ООН, согласно которым, целенаправленную политику по привлечению специалистов проводили 67 стран из 170, поддерживали существующий уровень – 95 государств из 170 и лишь 8 стран – проводили политику по снижению численности иностранных высококвалифицированных специалистов¹.

Подавляющее большинство стран хотят привлечь иностранных специалистов в конкретные отрасли. Например, развитие сферы здравоохранения в США привело к перманентной нехватке квалифицированного медицинского персонала, что, в свою очередь способствовало преференциальному миграционному режиму для иностранных медицинских работников. Как результат, 36 % всех иностранных докторов и 44 % медсестер направляются на работу в учреждения системы здравоохранения США².

Качество рабочей силы, выступающей на мировом рынке труда, приобретает в настоящее время первостепенное значение. Главным критерием является не только квалификация работника, но и освоение международного опыта, национальных особенностей принимающей страны, значение культуры международного общения и в целом, социокультурная адаптация.

От того, насколько привлекательной окажется та или иная страна для интеллектуальных кадров, во многом зависит ее будущее место в мировой экономике. Страна, теряющая свой интеллектуальный потенциал вследствие «утечки умов» и не восполняющая его за счет «притока умов» отстает в социально-экономическом развитии. Понимая это, страны пытаются создавать максимально комфортные условия для высококвалифицированных специалистов.

В 2013 г. бизнес-школа INSEAD (Франция) совместно с консалтинговой компанией Human Capital Leadership Institute (Сингапур) и кадровым агентством Adecco (Швейцария) разработала Глобальный индекс конкурентоспособности талантов (GTCI) [6]. Ежегодно данными компаниями проводится анализ стран по множеству показателей, целью которого является обобщение механизмов практики и политики стран, направленной на привлечение и развитие человеческого потенциала, а также исследование концепций, связанных с человеческим капиталом и конкурентоспособностью талантов в национальном масштабе по всему миру. В 2019 г. анализ проводился по 125 странам и охватил 93 % населения Земли. Согласно исследованию, в первую десятку стран с самым высоким GTCI вошли Швейцария, Сингапур, США, Норвегия, Дания, Финляндия, Швеция, Нидерланды, Великобритания и Люксембург. Вторую десятку стран возглавили Новая Зеландия, Австралия, Исландия, Германия и Канада. Россия заняла 49 место. Фактически, первые 26 мест рейтинг занимают страны только с высоким уровнем ВВП на душу населения, 60 % которых находятся в Европе. Отметим, что в исследовании выявлена прямая корреляция между уровнем ВВП на душу населения и миграционной привлекательностью страны для высококвалифицированных специалистов.

Приведем данные другого исследования. С 1979 г. Всемирный Экономический Форум проводит масштабный опрос руководителей предприятий по широкому кругу социально-экономических проблем. Согласно опросу Форума Executive Opinion Survey 2016–2017³, проведенному среди 14 723 бизнес-лидеров из 141 страны, в первую десятку рейтинга стран по созданию максимально наиболее благоприятной среды для аккумуляции на своей территории иностранных высококвалифицированных специалистов (ученых, исследователей) вошли: Швейцария, Объединенные Арабские Эмираты, Великобритания, Сингапур, США, Люксембург, Катар, Новая Зеландия, Канада, Нидерланды.

Традиционно лидерами по привлечению трудовых мигрантов являются страны-члены Организации Экономического Развития и Сотрудничества (ОЭСР). Количество мигрантов с высшим образованием в этих странах с 2000 по 2016 годы увеличилось на 108 %. При этом доля мигрантов среди населения трудоспособного возраста с высшим образованием также выросла с 11 % до 16 %⁴. Около половины высококвалифицированных мигрантов из стран G20 прибывают из других стран

¹ International Migration Policies Government Views and Priorities United Nations, 2013 http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/policy/InternationalMigrationPolicies2013/Report%20PDFs/z_International%20Migration%20Policies%20Full%20Report.pdf

² International migration outlook 2015. OECD, 2015 http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/social-issues-migration-health/international-migration-outlook-2015/changing-patterns-in-the-international-migration-of-doctors-and-nurses-to-oecd-countries_migr_outlook-2015-6-en

³ World Economic Forum, Executive Opinion Survey 2016–2017 (<http://reports.weforum.org>)

⁴ <http://www.oecd.org/migration/talent-attractiveness/>

G20, и примерно такая же доля приходится на страны ОЭСР. В большинстве стран-членов ОЭСР образовательный уровень иммигрантов выше, чем образовательный уровень эмигрантов. Одной из причин этого является целенаправленная политика стран по привлечению реальных и потенциальных (иностранных студентов) специалистов (такую политику проводят Австралия, Канада, Франция, Великобритания, Германия, США и др.).

Согласно исследованию индикаторов конкурентоспособности стран ОЭСР, проведенному в 2019 году, наиболее привлекательными для высококвалифицированных специалистов являются Австралия, Швеция, Швейцария, Новая Зеландия, Канада, Исландия, США и Нидерланды¹. Эти страны предоставляют комфортные условия для иностранных специалистов и членов их семей. Ужесточение миграционной политики негативно сказалось на миграционной привлекательности таких стран ОЭСР, как Израиль, Япония и Турция².

Таким образом, обращает на себя внимание то, что данные приведенных выше обследований, за некоторым исключением, корреспондируются между собой. Это позволяет сделать следующий вывод: наиболее развитые страны и страны с самым высоким уровнем ВВП на душу населения не только ориентированы на привлечение, но и на удержание иностранных профессионалов на своей территории, осознавая, что талантливые и квалифицированные специалисты играют важнейшую роль в будущем процветании стран. Они занимают рабочие места, которые являются ключевыми для инноваций и технического прогресса и, в конечном итоге, способствуют более активному экономическому росту наряду с другими возможностями трудоустройства и улучшением условий жизни для всех.

Отметим, что для современного этапа экономического развития стран характерно изменение подходов к механизму привлечения высококвалифицированных специалистов. Миграционная политика все чаще приобретает селективный характер. Все страны, осуществляющие селективную политику, к категории высококвалифицированных специалистов относят специалистов для новых и перспективных направлений. Суть селективного подхода заключается в том, что государство не препятствует въезду тех категорий работников, которые нужны в данной стране, ограничивая доступ на рынок труда всем остальным. Миграционный режим для лиц, принадлежащих к категории высококвалифицированных трудящихся мигрантов, во всех странах, пытающихся привлечь их, отличается от режима для других категорий трудящихся мигрантов лучшими условиями допуска в страну, продолжительностью пребывания, условиями трудоустройства, возможностью присоединения к ним членов семей и др.

Это связано с тем, что развитые и многие развивающиеся страны осознали, что привлечение иностранных специалистов высокой квалификации (ученых, инженеров, менеджеров, преподавателей и др.) означает «импорт знаний» и исключительно выгодно для национальной экономики.

В странах, ориентированных на привлечение и удержание высококвалифицированных профессионалов, имеются четко установленные критерии, согласно которым допускаются в страну определенные категории трудовых мигрантов. Разработаны и успешно функционируют специальные преференциальные программы не только для специалистов высокой квалификации, но и для членов их семей. Целенаправленно расширяется прием иностранных студентов и аспирантов, поощряется их трудоустройство после завершения учебы. В табл. 1 приведены примеры инструментов привлечения высококвалифицированных специалистов в ряде стран.

Известно, что основой эффективности американской экономики является ее инновационный потенциал и политика по привлечению специалистов. На протяжении последних 50 лет, США являются страной с крупнейшими инвестициями в научные исследования и разработки с общемировой долей 25,25 %³. Высокий уровень материально-технической оснащенности и инструменты стимулирования науки и образования привлекают в США лучших специалистов, ученых с мировым именем, студентов, стажеров, преподавателей. Высококвалифицированные специалисты иностранного происхождения играют все более важную роль в заполнении научных, технических, инженерных и математических (STEM) позиций в экономике США. Рост ИТ-индустрии также значительно увеличил спрос на иностранных специалистов. Более 40 % ученых со степенью доктора в США являются иностранцами. В технических и компьютерных науках эта цифра достигает до 57% [7]. Около четверти работников Силиконовой долины – иностранцы.

¹ Migration policy affects attractiveness of OECD countries to international talent

<http://www.oecd.org/newsroom/migration-policy-affects-attractiveness-of-oecd-countries-to-international-talent.htm>

² How do OECD countries compare in their attractiveness for talented migrants?

<http://www.oecd.org/migration/mig/migration-policy-debates-19.pdf>

³ 2018 Global R&D Funding Forecast. (электронный ресурс) <https://abm-website-assets.s3.amazonaws.com/rdmag.com/s3fs-public/Tim%20Studt%20GS%203%20GFF.pdf>

Инструменты привлечения высококвалифицированных специалистов¹

Страна	Программы постоянной миграции для высококвалифицированных специалистов	программы временной миграции для высококвалифицированных специалистов
Канада	Действует балльная система отбора, основанная на списке дефицитных профессий	
	Программы: the Federal Skilled Trades Program (FSTP), the Federal Skilled Worker Program (FSWP) the Canadian Experience Class (CEC). Provincial Nominee Class	Программы: the Temporary Foreign Worker Program (TFWP), the International Mobility Program (IMP). - отдельная программа временной миграция высококвалифицированных специалистов только для профессионалов из стран НАФТА (TN visa NAFTA)
Австралия	Действует балльная система отбора, основанная на списке дефицитных профессий	
	Программы: General Skilled Migration Programme, Employer Nomination Scheme, Sponsored Migration Scheme	Максимальное пребывание 4 года, отбор в соответствии со списком дефицитных профессий и прогнозами рынка труда
США	Действует визовая система, частично ограниченная квотами	
	- Виза EB1 для лиц с «экстраординарными способностями»; - Иммиграционная виза на основе трудоустройства EB1, EB2 или EB3 дает право на получение «Green card»; - обладатели визы H1B могут претендовать на «Green card» через 6 лет	Комментарии: - H1B виза. Выдается высококвалифицированным специалистам на 2 года, можно продлевать до 6 лет (наличие степени бакалавра и выше); - отдельная программа временной миграция высококвалифицированных специалистов только для профессионалов из стран НАФТА (TN visa NAFTA) - J1 Visa – обменные программы для профессионалов, действует правило двух лет – необходимо вернуться в свою страну минимум на 2 года. - L1 (внутрифирменный перевод). Работа в стране максимум 5-7 лет O-1 предназначена для лиц, обладающих исключительными способностями в науке, искусстве, образовании, бизнесе или легкой атлетике, или продемонстрировавших выдающиеся достижения на национальном или международном уровне в области кинематографии либо телевидения.
Великобритания	Действует балльная система отбора, основанная на списке дефицитных профессий	
	после 5 лет легального проживания с разрешением на работу	- Высококвалифицированные специалисты (продолжительность пребывания 3 года, предложение о работе не требуется, применяется балльная система отбора), - Квалифицированные рабочие (продолжительность пребывания 3 года, требуется предложение о работе, применяется балльная система отбора)

¹ Таблица разработана и составлена автором на основе: Proposal for a Directive of the European Parliament and the Council on the conditions of entry and residence of third-country nationals for the purposes of highly skilled employment. Strasbourg, 2016 (электронный ресурс)
[http://www.europarl.europa.eu/RegData/docs_autres_institutions/commission_europeenne/com/2016/0378/COM_COM\(2016\)0378_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/docs_autres_institutions/commission_europeenne/com/2016/0378/COM_COM(2016)0378_EN.pdf)

США активно привлекает иностранных специалистов с помощью обменных программ (например, Fulbright), а также различных типов виз (см. табл. 1), позволяющих жить и работать в Соединенных Штатах высококвалифицированным специалистам и членам их семей.

В Великобритании программы привлечения высококвалифицированной рабочей силы и специалистов существуют с 2004 года. В 2008 г. была введена балльная система отбора высококвалифицированных специалистов, основанная на анализе потребностей рынка труда.

Страны Западной Европы также столкнулись с нехваткой высококвалифицированных специалистов STEM направлений. Результатом чего стало введение с 2005 года визовой программы «Зеленая карта» в Германии, а затем принятием ЕС в 2009 году программы «Европейской Голубой Карты», обе из которых предназначались для допуска высококвалифицированной иностранной рабочей силы, особенно в области науки и техники. Остановимся немного подробнее на механизме работы данной Программы.

Потребность в высококвалифицированных специалистах и невозможность удовлетворить ее за счет внутренних источников (внутриевропейских трудовых мигрантов) способствовала либерализации режима допуска высококвалифицированных специалистов из третьих стран на территорию Европейского союза с помощью введения «Европейской Голубой Карты» (директива 2009/50/ЕС), регулирующей иммиграцию высококвалифицированных специалистов из третьих стран, имеющих высшее образование, квалификацию, опыт работы и высокую зарплату (страны самостоятельно устанавливают уровень необходимой зарплаты). В Директиве под «высокой профессиональной квалификацией» понимается квалификация, которая удостоверена дипломом о высшем образовании или, в порядке исключения, когда это предусмотрено национальным законодательством, подтверждена не менее чем пятилетним профессиональным опытом на уровне, сопоставимом с дипломом о высшем образовании, и которая является уместной в рамках профессии или сектора, указанного в трудовом договоре или в твердом предложении работы¹.

Держатели «Европейской Голубой Карты» – высококвалифицированные специалисты из стран, не входящих в ЕС, в которых есть потребность на рынке труда, обладают рядом преференций: имеют право на воссоединение с семьей, на продление своего пребывания в странах Европейского Союза, на ускоренное получение постоянного вида на жительство и др. Кроме того, во многих трудовых и социальных правах, держатели «Европейской Голубой Карты» уравниваются с гражданами ЕС.

Таблица 2

Страны с наибольшим количеством иностранных высококвалифицированных специалистов-держателей Европейской Голубой Карты (человек)²

Страна ЕС	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Германия	2 584	11 580	12 108	14 620	17 630	20 541
Франция	126	371	604	657	750	1 037
Польша	2	16	46	369	673	471
Люксембург	183	236	262	336	636	671
Италия	6	87	165	237	254	301
Всего	3664	12964	13869	17104	20979	24 310

Как видно из табл. 2, Германия является безусловным лидером по численности высококвалифицированных специалистов из стран, не входящих в ЕС. На нее стабильно приходится не менее 80% держателей «Европейской Голубой Карты». В 2017 году наибольшее количество высококвалифицированных специалистов, работающих в ЕС по «Европейской Голубой Карте» приехали из Индии (5 411 человек), Китая (2 210 человек), России (1 888 человек), Украины (1 253 человек), Турции (1 138) и США (1 099 человек). На долю этих стран пришлось более половины (53%) всех выданных разрешений.

Привлекательность «Европейской Голубой Карты» для высококвалифицированных специалистов обусловлена ее преимуществом перед преференциями национального законодательства европейских стран, поскольку, последнее не дает гражданам третьих стран права на проживание и работу в других государствах-членах. Право на трудовую мобильность внутри ЕС является одним из основных преимуществ, которое предусмотрено законодательством ЕС, и которое национальное

¹ ДИРЕКТИВА 2009/50/ЕС СОВЕТА от 25 мая 2009 г. об установлении условий въезда и пребывания граждан третьих стран в целях высококвалифицированной работы.

² Составлено автором на основе данных Официального сайта баз данных Eurostat https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=migr_resbc1&lang=en

законодательство не может обеспечить. В то же время каждое государство реализует собственную политику по привлечению высококвалифицированных специалистов. Отметим, что ряд европейских стран (Ирландия, Исландия, Дания, Норвегия, Швейцария, Лихтенштейн и Великобритания) отказались от применения на своей территории «Европейской Голубой Карты».

Таким образом, в целях дополнительного конкурентного преимущества в борьбе за человеческий капитал высокого профессионального качества страны Европейского Союза кроме реализации миграционных программ в каждой отдельной стране на уровне интеграционного объединения эффективно применяют дополнительный инструмент привлечения высококвалифицированных специалистов.

Быстрый экономический рост делает страны привлекательными как для притока квалифицированных иностранных специалистов, так и возвращения эмигрировавших. Тем самым, экономический рост может превратить «утечку умов» в «циркуляцию». Важно отметить, что свои качества высококвалифицированные специалисты могут реализовать только при определенном технологическом уровне страны, иначе в них просто нет потребности. Развитие технологии и рост потребности в специалистах идут рука об руку и здесь очень важна государственная стратегия экономического и научно-технологического развития.

В качестве примера приведем Сингапур. Политика Сингапура ориентировалась на заимствование идей и создание необходимых условий для развития инновационной системы, а также на импорт современных технологий для разработки и экспорта собственных инновационных технологий. Государство сосредоточилось на формировании высококвалифицированной рабочей силы, строительстве современных технопарков и внедрении информационных технологий в различные сферы для повышения социально-экономического развития страны и качества жизни. Для того чтобы решить проблему дефицита квалифицированных кадров, Сингапур увеличил расходы на образование. Также были модернизированы системы начального образования, а школьные программы сориентированы на подготовку учащихся к продолжению учебы в учебных заведениях, выпускающих технических специалистов. Сокращение рождаемости на фоне роста потребности внутреннего производства в высококвалифицированных специалистах побудило правительство Сингапура ориентировать миграционную политику на привлечение необходимых специалистов из-за рубежа.

С начала XXI века доля мигрантов в населении Сингапура стремительно растет. В 2000 г. нерезиденты, проживающие в Сингапуре составляли 18,8 % населения. В 2010 г. число граждан, проживающих в Сингапуре и не являющихся резидентами Сингапура, выросло до 25,7 %, а в 2017 г. – составило 45,95 %. Фактически, численность мигрантов в последние годы растет быстрее, чем число граждан Сингапура. Данная тенденция отражается и в быстром росте доли иностранных высококвалифицированных специалистов в общей численности трудовых мигрантов, которая увеличилась с 14,6 % в 2006 г. до 22 % в 2012 г.

Таким образом, переход стран к постиндустриальному развитию ведет к улучшению их миграционной привлекательности для высококвалифицированных специалистов и удержанию имеющих.

Высокий уровень эмиграции квалифицированных специалистов замедляет экономический рост, способствует регрессу, росту бедности и неравенству в странах происхождения мигрантов. Например, на Ямайке эмигрировали 2/3 медицинских сестер, из Ганы – 60 % врачей, такое же количество докторов, потеряли и Филиппины. Десятки тысяч студентов из стран Юго-Восточной Азии уехали на учебу в более развитые страны и не вернулись обратно [8, с. 5]. Очевидно, что при эмиграции ученых и высококвалифицированных специалистов различных областей страна-донор оказывается в большом проигрыше, лишаясь не только всех капитальных затрат, вложенных в подготовку кадров, но и, что самое главное, интеллектуальную элиту, творческий потенциал, служащий залогом развития экономики в условиях постиндустриализации.

Важнейшее направление в деятельности многих стран оттока высококвалифицированных кадров – это стремление вернуть специалистов, проживающих за рубежом. Особенно эта проблема актуальна для развивающихся стран [9, с. 80-81].

До недавнего времени Китай и Индия, в основном выступали в роли поставщиков высококвалифицированных кадров, особенно в области науки и техники для развитых стран. Молодые люди из этих стран уезжали на учебу в страны Северной Америки, Европы или Австралию и после получения образования зачастую оставались в этих регионах работать. С начала 21 века правительства Китая и Индии, начали инициировать крупные программы по возвращению своих высококвалифицированных (ученых, исследователей) соотечественников на родину, тем самым получила проявление общая тенденция – «обратная утечка умов». Например, Индия нацелена на привлечение своих бывших граждан – высококвалифицированных специалистов с помощью таких мер, как карта

«Гражданство Индии за рубежом» (карта ОСИ), которая предоставляет индийским репатриантам многочисленные преференции и права наравне с гражданами. Карта ОСИ в основном распространяется через диаспору и консульства.

Китай активно занимается возвращением своих соотечественников – высококвалифицированных специалистов не только на национальном уровне, но и на уровне регионов и муниципалитетов. Согласно исследованию Министерства образования Китая, 353 500 китайцев, обучавшихся за границей, вернулись на материк в 2013 году. Около 60% репатриантов получили степень магистра, 6 % – кандидата наук, 30 % – бакалавра¹. С 2008 г. действует Программа «1000 талантов», которая предоставляет крупным ученым-соотечественникам гранты на проведение научных исследований в Китае. Цель данной программы - привлечь исследователей, экспертов, ученых, которых смогут сделать прорыв в ключевых инновационных и высокотехнологичных отраслях. К концу мая 2014 г. более 4180 зарубежных высококвалифицированных специалистов были привлечены благодаря программе «1000 талантов»².

Одним из ключевых факторов, влияющих на возвращение профессионалов является возможность применения своих знаний и опыта. Рональд Скеддон абсолютно справедливо пишет: «Для того, чтобы потенциал высококвалифицированных мигрантов мог быть применен на родине, там должны сформироваться соответствующие структуры. Там, где таких структур нет или они слабо развиты, возвращение высококвалифицированных кадров, вероятно, будет неэффективно. Развитие управляет миграцией, а не наоборот, хотя ясно, что миграция может содействовать развитию» [10, с. 242]. Возвращение или циркуляция высококвалифицированных специалистов в ряд стран Юго-Восточной Азии является в значительной степени результатом проводимых, в первую очередь, макроэкономических преобразований, а затем уже целенаправленной миграционной политики.

Таким образом, инновационное, технологическое и экономическое развитие стран мира неразрывно связано с ростом потребности в высококвалифицированных специалистах. Несмотря на огромные масштабы международной трудовой миграции, на мировом рынке труда существует неудовлетворенный спрос на определенные специальности и профессии высококвалифицированной рабочей силы. В связи с тем, что миграция профессионалов практически не подвержена влиянию протекционистских мер миграционной политики стран притяжения, всячески поощряется и стимулируется, это явление не только приобрело глобальный характер, но и стало одним из ключевых компонентов процесса глобализации. Как бы не менялась миграционная политика в странах приема высококвалифицированных специалистов, она всегда направлена на модернизацию экономики, улучшению конъюнктуры на соответствующем сегменте мирового рынка труда в соответствии с требованиями различных отраслей хозяйства и, как результат, повышению международной конкурентоспособности.

Литература

1. Гэри С. Беккер. Человеческое поведение. Экономический подход: пер. с англ. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 672 с.
2. Рубинская Э.Д. Международная миграция рабочей силы: методология и практика: монография. – Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ – филиал РАНХиГС. 2014. 250 с.
3. Iredale R. The Migration of Professionals: Theories and Typologies / R. Iredale // International Migration. 2001. N 39 (5). P. 7 – 26.
4. Аларкон Р. Свободное движение квалифицированных мигрантов в Северной Америке/ В кн. Миграции без границ. Эссе о свободном передвижении людей / Под ред. Антуана Пеку и Поля де Гюштенера. 2000. С. 272 – 291.
5. Lowell B. Policies and regulations for managing skilled international migration for work // United Nations expert group meeting on international migration and development. -UN/POP/MIG/2005/03. - 23 June 2005, p. 21. https://www.un.org/en/development/desa/population/events/pdf/expert/8/Lowell_pp.pdf
6. Lanvin B, Monteiro F. INSEAD (2019): The Global Talent Competitiveness Index 2019, Fontainebleau, France. (Электронный ресурс) <https://www.insead.edu/sites/default/files/assets/dept/globalindices/docs/GTCI-2019-Report.pdf>
7. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. Эмиграция ученых из России: "циркуляция" или "утечка" умов. Демографическое развитие: вызовы глобализации (Седьмые Валентеевские чтения): Международная конференция: Москва, Россия, 15-17 ноября 2012 г.: МАКС Пресс Москва. С. 47-52.

¹ Attracting skilled international migrants to China: A review and comparison of policies and practices. 2017 International Labour Organization and International Organization for Migration. С. 20.

² Официальный сайт Программы "1000 талантов" <http://www.1000plan.org.cn/en/history.html>

8. Lowell B., Findlay A. Migration of highly skilled persons from developing countries: impact and policy responses. International labor office. p. 46 (электронный ресурс) http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---migrant/documents/publication/wcms_201706.pdf
9. Рубинская Э.Д., Рубинская Э.Т. Международная миграция рабочей силы в России в условиях ее интеграции в мировую экономику: состояние, правовое обеспечение, организация / учебное пособие. Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2011. 296 с.
10. Скелдон Р. Социальные и экономические аспекты миграции: дискуссии о взаимосвязи миграции и развития/ Сб. статей. – М.: СП «Мысль, Би-эль Принт, 2007. Научная серия: Международная миграция населения: Россия и современный мир. Вып. 20. 256 с.

Rubinskaya Eteri Devisovna, Candidate of Economic Sciences (PhD), Associate Professor, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St, Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: eteri-rubinskaya@mail.ru

HIGHLY SKILLED PROFESSIONALS AS A KEY FACTOR IN THE COMPETITIVENESS OF COUNTRIES: INTERNATIONAL EXPERIENCE OF ATTRACTION

Abstract

The innovative, technological and economic development of countries is inextricably linked with the growing need for highly qualified specialists and, as a result, the intensification of competition for human capital. Based on statistical and factual materials, the article identifies factors affecting the migration attractiveness of countries, analyzes the migration practices of attracting / returning highly qualified specialists, and studies the transformation of approaches and mechanisms of migration policy towards flexibility, transparency and selective focus.

Keywords: human capital, highly skilled professionals, migration of highly qualified specialists, post-industrialization, migration policy, factor of competitiveness, attraction of professionals, "brain drain", "brain circulation".

References

1. Geri S. Bekker. Chelovecheskoe povedenie. Ekonomicheskij podhod: per. s angl. M.: GU VSHE, 2003. 672 p.
2. Rubinskaya E.D. Mezhdunarodnaya migraciya rabochej sily: metodologiya i praktika: monografiya. – Rostov n/D: Izd-vo YURIU – filial RANHiGS. 2014. 250 p.
3. Iredale R. The Migration of Professionals: Theories and Typologies / R. Iredale // International Migration. 2001. N 39 (5). P. 7 – 26.
4. Alarkon R. Svobodnoe dvizhenie kvalificirovannyh migrantov v Severnoj Amerike/ V kn. Migracii bez granic. Esse o svobodnom peredvizhenii lyudej / Pod red. Antuana Peku i Polya de Gyushtenera. 2000. P. 272 – 291.
5. Lowell B. Policies and regulations for managing skilled international migration for work // United Nations expert group meeting on international migration and development. -UN/POP/MIG/2005/03. - 23 June 2005, r. 21. https://www.un.org/en/development/desa/population/events/pdf/expert/8/Lowell_pp.pdf
6. Lanvin B, Monteiro F. INSEAD (2019): The Global Talent Competitiveness Index 2019, Fontainebleau, France. (Elektronnyj resurs) <https://www.insead.edu/sites/default/files/assets/dept/globalindices/docs/GTCI-2019-Report.pdf>
7. Ryazancev S.V., Pis'mennaya E.E. Emigraciya uchenyh iz Rossii: "cirkulyaciya" ili "utechka" umov. Demograficheskoe razvitiye: vyzovy globalizacii (Sed'mye Valenteevskie chteniya): Mezhdunarodnaya konferenciya: Moskva, Rossiya, 15-17 noyabrya 2012 g.: MAKSS Press Moskva. P. 47-52.
8. Lowell B., Findlay A. Migration of highly skilled persons from developing countries: impact and policy responses. International labor office. p. 46 (elektronnyj resurs) http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---migrant/documents/publication/wcms_201706.pdf
9. Rubinskaya E.D., Rubinskaya E.T. Mezhdunarodnaya migraciya rabochej sily v Rossii v usloviyah ee integracii v mirovuyu ekonomiku: sostoyanie, pravovoe obespechenie, organizaciya /uchebnoe posobie. Rostov n/D.: Izd-vo SKAGS, 2011. 296 p.
10. Skeldon R. Social'nye i ekonomicheskie aspekty migracii: diskussii o vzaimosvyazi migracii i razvitiya/ Sb. statej. – М.: SP «Mysl', Bi-el' Print, 2007. Nauchnaya seriya: Mezhdunarodnaya migraciya naseleniya: Rossiya i sovremennyy mir. Vyp. 20. 256 p.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СИСТЕМЕ ШКОЛА-ВУЗ НА РЫНКЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

Рустамова Ирада кандидат педагогических наук, доцент кафедры таможенного дела, АНО ВО «Российский новый университет» (105005, Россия, г. Москва, ул. Радио, 22). E-mail: irada@inbox.ru

Рустамов Наваи старший преподаватель кафедры таможенного дела, АНО ВО «Российский новый университет» (105005, Россия, г. Москва, ул. Радио, 22). E-mail: navairu@yandex.ru

Наваи оглы

Аннотация

В статье рассмотрен процесс современного состояния и тенденции формирования механизма взаимодействия в системе школа-вуз на рынке образовательных услуг. Автором выявлены основные характеристики высшего образования в стране, охватывающие сферу высшего и среднего образования, исследована динамика количества студентов, обучающихся в государственных и частных вузах, выявлено соотношение платных и бесплатных мест в высшие учебные заведения. Проведенный анализ показал, что в России, помимо того, что уровень государственного финансирования очень мал, весьма высокой является плата за обучение. В процентах от ВВП на душу населения этот показатель составляет больше 30 %. В результате в целях повышения конкурентоспособности и мобильности выпускников предложен один из способов решения данной проблемы – повышение качества высшего образования в соответствии с международными стандартами. Что позволит предоставить выпускникам системы высшего образования России преимущества перед другими странами на региональном рынке труда.

Ключевые слова: высшее образование, образовательные услуги, повышение уровня образованности, финансирование системы высшего образования, система школа-вуз, конкурентоспособность выпускников, человеческий капитал, общеобразовательные организации, расходы государственного бюджета на образование.

Основные характеристики высшего образования в стране, охватывающие сферу высшего и среднего образования, заключаются в том, что в начале 2000-х гг. начался период реализации образовательных экспериментов для перехода к системе, основанной на демократических принципах и плюрализме ценностей. Ключевыми направлениями реформ были качество, эффективность и доступность образовательных услуг. Среди основных приоритетов законодательных инициатив и документов было подчеркнута то, что повышение уровня образованности общества является вопросом национальной безопасности. С учетом данного подхода образование, представляет собой систему воспроизводства человеческого капитала, выступающего в качестве совокупности физических и умственных сил, способностей, знаний и умений, используемых для наращивания производительных сил общества.

К сожалению, несмотря на все предпринимаемые усилия, на протяжении последних лет количество обучающихся в высших учебных заведениях постоянно снижается (рис.1).

Рис. 1. Динамика количества студентов, обучающихся в вузах¹

¹ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>

Следует отметить, что такое снижение происходит на фоне увеличения обучающихся в общеобразовательных организациях (рис. 2).

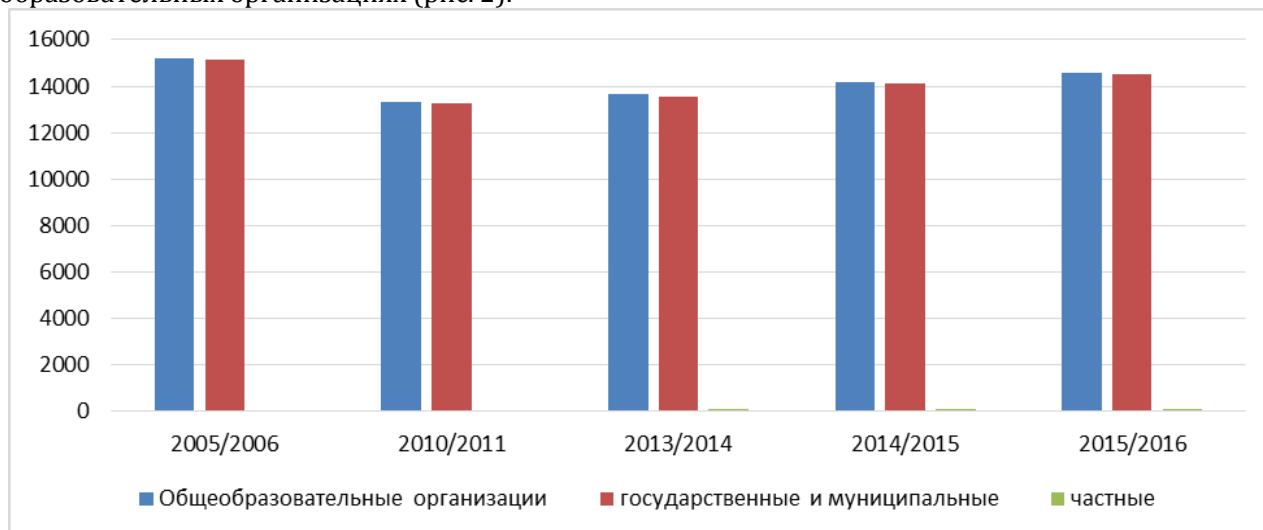

Рис. 2. Динамика количества обучающихся в общеобразовательных организациях на начало учебного года¹

Как мы видим, начиная с учебного года 2010-2011 гг. количество обучающихся общеобразовательных организаций ежегодно увеличивается, но выпуск обучающихся с аттестатом о среднем общем образовании нет (рис. 3).

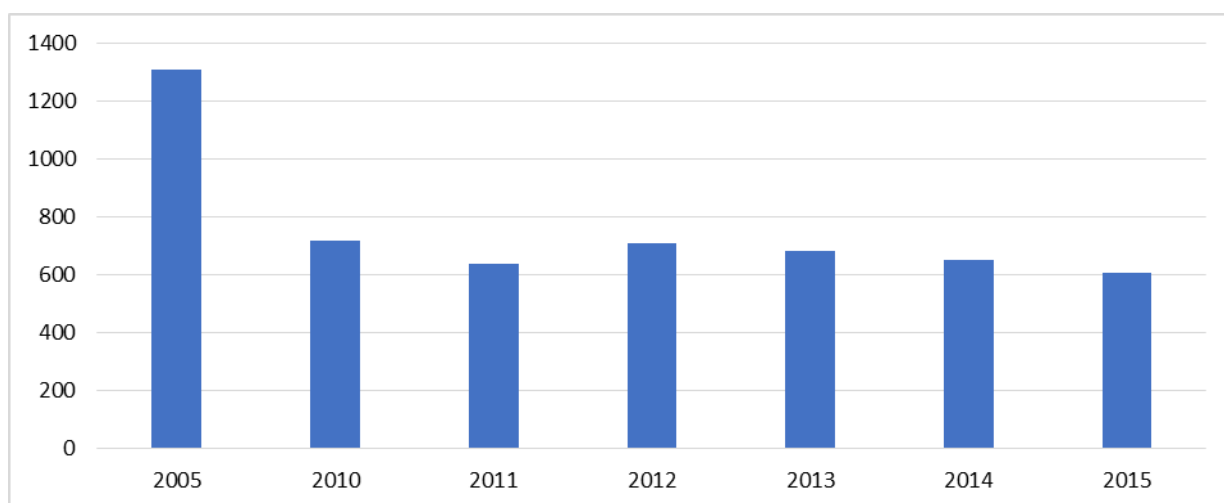

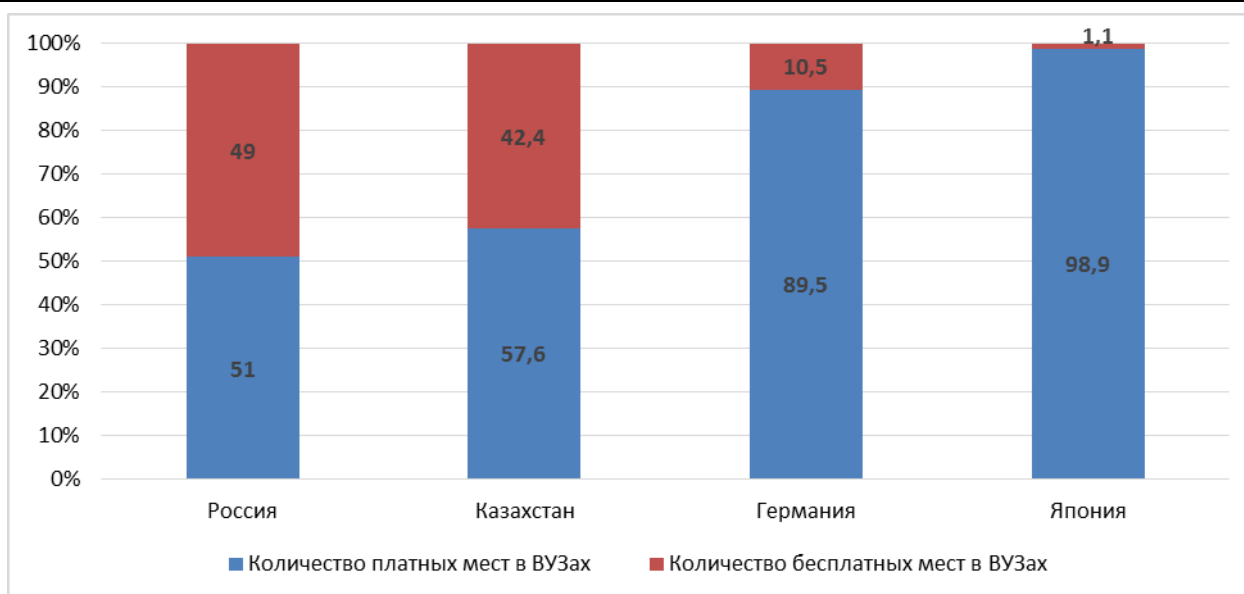
Рис. 3. Выпуск обучающихся с аттестатом о среднем общем образовании²

То есть, молодые люди предпочитают получать основное общее образование и поступать в колледжи, техникумы и училища. Это связано в том числе и с тем, что сокращается число бюджетных мест в вузах. По сравнению с другими странами данный показатель в России ниже (рис. 4).

Активнее всего к данному возврату идет Япония, где в высших профессиональных учебных заведениях в настоящее время почти 100 % мест оплачивает государство [4]. Отмечается данная тенденция и в Германии, где сегодня около 90 % мест оплачивается государством [4]. В странах же постсоветского пространства (Россия, Казахстан) согласно прогнозам экспертов, в ближайшие годы около 90 % мест будет оплачиваться из средств студентов и их родителей, выступающих в качестве потребителей образовательных услуг [5]. Таким образом, проблема соотношения частного и государственного финансирования системы высшего образования является общемировой и касается так или иначе каждого государства.

¹ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>

² Там же.

Рис. 4. Соотношение платных и бесплатных мест в высших учебных заведениях¹

В развитых государствах значительное внимание уделяется сравнению частных и государственных высших образовательных заведений, анализу зависимости качества образовательных услуг и сложившихся условий их финансирования, а также темпам роста выпусков специалистов из частных и государственных учреждений (табл. 1).

Таблица 1

**Показатели выпусков специалистов из частных и государственных учреждений
высшего образования**

	2005 /2006	2010 /2011	2013 /2014	2014 /2015	2015 /2016	2016 /2017
Выпущено организациями – всего	1151,7	1467,9	1291	1226,2	1300,5	1161,1
государственными и муниципальными	978,4	1177,8	1060	1017,7	1109,9	972,4
частными	173,3	290,1	231	208,4	190,5	188,7
Доля от принятых студентов всего	70,2	104,9	103,6	102,9	106,4	100,3
государственными и муниципальными	71,3	98,5	99,4	99,7	105,7	93,7
частными	64,7	142,2	128,5	121,9	110,6	157,8

Анализ представленных в таблице данных демонстрирует, что темп роста выпуска из частных заведений выше, нежели из государственных, что говорит о востребованности потребителями образовательных услуг частных заведений.

Важной тенденцией в контексте настоящего исследования является то, что сокращается соотношение количества выпускников школ и поступающих в вузы (рис. 5).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что механизм взаимодействия в системе школа-вуз на рынке образовательных услуг нуждается в совершенствовании, поскольку в настоящее время без образовательного потенциала невозможно перейти к инновационной модели развития экономической системы государства.

Это можно связать в том числе с тем, что в России на образование расходуется довольно мало средств. Так, по сравнению с другими странами, доля расходов государственного бюджета России на образование в общем объеме бюджета ниже, чем в большинстве развитых и развивающихся стран (рис. 6).

¹ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>

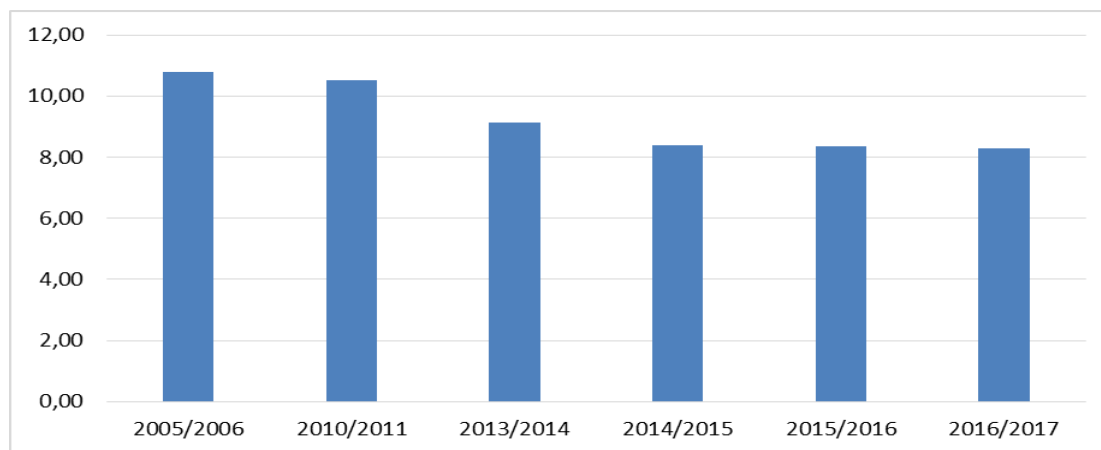
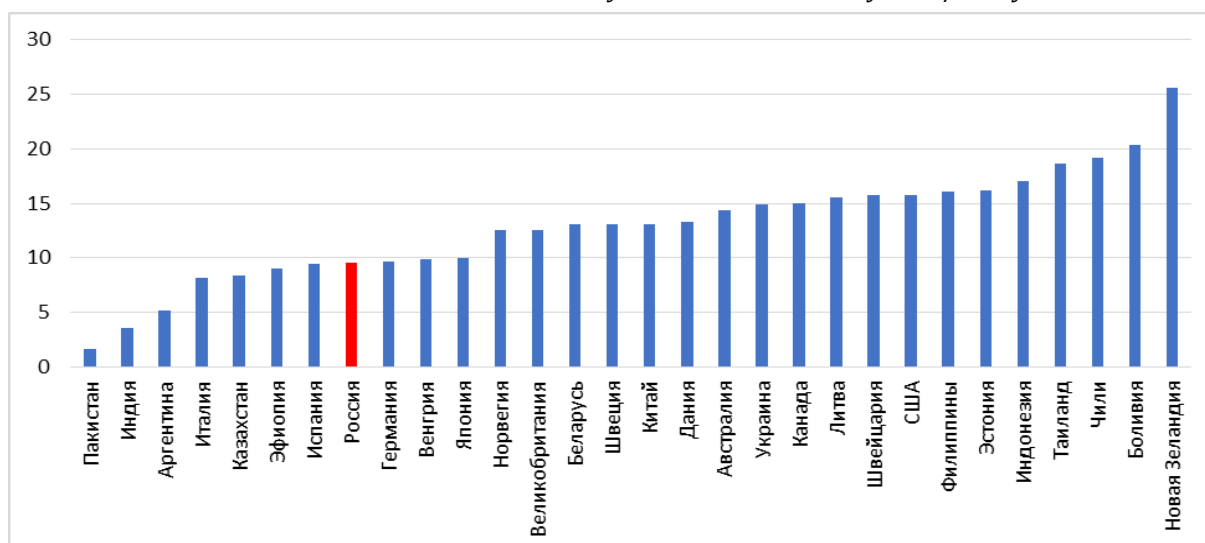
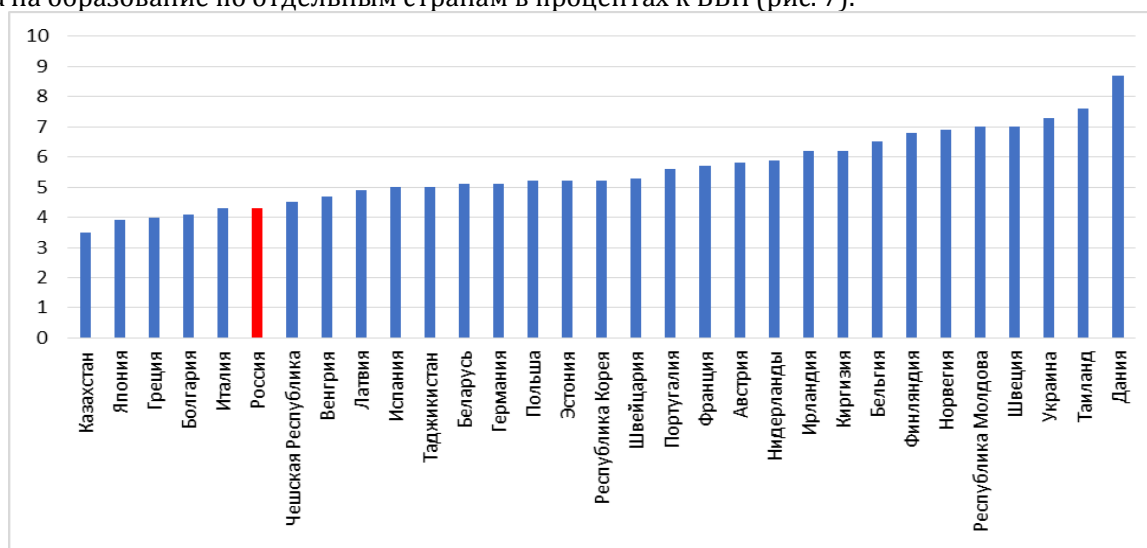

Рис. 5. Соотношение количества выпускников школ и поступающих в вузы

Рис. 6. Доля расходов государственного бюджета на образование в общем объеме бюджета по отдельным странам¹

Аналогичная тенденция наблюдается и по показателю доли расходов государственного бюджета на образование по отдельным странам в процентах к ВВП (рис. 7).

Рис. 7. Доля расходов государственного бюджета на образование по отдельным странам в процентах к ВВП²

¹ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>

² Там же.

Кроме того, следует отметить, что плата за образовательные услуги высших учебных заведений весьма высока. На рис. 8 представлена плата за обучение в процентах от ВВП на душу населения в отдельных странах.

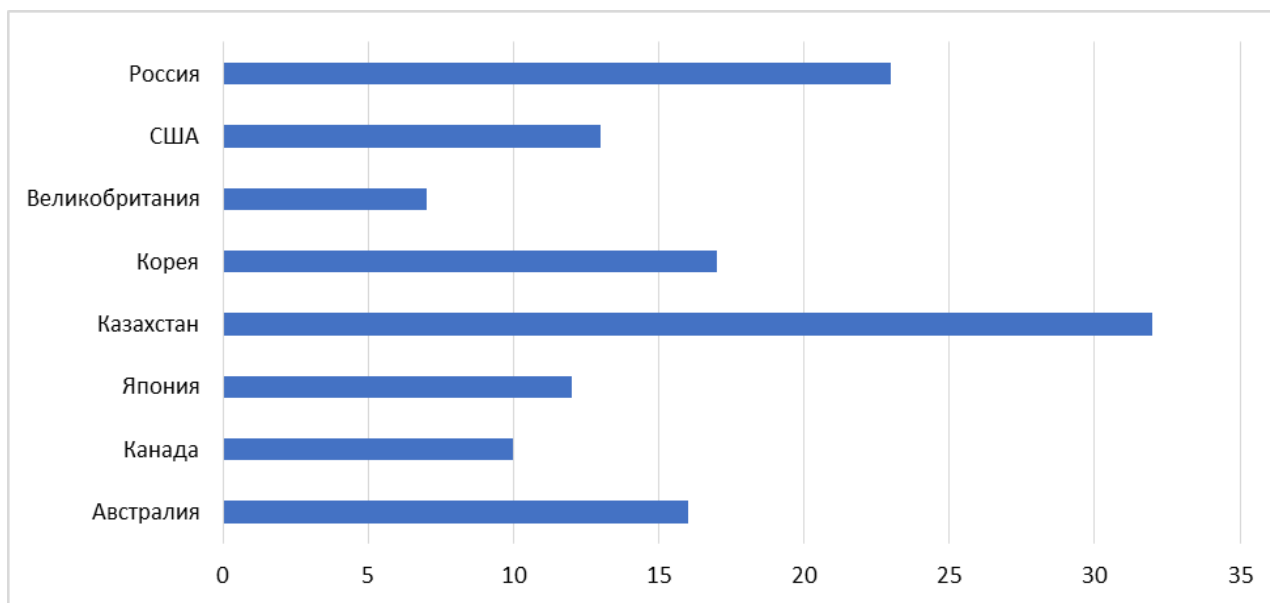

Рис. 8. Плата за обучение в процентах от ВВП на душу населения в отдельных странах¹

Анализ представленных данных демонстрирует, что в России, помимо того, что уровень государственного финансирования очень мал, весьма высокой является плата за обучение. В процентах от ВВП на душу населения этот показатель составляет больше 30 %. Противоречия между мышлением и практической деятельностью, целью и результатом возникают постоянно и требуют разрешения [2, 3].

Несмотря на многочисленные проблемы, система высшего образования в России продемонстрировала устойчивость и расширила охват более 50% соответствующей возрастной категории населения.

Литература

1. Александров А.Ю., Верещак С.Б., Иванова О.А. Правовые проблемы соотношения государственного и общественного контроля в сфере высшего образования // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. №2 (34). С. 140 – 146.
2. Капустина Н.В. Методология управления развитием организации на основе риск-менеджмента: автореферат дис. ... доктора экономических наук / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Ростов-на-Дону, 2015. 43 с.
3. Кузнецов Ю.В., Капустина Н.В. Принципы исследования системы управления рисками // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2010. Т. 13. № 1. С. 15 – 21.
4. Посконина О.В. Государственная политика современной России в сфере высшего образования // Вестник УдмГУ. 2015. № 2-2 С. 130 – 133.
5. Рощин С.Ю., Рудаков В.Н. Измеряют ли стартовые заработные платы выпускников качество образования? Обзор российских и зарубежных исследований // Вопросы образования. 2015. № 1. С. 137 – 181.
6. Рустамова И.Т. Педагогические условия развития музыкальной одаренности исполнителя в системе "колледж – специализированный вуз". Диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Забайкальский государственный педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского. Красноярск, 2007. 170 с.

¹ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>

Rustamova Irada Talyatovna, candidate of pedagogics, docent of the Department of Customs Affairs, the Russian new University (22, Radio str., Moscow, 105005, Russian Federation).

E-mail: irada@inbox.ru

Rustamov Navai Navai ogly, senior lecturer of the Department of Customs Affairs, the Russian new University (22, Radio str., Moscow, 105005, Russian Federation).

E-mail: navairu@yandex.ru

CURRENT STATUS AND TRENDS OF FORMATION OF THE MECHANISM OF INTERACTIONS IN THE SYSTEM OF SCHOOL-UNIVERSITY ON THE MARKET OF EDUCATIONAL SERVICES

Abstract

The article considers the current state of the process and trends in the formation of the mechanism of interaction in the school-University system in the market of educational services. The author identifies the main characteristics of higher education in the country, covering the sphere of higher and secondary education, studies the dynamics of the number of students studying in public and private universities, and reveals the ratio of paid and free places in higher education institutions. The analysis showed that in Russia, in addition to the fact that the level of state funding is very small, tuition fees are very high. As a percentage of GDP per capita, this figure is more than 30 %. As a result, in order to increase the competitiveness and mobility of graduates, one of the ways to solve this problem is to improve the quality of higher education in accordance with international standards. This will provide graduates of the Russian higher education system with advantages over other countries in the regional labor market.

Keywords: higher education, educational services, improvement of the level of education, financing of the higher education system, school-university system, competitiveness of graduates, human capital, general education organizations, expenditure of the state budget on education.

References

1. Aleksandrov A.YU., Vereshchak S.B., Ivanova O.A. Pravovye problemy sootnosheniya gosudarstvennogo i obshchestvennogo kontrolya v sfere vysshego obrazovaniya // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. 2015. №2 (34). P. 140 – 146.
2. Kapustina N.V. Metodologiya upravleniya razvitiem organizatsii na osnove risk-menedzhmenta: avtoreferat dis. ... doktora ekonomicheskikh nauk / Ros. akad. nar. hoz-va i gos. sluzhby pri Prezidente RF. Rostov-na-Donu, 2015. 43 p.
3. Kuznecov YU.V., Kapustina N.V. Principy issledovaniya sistemy upravleniya riskami // Vestnik Murmanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2010. T. 13. № 1. P. 15 – 21.
4. Poskonina O.V. Gosudarstvennaya politika sovremennoj Rossii v sfere vysshego obrazovaniya // Vestnik UdmGU. 2015. № 2-2. P. 130 – 133.
5. Roshchin S.YU., Rudakov V.N. Izmeryayut li startovye zarabotnye platy vypusknikov kachestvo obrazovaniya? Obzor rossijskikh i zarubezhnykh issledovanij // Voprosy obrazovaniya. 2015. № 1. P. 137 – 181.
6. Rustamova I.T. Pedagogicheskie usloviya razvitiya muzykal'noj odarennosti ispolnitelya v sisteme "kolledzh – specializirovannyj vuz". Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk / Zabajkal'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. N.G. Chernyshevskogo. Krasnoyarsk, 2007. 170 p.

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ БИЗНЕСА В КОНТЕКСТЕ БАНКОВСКОЙ ПОЛИТИКИ СОЗДАНИЯ ЦИФРОВЫХ ЭКОСИСТЕМ

Черкасова Татьяна Павловна	доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и предпринимательства, декан факультета политологии, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: tcherkasova@uriu.ranepa.ru
Бандурина Ирина Алексеевна	магистрант факультета экономики, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: bandurina_irina@mail.ru
Черкасов Евгений Леонидович	магистрант факультета экономики, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: echerkasov78@mail.ru

Аннотация

В статье представлен анализ влияния глобальных трендов на развитие российского предпринимательства, позволивший определить особенности взаимодействия инвестиционно привлекательного для банковской системы IT-бизнеса с банками. Новой формой такого взаимодействия выступает цифровая экосистема, которая является современным этапом развития бизнес-экосистем. Выделены две альтернативные банковские политики развития экосистем: специализации и интеграции. Исследование достижений российской банковской системы по внедрению инновационных технологий, позволило определить топ-8 российских банков и их ключевые технологии, а также определить три основных этапа формирования банковской экосистемы. Выделены основные преимущества всех участников бизнес-экосистемы в банковской сфере.

Ключевые слова: глобальная конкуренция, тренды развития бизнеса, инвестиционная привлекательность, банковская система, банковская политика, бизнес-экосистема, цифровая экосистема банка, специализация, интеграция.

Усиление глобальной конкуренции обусловлено систематическими финансовыми кризисами, которые становятся причиной экономических, приводят к санации бизнеса, особенно мелкого и среднего. В совокупности с усиливающейся глобальной конкуренцией диктуют новые условия функционирования бизнеса и мировые тренды развития. В связи с этим возникает необходимость модернизации современных форм бизнеса с целью сохранения его инвестиционной привлекательности и поиска новых способов его взаимодействия с банковским сектором.

Современными глобальными трендами развития бизнеса являются:

лавинообразное распространение новых бизнес-моделей, которые базируются на платформах цифровых технологий (таких как Alibaba, Uber и Airbnb), на передовых производственных технологиях вроде 3D-принтинга и цифровых двойников;

клиентоориентированность бизнеса и быстрая доступность потребителю (например, умный конструктор программ питания на основе анализа больших данных Elementary);

сращивание с банковским сектором, образование банковских экосистем;

усиление тенденции транснационализации, именно крупные транснациональные корпорации имеют возможность разработки новых цифровых технологий и их внедрение на базе собственных платформ;

развитие международной научно-технической кооперации, основанной на реализации мега-научных проектов.

Очевидной угрозой для российской экономики в рамках выделенных трендов является высокая степень вероятности утраты конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности национального бизнеса как на мировом, так и на внутреннем рынке в силу отставания в темпах и масштабах развития, а главное, готовности к внедрению новых технологий. Основными барьерами на пути российской цифровой трансформации бизнеса являются низкий с его стороны спрос на результаты НТР, слабый уровень интеграции в глобальные технологические тренды и ограничения на внедрение отдельных перспективных технологий (таких, как клонирование, генное модифицирование и др.), дефицит в современном научном и промышленном оборудовании.

Велика роль в преодолении указанных барьеров национальной банковской системы, заинтересованной в развитии новых платформенных (сквозных) технологий межотраслевого назначения (в сфере ИКТ, наноиндустрии), характеризующихся высоким мультипликационным эффектом. Стабильность и эффективность банковского сектора является важным условием сбалансированного развития национальной экономической системы. Сегодня устойчивость банковской системы зависит от стабильности каждого отдельного банка. Однако российская экономика продолжает стагнировать, в результате чего корпоративные заемщики отказываются от новых кредитов, а доля просроченных кредитов увеличивается [2].

Анализ особенностей функционирования банковской системы России позволил выявить следующие тенденции в ее развитии:

Устойчивое сокращение участников рынка (почти на 20 %) в пользу крупных финансово-кредитных организаций (концентрация активов 5 крупнейших банков выросла с 43 до 51 %). Фактически сократилось число банков и усилилась асимметричность их размещения по субъектам РФ. Этому способствовала активизация отзывов лицензий у кредитных организаций. В результате наибольшая концентрация банков характерна для европейской части страны, в частности для Центрального федерального округа (ЦФО). Концентрация банков в остальных федеральных округах по сравнению с ЦФО значительно меньше, так в Уральском федеральном округе концентрация ниже в 13 раз, а Приволжском федеральном округе в 5,3 раза.

Рост доли государственного участия в уставном капитале 8 самых крупных российских банков. Доля таких банков уже превысила 50 % [4].

Усиление зарубежного присутствия финансово-кредитных организаций [9].

1. Ужесточение конкуренции в банковском секторе. Наибольший вес в банковском секторе России занимают банки с государственным участием: ОАО «Сбербанк России» и ОАО «ВТБ». Начиная с 2013 г. наметилась тенденция санации небольших убыточных банков в связи с новым, более строгим подходом Центробанка РФ к банковскому надзору. Небольшие кредитные организации перестали выдерживать конкурентных условий, навязанных крупными банками и вынуждены уходить с рынка [1].

2. Структура банковских активов характеризуется преобладанием кредитных средств, причем основную массу оставляют кредиты нефинансовому сектору (их доля - более 40 %). Незначительные корректировки в структуре банковских активов определяются увеличением доли розничных кредитов [8].

3. Структура банковских пассивов относительно постоянная и отличается стабильностью доли депозитов населения¹.

Нормализация ситуации, связанной со стабилизацией банковской сферы, которая в свою очередь способна простимулировать развитие национального бизнеса и через него всей экономической, требует как минимум двух взаимосвязанных мер.

Во-первых, снижение рисков от долгосрочных банковских вложений в реальный сектор и повышение их окупаемости. Действенной мерой может стать оптимизация системы страхования и повышение ответственности обеих сторон кредитных отношений.

Во-вторых, меры государственного регулирования должны быть направлены на увеличение привлекательности инвестирования в бизнес проекты по сравнению с потребительским кредитованием. Для этого необходимо корректировка законодательных норм, ориентированных на обеспечение прозрачности банковского кредитования путем минимизации комиссии.

Проведенный анализ глобальных трендов развития бизнеса и особенностей банковской политики в России, позволил выделить в качестве основной детерминанты стимулирования роста экономики необходимость качественной трансформации самих банковских институтов.

Очевидно, сегодня банкам, чтобы оставаться конкурентоспособными и прибыльными, приходится отказываться от привычной нишевой стратегии, предполагающей специализацию деятельности на узком сегменте с ограниченным спектром услуг, и переходить к стратегии широкой дифференциации, когда банки становятся вовлеченными во все большее количество сфер жизни общества и расширяют перечень предоставляемых услуг. В связи с этим большинство банков выбирает принцип организации деятельности как экосистемы.

Одним из первых в 1993 г. Джеймс Ф. Мур предложил концепцию бизнес-экосистем. Под бизнес-экосистемой он понимал «экономическое сообщество при поддержке фонда взаимодействующих организаций и физических лиц-организмов делового мира» [10]. Фактически это объединение

¹ Бюллетень рейтингового агентства «Эксперт РА»: «Будущее Российского банковского сектора: соединить рост и стабильность». URL: <http://raexpert.ru>

бизнес структур, включающих поставщиков, ведущих производителей и иные заинтересованные коммерческие структуры, ориентированных на производство взаимодополняющих товаров и услуг для удовлетворения определенных потребностей клиента.

Развил данную концепцию применительно к внедрению новых технологий, которые появились из Силиконовой долины, профессор экономики Калифорнийского университета Д. Брэдфорд Делонг. Он под бизнес-экосистемой понимал использование взаимосвязанными бизнес-структурами «более производительного набора процессов разработки и коммерциализации новых технологий», которые характеризуются «быстрым прототипированием, коротким циклом разработки продукта, ранним пробным маркетингом, опционами на основе компенсации, венчурным финансированием» [11].

Существует множество подходов к дефиниции понятия экосистема. На ниш взгляд наиболее емким является следующее: «экосистема – это система взаимодействия компаний – провайдеров услуг, регуляторов и потребителей, которая включает в себя как конкуренцию, так и сотрудничество, для того чтобы предоставить пользователю тот или иной сервис» [3]. Отчасти она становится популярной из-за возросшего темпа жизни, когда время, будучи невозполнимым ресурсом, ценится более всего.

О развитии экосистем в бизнесе на Западе впервые заговорили более 20 лет назад, когда рынок частного капитала в России еще находился в стадии формирования. Сегодня все чаще встречаются примеры, когда успешные IT-продукты или сервисные компании органично эволюционируют в экосистемы.

Однако последнее время экосистемы начинают активно формироваться и в банковской сфере. В Европе действует платежная директива PSD2, которая обязывает банки предоставлять открытый доступ к API, из-за чего их бизнес-модели сильно меняются. Развитие банковского обслуживания в открытом формате (open banking) усиливает конкуренцию за клиента и предъявляет жесткие требования к эффективности сервисов и уровню технической зрелости. Традиционные внутренние инструменты создания продуктов не обеспечивают требуемой скорости и качества изменений, поэтому активно привлекаются финансово-технологические компании.

Долгосрочные общемировые прогнозы демонстрируют, что маржа и чистая рентабельность собственного капитала (ROE) банковского бизнеса продолжают стагнировать. В последние 10 лет в среднем по миру ROE банков составляет 8–10%, что едва покрывает стоимость их акционерного капитала (McKinsey). А к 2025 г., по прогнозу McKinsey, ROE банковского сектора будет находиться в диапазоне 5,2–9,3%. В подобных условиях стремление банков выйти за пределы сектора финансовых услуг в более высокодоходные сегменты выглядит логичным. Когда на рынке становится тесно, создание экосистемы позволяет расширить границы основного бизнеса.

Организация деятельности банка в рамках экосистемы предполагает тесное взаимодействие с клиентом, то есть выбор направлений деятельности банка, изменение вектора развития и способа предоставления банковских услуг исходя из предпочтений клиента. В связи с этим Крисом Скиннером был введен специальный термин – байология, который означает, что банк отталкивается от представлений клиента о наилучшем удовлетворении его потребностей и в соответствии с ними разрабатывает тот или иной банковский продукт [6]. Это означает, что банк становится «единым окном» («one stop provider») для клиента, поскольку делает возможным доступ физического или юридического лица ко всем необходимым ему сервисам.

Более того, «построение сети организаций, входящих в экосистему, осуществляется вокруг единой технологической платформы, что дает возможность пользоваться ее услугами для формирования предложений клиентам и доступа к ним. Пожалуй, наиболее яркие примеры крупнейших мировых экосистем – это американские Google, Amazon, Facebook, китайские Tencent и Alibaba. Согласно прогнозам Сбербанка, к 2025 году на такие экосистемы придется около 30% глобальной выручки организаций и более 40% их общей прибыли» [5].

История создания финансовой экосистемы восходит к финансовым супермаркетам (marketplace), в рамках которых клиенты имели доступ к широкой линейке банковских услуг и параллельно получали возможность пользования продуктами и услугами, предоставляемыми бизнес-партнерами банка. Выгода была и для банка, и для клиента, который сотрудничая с вторичными бизнес-структурами через банк, в некоторых случаях получал льготы, доступные лишь при таком взаимодействии.

Поскольку функционирование банков как экосистем сводится к деятельности в цифровой среде, то они могут реализовывать одну из двух вариантов банковской политики.

1. Политика банковской специализации предполагает поиск уникального узко-ориентированного продукта или услуги, который станет базовым элементом клиентской экосистемы.

Результатом подобной политики станет тот факт, что банки начнут «дробить» реализуемые сервисы с целью удовлетворить потребительские предпочтения в приобретении конкретного банковского продукта, а не заставляя клиента приобретать пакет банковских услуг.

2. Политика банковской интеграции ориентирована на расширение банковской линейки услуг продуктами бизнес-партнеров на льготных условиях, тем самым диверсифицируя создаваемую экосистему.

Однако, построение экосистемы предполагает кардинальную трансформацию традиционной иерархической банковской системы, ориентированной на удовлетворение исключительно финансовых потребностей клиента, в горизонтально структурированную, когда пакет банковских услуг и продуктов формируется с учетом данных о клиенте. Подобный инновационный сервис потребует нового вида лицензий на осуществление банковской деятельности с расширенным перечнем, включающим даже специфические услуги, которые не имеют отношения к банковской системе.

Поскольку преобразование банка в финансовую экосистему можно назвать инновацией, то по данным оценки компанией Deloitte восемь российских банков были определены как самые инновационные кредитные организации (табл. 1).

Таблица 1

**Рейтинг российских банков по использованию
инновационных технологий**

Банк	Биометрическая идентификация	Идентификация по голосу	Интеграция с соцсетями	Цифровой кошелек	Торговые плат-формы	Бесконтактные технологии	Инновационное отделение	Управление финансами	Анализ больших данных	P2P/ P2B кредитование	Итого
Сбербанк	2	1	2	2	1	2	2	2	2	-	16
Альфа-банк	1	-	2	-	2	2	1	2	2	2	14
Тинькофф	1	2	2	2	2	2	-	1	2	-	14
Открытие	1	-	1	-	2	-	1	1	1	-	7
ВТБ24	1	-	1	-	-	-	2	1	1	-	6
Русский стандарт	1	-	1	1	-	1	-	1	1	-	6
Промсвязьбанк	1	-	1	-	1	-	-	1	1	-	5
Бинбанк	1	-	-	1	-	1	-	-	1	-	4

В России первым о создании финансовой экосистемы в 2016 г. заявил Сбербанк. Вторым стал Тинькофф Банк. «Чтобы выжить и процветать через пять-семь лет, мы строим финансовую экосистему», – объявил в конце 2017 г. председатель правления Тинькофф Банка Оливер Хьюз. В конце 2018 г. к ним присоединился ВТБ-банк заказал разработку концепции консалтинговой компании McKinsey за 132 млн. рублей. Экосистему для юрлиц в формате «Клуба клиентов» развивает и Альфа-банк.

Тем не менее, о том, что занимаемые позиции подтверждены банками и сегодня, свидетельствует тот факт, что Сбербанк, будучи лидером, планирует до конца 2019 года завершить превращение банка в платформенную организацию с развитой экосистемой вокруг. В частности, «в 2017 году Сбербанком была заключена сделка с MD Medical Group, и с тех пор банк владеет 80% сервиса онлайн-записи к врачам DocDoc.ru» [7]. Среди выгод данного проекта возможность получения клиентами кредитов и оборудования в лизинг от Сбербанка. Клиентам сервиса будут предложены бонусы при оплате картой Сбербанка, а также станет реальностью для клиента, нуждающегося в дорогостоящей операции, возможность быстрее получить на нее кредит.

Кроме того, Сбербанком был запущен проект облачных касс «Эвотор», Тинькофф открыл свой магазин телефонов, и оба банка представили сервисы для инвестиций и заявили о запуске собственного мобильного оператора. Свои программы по расширению экосистемы ведут Бинбанк и банк «Восточный», а для подключения партнеров банки создали свои платформы с открытыми программными интерфейсами (API).

Помимо перечисленных банков-лидеров Уральский Банк Реконструкции и Развития также встал на путь трансформации в экосистему. Переход же к банку, функционирующему в качестве экосистемы, осуществляется в три этапа:

1. Кросс-продажи услуг партнеров банка в его офисах.

2. Увеличение базы поставщиков услуг.

3. Предоставление клиентам открытого дистанционного доступа ко всем финансовым услугам банка. На данном этапе актуальным является вопрос внедрения в банковскую деятельность технологии блокчейн, которая предоставит возможность объединить все данные в одну общую большую базу.

Таким образом, при реализации проекта по трансформации классического банкинга в финансовую экосистему, в выигрыше останутся все участники, вовлеченные в этот процесс: клиенты смогут сэкономить время, получить льготы, быть уверенными в предлагаемом продукте, поскольку доверяют посреднику – банку; банки смогут получить большую прибыль за счет комиссионных и расширить сферы влияния, получить выход за границу; бизнес-партнеры обретут поддержку крупных финансовых институтов, а также снизят конкурентную борьбу на общем рынке, но повысят внутри экосистемы.

Литература

1. Богомолов С.М., Ильина Л.В., Копченко Ю.Е. Консолидация банковского сектора России: причины и последствия // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2019. № 3 (77). С. 151 – 155.
2. Ваганова Г.В. Банк как участник и пользователь цифровых финансов // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 1 (109). С. 54-58.
3. Орлов И., Балашова А. Греф пообещал превратить Сбербанк в «финансовую экосистему» // РБК: информационный портал. 2016. URL: <https://www.rbc.ru/finances/08/11/2016/5821d4c09a79475232ca62d7>
4. Перцева С.Ю. Современные тенденции развития российского банковского сектора // В сборнике: Финансы России в условиях глобализации Материалы III Международной научно-практической конференции, приуроченной ко "Дню финансиста - 2018". 2018. С. 64-69.
5. Сапожникова М.В. Проблемы и особенности развития современного состояния банковской отрасли в РФ // Научно-аналитический журнал Наука и практика Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2018. № 2 (30). С. 134 – 144.
6. Скиннер К. ValueWeb. Как финтех-компании используют блокчейн и мобильные технологии для создания интернета ценностей // <https://www.litres.ru/kris-skinner/valueweb-kak-finteh-kompanii-ispolzuut-blokcheyn-i-mobilnye-t/chitat-onlayn/>
7. Стогней А., Седлов Д. Банки для продвинутых. Кто предлагает клиентам больше новых технологий // РБК: информационный портал. 2017. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2016/08/24/57bb7ffe9a7947340fa28c1f>
8. Усова Н.В., Логинов М.П., Стрельников Е.В. Успешность банковских услуг на рынке ипотечного кредитования // Финансы и кредит. 2018. Т. 24. № 11 (779). С. 2599 – 2613.
9. Alexakis Ch., Ignatova T., Polyani A. Tests for sectorial market efficiency of the dynamics in Moscow Exchange / Revista ESPACIOS. 2019 Vol.40. № 10. P.17.
10. DeLong B. Why the Valley Way Is Here to Stay // <http://www.business2.com/articles/mag/0,1640,7823,FF.html>
11. Moore James F. Predators and Prey: A New Ecology of Competition / Harvard Business Review. // <https://hbr.org/1993/05/predators-and-prey-a-new-ecology-of-competition>

Cherkasova Tatiana Pavlovna, Doctor of Economic Science, Professor of Cathedra of Economic Theory and Entrepreneurship, Dean of Politology Department, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).

E-mail: tcherkasova@uriu.ranepa.ru

Bandurina Irina Alekseevna, graduate student of the faculty of Economics, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: bandurina_irina@mail.ru

Cherkasov Evgeniy Leonidovich, graduate student of the faculty of Economics, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: echerkasov78@mail.ru

INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF BUSINESS IN THE CONTEXT OF BANKING POLICY OF CREATING DIGITAL ECOSYSTEMS

Abstract

The article presents an analysis of the impact of global trends on the development of Russian entrepreneurship, which allowed to determine the features of interaction of investment attractive for the banking system IT-business with banks. A new form of such interaction is the digital eco-system, which is a modern stage of development of business eco-systems. Two alternative banking policies for the development of eco-systems are identified: specialization and integration. Research of achievements of the Russian banking system on introduction of innovative technologies, allowed to define top-8 Russian banks and their key technologies, and also to define three main stages of formation of a banking eco-system. The main advantages of all participants of the business ecosystem in the banking sector are highlighted.

Keywords: *global competition, business development trends, investment attractiveness, banking system, banking policy, business ecosystem, digital ecosystem of the Bank, specialization, integration.*

References

1. Bogomolov S.M., Il'ina L.V., Kopchenko YU.E. Konsolidaciya bankovskogo sektora Rossii: prichiny i posledstviya // Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-ekonomicheskogo universiteta. 2019. № 3 (77). P. 151 – 155.
2. Vaganova G.V. Bank kak uchastnik i pol'zovatel' cifrovyyh finansov // Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. 2018. № 1 (109). P. 54-58.
3. Orlov I., Balashova A. Gref poobeshchal prevratit' Sberbank v «finansovuyu ekosistemu» // RBK: informacionnyj portal. 2016. URL: <https://www.rbc.ru/finances/08/11/2016/5821d4c09a79475232ca62d7>
4. Perceva S.YU. Sovremennye tendencii razvitiya rossijskogo bankovskogo sektora // V sbornike: Finansy Rossii v usloviyah globalizacii Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, priurochennoj ko "Dnyu finansista - 2018". 2018. P. 64-69.
5. Sapozhnikova M.V. Problemy i osobennosti razvitiya sovremennogo sostoyaniya bankovskoj otrasli v RF // Nauchno-analiticheskij zhurnal Nauka i praktika Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova. 2018. № 2 (30). P. 134 – 144.
6. Skinner K. ValueWeb. Kak fintekhhkompanii ispol'zuyut blokcheyn i mobil'nye tekhnologii dlya sozdaniya interneta cennostej // <https://www.litres.ru/kris-skinner/valueweb-kak-finteh-kompanii-ispolzuut-blokcheyn-i-mobilnye-t/chitat-onlayn/>
7. Stognej A., Sedlov D. Banki dlya prodvinutyh. Kto predlagaet klientam bol'she novyyh tekhnologij // RBK: informacionnyj portal. 2017. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2016/08/24/57bb7ffe9a7947340fa28c1f>
8. Usova N.V., Loginov M.P., Strel'nikov E.V. Uspeshnost' bankovskih uslug na rynke ipotechnogo kreditovaniya // Finansy i kredit. 2018. T. 24. № 11 (779). P. 2599 – 2613.
9. Alexakis Ch., Ignatova T., Polyanin A. Tests for sectorial market efficiency of the dynamics in Moscow Exchange / Revista ESPACIOS. 2019 Vol.40. № 10. P.17.
10. DeLong B. Why the Valley Way Is Here to Stay // <http://www.business2.com/articles/mag/0,1640,7823,FF.html>
11. Moore James F. Predators and Prey: A New Ecology of Competition / Harvard Business Review. // <https://hbr.org/1993/05/predators-and-prey-a-new-ecology-of-competition>

ЭФФЕКТИВНЫЙ КОНТРОЛЬ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Шадиан Макар Гарибович	кандидат экономических наук, ведущий аудитор Управления внутреннего аудита по Юго-Западному банку ПАО Сбербанк, старший преподаватель кафедры налогообложения и бухгалтерского учета экономического факультета, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: shadiyan@mail.ru
Писаренко Анастасия Сергеевна	магистрант кафедры налогообложения и бухгалтерского учета экономического факультета, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: pisarenko96@list.ru

Аннотация

Статья посвящена формированию эффективной системы внутреннего контроля на предприятии с целью повышения его инвестиционной привлекательности. Определена взаимосвязь построения системы контроля с организационной структурой и корпоративной культурой организации. Проведен сравнительный анализ категорий "мониторинга" и "контроллинга". Описаны виды, принципы и этапы контроля. Разработан инструмент визуализации внутреннего инвестиционного контроля и мониторинга.

Ключевые слова: инвестиционная деятельность, инвестиционная привлекательность, контроль, контроллинг, инвестиционный контроль, этапы контроля, мониторинг инвестиционной деятельности, дашборд, темпы роста экономики.

Сложная международная социально-экономическая и политическая обстановка, санкционные и протекционистские риски, спад реальных темпов роста мировой и отечественной экономики крайне негативно сказываются на инвестиционной привлекательности российских предприятий на протяжении последних лет. Динамика сокращения притока инвестиций в РФ представлена на рис. 1.

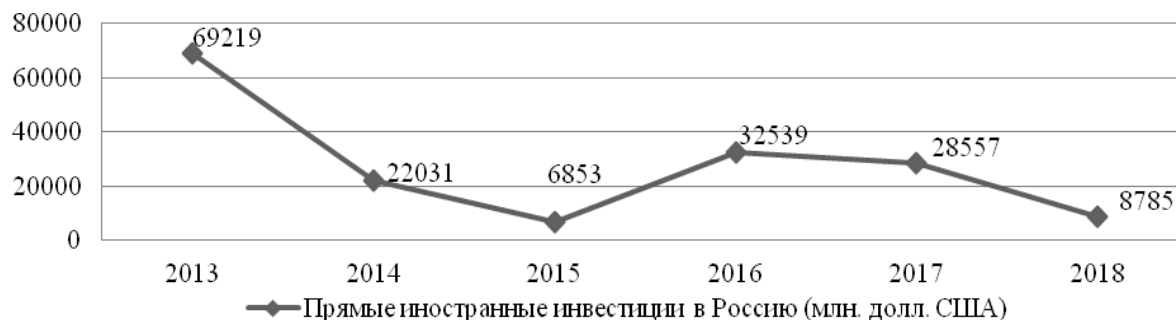

Рис. 1. Динамика поступлений ПИИ в РФ за 2013-2018 гг. (млн долл. США) [5]

Отправной точкой сокращения уровня данного показателя стало включение в состав России Крымского полуострова в 2014 г., непризнанное мировым сообществом. Позже «санкционная война» стала более масштабной. Элементы санкционной политики становятся нормой в отношениях между целым рядом стран, что уже сегодня привело к снижению потоков прямых иностранных инвестиций в мире – с 1,5 трлн долл. США в 2017 г. до 1,3 трлн долл. США в 2018 г.¹ Усиление санкционного противостояния между США и Китаем, США и ЕС и другими странами обуславливают сокращение роста мирового производства, следовательно, замедление потоков международных инвестиций.

В России на протяжении пяти лет анализируемый показатель так и не смог достичь уровня 2013 г. Самое резкое падение пришлось на 2018 г. – 69,2% (19772 млн. долл. США). Санкции привели к сокращению вложений в развитие стратегических отраслей. Отдельные меры заблокировали инвестиции в проекты, направленные на развитие инфраструктуры Крымского полуострова.

¹ World Investment Report 2019. Special Economic Zones. UNCTAD. [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2019_en.pdf

Санкции затронули около 20–21% корпоративного сектора, прежде всего, банковской, нефтегазовой и оборонно-промышленной отраслей¹. Из-за санкций произошло падение инвестиционной привлекательности не только указанных предприятий и отраслей, но и большинства отечественных компаний. Справедливости ради, стоит отметить, что отрицательное влияние на предприятия, ориентированные внешний рынок, оказывают и ответные меры России в отношении инициаторов санкционной политики. Создают неопределенность необдуманные попытки наших законодателей запретить или ограничить какое-либо участие иностранного капитала в ряде отраслей, в том числе высокотехнологичных.

В условиях повышенной неопределенности и рисков предприятиям необходимо комплексно прорабатывать политику по повышению инвестиционной привлекательности. Как у отечественного, так и у иностранного инвестора особый интерес будут вызывать компании с эффективной системой контроля, в том числе контроля инвестиционной деятельности.

Инвестиционная деятельность, которая отражается в бухгалтерском, налоговом, стратегическом учете, составляет сферу интереса системы внутреннего инвестиционного контроля. В таблице 1 даны основные виды инвестиционного контроля.

Таблица 1

Классификация видов инвестиционного контроля

по субъекту организации	внутренний, внешний
по форме	текущий, оперативный, стратегический
по охвату информации	сплошной, выборочный
по срокам проведения	разовый, периодический, систематический
по периоду организации	предварительный, текущий, заключительный
по базе сравнения показателей	с прямой связью, с обратной связью

Основные принципы организации внутреннего инвестиционного контроля включают: стратегическую направленность, комплексный анализ, количественное отражение отчетности, своевременность, гибкость, простоту структуры и экономичность.

Определяющую роль при построении системы внутреннего контроля играет деловая среда, в которой работает организация. Соответственно организации по структуре управления и контроля подразделяются на механистические и органические. Сложность построения органических структур по сравнению с механистическими обуславливает проблемы при формировании и внедрении внутреннего контроля. Причинами таких трудностей являются частое дублирование функций, децентрализация, несоблюдение принципа единоначалия, минимальный уровень формализации, нечеткое распределение ответственности, недолговременность структуры и широкий масштаб охвата контролем.

Вместе с организационной структурой на особенности построения системы внутреннего контроля большое влияние оказывает тип корпоративной культуры. Выделяют четыре основных вида: клановую, бюрократическую, рыночную и адхократическую [5]. В организациях с иерархическим типом культуры процессы внедрения контроля проходят легче, чем в остальных структурах, что объясняется жесткими и централизованными решениями, существованием только формальных отношений. В остальных трех типах организации формирование системы реализуется с большими трудностями.

Важнейшую роль в развитии инвестиционной деятельности играет законодательное регулирование. К сожалению, в инвестиционном законодательстве РФ отсутствует согласованное определение категории "инвестиции", также отсутствуют понятия "инвестиционный контроль", "инвестиционная привлекательность", "инвестиционный климат", "инвестиционный риск", "инвестиционный потенциал" и другие. Также на законодательном уровне не определены рекомендации по построению системы внутреннего инвестиционного контроля и мониторинга.

Эффективный инвестиционный контроль включает организацию мониторинга, который представляет собой систематическое наблюдение за показателями, сбор, анализ и предоставление информации о реализации проекта в целях определения уровня отклонения фактических результатов от плановых и установление причин расхождений².

¹ Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации. [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/

² Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов от 21.06.1999 № ВК-477. [Электронный ресурс] - Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

В более широком смысле для описания организации система внутреннего контроля используется термин «контроллинг». Возникший во второй половине XX в. в качестве инструмента предотвращения кризисных ситуаций на предприятии, контроллинг активно внедряется в отечественную практику.

Контроллинг включает в себя не только констатацию отклонения, как это происходит в случае мониторинга, но и активное проведение мероприятий по устранению отклонений. Более того, инвестиционный контроллинг помимо осуществления внутреннего контроля над инвестиционными операциями охватывает сферу планирования и координации инвестиционной деятельности путем анализа методики планирования проектов, разработки показателей для анализа эффективности деятельности, сбора оперативной информации, оценки изменений, корректировки планов инвестиционного развития. Большая концентрация контрольных мероприятий обеспечивается на приоритетных направлениях инвестиционной деятельности.

По аналогии с основными этапами организации системы внутреннего контроля в организации [2] можно определить этапы инвестиционного контроля:

1. выявление объекта контроля – управленческие решения в сфере инвестиционной деятельности, а также активы, в отношении которых осуществляется инвестирование средств;
2. установление предмета контроля путем разделения целевой направленности на задачи, например, в соответствии с типами инвестиционных решений, возможно разбить одно на несколько менее масштабных: решения по снижению издержек, по модернизации основной деятельности, по захвату новых рынков сбыта и т.д. [1];
3. построение контроля и отчетности в зависимости от периодичности: оперативной, текущей и стратегической;
4. определение и ранжирование отчетных показателей в соответствии с их значимостью;
5. установление нормативов значений плановых показателей, которые могут принимать абсолютные и относительные значения;
6. формирование системы мониторинга критериев, включающее:
 - разработку системы отчетных показателей;
 - построение системы агрегирующих показателей;
 - определение уровня отклонений;
 - разграничение отчетных периодов по форме контроля и по разным группам показателей;
 - установление структуры и формы отчета по результатам проведенного контроля;
 - визуализация и регулярная актуализация данных;
7. выявление причин отклонений;
8. организация мероприятий по ликвидации расхождений.

На этом этапе система контроля отображает обратную связь, так как обеспечивает менеджеров информацией о деятельности организации и необходимости внесения корректировок [4].

Таким образом, контроллинг представляет собой совокупность мероприятий в области реализации инвестиционных решений, а мониторинг является важной частью этой системы и служит инструментом сбора информации и ее анализа.

Уровень развития новых технологий сегодня позволяет быстро и недорого внедрить автоматизированную систему контроля и мониторинга за инвестиционными процессами в организации. Большие данные позволяют принимать более эффективные управленческие решения. Вопрос только в способности их обработки и рациональном использовании ресурсов. Определенную сложность представляет отсутствие компетенций у сотрудников профильных подразделений компаний для обработки этих данных. Однако рынок IT-специалистов растет, технологии становятся доступными и в ближайшее время эти проблемы, на наш взгляд, не будут столь критичными.

Для более эффективного понимания руководством предприятия, акционерами и потенциальными инвесторами результатов инвестиционной деятельности предприятия крайне важна визуализация отчетной информации, ее доступность и актуальность в режиме 24/7.

Одним из распространенных инструментов, позволяющих решить данные вопросы, является дашборд. Дашборд представляет собой программный интерфейс, который позволяет расставить акценты на наиболее важных показателях, не отвлекая внимание на частности. Общее видение ситуации на предприятии позволяет выявить проблемные вопросы и при систематическом контроле провести мероприятия по их устранению.

Так как при инвестиционном контроле и мониторинге большую часть работ занимает установление отклонений фактических значений от плановых, большая часть показателей будет относиться к первой группе. Как правило, к заранее запланированным критериям относятся:

- размеры денежных потоков;

- дисконтированный поток денежных средств;
- чистый дисконтированный доход;
- внутренняя норма доходности;
- срок окупаемости;
- рентабельность инвестиций;
- мероприятия по основным направлениям.

Вторая группа включает данные об источниках денежных средств по видам (собственные, заемные, привлеченные) и регионам. Третья группа содержит показатели эффективности инвестиций, как правило, представляющих соотношение параметров выхода (стоимостной объем продукции, стоимость ОПФ, валовая и чистая прибыль) и входа, в данном случае инвестиций. В четвертую группу по желанию могут быть включены финансовые показатели (выручка, себестоимость, прибыль и др.).

Первая и вторая группы показателей изначально определены в инвестиционном проекте, третья – рассчитывается исходя из части четвертой группы критериев, четвертая содержится в бухгалтерской отчетности организации, а именно в отчете о финансовых результатах. Отчет о движении денежных средств позволяет получить фактические значения сальдо денежных потоков, которое сравнивается с плановым показателем, указанным в инвестиционном проекте.

При подготовке дашборда необходимо первичные данные хранить в Excel или другой базе данных с разбивкой на тематические листы, которая предполагает синхронизацию данных с приложением. Все исходные значения первой и второй группы заносим в Excel (рис. 2).

	A	B	C	D	E	F
1	Период	Денежный поток	Дисконтированный поток		Начальные инвестиции	-3000000
2	1	1600000	1454545,5		Ставка дисконтирования	0,1
3	2	1350000	1115702,5		NPV	1707148,7
4	3	1150000	864012,0		ЧПС	4707148,7
5	4	1000000	683013,5		PI	1,57
6	5	950000	589875,3			
7						

Исходные данные Ежегодные плановые значения Ежегодные фактические значения Внутренняя норма доходности

Рис. 2. Исходные данные инвестиционного проекта

С помощью встроенных формул необходимо рассчитать показатели чистого приведенного дохода, чистой приведенной стоимости и рентабельности инвестиций исходя из показателей денежных потоков и их дисконтированных значений.

Затем следует определить ставку дисконтирования, при которой чистый приведенный эффект равен 0. Показатели окупаемости характеризуют пределы безубыточности проекта, минимальные значения, которые возможны при реализации проекта в условиях бесприбыльности.

Далее рекомендуется оформить информацию о планируемых мероприятиях, указать целевые установки работы и их направления.

На рис. 3 представлены показатели второй группы, данные о финансовых ресурсах проекта по типу и странам-донорам. Информация о значениях изначально определена в инвестиционном проекте. Несмотря на то, что данные не подразделяются на плановые и фактические, контроль и мониторинг позволит эффективно взаимодействовать с различными группами партнеров по инвестиционной деятельности в рамках изменений в законодательстве, международной обстановке, на финансовых рынках, внешней среде предприятия.

	A	B	C	D		A	B
1	Германия	1200000			1	Объем собственных средств	1500000
2	Россия	750000			2	Объем заемных средств	300000
3	Франция	380000			3	Объем привлеченных средств	1200000
4	Турция	350000			4	Всего	3000000
5	Китай	320000					
6	Всего	3000000					
7							

Геоданные Источники средств Геоданные Источники средств

Рис. 3. Источники инвестиций по видам и географическим особенностям

Третья система показателей, характеризующая итоги и эффективность инвестиционной деятельности, рассчитываются путем деления фактического значения основного итогового показателя (объем, выручка, прибыль) на изначальное количество инвестиций. Если показатель рентабельности инвестиций, представленный на рис. 2 больший интерес представляет для инвестора, то критерии эффективности инвестиционной деятельности более значимы для руководителя предприятия, так как они характеризуют правильность построения производственных процессов.

Так, составленный с помощью программы Tableau дашборд с синхронизацией данных в Excel представлен на рис. 4.

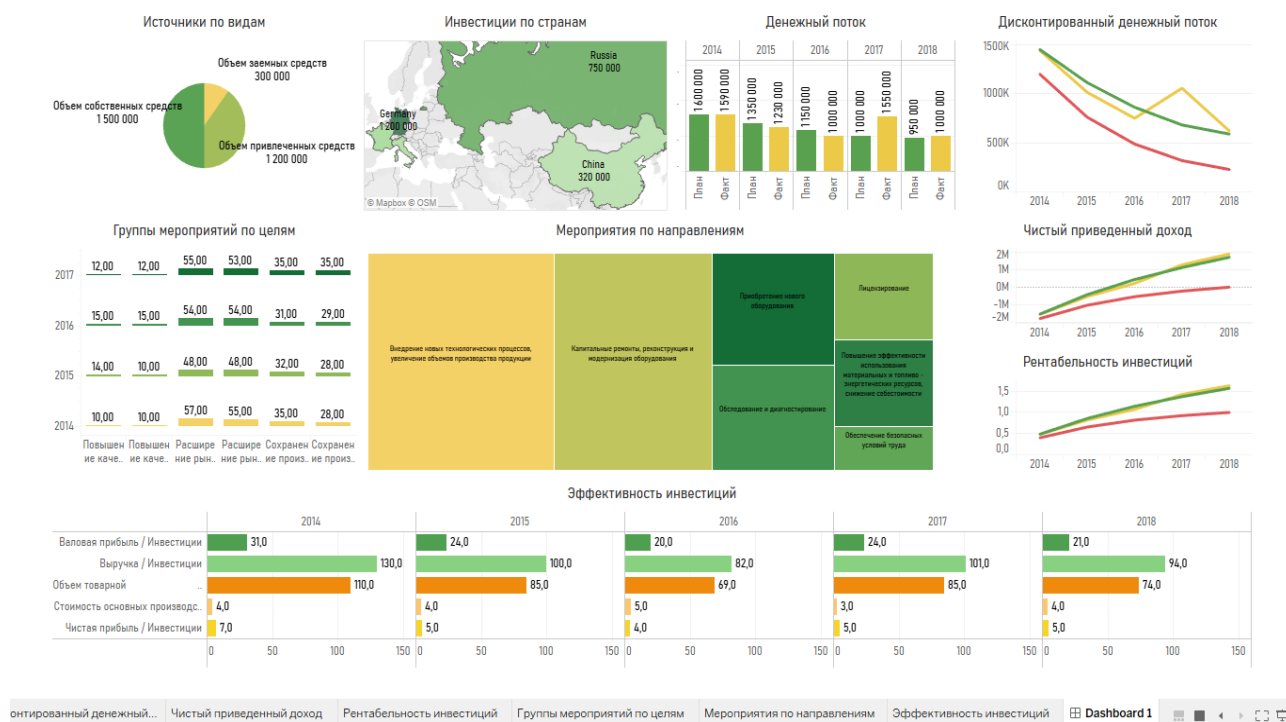

Рис. 4. Дашборд внутреннего инвестиционного контроля и мониторинга

По аналогии с Excel внизу располагаются тематические листы, каждый из которых представлен на дашборде. В целях непрерывного мониторинга и заполнения фактических значений по мере достижения ключевых точек проекта, рекомендуется изначально задать плановые значения в базе данных и подготовить структуру дашборда.

Интерфейс позволяет визуально изучить основные показатели инвестиционной деятельности в динамике с использованием основ инфографики. Верхняя часть содержит информацию об объемах и источниках денежных средств, справа на трех схожих по строению графиках изображены тренды безубыточных, плановых и фактических значений. В центре находятся данные о проделанной работе и, в завершении, в нижней части интерфейса расположены показатели эффективности использования капитала.

Таким образом, в современных условиях, отечественные предприятия, испытывающие последствия санкционной политики и снижения роста экономики, должны параллельно предпринимать попытки развиваться в сложной конкурентной среде. Им необходимо не только удерживать долю на рынке, но и привлекать иностранных партнеров к тесному сотрудничеству посредством прямых инвестиций. Наибольший интерес у инвесторов вызывают компании с четкой и эффективной системой внутреннего контроля за инвестиционной деятельностью. Именно этот механизм будет способствовать защите прав и капитала инвестора от нецелевого и неэффективного использования. Поэтому каждому предприятию следует более детально прорабатывать инвестиционную политику, автоматизировать систему контроля, адаптируя ее под свои особенности и специфику деятельности. Разработанные в процессе исследования дашборд и методика его построения рекомендуются к применению на отечественных предприятиях.

Данный подход позволит осуществлять эффективный контроль и мониторинг за использованием финансовых и иных ресурсов в реальном времени и, следовательно, значительно повысит привлекательность организации в глазах инвесторов.

Литература

1. Азылканова С.А., Утешева М.М. Существующие формы и методы корпоративного контроля реализации инвестиционных проектов // Экономика, управление и право: инновационное решение проблем. 2018. С. 125 – 128.
2. Закирова Э.Р. Финансово-экономическая деятельность организации: сущность, регулирование и контроль // Финансово-кредитная модель индустриального развития России. 2017. С. 220 – 232.
3. Игнатова Т.В., Слинков А.М. Мониторинг как управленческий процесс: сущностно-категориальная характеристика // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 1 (68). С. 93 – 99.
4. Левин С.Е. Влияние корпоративной культуры на функцию внутреннего контроля и аудита в организации // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2017. С. 227 – 239.
5. Моисеенко Ж.Н., Корогод И.Е., Брицына Н.Н. Анализ стратегического планирования на предприятии // Вестник Донского государственного аграрного университета. 2017. № 2-1 (24). С. 90-94.

Shadiyan Makar Garibovich, Candidate of Economic Sciences, Leading Auditor of the Internal Audit Department for the South-West Bank of PJSC Sberbank, Senior Teacher of the Department of Taxation and Accounting of the Faculty of Economics, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: shadiyan@mail.ru

Pisarenko Anastasia Sergeevna, Master of the Department of Taxation and Accounting of the Faculty of Economics, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: pisarenko96@list.ru

EFFECTIVE CONTROL AS A PREREQUISITE TO INCREASE THE INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF THE ENTERPRISE

Abstract

The article is devoted to the formation of an effective system of internal control in the enterprise in order to increase its investment attractiveness. The relationship between the construction of the control system and the organizational structure and corporate culture of the organization is defined. A comparative analysis of the categories "monitoring" and "controlling" has been carried out. Types, principles and stages of control are described. Internal investment control and monitoring visualization tool developed.

Keywords: investment activities, investment attractiveness, control, controlling, investment control, control stages, monitoring of investment activities, growth rates of economy.

References

1. Azylkanova S.A., Utesheva M.M. Sushchestvuyushchie formy i metody korporativnogo kontrolya realizacii investicionnyh projektov // Ekonomika, upravlenie i pravo: innovacionnoe reshenie problem. 2018. P. 125 – 128.
2. Zakirova E.R. Finansovo-ekonomicheskaya deyatel'nost' organizacii: sushchnost', regulirovanie i kontrol' // Finansovo-kreditnaya model' industrial'nogo razvitiya Rossii. 2017. P. 220 – 232.
3. Ignatova T.V., Slinkov A.M. Monitoring kak upravlencheskij process: sushchnostno-kategorial'naya harakteristika // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2016. № 1 (68). P. 93 – 99.
4. Levin S.E. Vliyanie korporativnoj kul'tury na funkciyu vnutrennego kontrolya i audita v organizacii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika. 2017. P. 227 – 239.
5. Moiseenko ZH.N., Korogod I.E., Bricyna N.N. Analiz strategicheskogo planirovaniya na predpriyatii // Vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2017. № 2-1 (24). P. 90-94.

**ЕВРАЗИЙСКАЯ СТРАТЕГИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО СОГЛАСИЯ
(НА МАТЕРИАЛАХ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЮГА РОССИИ)**

Хопёрская Лариса Львовна	доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений, Киргизско-Российский Славянский университет (720000, Киргизская Республика, г. Бишкек, Киевская ул., 44). E-mail: larkhop@gmail.com
Голованов Роман Сергеевич	кандидат политических наук, кандидат юридических наук, докторант Киргизско-Российский Славянский университет (720000, Киргизская Республика, г. Бишкек, Киевская ул., 44). E-mail: fkr2006@mail.ru

Аннотация

В статье проанализированы инструменты внешней политики России, способствующие обеспечению межэтнического согласия: предоставление преференций гражданам государств – геополитических союзников России в сфере трудовой миграции; целевые меры национальной политики, ориентированной на трудящихся из стран ЕАЭС; российское военное, экономическое, образовательное и гуманитарное присутствие на постсоветском пространстве; инкорпорация диаспор в этнокультурную структуру принимающего общества; сотрудничество с государствами-членами Евразийского экономического союза на региональном уровне.

Ключевые слова: *межэтническое согласие, внешняя политика, евразийская интеграция, Евразийский экономический союз, евразийская солидарность, миграционная политика, национальная политика, российское присутствие, межрегиональное сотрудничество.*

Межэтническое согласие и межгосударственное сотрудничество

Основной идеей статьи является утверждение о том, что межэтническое согласие невозможно без конструктивного межгосударственного сотрудничества, использования инструментов не только внутренней, но и внешней политики России, нацеленной на обеспечение мира и социального благополучия граждан евразийских государств.

Межгосударственное сотрудничество постсоветских государств на современном этапе выступает в формате евразийской интеграции, т. е. построения межгосударственных отношений «на новой ценностной, политической, экономической основе» [1].

В Концепции внешней политики РФ (2016 г.) в числе региональных приоритетов внешней политики России заявлено «развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами СНГ и дальнейшее укрепление действующих на пространстве СНГ интеграционных структур с российским участием». При этом ключевой задачей является «углубление и расширение интеграции в рамках Евразийского экономического союза»¹.

Участниками Евразийского экономического союза (ЕАЭС), который функционирует с 2015 г., выступают Россия, Казахстан, Белоруссия, Армения и Киргизия. О намерении присоединиться к ЕАЭС заявили Таджикистан и Узбекистан². Целью образования и деятельности ЕАЭС является проведение общей экономической политики и формирование общего рынка товаров, услуг, труда и капитала.

Следует учитывать, что интеграционный процесс не ограничивается только экономической составляющей. Построение новой евразийской реальности сопровождается формированием евразийской идентичности и евразийской солидарности. Так, в Киргизии евразийская идентичность и евразийская солидарность только в 2018 г. были как минимум трижды продемонстрированы участниками многотысячных акций, независимо от их социальных и политических характеристик. Во-первых, это шествие Бессмертного полка 9 мая, которое олицетворяет общие исторические

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ В. В. Путина от 30 ноября 2016 г. № 640 // URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news

² Евразийский экономический союз // URL: <http://www.eaeunion.org/#about>

ценности; во-вторых, это траур по жертвам пожара в Кемерово, выражающий общую боль и сопереживание о настоящем; в-третьих, участие киргизов-граждан России в выборах президента РФ 18 марта 2018 г., подтверждающее видение общего будущего с Россией.

Очевидно, что евразийская идентичность и евразийская солидарность базируются на межэтническом согласии, которое достигается только при целенаправленном использовании соответствующих инструментов внутренней и внешней политики.

По мнению автора, в число основных инструментов построения новой евразийской реальности входят: миграционная и национальная политика в государствах ЕАЭС; стратегическое присутствие России на евразийском пространстве, осуществляемое в экономической, военной, научно-образовательной, гуманитарной, информационной формах; межрегиональное сотрудничество.

Евразийская интеграция: миграционная политика

Для всех центральноазиатских государств трудовая миграция является важной составляющей политики занятости населения и источником пополнения бюджета, что зафиксировано в их официальных документах. Например, в Проекте Концепции государственной миграционной политики КР до 2040 г. заявлено, что «в современных условиях необходимо рассматривать трудоустройство за границей как часть национальной стратегии развития, так как это позволяет воспользоваться преимуществами глобального трудоустройства и привлечь потоки денежных переводов мигрантов»¹.

В настоящий момент центральноазиатские государства разделились на две группы: Казахстан и Киргизия, вступившие в ЕАЭС, и Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан, не вошедшие в это региональное объединение (статус международного нейтралитета Туркменистана исключает его участие в евразийской интеграции).

Если для граждан Казахстана и Киргизии действуют преференции в сфере трудовой миграции, то на граждан неприсоединившихся к ЕАЭС государств распространяются действующие в России жесткие миграционные правила (вплоть до депортации), что создает определенную напряженность в межгосударственных и межэтнических отношениях. Проблема трудовой миграции является для Таджикистана и Узбекистана одним из определяющих факторов при решении вопроса о вхождении в ЕАЭС. Оба государства заявили, что рассматривают возможность вступления в это объединение.

Договор о ЕАЭС содержит раздел «Трудовая миграция»², в котором определены такие понятия, как «государство въезда», «государство постоянного проживания» и «государство трудоустройства», в качестве которых в каждом конкретном случае выступают все государства-члены ЕАЭС, хотя в настоящее время основным государством въезда и трудоустройства выступает Россия. Договор предоставляет преференции гражданам государств – её геополитических союзников.

В статье 97 Договора досконально регламентирована трудовая деятельность трудящихся государств-членов: им не требуется получение разрешения на осуществление трудовой деятельности в государстве трудоустройства (т. е. они освобождены от необходимости приобретения патента и сдачи экзамена по истории и основам права); государства-члены не устанавливают и не применяют ограничения, установленные их законодательством в целях защиты национального рынка труда; в государстве трудоустройства признаются документы об образовании, выданные образовательными организациями государств-членов, без проведения установленной законодательством государства трудоустройства процедуры признания документов об образовании (которая продолжает действовать в отношении третьих стран).

В случае административных правонарушений мигранты из государств ЕАЭС попадают в «черный список» граждан, которым запрещен или ограничен въезд на территорию России.

Как видно из табл. 1, наибольший процент миграционного притока из государств-членов ЕАЭС составляют граждане Киргизской Республики.

В 2018 г. на миграционный учет было поставлено 876795 граждан Киргизии, 8793 человек получили российское гражданство. Следует заметить, что 211 тыс. граждан Киргизии, нарушивших по тем или иным причинам миграционное законодательство РФ, но проживающих в РФ, в 2018–2019 гг. попали под миграционную амнистию, призванную подчеркнуть особый характер отношений между членами ЕАЭС.

¹ Проект Концепции государственной миграционной политики Кыргызской Республики до 2040 года. Бишкек, 2017 // URL: <http://www.gov.kg/?p=107679&lang=ru>

² Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 г. (по сост. на 12 марта 2019 г.) // URL: <http://docs.cntd.ru/document/420205962>

Миграционный учет граждан государств-членов ЕАЭС на 30 июня 2019 г.¹

Государство ЕАЭС	Поставлено на миграционный учет в РФ в январе–июне 2019 г.	
	кол-во чел.	%
Армения	303813	22,8
Белоруссия	239102	17,9
Казахстан	329879	24,7
Киргизия	462482	34,6
ИТОГО	1335276	100,0

Денежные переводы на родину трудовых мигрантов из КР в 2018 г. составили свыше 2,4 млрд долларов (почти 29,7% ВВП страны)², что непосредственно повлияло на темпы экономического развития и уровень социально-политической стабильности в республике³.

Евразийская интеграция: национальная политика

Очевидно, что и новые граждане России, и прибывшие на заработки киргизские трудовые мигранты, особенно подвергшиеся миграционной амнистии, должны пройти определенную адаптацию и интегрироваться в принявшее их российское общество. При этом недопустимо как повторение резонансных этнических преступлений, фактов неуважения мигрантами местных сообществ, так и нарушение прав мигрантов, причинение вреда их жизни и здоровью, проявление национализма и дискриминации.

Выступления против ксенофобии в государствах постоянного проживания трудовых мигрантов, с одной стороны, и антимигрантские акции старожильского населения в различных регионах России в нулевые годы XXI в., с другой, обусловили необходимость внесения существенных новаций в этническую и миграционную политику. Договор о ЕАЭС предусмотрел систему мер, направленных на уважение образа жизни принимающего сообщества. Иными словами, нормы этнической политики, зафиксированные в Конституции РФ, Стратегии национальной политики РФ до 2025 года, законах и правовых актах РФ, теперь распространяются на граждан, прибывающих в Россию в качестве трудящихся из стран ЕАЭС. В свою очередь, с целью избегания и предотвращения рисков межэтнических конфликтов само российское общество создает институты и инструменты адаптации с учетом предоставляемых преференций гражданам государств – геополитических союзников России.

В декабре 2018 г. Указом президента РФ были внесены изменения в важнейший документ стратегического планирования – Стратегию государственной национальной политики РФ на период до 2025 года, которые, в частности, зафиксировали задачи, связанные с миграционным измерением национальной политики России:

- создание дополнительных социально-экономических, политических и культурных условий для обеспечения межнационального и межрелигиозного мира и согласия, прежде всего в регионах с высокой миграционной активностью, со сложным этническим и религиозным составом населения;
- формирование системы социальной и культурной адаптации иностранных граждан и их интеграции в российское общество с целью недопущения формирования замкнутых этнических анклавов;
- недопущение социальной и территориальной изоляции иностранных граждан в РФ, устранение способствующих этому условий;
- использование возможностей и механизмов международного сотрудничества при реализации государственной национальной политики РФ;
- содействие созданию и расширению в государствах постоянного проживания иностранных граждан условий для изучения русского языка, истории и культуры России и основ законодательства Российской Федерации;

¹ Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–июнь 2019 года с разделением по странам и регионам (16.07.2019) // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/17595161/>

² Трансграничные переводы физических лиц (резидентов и нерезидентов) // URL: <http://www.cbr.ru/statistics/Default.aspx?Prtd=tg>

³ Выступление Постоянного представителя Киргизской Республики при ООН в г. Нью-Йорк М. Молдоисаевой в ходе 51-й сессии Комиссии ООН по народонаселению и развитию (г. Нью-Йорк, 11 апреля 2018 г.) // URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/pdf/commission/2018/country/AgendaItem3/ru_kyrgyzstan.pdf

- содействие участию институтов гражданского общества в деятельности многофункциональных центров, а также организаций, предоставляющих иностранным гражданам юридические, социальные, образовательные и иные услуги;

- участие общественных советов и иных консультативных центров, созданных при государственных органах и органах местного самоуправления, в деятельности по обеспечению социальной и культурной адаптации иностранных граждан в Российской Федерации и их интеграции в российское общество;

- содействие формированию положительного образа Российской Федерации за рубежом, отношения к ней как к демократическому государству, гарантирующему удовлетворение национально-культурных (этнокультурных) потребностей граждан;

- использование ресурса общественной дипломатии посредством вовлечения институтов гражданского общества в решение задач международного культурного и гуманитарного сотрудничества;

- укрепление международного сотрудничества в сферах регулирования миграционных процессов, обеспечения прав иностранных граждан в Российской Федерации и прав граждан Российской Федерации за рубежом¹.

Таким образом, в настоящее время миграционная и этническая политика России тесно переплелась с защитой ее геополитических интересов, с реализацией евразийского интеграционного проекта. Успешность геополитических устремлений России на евразийском пространстве, укрепление и развитие ЕАЭС во многом зависит от способности власти обеспечить снижение уровня ксенофобии и мигрантофобии, т. е. от степени эффективности осуществления государственной национальной политики РФ.

В свою очередь, проблемы этнической политики стали предметом внимания центральноазиатских государств. Например, в Национальной стратегии развития Киргизской Республики на 2018–2040 годы отмечено, что в республике «созданы условия для формирования общества, в котором этничность, отношение к религии, региональная и родоплеменная принадлежность, другие культурные различия граждан не являются основаниями для дискриминации и не оказывают влияния на политические процессы. Обеспечено сохранение и развитие общенациональной культуры, ее воспроизводство и распространение при сохранении этнической, языковой, культурной самобытности граждан страны»².

Российское присутствие как инструмент евразийской интеграции

Геополитическое значение образования Евразийского экономического союза заключается в том, что он стал одной из ступеней на пути к многополярному миру. В этом контексте укрепление ЕАЭС выступает фактором внешней политики всех государств-участников, которые используют для этого такие инструменты, как военное, экономическое, научно-образовательное, культурно-гуманитарное, информационное присутствие [2]. Например, в Киргизской Республике военное присутствие России осуществляется на основе Соглашения «О статусе и условиях пребывания российской авиационной базы на территории Киргизской Республики» и Протокола от 28 марта 2019 г. о внесении изменений в Соглашение между Киргизской Республикой и Российской Федерацией «О статусе и условиях пребывания объединенной российской военной базы на территории Киргизской Республики» от 20 сентября 2012 г.

Помимо Киргизии в настоящее время российское военное присутствие осуществляется на территории Абхазии, Армении, Белоруссии, Казахстана, Приднестровья, Сирии, Таджикистана и Южной Осетии. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации сказано, что с помощью военного присутствия создаются «механизмы предупреждения и нейтрализации социальных и межнациональных конфликтов, а также противодействия участию российских граждан в деятельности преступных и террористических группировок за рубежом»³.

Стратегической целью экономического присутствия России является обеспечение социальной стабильности и недопущение новых «цветных революций». Экономическое присутствие осуществляется через инвестиционную активность России (например, в 2018 г. российские инвестиции

¹ Указ Президента РФ «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666» от 6 декабря 2018 г. № 703 // URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru>

² Национальная стратегия развития Киргизской Республики на 2018–2040 годы. Утв. Указом президента КР от 31 октября 2018 г. № 221 // URL: <http://www.stat.kg/ru/ukaz-prezidenta-kyrgyzskoj-respubliki-o-nacionalnoj-strategii-razvitiya-kyrgyzskoj-respubliki-na-2018-2040-gody/>

³ Национальная стратегия развития Киргизской Республики на 2018–2040 годы. Утв. Указом президента КР от 31 октября 2018 г. № 221 // URL: <http://www.stat.kg/ru/ukaz-prezidenta-kyrgyzskoj-respubliki-o-nacionalnoj-strategii-razvitiya-kyrgyzskoj-respubliki-na-2018-2040-gody/>

в экономику Киргизии составили более 26% от общего объема иностранных инвестиций). В свою очередь, это повлияло на рост ВВП республики в 2018 г. на 3,5%.

Россия учитывает, что ежегодно на рынке труда Киргизии появляется примерно 50 тыс. новых участников. По прогнозам Всемирного банка, ожидается, что к 2030 г. численность трудоспособного населения будет составлять около 4,6 млн человек. Однако создание новых рабочих мест не поспевает за ростом населения [3, с. 7–8]. Поэтому Россия как геополитический союзник и государство, заинтересованное в предупреждении радикализации молодежи, оказывает Киргизстану финансовую помощь через Киргизско-Российский фонд развития (1 млрд долларов), структуры ООН (ВПП, ПРООН, ЮНИДО, ЮНИСЕФ, ЮНФПА) и другие влиятельные международные организации в размере более 100 млн долларов, которые направляются на создание новых рабочих мест и оказание адресной социальной помощи.

Научно-образовательное присутствие обеспечивается путем функционирования в постсоветских государствах российско-национальных славянских университетов, филиалов высших учебных заведений и диссертационных советов, подчиняющихся Минобразования РФ. Президент России В.В. Путин, выступая на открытии филиала Московского энергетического института в Душанбе, поставил перед этими вузами две главные задачи: подготовка квалифицированных специалистов для соответствующих государств и укрепление присутствия Российской Федерации в их образовательном пространстве¹.

Славянские университеты являются вузами совместного ведения РФ и национальных суверенных государств, в своей деятельности они руководствуются Конституцией России и Конституцией государства, на территории которого они осуществляют свою работу. Сегодня славянские университеты успешно функционируют в Бишкеке (с 1993 г.), Душанбе (с 1996 г.), Ереване (с 1997 г.), Кишинёве (с 1997 г.), Баку (с 2000 г.) и Минске (с 2001 г.). В 2019 г. объявлено о решении открыть филиал МГУ в Бишкеке, такие филиалы уже функционируют в Душанбе, Ташкенте, Астане, Ереване и Баку.

Культурно-гуманитарное присутствие в Киргизии с 2010 г. обеспечивает Российский центр науки и культуры (РЦНК). В 2018 г. им проведено 305 мероприятий в рамках программ культурно-гуманитарного и научно-образовательного характера, в которых приняли участие около 58 тыс. человек². Среди наиболее заметных мероприятий: Дни российской науки, просветительские акции «Географический диктант», «Этнографический диктант», проект «Русский космос», круглый стол и видеоконференция, посвященные наследию известного российского этнографа Н.М. Пржевальского, празднование юбилея А.С. Пушкина, организация гастролей российских артистов и творческих коллективов и др.

Приоритетным направлением деятельности РЦНК является работа по обеспечению присутствия русского языка и российского образования в Киргизии. В настоящее время в республике функционируют 226 школ (162698 учащихся) с русским языком обучения, 518 школ (492793 учащихся) с двумя и тремя языками обучения, один из которых русский. РЦНК обеспечивает эти учреждения среднего образования современной учебной и учебно-методической литературой, проводит курсы переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров. Министерство образования и науки России выделяет квоты для поступления в вузы Российской Федерации, которыми в 2018/2019 учебном году воспользовались 338 человек.

Евразийская интеграция: региональный уровень

Жители государств и регионов Центральной Азии и Юга России вносят свой вклад в формирование евразийской реальности. Особое исследовательское внимание к этим регионам обусловлено тем, что в силу исторических обстоятельств гражданами центральноазиатских государств стали представители казачества и репрессированных народов [4–5].

В результате распада СССР, гражданской войны 1992–1997 гг. в Таджикистане и других вооруженных конфликтов, экономического кризиса новые независимые государства Центральной Азии стали странами-донорами рабочей силы. Так, две трети от общего числа трудовых мигрантов из постсоветских государств (более 12,5 млн человек) в России – мигранты из государств Центральной Азии³.

¹ Филиал Национального исследовательского университета МЭИ (Московский энергетический институт) // URL: <http://df.mpei.ru/>

² Сайт Российского центра науки и культуры в Бишкеке (Россотрудничество) // URL: <http://kgz.rs.gov.ru/ru/>

³ Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–декабрь 2018 года с распределением по странам и регионам // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/15851053/>

Значимым фактором межгосударственного сотрудничества на уровне регионов Центральной Азии и Кавказа является тот факт, что именно они в наибольшей степени подвержены влиянию запрещенной в России и других странах террористической организации «Исламское государство», которая после поражения в Сирии активно создает свои подпольные структуры в вилаятах Кавказа и Хорасана [6].

В ноябре 2019 г. на дипломатическом приеме в российском посольстве в Бишкеке по случаю празднования Дня народного единства было отмечено, что «несмотря на относительно небольшую численность северокавказской диаспоры и семиреченского казачества они стали неотъемлемой и значимой частью этнокультурного многообразия Киргизии, оставаясь при этом российскими соотечественниками и укрепляя дружеские связи между Россией и Киргизией»¹.

Инкорпорация (включение) диаспор в этнокультурную структуру принимающего общества как инструмент национальной политики используется и в российских регионах. Так, в Ростовской области функционирует киргизская национально-культурная автономия «Киргизия–Дон», которая ежегодно проводит культурно-массовые мероприятия и национальные праздники (Нооруз, Курбан-байрам, Дни культуры киргизского народа, концерты народных артистов из Киргизии)². В 2019 г. прошел этнокультурный фестиваль «Киргизская юрта», а в дни празднования 270-летия Ростова киргизская юрта стояла на центральной площади города.

Значимым инструментом межэтнического согласия стали систематически проводимые, начиная с 2011 г., межрегиональные российско-киргизские конференции, в которых принимают участие представители Ставропольского, Краснодарского краев и Ростовской области. На VIII межрегиональной конференции «Новые горизонты стратегического партнерства и интеграции», состоявшейся в марте 2019 г., присутствовали представители 18 субъектов Российской Федерации, в том числе Краснодарского края, но доминировали делегации из уральских и сибирских регионов. При этом следует заметить, что ни одной конференции пока не было организовано на Юге России. Тем не менее в двух киргизско-российских бизнес-форумах (2018 и 2019 гг.) приняли участие Группа компаний «Ростсельмаш», ФГБНУ (Федеральное государственное бюджетное научное учреждение) «Северо-Кавказский федеральный научный центр садоводства, виноградарства, виноделия», Крымская опытно-селекционная станция ФГБНУ «Всероссийский институт генетических ресурсов растений имени Н.И. Вавилова», филиал ФГБНУ «Северо-Кавказский федеральный научный аграрный центр».

2020 год станет перекрёстным годом России и Киргизии. По словам специального представителя президента РФ по международному культурному сотрудничеству М. Е. Швыдкого, «для России это будет первый за последние 13 лет перекрёстный год РФ со странами-участницами СНГ. Этот перекрёстный год для России имеет большое значение, поскольку наши страны являются стратегическими партнерами»³. Хотелось бы, чтобы и Юг России внес свой вклад в развитие союзничества и стратегического партнерства двух стран. Для решения этих задач должна быть задействована вся созданная на уровне субъектов федерации инфраструктура национальной и миграционной политики, институты гражданского общества, прежде всего Ассамблея народов России и Ассамблея народов Евразии, официально зарегистрированные киргизские диаспоры в Астраханской и Ростовской областях и Краснодарском крае.

Евразийская стратегия межэтнического согласия направлена на обеспечение сопряженности эффективной национальной и миграционной политики, межрегионального экономического и культурно-гуманитарного сотрудничества, различных видов российского присутствия на постсоветском пространстве. В Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС, принятой на заседании Высшего Евразийского экономического совета в преддверии 25-летия идеи евразийской интеграции, выражена убежденность в том, что «развитие сотрудничества в рамках ЕАЭС отвечает национальным интересам каждого государства-члена и способствует достижению нашей общей цели – сделать ЕАЭС процветающим, экономически устойчивым, социально ориентированным интеграционным объединением, авторитетным и конкурентоспособным на международной арене»⁴.

¹ Архив автора.

² «Киргизия–Дон», Ростовская городская киргизская национально-культурная автономия // URL: <http://civil-society.donland.ru/Default.aspx?pageid=98131>

³ Перекрёстный год России и Киргизстана откроется в феврале 2020 года // URL: <https://sng.fm/12443-perekrestnyj-god-rossii-i-kyrgyzstana-otkroetsja-v-fevrale-2020-goda.html>

⁴ Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС. Принята на заседании Высшего Евразийского экономического совета. Санкт-Петербург. 6.12.2018 // URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01420213/ms_10122018

P.S. Через несколько дней после того, как статья была сдана в печать, в Ростове н/Д состоялась встреча губернатора области В. Голубева и посла Киргизской Республики в России А. Джекенкулова, на которой обсуждалось расширение сотрудничества Ростовской области и Киргизии. В частности, вопросы туристического обмена, совместных культурных мероприятий, увеличения числа киргизских студентов в донских вузах, а также идея о присвоении одной из улиц Ростова имени писателя Чингиза Айтматова¹.

Литература

1. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня (3 октября 2011) // URL: <http://izvestia.ru/news/502761>
2. Крутько А.А. Стратегическое присутствие России на евразийском пространстве // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. № 4. С. 395 – 406.
3. Адзхвад М.И., Гонсалес С.Б. Рабочие места в Киргизской Республике / Всемирный банк. Вашингтон, округ Колумбия, 2018.
4. Анисимова И.В. Роль Сибирского и Семиреченского казачьих войск в решении геополитических задач России в Центральной Азии // Востокведные исследования на Алтае. 2016. № 10. С. 72 – 75.
5. Аккиева С.И., Сампиев И.М. Депортации народов Северного Кавказа в 1940-е годы как фактор диаспоризации и модернизации // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6 // URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=11581>
6. Хопёрская Л.Л. Новая тактика «Исламского государства» на евразийском пространстве // Вопросы политологии. 2018. Т. 8. № 9 (37). С. 620 – 634.

Khoperskaya Larisa Lvovna, doctor of political sciences, professor, Kyrgyz-Russian Slavic University (44, Kiyevskaya St., Bishkek, 720000, Kyrgyz Republic). E-mail: larkhop@gmail.com

Golovanov Roman Sergeevich, candidate of political sciences, candidate of legal sciences, doctoral candidate, Kyrgyz-Russian Slavic University (44, Kiyevskaya St., Bishkek, 720000, Kyrgyz Republic). E-mail: flr2006@mail.ru

EURASIAN INTER-ETHNIC CONSENT STRATEGY (BASED ON MATERIALS FROM THE STATES OF CENTRAL ASIA AND THE SOUTH OF RUSSIA)

Abstract

The article analyzes the instruments of Russia's foreign policy that contribute to ensuring interethnic harmony: providing preferences to citizens of the states – Russia's geopolitical allies in the field of labor migration; targeted measures of national policies aimed at workers from the EAEU countries; Russian military, economic, educational and humanitarian presence in the post-Soviet space; incorporation of diasporas into the ethnocultural structure of the host society; cooperation with member states of the Eurasian economic union at the regional level.

Keywords: *interethnic harmony, foreign policy, eurasian integration, Eurasian economic union, eurasian solidarity, migration policy, national policy, Russian presence, interregional cooperation.*

References

1. Putin V.V. Novyj integracionnyj proekt dlya Evrazii – budushchee, kotoroe rozhdaetsya segodnya (3 oktyabrya 2011) // URL: <http://izvestia.ru/news/502761>
2. Krut'ko A. A. Strategicheskoe prisutstvie Rossii na evrazijskom prostranstve // Voprosy nacional'nyh i federalivnyh otnoshenij. 2018. № 4. P. 395 – 406.
3. Adzhvad M.I., Gonsales S.B. Rabochie mesta v Kirgizskoj Respublike / Vsemirnyj bank. Vashington, okrug Kolumbiya, 2018.
4. Anisimova I.V. Rol' Sibirskogo i Semirechenskogo kazach'ih vojsk v reshenii geopoliticheskikh zadach Rossii v Central'noj Azii // Vostokovednye issledovaniya na Altae. 2016. № 10. P. 72 – 75.
5. Akkieva S.I., Sampiev I.M. Deportacii narodov Severnogo Kavkaza v 1940-e gody kak faktor diaspORIZACII i modernizacii // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2013. № 6 // URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=11581>
6. Hopyorskaya L.L. Novaya taktika «Islamskogo gosudarstva» na evrazijskom prostranstve // Voprosy politologii. 2018. T. 8. № 9 (37). P. 620 – 634.

¹ Василий Голубев и Аликбек Джекенкулов обсудили сотрудничество Дона и Киргизии. 9 декабря 2019 г. // URL: <https://news.mail.ru/politics/39801121/?from=newsapp>

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОНЯТИЮ «НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ»

Артюхин Олег Александрович	кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: oart1969@mail.ru
Крицкая Анна Александровна	кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: enigmaann@bk.ru
Цыпलाков Александр Юрьевич	аспирант кафедры политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: rostov161don@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется понятие «национальные интересы» с позиций геополитики, рассматриваются различные подходы и выделяются особенности геополитического подхода. Данные подходы позволяют проследить эволюцию национальных интересов России, выявить исторические факторы и сформулировать современные российские национальные интересы в рамках базовых геополитических учений. Особое внимание уделяется выявлению российских особенностей национальных интересов в работах современных классиков американской школы атлантизма.

Ключевые слова: национальные интересы, геополитика, цивилизационный подход, геополитические факторы, политические процессы, глобализационные процессы, нация, политические события, многонациональное государство.

В современном политическом дискурсе все более усиливается геополитическая составляющая, так как в современном мире особое значение приобретают глобализационные и глокализационные процессы. Это также объясняется нарастанием геополитического соперничества между ведущими странами мира, что способствует росту напряженности во взаимоотношениях между государствами, а это, в свою очередь замедляет продвижение урегулирования значимых и наиболее насущных вопросов международного сотрудничества. Политические элиты пытаются силовыми методами отстаивать свои интересы, выдавая их за национальные, в итоге к консенсусу прийти в такой ситуации становится тяжело, без учета геополитической обоснованности и целесообразности принятия политических решений. К сожалению, очень часто под геополитическими национальными интересами понимаются или глобализационные, или макроэкономические. Поэтому рассмотрим именно геополитические подходы к понятию национальные интересы.

Так, по мнению классиков геополитики, мощь государства определяется размерами его территории, её разработанностью и освоенностью, природными ресурсами, полезными ископаемыми, численностью населения, военным потенциалом, уровнем экономического развития, развитием научной базы и т.д. С нашей точки зрения – это справедливо, поскольку все эти показатели дают основание полагать о соответствии того или иного государства, стандартами, которые определяют качество его положительного влияния на международные события, происходящие в мире и благоприятного исхода его деятельности.

Вместе с тем, важно учесть, что в современных условиях ценность приобретает понимание геополитических процессов и возможных сценариев реализации или воплощения геополитики России, посредством обеспечения национальных интересов, потому как перспективы развития дальнейших событий, необходимо учитывать на ближайшее будущее с тем, что это позволит предвидеть некоторые исходы политических событий, а может и предопределил их, к тому же образован шанс просчитать каждый стратегически и геополитически верный шаг.

Существует множество подходов к исследованию понятия национальных интересов [1]. Остановимся на конструктивистском подходе, согласно которому национальные интересы связываются лишь с «конструированием реальности» политической властью [2]. Необходимо отметить, что интерес конструктивизма заключается в изучении структуры национальных интересов, тогда как инструменталистов интересует их функциональная часть относительно к социуму.

С точки зрения инструменталистов, российский политолог И.Л. Прохоренко выделяет три основные функции:

1. Политическая функция заключается в принятии правящей элитой внешних и внутренних политических решений.
2. Коммуникативная функция заключается во взаимодействии с населением и объясняет ему цели и задачи политики государства.
3. Идеологическая функция заключается в оправдании проводимой внешней политики, снижение негативного восприятия [3].

Теперь для того, чтобы четко сформулировать понятие национального интереса, мы должны рассмотреть две его основные составляющие «интерес» и «нация».

Понятие «интерес» имеет множество трактовок. В современной научной литературе чаще всего встречаются две основные трактовки, которые можно разделить на два вида социологическую и психологическую. Согласно социологическому подходу, интерес - это совокупность осознанных потребностей кого-либо. В этом случае интерес связан с определенными материальными потребностями жизнедеятельности субъекта. Сторонники психологической интерпретации под термином интерес понимают направленность индивидуума на различные объекты, освоение которых у социологов выступает как благо.

Что касается понятия «нация», то среди огромного количества неопределенных понятий, можно выделить две основные формулировки данного термина - этническую и политическую.

Этническая интерпретация в первую очередь связана с идеями марксистской политической мысли. «Нация есть исторически сложившаяся, устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории экономической жизни и психологического склада, проявляющиеся в общности культуры» [4]. Данное Сталинское определение стало базовым в советском партийном и государственном строительстве.

Что касается второго подхода, то в этом случае значение слова «нация» было сугубо политическим. К примеру, Д. Дидро лишь незначительное население, определённого района, находящееся под властью одного правительства считал нацией [5].

«Народ, имеющий свое государство является нацией» Это определение, наверное, можно отнести, к самому лаконичному понятию нации, которое принадлежит американскому социологу К. Дейчу [6].

Завершая анализ наиболее часто встречающихся в литературе интерпретаций понятий «нация» и «интересы», можно сделать вывод о правильности и необходимости комплексного подхода, который основывается на обобщении и симбиоза научных методов. Данный подход, в свою очередь, помогает исключить ошибочные противоречия.

Обобщая вышесказанное, можно сказать, что национальные интересы прежде всего являются системным отражением осознанных общественных потребностей, имеют историческую и культурологическую нагруженность, их удовлетворение направлено на обеспечения безопасности социума и его дальнейшего развития. Но стоит отметить, что данная интерпретация термина не является безукоризненной и достаточно завершённой. Для более четкого понимания требуется дальнейшее углубленное изучение данного вопроса. В рамках политической науки исследование национально-го интереса предполагает в себе не только решения вопроса о трактовке данного понятия, но и выделения его типов.

Что касается России, то ее национальные интересы, в зависимости от исторических периодов истории, существенно отличались друг от друга. Создание российской государственности детерминировало усиление объединяющего фактора, которым было православие.

Концепт «Москва-третий Рим» очертил православные национальные интересы. Затем принятие западного вектора развития и создание Российской империи потребовали возведение национальных интересов в разряд государственных. Так Петром Первым была создана система служения государству, а не государю. Таким образом, мы наблюдаем становление государственных интересов выше интересов личности, и практически полное совпадение национальных, общественных и государственных интересов. В России национальные интересы стали строиться на тройственном фундаменте «самодержавие, православие, народность».

Следующим этапом в истории России является советский период в которой главной национальной идеей являлась идеология коммунизма, которая изначально имела сугубо интернациональный характер. Неудавшаяся попытка мировой коммунистической революции вызвала необходимость построения социализма в отдельно взятом многонациональном государстве. Стала создаваться новая историческая, социальная и политическая общность – советский народ, что соответственно вызвало трансформацию национальных интересов.

После победы СССР и антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне и установлением ялтинско-потсдамской системы мирового порядка, советская национальная идея стала носить геополитический характер, направленный на установление биполярного мира и расширение зоны советского влияния. «Догоним и перегоним Америку» и «два мира – два образа жизни» - стали главными советскими лозунгами времен «холодной» войны. Здесь явно прослеживается догоняющий характер модернизации и биполярный геополитический и цивилизационный подход к мироустройству.

Геополитическое поражение СССР во многом обуславливалось дихотомичным подходом «пролетариат-капиталисты», «социалистический-капиталистический», которые не учитывали ни геополитические, ни цивилизационные факторы национальных интересов.

В постсоветский период наблюдались кардинальные перемены, которые связаны с развалом СССР и со становлением России как отдельно взятого многонационального государства. Долгое время происходило формирование национальных интересов и приоритетов внешней политики, которые сохранились и на современном этапе.

Как отмечает З. Бжезинский в своей работе «Великая шахматная доска» в конце 20 века перед Россией остро стал вопрос об национальной идентичности и национальных интересах постсоветской России, что требовало осознания новых национальных интересов и разработки новой национальной идеи, так как концепт стратегического партнерства с США изначально был навязан с целью неосознания истинных национальных интересов и распространения доминирования США на Евразийском континенте. Тем не менее, если говорить об этом периоде, то национальные интересы и внешняя политика институционально были регламентированы уже в 1997 и 2000 годах, они закреплялись в таких документах как «Концепция национальной безопасности РФ» и «Концепция внешней политики государства», и, конечно же в Конституции РФ.

Настоящее геополитическое отстаивание национальных интересов России началось только с приходом к власти В.В. Путина. В своей знаменитой Мюнхенской речи он подверг критике сложившуюся геополитическую однополярность под гегемонией США и обосновал необходимость построения многополярного мира, что полностью соответствует национальным интересам России.

Если опять же воспользоваться терминологией З. Бжезинского, то Россия будучи «черной дырой на Евразийском континенте» вдруг стала укреплять государственность и суверенитет не только внутренний, но и внешний, становиться значимым геополитическим актором евразийского и мирового геополитического пространства. З. Бжезинский считал, что наиболее опасным для США и всего западного мира является тесное сотрудничество России, Китая и Ирана, что будет способствовать выдавливанию США с Евразийского континента и потере западного контроля над Хартлендом, взамен он предлагал вестернизацию России, интеграцию в ЕС с созданием Европы «от Лиссабона, до Владивостока». Президент Франции Э. Макрон совсем недавно выдавал подобную концепцию уже за свою, ставя ее в противовес концепту доминирования США в Евразии. Хотя они только на первый взгляд противоположны, но на самом же деле являются разными ракурсами американской геополитики однополярного мира, озвученной бывшим госсекретарем еще в 1997 г. [7].

Другой американский идеолог американского доминирования С. Хантингтон в своей работе «Столкновение цивилизаций» утверждал, именно национальная идентичность лежит в основе национальных интересов, что требует первичности идентификации, детерминирующей национальные интересы. По его мнению, демократические принципы и свободы, лежащие в основе американской идентичности должны транслироваться на все мировое сообщество [8]. Фактически данный подход приводит к усилению геополитической напряженности и возрастанию этнополитической конфликтности в ряде регионов планеты и не может рассматриваться универсальным в достижении геополитических целей.

В зависимости от подхода (конфессионального, этнокультурного, геополитического) сторонники цивилизационного подхода относят Россию к «православной», «восточнославянской», «евразийской» цивилизации. Россия выступает «стержневым государством» в геополитическом концепте С. Хантингтона [8].

Что касается современного мирового порядка, то патриарх американской дипломатии Г. Киссинджер в последних интервью неоднократно заявлял, что Россия является великой страной с богатой историей, и что ему сложно представить мировой порядок, в котором Россия не будет значимым геополитическим актором¹.

¹ Ветеран американской дипломатии Генри Киссинджер рассказал в интервью первому заместителю генерального директора ТАСС Михаилу Гусману о том, каким должен стать новый мировой порядок и через что должны пройти Россия и США. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/interviews/6259637> (дата обращения 08.01.2020 г.)

Таким образом, можно заключить, что по мнению даже наших западных идеологических противников, у России должны быть собственные национальные и геополитические интересы.

Что касается современных национальных интересов России, то на сегодняшний день они закреплены в Указе Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации», в котором чётко указано, что такое национальный интерес и его основные виды.

Под национальным интересом в данном нормативно-правовом акте понимается «объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищённости и устойчивого развития»¹.

Обеспечение национальных интересов в геополитической сфере и в области стратегического международного партнерства способствует активная внешняя политика России, которая направлена на стабильное развитие международных отношений, опирающаяся на международное право [9].

На основе всего выше изложенного, можно заметить, что национальные интересы тесно связаны с геополитическими и во многом определяют формирование внешней политики Российской Федерации. Конечно национальные интересы имеют не только геополитическую направленность, но и во многом обуславливаются рядом социальных, экономических и политических факторов. Но в условиях глобализации, пересмотра мирового порядка и возрастающей международной конфликтности именно геополитические национальные интересы становятся доминирующими.

В заключение необходимо отметить, что сложная современная геополитическая ситуация детерминирует необходимость создания, разработки и последовательном претворении в жизнь геостратегии Российской Федерации, базирующейся на защите национальных интересов России. В нашей стране целостного, единого и структурированного документа подобного содержания нет, но отдельные мероприятия, а также проекты геостратегического порядка уже имеются. Геостратегия России должна быть нацелена на защиту национальных интересов страны, сохранении и увеличении мощи государства, минимизации ущерба, который может быть нанесён в тех или иных кризисных ситуациях, а также оптимизацию возможностей эффективного использования геополитических свойств географического пространства.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод об отсутствии у политологов единой точки зрения относительно понятия «национальный интерес», а также его обоснованности и практической пригодности. Это, в свою очередь, можно объяснить двумя особенностями: полнотой мнений исследователей и методологическим плюрализмом.

Литература

1. Мухаметов Р.С. Национальные интересы: сущность, трактовки и типология // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2008. Т. 3. № 5. С. 72 – 81.
2. Кислицын С.А. Прикладная геополитика России: история формирования и современное состояние // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2018. № 2 (198). С. 96 – 107.
3. Прохоренко И.Л. О методологических проблемах анализа современных политических пространств // ПОЛИС. Политические исследования. 2012. № 6. С. 68 – 80.
4. Вдовин А.И. Российская нация. М.: Роман-газета, 1996. 247 с.
5. Мухаметов Р.С. Национальные интересы России на постсоветском пространстве: сущность и основные средства реализации / автореферат дис. ... кандидата политических наук : 23.00.02. - Екатеринбург, 2009. 20 с.
6. Бельков О.А. Национальное и национализм // Безопасность Евразии. 2005. № 4. С. 151 – 213.
7. Павлов А.В. Баланс сил и геополитика ведущих стран Западной Европы // Вестник Поволжского института управления. 2018. Т. 18. № 2. С. 27 – 33.
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка. М., 2003. 660 с.
9. Айрапетян Д.А., Ароян А.С. Современная система мировой политики в условиях новых геополитических стратегий России и США // Молодой исследователь: вызовы и перспективы. М., 2019. С. 67 – 78.

¹ Указ Президента РФ. от 31.12. 2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1. Часть II.

Artyukhin Oleg Aleksandrovich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of Political Science and Ethnopolitik, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: oart1969@mail.ru

Kritskaya Anna Aleksandrovna, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of Political Science and Ethnopolitik, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: enigmaann@bk.ru

Tsyplakov Alexander Yuryevich, Graduate Student of the Department of Political Science and Ethnopolitics, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: rostov161don@mail.ru

GEOPOLITICAL APPROACHES TO NATIONAL INTERESTS

Abstract

The article explores the concept of "national interests" from the point of view of geopolitical, considers different approaches and highlights the peculiarities of geopolitical approach. These approaches make it possible to trace the evolution of Russia's national interests, identify historical factors and formulate modern Russian national interests within the framework of basic geopolitical exercises. Special attention is paid to the identification of Russian peculiarities of national interests in the works of modern classics of the American school of Atlantism.

Keywords: national interests, geopolitical, civilizational approach, geopolitical factors, political processes, globalisation processes, nation, political events, multinational state.

References

1. Muhametov R.S. Nacional'nye interesy: sushchnost', traktovki i tipologiya // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3. Obshchestvennye nauki. 2008. T. 3. № 5. P. 72 – 81.
2. Kislicyn S.A. Prikladnaya geopolitika Rossii: istoriya formirovaniya i sovremennoe sostoyanie // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Seriya: Obshchestvennye nauki. 2018. № 2 (198). P. 96 – 107.
3. Prohorenko I.L. O metodologicheskikh problemah analiza sovremennyh politicheskikh prostranstv // POLIS. Politicheskie issledovaniya. 2012. № 6. P. 68 – 80.
4. Vdovin A.I. Rossijskaya naciya. M.: Roman-gazeta, 1996. 247 p.
5. Muhametov R.S. Nacional'nye interesy Rossii na postsovet'skom prostranstve: sushchnost' i osnovnye sredstva realizacii / avtoreferat dis. ... kandidata politicheskikh nauk : 23.00.02. - Eka-terinburg, 2009. 20 p.
6. Bel'kov O.A. Nacional'noe i nacionalizm // Bezopasnost' Evrazii. 2005. № 4. P. 151 – 213.
7. Pavlov A.V. Balans sil i geopolitika vedushchih stran Zapadnoj Evropy // Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya. 2018. T. 18. № 2. P. 27 – 33.
8. Hantington S. Stolknovenie civilizacij i pereustrojstvo mirovogo poryadka. M., 2003. 660 p.
9. Ajrapetyan D.A., Aroyan A.S. Sovremennaya sistema mirovoj politiki v usloviyah novyh geopoliticheskikh strategij Rossii i SSHA // Molodoj issledovatel': vyzovy i perspektivy. M., 2019. P. 67 – 78.

ДОПИНГ КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕШЕНИЯ

**Довгань
Юлия
Евгеньевна**

магистрант, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).
E-mail: streblyanskaya@mail.ru

**Довгань
Евгений
Александрович**

полковник полиции, Волгодонский филиал Ростовского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации (347360, Россия, г. Волгодонск, ул. Степная, 40). E-mail: dovghan_72@mail.ru

**Геворгян
Ашхен
Сергеевна**

кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).
E-mail: ashkhen-aroyan@yandex.ru

Аннотация

В статье охарактеризовано понятие и специфика такой категории, как «допинг». Проанализирован исторический период зарождения и развития антидопинговых служб в России и в мире. Выявлены виды спорта, которые в наибольшей и в наименьшей степени подвержены допинговым скандалам.

Ключевые слова: спорт, допинг, запрещенные препараты, антидопинговые правила, антидопинговая борьба, российские спортсмены, допинг-скандалы, антидопинговая программа, спортивная деятельность.

На современном этапе общественного развития тема допинга характеризуется, как наиболее проблемная и скандальная. Зачастую тема допинга поднимается даже чаще, нежели выдающиеся победы и достижения спортсменов. На сегодняшний день в сфере спортивной деятельности употребление запрещенных препаратов и борьба с ними характеризуется, как основополагающая и чрезвычайно болезненная тема. Необходимость актуализации темы допинга и её детальное рассмотрение обуславливают и последние события спортивной сферы: допинг-скандал вокруг российского спорта и дисквалификация российских спортсменов от участия в Олимпиадах и чемпионатах мира под российским флагом.

Для того, чтобы оценить реальное положение дел в сфере российского спорта и, в частности, в допинг-скандалах, необходимо разобраться с тем, что же считается допингом и почему его так сложно искоренить. Стоит отметить, что применение допинга охарактеризовано периодом зарождения Олимпийских игр, так как в то время применение допинговых веществ не было никак ограничено.

В обиход понятие допинга вошло лишь в XIX веке. Допинг имеет английское происхождение и дословно его можно охарактеризовать как «предлагать наркотики». Таким образом, основополагающей характеристикой понятия допинг выступает употребление наркотических средств и препаратов. Стоит отметить, что ряд препаратов, которые на сегодняшний день относятся к категории наркотических, а именно: кокаин и героин и вовсе не характеризовались первоначально как запрещенные, а первое массовое употребление наркотических веществ в характеристике допинг была зафиксировано у лошадей, которых стимулировали перед проведением скачек [1, с. 350].

Впоследствии понятие допинга перешло и на спортивную сферу, так как спортсмены стали употреблять. Так, в 1886 году был зафиксирован первый летальный исход от употребления допинга, а в 1904 году произошла ситуация когда от применения допинга спортсмен упал без сил прямо перед финишной чертой. Несмотря на это спортсмен всё-таки стал олимпийским чемпионом, но после проходил длительную реабилитацию.

Исходя из участвовавших случаев применения допинга и его неблагоприятных последствий, стали задумывать об идеи запрета допинга. В 1928 году в Устав Международной федерации легкой атлетики было впервые внесено антидопинговое правило, согласно которому спортсмены не должны применять вещества и препараты, которые могут оказать стимулирующее воздействие на улучшение спортивных показателей. Но подобное нововведение никто не заметил и полноценные методы и механизмы антидопингового контроля появились значительно позднее [2, с. 57].

Настоящий допинговый бум охарактеризовал послевоенные годы. В 1929 году произошло открытие фармакологических свойств амфетаминов и их стимулирующее воздействие. Именно после

применения амфетамина, как стимулирующего средства начался поиск новых, более современных препаратов. Так, в конце 50-х годов американский врач и исследователь Дж. Циглер изобрел первый анаболический стероид. Первоначально данный препарат назывался «Дианабол», но сейчас его можно с легкостью приобрести под названием «Метандиенон».

Второй волной развития допинговых препаратов являлись 60-е годы. Наиболее известные печальные случаи использования допинговых средств в спорте ознаменовались велоспортом, который характеризуется, как достаточно энергозатратный и тяжелый вид спортивной деятельности, где в течение длительного периода времени гонщикам приходится работать на пределе сил, а на некоторых участках спортивной трассы и в тяжелых условиях. Так, в 1960 г. во время олимпийской велогонки на 100 км в Риме умер датский спортсмен Кнут Йенсен, а в 1967 г. на знаменитой трассе «Тур де Франс» скончался британский гонщик Томми Симпсон. При этом спортсмены были достаточно известными и не скрывали тот факт, что употребляли амфетамин. После смерти обоих спортсменов врачи констатировали тот факт, что их организмы просто не выдержали нагрузок.

Смерть Томми Симпсона, которая произошла буквально на глазах миллионов зрителей резко изменило отношение к допингу. Так, уже в конце 1967 года МОК была учреждена медицинская комиссия по антидопинговой борьбе и с 1968 года стали проводиться серьезные проверки. Кроме этого, был составлен список запрещенных препаратов, а также внедрены особые методики обнаружения допинга у спортсменов.

Несмотря на то, что первые попытки обнаружения применения допинга у спортсменов были сделаны еще в 1964 году, реальных и действенных механизмов выработано не было.

К началу 1970 года на первый план окончательно выдвинулись анаболики, как основные синтетические производные тестостерона. Необходимо уточнить, что амфетамины принимались в целях повышения выносливости, а анаболики были нацелены на повышение физической силы и мышечной массы, причем для наилучшего эффекта их принимали в течение длительного времени. Неудивительным является тот факт, что антидопинговая хроника 70-80-х годов была отмечена значительным количеством упоминаний легко и тяжелоатлетов [3, с. 90].

На Олимпиаде 1984 года финн Марти Вайнио, чемпион Европы в стайерском беге, был уличен в применении анаболика "Метанолона". Вайнио к тому времени стал серебряным призером Игр в беге на 10 000 метров и был снят буквально перед стартом дистанции вдвое короче.

Это был сильный удар по олимпийскому движению – дисквалифицирован был призер Игр! Через четыре года, на Играх-1988 в Сеуле, канадский спринтер Бен Джонсон стал двукратным олимпийским чемпионом на 100-метровке, однако затем был дисквалифицирован за употребление станозолола. С тех пор новости об обнаружении допинга у звезд мирового спорта уже перестали шокировать широкую публику.

И лишь в 1999 г. было учреждено Всемирное антидопинговое агентство – WADA. Учреждение WADA было необходимым этапом развития антидопинговой коалиции, так как различные правительственные организации, комитеты, собрания выступали за регулирование спортивной сферы. Основопологающей целью создания и функционирования WADA является объединение различных антидопинговых служб, которые призваны выявлять факторы нарушения антидопингового законодательства, а именно выявлять спортсменов, принимающих запрещенные препараты. Несомненно, появление WADA положительно отразилось на количестве положительных допинг-проб: их количество увеличилось до 21 в Олимпийских играх в Сиднее, в сравнение с двумя в Атланте [4, с.190].

Стоит отметить, что, несмотря на предпринимаемые попытки антидопингового агентства, приблизиться к искоренению данной проблемы не удалось. Данный факт не является удивительным, так как ежегодно продолжает расти число людей, которые ради огромной прибыли и достижений готовы рисковать своим здоровьем и репутацией.

Современный этап борьбы с допингом в спортивной сфере условно можно разбить на три этапа. Первый этап охарактеризован созданием одного из наиболее мощных оружий в борьбе с допингом. Этим оружием является тест, который был разработан американским ученым, доктором и биохимиком Доном Кэтлин. Данный тест позволяет находить в моче спортсменов анаболические стероиды.

Вторым этапом является 2009 год, когда в борьбе за «чистый» спорт стали использоваться биологические паспорта спортсменов. Данные паспорта позволяют выявлять спортсменов, которые принимают допинговые средства по косвенным признакам.

И третьим этапом является внедрение системы АДАМС. Данная система характеризуется, как совокупность менеджмента и антидопингового администрирования. Основной функцией создания системы является формирование и управление базой данных, которая расположена в интернете. Спортсмен, который зарегистрирован в данной базе, должен заполнять ежедневную информацию

о своем местоположении для того, чтобы сотрудники антидопинговых служб могли в любой момент приехать к спортсмену и взять пробы.

Проводя анализ употребления допинга, можно отметить, что наиболее часто случаи употребления допинговых препаратов наблюдается в циклических видах спорта, таких как: лыжные гонки, плавание, велоспорт, гребля, легкоатлетические дисциплины и т.п.

Рассматривая совокупность методов и способов борьбы с допингом, стоит обратиться к мнениям компетентных специалистов. «Вопрос даже не в наличии специальных брошюр, не в лекциях, а в головах спортсменов», – утверждает доктор медицинских наук, профессор Валерий Барчуков, отвечающий за реализацию антидопинговой программы Всероссийской федерации плавания (далее – ВФП)¹. Действительно, как донести до умов юных существ, порой попадающих в национальную сборную страны в 14-15 лет, что допинг может подстергать их где угодно, включая чужую бутылку воды?

ВФП разработала специальные декларации о неупотреблении допинга. Их подписывают и спортсмены, и тренеры. Казалось бы, ничего не значащая бумажка. Но, по мнению специалистов, подписание специальных деклараций – один из эффективных способов воздействия на сознание людей.

Еще один барьер для допинга, который применяется – медицинская карта спортсмена. Этот формуляр каждый из атлетов привозит с собой на централизованные сборы. В медицинской карте указывается, какие болезни пловец перенес за время подготовки в своем регионе, а также какие препараты ему назначались. Медицинская карта помогает выставить еще один заслон от допинга. Благодаря им спортсмены постоянно находятся под контролем.

Практически круглосуточно спортсмен может получить консультацию у специалистов РУСАДА (до приостановления деятельности агентства), если ему назначается какой-то новый препарат, витамин или биодобавка. Особенно это важно, когда у ребят происходят незапланированные, экстренные медицинские мероприятия.

Каждый спортсмен должен четко осознавать, что рядовой врач в районной поликлинике не осведомлен о наличии перечня допинговых препаратов, запрещенных к употреблению согласно правилам WADA. Можно тысячу раз быть противником допинга, постоянно перестраховываться, а попасться на какой-нибудь внешне безобидной биодобавке. И подобные случаи происходят сплошь и рядом.

Помимо специальных деклараций и медицинских карт, у федераций есть целый арсенал средств по борьбе с допингом. Антидопинговая программа ВФП строится на проведении лекций, семинаров и бесед со своими подопечными. На подавляющем большинстве из них присутствуют также специалисты РУСАДА. Они же снабжают спортсменов и тренеров самой свежей тематической литературой, брошюрами, буклетами и методичками на тему запрещенных веществ и способов борьбы с их употреблением.

Казалось бы, делается все возможное, и все равно нет-нет да и попадают российские спортсмены на употребление допинга, потому что допинг сейчас присутствует везде и уберечь себя от опасности быть дисквалифицированным и пропустить несколько ценнейших лет спортивной карьеры под силу только настоящему профессионалу.

С другой стороны, существует множество видов спорта, где нарушения антидопингового законодательства встречаются скорее, как исключения из правил. В футболе случаи употребления запрещенных веществ носят единичный характер и происходят скорее из-за разгильдяйства или незнания банальных правил. Для повышения каких-то параметров работоспособности в футболе нет смысла принимать запрещенные препараты. Хватает и стандартных средств и методов восстановления и подготовки к матчам.

С 1966 года Международная федерация футбола (ФИФА) осуществила на чемпионатах мира и отборочных турнирах к ним забор свыше 6000 допинг-проб. Только четыре пробы были положительными. С 1994 года на чемпионатах мира не было ни одной положительной пробы. В России и других странах случаи выявления нарушений тоже единичны – гораздо меньше, чем в среднем по всем видам спорта.

Таким образом, проблема допинга была, есть и будет одной из актуальных проблем в сфере спортивной деятельности. Для понимания сущности и специфики допинговых скандалов, необходимо четко представлять, что подразумевает под собой такая коварная характеристика как «допинг» и как и какими способами его можно выявить.

¹ Медали из пробирики: кто побеждает в борьбе с допингом.

– [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/spec/doping-v-sporte>

Литература

1. Смирнова В.З., Зарецкаф Н.Е. Допинг в спорте как проблема международного масштаба // В сборнике: СИСТЕМА МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА В ВУЗЕ: ЗДОРОВЬЕ, ОБРАЗОВАННОСТЬ, КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ. Сборник научных трудов. Уральский государственный университет физической культуры. Челябинск, 2017. С. 348 – 351.
2. Ковтарёв Е.С. Допинг в международном спорте высших достижений // В сборнике: XIX Всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартковского государственного университета. Сборник статей. Нижневартовск, 2017. С. 56 – 60.
3. Лубышева Л.И. Как победить допинг в российском спорте // Теория и практика физической культуры. 2018. № 3. С. 89 – 93.
4. Божко А.В., Колокольцев М.М. Допинг в спорте, медицине и повседневной жизни // В сборнике: Информатизация и виртуализация экономической и социальной жизни Материалы IV Межвузовской студенческой научно-практической конференции с международным участием (электронное издание). Иркутский национальный исследовательский технический университет. Иркутск, 2018. С. 190 – 192.

Dovgan Yuliya Evgenevna, Magistrant, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: streblyanskaya@mail.ru

Dovgan Evgeny Aleksandrovich, Colonel of police, Volgodonsk branch of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (40, Stepnaya St., Volgodonsk, 347360, Russian Federation).

E-mail: dovghan_72@mail.ru

Gevorgyan Ashkhen Sergeevna, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Ethnopolitics, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).

E-mail: ashkhen-aroyan@yandex.ru

DOPING AS A SOCIAL AND POLITICAL PROBLEM IN THE MODERN WORLD: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE

Abstract

This article describes the concept and specificity of such a category as "doping". The historical period of the origin and development of anti-doping services in Russia and in the world is analyzed. Sports that are most and least susceptible to doping scandals have been identified.

Keywords: *sports, doping, prohibited drugs, anti-doping rules, anti-doping wrestling, Russian athletes, doping scandal, anti-doping program, sports activity.*

References

1. Smirnova V.Z., Zareckaf N.E. Doping v sporte kak problema mezhdunarodnogo masshtaba // V sbornike: СИСТЕМА МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА В ВУЗЕ: ЗДОРОВЬЕ, ОБРАЗОВАННОСТЬ, КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ. Сборник научных трудов. Уральский государственный университет физической культуры. Челябинск, 2017. С. 348 – 351.
2. Kovtaryov E.S. Doping v mezhdunarodnom sporte vysshih dostizhenij // V sbornike: XIX Vserossiyskaya studencheskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta. Сbornik statej. Nizhnevartovsk, 2017. С. 56 – 60.
3. Lubysheva L.I. Kak pobedit' doping v rossijskom sporte // Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury. 2018. № 3. С. 89 – 93.
4. Bozhko A.V., Kolokol'cev M.M. Doping v sporte, medicine i povsednevnoj zhizni // V sbornike: Informatizaciya i virtualizaciya ekonomicheskoy i social'noj zhizni Materialy IV Mezhvuzovskoj studencheskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (elektronnoe izdanie). Irkutskij nacional'nyj issledovatel'skij tekhnicheskij universitet. Irkutsk, 2018. С. 190 – 192.

АНАЛИЗ ИНФОРМАЦИОННОЙ КОНФРОНТАЦИИ МЕЖДУ РОССИЙСКИМИ И ЗАРУБЕЖНЫМИ СМИ И РОЛЬ ЛИДЕРСКО-ЭЛИТНОГО ФАКТОРА В ДАННОМ ПРОЦЕССЕ

Кондратенко Евгения Николаевна	кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: zen2710@yandex.ru
Григорян Давид Кромвелович	кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: davo-davo23@mail.ru
Погорелов Михаил Александрович	магистрант факультета политологии, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: mapogorelov@mail.ru

Аннотация

В статье проведен анализ информационной конфронтации между российскими и зарубежными средствами массовой информации и роль лидерско-элитного фактора в данном процессе. Отражена динамика данного конфликта в исторической ретроспективе, которая позволила раскрыть данную проблематику. Выявлено и обосновано, что переход в границы виртуального пространства политических разногласий стран Запада и России позволил избежать реальных военных кампаний. Следует отметить, что информационная война между российскими и зарубежными СМИ имеет давнюю историю. Если анализировать динамику конфликта, то можно констатировать, что сегодня латентно происходят процессы, характерные для периода «холодной войны».

Ключевые слова: информационная война, средства массовой информации, Россия и Запад, политическая обстановка, информационное пространство, интерпретация, лидерско-элитная позиция, границы влияния, геополитическое положение, межгосударственные отношения.

С давних времен информация является стратегически важным управленческим ресурсом. Эффективность политического управления во многом определяется осведомленностью, основательный набор сведений и данных всегда представлял ценность для государственных и политических деятелей. Стремительное развитие информационно-коммуникативных технологий способствовало становлению кибернетики, информатики, семиотики, предметом изучения которых стала информация. Если говорить о конфронтации российских и зарубежных средств массовой информации, то можно отметить, что этот процесс оказывает большое влияние на политические процессы, происходящие в странах, и находятся в прямой зависимости от их интерпретации в информационном пространстве. Как известно, информационная конфронтация может развиваться в глобальных, региональных, межгрупповых и межличностных масштабах.

Различные аспекты информационных конфронтаций и войн в своих трудах рассматривали зарубежные теоретики: Рон Т., Даллес А., Либики М., Шафранаски Р., Вэйгуан Ш., Почепцов Г.Г., Пуфэн В. Среди современных российских ученых проблеме информационной войны посвятили свои труды Макаров В.Е., Панарин И.Н., Расторгуев С.П., Штофер Л.Л. Представители научного сообщества обращали свое внимание на интерпретацию термина «информационная война», формирование представления о сущности, формах, последствиях информационной конфронтации, технологии информационного манипулирования; взаимовлияние информационно-коммуникативных процессов и политического управления.

Еще в годы Первой мировой войны специалист по оказанию психологического воздействия на противника англичанин П.Г. Уорбертон писал следующее: «...Вооруженное столкновение армий – это лишь одно из средств войны. Особое значение в противоборстве враждующих сторон имеет психологическое воздействие на противника, стремление, так или иначе, поколебать его веру в правоту защищаемых им идей, веру в будущую победу» [1, с. 16]. В результате анализа глобального информационного конфликта стало очевидным, что он носит явный характер. Основными его субъектами выступают правительственные СМИ, а главным объектом воздействия является массовое сознание внутри иностранных государств. Цель деятельности СМИ заключается в помощи политическим силам государства достигнуть властного превосходства над «противником».

Для основательного анализа современной информационной войны необходимо изучить динамику конфликта. За точку отсчета принято начало «холодной войны», поскольку именно с 1946 г.

идеологическая конфронтация двух центров стала обостряться. После окончания Второй мировой войны два геополитических центра США и СССР вступили на путь многолетнего идеологического противостояния. С подачи журналистов период конфронтации Запада и Советского Союза с 1946 по 1989 год стал называться «холодной войной». Однако отмечается, что характерные для того времени деструктивные процессы имеют место в современной политике. Основной причиной, послужившей началом обострения отношений, стали лидерско-элитные позиции и стремление Запада и СССР расширить свои границы влияния. К тому лидеры стран Запада и СССР не стремились отказываться от своих государственных идеологий.

В границах информационного пространства СССР и Запад прибегали к высмеиванию недостатков идеологий друг друга посредством карикатур и фельетонов. Каждая сторона формировала нелюбимый образ условного противника. Например, Советский Союз изображал США пристанищем только для богатых¹. Ответная реакция западных стран строилась на изображении СССР как врага собственного народа².

С 1953 года Информационное агентство США целенаправленно занималось ведением информационной войны против идеологии коммунизма. В то время активную деятельность вели радиостанции: «Голос Америки», «Радио Свободная Европа». Слаженная работа западных СМИ смогла трансформировать политику российских информационных источников, которые вскоре стали навязывать советской аудитории потребительскую модель образа жизни³.

Клешина Н.Н. в своей статье анализирует динамику интерпретации политических событий в американских СМИ, посредством выделения категорий и метафор она отразила изменение настроений СМИ относительно политических процессов. Согласно ее подходу можно сказать, что Россия в эпоху Советского Союза представляется зарубежными новостными источниками исключительно как агрессивное государство. Только в период распада СССР меняется трактовка российской политики. Положительный вектор трансляции политических событий конца XX века отмечается с обеих сторон. Таким образом, согласно подходу Клешиной Н.Н. можно выделить периоды в смене риторики зарубежных СМИ относительно политики СССР [2, с. 34]:

1. Начало XX в. – 1917 г. – подчеркивается положительное будущее российской империи: «The country is on the way to all-rounded development and a unic civilisation destined for carrying out a great mission in the future» (Washington Post, 1903);

2. 1917 г. – 1946 г. – выделяется патриотизм русского народа в контексте стремления свержения царской власти: «Russian heart never waned» (The Washington Post, 1918);

3. 1946 г. – 1980 г. – образ России представлен такими концептами, как cloudy, nebulous, impervious country. В то же время отмечается, некая гонка между развитием США и СССР: «Russia keeps USA racing» (Time, 1952);

4. 1980 – 2000 – период развала СССР зарубежные СМИ освещают с надеждой на смену политического купца: «Russian nobles gather to Don the old mantles in a small converted church off Red Squire to collectively come out of the shadows of long-enforced oblivion» (NYT, 1990).

5. 2000 – настоящее время – такие источники, как Times, The USA Today, Washington Post, The New York Times, Newsweek, Wall Street Journal, целенаправленно формируют негативный образ России при помощи соответствующих концептов: Putin's Russia, political cloud, aggressor, Russia wants to be in the eye for the USA. Российская политика представлена как ill-advised game, а образ Путина - ruthless pragmatist, a Bond movie villain, tsar, a president-enigma, trying to restore nostalgic imperialism.

Как можно заметить, поведение СМИ определяется государственной политикой. Например, противоречивое политическое управление Бориса Ельцина было тесно сопряжено с информационными процессами. Вседозволенность в границах информационного пространства маркировала деструктивные политические события, что позволило сформировать новое видение общественного, а как следствие и политического устройства. Таким образом, либерально-демократической элите было выгодно использовать информационную войну против советской номенклатуры в качестве инструмента политического управления для получения власти. Подобная схема характерна не только для периода распада СССР, ее элементы встречаются во время «Революции роз» (Грузия)

¹ Советские антиамериканские плакаты 1950-х - 80-х годов. [Электронный ресурс: официальный сайт блог-платформы «LiveJournal»]. Режим доступа: <https://tipolog.livejournal.com/68716.html> (Дата обращения: 25.12.2019 г.).

² «Большевизм - смертельный враг человечества» - подборка антисоветских плакатов 20-х - 80-х годов. [Электронный ресурс: официальный сайт блог-платформы «LiveJournal»]. Режим доступа: <https://tipolog.livejournal.com/51039.html> (Дата обращения: 25.12.2019 г.).

³ Под влиянием моды: СМИ во время и после «холодной войны». [Электронный ресурс: официальный сайт российского агентства международной информации «РИА Новости»]. Режим доступа: <https://ria.ru/20160323/1395354880.html>. (Дата обращения: 25.02.2019 г.).

в 2003 г., «Жасминовой революции» (Киргизия) в 2005 г., «Революции достоинства» (Украина) в 2014 г. В каждом случае конфликтующие стороны старались взять под контроль информационное пространство для успешного политического управления, запуская провокационные информационные поводы. Чжао Юнхуа отмечает, что в эпоху проведения «цветных революций» СМИ стали для оппозиционных партий орудием осуществления политической власти, борьбы с правительством [3, с. 7].

Противоречивое управление государством Бориса Ельцина зарубежные издания оценивали скорее с положительной точки зрения. Действия российского лидера находили оправдания на страницах зарубежных газет поскольку Билл Клинтон одобрительно воспринимал действия Президента России. Для США Российская Федерация после распада Советского Союза представляла интерес только как слабое государство. Для сокрытия истинных политических мотивов зарубежные СМИ стали активно создавать иллюзию дружбы и сотрудничества между двумя государствами.

Резкие изменения произошли с приходом к власти Владимира Путина. Российская Федерация стала укреплять свою политическую позицию на мировой арене. Благодаря грамотной политике Президента в начале 2000-х годов РФ смогла успешно решить ряд внутренних и внешних противоречий, а главное сохранить свою целостность и суверенитет. Сильная и независимая Россия перестала соответствовать представлениям и интересам зарубежных государств. Кроме того, революционные технологические изменения информатизации общественно-политических отношений, как внутри стран, так и в мировом масштабе несли в себе потенциальную опасность в результате усиления роли и функциональных возможностей целенаправленного манипулирования массовым сознанием [4, с. 15]. В связи с чем в отношении России была развернута агрессивная информационная кампания. Взвешенная и результативная политика Владимира Путина не находит доброжелательного отклика среди зарубежных информационных источников. Напротив, в адрес России звучат безосновательные обвинения и несправедливая критика. Негативный контекст информационных сообщений сохраняется при субъективной оценке.

Сегодня вызывает особое волнение подобное освещение событий со стороны стран, входивших в состав Советского Союза. Сетевые технологии, стремительно вошедшие во все сферы жизни современного общества, значительно усилили власть средств массовой информации и коммуникации. Прежде всего, это проявилось в способности СМИ определять общественное мнение и манипулировать им, формировать политический настрой и культуру граждан, а также в целом направлять ориентацию и настроения общества [5, с. 138]. Например, Украина и страны Прибалтики активно ведут против России информационную кампанию. СМИ всячески стремятся подавить политическое влияние России дезинформацией. Например, политика России в информационном поле интерпретируется с националистическим подтекстом: «Что если целью России станет Польша?»¹, «Севастополь – город русской славы? Историк развенчивает миф»².

Тем не менее, будет ошибочно полагать, что зарубежные СМИ интерпретируют российскую политику исключительно во вражеском контексте. Европейские СМИ не всегда следуют американскому информационному курсу, для них информационная война в отношении России не представляется целесообразной. Ухудшение отношений с Российской Федерацией для стран Европейского континента повлечет множество политических, экономических и социальных проблем.

Аналогичным образом строится политика СМИ азиатского региона. Например, источник Asia Times (Китай) придерживается критического мнения в отношении политики стран Европейского Союза и США. Приводится аналитика политической мировой обстановки с указанием на необходимость поддержания отношений с Россией в дружественном и позитивном ключе. Демонизация Москвы представляется неспособной остановить процесс евразийской интеграции. В то же время Mainichi Shimbun (Япония) отмечает напряженность российско-японских отношений, что обусловлено острым вопросом Курильских островов.

Причины, которые способствуют сохранению наблюдаемой направленности информационных потоков, имеют политические основания. Укрепление позиций России на мировом пространстве вызывает настороженность со стороны близлежащих государств. К тому же Россия занимает выгодное геополитическое положение в евроазиатском регионе. Свои коррективы в межгосударственные отношения вносит преодоление Россией экономического и политического кризисов после распада

¹ A gdyby to Polska była celem Rosji? Też byłoby «głębokie zaniepokojenie»? [Электронный ресурс: официальный сайт интернет-портала «Wirtualna Polska»]. Режим доступа: <https://opinie.wp.pl/a-gdyby-to-polska-byla-celem-rosji-tez-byloby-glebokie-zaniepokojenie-6321431689115265a> Дата обращения: 16.12.2019

² Севастополь город русской славы? Историк розвінчує міф. [Электронный ресурс: официальный сайт телеканала «ZIK»]. Режим доступа: https://zik.ua/news/2019/02/26/sevastopol_gorod_russkoy_slavi_istoryk (Дата обращения: 16.12.2019 г.).

Советского Союза. Активизация негативной подачи российской политики в зарубежных СМИ стала особо заметна после вхождения Крымского полуострова в состав Российской Федерации. Кроме того, успешные военные операции России на территории Ближнего Востока лишили иностранные государства возможности беспрепятственно манипулировать Россией.

Вопреки провокациям зарубежных СМИ российские новостные источники в большинстве своем не вступают в конфронтацию. Освещая политические события в иностранных государствах, СМИ Российской Федерации приводят актуальную и обширную аналитическую информацию. Характеризуя работу современных российских СМИ, можно провести параллель со стилем политического управления Владимира Путина. Интерпретация мировых событий осуществляется в рамках дипломатии и правового поля, авторитетные новостные источники в России не позволяют себе перейти этические границы, критические замечания высказываются осторожно без возможности провокации. В основном данная черта характерна для новостных программ на федеральных каналах: Первый канал, Россия, Россия 24.

Для объективной оценки деятельности отечественных новостных источников стоит отметить участие и роль оппозиционных российских СМИ в информационной войне. В погоне за «разоблачением» действующей власти альтернативные источники информации нарочно подрывают авторитет Российской Федерации. Трактовкой политических событий со стороны оппозиции пользуются иностранные государства, желающие ослабить политическое влияние России на мировой арене. Поддержка выгодной Западу альтернативы может выражаться в спонсировании и курировании информационных атак, а также полномасштабных информационных кампаний.

Вышесказанное наглядно демонстрирует информационная деятельность телеканала «Дождь» и радиостанции «Эхо Москвы». Журналисты и интервьюеры в большей степени провокационно говорят о результатах деятельности нынешней политической элиты. Новостные публикации настроены враждебно по отношению к действующей власти. Критика политических событий происходит слишком предвзято и субъективно. Достаточно обратиться к заголовкам новостных публикаций и аналитическим материалам, которые приводятся в качестве аргументаций. Так, например, участие Владимира Путина в форуме «Валдай» в октябре 2018 г. российские новостные источники осветили отлично друг от друга. «Первый канал» предоставил сухую и сдержанную информацию в то время как радиостанция «Эхо Москвы» сделала акцент на словах Президента о присоединении Крыма к Российской Федерации. Сопоставление заголовков уже дает представление о том, каким образом трактовалось событие: «На Валдае Путин повторил старую ложь про «Крым наш»¹ и «Владимир Путин принял участие в форуме «Валдай»².

Информационная война между зарубежными и российскими СМИ в политическом контексте носит затяжной характер. Однако сегодня можно говорить о конкретных производных информационного противоборства. Переход в границы виртуального пространства политических разногласий позволил избежать реальных военных кампаний. Сегодня решение политических вопросов посредством оружия не представляется выгодным. Тенденция информатизации сформировала новый историко-политический период, который модернизировал систему международных отношений. В политической сфере произошла смена политической элиты и изменено направление политических процессов. Виртуальное разрешение конфликтных ситуаций является относительно безопасным, что способствовало развитию государств в экономическом, политическом и технологическом направлениях.

Таким образом, информационная война между российскими и зарубежными СМИ имеет давнюю историю. Если анализировать динамику конфликта, то можно констатировать, что сегодня латентно происходят процессы, характерные для периода «холодной войны». Несмотря на то, что развитие ИКТ позволяет сдерживать конфронтационные процессы и не переводить их в пространство реальных боевых действий, наблюдаемое информационное противостояние государств способствует дестабилизации политической обстановки на мировой арене, формируя тем самым новую систему международных отношений. Деструктивное информационное воздействие на политическое пространство может быть значительно минимизировано в случае активной и бесперебойной работы информационно-аналитических центров [6, с. 124]. В интересах государства и общества данные организации должны быть максимально независимыми и действовать исключительно в рамках определенного функционала полномочий. Процесс разрешения политических конфликтов

¹ На Валдае Путин повторил старую ложь про «Крым наш». [Электронный ресурс: официальный сайт радиостанции «Эхо Москвы»]. Режим доступа: https://echo.msk.ru/blog/polygraph_info/2301048-echo/ (Дата обращения: 16.12.2019 г.).

² Владимир Путин принял участие в форуме «Валдай». [Электронный ресурс: официальный сайт телеканала «Первый канал»]. Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2018-10-18/354235-vladimir_putin_prinyal_uchastie_v_forume_valday (Дата обращения: 16.12.2019 г.).

в границах информационного пространства должен стать управляемым. Именно мониторинг политического и виртуального пространств будет основным предназначением информационно-аналитических центров. В рамках их деятельности предполагается ряд приоритетных задач: наблюдение и анализ политической обстановки и информационной инфраструктуры, прогнозирование социально-политических процессов, открытая и объективная аналитика политических и информационных процессов, мониторинг зарубежных СМИ, предупреждение информационных вбросов и атак, а также выработка рекомендаций относительно реагирования на провокационные информационные поводы, формирование безопасного информационного и киберпространства.

Литература

1. Марков Е.А. Россия как главный объект современных информационных войн // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2018. № 3. С. 12 – 30.
2. Клещина Н.Н. Метафоричность образа России в американских СМИ и образа США в российских СМИ прошлого и настоящего // *Власть*. 2017. Том 25. № 9. С. 32 – 36.
3. Чжао Ю. СМИ и «Цветные революции» // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2010. № 3. С. 5 – 15.
4. Вилков А.А., Некрасов С.Ф., Россошанский А.В. Политическая функциональность современных российских СМИ. Саратов: Издательский центр «Наука», 2011. 268 с.
5. Кондратенко Е.Н., Давтян М.Г., Перова М.В. Влияние информационно-коммуникационных технологий на профессиональную деятельность российских политиков // *Наука и образование; хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2017. №3 (82). С. 138 – 142.
6. Логиновский О.В., Любичин В.Н. Информационно-аналитические центры как инструмент развития интеллектуального ресурса современного общества // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. Серия: Компьютерные технологии, управление, радиоэлектроника. 2012. № 23 (282). С. 123 – 126.

Kondratenko Evgenia Nikolaevna, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Ethnopolitics, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: zen2710@yandex.ru

Grigoryan David Kromvelovich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Ethnopolitics, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: davo-davo23@mail.ru

Pogorelov Mikhail Aleksandrovich, graduate student of the faculty of political science of South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: mapogorelov@mail.ru

ANALYSIS OF INFORMATION CONFRONTATION BETWEEN RUSSIAN AND FOREIGN MEDIA AND THE ROLE OF THE LEADER-ELITE FACTOR IN THIS PROCESS

Abstract

This article analyzes the information confrontation between Russian and foreign mass media and the role of the elite leadership factor in this process. The dynamics of this conflict is reflected in historical retrospective, which allowed to reveal this issue. It has been revealed and substantiated that the transition to the borders of the virtual space of political differences between the countries of the West and Russia made it possible to avoid real military campaigns. It should be noted that the information war between Russian and foreign media has a long history. If we analyze the dynamics of the conflict, we can say that today processes that are characteristic of the period of the Cold War are latent.

Keywords: information war, mass media, Russia and the West, political situation, information space, interpretation, leadership and elite position, boundaries of influence, geopolitical position, interstate relations.

References

1. Markov E.A. Rossiya kak glavnyj ob"ekt sovremennyh informacionnyh vojn // *Historia provinciae* – zhurnal regional'noj istorii. 2018. № 3. P. 12 – 30.
2. Kleshchina N.N. Metaforichnost' obraza Rossii v amerikanskikh SMI i obraza SSHA v rossijskikh SMI proshlogo i nastoyashchego // *Vlast'*. 2017. Tom 25. № 9. P. 32 – 36.
3. CHzhao YU. SMI i «Cvetnye revolyucii» // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov*. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2010. № 3. P. 5 – 15.
4. Vilkov A.A., Nekrasov S.F., Rossoshanskij A.V. Politicheskaya funkcional'nost' sovremennyh rossijskikh SMI. Saratov: Izdatel'skij centr «Nauka», 2011. 268 p.
5. Kondratenko E.N., Davtyan M.G., Perova M.V. Vliyanie informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij na professional'nyu deyatel'nost' rossijskikh politikov // *Nauka i obrazovanie; hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*. 2017. №3 (82). P. 138 – 142.
6. Loginovskij O.V., Lyubicyn V.N. Informacionno-analiticheskie centry kak instrument razvitiya intellektual'nogo resursa sovremennogo obshchestva // *Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Komp'yuternye tekhnologii, upravlenie, radioelektronika. 2012. № 23 (282). P. 123 – 126.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ И ОЖИДАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ АНКЕТИРОВАННОГО ОПРОСА 2019 Г.)*

**Константинов
Михаил
Сергеевич** кандидат политических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42)
E-mail: konstantinov@sfedu.ru

**Пупыкин
Роман
Александрович** кандидат политических наук, доцент, зав. кафедрой теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42)
E-mail: proman2006@mail.ru

Аннотация

В статье представлены результаты анкетированного опроса студентов Ростова-на-Дону и Ростовской области, проведённого в 2019 г. сотрудниками Южного федерального университета совместно с учёными из Южного научного центра РАН. Анализ полученного эмпирического материала позволил зафиксировать существенные изменения в студенческом сознании, по сравнению с предыдущим исследованием 2015 г. Суть этих изменений состоит в усилении базовых концептов леволиберальной идеологии с параллельным смещением праворадикальных концептов к левоцентристским концептам социальной справедливости, равенства и т.д. В целом, опрошенным студентам свойственно неверие в политику как средство решения насущных проблем и, как следствие, политическая апатия и партикуляризм. Полученные результаты исследования могут быть использованы для сравнительного анализа и прогнозирования идеологических установок российского студенчества, а также в работе администраций и ректоратов вузов.

Ключевые слова: политические идеологии, когнитивно-идеологические матрицы, аттитюд, концепт, нарратив, молодёжное сознание, студенческая молодёжь, Юг России, экономический кризис.

В российском обществе второй год подряд растёт запрос на перемены, а социологи фиксируют устойчивый рост протестных настроений [см., например: 1–4]¹. Одновременно с этим социологические исследования показывают, что молодёжь, к которой обычно относятся крайне настороженно (учитывая склонность молодых людей к бунтарству, экстремизму и непродуманным действиям [5–7]), воспринимает политику достаточно отчуждённо². И хотя исследователи обращают внимание на то, что нынешним аполитичным настроениям молодёжи предшествовал кратковременный подъём её политической активности³, тем не менее, традиционными для российской молодёжи в целом считаются политическая апатия и абсентеизм [см., например: 8; 9]. Так, социологи «Левада-Центра» отметили «узость смыслового горизонта» молодого поколения, поскольку его ценностное пространство «задано простыми координатами – по преимуществу развлекательными медиа, массовой культурой и глянцем, магическим миражом "больших денег" как самым общим показателем успеха и статуса в нынешних условиях массовидного общества» [9, с. 11]. Данная проблема

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-00906а «Когнитивно-идеологические матрицы восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов».

¹ См., также: Мухаметшина Е. Почти 60 % россиян выступают за решительные перемены в стране // Ведомости. 05 ноября 2019 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/11/05/815494-pochti-60-rossiyan> (дата обращения: 20.01.2020); Галанина А. В России растёт спрос на гражданские права // Газета «Коммерсантъ». № 213 от 20.11.2019 г. URL:

https://www.kommersant.ru/doc/4164259?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 20.01.2020); Права человека // Сайт АНО «Левада-Центр». 20.11.2019 г. URL: <https://www.levada.ru/2019/11/20/prava-cheloveka/> (дата обращения: 20.01.2020); Протестная активность // Сайт АНО «Левада-Центр». 03.09.2019 г. URL: <https://www.levada.ru/2019/09/03/protestnaya-aktivnost-5/> (дата обращения: 20.01.2020); Протестный потенциал // Сайт АНО «Левада-Центр». 02.12.2019 г. URL: <https://www.levada.ru/2019/12/02/protestnyj-potentsial-10/> (дата обращения: 20.01.2020).

² Гражданское участие // Сайт АНО «Левада-Центр». 12.11.2019 г. URL: <https://www.levada.ru/2019/11/12/21751/> (дата обращения: 20.01.2020).

³ Волков Д. «Крым» не работает: почему люди возвращаются на улицы // РБК. 27.03.2017 г. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/27/03/2017/58d8db2f9a7947ba863b71ba> (дата обращения: 20.01.2020).

стала отправным пунктом для проведения с 2015 по 2019 гг. серии социологических исследований – от групповых интервью до анкетированных опросов и фокус-групп – ростовским научным коллективом, в который вошли учёные из Южного федерального университета и Южного научного центра РАН [10]. В настоящей статье представлена часть результатов этого исследования, касающаяся опроса ростовских студентов в 2019 г.

Анкетированный опрос проводился с конца сентября по конец ноября 2019 г. среди студентов вузов Ростова-на-Дону и Ростовской области – Южного федерального университета, Ростовского государственного университета путей сообщения, Южно-Российского государственного технического университета им. М.И. Платова, а также Института водного транспорта им. Г.Я. Седова. Анкета на тему «Россия и мир – сегодня и завтра» содержала 43 вопроса, включая 6 паспортных. Выборка составила 816 респондентов¹, из которых 435 – юноши и 381 – девушки. Стандартное отклонение по выборке составило $\pm 3,4$ %.

Прежде всего, авторы статьи хотели бы отметить, что анализ полученного эмпирического материала проявляет весьма качественную и профессиональную работу администраций и специалистов по воспитательной работе в обследованных вузах: нам не удалось обнаружить сколь-либо существенной радикализации молодёжного сознания, несмотря на выявленное чёткое осознание студентами серьёзных проблем в российском обществе, экономике и политике. Напротив, две трети респондентов в совокупности выступают за то, чтобы свои интересы отстаивать только средствами, дозволенными законом (37,7 %) и/или мирными средствами (30,0 %). Правда, если сравнивать эти данные с аналогичным опросом, который проводился в 2015 г. тем же научным коллективом, то придётся отметить выросшую (на 7,0 %) долю респондентов, крайне отчуждённо относящихся к происходящим в России событиям, а также увеличение (на 3,8 %) количества затруднившихся с ответом. В целом, как будет показано ниже, анализ полученных эмпирических данных выявляет наметившуюся тенденцию нарастающей отчуждённости и дистанцированности студенческой молодёжи от политики. И дело не только в падении интереса к политике (по сравнению с 2015 г. доля интересующихся упала с 77,7 % до 60,3 %) или недостаточной рефлексии стоящих перед современным российским обществом проблем. Напротив, эти проблемы студенты осознают достаточно ясно. Но многие из них перестают считать политику средством решения этих проблем – ситуация достаточно опасная, поскольку из неё бывает только два возможных, но нередко связанных между собой следствия: либо замыкание в частной сфере и прогрессирующая деполитизация, либо идеологическая радикализация.

На данный момент мы видим, что в числе наиболее значимых ценностей студенты отмечают хорошую, дружную семью (74,9 %), материальный достаток (65,2 %) и интересную работу (57,5 %). На втором месте по значимости находятся такие «неполитические» ценности, как «мир во всём мире» (44,4 %) и «экологическое благополучие» (40,1 %). Наконец, наименьшей значимостью обладают «гражданский мир внутри страны» (27,0 %) и «общественная активность» (13,2 %). Подобные установки свидетельствуют скорее о стремлении замкнуться в частной жизни и решать возникающие проблемы при помощи друзей, знакомых и родственников, чем посредством участия в институтах гражданского общества или, тем более, политического участия. Ещё в 2018 г. при проведении групповых интервью было замечено, что от обсуждения политических проблем (вернее, того, что молодые люди считают «политическими проблемами») студенты предпочитают уклоняться. Проведённый в 2019 г. опрос подтвердил прогрессирующий в молодёжном сознании страх перед обсуждением политической проблематики. Так, треть респондентов (32,0 %) не согласны с утверждением, что патриот России – это тот, кто «критикует "ошибки" политического руководства и указывает на имеющиеся социальные проблемы», уступая лишь количеству несогласных с позициями «осуществляет идейную борьбу с влиянием иностранной культуры и либеральных ценностей» (47,7 %) и «восхищается культурой Запада и мечтает о том, чтобы культура России была столь же высокой» (48,5 %).

В целом, ожидания и ценностные установки опрошенной студенческой молодёжи можно условно разделить на позитивные, характеризующие эмоционально положительные ожидания студентов от будущего, и негативные, связанные со страхами и опасениями. Ниже в табл. 1 приведены данные о ценностной структуре студенческого сознания по ключевым социальным характеристикам.

¹ Всего в рамках социологического исследования в 2019 г. было опрошено 2551 студента в десяти вузах Астрахани, Краснодара, Нальчика, Новочеркасска, Пятигорска, Ростова-на-Дону и Ставрополя. Для данной статьи отобран эмпирический материал только по вузам Ростова-на-Дону и Новочеркасска.

Таблица 1

Значимость социальных ценностей

(5 – высокосущественно, 1 – малосущественно, 0 – затрудняюсь ответить;
в процентах от общего количества)

Ценности	Значение					
	5	4	3	2	1	0
Самостоятельность мысли, действий, поступков	73,7	15,7	4,9	0,5	1,0	4,3
Полнота жизненных ощущений, удовлетворение своих потребностей, получение чувственных удовольствий	57,7	26,3	9,2	2,3	1,5	2,9
Достижение успеха в сфере профессиональной деятельности	67,4	21,2	6,1	1,3	1,2	2,7
Репутация (позитивный имидж в глазах окружающих)	32,7	28,2	25,0	6,4	4,3	3,4
Лидерство, способность вести за собой других людей	35,7	29,5	21,0	6,4	3,9	3,6
Личная безопасность	71,0	17,5	5,6	1,3	1,7	2,8
Государственная безопасность	53,9	24,5	11,0	3,2	3,1	4,3
Традиции (сохранение семейных и культурных традиций)	39,2	24,0	16,7	7,1	7,8	5,1
Соблюдение норм, правил, законов	53,8	27,7	9,7	3,9	2,1	2,8
Гармоничное взаимодействие (миролюбивое взаимодействие с окружающими, отказ от нанесения вреда)	61,8	23,2	8,7	2,5	1,1	2,8
Социальная справедливость и равенство	68,4	17,9	7,1	2,0	1,8	2,8
Чувство долга (желание быть надежным и заслуживающим доверия)	44,5	32,0	15,4	1,8	2,1	4,2
Доброта, забота о других	60,2	24,0	8,9	2,5	1,7	2,7
Терпимость, принятие нестандартных людей	44,6	27,1	16,3	3,6	4,3	4,2
Право говорить на своем языке	62,1	17,9	9,3	4,5	2,7	3,4
Возможность выбирать власть	71,9	14,8	6,6	1,2	2,5	2,9
Свобода передвижения	79,5	11,0	4,0	1,3	1,2	2,8
Свобода вероисповедания	67,8	12,0	7,0	3,2	3,7	6,4

Как можно увидеть из приведённых в таблице данных, наибольшей значимостью для респондентов обладают классические либеральные ценности: автономия (73,7 %), личная безопасность (71,0 %, в то время как важность государственной безопасности составляет только 53,9 %), возможность выбирать власть (71,9 %), свобода передвижения (79,5 %), свобода вероисповедания (67,8 %) и достижение успеха в сфере профессиональной деятельности (67,4 %). Соответственно, в идеологическом плане получается картина леволиберальной структуры ценностей, учитывая значимость таких типично левых ценностей, как социальная справедливость и равенство (68,4 %), гармоничное взаимодействие с окружающими (61,8 %), доброта и забота о других (60,2 %). Но при этом нельзя не заметить некоторый инфантилизм и безынициативность молодёжи, выражающихся в низкой значимости репутации, лидерских качеств и чувства долга, что говорит о незавершённости формирования либеральной матрицы в студенческом сознании.

Тем не менее, леволиберальный уклон в ценностных установках молодёжи можно обнаружить и в их отношении к популярным политическим лозунгам (см. табл. 2).

Как видно из приведённых в табл. 2 данных, значимость либеральных лозунгов личной свободы и прав человека за прошедшие с предыдущего опроса 5 лет совершенно не изменились. Парадоксальным образом выросла поддержка лозунга «Хватит кормить другие народы!» с 34,2 % в 2015 г. до 61,5 % в 2019 г. (в совокупности позиций «полностью согласен» и «что-то в этом есть»). Хотя это можно считать проявлением так называемого «шовинизма благосостояния» [11] – нежелания терпеть лишения ради помощи другим народам. А вот пройти мимо повышения толерантности на 12,6 % к лозунгу «Все беды России – результат жидомасонского заговора» никак нельзя.

Отношение к значимым политическим лозунгам

(в процентах от общего количества)

Лозунги	Полностью согласен		Что-то в этом есть		Совершенно не приемлю		Меня это не волнует		Затрудняюсь ответить	
	2015	2019	2015	2019	2015	2019	2015	2019	2015	2019
Личная свобода и права человека неприкосновенны!	74,0	75,5	15,5	16,3	1,5	0,7	1,9	1,6	7,1	5,9
«Перемен требуют наши сердца!...»*	-	50,7	-	25,2	-	4,0	-	6,7	-	13,4
Все беды России – результат жидомасонского заговора	8,1	15,4	10,6	15,6	40,9	28,3	9,9	13,1	30,5	27,6
Хватит кормить другие народы!	10,9	38,5	23,3	23,0	30,2	13,8	15,0	7,7	20,6	16,9
Свободу Интернету!*	-	58,1	-	21,2	-	3,3	-	6,1	-	11,3
Сохраним природу для наших детей!*	-	76,2	-	11,8	-	1,0	-	3,4	-	7,6
Россия только для русских!	8,2	11,4	25,6	11,6	45,1	50,1	10,2	12,5	10,9	14,3
Долой олигархов! («Ешь ананасы, рябчиков жуй, день твой последний приходит, буржуй!» в 2019 г.)	20,5	25,6	37,6	17,8	9,1	17,6	18,0	12,0	14,9	27,0
За славянское братство! («Славяне всех стран, соединяйтесь!» в 2019 г.)	35,4	22,2	24,2	19,9	6,7	20,0	12,1	15,2	21,6	22,8

*этого варианта ответа не было в опросе 2015 г.

Следует признать, что студенческое сознание сохраняет выявленную в 2015 г. открытость к влиянию праворадикальных идей [10], и фрустрации, порождаемые «подмораживанием» политического режима, вполне могут укрепить указанные негативные ценности и установки.

Интересно, что идеологические саморепрезентации респондентов подтверждают сделанный выше вывод о леволиберальном крене студенческого сознания. Это тем более интересно, что сравнение с данными предыдущего опроса показывает существенные сдвиги в правом идеологическом спектре (см. рис. 1).

Из диаграммы, приведённой на рис. 1, можно увидеть существенное уменьшение (по сравнению с 2015 г.) количества сторонников практически всех «правых» идеологий – консерватизма (на 15,5 %), национального патриотизма (на 14,6 %) и монархизма (на 5,8 %). Можно заметить и некоторое сокращение сторонников либерализма, но в анкете 2015 г. отсутствовали ответные позиции экологизма и феминизма, поэтому их приверженцы, как правило, идентифицировали себя в качестве либералов. Из этого можно заключить, что количество сторонников семейства либеральных идеологий, в целом, не изменилось (что подтверждается также неизменно позитивным отношением к либеральным лозунгам, отмеченным выше). Так же как не видно статистически значимых изменений на левом фланге – сторонников коммунизма, социализма, анархизма. Чем же обусловлен сдвиг в правом идеологическом спектре?

Обычно подобные резкие сдвиги объясняют изменениями в социально-экономическом / материальном положении респондентов. Однако сравнение данных опросов за 2015 г. и 2019 г. показало, что именно материальное их положение за прошедшие 5 лет практически не изменилось: несколько уменьшилось количество респондентов, считающих своё материальное положение плохим, и при этом несколько увеличилось количество считающих своё положение очень плохим. Однако эти изменения едва превышают статистическую погрешность в $\pm 3,4$ %. Поэтому материальные факторы нельзя считать причиной идеологических сдвигов.

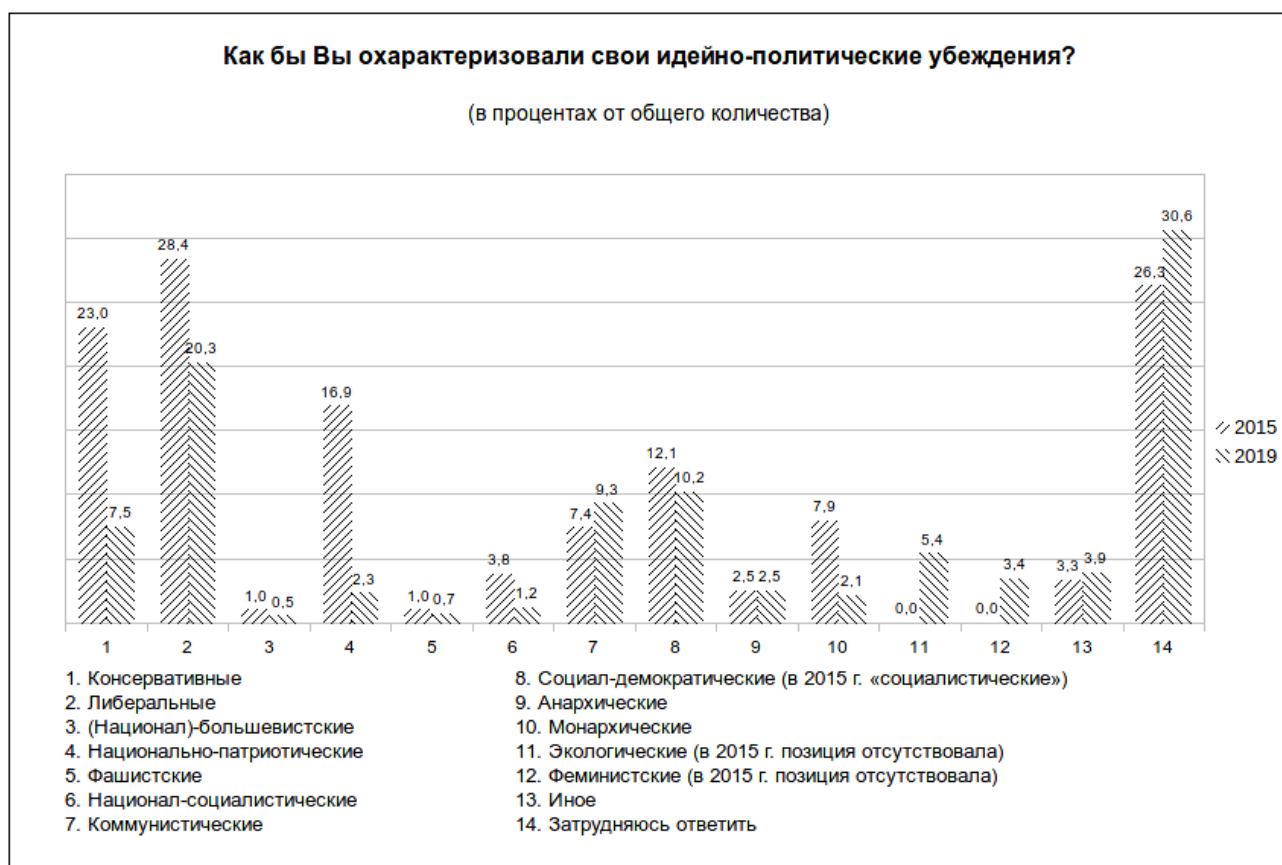

Рис. 1. Динамика идеологических саморепрезентаций студенческой молодёжи Ростовской области

Главное, что изменилось, по сравнению с 2015 г., – это постепенное испарение общенационального «посткрымского» воодушевления с параллельным ростом ощущения кризиса во всех областях общественной жизни¹. Как показали полученные в 2019 г. данные, в студенческом сознании также укрепляется такое ощущение – 34,2 % опрошенных оценивает экономическое состояние России как «предкризисное», и 35,4 % – как «кризисное». Симптоматична весьма малая доля затруднившихся с ответом на этот вопрос (всего 14,6 %). Практически единодушны студенты и в ответе на вопрос, есть ли сейчас в России экономический кризис: 46,7 % ответили, что таковой наблюдается, причём уже давно; 28,7 % полагают, что у нас в стране не столько кризис, сколько застой в экономике из-за неэффективной политики властей. Показательно также, что бравурный ответ «Сейчас кризиса нет, но когда он наступит, мы к нему как-нибудь приспособимся – нам ведь не привыкать из-за санкций» нашёл поддержку только у 2,5 % респондентов, несмотря на все усилия пропаганды.

В связи с этими оценками в сознании респондентов крепнет ощущение нарастающего в российском обществе напряжения: 36,4 % считает, что «люди пока терпят, но когда-то может и рвануть», и ещё 36,0 % полагает, что нас ждёт новая волна протестов. А в числе главных причин, которые могут повлечь за собой протестные акции в России, студенты называют не внешнеполитические (усиление санкций, изоляция России и т. д., что в совокупности даёт всего 18,9 %), а дальнейшее социальное расслоение (42,2 %) и упоминавшийся выше «шовинизм благосостояния» [11] – нежелание нести материальные потери из-за гуманитарной помощи другим странам мира в ущерб собственной экономике (20,1 %).

Другой крайне важной для молодых людей темой, вызывающей сильные эмоциональные отклики, является тема контроля и регулирования сети Интернет. Недопустимым такой контроль считают 37,4 %, а ещё 29,5 % указывают на антиконституционность законов по регулированию этой телекоммуникационной сети. Примечательно, что отношение студентов к данной проблеме вполне сформировавшееся и определённое, что подтверждается относительно малым количеством затруднившихся с ответом (8,9 %). Именно ограничения Интернета, по мнению опрошенных респондентов, могут привести к серьёзным протестам; более того, 39,7 % заявляют о своей готовности

¹ См., например: Кризис: ощущения россиян // Сайт «Фонда общественное мнение». 30.05.2017 г. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/13337> (дата обращения: 20.01.2020).

принять в них участие. Единственное, что сдерживает студентов, это нежелание идти на конфликт с властью и рисковать будущей карьерой (24,4 %).

Кроме отмеченных выше, в числе наиболее опасных для современной России проблем студенты называют следующие. В социально-экономическом плане: резкое социальное расслоение и нищета значительной части населения (33,5 %), зависимость от «нефтяной иглы», нестабильный рубль, задавленный малый бизнес и коррупция (29,8 %), отсутствие возможности получить нормальное образование, медицинское обслуживание и правовую защиту (14,6 %). Эти опасения конкретизируются во внутриполитическом плане: самой беспокоящей студентов проблемой является высокий уровень коррупции и преступности (38,4 %), на втором месте – отсутствие конструктивной политической оппозиции и гражданского общества (19,2 %). Вопрос коррупции высвечивался в анкете под разными углами зрения, и всякий раз результаты опроса однозначно свидетельствовали о болезненной важности этой темы для студенческой молодёжи. В частности, как видно из приведённой на рис. 2 диаграммы, самой главной угрозой для России в ближайшее время студенты видят прогрессирующую коррупцию (47,8 %). Далее идёт опасность массовых протестов в ситуации экономического кризиса (39,1 %), гражданская война и нищета населения (32,8 %). Из этого можно сделать вывод, что перечисленные проблемы видятся респондентам не только актуальными на сегодняшний день, но и в ближайшей (на 10–15 лет) перспективе: в скорое разрешение этих проблем студенты не верят. Возможно, это связано с достаточно высокой долей (28,7 %) респондентов, увидевших главную угрозу для России в «росте авторитарных тенденций и утрате значительной части гражданских свобод» (рис. 2), что пересекается с отмеченным выше нежеланием студентов идти на конфликт с властью и рисковать будущей карьерой. Но эти же цифры свидетельствуют о росте скепсиса в отношении возможностей политического разрешения актуальных проблем.

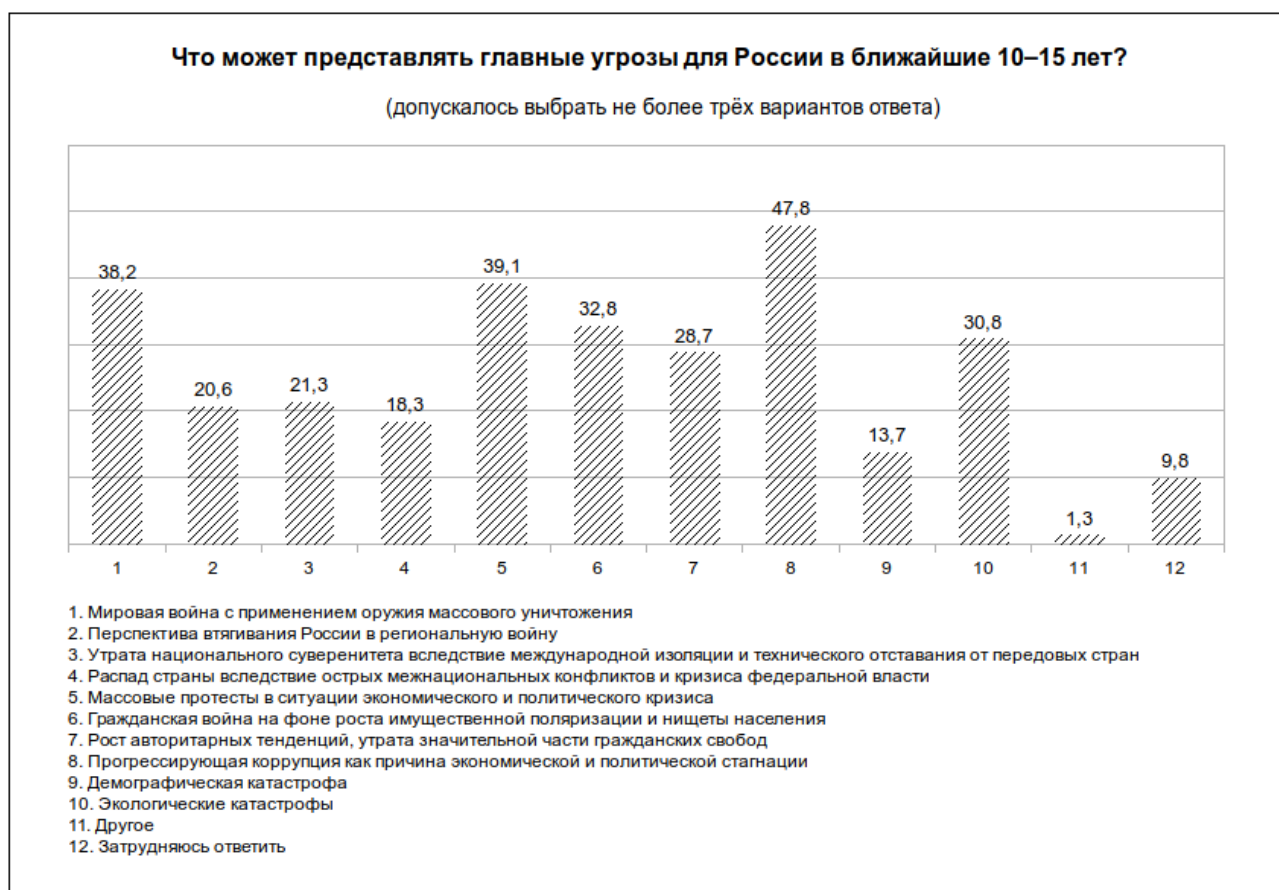

Рис. 2. Репрезентация основных угроз в сознании студенческой молодёжи Ростовской области

Наконец, в глобальном и международном аспекте в числе самых главных проблем респонденты отметили три: угрозу новой мировой войны (28,3 %), экологические катастрофы из-за изменения климата (27,3 %), а также международную изоляцию России и прогрессирующие санкции (22,8 %). Примечательно, что проблема уменьшения роли русского языка и русской культуры в мире, несмотря на активную пропаганду, практически не волнует наших студентов (2,8 %, что меньше статистической погрешности). В то время как в 2015 г. опрос показал вовлечённость студентов

в проблематику «русского мира» и связанных с ним концептов [10]. Похожая ситуация и со взглядами студентов на ближайшую перспективу, представленная на диаграмме (рис. 2): к главным угрозам для России студенты отнесли мировую войну с применением ОМУ (38,2 %) и экологические катастрофы (30,8 %).

В связи с осознанием перечисленных проблем, не может не возникнуть желания как-то изменить своё будущее и будущее своей страны. Как мы видели выше, будущее представляется студентам весьма сложным и даже пугающим. Тем не менее, в целом для молодёжного сознания характерно ожидание перемен: 31,3 % респондентов полагают, что перемены грядут и в России, и в мире («слишком много проблем накопилось, и слишком всё в этом мире взаимосвязано»), ещё 22,2 % с неудовольствием замечает, что «весь мир бурно меняется, только у нас в стране застой». Не ждут перемен только 10,0 % опрошенных, и ещё 5,5 % их опасаются («Не дай нам Бог пережить в России ещё одну эпоху перемен!»). Как видно из приведённых в табл. 3 данных, молодые люди предпочитают верить в свои силы и в то, что «если вести себя разумно, можно устроиться в любой стране».

Таблица 3

Страхи и опасения, связанные с возможными переменами
(в процентах от общего количества)

Утверждения	Полностью согласен	Что-то в этом есть	Совершенно не согласен	Затрудняюсь ответить
В мире творится полный хаос, мы еще нормально живем в России	7,8	32,6	45,7	0,0
Нас пугают вселенскими катастрофами, чтобы скрыть наши собственные проблемы	33,9	29,4	16,5	11,9
Все эти разговоры о последних временах – не более чем журналистские бредни	16,7	29,4	26,1	27,8
На самом деле всё в мире еще хуже, чем рассказывается в СМИ, от нас просто скрывают правду	19,9	33,2	29,4	17,5
С каждым годом жить в России становится всё труднее и труднее – всё больше проблем, всё больше недовольных людей вокруг	50,2	30,1	8,8	10,8
Каждая эпоха рождает свои проблемы, но шансы человека на достойную жизнь в России сегодня выше, чем когда-либо раньше в ее истории	18,1	35,7	28,3	17,9
В нашем обществе появилось много агрессии, много жестоких и опасных людей	37,6	38,2	13,6	10,5
Если вести себя разумно, можно хорошо устроиться в любой стране	38,2	34,7	15,6	0,0

Для молодёжи взгляд в будущее – это всегда поиск альтернативы существующему. Каких же именно перемен хочет студенческая молодёжь? Частично на этот вопрос мы ответили выше, когда анализировали идеологические установки опрошенных респондентов. Структура значимых для студентов ценностей воспроизводит морфологию леволиберальной идеологии [12]. Что совершенно не удивительно, учитывая социальный статус студенчества, во многом определяющий его интересы. Но когда речь идёт о работе идеологического воображения, не меньшую значимость, чем интерес, приобретает символическое: знаковые фигуры и концепты, с которыми респонденты склонны себя ассоциировать. Поэтому в анкету при её разработке авторы намеренно заложили возможность применения нарративного анализа к полученным данным. Этот вид анализа представляет собой методику, позволяющую выявить стремление студентов в воображении выйти за пределы установленных норм и устоявшихся практик посредством ассоциации себя с символически значимыми фигурами.

Так, среди самых популярных киногероев, с которыми респонденты себя ассоциируют, – Данила Багров из х/ф «Брат-2» (11,0 %), Маргарита из х/ф «Мастер и Маргарита» (9,9 %), и хоккеист

Харламов из х/ф «Легенда № 17» (7,0 %) – герои не только деятельные, но и пренебрегающие или выходящие за рамки норм земных (Данила Багров) и/или вселенских (Маргарита). Примечательно, что о героях поколения 70-х – 80-х гг. (о таможеннике Верещагине из х/ф «Белое солнце пустыни» и Глебе Жеглове из х/ф «Место встречи изменить нельзя») нынешнее поколение миллениалов либо не знает, либо не желает себя с ними ассоциировать (эти киногерои набрали от 2,6 % до 3,8 %, что едва выходит за рамки статистической погрешности).

При этом требование Глеба Жеглова «Вор должен сидеть в тюрьме!» пользуется достаточной популярностью в студенческой среде (10,9 %), что отражает общую обеспокоенность студентов обсуждавшейся выше проблемой коррупции в современной России. Но топ популярности составили высказывания трёх других киногероев: Данилы Багрова («Сила в правде: у кого правда, тот и сильней!»; 22,7 %), хоккеиста Харламова («Человеку всегда кажется, что в его силах намного меньше, чем он может на самом деле!»; 21,3 %) и Т'Чаллы из х/ф «Чёрная пантера» («В трудные времена мудрые строят мосты, а глупцы – стены»; 18,5 %). Популярность первых двух высказываний, с учётом желания студентов ассоциировать себя с авторами этих высказываний, позволяет говорить не о сиюминутном увлечении красотой слога, но о вполне отрефлексированных и символически значимых референтах студенческой субкультуры (см. рис. 3). И означают они зреющую в студенческом сознании установку на деятельное решение проблем социальной справедливости, даже если это решение требует выхода за рамки дозволенного.

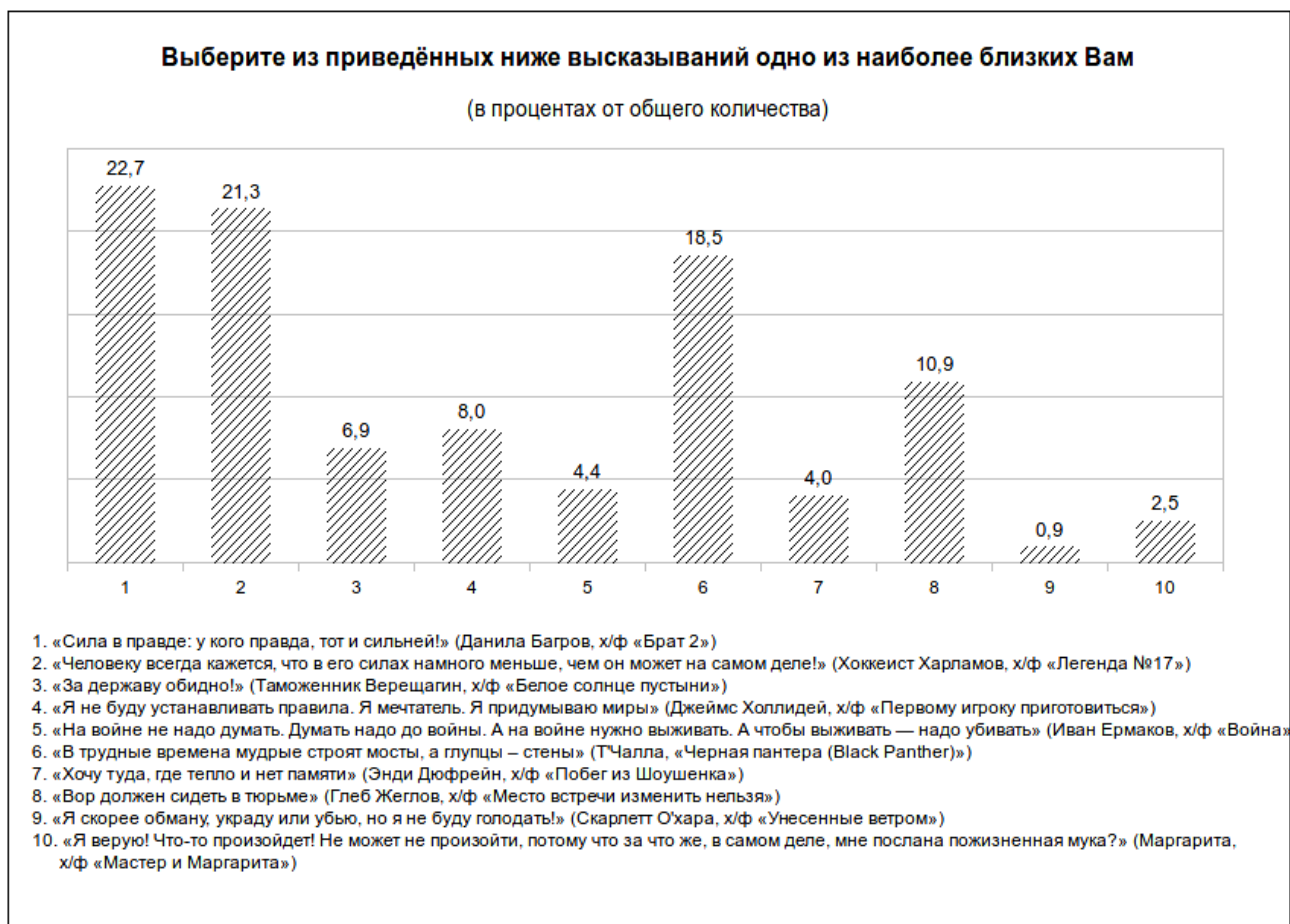

Рис. 3. Метафорически выраженные аттитюды студенческого сознания

Семантическое поле третьего высказывания частично покрывает значения первых двух, но оно шире и отражает критическое отношение студентов к современной политике России, приведшей к изоляции страны на международной арене. Это допущение подтверждается другими данными, полученными в результате опроса. Так, на вопрос «Как бы Вы оценили внешнюю политику России?» ровно половина (50,0 %) студентов выбрали позицию «Наши власти слишком увлеклись внешней политикой, а надо бы сосредоточиться на политике внутренней». Ещё 14,8 % респондентов полагают, что внешняя политика России непоследовательна и агрессивна, и по этой причине испытывают чувство стыда. Только 17,8 % (по трём ответным позициям в совокупности) опрошенных студентов в той или иной степени одобряет внешнюю политику современной России.

Резюмируя проведённый анализ, можно сделать следующие выводы. Прежде всего, следует развеять миф о «политической недоразвитости» студенческой молодёжи, «узости её смыслового горизонта», погружённости в развлекательный контент, глянец и гламур. Напротив, полученные нами данные говорят о том, что студенты внимательно следят за тем, что происходит в стране, прекрасно осведомлены обо всех проблемах, которые стоят перед современным российским обществом, а также о тех сложностях, с которыми они столкнутся на рынке труда после окончания вуза.

При этом чёткость и осмысленность осознания этих проблем год от года увеличивается: если в 2015 г. студенческое сознание было пронизано пропагандистскими идеологемами, призванными скрывать существующие проблемы; если в 2018 г. серия групповых интервью показала осведомлённость студентов о многих проблемах, и параллельное стремление вытеснить их рефлексию на периферию сознания, как бы убежать от реальности, то в 2019 г. опрос показал вполнеотрефлекси- рованные представления о состоянии российского общества, экономики, политики и правовой системы. Эта рефлексия явно не была спонтанной, она требовала определённых усилий и времени. Следовательно, отмеченное в начале статьи декларируемое студентами снижение интереса к политике имеет какие-то внешние причины, а не утрату интереса как такового.

Анализ позволяет выявить две таких ключевых причины: прежде всего, нарастающий скепсис относительно возможностей политического участия как средства решения возникающих проблем и страх перед политическим участием как таковым. Демонстративно жёсткие наказания за малейшие нарушения в массовых мероприятиях привели, судя по полученным данным, к формированию целого комплекса политических фобий в студенческом сознании, включая табу на само слово «политическое». Показательно, например, что при обсуждении стоящих перед российским обществом проблем студенты стремятся избегать употребления этого слова.

При этом, как отмечалось выше, наиболее распространённая установка студенческого сознания заключается в стремлении решать возникающие проблемы исключительно в рамках закона. И доля респондентов, предпочитающих этот вариант ответа, за последние 5 лет только выросла. Но что происходит, если таковые возможности отсутствуют? – Состояние скепсиса, фрустрации и апатии сменяется радикализацией и агрессией. Приведём только один пример: в анкету был заложен вопрос «Как можно победить коррупцию в России?». Двумя самыми популярными ответами стали: «Коррупцию можно побороть только при условии решения более крупных политических проблем – неэффективного государственного управления, отсутствия гражданского общества и др.» (26,7 %) и «Борьба с коррупцией должна быть такой же суровой, как в Китае: не надо стесняться ставить коррупционеров к стенке» (38,2 %). Как можно увидеть, в данном вопросе осознание неэффективности легального решения проблемы коррупции привело к формированию достаточно агрессивной установки на репрессивное насилие. Похожие процессы протекают и в отношении возможностей для политического участия: в отсутствие легальных возможностей для такого участия рано или поздно произойдёт радикализация студенческого сознания. Тем более, что идеологема «сила в правде» уже достаточно укоренилась в этом сознании.

Не менее важный аспект этой проблемы заключается в зафиксированном российскими социологами устойчивом росте эмиграционных настроений среди молодёжи в возрасте 18–24 лет (с 22 % в 2014 г. до 53 % в сентябре 2019 г.)¹. Однако наши данные пока не выявили такой тенденции: только 20,1 % респондентов планирует уехать на ПМЖ в другую страну; 22,7 % (в совокупности) куда-то уезжать не собираются. Но интерес представляют другие цифры: 41,4 % студентов ответили, что будут смотреть по ситуации, хотя особого желания эмигрировать у них нет; и ещё 12,7 % затруднились с ответом. Именно эти цифры актуализируют задачу формирования в студенческом сознании установки на то, что Россия – это их страна, которая предоставит им все возможности для раскрытия собственного потенциала, а также средства для легального политического участия.

Литература

1. Мониторинг перемен: основные тенденции // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2019. Т. 128. № 1–2. С. 5 – 14.
2. Галанина А. Россиянам отбили желание митинговать. Только треть опрошенных граждан сочли возможными политические протесты // Газета «Коммерсантъ». 2019. № 221. 02.12.2019. С. 5.
3. Внукова Л.Б. Праворадикальные идеологемы в сознании студенческой молодёжи: опыт социологического измерения // Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия. Материалы Всероссийской научно-просветительской конференции, 2–6 октября 2015 г. Краснодар: Традиция, 2015. С. 52 – 58.

¹ См.: Гончаров С., Волков Д. 2019. Эмиграционные настроения // Сайт АНО «Левада-Центр». 26.11.2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/11/26/emigratsionnye-nastroeniya-4/> (дата обращения: 20.01.2020).

4. Лукичев П.Н. Пограничные идеологемы правого радикализма в студенческой среде Ростовской области (по материалам социологического исследования) // ОБЗОР.НЦПТИ. 2018. Т. 12. № 1. С. 34 – 51.
5. Аминов Д.И., Оганян Р.Э. Молодёжный экстремизм в России. М.: Academia, 2007. 200 с.
6. Паин Э.А. Социальная природа экстремизма и терроризма // Общественные науки и современность. 2002. № 4. С. 113 – 124.
7. Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодёжный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. Москва: Academia, 2009. 320 с.
8. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодёжь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с.
9. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Молодёжь России. М.: Московская школа политических исследований, 2011. 96 с.
10. Поцелуев С.П., Константинов М.С., Лукичев П.Н., Внукова Л.Б., Николаев И.В., Тупаев А.В. Игры на идеологической периферии. Праворадикальные установки студенческой молодежи Ростовской области. Ростов н/Д.: Издательство ЮНЦ РАН, 2016. 226 с.
11. Andersen J.G., Bjørklund T. Structural Changes and New Cleavages: the Progress Parties in Denmark and Norway // Acta Sociologica. 1990. Vol. 33. No. 3. Pp. 195–217.
12. Freedon M. The New Liberalism: An Ideology of Social Reform. Oxford: Clarendon Press, 1986. 292 p.

Konstantinov Mikhail Sergeevich, Candidate of political science, Associate Professor of Theoretical and Applied Political Science, Institute of Philosophy and Social & Political Sciences, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: konstantinov@sfnu.ru

Pupykin Roman Aleksandrovich, Candidate of political science, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Institute of Philosophy and Social & Political Sciences, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: proman2006@mail.ru

SOCIAL AND POLITICAL GUIDANCE AND EXPECTATIONS OF THE STUDENTS OF ROSTOV REGION (BASED ON THE 2019 QUESTIONNAIRE)

Abstract

The article presents the results of the questionnaire survey of the students of Rostov-on-Don and Rostov Region conducted in 2019 by the employees of the Southern Federal University together with the scientists from the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Science. The analysis of the obtained empirical material allowed to detect significant changes in students' consciousness, in comparison with the previous study of 2015. The basic changes show the strengthening of the basic concepts of the left liberal ideology with the parallel shift of the right radical concepts towards the left center concepts of social justice, equality, etc. In general, interviewed students are characterized by disbelief in politics as a means of solving of the existing problems and, as a result, political apathy and particularism. The results of the study can be used for the comparative analysis and forecasting of ideological guidelines of Russian students, as well as for the work of administrations and rectorates of universities.

Keywords: political ideologies, cognitive and ideological matrices, guidance, concept, narrative, youth consciousness, student youth, South of Russia, economic crisis.

References

1. Monitoring peremen: osnovnye tendencii // Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii. 2019. Т. 128. № 1–2. P. 5 – 14.
2. Galanina A. Rossiyanam otbili zhelanie mitingovat'. Tol'ko tret' oproshennykh grazhdan sochli vozmozhnymi politicheskie protesty // Gazeta «Kommersant». 2019. № 221. 02.12.2019. P. 5.
3. Vnukova L.B. Pravoradikal'nye ideologemy v soznanii studencheskoj molodyozhi: opyt sociologicheskogo izmereniya // Lichnost'. Obshchestvo. Gosudarstvo. Problemy razvitiya i vzaimodejstviya. Materialy Vserossijskoj nauchno-prosvetitel'skoj konferencii, 2–6 oktyabrya 2015 g. Krasnodar: Tradiciya, 2015. P. 52 – 58.
4. Lukichyov P.N. Pogranichnye ideologemy pravogo radikalizma v studencheskoj srede Rostovskoj oblasti (po materialam sociologicheskogo issledovaniya) // OBZOR.NCPTI. 2018. Т. 12. № 1. P. 34 – 51.
5. Aminov D.I., Oganyan R.E. Molodyozhnyj ekstremizm v Rossii. М.: Academia, 2007. 200 p.
6. Pain E.A. Social'naya priroda ekstremizma i terrorizma // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2002. № 4. P. 113 – 124.
7. Chuprov V.I., Zubok YU.A. Molodyozhnyj ekstremizm: sushchnost', formy proyavleniya, tendencii. Moskva: Academia, 2009. 320 p.
8. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. Molodyozh' Rossii: sociologicheskij portret. М.: CSPiM, 2010. 592 p.
9. Gudkov L.D., Dubin B.V., Zorkaya N.A. Molodyozh' Rossii. М.: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2011. 96 p.
10. Podeluev S.P., Konstantinov M.S., Lukichev P.N., Vnukova L.B., Nikolaev I.V., Tupaev A.V. Igry na ideologicheskoy periferii. Pravoradikal'nye ustanovki studencheskoj molodezhi Rostovskoj oblasti. Rostov n/D.: Izdatel'stvo YUNC RAN, 2016. 226 p.
11. Andersen J.G., Bjørklund T. Structural Changes and New Cleavages: the Progress Parties in Denmark and Norway // Acta Sociologica. 1990. Vol. 33. No. 3. Pp. 195–217.
12. Freedon M. The New Liberalism: An Ideology of Social Reform. Oxford: Clarendon Press, 1986. 292 p.

ГЕНЕЗИС И ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ И СИНГАПУРА)

Макаров

Алексей

Владимирович

аспирант кафедры государственного управления и национальной безопасности, факультет национальной безопасности, Институт права и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 82, стр.1).
E-mail: am555@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрены ключевые особенности и характерные черты процесса формирования образовательного пространства национального государства на примере Китая и Сингапура. Отдельное внимание уделено интернационализации сферы образования, созданию ее квалификационной основы, использованию и учету местных особенностей и ресурсов, привлечению и удержанию научных кадров.

Ключевые слова: образование, Китай, Сингапур, государство, диплом, геополитика, интеграция, информационное общество, мобильность высшего образования, Лиссабонская конвенция.

Современный мир охватила глобализация, крупнейшими проявлениями которой являются миграция населения, распространение и транснациональный обмен знаниями. Эти базовые аспекты глобализационных процессов одновременно выступают движущей силой и следствием усиления тенденций всемирной политической, экономической, культурной и образовательной интеграции и унификации [1].

Анализ современного состояния и перспектив развития мирового образовательного пространства, в условиях растущего динамизма изменений в управлении образованием на местном, региональном и национальном уровнях, необходим для обогащения управленческой и образовательной практики обоснованными выводами и рекомендациями. Поскольку углубление интернационализации производственных процессов и хозяйственных связей, распространение информационно-коммуникационных технологий, развитие интеграционных процессов, активизация социокультурных обменов приводят к расширению возможностей обучения, наращиванию академической мобильности, унификации требований к получению качественного международного образования и увеличению спроса на него. В данном контексте очевидным является тот факт, что одним из ключевых направлений глобализации, которое консолидирует мировое сообщество, выступает создание единого образовательного пространства, конструирование современной системы образования, соответствующей вызовам времени, потребностям отдельной личности и общества в целом.

Масштабные инициативы по внедрению элементов открытого образования путем создания национального образовательного пространства сегодня воплощаются в десятках стран, среди которых можно отметить как лидеров - США и Великобританию, так и государства, которые очень быстро преодолевают отставание в образовательной и научной сферах - в частности, КНР и Сингапур, и выходят на первые места мировых рейтингов по качеству образования, количеству ученых и патентов, выработке инноваций.

Так, в рейтинге Агентства Bloomberg, который оценивает более чем 200 стран мира по таким показателям как: интенсивность исследований и разработок, наличие высокотехнологичных компаний, качество высшего образования, уровень развития научного персонала и количество патентов, Китаю принадлежит 22 место, а Сингапур – 8.

Вместе с тем, в контексте активного развития национальных образовательных пространств Китай и Сингапур большое внимание уделяют вопросам гармонизации систем образования Запада и Востока, сближению образовательных пространств Евразии. С 2011 года Китай и Сингапур являются участниками Форума «Азия - Европа» (ASEM), на котором обсуждаются вопросы формирования евразийского пространства академической мобильности, взаимного признания квалификаций между европейским и азиатско-тихоокеанским образовательными пространствами. КНР - наиболее активный участник подготовки нового международно-правового акта о взаимном признании образовательных квалификаций государствами – участниками Форума.

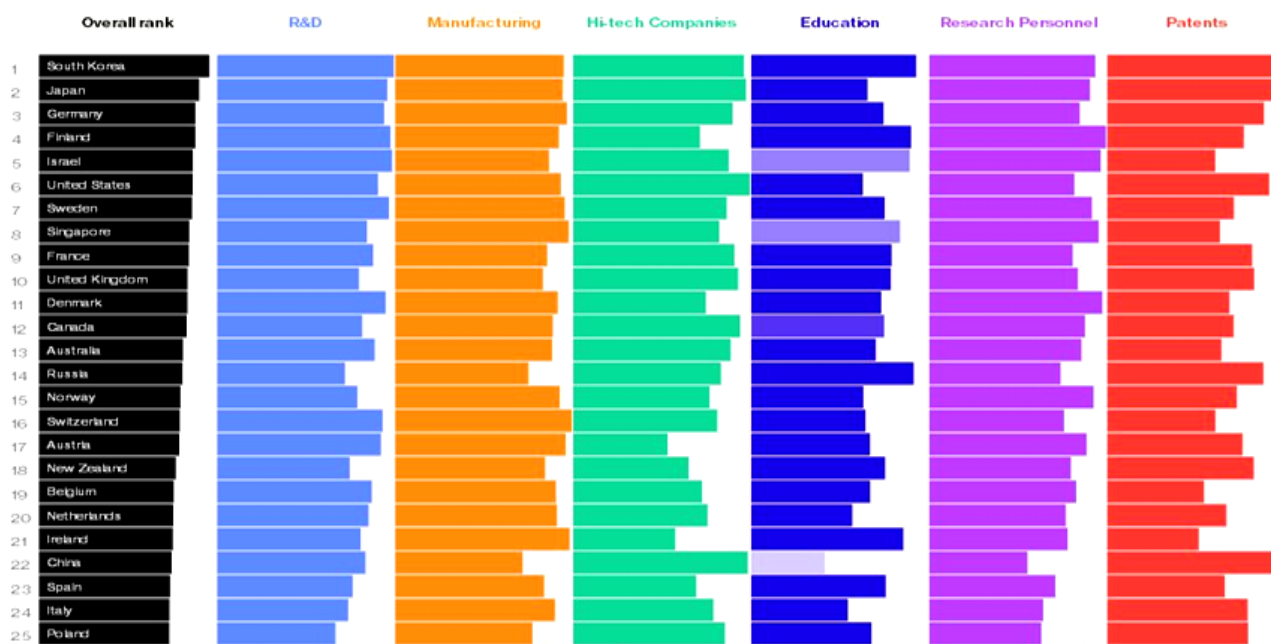

Рис. 1 Рейтинг ведущих стран мира по качеству образования, инновациям и научным разработкам [2]

Таким образом, учитывая вышесказанное, а также тот факт, что транснационализационные тенденции, которые в последние три десятилетия охватили большинство видов бизнес - деятельности, включают в свою орбиту и научно-образовательную сферу, что в результате имеет многомерное проявление, заключающееся, с одной стороны, в системной диверсификации объектной, субъектной и институциональной структуры мирового рынка научно-образовательных товаров и услуг, а с другой - в модификации конкуренции и существенном усложнении системы взаимосвязей и зависимостей между его участниками. А логическим и прогнозируемым результатом указанных сдвигов является истощение теоретического базиса рыночной доктрины научно-образовательной деятельности, что требует перехода к принципиально новой - пространственной парадигме исследования конкурентных отношений, изучение особенностей развития концепции тройной спирали, а также перспектив углубления интеграции научно-образовательного пространства и экономики, в т.ч. в пределах инновационных систем, международного трансфера технологий и университетско-промышленного сотрудничества, привлекает значительное внимание, как научного сообщества, так и широкой общественности в разных странах мира.

Указанные обстоятельства обуславливают актуальность выбранной темы исследования и подтверждают ее практическую и теоретическую значимость.

Доминантные тенденции конкурентного развития стран в глобальном научно-образовательном пространстве раскрыты в работах Р. Абея, Ф. Альтбаха, А. Андерсена, А. Бранденбургера, А. Уильямсона, П. Друкера, Д.А. Ильницкого. Научно-прикладной характер, движущие силы, форматы и механизмы создания национальных образовательных пространств освещены в трудах Б. Джессопа, Д. Эрнста, М. Ефельсберга, Б. Кларка, Ф. Коок, Р. Лукаса.

Среди отечественных ученых и ученых постсоветского пространства, которые исследуют данную проблематику, известны своими трудами и деятельностью В. Андрущенко, Л. Антонюк, А. Ку克林, В. Куриляк, В. Луговой.

Современное реформаторское движение в образовательном пространстве Китая исследуют Ян Тао, Синь Тао, Ян Гошунь, Хуан Чжичен, Ли Сяоцян, Ли Сигуте и др. Роль образования в инновационной экономике Сингапура входит в круг научных интересов Р. Грэхема, А. Даса, Дж. Доннелли, А. Домашнева.

Вместе с тем, анализ научных трудов и практических достижений позволяет констатировать недостаток как в отечественной, так и мировой литературе четко сформулированных положений, описывающих этапы создания образовательного пространства Китая и Сингапура через призму развития постиндустриальной экономики.

Таким образом, цель статьи заключается в исследовании генезиса и особенностей процесса формирования образовательного пространства национального государства на примере Китая и Сингапура.

Китай определил сферу образования в качестве государственного приоритета в XXI веке, поскольку, по мнению лидеров страны, ее развитие и реформирование способны трансформировать проблему численности населения в преимущество владения ценными человеческими ресурсами. В целом следует отметить, что Китай за последние 40 лет сделал, наверное, самый значительный скачок между уровнями развития систем высшего образования - от подавления развития университетов к стимулированию формирования учебных заведений мирового класса. При этом в последние десятилетия реформы по поддержке национального образовательного пространства характеризуются как прагматичностью и четкостью целеполагания, так и их комплексностью. Пятилетние стратегические планы, реализуемые в Китае, касаются как системы высшего образования, так и исследовательской деятельности всех субъектов в стране, а также реформирования системы их финансирования, создания горизонтальных взаимосвязей университетов между собой и с промышленными предприятиями, в т.ч. путем создания инновационных инкубаторов, научно-технологических центров и парков.

Запланированные стратегии по развитию национального образовательного пространства включают увеличение государственного финансирования системы образования, расширение набора студентов, усиление дисциплины и совершенствование институциональной структуры (подчеркнем, что с момента введения политики реформ и открытости эти стратегии были успешно реализованы при создании «социалистического образования с китайской спецификой» это привело к тому, что вхождение Китая в информационное общество, особенно в сфере образования, осуществляется другим, по сравнению с развитыми странами, путем). Вместе с тем, развивая и интегрируя в глобальное измерение национальную образовательную систему, Китай поощряет свои учебные заведения для усиления обмена и внедрения совместных программ с иностранными учреждениями, что способствует повышению качества и мобильности высшего образования.

Также особенностью формирования и развития национального образовательного пространства Китая является тот факт, что страна постепенно расширяет международно-правовую базу в направлении взаимного признания документов об образовании с зарубежными странами: на сегодняшний день подписано 49 двусторонних соглашений с 39 государствами мира [3]. Важным шагом в позиционировании национального образовательного пространства на международном уровне, кроме заключения двусторонних договоров, является инициатива КНР о создании на основе Лиссабонской и Токийской конвенции Декларации о сотрудничестве по вопросам признания квалификаций высшего образования между Европейским и Азиатско-Тихоокеанским регионами. Декларация охватывает вопросы признания частичного образования, неформального и информального обучения.

Как и любое социальное пространство, национальное образовательное пространство имеет тенденцию к образованию собственных иерархий и, соответственно, формирует определенную технологию легитимации присутствующих в нем национальных университетов как элитных (лучших, ведущих), так и обычных (рядовых) [4]. Создание конкурентоспособного национального образовательного пространства предполагает вхождение в него лучших национальных университетов.

В данном контексте на пути расширения и развития образовательного пространства китайские учебные заведения ежегодно принимают участие в различных оценках, рейтингах. Так, согласно британскому рейтингу QS World University Rankings в число 100 лучших университетов мира входит 5 китайских вузов, а именно: Университет Гонконга (23 место), Гонконгский университет науки и технологии (40 место), Китайский университет Гонконга (42 место), Пекинский университет (47 место), Университет Цзинхуа (54 место) [5]. Вместе с тем, для продвижения собственных образовательных услуг, признания страны в мире в КНР в июне 2003 г. Институтом высшего образования Шанхайского университета был основан первый из мировых университетских рейтингов - «Рейтинг университетов мирового класса» («Ranking of World Class Universities»). Принимая активное участие в конкуренции на мировой арене, китайские власти провозгласили амбициозную программу («Программа-211»), согласно которой в течение ближайших лет 100 ведущих высших учебных заведений Китая должны занять высшие места в мировом рейтинге ТОП-500.

Отдельного внимания в ходе исследования генезиса китайского образовательного пространства заслуживает успешно реализованная в стране стратегия ускоренного формирования потенциала, предусматривающая стимулирование получения высшего образования, несмотря на страну предоставления образовательных услуг, с целью быстрого повышения человеческого и производственного потенциала государства [5]. В связи с этим на пути расширения границ образовательного пространства Китая ключевыми инструментами является сотрудничество с иностранными вузами и стипендиальные программы для государственных служащих, учителей, научно-преподавательского состава университетов и студентов, что способствует также межгосударственному трансферу ноу-хау. При этом национальная стратегия предусматривает также меры по созданию благоприятных условий для возвращения квалифицированных специалистов в Китай.

Одним из перспективных направлений глобализации национального образовательного пространства Китая, на котором сегодня сосредоточено особое внимание, является реализация дистанционного обучения. Количество лиц, получающих сегодня высшее образование дистанционно в КНР, превысило 2 млн. человек. С применением инструментов дистанционного обучения подготовка молодого поколения в стране осуществляется в условиях формирования концепции образования 4.0, на основе развития STEAM-образования, робототехники, учебной мобильности, повсеместного доступа к электронным образовательным ресурсам и непрерывного развития ИК-компетенций всех участников учебного процесса.

По мнению автора, целесообразно также отметить особенность развития китайского образовательного пространства с точки зрения содействия научным изысканиям и исследованиям. Так, правительство Китая в марте 2014 г. объявило о планах кардинального расширения деятельности научно-исследовательских и аналитических центров при университетах в направлении повышения их активности по сотрудничеству и консультированию правительственных структур, особенно в социальных науках. И хотя доминантная роль коммунистической партии накладывает определенные ограничения на развитие данного вектора, ожидается, что китайские научно-исследовательские центры (которых сейчас 426) смогут адекватно противостоять своим американским конкурентам (1828).

На следующем этапе исследования рассмотрим особенности формирования и развития образовательного пространства в Сингапуре.

Сингапурское образование – одно из самых успешных в мире. В 2018 году согласно рейтингу World Top 20 Education Poll образовательная система страны вошла в ТОП-10 лучших, а по качеству начального образования Сингапур – безоговорочный лидер [6].

В развитии национального образовательного пространства Сингапура можно выделить 4 ключевых этапа:

- фаза стимулирования (с 1965 года до середины 70-х гг.), которая характеризовалась низким уровнем развития учебных заведений, практическим отсутствием технологической науки, высокой зависимостью от трансфера знаний и технологий из-за границы;

- фаза усиления способностей национальных учебных заведений (с середины 70-х годов до конца 80-х), которая характеризовалась наращиванием преподавательского и научного потенциала;

- фаза экспансии прикладных научных исследований (с конца 1980-х годов до конца 90-х), которая отличалась быстрым расширением прикладных научных исследований, а также созданием новых государственных научно-исследовательских институтов;

- фаза перехода на высокотехнологичное, цифровое образование, концентрация на научных исследованиях (с конца 90-х гг.). Для этого периода характерным является акцент на местных способностях ученых, собственных силах системы образования.

Наряду с этим, отличительной чертой формирования образовательного пространства в Сингапуре начиная с 60-х годов XX в., когда Ли Куан Ю решил «сделать из населения страны – владельцев страны», стало законодательное закрепление обязанности изучать английский язык, как язык межкультурного общения. Наличие учащихся, которые свободно владели английским языком, служило главным аргументом для создания филиалов и представительств иностранных учебных заведений в Сингапуре, а также активизации научных обменов в транснациональном измерении.

Кроме того, характерной особенностью развития образовательного пространства в Сингапуре является всесторонняя поддержка правительством страны сферы знаний. Благодаря постоянному инвестированию в модернизацию своей системы образования, образование Сингапура имеет строгие государственные стандарты, которые распространяются на разные уровни и стадии обучения, и предполагают разные формы оценивания качества обучения. Расходы на образование обычно составляют около 20% годового национального бюджета.

Сегодня Сингапур относится к странам-лидерам по развитию цифровой экономики. Государство взяло курс на цифровое развитие не только в производственном секторе, сферах транспорта, электронных средств и современных технологий, а также в направлении конструирования и совершенствования национального образовательного пространства. Как следствие, технологии становятся неотъемлемой составляющей обучения. В учебных заведениях действуют цифровые учебные программы, которые помогают ученикам сотрудничать, создавать проекты и решать реальные проблемы.

Кроме того, следует отметить, что высокий уровень и статус образования Сингапура был достигнут благодаря тщательному и детальному планированию, строгому отбору учителей, их комплексному обучению.

Таким образом, подводя итоги, отметим следующее. Переход современного общества на экономику знаний обуславливает рост внимания стран к совершенствованию научно-образовательных политик и развитию национальных образовательных пространств с учетом процессов глобализации

и интернационализации на институциональном и индивидуальном уровнях. Успех в этом направлении демонстрируют технологические страны, ориентированные на цифровизацию и интеллектуализацию собственных экономических систем, к числу которых относится Китай и Сингапур.

Особенности развития национального образовательного пространства в Китае заключаются, во-первых, в активной государственной поддержке, поскольку образование воспринимается властью и обществом как фактор технологического прорыва. Во-вторых, китайские учебные заведения активно интегрируются в глобальную образовательную среду, путем участия в международных рейтингах, университеты проводят научную и инновационную деятельность, реализуя наработанные результаты на открытом рынке, в том числе, через технопарки и инженерные центры, также правительством заключаются договоры по международному признанию документов. В-третьих, осознвая возможности Интернет-среды для осуществления активной внешней и внутренней коммуникации в сфере образования, КНР внедряет передовые инструменты дистанционного образования, использования современных ИКТ, что способствует академической мобильности, укреплению имиджа государства в мире, а также привлечению специалистов и ценных научных кадров. Особый акцент следует сделать на том, что Китай активно участвует в создании «образовательного моста» между Западом и Востоком, страна является драйвером многих программ и проектов, будучи заинтересованной в интеграции образовательных пространств различных государств вдоль «Нового Шелкового пути».

Развитие национального образовательного пространства в Сингапуре с конца XX в. происходило в двух направлениях. Первый – поддержка инноваций за счет создания новых знаний, создание условий и обеспечение доступа к глобальным источникам знаний, а также использование этих знаний, исходя из местных условий. Второй – вклад образования в формирование человеческого капитала путем подготовки высококвалифицированной рабочей силы.

Литература

1. Ян С. Современное развитие образования Китая: ключевые концепции, базовые ориентации и дальнейшие перспективы // *Философия образования*. 2018. №2(75). С. 79 – 105.
2. Родионова О.Ю. Технологизация образовательного процесса в системе высшего образования России и Китая: актуальность сравнительного анализа // *Almamater (Вестник высшей школы)*. 2018. №8. С. 102 – 105.
3. Грасс Т.П., Петрищев В.И., Латынина Е.С. Конвергентный подход в формировании предпримчивости в системе образования Китая // *Педагогика*. 2018. №9. С. 122 – 125.
4. Donetskaya S.S., Zhan Ya. Internationalization of higher education in China: modern trends // *Высшее образование в России*. 2019. Т. 28. №6. С. 63 – 74.
5. Хуэй В. Влияние социально-экономических реформ в Китае на систему образования // *Школа будущего*. 2018. №3. С. 148 – 156.
6. Banegas, Darío Luis. Quadrilin gual education in Singapore: pedagogical innovation in language education // *Asia Pacific journal of education*. 2018. Volume 38: Number 1; pp 145-147.

Makarov Aleksey Vladimirovich, Postgraduate student of the Department of Public Administration and National Security, Faculty of National Security, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadskogo Ave., Moscow, 119571, Russian Federation). E-mail: am555@yandex.ru

GENESIS AND FEATURES OF THE PROCESS OF FORMATION OF THE EDUCATIONAL SPACE OF THE NATIONAL STATE (ON THE EXAMPLE OF CHINA AND SINGAPORE)

Abstract

The article discusses the key features and characteristics of the process of formation of the educational space of the national state on the example of China and Singapore. Special attention is paid to the internationalization of the education sector, the creation of its qualification framework, the use and consideration of local characteristics and resources, the attraction and retention of scientific personnel.

Keywords: education, China, Singapore, state, diploma, geopolitics, integration, information society, mobility of higher education, Lisbon Convention.

References

1. YAn S. Sovremennoe razvitie obrazovaniya Kitaya: klyuchevye koncepcii, bazovyie orientacii i dal'nejshie perspektivy // *Filosofiya obrazovaniya*. 2018. №2(75). P. 79 – 105.
2. Rodionova O.YU. Tekhnologizaciya obrazovatel'nogo processa v sisteme vysshego obrazovaniya Rossii i Kitaya: aktual'nost' sravnitel'nogo analiza // *Almamater (Vestnik vysshej shkoly)*. 2018. № 8. P. 102 – 105.
3. Grass T.P., Petrishchev V.I., Latynina E.S. Konvergentnyj podhod v formirovanii predpriimchivosti v sisteme obrazovaniya Kitaya // *Pedagogika*. 2018. №9. P. 122 – 125.
4. Donetskaya S.S., Zhan Ya. Internationalization of higher education in China: modern trends // *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2019. Т. 28. №6. P. 63 – 74.
5. Huei V. Vliyanie social'no-ekonomicheskikh reform v Kitae na sistemu obrazovaniya // *SHkola budushchego*. 2018. №3. P. 148 – 156.
6. Banegas, Darío Luis. Quadrilin gual education in Singapore: pedagogical innovation in language education // *Asia Pacific journal of education*. 2018. Volume 38: Number 1; pp 145-147.

СИРИЙСКИЙ ФАКТОР В РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ

**Рогов
Илья
Игоревич**

кандидат философских наук, доцент кафедры социологии,
Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).
E-mail: rogov.skags@narod.ru

**Фарапонова
Татьяна
Константиновна**

магистрант, Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: t.faraponova@mail.ru

Аннотация

Актуальность настоящей статьи обусловлена тем, что исторически конфликтные отношения России и Турции в последние годы обновились и получили неожиданный импульс к двустороннему развитию. Авторы рассматривают специфику этих отношений через проблему конфликта в Сирийской Арабской Республике. Рогов И.И. и Фарапонова Т.К. последовательно рассматривают историю вопроса отношений России и Турции, переходят к анализу актуальной проблематики, показывая максимально широкий спектр взаимодействий двух стран на пространстве сирийского конфликта. Анализ накопившихся проблем и существующего положения дел позволил авторам сделать вывод, что отношения двух стран находятся на этапе осторожного поиска оснований для будущего стратегического сотрудничества. Данная статья – вторая в цикле статей, в которых проанализированы наиболее актуальные аспекты взаимодействия Российской Федерации и Турецкой Республики [1].

Ключевые слова: *Сирия, военный конфликт в Сирии, геополитика, дипломатические отношения, российско-турецкое взаимодействие, система международных отношений, проблема проливов, политический конфликт, российско-турецкие войны, Сирийский Курдистан, турецко-курдский вопрос, террористические группировки, дипломатические отношения.*

I. История вопроса. Основные факторы и противоречия

Срок российско-турецких отношений долг и насчитывает более пяти столетий, и, на протяжении всей истории они были сложными, противоречивыми. Сразу после завоевания турками-османами Константинополя в 1453 году новообразовавшаяся Османская империя стала мировоззренческим противником Московского царства. Три последующих века добавили конфликтной составляющей: Крымское ханство – протекторат государства Османов – подвергалось многократным набегам на московские земли. Начиная с XVIII столетия уже Российская империя перешла в наступление, завоевав территории, находившиеся под контролем османов. По итогам деятельности Петра I противоречия, начинавшиеся на религиозном фронте, приобрели чёткую геополитическую окраску: царское правительство поставило цель выхода к южным морям и этапами на пути осуществления этой цели должны были стать сначала контроль над Чёрным морем, а затем – над проливами Босфора и Дарданелл.

Удивительно, но XX век стал исключением в напряжённой истории российско-турецких отношений: наши страны воевали между собой лишь в Первую мировую войну (однако этот фронт не был главным); после 1918 года Россия и Турция не вступали ни в военный конфликт, ни даже в серьёзное пограничное столкновение. Более того: В Стамбуле, на площади Таксим, на памятнике, посвящённом основанию современной турецкой республики, изображён Климент Ворошилов, помещённый туда по личному указанию Кемаля Ататюрка, в благодарность за помощь в становлении светского турецкого государства.

И всё же Турция является для России одним из главных исторических противников. Всего за почти пятьсот лет взаимодействия Россия и Турция воевали двенадцать раз (это если не считать вторжения на территорию нашей страны сил Крымского ханства – протектората Османской империи). Больше мы воевали только с Польшей: 18 раз за всю историю [2].

XXI век не стал исключением, по-прежнему в рамках российско-турецкого взаимодействия существует множество проблем и противоречий. Современное взаимодействие между Россией и Турцией 2000-х годов можно разделить на два этапа.

В качестве первого этапа можно выделить временной период с 2000 года по 2015 г. Он характеризуется несколькими факторами: во-первых, энергетическим соперничеством, во-вторых – тесным торгово-промышленным сотрудничеством. Турция, которая была прямо заинтересована

в формировании газовых и нефтяных потоков, альтернативных "Газпрому", стала одной из основных поставщиков предметов лёгкой промышленности и сферы услуг.

Политическая обстановка той эпохи проходила под знаменем тесного сотрудничества Турции и США, активным участием Турции в деятельности блока НАТО, постоянно предпринимаемыми попытками Турецкой республики стать членом ЕС, выстраиванием прозападной позиции. Сложилась двусмысленная ситуация, когда два старых геополитических, военных и мировоззренческих врага стали близкими, во многом вынужденными торгово-промышленными партнёрами.

После того, как 30 сентября 2015 г. российские вооружённые силы вмешались в сирийский конфликт, в отношениях России и Турции настал новый этап. Необходимо подчеркнуть, что за почти полутысячелетнюю российско-турецкую историю Сирия никогда не была камнем преткновения: в имперский период она была провинцией в составе османского государства, а в XX веке, несмотря на сложные российско-турецкие и российско-сирийские отношения, серьёзных конфликтов не было. Советский Союз поставлял в Сирию военную технику, а с 1983 года получил разрешение открыть военно-морскую базу в порту Тартус, фактически став для Сирии стратегическим геополитическим союзником. Это, впрочем, продолжалось недолго: уже в 1987 году СССР, занятый своими внутренними проблемами, не смог оказать Сирии полноценную помощь в борьбе против Израиля и Ливана. Эти и другие факторы не позволили Сирии стать камнем раздора между Россией и Турцией, но, повторимся: после 30 сентября 2015 г. всё изменилось.

Необходимо понимать, что Турция рассматривает Сирию, особенно – её северные территории, на которых живут туркмены, как исторические земли, потерянные несправедливо, лишь по воле трагических случайностей не вошедшие в границы Турецкой Республики Кемаля Ататюрка. В Турции много политических сил, которые считают сирийских туркмен, проживающих в провинциях Латакия и Алеппо, турками за рубежом (или используют эту риторику в СМИ, что в современных политических реалиях одно и то же)¹.

С другой стороны, на северо-востоке Сирии расположены области так называемого "Сирийского Курдистана" – непризнанного государства Курдов, расположенного на территориях Турции, Сирии и Ирака. Турецко-курдский вопрос – один из двух-трёх острых (если не самый острый) вызовов самому существованию светского национального турецкого государства. Признать официальная Анкара, что на территории Турции проживает самостоятельная, сформировавшаяся нация (курды) и сразу на повестке дня станет вопрос о самоопределении турецкого Курдистана вплоть до отделения. Поскольку в данный момент территория Сирийского Курдистана фактически не подчиняется Дамаску, для Турции вполне реально является угроза самопровозглашения курдского государства, его последующего политического признания, а значит – неизбежная потеря части собственной территории, населённой курдами.

Противоречия между защитой сирийских туркмен, желанием подавить сирийских курдов, историческая память о разгромных для Турции войн с Россией и исторической претензией на часть сирийских территорий являются основными при взгляде на российско-турецкие отношения из Анкары.

В контексте сказанного инцидент, когда в ноябре 2015 года турецкие ВВС сбили российский самолет СУ-24, выглядит закономерным развитием отношений, если рассматривать ситуацию с турецкой стороны. Вмешательство российских войск в конфликт, с явным намерением переломить ситуацию, стало вызовом для Анкары по всем направлениям. После появления российских вооружённых сил в Сирии вероятность установления в Дамаске протурецкого режима отдалась, а вызов со стороны сирийских курдов обострился, поскольку туркам было непонятно, какую в итоге позицию займёт Россия по вопросу непризнанного Курдистана.

Фактическое торгово-промышленное эмбарго, введённое Правительством РФ против Турции в связи со сбитым СУ-24 стало испытанием российско-турецких взаимодействий в сфере, где ранее отношения развивались преимущественно в партнёрском направлении.

Но не экономика, а политика снова сыграла в российско-турецких отношениях ведущую роль. Поворотной вехой стала дата 16 июля 2016 г., когда турецкие военные предприняли попытку отстранить президента Реджепа Тайипа Эрдогана от власти. Однако путч, организованный и спонси-

¹ Брандон Конрадис / Михаил Бушуев. Турецкая родня на юге: сирийские туркмены. 26.11.2015 © 2019 DeutscheWelle [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B5%D1%86%D0%BA%D0%B0%D1%8F-%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8F-%D0%BD%D0%B0-%D1%8E%D0%B3%D0%B5-%D1%81%D0%B8%D1%80%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5-%D1%82%D1%83%D1%80%D0%BA%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%8B/a-18878005> (дата обращения 02.12.2019)

руемый США, провалился, поскольку Россия по военно-дипломатическим каналам заранее предупредила Р.Т. Эрдогана о планах заговорщиков.

Так начался следующий, современный этап в новейших российско-турецких отношениях – с конца июля 2016 и по настоящее время. После того как Эрдоган принес извинения за инцидент, связанный со сбитым самолетом СУ-24, в российско-турецких отношениях появились тенденции к сближению¹. На сегодняшний день как в турецких, так и в российских СМИ встречаются такие мнения, что Россия и Турция являются стратегическими партнерами, об этом не раз заявляли президенты России и Турции. Несмотря на положительные тенденции в области российско-турецкого взаимодействия, по-прежнему остаются проблемные точки, одной из которых является сирийский кризис.

На первом этапе российско-турецкого взаимодействия сирийский фактор не выполнял роль катализатора ухудшения этого взаимодействия. Именно на втором этапе актуализировалась сирийская проблематика в рамках российско-турецких отношений, которая привела к политической конфронтации между государствами. Происходит трансформация позиций России и Турции в отношении сирийского вопроса, государства находят общие точки соприкосновения и выстраивают совместную стратегию по урегулированию сирийского кризиса.

В начале сирийского конфликта Россия и Турция находились на противоположных полюсах в отношении данной проблемы. Причиной такого положения стали противоречия России и Турции как сильных региональных игроков на Ближнем Востоке.

II. Современное состояние. Расстановка сил

Турция претендует на статус лидера в ближневосточном регионе, что находит свое отражение во внешнеполитических установках правящей партии Справедливости и развития. Турецкая концепция "Стратегическая глубина", выдвинутая в середине 2000-х годов, направлена на формирование блока региональных союзников из числа стран, которые ранее входили в состав Османской империи: Ирак, Египет, Алжир, Тунис, Азербайджан, Сирия; концепция предполагает включение в такой блок союзников стран, которые признают Турцию в качестве лидера. Турция формирует данный союз с целью противодействия антитурецкой коалиции, в состав которой входят Греция, Республика Кипр, Сербия, Израиль, Армения [3]. До сих пор в Турции популярны концепции пантюркизма и неоосманизма, которые подразумевают объединение тюркских народов под турецким началом. Многие этнические группы, проживающие в ближневосточном регионе, принадлежат тюркской группе.

Российская Федерация тоже претендует на статус лидера в регионе Ближнего Востока, так как Россия обладает дипломатическими связями, активным экономическим сотрудничеством и партнерскими отношениями с государствами данного региона. Статус России на международной арене преобладает над статусом любого ближневосточного государства, что также является причиной лидерских позиций России. В Российской Федерации существуют регионы, в которых преобладает мусульманское население, что сближает Россию со странами Ближнего Востока.

В рамках сирийского кризиса сформировались три ключевых вопроса, в отношении которых Россия и Турция имеют неоднозначные позиции, что иногда трансформируется в проблему в российско-турецком взаимодействии.

Первый ключевой вопрос – это вопрос определения территории Сирийской Арабской Республики.

В настоящий момент по факту сирийская территория разделена на три части. Первую часть представляет западная часть Сирии и ее крупнейшие города – Латакия, Хомс и Дамаск. Данная территория подвластна правительству Б. Асада. Вторая часть – центральная и южная территории страны, которые контролируются "сирийской оппозицией". Сирийская оппозиция в начале конфликта не имела единой, четко организованной структуры, ее составляла внутренняя, внешняя, зарубежная оппозиции. В августе 2011 года был образован "Национальный координационный комитет сил за национально-демократические перемены" (НКК) на съезде в Дамаске, включивший в себя 13 политических партий демократической ориентации и 3 партии, которые защищали интересы сирийских курдов. Внешней оппозицией в октябре 2011 года был организован "Сирийский Национальный совет" (СНС), в составе которого находились оппозиционные зарубежные группировки. Штаб СНС находился в Стамбуле, страны НАТО и ЕС его поддерживали, и именно СНС некоторый промежуток времени считался законным представителем оппозиции. Участники СНС

¹ Эрдоган в послании к Путину извинился за сбитый Су-24. РБК:[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/27/06/2016/577125469a79474fe4159e12> (дата обращения 02.12.2019)

не смогли объединить свои интересы, что стало причиной потери силы и авторитета данной оппозиции. В ноябре 2012 г. была создана "Национальная коалиция революционных и оппозиционных сил" (НКОРС) в столице Катара Дохе, которая затем переместила свой штаб в Турцию. НКОРС получила официальное место Сирии в Лиге арабских государств в марте 2013 года, как единственного законного представителя сирийского народа.

Помимо оппозиционных группировок во второй части сирийской территории стоит также выделить вооруженные исламистские группировки, которым подконтрольны некоторые участки центральной и южной части Сирии. Целью этих группировок является создание сирийского исламского государства. В конце 2011 г. на территории Сирии была создана повстанческая Свободная сирийская армия (ССА), в ряды которой влились боевые исламские группировки [4]. В начале конфликта исламские группировки поддерживали революцию, боролись с официальными властями, затем появились случаи, когда группировки вели борьбу между собой. В ходе боевых действий исламские группировки совершали террористические акты, брали в заложники мирное население, совершали подрывную деятельность и т.д. В рамках деятельности ССА появились разногласия, что привело к выходу из ССА части исламских группировок и их дальнейшему объединению на основе ислама, а в ноябре 2013 г. был сформирован «Исламский фронт», ставший единой боевой структурой исламистов. Между исламскими группировками, входящими в состав Исламского фронта не было единства, они начали вести борьбу друг с другом. Наиболее ожесточенно борьбу вели "Исламское государство Ирака и Леванта" (ИГИЛ, запрещенное в России), которое до этого времени действовало в Ираке, провозглашенной целью которого стало создание "Халифата" на завоеванных землях. К лету 2014 г. ИГИЛ контролировал значительную часть территории Сирии, на подконтрольных территориях проводилась жестокая политика, осуществлялись массовые казни, рабский труд, торговля людьми и т.д. Сирийская оппозиция дистанцировалась от ИГИЛ, который бал объявлен НКОРС террористической группировкой и основным врагом наряду с режимом Асада.

Третью часть сирийской территории составляет север Сирии, где сирийские курды создали собственную администрацию в городе Эль-Камышлы. Сирийские курды стремятся создать на этой территории собственную автономию. В июле 2013 г. курды объявили всеобщую мобилизацию и вступили в столкновения с исламскими боевиками, которые вторглись в курдские провинции, а в ноябре создали собственную автономию с центром в г. Камышлы.

Россия и Турция придерживаются общей точки зрения в отношении территориальной проблемы Сирии. Позиция России и Турции сводится к тому, что Сирия должна сохранить свою целостность, что является приоритетным направлением в процессе мирного урегулирования сирийского кризиса. По итогам встречи, которая состоялась 22 октября 2019 г. в Сочи российский президент и президент Турции обсудили ряд важных вопросов в области сотрудничества, главным вопросом на повестке дня, был вопрос сирийского урегулирования. В.В. Путин и Э.Т. Эрдоган подписали меморандум "О взаимопонимании между Российской Федерацией и Турецкой Республикой"¹, который закрепляет приверженность России и Турции в сохранении территориальной целостности и политического единства Сирии, а также обеспечение национальной безопасности Турции, была подчеркнута решимость обоих государств бороться с любым проявлением терроризма, и противостоять сепаратизму на сирийской территории. В рамках данного меморандума Россия обязалась содействовать осуществлению Аданского соглашения, подписанного в 1998 г. между Турцией и Сирией, по условиям которого сирийское правительство было обязано прекратить все формы поддержки Рабочей Партии Курдистана (РПК), закрыть ее лагеря в Сирии и Ливане, предотвратить проникновение ее боевиков в Турцию; Турция сохраняла за собой "неотъемлемое право на самооборону" если сирийское правительство не прекратит поддерживать РПК; Предоставление Турции права "преследовать террористов" внутри Сирии на глубину до пяти километров и "принимать необходимые меры безопасности, если ее национальная безопасность находится под угрозой"².

Аданское соглашение предоставляет Турции широкий круг возможностей в борьбе с курдами на территории Сирии, и делает правовым вторжение Турции в Сирию. Следующим пунктом меморандума стало "введение подразделения российской военной полиции и сирийской пограничной службы на сирийскую сторону сирийско-турецкой границы за пределами зоны операции "Источник мира", начиная с 12.00 23 октября 2019 г. Эти подразделения должны содействовать выводу подразделений

¹ Меморандум о взаимопонимании между Российской Федерацией и Турецкой Республикой от 22 октября 2019 года. Президент России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/5452> (дата обращения 02.12.2019)

² РСМД: Турецко-сирийские отношения в контексте соглашения в Адане 1998 г. // Режим обращения <https://russiancouncil.ru/blogs/akhalturina/34645/> (дата обращения 06.11.2019)

КОС и их вооружения на 30 км от сирийско-турецкой границы, который должен завершиться в течение 150 часов после 12.00 23 октября 2019 г. С этого момента начнется совместное российско-турецкое патрулирование на глубину до 10 км от границы к западу и к востоку от района операции "Источник мира", кроме города Камышлы"¹.

Данный меморандум углубляет российско-турецкое партнерство в области урегулирования сирийского кризиса. Снова поднялся вопрос о соблюдении Аданского соглашения, содержащего в себе пункт, который гласит о том, что Турция и Сирия не имеют права нарушать границы друг друга. Еще в январе 2019 г. МИД РФ Лавров призвал Турцию и Сирию вспомнить об условиях данного соглашения. В свою очередь Сирия заявила, что Турция нарушила Аданское соглашение, так как Анкара поддерживает террористов и оккупировала территории Сирийской Арабской Республики². Данное соглашение нельзя расценивать как способ урегулирования отношений между Турцией и Сирией, так как статьи этого соглашения можно трактовать весьма широко. Заявление России о содействии исполнению Аданского соглашения в современных реалиях, вызывает ряд вопросов. При оказании такого содействия российская сторона должна четко выбрать сторону, которую она будет поддерживать. Российская Федерация позиционирует Турцию как стратегического партнера, с Сирией Россия выстраивает дружественные отношения и поддерживает действующее правительство, в такой ситуации России не выгодно жесткое столкновение Турции и Сирии, поэтому она будет лавировать между двумя сторонами, и будет нейтрально трактовать статьи Аданского соглашения.

Следующее заявление по территориальной сирийской проблеме состоялось 30 октября 2019 г. в Женеве, где министры иностранных дел Турции, России и Ирана подтвердили о приверженности единству и территориальной целостности Сирии³.

Россия и Турция совместными усилиями предпринимают попытки по решению проблемы территориальной целостности Сирии, путем борьбы с исламскими террористическими группировками, по инициативе России и Турции к мирным переговорам привлекаются представители оппозиционных групп.

Вторым важным вопросом в контексте сирийской проблематики является курдский фактор. В рамках российско-турецких отношений курдский фактор играет важную роль. Курды – этническая группа, которая в основном проживает в восточной части Турции, в северном Ираке, в западном Иране и на севере Сирии. Курды представляют этническое меньшинство, у них нет собственного государства. На современном этапе многие курды на территории своего проживания формируют национально-освободительные движения, взаимодействуют друг с другом, тем самым представляя опасность для центральной власти государств, на территории которых они проживают. Курдский вопрос для Турции является наиболее болезненным, чем в других государствах, где проживают курды. В течение многих веков курдская проблема являлась причиной нестабильности и напряженности во внутренней политике Турции. Наиболее острым турецко-курдский вопрос стал с приходом власти Ататюрка, когда турецкие курды подверглись массовым гонениям со стороны центральной власти, а также велась грубая политика ассимиляции в отношении курдского населения. На сегодняшний день турецко-курдский конфликт не урегулирован и тенденций его урегулирования нет. Турецкие курды не могут выдвигать свои интересы на политическом уровне в Турецкой Республике, так как основная движущая сила турецких курдов – Рабочая Партия Курдистана признана турецкими властями террористической организацией. Турция обвиняет многие национально освободительные движения курдов в терроризме и экстремизме. В Турции по-прежнему проводится политика притеснения турецких курдов.

В Сирии курдское население составляет около 10%, что является высоким показателем. В настоящее время положение сирийских курдов изменилось, они базируются на севере Сирии, сформировали достаточно мощное национально освободительное движение и борется за собственную автономию.

Иранские курды обладают наименьшими правами чем турецкие, иракские и сирийские курды. Данная ситуация в большей степени связана с религиозным фактором. Наиболее благоприятным положением обладают иракские курды, так как в Ираке они смогли добиться собственной

¹ Меморандум о взаимопонимании между Российской Федерацией и Турецкой Республикой // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/5452> (дата обращения 06.11.2019)

² Турция и Сирия могли бы применить Аданское соглашение, заявил Лавров // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20190128/1550015495.html> (дата обращения 06.11.2019)

³ РФ, Иран и Турция подтвердили приверженность единству и территориальной целостности Сирии // Федеральное агентство новостей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://riafan.ru/1223583-rf-iran-i-turciya-podtverdili-priverzhennost-edinstvu-i-territorialnoi-celostnosti-sirii> (дата обращения 06.11.2019)

автономии. В конституции Ирака 2005 г. курдский район является отдельным субъектом федерации, а также он обладает широким кругом полномочий [5]. Пример Иракского Курдистана показывает возможность мирного проживания курдов в виде автономного субъекта в рамках существующего государства. Данный факт не может не омрачать настроение турков, так как они не могут допустить создание на своей территории автономного образования в виде Турецкого Курдистана.

Позиция России в отношении курдов неоднозначна. Достаточно близкие отношения сложились между Россией и Иракским Курдистаном, так как он обладает статусом субъекта федерации, предполагающий широкие международные права и полномочия. В декабре 2007 г. Россия открыла свое Генеральное консульство в Эрбиле. Россия и Иракский Курдистан сотрудничают в торгово-экономической сфере, наиболее перспективным является сотрудничество в энергетической сфере. В Иракском Курдистане наиболее активной российской компанией стала «Газпром нефть», которая успешно работает в области разработки и эксплуатации газовых и нефтяных месторождений, в сфере геологоразведки, а также осваивает все новые объекты.

Говоря о сирийских и турецких курдах, здесь позиция России неоднозначна. Национально-освободительные курдские группировки в своей деятельности используют различные методы. Если одни выходят на мирные демонстрации и стараются с помощью легальных методов влиять в политической жизни, что на данном этапе малоэффективно, то другие в своей деятельности используют оружие и борются с центральной властью с помощью силовых методов. В такой обстановке у российской стороны появляется проблема признания отдельных национально-освободительных курдских группировок террористическими. Официально в России Рабочая Партия Курдистана не признана террористической организацией. В ходе гражданской войны в Сирии сформировался отряд народной самообороны, объединение курдов, которое активно борется с ИГИЛ. Данный факт не мог не вызвать одобрение деятельности этой организации у России. В свою очередь Турция объявила отряд народной самообороны ответвлением от Рабочей Партии Курдистана и также признала ее террористической организацией. Турция однозначно против участия отряда народной самообороны в переговорах по сирийскому урегулированию. Российская позиция является противоположной турецкой, она заключается в том, что партия «Демократический союз», выступающую за широкую автономию сирийских курдов, должна быть включена в переговоры.

В целом российская позиция в отношении сирийских курдов сводится к тому, что территория Сирии должна быть неизменной, но сирийские курды в будущем могут получить собственную автономию в рамках САР, по сценарию Иракского Курдистана. Турция не приемлет данную позицию, так как она опасается создания автономного Турецкого Курдистана внутри Турецкой республики, а также опасается претензий турецких курдов на создание собственного независимого государства. Несовпадение позиций России и Турции в отношении курдов пока не является серьезным камнем преткновения в процессе российско-турецкого взаимодействия по урегулированию сирийского кризиса. На данный момент есть более важные проблемы, такие как формирование безопасных зон, прекращение огня на отдельных сирийских территориях, возвращение сирийских беженцев. Как только будут решены эти проблемы, курдский вопрос обострится, у России появится три сценария действий. Первый сценарий – выбор нейтральной позиции. На наш взгляд, он мене привлекательный, так как Россия имеет собственные интересы в Сирии, и ей нужно держать под контролем отдельные сирийские группы. В случае выбора нейтральной позиции, Анкара под видом борьбы с терроризмом будет бороться с курдами, и силы Турции в данной борьбе превосходят. Второй сценарий – открытая поддержка курдов в борьбе с турками. Данный сценарий также не выгоден России, потому что такая поддержка может привести к открытому противостоянию России и Турции. Третий сценарий – полная поддержка Турции, которая приведет к усилению позиции Анкары в ближневосточном регионе, что также не отвечает геополитическим интересам России. Самый оптимальный вариант лавировать между курдами и турками, продвигая собственные интересы на Ближнем Востоке.

Третий вопрос – процесс урегулирования сирийского кризиса. Важную роль в процессе урегулирования сирийского кризиса играет "формат тройки", в который входят Иран, Россия и Турция, постоянно осуществляющие сотрудничество по данной проблеме. Многие эксперты отмечают данный формат сотрудничества, весьма, эффективным, но здесь также существуют конкретные противоречия. Россия, Иран и Турция претендуют на роль лидера в ближневосточном регионе, что осложняет сотрудничество в данном формате. У Турции и Ирана существуют религиозные противоречия. Турция – страна, в которой преобладает ислам суннитского толка, в Иране большинство населения исповедует шиизм, близкий к алавитизму, который исповедует правящая верхушка Сирии. Религиозный фактор сближает арабийские монархии с Турцией, которые оказывают Турции определенное содействие, а Иран с Сирией. Долгое время Турция была против участия Ирана в мирных

переговорах. Очень важным аспектом во взаимодействии России, Турции и Ирана является экономическая сфера, связанная с планами реализации энергетических проектов в регионе. Данные обстоятельства формируют конфликтный потенциал для дальнейшего сотрудничества трех государств.

С 2017 г. появляется новая переговорная площадка в Казахстане в городе Астане, где встречаются представители России, Турции и Ирана и вырабатывают программу по урегулированию сирийского кризиса. Основными вопросами, которые рассматриваются на данной переговорной площадке, являются вопросы прекращения огня, создание зон деэскалации, гуманитарной помощи. Астанинская площадка не дублирует Женевский формат переговоров, а скорее его дополняет, так как в рамках женевских переговоров в основном решается вопрос политического урегулирования конфликта.

В ходе работы формата тройки, было проведено не мало работы, и были получены конкретные результаты. В конце 2016 года по итогам длительных переговоров между официальной сирийской властью и вооруженной оппозицией был установлен новый режим прекращения огня, гарантиями перемирия стали Россия и Турция. Далее с помощью посредничества России, Ирана и Турции были созданы зоны деэскалации в Сирии, которые получили свое закрепление в «Меморандуме о создании зон деэскалации в Сирийской Арабской Республике», который подписали страны-гаранты по итогам четвертой Международной встречи высокого уровня по Сирии в рамках Астанинского процесса, прошедшей 3–4 мая 2017 г. [6]

Следующим важным направлением в рамках сотрудничества России, Турции и Ирана по решению сирийского кризиса является борьба с терроризмом и экстремизмом. Здесь основной проблемой выступает разграничение вооруженной оппозиции на умеренную оппозицию и террористические организации. Данная проблема тесно связано с зонами деэскалации, так вооруженные группировки, которые не прекратили боевые действия, переведены в разряд террористических групп. Интересная ситуация складывается с организацией "Джебхат ан-Нусра", которая изменила свое название на "Джебхат Фатхаш-Шам", объявила о выходе из "Аль-Каиды", она продолжает вести боевые действия в Сирии и считается террористической организацией, в свою очередь отдельные станы региона, в том числе и Турция оказывают данной организации военную помощь и финансовую поддержку. Данное поведение Турции идет в разрез с договоренностями Ирана, России и Турции по поддержанию режима прекращения боевых действий и созданию зон деэскалации.

На сегодняшний день российско-турецкие отношения в рамках астанинского переговорного процесса имеют характер сотрудничества. Уже на нынешнем этапе четко прослеживаются противоречия между Россией и Турцией в процессе мирного урегулирования сирийского политического конфликта. Формат тройки эффективен в решении отдельных проблем, комплексно решить сирийскую проблему он не способен, так как у Ирана, Турции и России есть собственные цели, которые идут в разрез целям друг друга.

III. Выводы. Тенденции дальнейшего развития

Несмотря на заявление турецкого президента и Президента России о том, что Россия и Турция являются стратегическими партнерами, в российско-турецких отношениях существует ряд проблем, которые осложняют всестороннее сотрудничество государств.

Во-первых, историческое наследие в виде длительных военных конфликтов и политического противостояния не преодолеть за три относительно успешных года. Россия и Турция будут оставаться геополитическими соперниками в силу географического положения относительно Чёрного моря и важности этого акватория для обеих стран. Отдельно стоит вопрос о базе в Тартусе: при наличии этой базы российские "Калибры" становятся почти стратегическим оружием, не позволяющим флотам НАТО приблизиться к Югу России на дистанцию безопасного выстрела.

Во-вторых, в процессе российско-турецкого сотрудничества по урегулированию сирийского кризиса, остаются серьезные противоречия в вопросе политического будущего непризнанного Курдистана. Борьба за Сирию – это борьба за центральную геостратегическую зону всего Ближнего Востока, которую осложняет ряд национально-этнических факторов.

В-третьих, Сирия обладает запасом энергетических ресурсов, и как поставщик, и как транзитёр, что делает её естественной ареной борьбы для многих государств, (не только России и Турции). Будущее этого направления пока не ясно.

Современные российско-турецкие отношения имеют положительный вектор. Россия обратила себе на пользу два серьёзных международных конфликта: инцидент со сбитым СУ-24 и неудавшаяся попытка государственного переворота в Турции. Выступив сначала в роли безвинной жертвы, Москва благородно предупредила Президента Р.Т. Эрдогана о готовящемся путче, что стало выдающейся победой на дипломатическом фронте. Эти два взаимосвязанных события запустили медленный, но

верный процесс выхода Турции из-под американского влияния. Последующие события с беспрецедентным решением Президента Путина продать Турции зенитно-ракетные комплексы С-400 "Триумф" стали этапом формирования военно-технического взаимодействия, которое, как известно, первый шаг к стратегическому партнёрству.

Осуществляются регулярные встречи на высшем и высоком уровне, вырабатывается общая стратегия действий по урегулированию сирийского политического конфликта, подписываются двусторонние соглашения, формируется совместные планы по борьбе с терроризмом.

Выстраивая партнёрские отношения с Турцией, Россия не просто усиливает свои ближневосточные позиции, но и ослабляет своего главного геостратегического противника – Соединённые Штаты Америки и Сирия здесь выступает как плацдарм, поле игры, на котором развиваются все указанные процессы.

Литература

1. *Рогов И.И. Фарапонова Т.К.* Российско-турецкие отношения в ретроспективе: геополитика и энергетика // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки. 2019 № 3. С. 212 – 218.
2. *Рогов И.И.* Теория империологии. М.: Книжный мир, 2017. 992 с.
3. *Ирхин А.А., Нелина Л.П.* Россия и Турция на пороге 2018 года: «Большая игра» на Ближнем Востоке // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. Т. 4 (70). № 1. С. 110 – 118.
4. *Кузьмин В.А., Соколов Н.В.* Причины сирийского кризиса и его развитие в 2011 – 2015 гг. // Уральское востоковедение: международный альманах. 2018. № 7. С. 140 – 148.
5. *Одинокоев А.С.* Курдский вопрос в российско-турецких отношениях // Историческая и социально-образовательная мысль. 2019. Т. 11. № 1. С. 29 – 38.
6. *Большаков А.Г., Мансуров Т.З.* Взаимодействие Ирана, России и Турции в сирийском конфликте и перспективы его урегулирования // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2018. Т. 14. № 2. С. 112 – 133.

Rogov Ilya Igorevich, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: rogov.skags@narod.ru

Faraponova Tatyana Konstantinovna, Master, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: t.faraponova@mail.ru

SYRIAN FACTOR IN RUSSIAN-TURKISH RELATIONS

Abstract

The relevance of this article is due to the fact that the historically conflicting relations between Russia and Turkey in recent years have been updated and received an unexpected impetus for bilateral development. The authors examine the specifics of these relations through the problem of conflict in the Syrian Arab Republic. Rogov I.I. and Faraponova T.K. consistently consider the history of the issue of relations between Russia and Turkey, proceed to the analysis of topical issues, showing the widest possible range of interactions between the two countries in the space of the Syrian conflict. The analysis of the accumulated problems and the current state of affairs allowed the authors to conclude that the relations between the two countries are at the stage of a careful search for the basis for future strategic cooperation. This article is the second in a series of articles in which the most relevant aspects of the interaction of the Russian Federation and the Turkish Republic are analyzed.

Keywords: Syria, military conflict in Syria, geopolitics, diplomatic relations, Russian-Turkish interaction, the system of international relations, the issue of straits, political conflict, Russian-Turkish wars, Syrian Kurdistan, Turkish-Kurdish issue, terrorist groups, diplomatic relations.

References

1. Rogov I.I. Faraponova T.K. Rossijsko-tureckie otnosheniya v retrospektive: geopolitika i energetika // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchyonye zapiski. 2019 № 3. P. 212 – 218.
2. Rogov I.I. Teoriya imperiologii. M.: Knizhnyj mir, 2017. 992 p.
3. Irhin A.A., Nelina L.P. Rossiya i Turciya na poroge 2018 goda: «Bol'shaya igra» na Blizhnem Vostoke // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya. 2018. T. 4 (70). № 1. P. 110 – 118.
4. Kuz'min V.A., Sokolov N.V. Prichiny sirijskogo krizisa i ego razvitie v 2011 – 2015 gg. // Ural'skoe vostoковедение: mezhdunarodnyj al'manah. 2018. № 7. P. 140 – 148.
5. Odiokov A.S. Kurdsij vopros v rossijsko-tureckih otnosheniyah // Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'. 2019. T. 11. № 1. P. 29 – 38.
6. Bol'shakov A.G., Mansurov T.Z. Vzaimodejstvie Irana, Rossii i Turcii v sirijskom konflikte i perspektivy ego uregulirovaniya // Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS. 2018. T. 14. № 2. P. 112 – 133.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В КОНТЕКСТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

**Сергеева
Светлана
Леонидовна** кандидат политических наук, доцент кафедры политологии
и политического управления Школы политических исследований
Института общественных наук, Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(119571, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 82, стр.1).
E-mail: sergeevasl@mail.ru

Аннотация

В исследовании рассматривается значимость механизмов муниципально-частного партнерства в контексте регионального развития современной России. Учитывая нормы российского законодательства, одним из значимых акторов муниципально-частного партнерства становятся представительные органы муниципальной власти. В этой связи, анализируются подходы к реализации публично-частного взаимодействия на примере программ парламентской и непарламентской политических партий современной России. Автор акцентирует внимание на том, что проблематика института муниципально-частного партнерства на федеральном уровне осуществляется в рамках развития концептуальных программ регионального развития, местного самоуправления и развития предпринимательства. Выбранные политические партии представляют противоборствующие подходы в становлении экономической политики государства, ориентированные, в одном случае, на усиление роли государственного аппарата, в другом случае, на снижение уровня его участия в экономических процессах. При этом, рассмотренный в исследовании европейский опыт говорит об эффективном использовании механизмов муниципально-частного партнерства в рамках разнообразных базовых подходов при наличии соответствующих полномочий муниципальной власти.

Ключевые слова: муниципально-частное партнерство, политические партии, политическая система, местное самоуправление, экономическая политика, региональная политика, муниципальные образования, публичная инфраструктура, региональное развитие.

В рамках послания Федеральному Собранию Российской Федерации в феврале 2019 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин акцентировал особое внимание на необходимости создания современной и комфортной среды для жизни не только на федеральном, но и региональном уровне, посредством развития программ пространственного развития городов и иных населенных пунктов – муниципальных образований¹.

В этой связи необходимо отметить, что одной из основных задач органов муниципальной власти Российской Федерации является стимулирование участия частного капитала в сфере развития объектов публичной инфраструктуры, в целях повышения качества предоставляемых населению услуг. Реализация такого рода задач позволяет повысить конкурентные условия, что способствует, в том числе, более эффективному использованию бюджетных средств муниципального образования.

Развитие механизмов муниципально-частного партнерства в современной России - это сложный многоуровневый процесс, акторами которого являются:

- органы государственной, региональной и муниципальной власти;
- частный бизнес;

- местные жители (не только как пользователи локальной социальной инфраструктуры, но и как «агенты влияния» на формирование и реализацию государственной политики в сфере муниципально-частного партнерства через своих представителей в органах власти).

В рамках традиционного восприятия о представительном народовластии, в том числе и применительно к муниципальному уровню, его связывают с делегированием определенной части прав местных жителей избираемым по демократическим принципам представительным органам власти местного самоуправления, которые таким образом получают определенные полномочия на принятие решений, связанных с дальнейшим развитием муниципального образования [1].

¹ Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 20 февраля 2019 г. // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863>

В этой связи отметим, что именно к полномочиям главы муниципального образования относится принятие решения о реализации проекта муниципально-частного партнерства¹.

Руководитель муниципального образования, а также представительные органы муниципальной власти в современной России избираются в соответствии с положениями Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Указанный нормативный правовой акт предусматривает возможность формирования представительного органа муниципальной власти по результатам муниципальных выборов, осуществляемых на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании, а также последующего выбора главы муниципального образования из числа избранных депутатов².

Политические партии современной России (как парламентские, так и непарламентские) достаточно активно участвуют в муниципальных избирательных кампаниях, в том числе и в рамках требований Федерального закона «О политических партиях» от 11.07.2001 № 95-ФЗ, который обязует политические партии принимать участие в федеральных, региональных или муниципальных избирательных кампаниях³.

В этой связи, интересным представляется видение развития муниципально-частного партнерства российскими политическими партиями, в контексте вопросов регионального развития, развития местного самоуправления и развития предпринимательства. В целях исследования данного вопроса рассмотрим информационные ресурсы парламентской партии «Единая Россия» и непарламентской «Партии Роста», которая при этом имеет определенное представительство в региональных и муниципальных органах публичной власти.

Выбор указанных политических сил обусловлен следующими условиями.

Партия «Единая Россия» – доминирующая партия в политической системе современной России, представлена абсолютным большинством на федеральном, региональном и муниципальном уровне представительной власти. Партия активно взаимодействует и поддерживает инициативы Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации. Таким образом, в рамках существующей в современной России политической системы, партия «Единая Россия» имеет полный спектр возможностей реализации предвыборного дискурса.

В свою очередь, «Партия Роста» выбрана как праволиберальная альтернатива доминирующей консервативной политической партии. Партия позиционирует себя как партия практиков, а не популистов, и в качестве базового тезиса выдвигает парадигму верховенства закона, без которого невозможна свобода личности, рыночная экономика и свободная конкуренция как основы материального существования общества. В противовес партии «Единая Россия», «Партия Роста» не рассматривает государство, как основную движущую силу экономического развития, рассматривая в качестве такой честную конкуренцию и развитие частного сектора.

Политическая партия «Единая Россия»⁴ рассматривает развитие предпринимательства в контексте снижения административных барьеров и контрольно-надзорного бремени, заключающегося в систематизации и уменьшения количества различных проверок. В качестве основного инструмента предполагается использовать риск-ориентированный подход, заключающийся в переходе к документарным проверкам и сокращению штрафов за нарушения, не несущие реальной опасности.

Вопросы регионального развития доминирующая российская политическая партия связывает с укреплением финансовой самодостаточности регионов и муниципальных образований. Данный аспект крайне важен для современной России, где по данным региональных контрольно-счетных органов, всего 2% из 21 501 муниципальных образований России являются самодостаточными, расходы остальных в среднем вдвое превышают их доходы [2].

¹ Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ (ред. от 29.07.2018) «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/509acd1649c5009315a4223dcbdf651bffa96d8/ (дата обращения 15.11.2019).

² Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/19a00e10f96925380ae57f1e59de5932b269c6bb/ (дата обращения 15.11.2019).

³ Федеральный закон «О политических партиях» от 11.07.2001 № 95-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/ (дата обращения 15.11.2019).

⁴ Предвыборная программа Партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ VII созыва <https://er.ru/party/program>

В этой связи, в качестве направления дальнейшей работы партия призывает обеспечить разработку в рамках налогового и бюджетного законодательства механизмы, стимулирующие регионы и муниципальные образования к наращиванию собственного налогового потенциала, т.е. увеличению собственного бюджета. Это потребует на определенном этапе закрепить необходимые налоговые доходные источники за территориальными образованиями.

При этом, «Единая Россия» говорит о главенствующей роли государства в осуществлении инфраструктурных проектов, по обеспечению транспортной связанности нашей страны, полноценному обустройству окрестностей городов дорожной сетью в сочетании с современными объектами коммунального хозяйства.

Можно сказать, что такой подход не в полной мере коррелируется с условиями эффективного развития муниципально-частного партнерства, базирующегося на принципах определённого делегирования государственных полномочий негосударственным организациям, что может содействовать более эффективной реализации ряда государственных функций.

В отличие от «Единой России», «Партия Роста» в своей программе¹ акцентирует внимание на проблемах, с которыми сталкиваются российские предприниматели и которые тормозят стабильное и равномерное экономическое развитие российских регионов.

Так, глобальной проблемой экономического развития России и, следовательно, развития российских регионов, партия видит в кризисе инвестиций. При этом, указанный кризис на муниципальном уровне не связан с внешнеполитическим воздействием, а обусловлен высоким уровнем рисков для предпринимателей. В качестве таких рисков «Партия Роста» видит высокие проценты по кредитам, высокие тарифы, налоги, сильное административное давление и «прессинг» правоохранительных и контрольно-надзорных органов.

Партия также обращает внимание на излишнюю концентрацию денег в федеральном бюджете, что ведет к снижению экономической и инвестиционной активности регионов, что в конечном итоге ведет к расширению «региональной бедности».

В этой связи партией предлагается переход к новой модели экономики, основанной на конкуренции, развитии частного предпринимательства и росте производительности труда, что в определенной степени соответствует идеологии либертарианства.

Так, Р. Корньюэлл разработал концепцию так называемого «третьего сектора», которая базировалась на возможности более эффективной реализации ряда государственных функций негосударственными структурами [4]. Схожие идеи высказывали также Л. фон Мизес, который говорил о необходимости снижения роли государственной собственности в пользу частной, как основного принципа организации жизни человека в обществе [3].

Можно сказать, что в противовес концепции «Единой России», «Партия Роста» предлагает сосредоточить механизм государственного управления не на контрольно-надзорном функционале, а на обеспечении законности, т.е. государство необходимо лишь там и тогда, где не справляется частный сектор.

Рассматривая приведенные подходы с точки зрения сложившейся мировой практики реализации муниципально-частного партнерства можно констатировать достаточно высокую эффективность совместной деятельности государства и частного сектора.

Великобритания еще в 1992 году реализовала государственную программу Private Finance Initiative – PFI (Частная финансовая инициатива), основной задачей которой являлось привлечение частного бизнеса к участию в различных совместных экономических проектах местного значения в долях 50/50. Характерной особенностью британской модели муниципально-частного партнерства является прерогатива экономической эффективности, при этом, государственное участие минимизировано до участия в софинансировании партнерства и контроля за осуществлением заявленного функционала. Это обусловлено тем, что данная программа реализовывалась в качестве инструмента помощи местным властям в тех случаях, когда органы местной власти не успевали за потребностью развития локальной социальной инфраструктуры, и, как правило, речь не шла о существенном дефиците финансовых средств [5]. Вместе с тем, ввиду особенностей системы англосаксонского права, институт муниципально-частного партнерства не кодифицирован отдельными законодательными актами.

В свою очередь германская модель муниципально-частного партнерства обусловлена не только особенностями континентальной правовой системы, но и политическими событиями, связанными с интеграцией восточной и западной Германии и разности экономических потенциалов. В этой связи германская модель более близка к российской практике реализации муниципально-

¹ Предвыборная программа Партии Роста. URL: <https://rost.ru/about/program/>. (дата обращения 15.11.2019).

частного партнерства, в части ограниченности бюджетных средств, значимости потенциала частного бизнеса и секторальной ограниченностью области применения механизмов партнерства, что прописано в соответствующих нормативных правовых актах.

Таким образом, современные подходы к пониманию перспектив развития муниципально-частного партнерства, несмотря на различие в понимании роли государства и государственного аппарата, тем не менее, отмечают значимость привлечения частных инвестиций. Условия привлечения инвестиций, их эффективности обусловлены имеющимися полномочиями и финансовыми возможностями местной власти. При достаточном уровне таких полномочий государство фокусирует свое внимание на решении стратегических задач формирования политики в данной сфере, обеспечении рамочного законодательного регулирования сопутствующих процессов, что снижает локальные административные барьеры и дает положительный импульс привлечению частного капитала в целях развития территорий.

Литература

1. Джагарян Н.В. Организационные институты общественного представительства в системе муниципальной представительной демократии // Юридические записки. 2013. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionnye-instituty-obschestvennogo-predstavitelstva-v-sisteme-munitsipalnoy-predstavitelnoy-demokratii> (дата обращения: 15.11.2019).
2. Запорожан А.Я. Экономическая основа местного самоуправления. Муниципально-частное партнерство // Научные труды Северо-Западного института управления. 2017. Т. 8. № 5 (32). С. 17 – 21.
3. Мизес Л. Фон. Либерализм в классической традиции; пер. с англ. С.Г. Каменского, Ю.В. Кочетыговой. – Начала – Пресс. М., 1995. 176 с.
4. Cornuell R.C. Reclaiming the American Dream: The Role of Private Individuals and Voluntary Associations (Philanthropy and Society). Transaction Publishers, 1993. 199 p.
5. Hayek F.A. Law, Legislation and Liberty: A New Statement of the Liberal Principles of Justice and Political Economy. Routledge, 2012. 584 p.

Sergeeva Svetlana Leonidovna, associate professor of political science and political management of School of political researches of Institute of social sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadskogo Ave., Moscow, 119571, Russian Federation). E-mail: sergeevasl@mail.ru

CONCEPTUAL CONDITIONS FOR THE DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF MUNICIPAL-PRIVATE PARTNERSHIPS IN THE CONTEXT OF THE ACTIVITIES OF INDIVIDUAL POLITICAL PARTIES OF MODERN RUSSIA Abstract

The study examines the significance of the mechanisms of municipal-private partnership in the context of the regional development of modern Russia. Taking into account the norms of the Russian legislation, representative bodies of municipal government become one of the significant actors of a municipal-private partnership. In this regard, analyzes the approaches to the implementation of public-private interaction on the example of the programs of the parliamentary and non-parliamentary political parties in modern Russia. The author focuses on the fact that the problems of the institute of municipal-private partnership at the federal level are carried out within the framework of the development of conceptual programs for regional development, local government and development of entrepreneurship. The selected political parties represent opposing approaches in the development of state economic policy, focused in one case on strengthening the role of the state apparatus, and in another case of reducing its participation in economic processes. At the same time, the European experience examined in the study speaks of the effective use of the mechanisms of municipal-private partnerships in the framework of various basic approaches, with the appropriate powers of municipal authority.

Keywords: municipal-private partnership, political parties, political system, local self-government, economic policy, regional policy, municipal entities, public infrastructure, regional development.

References

1. Dzhangaryan N.V. Organizatsionnye instituty obshchestvennogo predstavitel'stva v sisteme municipal'noj predstavitel'noj demokratii // YUridicheskie zapiski. 2013. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionnye-instituty-obschestvennogo-predstavitelstva-v-sisteme-munitsipalnoy-predstavitelnoy-demokratii> (data obrashcheniya: 15.11.2019).
2. Zaporozhan A.YA. Ekonomicheskaya osnova mestnogo samoupravleniya. Municipal'no-chastnoe partnerstvo // Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya. 2017. Т. 8. № 5 (32). P. 17 – 21.
3. Mizes L. Fon. Liberalizm v klassicheskoy tradicii; per. s angl. S.G. Kamenskogo, YU.V. Kochetygovoy. – Nachala – Press. M., 1995. 176 p.
4. Cornuell R.C. Reclaiming the American Dream: The Role of Private Individuals and Voluntary Associations (Philanthropy and Society). Transaction Publishers, 1993. 199 p.
5. Hayek F.A. Law, Legislation and Liberty: A New Statement of the Liberal Principles of Justice and Political Economy. Routledge, 2012. 584 p.

ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Склярова Елена Алексеевна доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии науки, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54); профессор кафедры «Философия и мировые религии», Донской государственной технической университет (344000, Россия, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1).
E-mail: Cklyarova2007@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению проблематики становления западноевропейской политической элиты, ее социально-исторических, культурных корней. Данная тема актуальна в связи с осмыслением влияния политической элиты на социально-экономические, политические, культурные процессы в различные исторические периоды. Проводится анализ социально-культурной среды, формирующей специфику и образ жизни, стиль мышления политической элиты XVIII в. Подчеркивается, что социальная структура общества, сохранившаяся в XVIII в. как наследие средневековья, была иерархична и имела общие черты в западноевропейских государствах. Отмечается роль дворянской аристократии в распространении и популяризации идей Просвещения.

Ключевые слова: политическая элита, дворянская аристократия, абсолютизм, общественное мнение, просвещение, стиль жизни, стиль мышления, салонный стиль, национальный характер.

Проблема влияния политической элиты на социальные процессы в современном мире актуальна. Политическая элита как слой людей, находящихся у власти, в значительной степени определяет тенденции и реалии наших дней в силу обладания мощными рычагами воздействия не только на политику, экономику страны, но и общественное сознание, мировоззрение, стиль мышления человека. В связи с этим вопрос о социально-культурной среде, почве, из которой произрастают «избранные» (этимологически слово элита – от латинского «лучший», «избранный»), – закономерен. В рамках данной статьи обозначим истоки формирования современной западноевропейской политической элиты, которые хронологически коренятся в эпохе Нового времени.

В истории западноевропейской цивилизации XVII – XVIII вв. представляет собой единство противоречий социально-экономического, политического, ментального характера: с одной стороны, феодального, сословного, традиционного, с другой – капиталистического, рационально-просветительского. Это время в контексте характеристик политического режима обозначается как абсолютизм, при котором власть сосредоточена в едином центре, а глава государства (монарх) рассматривается как единственный источник законодательной и исполнительной власти. В своем развитии абсолютизм (в частности во Франции) прошел два этапа. Первый (XV – I пол. XVII вв.) характеризуется завершением ряда процессов: собирания французских земель, складывания налоговой системы, бюрократического аппарата, становления армии, контроля над церковной собственностью.

Феодальная аристократия в условиях централизации государства постепенно отстраняется от политической власти, бразды правления переходят к придворной аристократии, перешедшей на службу к монарху. В целом данное обстоятельство отражало изменения в экономической сфере, в процессе которых дворянская элита вынуждена была отречься от всех своих средневековых умений в силу их убыточности и невостребованности в условиях стремительно развивающегося капиталистического способа производства.

Второй этап абсолютизма (сер. XVII – конец XVIII вв.) считается классическим, апогеем господства королевской власти (военно-финансовое укрепление, мощное укрепление бюрократического аппарата). Однако на данном этапе создается такая форма политического господства, при которой социально-экономические, политические условия способствовали созданию нового класса – буржуазии. Не обладая статусом, привилегиями, ресурсами, чтобы прийти к власти, превратившись в единственный источник пополняющий ряды политической элиты, буржуазия, тем не менее, вынуждала абсолютизм балансировать между господствующими классами общества. Это равновесие поддерживалось во многом за счет культивируемого стиля жизни дворянской аристократии, который перенимался буржуазией.

Основанием общественного строя был придворный быт, охраняемый и поддерживаемый государством. Это состояние укоренилось во Франции в XVII в. и продолжалось до начала Великой Французской буржуазной революции 1789г., когда буржуазия в силу возросшей экономической силы смогла обострить классовые и сословные противоречия с уходящим феодализмом и одержать победу в борьбе, положить конец абсолютизму и захватить всю полноту политической власти, превратившись в ядро западноевропейской политической элиты.

Социальная структура общества, сохранившаяся в XVII–XVIII вв. как наследие феодальной поры, была иерархична и имела общие черты в западноевропейских государствах. Но социально-культурной почвой, питавшей политический дух данной переходной эпохи, являлась именно дворянская (придворная) аристократия.

Дворянство являлось сложным образованием средневекового общества, оно различалось по своему статусу, степени близости к королевской власти, стилю и образу жизни. Это социальный организм, состоящий из отдельных элементов, устремления которых имели разное направление в экономической и общественно-политической жизни. Первое направление было связано с традиционными ценностями, представлениями о роли данного сословия в эпоху средневековья, а второе отражало ценностные ориентации, сформированные эпохой Просвещения. Дворянская аристократия выделялась из общей массы дворянства стилем мышления и стилем жизни, сформировавшись социально-культурной средой, королевским двором.

Во Франции королевский двор как социальное пространство, в котором вырабатывались законы, заимствующиеся западноевропейскими странами, отличался безупречностью вкуса и придворными манерами. По И. Тэню: «В Испании король живет заключенным в этикет, как мумия в своей гробнице, и слишком прямолинейная гордость, неспособная спуститься к вольности светской жизни, породила мрачную скуку и бессмысленную роскошь. В Италии под управление мелких принцев-деспотов, большинство из которых иностранцы, постоянная опасность и наследное недоверие заставили сердца обратиться к интимным удовольствиям любви или немому восхищению искусством. В Германии и Англии холодный, неповоротливый темперамент, противящийся культу, удерживает человека до конца столетия в германских привычках одиночества» [1, Т. 1, с. 90].

В своем труде «О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями» Жермена д'Сталь отмечает, что национальный характер как особенность поведения человека, проявляющаяся в его манерах, поступках и складе ума, ни что иное, как «результат установлений и обстоятельств, которые влияют на счастье народа, на его занятия и привычки» [2, с. 242 – 243]. Форма правления предопределяла умонастроения, привычки и мысли. В Англии и Швеции, например, чтобы добиться расположения короля, необходимо было прежде доказать свою собственную значимость и независимость, Германия не имела единственной столицы, которая являлась бы интеллектуальным центром. А восточные тираны внушали своим подданным такой страх, что желание понравиться показалось бы в этих государствах пугающей развязностью.

Королевский двор, особенно при Людовике XIV, был законодателем не только моды, пристрастий и вкуса, но критерием и образцом нравов, идей. А идеи обладают свойством значительности, когда распространяются обладающей экономической и политической властью силой (элитой) и заимствуются нижестоящими на социальной лестнице группами стихийно, бессознательно в процессе социально-психологического подражания.

Бокль Г. [3, с. 139] отмечает, что цивилизационная трансформация – это результат зарождения, распространения и укоренения идей, приобретенных избранными (интеллектуально развитыми) людьми. А в век Людовика XIV значительная роль в популяризации знаний принадлежит литературе, точнее литераторам, которые были вынуждены полагаться на покровительство привилегированных сословий и прежде всего монарха. Это являлось свидетельством умственного превосходства и значимости в среде образованного привилегированного сословия. Феодальная система патроната порождала убеждение о зависимости и в литературе. Об этом можно прочесть у Жермены де Сталь: «Вооруженный множеством священных установлений, блестящих предрассудков и общепринятых условностей, человек не в силах был полагаться на собственные независимые суждения; разум его не пытался подвергать исследованию все сущее, душе не удавалось освободиться от его общепринятых взглядов... преклонение перед королем и королевской властью сделалось заветнейшим убеждением каждого подданного Людовика XIV» [2, с. 254].

В силу покровительства просвещению со стороны короля и придворной аристократии политическое устройство до XVIII века оставалось вне критики, в то время как церковь, духовенское сословие подвергалось нападкам (произведения Вольтера пропитаны шутками относительно католицизма). «Высшие слои общества, взяв под свое покровительство литературных деятелей, не подзревали, к чему в результате приведет их участие в распространении философских знаний и

новых политических идей. Выступая против церкви и не осознавая, что все предрассудки связаны между собой, аристократия надеялась сохранить строй, основанный на сословной иерархии. Щеголяя философскими взглядами, они желали презирать дворянские привилегии, продолжая пользоваться ими, и были убеждены, что в то время как знатные люди прибавят к наследственному превосходству образованность, «чернь» сохранит свои верования в неприкосновенности. Но сами того, не желая, высшие слои общества способствовали распространению философских, общественно-политических знаний, поддерживая салоны, а через них воздействуя на печать, театр, местные органы власти» [4, с. 141].

Во второй половине XVIII века происходят значительные перемены в западноевропейском общественном сознании. Общественное мнение горожан становится более независимым от мнения королевского двора. По мнению Ардашева [5], общественное мнение в это время создавалось не в редакциях журналов и газет и, сколько у домашнего очага, в семье, в дружеской беседе и непринужденном повседневном разговоре. Повседневный разговор был универсальным фактором общественного мнения. Прежде всего общественное мнение превращается в независимую силу в аристократических салонах, где «непечатная проза» повседневного разговора становится предметом специальной культуры. Своеобразие стиля жизни салона, сочетавшего в себе черты придворного и городского стилей, проявилось в процессах дезаристократизации и демократизации салона.

Роль дворянской аристократии, содержащей литературные салоны, салоны общественного мнения значительна, как и значительна роль салонов в формировании западноевропейского общественного сознания XVIII в. в целом и мировоззренческих установок политической элиты, в частности. Салон был по сути пространством, где сглаживались сословные противоречия, феодальная иерархия уступала просвещенности, образованности, интеллекту, умению блистать литературными талантами. Люди, которые занимали министерские кабинеты (например, Тюрго), были также частыми гостями салонов м-м Дюдеффан, Жоффрен. Придворная знать выступала против Версаля, а мнение Д'Аламбера, Дидро считалось более важным мнения государя. Бокль отмечает, что когда представители разных социальных слоев стали встречаться с одной целью, то их стала связывать симпатия, общее наслаждение – это наслаждение, доставляемое познанием новых истин. Овладение новыми знаниями как общая цель стало связующим звеном социальных элементов, которые ранее держались замкнутыми.

Субординация по чинам уступала место субординации по знаниям, успех знаний обеспечил рождение принципа умственного превосходства над превосходством аристократическим. Взаимодействие в салонах между людьми, принадлежащими к различным социальным слоям, привело к ослаблению привязанности к церемониям, упрощению манер высших классов, а популярность неравных браков способствовала демократизации общества.

Политическое воспитание французского народа было выполнено литераторами, которые предоставили не только свои идеи, но и свой темперамент, вкусы, склад ума, манеры. Политическая жизнь и политический язык многое вобрали из языка писателей: общие выражения, длинные изречения, отвлеченные термины. Литературные обороты поникали в среду третьего сословия. В качестве примера А. Токвиль приводил письма (жалобы) крестьян, «которым недостает только знаний орфографии, чтобы сделаться довольно бойким писателем» [6, с. 172].

К политической элите конца XVIII в. можно причислить не только дворянскую аристократию, но и крупную буржуазию, социальная зрелость которой способствовала ее превращению в активную движущую силу. Идеи Просвещения могли не найти конкретного применения без проводника, нового общественного класса, заинтересованного в том, чтобы лозунг «Свобода, равенство и братство» получил свое легитимное подтверждение. Таким классом была буржуазия, осознавшая свое богатство, силу и свои права. Перемены в национальном сознании и мышлении способствовали революционным преобразованиям. Распространение новой идеологии, системы ценностей, мировоззрения проявилось в утверждении нового стиля мышления, характерного для политической элиты того времени.

Кратко рассмотрим особенности стиля мышления эпохи Нового времени предреволюционного периода. Компонентами стиля мышления являются: стиль мышления индивида, система ценностей, стилистика эпохи, категориальный аппарат.

Осознание своей субъективности характерно для индивида XVII – XVIII вв. Субъективность незнакома средневековью, когда человек – сотворенное существо, как и природа – результат создания Бога. В этой связи субъект воспринимался как носитель духовной жизни, обязанный исполнять высшую волю Творца.

В эпоху Нового времени человек становится самодостаточным. «Я» перемещается на первое место в жизни человека. Субъективность проявляется как «личность», развивающаяся на основе

собственных дарований и инициативы. Субъект автономен, самостоятелен. Между личностью (субъектом), с одной стороны, и природой, с другой, возникает пространство человеческого действия и творчества. Мир перестает быть в сознании людей тварным и становится «природой», а человек превращается в творца и созидателя.

Следующие аспекты характеризуют новое мировоззрение: вера в человеческие способности изменять окружающий мир, наделение Бога статусом перводвигателя, восприятие жизни человека «здесь и сейчас» как подлинного бытия, установка на решение обыденно-практических задач, ориентация на удовлетворение материальных потребностей.

Стилистика эпохи в полной мере раскрывается в теологии, философии, науке. В этот период размежевания мировоззренческих форм борьба между наукой и теологией завершилась в пользу первой. Наука изменила в корне представления людей о природе, которая стала гигантской «мастерской», объектом человеческого воздействия.

Демократические западноевропейские преобразования были бы невозможны без изменения всей системы мышления, категориального аппарата. В эту эпоху старые понятия наполняются новым содержанием, появляются новые понятия. Оперирование такими понятиями как свобода, равенство, братство, общее благо, естественное право, частная собственность, нация, демократия выходит на передний план.

Философия XVIII в., идеи Просвещения отвечали политическим запросам прежде всего буржуазии, нежели дворянской аристократии. Но парадокс заключается в том, что аристократия активно участвовала в создании и распространении смертоносного оружия (идеологии Просвещения) посредством салонов общественного мнения. Господствующие классы XVIII в. (придворная аристократия и крупная буржуазия) практически не предвидели трагической развязки событий, продолжая отдаваться сладостям светской жизни и провозглашая культ своих инстинктов высшим смыслом жизни. По историческим свидетельствам А. Токвиля [6], даже накануне собственной гибели Людовик XVI продолжал видеть в аристократии главную соперницу королевской власти, а народ и городское сословие, напротив, казались ему надежной опорой абсолютизма.

Таким образом, что же представляла собой западноевропейская политическая элита XVIII века? Её социальной основой были дворянская феодальная аристократия, придворная аристократия, крупная буржуазия. Идеологически данные социальные слои объединены мировоззрением Просвещения. Дворянство, обладая особым социальным статусом и образованием, одним из первых знакомились с достижениями литературы и посредством салонов общественного мнения распространяло настроения и идеи.

Стиль мышления политической элиты XVIII в. включает систему базовых категорий, новую систему ценностей, стилистику. Основными категориями эпохи становятся: собственность, деньги, демократия, свобода, равенство, естественное право. Прагматизм, рационализм, эгоцентризм эгалитаризм, индивидуализм, превратившись в главные духовные ценности эпохи, составляют основу либерализма – центральной идеологии Нового времени. Направленность стилистики определяют рационалистические и эмпирические философские концепции, окончательное размежевание религии, философии и науки, гегемония научной методологии, распространение антицерковных идей. Но для дворянства эти знания не могли стать революционным руководством к действию. Буржуазия была более свободна от религиозных догм, практична и рационалистична, однако идеи свободы, равенства и братства сначала обсуждались в салонах высшей аристократии и только потом становились всеобщим достоянием.

Политическая элита в лице дворянской аристократии успешно усвоила новые общественно-политические ценности эпохи в качестве элементов системы мышления и не менее успешно распространяла эти ценности во многом благодаря своему стилю жизни.

Литература

1. Тэн И. Происхождение общественного строя современной Франции. М., 1907. 576 с.
2. Сталь Жермена де. О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями. М., 1989. 476 с.
3. Бокль Г.Т. История цивилизации в Англии. СПб., 1896. 628 с.
4. Складорова Е.А. Старый порядок как западноевропейский культурно-исторический феномен. Ростов н/Д., 2006. 27 с.
5. Ардашев П.Н. Администрация и общественное мнение во Франции перед революцией. Киев, 1905. 132 с.
6. Токвиль А. Старый порядок и революция. Петроград. 1918. 183 с.

Sklyarova Elena Alekseevna, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Methodology of Science, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation); Professor, Department of Philosophy and World Religions, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344000, Russian Federation).
E-mail: Cklyarova2007@yandex.ru

ORIGINS OF FORMATION OF WESTERN EUROPEAN POLITICAL ELITE

Abstract

The article is devoted to the consideration of the problems of the formation of the West European political elite, its socio-historical, cultural roots. This topic is relevant in connection with the understanding of the influence of the political elite on the socio-economic, political and cultural processes in different historical periods. The analysis of the socio-cultural environment, which forms the specifics and lifestyle of the political elite of the XVIII century, is carried out. It is emphasized that the social structure of society, preserved in the XVIII century, as a legacy of the Middle Ages, it was hierarchical and had common features in Western European states. The role of the aristocracy of the nobility in the dissemination and popularization of the ideas of the Enlightenment is noted.

Keywords: political elite, aristocracy of the nobility, absolutism, public opinion, education, lifestyle, thinking style, salon style, national character.

References

1. Ten I. Proiskhozhdenie obshchestvennogo stroya sovremennoj Francii. M., 1907. 576 p.
2. Stal' Zhermena de. O literature, rassmotrennoj v svyazi s obshchestvennymi ustanovleniyami. M., 1989. 476 p.
3. Bokl' G.T. Istoriya civilizatsii v Anglii. SPb., 1896. 628 p.
4. Sklyarova E.A. Staryj porjadok kak zapadnoevropejskij kul'turno-istoricheskij fenomen. Rostov n/D., 2006. 27 p.
5. Ardashev P.N. Administratsiya i obshchestvennoe mnenie vo Francii pered revolyuciej. Kiev, 1905. 132 p.
6. Tokvil' A. Staryj porjadok i revolyuciya. Petrograd. 1918. 183 p.

УДК 35.071.2

DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-1-224-235

ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОРЫ ПО ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ: ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА И ЕГО СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Соболев Александр Викторович аспирант Института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 82), проектный менеджер Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) (119034, Россия, г. Москва, ул. Пречистенка, 38).
E-mail: alexsobolev94@bk.ru

Аннотация

В статье рассматриваются особенности института вице-губернаторов по внутренней политике, исторические этапы его развития, современное состояние и место в российской политической системе. Подробно раскрыты функции, полномочия и принципы назначения на должность региональных кураторов внутренней политики. Биографический анализ действующих внутриполитических вице-губернаторов и высших должностных лиц регионов позволил оценить качество кадрового наполнения изучаемого властного института, сформировать матрицу карьерных стратегий его представителей. На основании сравнительного анализа полученных данных с материалами 2014 г. были выявлены тренды развития института вице-губернаторов по внутренней политике.

Ключевые слова: биографический анализ, вице-губернаторы по внутренней политике, внутренняя политика, государственные служащие, институты власти, институты государственного управления, региональная политика, регионы России, сравнительный анализ.

Период 2018 – начала 2019 гг. стал непростым для политической системы России. Она испытала на себе ряд болезненных шоков и кризисных явлений. Фактор «посткрымского консенсуса», оказавший положительное влияние на внутреннюю политику России в 2014-18 гг., угас и не работает с прежней силой. В общественном сознании постепенно формируется усталость от концепта «стабильность», который воспринимается как застой и отсутствие перемен. Совершенно очевидно, что в данных условиях требуется перенастройка политических процессов в России, в том числе обращение к внутриполитической и региональной повесткам.

В настоящее время перед федеральными и региональными властями стоит значительное число социально-политических вызовов (см. рис. 1):

- падение уровня удовлетворённости граждан текущей внутренней политикой властей;
- рост готовности населения к участию в массовых акциях протеста;
- рост уровня социального пессимизма россиян;
- высокая волатильность основных социально-политических индикаторов, говорящая о неустойчивости оценок населением текущей ситуации в стране.

Дополнительными негативными факторами являются несколько «острых» реформ, запускаемых в реализацию в 2019 г.:

1) повышение пенсионного возраста (стало катализатором ухудшения указанных индикаторов);

2) рост ставки НДС с 18% до 20%, его возможное негативное влияние на темпы экономического развития, а также на благосостояние граждан;

3) переход на новую систему обращения с бытовыми отходами, введение дополнительной платы за вывоз мусора со стороны населения в 69 субъектах Федерации.

На этом фоне в 2019 г. пройдут крупные избирательные кампании, которые, по мнению экспертов, будут достаточно сложными с точки зрения прогнозирования их сценариев и управления электоральной ситуацией:

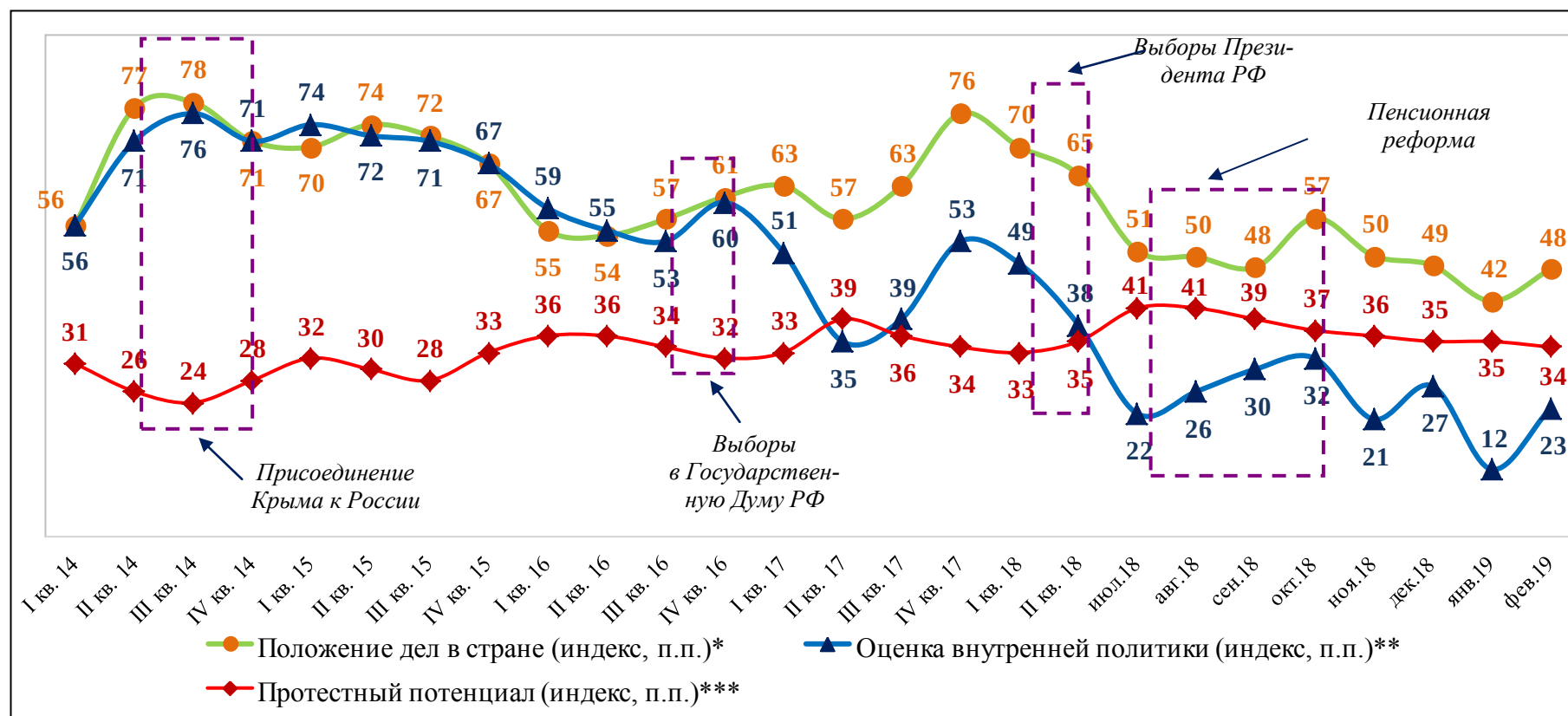
- довыборы депутатов Государственной Думы РФ по одномандатным округам в 3-х регионах;
- прямые выборы высших должностных лиц субъектов в 16 регионах;
- выборы депутатов Законодательных Собраний регионов в 13 субъектах;
- прямые выборы глав административных центров регионов (главы г.о. Анадырь и мэра г. Новосибирск);
- выборы депутатов городских парламентов в 20 административных центрах субъектов Федерации;
- выборы в Советы муниципальных депутатов г. Санкт-Петербург.

Всего прямыми выборами различного уровня в 2019 г. будут затронуты 40 регионов Российской Федерации. При этом в нынешних условиях могут возникнуть такие электоральные риски, как: а) выход «основных» кандидатов в губернаторы во вторые туры; б) проигрыш «Единой России» выборов по партийным спискам в региональные и городские парламенты; в) проигрыши провластных кандидатов в одномандатных округах; г) возникновение феномена протестного сигнального голосования, приводящего к непредсказуемым результатам народного волеизъявления.

В непростой текущей ситуации колоссальное значение приобретает качество управленческих решений и проводимой внутренней политики как на федеральном уровне, так и реализуемой в регионах. Соответственно, от опыта, профессионализма, способности принимать взвешенные решения, методов и эффективности работы так называемых «вице-губернаторов по внутренней политике» – высокопоставленных чиновников региональных администраций, ответственных за одноимённое направление работы в своих субъектах, – во многом будет зависеть динамика социально-политической ситуации в стране.

При рассмотрении феномена «вице-губернатор по внутренней политике» нами были использованы данные, полученные из открытых источников (СМИ, аналитические обзоры и доклады), а также результаты экспертных интервью автора с действующими и бывшими сотрудниками федеральных и региональных органов исполнительной власти, политическими технологами и консультантами.

Возникновение института вице-губернаторов по внутренней политике или *региональных кураторов внутренней политики* в субъектах Российской Федерации произошло в середине 1990-х гг. и носило стихийный характер. Во многом этот процесс был обусловлен высоким уровнем внутриполитической конкуренции в некоторых регионах, а также наличием в них острых социально-политических или межэлитных конфликтов. Соответственно, в региональных администрациях выделялись влиятельные высокопоставленные чиновники (вице-губернаторы, советники, главы аппаратов или департаментов территориального развития / местного самоуправления и т.д.), которые брали на себя функции посредничества и урегулирования спорных ситуаций. В некоторых случаях кураторство внутренней политики в регионе закреплялось за сотрудником администрации субъекта, который отвечал за проведение избирательных кампаний со стороны исполнительной власти.

Источник: Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ)¹.

Рис. 1. Динамика социально-политических индикаторов в России в период 2014-19 гг.

* Насколько Вы согласны с тем, что дела в стране идут в правильном направлении? (закрытый вопрос, один ответ)

** В какой мере Вас устраивает внутренняя политика нынешних властей? (закрытый вопрос, один ответ)

*** Если в нашем городе / сельском районе состоятся массовые выступления против падения уровня жизни, в защиту своих прав, Вы лично примете в них участие или нет? (закрытый вопрос, один ответ)

¹ ВЦИОМ. Политические рейтинги и индексы, социально-экономические показатели [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/news/ratings/> (дата обращения 28.02.2019).

Окончательное оформление и распространение в масштабе всей страны данного властно-управленческого института произошло в 2011-12 гг. и было вызвано следующими причинами:

1) возникновение системных проблем во внутренней политике на рубеже 2011-12 гг., необходимость качественно иного подхода к их решению;

2) резкая политизация общества в 2011-12 гг., рост антиправительственных настроений и активности россиян, которые требовали адекватного управленческого воздействия со стороны власти для канализации протестного потенциала в безопасное и социально приемлемое русло;

3) стремление Администрации Президента РФ определить конкретных ответственных сотрудников в региональных правительствах, целенаправленно курирующих сферу внутренней политики на местах;

4) выстраивание жёсткой вертикали власти «федеральный Центр – Регионы», позволяющей политическим администраторам из Москвы в «ручном режиме» участвовать в текущих политических процессах в субъектах;

5) возвращение в 2012 г. прямых выборов высших должностных лиц регионов, потребовавшее их личного участия в избирательных кампаниях, а также подразумевавшее возникновение новых электоральных рисков.

До 2011-12 гг. в ряде субъектов Федерации процесс управления внутренней политикой был институционализирован через создание профильных органов исполнительной власти в составе правительств регионов. Такие структуры функционировали, например, в Амурской и Сахалинской областях, Еврейской автономной области, в Хабаровском крае и т.д. Другая модель предполагала закрепление кураторства внутренней политики за администрациями глав регионов (г. Санкт-Петербург, Пермский край, Республика Татарстан)¹. В настоящее время во всех субъектах Российской Федерации существуют собственные органы исполнительной власти (министерства / департаменты / управления / комитеты), напрямую занимающиеся внутривластными вопросами (аналоги Управления по внутренней политике АП РФ). Профильные вице-губернаторы стоят на уровень выше них в административной системе.

Региональные кураторы внутренней политики в субъектах являются официальными государственными служащими. Обычно они занимают третью позицию в региональной управленческой иерархии после высшего должностного лица и председателя Законодательного Собрания. Вице-губернаторы по внутренней политике, как правило, входят в состав региональных политических советов «Единой России», что ставит их в условную партийную подчинённость перед секретарём местного отделения партии. Но в то же время для представителей органов МСУ региональные кураторы внутренней политики – это «люди №2» в системе управления, так как именно на них замыкается весь процесс координации данной сферы.

С точки зрения ряда экспертов, высокий официальный должностной статус становится плюсом в работе вице-губернаторов по внутренней политике, так как позволяет им на качественно ином уровне вести переговоры и решать сложные управленческие задачи, чем это делали бы внештатные уполномоченные сотрудники из окружения губернатора или нанятые на подрядные работы специалисты-политтехнологи.

На рубеже 2011-12 гг. произошло окончательное выстраивание жёсткой управленческой вертикали «федеральный Центр – Регионы», в которую были включены вице-губернаторы по внутренней политике. Они фактически оказались в тройном подчинении: у губернаторов, у Администрации Президента РФ (через кураторов регионов) и у заместителей Полномочных представителей Президента в Федеральных округах. При этом федеральный Центр и Полпредства напрямую, независимо друг от друга, могут выходить на вице-губернаторов по внутренней политике: такая схема обеспечивает подстраховку с точки зрения прохождения управленческих сигналов из Центра в регионы и обратно, а также обеспечивает двойной контроль текущей ситуации на местах. Кроме того, обычно Полпредства обладают большим объёмом оперативной информации о событиях «на земле», за счёт работы Главных федеральных инспекторов и значительного числа конфидентов.

Функции и широта полномочий вице-губернаторов по внутренней политике неодинаковы, они могут отличаться от региона к региону. Всё зависит от личности куратора внутренней политики, а также от его отношений с главой субъекта Федерации. Локальные вопросы, как правило, решаются самостоятельно на местах, кейсы, относящиеся к федеральной повестке, обязательно согласовываются с Полпредствами и федеральным Центром. Ниже на основании данных с официальных сайтов региональных администраций и экспертных интервью автора систематизированы основные функции кураторов внутренней политики в субъектах РФ.

¹ Коммерсантъ. В регионы спустили внутреннюю политику [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1950899> (дата обращения 28.02.2019).

Главные цели работы вице-губернаторов по внутренней политике:

- 1) регулярное воспроизводство власти высшего должностного лица региона;
- 2) выстраивание системы управления политическими процессами;
- 3) управление социально-политическими рисками;
- 4) обеспечение взаимодействия различных институтов власти для достижения конкретных

целей.

Основными задачами работы региональных кураторов внутренней политики являются:

- обеспечение проведения избирательных кампаний всех уровней в регионе;
- информационное сопровождение работы главы субъекта, выстраивание информационной политики в регионе;
- обеспечение доверия органам власти субъекта Федерации;
- взаимодействие с Законодательным Собранием региона, депутатами, партиями;
- работа с общественными организациями, национальными диаспорами, казачеством, другими элементами гражданского общества;
- взаимодействие с органами муниципальной власти и муниципальными образованиями;
- профилактика межнациональных конфликтов и обеспечение межнационального и межконфессионального согласия;
- организация мероприятий, имеющих важное общественно-политическое значение;
- координация деятельности информационно-аналитических управлений и служб, взаимодействие с экспертным сообществом;
- руководство аппаратом высшего должностного лица региона;
- выполнение прямых поручений, поступающих из федерального Центра.

У вице-губернаторов по внутренней политике существуют определённые ограничения в свободе осуществления их полномочий. В основном они диктуются из федерального Центра и связаны с минимизацией внутриэлитных конфликтов, недопустимостью решать локальные вопросы в ущерб общефедеральным задачам, в том числе чрезмерно использовать административный ресурс при решении текущих проблем.

Говоря о методах работы, которыми пользуются вице-губернаторы по внутренней политике, можно отметить, что ими комбинированно применяются политические технологии, административно-управленческие действия, аппаратное давление и влияние, переговоры, торг и т.д. Вице-губернаторам по внутренней политике, как и иным «государственным лидерам» требуется «постоянно сочетать взаимно противоположные формы диагностики и обмена информацией, комбинировать механизмы координации и урегулирования конфликтов. К тому же им надо учитывать вертикальные и горизонтальные, отраслевые и территориальные, организационные и коммуникативные особенности объектов регулирования (требующие всякий раз особой конфигурации политических и административных инструментов)» [1, с. 63].

Работа вице-губернаторов по внутренней политике сложна и ответственна. С точки зрения экспертов, сейчас в регионах достаточно остро стоит проблема с подбором профессиональных кадров на эту должность. Одна из главных причин этого – отсутствие публичной политики в субъектах и специалистов, умеющих работать в условиях жёсткой политической конкуренции, а также в кризисных ситуациях. В целом можно выделить следующие источники кадров для рекрутирования вице-губернаторов по внутренней политике:

- 1) коллеги, члены команд губернаторов по их предыдущим местам работы;
- 2) специалисты, рекомендованные из федерального Центра;
- 3) региональные управленческие кадры (сотрудники администраций и ведомств субъектов, главы муниципальных образований);
- 4) бывшие политические технологи и консультанты.

При подборе кадров на эту позицию особое внимание обращается на такие персональные и профессиональные качества кандидатов как личная преданность главе региона, опыт работы во властных структурах и в сфере внутренней политики, понимание внутривластных процессов конкретной территории, способность предлагать и принимать решения, брать на себя ответственность за совершаемые действия, готовность к компромиссам, наличие обширных связей в региональной элите, в том числе контакты с оппозицией, неаффилированность различными группами влияния. Кроме того, колоссальное значение при утверждении того или иного кандидата на должности имеют согласования, полученные в федеральном Центре, Полпредстве и от представителей силовых ведомств.

Качество работы вице-губернаторов по внутренней политике является предметом постоянного контроля со стороны федерального Центра. В настоящее время вводятся единые ключевые показатели эффективности (KPI), по которым будет оцениваться их работа. По мнению ряда

экспертов, это достаточно своевременное и полезное нововведение¹. Другим важным инструментом, призванным повысить результативность управления внутренней политикой, являются семинары и тренинги, регулярно организуемые в Москве. Их тематика формируется с учётом перспективных планов и актуальности текущих задач (обычно делается упор на качественное проведение выборов, организацию информационной работы с населением, снижение протестной активности, повышение доверия к органам власти). Семинары носят установочный характер: там происходит постановка целей и задач на ближайшие месяцы, определяются инструменты для их достижения. Кроме того, они способствуют увеличению числа полезных связей между коллегами из разных регионов, обмену практическим опытом между ними.

Помимо рассмотренных выше аспектов работы вице-губернаторов по внутренней политике, интерес вызывают их профессиональные и социокультурные характеристики, карьерные стратегии по достижению данной управленческой позиции.

В рамках настоящего исследования нами был использован биографический метод, применяемый для изучения жизненного пути человека. В социологии биографический метод понимается как один из ведущих инструментов исследований, в основе которого лежат теории интерпретативной парадигмы, а в обработке эмпирического материала активно используются техники «мягкого анализа» и герменевтики [2, с. 19]. Помимо этого, биографический метод содержит в себе способы измерения и оценки историй жизни, рассказанных или сообщенных свидетелей о жизни с точки зрения тех, кто эту жизнь прожил [3, с. 5]. Одной из проблем анализа и интерпретации данных, полученных биографическим методом, является выделение социально-типичных и индивидуальных характеристик в конкретной биографической истории [4, с. 73].

С точки зрения Э. Гидденса и У. Бека, современное общество характеризуется процессом биографизации или биографической эмансипации. В таком обществе у индивида существует большая степень свободы выбора собственной жизненной траектории. Биография становится результатом индивидуальных решений, не скованных жёсткими сословными структурными рамками, традициями. Биография перестала быть предзаданной, возможности для конструирования своего «Я» расширились, и в этом заключается биографизация постсовременного общества [5, с. 80].

Основой теоретических построений данного исследования стала категория «жизненный опыт», трактуемая как «совокупность процессов, в ходе которых мы подвергаем испытанию жизненные ценности и ценности вещей» [6, с. 61], либо как «вся совокупность чувственных восприятий, приобретаемых в процессе взаимодействия человека с внешней природой и составляющих источник и основу всех наших знаний о материальном мире» [7, с. 32]. Необходимо отметить, что «жизненный опыт, в отличие от других видов опыта, не существует сам по себе в отрыве от человеческой жизни, он является её концентрированным выражением и приобретает в процессе человеческой деятельности» [8, с. 34]. В жизненном опыте проявляется субъектность, осмысленная структурность, аксиологичность, феноменальность, экзистенциальность человека [9, с. 117].

Эмпирическая база исследования состоит из биографий действующих вице-губернаторов по внутренней политике и их непосредственных руководителей – высших должностных лиц российских регионов. Все биографические сведения были взяты из открытых источников с официальных порталов органов исполнительной власти субъектов Федерации, либо с сайтов региональных отделений партии «Единая Россия». Эти данные мы можем считать достоверными. В то же время рассматриваемые нами биографии могут быть «мифологизированными», отражая лишь необходимый минимум информации о человеке, представляя его в наиболее выгодном свете. Кроме того, они не рассказывают о причинах и мотивах перехода человека из одной сферы работы в другую, характере его отношений с коллегами и руководством, допускают «пропуски» некоторых периодов жизни, которые люди не хотели бы делать публичными. Указанный аспект является известным недостатком биографического метода исследования, влияние которого на валидность полученных данных необходимо минимизировать [10, с. 76].

Список действующих вице-губернаторов по внутренней политике был составлен нами по данным проекта «Индекс власти», реализуемого открытым порталом «Давыдов. Индекс» по состоянию на февраль 2019 г.² В выборку исследования вошли 78 субъектов Российской Федерации и 156 биографий вице-губернаторов по внутренней политике и глав регионов. Исключениями стали Владимирская и Калининградская области, Хабаровский край, Республика Хакасия (на февраль 2019 г. должность вице-губернатора по внутренней политике являлась вакантной), а также Волгоградская

¹ РБК. Политика. «Политические» KPI объединят Москву и регионы [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2019/02/19/5c6999559a79474507b8e6e5> (дата обращения 28.02.2019).

² Давыдов Индекс. Индекс власти. Апгрейд за февраль 2019 [Электронный ресурс]. – URL: <https://davydov.in/region/indeks-vlasti-apgrejd-za-fevral-2019/indeks-vlasti-apgrejd-za-fevral-2019/> (дата обращения 28.02.2019).

и Рязанская области, Чукотский автономный округ (достоверные данные, интересующие нас, в открытых источниках не доступны).

Все биографические сведения были проанализированы по следующим параметрам:

- пол и возраст вице-губернаторов по внутренней политике;
- специализация имеющегося у них образования;
- срок исполнения полномочий в нынешней должности;
- число лет трудового стажа, прошедших до достижения занимаемой в настоящее время должности;
- предыдущий опыт работы и профессиональная специализация региональных кураторов внутренней политики;
- наличие у них опыта работы на государственной гражданской службе;
- поиск возможных пересечений карьерных путей вице-губернаторов по внутренней политике и высших должностных лиц регионов;
- характеристика рассматриваемых должностных лиц как «местных» или «варягов» по отношению к региону, в котором они сейчас работают.

Институт вице-губернаторов по внутренней политике не является статичным, он развивается. Сравнительный анализ полученных данных со статистическими и биографическими материалами из доклада Фонда «Петербургская политика» «Система политического управления в российских регионах накануне Единого дня голосования 14 сентября» от июля 2014 г. (81 биография регионального куратора внутренней политики) позволил выделить тренды эволюции рассматриваемого феномена (см. табл. 1, 2, рис. 2).

Таблица 1

Социально-демографические характеристики вице-губернаторов по внутренней политике

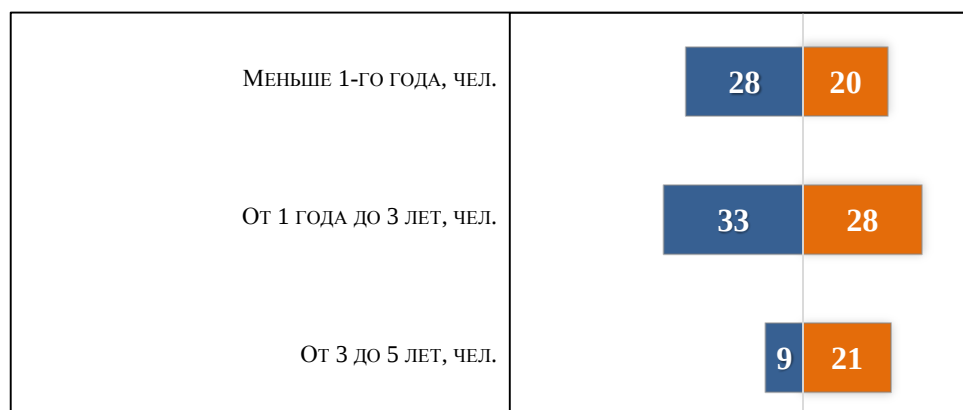
2014 год	2019 год
Пол	
Мужчины – 72 чел.	Мужчины – 66 чел.
Женщины – 9 чел.	Женщины – 12 чел.
Возраст	
Средний возраст – 48,7 лет	Средний возраст – 47,5 лет
Медианный возраст – 49 лет	Медианный возраст – 47 лет
Модальный возраст – 55 лет	Модальный возраст – 44 года
Возрастные группы (чел.)	
• моложе 30 лет – 1 • 30-35 лет – 4 • 36-40 лет – 8 • 41-45 лет – 14 • 46-50 лет – 18 • 51-55 лет – 20 • 56-60 лет – 10 • 61 год и старше – 6	• моложе 30 лет – 0 • 30-35 лет – 3 • 36-40 лет – 11 • 41-45 лет – 20 • 46-50 лет – 23 • 51-55 лет – 6 • 56-60 лет – 10 • 61 год и старше – 5
Образование (чел.)	
• Юрист – 27 • Историк – 18 • Инженер – 16 • Управленец – 14 • Экономист – 10 • Военный – 6 • Педагог – 5 • Аграрий – 4 • Философ – 2 • Физик – 2 • Политолог – 2 • Специалист по международным отношениям – 2 • Литератор – 1 • Математик – 1 • Строитель – 1 • Транспортник – 1	• Юрист – 29 • ГМУ – 24 • Инженер – 17 • Экономист – 12 • Военный – 10 • Педагог – 9 • Управленец – 8 • Политолог – 5 • Историк – 5 • Журналист – 4 • Военно-политическое – 2 • Философ – 1 • Геолог – 1 • Регионовед – 1 • Зоотехник – 1

Источник: составлено автором по данным официальных сайтов администраций субъектов РФ, Фонда «Петербургская политика»¹.

¹ Фонд «Петербургская политика». Система политического управления в российских регионах накануне Единого дня голосования 14 сентября [Электронный ресурс]. – URL: <https://fpp.spb.ru/fpp-political-control> (дата обращения 28.02.2019).

Из приведённых выше данных можно сделать следующие выводы:

- 1) с 2014 г. увеличилось число женщин, являющихся вице-губернаторами по внутренней политике (с 9 до 12 человек);
- 2) происходит омоложение корпуса региональных кураторов внутренней политики (значительно снизился их модальный возраст: минус 11 лет);
- 3) увеличивается число политических администраторов, имеющих политологическое или военно-политическое образование, что говорит о формировании тренда на профессионализацию этого направления работы.

Источник: составлено автором по данным официальных сайтов администраций субъектов РФ, Фонда «Петербургская политика»¹.

Рис. 2. Срок исполнения полномочий вице-губернаторами по внутренней политике

Таблица 2

Предыдущий опыт работы действующих вице-губернаторов по внутренней политике

Должность	2014 год	2019 год
Региональный министр, вице-губернатор, руководитель регионального подразделения федерального ведомства	23	23
Работа в сфере внутренней политики на федеральном или региональном уровнях*	н/д	14
Глава муниципального образования	14	7
Администрация, аппарат, секретариат главы региона	11	9
Бизнес	7	2
Силовик (МВД, Прокуратура, ФССП и др.)	0	4
Депутат регионального / муниципального парламента	3	3
Представитель руководящих органов «Единой России»	3	5
Работник Полномочного представительства в ФО	3	1
Ректор, проректор вуза	3	2
Председатель, член избирательной комиссии	3	2
Депутат Государственной Думы РФ	0	2
Работник общественной, некоммерческой организации	2	1
Работник федеральных органов власти	2	1
Директор научно-исследовательского института	0	1
Зампред Арбитражного суда другого региона	0	1
Роснаркоконтроль	1	0
Налоговые органы	1	0
Журналист	1	0
Работник аппарата Совета Федерации	1	0
Работник PR-блока компании, корпорации	1	0
Уполномоченный по правам человека	1	0
Работник администрации другого региона	1	0

Источник: составлено автором по официальным сайтам администраций субъектов РФ, Фонду «Петербургская политика»².

* Примечание: в 2014 г. данная категория отдельно не выделялась.

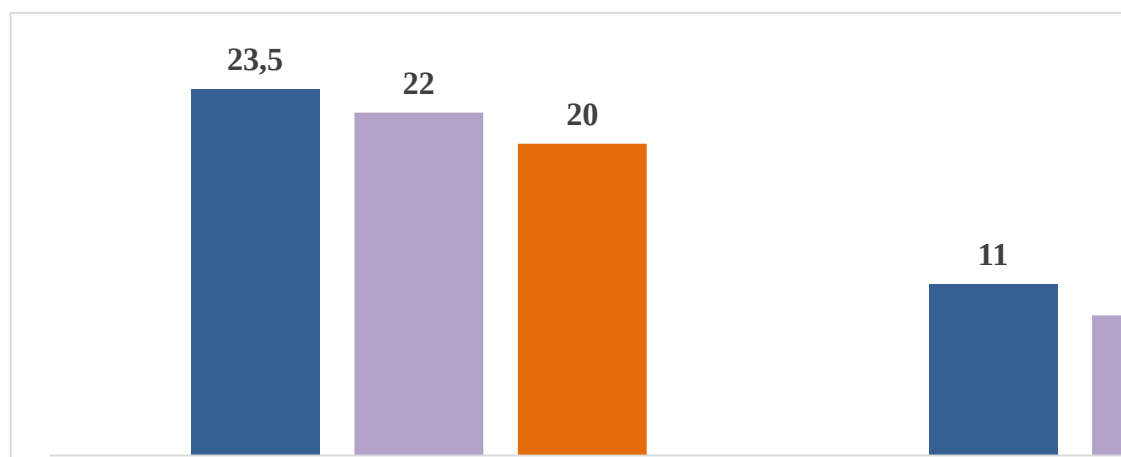
¹ Фонд «Петербургская политика». Система политического управления в российских регионах накануне Единого дня голосования 14 сентября [Электронный ресурс]. ...

² Там же.

С 2014 г. по 2019 г. увеличился срок нахождения вице-губернаторов по внутренней политике на своей должности. Происходит формирование основного пула региональных управленцев и уменьшение «текучки кадров». Отсутствие регулярных ротаций кураторов внутренней политики создаёт условия для появления стабильности и предсказуемости управленческих действий в субъектах Федерации, неизменности правил игры. Кроме того, внутривнутриполитические вице-губернаторы имеют возможность накопить значительный практический опыт работы в регионах, сформировать свои уникальные и эффективные модели решения поставленных задач.

За последние пять лет произошли значительные изменения в требованиях к претендентам на должность вице-губернаторов по внутренней политике с точки зрения их предыдущего профессионального опыта:

- формируется тренд на привлечение специалистов, имевших опыт работы в сфере внутренней политики на федеральном или региональном уровнях;
- на должность региональных кураторов внутренней политики стали назначать тех, кто служил в силовых ведомствах, а также депутатов Госдумы;
- увеличилось количество высокопоставленных партийцев из «Единой России» на должности внутривнутриполитических вице-губернаторов;
- корпус заместителей глав регионов и министров региональных правительств продолжает оставаться самым большим источником для рекрутирования новых вице-губернаторов по внутренней политике;
- значительно сократилось число выходцев из органов местного самоуправления и бизнес-структур, а также сотрудников Полпредств на рассматриваемой нами должности;
- сводится к минимуму число региональных кураторов внутренней политики, совершенно далёких от этой сферы деятельности (журналист, налоговый, уполномоченный по правам человека и т.д.), что говорит о курсе на исключение некомпетентных специалистов из данной профессии.

Источник: составлено автором по официальным сайтам администраций субъектов Российской Федерации.

Рис. 3. Характеристики опыта работы действующих вице-губернаторов по внутренней политике

Срок достижения текущей должности от начала трудовой деятельности:

- менее 15 лет – 5 человек;
- от 15 до 19 лет – 18 человек;
- от 20 до 24 лет – 25 человек;
- от 25 до 29 лет – 14 человек;
- от 30 до 34 лет – 7 человек;
- 35 лет и больше – 9 человек.

Опыт работы на государственной гражданской службе:

- от 1 до 4 лет – 7 человек;
- от 5 до 8 лет – 26 человек;
- от 9 до 15 лет – 21 человек;
- от 16 до 23 лет – 19 человек;
- более 23 лет – 5 человек.

В среднем на позицию вице-губернатора по внутренней политике приходят сотрудники со значительным профессиональным стажем (не менее 15 лет) и опытом работы на государственной гражданской службе (от 4-х лет и более).

Отдельным аспектом анализа стало рассмотрение соотношения глав субъектов РФ и их вице-губернаторов по внутренней политике по признаку «местный» / «варяг» применительно к тому региону, где они сейчас работают. Под «местным» мы понимаем человека, не менее 10 лет проработавшего в регионе своего текущего трудоустройства. Биографии действующих губернаторов и региональных кураторов внутренней политики анализировались на предмет их пересечения. Кроме того, были типологизированы модели назначения политических вице-губернаторов на их должности (см. табл. 3).

Таблица 3

Матрица соотношений глав регионов и вице-губернаторов по внутренней политике по признаку «Местный» / «Варяг»

Губернатор «Местный» / ВГ по ВП «Местный»	Губернатор «Варяг» / ВГ по ВП «Местный»
<i>Всего 39 наблюдений из них:</i> • глава региона и ВГ по ВП ранее пересекались по работе – 25 случаев; • доверие нового губернатора профессиональным качествам ВГ по ВП, работавшего до занятия им должности – 2 случая; • постепенная ротация кадров – 1 случай; • губернатор назначил ВГ по ВП сразу после победы на прямых выборах – 1 случай; • нет достоверной информации – 10 случаев.	<i>Всего 20 наблюдений, из них:</i> • новый глава региона не стал менять действующего ВГ по ВП – 7 случаев; • новый глава региона после назначения повысил в должности человека, занимавшегося ранее внутренней политикой – 5 случаев; • ВГ по ВП вошёл ранее в команду нового главы региона, растёт внутри неё – 2 случая; • ВГ по ВП мог быть рекомендован либо из федерального Центра, либо из числа функционеров «Единой России» – 2 случая; • ВГ по ВП как перспективный региональный управленец получил возможность карьерного роста – 1 случай; • нет достоверной информации – 3 случая.
Губернатор «Местный» / ВГ по ВП «Варяг»	Губернатор «Варяг» / ВГ по ВП «Варяг»
<i>Всего 5 наблюдений, из них:</i> • глава региона и ВГ по ВП ранее пересекались по работе – 3 случая; • ВГ по ВП пришёл на должность по приглашению действующего губернатора, ранее с регионом никак связан не был – 1 случай; • нет достоверной информации – 1 случай.	<i>Всего 14 наблюдений, из них:</i> • действующий глава региона и ВГ по ВП ранее пересекались по работе – 6 случаев; • новый ВГ по ВП мог быть рекомендован главе региона из федерального Центра – 6 случаев; • нет достоверной информации – 2 случая.

Источник: составлено автором.

Данные, содержащиеся в табл. 3, говорят о следующем:

1) около половины (43,59%) действующих губернаторов и их заместителей по внутренней политике ранее взаимодействовали по работе в других структурах – тем самым подтверждается тезис о приоритете личной преданности политических вице-губернаторов при их назначении;

2) указанная выше модель в большей степени характерна для ситуации, когда и глава субъекта, и его вице-губернаторы по внутренней политике являются «местными» по отношению к региону, где они сейчас трудятся;

3) соотношение «местный» губернатор / политический вице-губернатор-«варяг» не характерно для практики российского политического администрирования (5 случаев из 78), скорее является исключением из неё, но и здесь приоритет отдаётся специалистам, с которыми глава субъекта ранее пересекался по работе;

4) в ситуации, когда в регион приходит новый губернатор-«варяг» без своей сильной команды, он вынужден опираться на местные кадры (70%), и либо старается выстраивать с ними конструктивное сотрудничество (35%), либо проводит их ротацию (25%) с целью «зачистить» команду прежнего главы региона и сформировать пул преданных себе управленцев, лично обязанных ему своим продвижением по службе;

5) профессиональный и карьерный рост местных управленцев в команде губернатора «варяга» возможен, если последний сумеет прочно укрепиться в новом для себя регионе (например, Москва, Смоленская и Тульская области);

6) если глава субъекта и вице-губернатор по внутренней политике являются «варягами», то у высших должностных лиц есть две стратегии действий: либо опираться на своих проверенных людей, которых они приводят с собой в регион, либо сотрудничать со специалистами, рекомендуемыми из федерального Центра.

Уже отмечалось, что личная преданность вице-губернатора по внутренней политике высшему должностному лицу региона является одним из ключевых факторов их сотрудничества. Ниже приведены примеры самых ярких кейсов успешного долгосрочного взаимодействия глав субъектов и их внутривластных заместителей:

- 1) Республика Татарстан: Минниханов Р.Н. / Сафаров А.А. (пересечение с 1998 г.);
- 2) Республика Марий Эл: Евстифеев А.А. / Сметанин С.А. (пересечение с 2000 г.);
- 3) Республика Карелия: Парфенчиков А.О. / Любарский В.К. (пересечение с 2000 г.);
- 4) Республика Башкортостан: Хабиров Р.Ф. / Сидякин А.Г. (пересечение с 2003 г.);
- 5) Республика Мордовия: Волков В.Д. / Богатов А.А. (пересечение с 2006 г.);
- 6) Республика Тыва: Кара-оол Ш.В. / Дамба-Хуурак А.П. (пересечение с 2007 г.);
- 7) Смоленская область: Островский А.В. / Никонов К.В. (пересечение с 2008 г.);
- 8) Архангельская область: Орлов И.А. / Андронов А.К. (пересечение с 2008 г.).

Итак, с середины 2018 г. российское общество находится в состоянии турбулентности, что проявляется в нестабильности основных социально-политических индикаторов. Предыдущий «договор» государства с населением («посткрымский консенсус») перестал действовать, а новый контракт и предполагаемая им модель взаимоотношений ещё не сформулированы ни одной из сторон. В то же время качественная реализация внутренней политики становится основным приоритетом власти.

Институты управления внутривластными процессами постоянно совершенствуются, чтобы иметь возможность отвечать на вызовы непростых текущих условий. Без регулярной тонкой настройки своей работы они рискуют превратиться в косные бюрократические структуры.

В период 2014–19 гг. зафиксированы позитивные тренды развития института вице-губернаторов по внутренней политике:

- 1) омоложение пула региональных кураторов внутренней политики;
- 2) активное привлечение к данной работе специалистов с большим трудовым стажем и опытом работы на государственной службе;
- 3) профессионализация сферы управления внутренней политикой (увеличение доли внутривластных вице-губернаторов с политологическим и военно-политическим образованиями, а также занимавшихся ранее администрированием внутренней политики);
- 4) постепенное формирование единой системы оценки эффективности работы вице-губернаторов по внутренней политике во всех регионах.

Доверие – ключевая категория, которая высоко ценится политическими акторами, поэтому при подборе кадров на позицию регионального куратора внутренней политики главы субъектов в первую очередь обращают внимание на их личную преданность и в большей степени склонны доверять тем людям, с которыми ранее лично сотрудничали, видели их в действии.

Литература

1. Соловьёв А.И. Политический лидер в административной среде государственного управления, или «Кто в доме хозяин?» // Полис. Политические исследования. 2017. №2. С. 60 – 81. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.05>
2. Логунова Л.Ю. Биографический метод в исследовании личности: методология и архитектура // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2016. № 1. С. 17 – 23.
3. Рождественская Е.Ю. Биографический метод в социологии; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 381 с.
4. Луков В.А., Селивёрстова Н.А. О биографическом методе и его применении в социологии молодежи // Горизонты гуманитарного знания. 2015. №4. С. 73 – 80.
5. Плотицкина Н.В. Биографический метод в политической социологии повседневности // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 373. С. 80 – 83.
6. Дильтей В. Сущность философии / Перев. с нем. М.Е. Цельтера. М.: Интрада, 2001. 160 с.
7. Дёмкина Е.В. Феномен «Опыта» как аспект профессионального воспитания будущих специалистов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2010. №3. С. 31 – 35.

8. Пескова М.Е. Жизненный опыт как категория и элемент воспитательного процесса // Известия ВГПУ. 2008. №4. С. 33 – 39.
9. Ермолаева М.В. Культурно исторический подход к феномену жизненного опыта в старости // Культурно-историческая психология. 2010. №1. С. 112 – 118.
10. Нечаева Е.С. Биографический метод как способ изучения повседневности // Общество: социология, психология, педагогика. 2012. №2. С. 71 – 78.

Sobolev Alexandr Viktorovich, post-graduate student in the Institute for Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadskogo Ave., Moscow, 119571, Russian Federation); project manager in Russian Public Opinion Research Center (VCIOM) (38, Prechistenka St., Moscow, 119034, Russian Federation). E-mail: alexsobolev94@bk.ru

VICE-GOVERNORS FOR INTERNAL POLICY: THE EVOLUTION OF THE INSTITUTE AND ITS CURRENT STATUS

Abstract

The article discusses the features of the institute of Vice-governors for internal policy, historical stages of its development, current status and its position in the Russian political system. The functions, powers and principles of appointment of regional curators of internal policy are revealed in detail. Biographical analysis of the existing Vice-governors for internal policy and senior officials of the regions allowed to assess the quality of the staffing of the studied power institute, to form a matrix of career strategies of its representatives. Based on a comparative analysis of the data obtained with the materials of 2014, trends in the development of the institute of Vice-governors for internal policy were identified.

Keywords: *biographical analysis, comparative analysis, government official, institutions of public administration, internal policy, power institutions, Russia's regions, regional policy, Vice-governors for internal policy.*

References

1. Solov'yov A.I. Politicheskij lider v administrativnoj srede gosudarstvennogo upravleniya, ili «Kto v dome hozyain?» // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2017. №2. P. 60 – 81. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.05>
2. Logunova L.YU. Biograficheskij metod v issledovanii lichnosti: metodologiya i arhitektonika // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sociologicheskie i ekonomicheskie nauki. 2016. № 1. P. 17 – 23.
3. Rozhdestvenskaya E.YU. Biograficheskij metod v sociologii; Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». M.: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2012. 381 p.
4. Lukov V.A., Selivyorstova N.A. O biograficheskom metode i ego primenenii v sociologii molodezhi // Gorizonty gumanitarnogo znaniya. 2015. №4. P. 73 – 80.
5. Plotichkina N.V. Biograficheskij metod v politicheskoy sociologii povsednevnosti // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 373. P. 80 – 83.
6. Dil'tej V. Sushchnost' filosofii / Perev. s nem. M.E. Cel'tera. M.: Intrada, 2001. 160 p.
7. Dyomkina E.V. Fenomen «Opyta» kak aspekt professional'nogo vospitaniya budushchih specialistov // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psihologiya. 2010. №3. P. 31 – 35.
8. Peskova M.E. Zhiznennyj opyt kak kategoriya i element vospitatel'nogo processa // Izvestiya VGPU. 2008. №4. P. 33 – 39.
9. Ermolaeva M.V. Kul'turno istoricheskij podhod k fenomenu zhiznennogo opyta v starosti // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2010. №1. P. 112 – 118.
10. Nechaeva E.S. Biograficheskij metod kak sposob izucheniya povsednevnosti // Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika. 2012. №2. P. 71 – 78.

**КОГНИТИВНЫЙ МОДУС СТРУКТУРНОЙ АРХИТЕКТониКИ
СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ:
ИНДИКАТОРЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ**

Гафиатулина Наталья Халиловна кандидат социологических наук, доцент, докторант кафедры региональной социологии и моделирования социальных процессов Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42). E-mail: gafiatulina@yandex.ru

Аннотация

Данная публикация посвящена рассмотрению индикаторов социологического измерения социального здоровья студенческой молодежи. Когнитивный модус является одним из четырех модусов, разработанных ранее в авторской модели структурной архитектоники социального здоровья студенческой молодежи. Когнитивный модус структурной архитектоники социального здоровья студенческой молодежи презентуется следующими индикаторами: 1) оценка актуальных проблем, 2) социальное и профессиональное самоопределение, 3) самооценка экономического и социального статуса семьи, 4) самооценка здоровья.

Ключевые слова: социальное здоровье, студенческая молодежь, индикаторы социологического измерения, когнитивный модус, оценка актуальных общественных проблем, самоопределение, статус, самооценка, самооценка экономического статуса.

Прикладное социологическое знание подчеркивает важность вопроса о критериях и индикаторах различных социальных процессов и явлений. Необходимость инструментальной оценки изучаемых явлений требует формирования соответствующих индикаторов и количественных показателей. Не является исключением и социальное здоровье как особый феномен социального происхождения, актуальность изучения которого связана: во-первых, с рядом социокультурных травматических вызовов, брошенных обществу в целом, и молодежи, в частности [1]; во-вторых, «важностью придания характеристикам социальности статуса «здоровья» и выведения данного феномена в ряд научно регулируемых объектов» [2, с. 73]; в-третьих, индикативным характером показателей комплексной (триединой) природы здоровья (физического, психического и социального благополучия) для оценки состояния индивидов и различных групп населения¹.

Именно социальное здоровье, по мнению М.В. Морева, наделено комплексным характером и может вполне выступать «индикатором развития всех прочих компонентов здоровья общественно-го, поскольку является показателем уровня адаптации личности к социуму и социума – к существующим условиям и вызовам социальной реальности» [3, с. 23].

Одним из главных требований к разработке индикаторов для социологического измерения тех или иных явлений, социальных процессов и феноменов, является требование, в соответствии с которым индикаторы должны быть связаны с социальными благами и социальными проблемами (по определению С.П. Спиридонова – бедами), которые, в свою очередь, могут быть зафиксированы объективно либо как признаваемые социальными группами факты, либо как оценки (самооценки) и отношения этих групп [4].

Общественный заказ на изучение социального здоровья студенческой молодежи отражает новые реалии и многообразные потребности социума [5]. Социальная сторона здоровья студенческой молодежи выступает важнейшей теоретической практической задачей, областью социологических исследований [6]. Как подчеркивает один из ведущих специалистов в сфере изучения здоровья

¹ World Health Organization. Commission on the Social Determinants of Health. Closing the gap in a generation. WHO, Geneva (2008).

студенческой молодежи И.В. Журавлева, «состояние здоровья студентов как значимой социальной группы нашего общества – это не только показатель существующего социально-экономического и общественного развития страны, но и важный индикатор будущего трудового, экономического, культурного, оборонного потенциала общества» [7, с. 5].

Социальное здоровье студенческой молодежи, с точки зрения В.Л. Гатило, Т.В. Городовой, И.В. Журавлевой, М.В. Морева, Ж.В. Савельевой и др. обладает характеристиками, сопряженными с адаптационными способностями молодого человека к окружающей общественной среде; возможностями самоопределения и самоактуализации; удовлетворенностью материально-экономическими и социальными (учебными, бытовыми, семейными) условиями жизни; оценкой и удовлетворенностью социальным статусом и социально-политической ситуацией [8].

Социальное здоровье находится в определенном соотношении с актуальным знанием об обществе, ценностями общества и личностью, и непосредственно взаимосвязано с социокультурной средой [9].

Российская действительность диктует необходимость исследования не только физического и психического, но и социального благополучия, которое является сложносоставным образованием.

Исходя из сказанного выше, становится очевидным, что одними из многочисленных индикаторов измерения социального здоровья студенческой молодежи являются: оценка актуальных общественных проблем, самоопределение, самооценка.

В одной из наших работ мы представили разработанную нами в рамках социцентристской парадигмы структурную архитектуру социального здоровья молодежи, включающую четыре модуля (структурных составляющих): когнитивный (или познавательный), катектический (или эмоционально-чувственный), эвалюативный (оценочно-ценностный) и конативный (поведенческий) [10].

В рамках данной публикации мы остановимся на рассмотрении когнитивного модуля социального здоровья.

Согласно авторской позиции, когнитивный модуль структурной архитектуры социального здоровья студенческой молодежи презентуется следующими индикаторами: 1) оценка актуальных проблем, 2) социальное и профессиональное самоопределение, 3) самооценка экономического и социального статуса семьи, 4) самооценка здоровья.

Первый индикатор – «оценка актуальных проблем» используется нами в связи с тем, что, с одной стороны, выбор наиболее значимых проблем, с которыми сталкивается студенческая молодежь, позволяет нам очертить круг тех сфер жизнедеятельности, относительно которых она испытывает наибольшие опасения, беспокойства; являются определенным барьером между молодым человеком и благополучной его жизнедеятельностью в социуме. С другой стороны, позволяют показать, какие именно из них нуждаются в изменении, улучшении, требуют особого внимания со стороны соответствующих социальных институтов, т.е. демонстрируют своеобразные проблемы, упущения и недосмотры в реализуемой социальной молодежной политике. При этом актуальное знание имеет свою специфику, опосредованную современной деятельностью на макро- и мезоуровнях и проводимой в отношении студенческой молодежи государственной молодежной политикой.

Следующий индикатор когнитивного модуля – социальное и профессиональное самоопределение, представляется нам весьма важным, поскольку самоопределение выступает как часть механизма социальной интеграции и рассматривается как субъективная форма общественного воспроизводства [11]. Под самоопределением студенческой молодежи подразумевается осознанный выбор молодыми людьми своей профессии, определение собственной позиции, включение молодого человека в образовательно-профессиональную структуру. Самоопределение базируется, с одной стороны, на личностных особенностях, способностях и возможностях; с другой – на требованиях общественно-экономических условий. При этом оценка перспектив профессиональной самореализации студенческой молодежи предполагает профессиональное, трудовое, т.е. социально-статусное самоопределение личности молодого человека в процессе воспроизводства социальной структуры общества.

Как показывают эмпирические исследования, в силу того, что сегодня наблюдается нестабильность социально-экономической ситуации в российском обществе, это создает определенные трудности в профессиональном определении. Молодежь, оценивая актуальные проблемы в стране, затрудняется принять самостоятельное решение в силу «неясности перспектив социального развития общества, материальных трудностей, проблем безработицы и трудоустройства» [12, с. 255].

Следующие два индикатора касаются самооценок экономического и социального статуса семьи и самооценки здоровья. Действительно, учеными установлена связь между социальным

здоровьем и такими параметрами, как: доход семьи, жилищные условия, условия воспитания и обучения молодых людей.

Как показали исследования американских социологов, влияние вышеперечисленных индикаторов на социальное здоровье молодежи значимо. С. Кэлс считает, что влияние экономического положения семьи и жилищных условий очевидно для показателей, характеризующих общественную активность, проведение досуга и общую картину социального здоровья [13].

Самооценка здоровья включает оценивание молодыми людьми своих качеств, способностей, возможностей, осознание жизненной перспективы и перспективы профессиональной самореализации, обозначение трудностей и препятствий для профессиональной самореализации, которые придется преодолевать после окончания вуза, а также осознание своего места среди других людей. Самооценка здоровья, являющаяся для нашего исследования четвертым индикатором когнитивного модуса структурной архитектоники социального здоровья молодежи, представляет собой оценку молодым человеком своего физического, психического состояния и социального самочувствия, а также возможностей собственной личности. Отсюда следует, что самооценка здоровья – интегральный индикатор, заключающий в себе оценку не только наличия или отсутствия симптомов заболевания, но и своих возможностей и качеств, осознания жизненной перспективы, своего места и роли среди других людей в микро-, мезо- и макросоциальном пространстве. И.В. Журавлева подчеркивает, что люди обычно «оценивают свое здоровье с точки зрения возможности выполнять социальные функции и роли» [14, с. 51].

Весомый вклад в социальное здоровье вносит индикатор, который мы определили как самооценка (восприятие) экономического и социального положения семьи. В своем отношении к изучаемому явлению мы исходим из того, что чем выше уровень экономического благосостояния и самого респондента (микроуровень) и социума, в т.ч. и регионального (макро- и мезоуровни), тем более благополучно его социальное здоровье и минимальны риски социального здоровья [15]. Надо заметить, что социально-экономический индикатор, посредством которого мы измеряем уровень социального здоровья и социокультурные риски социального здоровья молодежи, как правило, оценивается с точки зрения тех доходов и реальной покупательской способности, которыми обладает семья молодого человека.

Материально-экономический фактор (покупательская способность семьи) позволяет поддерживать необходимый студенческой молодежи уровень потребления различных товаров и услуг, дефицит которого способен отразиться на жизненной удовлетворенности, социальном настроении и восприятии будущего молодежи, что, в свою очередь, скажется и на социальном здоровье в целом, и найдет свое выражение в формировании социокультурных рисков социального здоровья молодежи.

Уточним, что субъективные оценки уровня экономического благосостояния и социального положения семьи не редуцируются исключительно к подсчету молодым человеком располагаемой семьей дохода, используемых благ и услуг. Основная особенность таких оценок состоит в том, что молодой человек, сравнивая себя с другими группами своего регионального сообщества и общества, в целом, задает определенный масштаб соотнесенности, осуществляет проекцию в координатах социального пространства и времени конкретного сообщества, делает попытку предвосхищения перспективы на когнитивном уровне.

Обратимся к исследованиям Левада-Центра. Так, на вопрос: «Какие из следующих проблем нашего общества тревожат вас больше всего, и вы считаете их самыми острыми?», наибольшее беспокойство респондентов в возрасте от 18 лет указывают на рост бедности, причем в августе 2016г. на этот фактор указало 37% опрошенных, а в августе 2018г. – уже 48%. Озабоченность молодежи фактором бедности повысилась с 47% в 2016г. до 52% – в 2018г. Кроме того, по сравнению с аналогичным периодом 2017 г., «увеличилась частота выбора практически всех проблем, т.е. респонденты, в т.ч. и молодежь, стали чаще, чем в 2017-м г., выражать озабоченность проблемами, связанными с благосостоянием и доходами: ростом цен и безработицы, бедностью, расслоением на богатых и бедных, ростом платности и недоступности образования¹.

В российской науке превалирует мнение, что «негативному демографическому тренду» способствует т.н. саморазрушающееся поведение молодежи, отражающееся на всех сторонах ее здоровья. Такое саморазрушение – это «не в последнюю очередь отражение беспрецедентного социального расслоения, резкого различия семей по уровню жизни», как результат, восприятия молодежью

¹ Опрос ТРЕВОЖАЩИЕ ПРОБЛЕМЫ, 23 – 30 августа 2018 года. Левада - Центр [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2018/09/06/trevozhashhie-problemy/>

социальной действительности как враждебной, «когда рушатся все представления о социальной справедливости» и подрывается доверие к социальным институтам [16, с. 28; 17].

Таким образом, от того, в какой мере «здоровыми» можно оценивать взаимоотношения между социумом, отдельными группами, индивидами – с одной стороны, и государством – с другой; насколько адекватными являются условия для самореализации личности/группы; каким образом общество, социальная группа или индивид воспринимает ситуацию в стране и оценивает ее – именно эти вопросы закладываются сегодня в суть содержания концепта «социальное здоровье» и его когнитивной составляющей.

Когнитивный модус структурной архитектоники социального здоровья молодежи выражает ее мировоззрение, в котором отражаются представления и знания об актуальных проблемах в обществе в целом и о собственном положении в нем. Эти представления и знания оказывают влияние на самоопределение, что, в свою очередь, позволяет молодежи руководствоваться в повседневной жизни и влияет на самооценку и принятие определенных жизненных решений и поведенческие акты.

Литература

1. *Gafiatulina N.Kh., Rachipa A.V., Vorobyev G.A., Kasyanov V.V., Chapurko T.M., Pavlenko I.I., Samygin S.I.* (2018). Socio-political changes as a socio-cultural trauma for the social health of Russian youth // *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 2018. Т. 8. № 5. Р. 602 – 609.
2. *Колпина Л.В.* Социальное здоровье: определение и механизмы влияния на общее здоровье: обзор литературы // *Синергия*. 2017. №2. С. 73 – 81.
3. *Морев М.В.* Угрозы самодостаточности в контексте российских тенденций социального здоровья // *Вестник Тюменского государственного университета*. 2019. Т. 5. №2. С. 20 – 38.
4. *Спиридонов С.П.* Индикаторы качества жизни и методологии их формирования // *Вопросы современной науки и практики*. 2010. №10-12 (31). С. 209.
5. *Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И.* Социальное здоровье студенческой молодежи в условиях кризиса социальной справедливости: вызовы и угрозы безопасности России // *Инженерный вестник Дона*. 2016. №1. Режим доступа: URL: <http://ivdon.ru/ru/magazine/archive/n1y2016/3524>.
6. *Савельева Ж.В.* Социальное здоровье и самочувствие студенчества в аспекте интереса к окружающему миру // *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2018. №5. (34). С. 5 – 54.
7. *Журавлева И.В.* Здоровье студентов: социологический анализ. М., 2014. 272 с.
8. *Гатило В.Л., Городова Т.В.* Социальное здоровье студенческой молодежи: подходы к определению // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. №1 (ч.1) [Эл. ресурс]. Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17259>.
9. *Абишев Э.М.* Социальная ценность здоровья // *Социальные науки и общественное здоровье: теоретические подходы, эмпирические исследования, практические решения. Материалы II Международной научно-практической конференции*. Пенза – М. – Витебск, 2012. С. 6–8.
10. *Гафиатулина Н.Х.* Структурная архитектура состояния социального здоровья российской студенческой молодежи // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2018. №7. С. 24 – 28.
11. *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Риск в сфере образования молодежи: институциональные и саморегуляционные механизмы управления // *Вопросы образования*. 2008. №4. С. 31 – 55.
12. *Бучарская О.А., Невольниченко Н.А.* Исследование профессионального самоопределения в юношеском возрасте // *Молодой ученый*. 2019. №12 (250). С. 254 – 256.
13. *Kals S.V.* Quality of the residential Environment, Health and Well Being // *bull.N.Y. Acad. Med*. 2010. Vol. 66, № 5. Р. 481.
14. *Журавлева И.В.* Отношение к здоровью индивида и общества. Ин-т социологии РАН. М.: Наука, 2006. 238 с.
15. *Гафиатулина Н.Х., Тарасенко Л.В., Самыгин С.И., Елисеева С.Ю.* Социальное здоровье и восприятие рисков студенческой молодежью Юга России (на материалах социологического опроса в г. Ростов-на-Дону) // *Анализ риска здоровью*. 2017. № 4. С. 66 – 75.
16. *Колесова Н.С.* Право на охрану здоровья (социально-правовое исследование): монография. М., 2018. 144 с.
17. *Shakhbanova M.M., Kasyanov V.V., et al.* (2019). The role of trust in the formation of ethnic tolerance and social health in the modern Russian society // *Revista Inclusiones*. 2019. Т. 6. № 2. С. 296 – 305.

Gafiatulina Natalya Halilovna, Candidate of sociological science, associate professor of chair of region sociology and modeling of social processes, Institute of sociology and regional studies; Southern federal university (105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).
E-mail: gafiatulina@yandex.ru

**COGNITIVE MODUS OF STRUCTURAL ARCHITECTONICS OF SOCIAL HEALTH
OF STUDENT YOUTH: INDICATORS OF SOCIOLOGICAL MEASUREMENT**

Abstract

This publication is devoted to the consideration of indicators of the sociological dimension of the social health of students. The cognitive mode is one of four modes developed previously in the author's model of structural architectonics of social health of student youth. The cognitive modus of structural architectonics of social health of student youth is presented by the following indicators: 1) assessment of actual problems, 2) social and professional self-determination, 3) self-assessment of the economic and social status of the family, 4) self-assessment of health.

Keywords: social health, students youth, indicators of the sociological dimension, cognitive mode, assessment of pressing social problems, self-determination, status, self-esteem, self-esteem of economic status.

References

1. Gafiatulina N.Kh., Rachipa A.V., Vorobyev G.A., Kasyanov V.V., Chapurko T.M., Pavlenko I.I., Samygin S.I. (2018). Socio-political changes as a socio-cultural trauma for the social health of Russian youth // *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 2018. T. 8. № 5. P. 602 – 609.
2. Kolpina L.V. Social'noe zdorov'e: opredelenie i mekhanizmy vliyaniya na obshchee zdorov'e: obzor literatury // *Sinergiya*. 2017. №2. P. 73 – 81.
3. Morev M.V. Ugrozy samodostatochnosti v kontekste rossijskikh tendencij social'nogo zdorov'ya // *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019. T. 5. №2. P. 20 – 38.
4. Spiridonov S.P. Indikatory kachestva zhizni i metodologii ih formirovaniya // *Voprosy sovremennoj nauki i praktiki*. 2010. №10-12 (31). P. 209.
5. Gafiatulina N.H., Samygin S.I. Social'noe zdorov'e studencheskoj molodezhi v usloviyah krizisa social'noj spravedlivosti: vyzovy i ugrozy bezopasnosti Rossii // *Inzhenernyj vestnik Dona*. 2016. №1. Rezhim dostupa: URL: <http://ivdon.ru/ru/magazine/archive/n1y2016/3524>.
6. Savel'eva ZH.V. Social'noe zdorov'e i samochuvstvie studenchestva v aspekte interesa k okruzhayushchemu miru // *Kazanskij social'no-gumanitarnyj vestnik*. 2018. №5. (34). P. 5 – 54.
7. ZHuravleva I.V. Zdorov'e studentov: sociologicheskij analiz. M., 2014. 272 p.
8. Gatilo V.L., Gorodova T.V. Social'noe zdorov'e studencheskoj molodezhi: podhody k opredeleniyu // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2015. №1 (ch.1) [El. resurs]. Rezhim dostupa: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17259>.
9. Abishev E.M. Social'naya cennost' zdorov'ya // *Social'nye nauki i obshchestvennoe zdorov'e: teoreticheskie podhody, empiricheskie issledovaniya, prakticheskie resheniya. Materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Penza – M. – Vitebsk, 2012. P. 6–8.
10. Gafiatulina N.H. Strukturnaya arhitektonika sostoyaniya social'nogo zdorov'ya rossijskoj studencheskoj molodezhi // *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 2018. №7. P. 24 – 28.
11. Zubok YU.A., CHuprov V.I. Risk v sfere obrazovaniya molodezhi: institucional'nye i samoregulyacionnye mekhanizmy upravleniya // *Voprosy obrazovaniya*. 2008. №4. P. 31 – 55.
12. Bucharskaya O.A., Nevol'nichenko N.A. Issledovanie professional'nogo samoopredeleniya v yunosheskom vozraste // *Molodoj uchenyj*. 2019. №12 (250). P. 254 – 256.
13. Kals S.V. Quality of the residential Environment, Health and Well Being // *bull.N.Y. Acad. Med*. 2010. Vol. 66, № 5. P. 481.
14. ZHuravleva I.V. Otnoshenie k zdorov'yu individov i obshchestva. In: *t sociologii RAN*. M.: Nauka, 2006. 238 p.
15. Gafiatulina N.H., Tarasenko L.V., Samygin S.I., Eliseeva S.YU. Social'noe zdorov'e i vospriyatие riskov studencheskoj molodezhi YUGA Rossii (na materialah sociologicheskogo oprosa v g. Rostov-na-Donu) // *Analiz riska zdorov'yu*. 2017. № 4. P. 66 – 75.
16. Kolesova N.S. Pravo na ohranu zdorov'ya (social'no-pravovoe issledovanie): monografiya. M., 2018. 144 p.
17. Shakhbanova M.M., Kasyanov V.V., et al. (2019). The role of trust in the formation of ethnic tolerance and social health in the modern Russian society // *Revista Inclusiones*. 2019. T. 6. № 2. P. 296 – 305.

**МЕДИАЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ
АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ**

Лилухин Андрей Михайлович	кандидат социологических наук, доцент, Ростовский государственный медицинский университет (344022, Россия, г. Ростов-на-Дону, пер. Нахичеванский, 29). E-mail: econandsociologyRostGMU@yandex.ru
Баблюян Наталия Валериевна	кандидат социологических наук, доцент, Ростовский государственный медицинский университет (344022, Россия, г. Ростов-на-Дону, пер. Нахичеванский, 29). E-mail: econandsociologyRostGMU@yandex.ru
Лебедева Диана Семеновна	магистрант, Кубанский государственный университет (350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149). E-mail: econandsociologyRostGMU@yandex.ru

Аннотация

В рамках гуманитарных наук бытует общая дефиниция аддиктивного поведения личности, определяющая его как стремление к уходу от реальности посредством изменения своего психического состояния с помощью материальных либо нематериальных средств. Согласно данным ряда социологических исследований, основным актором данной формы поведения является молодежь как социальная общность. Это обусловлено тем, что зачастую ее ролевые и статусные ожидания не могут быть удовлетворены с помощью имеющихся в распоряжении социально-экономических ресурсов. Именно нехватка данных ресурсов для удовлетворения потребностей толкает молодых людей выделить референтную для каждой социальной группы потребность и всеми силами стремиться ее удовлетворить. Причем зачастую любыми способами и любой ценой. В данном процессе у представителей молодежи выделяются определенные поведенческие стандарты, которые в ряде моментов характерны стремлением к деструктивным с точки зрения социальных норм методам удовлетворения насущных потребностей как способа социальной адаптации в группе. Следовательно, в рамках социологии аддиктивное поведение понимается как специфический вид девиантного поведения. Задачей нашего исследования является актуализация данного понятия и выявление факторов возникновения аддикции в молодежной среде.

Ключевые слова: *девиантное поведение, аддикция, молодежь, общество потребления, реклама, потребительские практики, референтное поведение, доверие к рекламе, создание новой мотивации.*

В настоящее время все большую важность приобретают проблемы зависимого (аддиктивного) поведения в контексте девиантного поведения. В связи с недостаточной разработанностью данной тематики мы провели исследование этого явления.

В современной нам российской социологии аддиктивное поведение понимают как одну из форм девиантного поведения с формированием стремления к уходу от реальности, связанного со злоупотреблением чем-то или кем-то в целях саморегуляции или адаптации путем искусственного изменения своего психосоциального состояния, что дает аддиктам иллюзию безопасности, восстановления равновесия [1]. То есть данный вид поведения направлен на удовлетворение своих внутренних или внешнегрупповых запросов путем формирования зависимого поведения.

Следует отметить, что, как правило, аддиктивное поведение не несет в себе черты общественно опасного, и основная часть деструктива направлена исключительно на его носителя. Это и служит основным социологическим критерием выделения аддиктивного поведения из более широкой категории девиантного поведения. Именно вследствие кажущейся безвредности и незначительности для социума данного рода поведения большинство социологов не придают большого значения аддиктивным зависимостям и отдают эту область знания на изучение психологии и социальной психологии.

Как правило, при изучении аддиктивного поведения большинство авторов рассматривают его с точки зрения деструкции. Но маркируя данный социальный феномен как нечто деструктивное, разрушительное, девиантное, и в ряде моментов может быть и делинквентное, мы выходим на проблему определения границ его происхождения. Без этого крайне затруднительно определить

саму сущность аддиктивного поведения, так как с одной стороны оно концентрирует в себе все основные виды отклоняющегося поведения в целом, а с другой – феномен аддикции служит составным элементом социального поведения индивидов и групп. При этом отмечается неумение современной молодежи распоряжаться своим свободным временем, противостоять многочисленным соблазнам и в целом организовывать свое жизненное пространство [2]. На основании этого рядом авторов делается вывод, что к аддиктивному поведению, как правило, склонны люди социально и психологически незрелые и склонные к инфантилизму.

Кроме этого, аддиктивное поведение помимо злоупотребления различными фармакологическими веществами (например, алкоголь, табакокурение, экстази), которые изменяют психическое состояние человека, включает в себя и ряд нематериальных зависимостей, влияющих на социальное поведение. Изучая данный феномен с точки зрения социологии, нас прежде всего интересуют социальные факторы, вызывающие аддикцию. Для приращения социального знания необходимо это всенепременно учитывать.

Для понимания феномена аддиктивного поведения молодежи необходимо выделить определяющие факторы, влияющие на его возникновение и функционирование, а также актуализировать основные мотивы возникновения аддиктивного поведения у молодежи. В рамках выполнения данного исследования мы решили остановиться на следующих моментах, которые детально описаны ниже.

Согласно рамкам обыденного сознания, термин «комфорт» (от англ. comfort) означает «совокупность бытовых удобств, благоустроенность и уют жилищ, общественных учреждений, средств сообщения и т.п. Душевный комфорт – состояние внутреннего спокойствия, отсутствие разлада с собой и окружающим миром» [3]. Тяга к душевному и социальному комфорту – это конструктивное состояние, пожалуй, любого человека в социуме, когда оно развивается посредством реализации исследовательского интереса, занятий спортом, проявлением дружеских чувств к другим людям и др. Потребность в комфорте объективно присуща всем нам. Но на первый план выходят стратегии, с помощью которых мы удовлетворяем данную объективную потребность, то есть способы достижения данного состояния могут быть различными. Рассмотрим те случаи, когда тяга к комфорту оборачивается аддиктивной зависимостью.

При аддиктивном поведении тяга к комфорту означает искусственное психологическое либо социальное ограничение способов его достижения, то есть «зацикливание», выражающееся в чрезмерной концентрации внимания и усилия исключительно на одном из них, референтном для данного индивида и/или группы. При этом осознанно или неосознанно отрицаются альтернативные пути обретения искомого состояния. Однако ряд социологических исследований указывает на то, что чаще всего направленность в молодежной среде потребительских практик, формирующих аддиктивное поведение, имеет по сути гедонистическое начало и формируется в основном на субъективной основе. Во главу угла ставится сам процесс удовольствия, а не рациональные способы его достижения, что может привести индивида к деструктивным последствиям. Объяснением этому отчасти может служить господство потребительских практик в молодежной среде и определенного «карго-культ» поведения.

Так, в основании аддиктивного поведения молодежи в рамках функционирующего на современном этапе потребительского общества имеет место быть компенсация внутренней неуверенности, вызванной недостаточной с точки зрения индивида кристаллизацией в рамках социальной группы/общности, которая, в свою очередь, может быть достигнута форсированной адаптацией в социальной группе, безотносительно ее социальной направленности. По сути, индивид пытается мимикрировать в рамках своей или референтной ему социальной группы посредством некоего социального подражания, зачастую имеющего под собой аддиктивное начало. Иногда это вызывается объективной необходимостью, но чаще молодежь, «зацикливаясь», выбирает самый простой для них путь достижения признания и самоутверждения. По данным социологических исследований, мнение сокурсников или сослуживцев (97%) не является определяющим для студентов вузов [4]. Соответственно, в ряде случаев и коллектив по месту работы не является референтной группой. То есть можно сделать вывод о том, что именно тесные неформальные связи в большинстве случаев являются проводниками аддиктивного поведения.

Так как полноценная социальная адаптация в рамках потребительского общества диктует необходимость потребления определенных товаров и услуг, референтных данной группе (так называемых вещей-знаков), то и дальнейшее функционирование молодежи в рамках группы будет коррелироваться от предпочтений других членов группы.

Индивид становится по сути несвободным в своем выборе и отныне вынужден соотносить свои желания с желаниями группы. Исходя из этого, можно отметить, что необходимым маркером

потребительского поведения и, как следствие, социализации молодежи является навязчивый стимул к потреблению вещей-знаков и, как следствие, перманентное экстенсивное развитие потребительских практик.

Навязчивое и регулярное потребление индивидом данных товаров и услуг способствует сближению человека с референтной социальной группой. По мере все более частого и общего использования референтных вещей-знаков во время совместно проведенного времени создается чувство приобщения к неким значимым для индивида социальным кругам и ценностям. Следовательно, перманентное удовлетворение определенных свойственных данной группе потребностей на деле приводит к формированию у индивида новых мировоззренческих позиций, коррелируемых со взглядом референтной группы. Индивид становится «своим» в данной группе, но отныне его желания и практики потребления должны соотноситься с желаниями и практиками группы.

Если же этого не происходит, то скорее всего индивида, по какой-то причине не соответствующего социальным ожиданиям и демонстрирующего нонконформистское по отношению к группе поведение, ждет социальная изоляция. В свою очередь, регулярная неспособность обрести признание и авторитет в группе, и, следовательно, совместно претворять в жизнь нормы и правила, принятые в данной социальной структуре потребительской социализации, приводит к деструктивным последствиям, среди которых могут быть депривация, акты агрессии, депрессия и даже суицид.

Основными проводниками потребительской социализации являются средства массовой информации и электронные «масс-медиа», посредством которых у молодежи формируются новые практики потребления и внушается острая необходимость их немедленного удовлетворения. Основным инструментом здесь, как правило, выступает реклама. Именно ее влияние на формирование стратегии и практики молодежи мы хотим изучить в нашей работе. В связи с этим мы должны рассмотреть социологические исследования, описывающие влияние рекламы на потребительские практики молодежи.

Реклама – это неотъемлемая часть современного общества. С образцами рекламы регулярно встречается каждый индивид в социуме. Главная цель рекламы состоит в формировании функции устойчивого спроса на рекламируемый товар/услугу с помощью рыночных инструментов. Сама сущность рекламы состоит в навязывании индивидам определенных стереотипов потребительского поведения и формированию образа референтной группы, к которой каждый должен стремиться. При этом у индивида при удовлетворении потребительских практик посредством потребления рекламируемого продукта появляется чувство якобы элитарности и сопричастности к когорте «избранных». На деле же это приводит к противоположному результату – появлению новых стандартов потребления и поведения, ибо реклама нацелена именно на массовость, а не на формирование индивидуального вкуса и предпочтения. Отсюда и формирование ложного чувства «своего выбора» – как правило, при следовании потребительским практикам, формируемых и навязываемых посредством рекламы, право выбора конечному потребителю не принадлежит, так как производители рекламы уже сделали выбор за него. Все это приводит к чувству «ложной свободы» и формированию аддиктивного поведения.

Из-за ряда специфических социальных факторов именно представители молодежи наиболее восприимчивы к влиянию вышеописанных воздействий.

Если с начала XXI века отношение к рекламе было весьма лояльным, то с 2009 года социологи диагностировали весьма противоречивое отношение молодежи к ней. С одной стороны, молодые люди характеризуют рекламу как неотъемлемую часть функционирующего сейчас рыночного общества, а, с другой стороны, считают, что она несет в себе навязчивую и зачастую искаженную информацию, так как является инструментом реализации товаров и услуг. Исходя из этого, «90,7 % студенческой молодежи города Пензы считали рекламу необходимым средством презентации коммерческих фирм и компаний.

Среди нейтрально относящихся к трансляции рекламы в средствах массовой информации было 48 % респондентов, а положительно ее оценивало 29,3 % молодых людей. Более трети опрошенных (41,3 %) считали ее вредной для психики и здоровья, 20 % оценили свое отношение к рекламе как негативное» [5]. Соответственно у «64,3 % респондентов трансляция рекламных роликов вызывает негативную реакцию, а 44,7 % опрошенных переключают канал на время рекламы, и только 3% с интересом смотрят информацию о предлагаемых товарах и услугах. Большинство молодых людей отрицает влияние рекламы на свое потребительское поведение, полагая, что при покупке товаров осуществляют свой собственный выбор (77,3%)» [5].

По данным социологических исследований, в столице картина немного меняется. В среднем «60% тинэйджеров и «золотой середины» молодежи при покупке ориентируются на оформление и внешний вид товара или услуги, 66% из них покупают рекламируемые товары.

Почти 80% детей и молодежи нравится смешная реклама, 70% молодежи 16-25 лет предпочитают читать красочные издания с цветными фотографиями» [6]. То есть подозрительная реакция молодежи к рекламным продуктам также имеет место быть, но с другой стороны оно уже не столь сильно антагонистично и базируется на следующем логическом допущении – как и следует активным потребителям, молодые люди обязаны на своем опыте почувствовать декларируемые в рекламных роликах свойства товара.

В наше время мы видим более лояльную реакцию молодежи на рекламу. Так, «одна пятая часть студентов города Ульяновска (22%) считают рекламу составной частью современной информационной среды. Реклама не вызывает у них раздражение или же, наоборот, чем очень важным и ценным, а воспринимается как привычное явление, без которого немисливо современное общество. Из них (30 %) используют рекламу, как канал получения необходимой информации о товарах и услугах, хотя половина опрошенных (48%) признает, что реклама является способом воздействия на сознание в интересах производителей» [7].

В плане выбора молодежью рекламы определенных видов благ также есть интересные моменты. В 2009 году самым популярным рекламным товаром молодежь считала «косметику (27,7 %), продукты питания (11,7 %), услуги мобильной связи (10,7 %), автомобиль (10,3 %), одежда, обувь (9 %)» [5].

В настоящее время косметика сохраняет свой приоритет в рекламе - 64%, а далее следуют «прохладительные напитки - 58%, бытовая химия - 48%, средства личной гигиены - 40%» [6]. Выбор именно данных рекламных предпочтений может быть объяснен тягой к удовлетворению наиболее актуальных потребностей молодежи. Но в ряде примеров (в частности, с вышеописанной косметикой) мы видим серьезное влияние рекламы.

Исходя из вышеизложенного, мы видим, что социологи, работающие над проблемой определения влияния рекламы на потребительские практики молодежи, преимущественно акцентируют взгляд на мнение данной социальной группы относительно тех характеристик товара, о которых говорится в рекламе, что в итоге и диктует потребность к его приобретению. Но далеко не всегда этот товар является действительно нужен индивиду, а не является навязанным ему путем группового давления и угрозой своему положению в принимающей группе.

Индивиды, склонные к аддиктивному поведению, в процессе приобретения товаров более ориентированы на групповые ожидания, нежели на объективную потребность в нем. То есть, данные блага выступают некими маркерами этого виртуального мира, которые в теории могут помочь сотворить комфортное эмоциональное состояние. Но индивид оказывается в плену «ложной свободы», когда каждая его потребительская практика должна коррелироваться с практикой той группы, членом которой он является.

Литература

1. Чернобровкина Н.И. Теоретическое расширение понятия социального контроля: от конформизма к инструментализму // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 7. С. 153 – 155.
2. Купцова С.А. Профилактика аддиктивного поведения учащихся в условиях образовательных учреждений // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2019. № 2 (февраль). С. 90 – 100. – URL: <http://e-koncept.ru/2019/191016.htm>.
3. Словарь иностранных слов (отв.ред. В.В. Бурцева, Н.М. Семенова). М.: Дрофа, 2009. 327 с.
4. Красова Е.Ю. Потребительские практики воронежских студентов (социологическая зарисовка) // Вестник ВГУ. Серия: История, политология, социология. 2015. № 2. С. 36 – 44.
5. Афанасьева Ю.Л. Влияние рекламы на потребительское поведение молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2009. № 1 (9). С. 44 – 51.
6. Батухтина Д. Какую рекламу нужно делать для молодежи? Исследование воздействия рекламы на ценностные ориентиры молодежи. Электронный ресурс: <http://www.advlab.ru/articles/article602.html> (Дата обращения: 20.01.2020)
7. Илямакова Е.А. Влияние рекламы на студенческую молодежь Электронный ресурс: https://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2014/10/21/ilyamakova_e.a._ulyanovsk_vliyanie_reklamy_na_studencheskuyu_molodezh.docx (Дата обращения: 20.01.2020)

Lilyukhin Andrey Mikhailovich, candidate of sociological Sciences, associate professor, Rostov state medical University (29, Nakhichevan lane, Rostov-on-Don, 344022, Russian Federation).

E-mail: econandsociologyRostGMU@yandex.ru

Babloyan Natalia Valerievna, candidate of sociological Sciences, associate professor, Rostov state medical University (29, Nakhichevan lane, Rostov-on-Don, 344022, Russian Federation).

E-mail: econandsociologyRostGMU@yandex.ru

Lebedeva Diana Semenovna, master's student, Kuban state University (149, Stavropolskaya str., Krasnodar, 350040, Russian Federation). E-mail: econandsociologyRostGMU@yandex.ru

MEDIALOGICAL FACTORS OF OCCURRENCE OF ADDICTIVE BEHAVIOR IN THE YOUTH ENVIRONMENT

Abstract

Within the framework of the Humanities, there is a General definition of addictive behavior of the individual, which defines it as the desire to escape from reality by changing their mental state with the help of material or non-material means. According to a number of sociological studies, the main actor of this form of behavior is the youth as a social community. This is due to the fact that often its role and status expectations cannot be met with the help of available socio-economic resources. It is the lack of these resources to meet the needs that pushes young people to identify the reference need for each social group and strive to meet it in every way. And often by any means and at any cost. In this process, certain behavioral standards are identified among young people, which in some moments are characterized by a desire for methods that are destructive from the point of view of social norms to meet urgent needs as a way of social adaptation in the group. Hence, in sociology, addictive behavior is understood as a specific type of deviant behavior. The task of our research is to update this concept and identify the factors of addiction in the youth environment.

Keywords: deviant behavior, addiction, youth, consumer society, advertising, consumer practices, reference behavior, trust in advertising, creating a new motivation.

References

1. CHernobrovkina N.I. Teoreticheskoe rasshirenie ponyatiya social'nogo kontrolya: ot konformizma k instrumentalizmu // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2012. № 7. P. 153 – 155.
2. Kupcova S.A. Profilaktika addiktivnogo povedeniya uchashchihsya v usloviyah obrazovatel'nyh uchrezhdenij // Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Koncept». 2019. № 2 (fevral'). S. 90 – 100. – URL: <http://e-koncept.ru/2019/191016.htm>.
3. Slovar' inostrannyh slov (otv.red. V.V. Burceva, N.M. Semenova). M.: Drofa, 2009. 327 p.
4. Krasova E.YU. Potrebitel'skie praktiki voronezhskih studentov (sociologicheskaya zarisovka) // Vestnik VGU. Seriya: Istoriya, politologiya, sociologiya. 2015. № 2. P. 36 – 44.
5. Afanas'eva YU.L. Vliyanie reklamy na potrebitel'skoe povedenie molodezhi // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki. 2009. № 1 (9). P. 44 – 51.
6. Batuhtina D. Kakuyu reklamu nuzhno delat' dlya molodezhi? Issledovanie vozdeystviya reklamy na cennostnye orientiry molodezhi. Elektronnyj resurs: <http://www.advlab.ru/articles/article602.html> (Data obrashcheniya: 20.01.2020)
7. Ilyamakova E.A. Vliyanie reklamy na studencheskuyu molodezh' Elektronnyj resurs: https://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2014/10/21/ilyamakova_e.a._ulyanovsk_vliyanie_reklamy_na_studencheskuyu_molodezh.docx (Data obrashcheniya: 20.01.2020)

**МНОГОУРОВНЕВАЯ СИСТЕМА ОРГАНИЗАЦИИ
ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ
В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Пономарев Игорь Евгеньевич кандидат социологических наук, профессор,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
(344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69).
E-mail: ponomarev.igor54@gmail.com

Тютюнников Виктор Иванович старший преподаватель, Институт физической культуры и спорта,
кафедра физического воспитания и спорта, Донской государственный
технический университет (344000, Россия, г. Ростов-на-Дону,
пл. Гагарина, 1). E-mail: viktorivanovich@gmail.com

Аннотация

Данная статья посвящена проблеме организации физического воспитания молодежи в контексте реализации здоровьесберегающих технологий. Авторы статьи считают, что физическое воспитание – это одна из тех социально-культурных сфер, в рамках которой существует возможность решения множества социальных задач, в особенности, задачи здоровьесбережения молодежи. В работе особый акцент делается на трех уровнях организации физического воспитания молодежи: макросоциальном (государственном), мезосоциальном (региональном), а также микросоциальном (когнитивно-ценностном и поведенческом).

Ключевые слова: физическая культура, физическое воспитание, спорт, физкультурно-оздоровительная работа, уровни системы организации физического воспитания, здоровый образ жизни, здоровьесберегающие технологии, физкультурно-оздоровительные технологии, молодежь.

Здоровье выступает в качестве одной из основных ценностей в иерархии ценностных ориентаций человека [1, с. 11]. Несмотря на данный неоспоримый факт, нельзя не заметить, что в настоящее время зафиксировано критическое состояние данного показателя в российском обществе, также отмечен низкий уровень культуры здоровья [2]. Статистические данные и результаты многих эмпирических исследований о состоянии здоровья российского общества указывают на необходимость поиска причин данной негативной тенденции и стратегий, направленных на повышение уровня здоровья населения России.

Нельзя переоценить актуальность данной проблемы для развития благополучного общества – об этом свидетельствует широкий спектр направлений социогуманитарного знания, в рамках которых работают ученые в области здоровья. Активно исследуется феномен «культура здоровья» как одна из главных составных частей культуры общества, которая необходима для преодоления факторов риска и поиска механизмов воспроизводства здоровья как ресурса социального развития [3]. Особое внимание уделяется здоровью молодежи, в частности студенческой молодежи, выступающей носителем большого интеллектуального потенциала. В рамках данного направления исследования особый интерес вызывают работы, в которых обосновывается важность социального здоровья в студенческой молодежной среде как одного из основных факторов, способствующих успешному процессу социализации [4,5].

Также исследователи отмечают тот факт, что одним из эффективных средств развития здоровья молодежи выступает физическое воспитание и спорт, так как в настоящее время идет массовое привлечение молодежи к формам активного образа жизни, физкультурной и спортивной деятельности [6,7]. Важное место в исследованиях здоровья молодежи занимает рассмотрение здоровьесберегающих технологий в образовательном процессе, где важно соблюдать гармоничное и слаженное взаимодействие образовательной среды и студентов как основного субъекта образования [8, 9].

Как мы видим, в научной литературе широко изучается проблема здоровья и здоровьесбережения населения России: активно исследуются вопросы, затрагивающие культуру здоровья, подчеркивается значимость для российского общества социального здоровья молодежи, рассматривается роль здоровьесберегающих технологий в образовательном процессе [10]. Несмотря на многоплановость научных исследований интересующего нас предметного поля, возникает мысль о том, что в социологической литературе недостаточно раскрыт вопрос об уровнях системы физического воспитания молодежи в контексте реализации здоровьесберегающих технологий.

Цель данной статьи – рассмотреть уровни организации системы физического воспитания молодежи в контексте реализации здоровьесберегающих технологий.

На наш взгляд, система физического воспитания молодежи должна проходить на трех уровнях: на уровне макросоциальной среды (государственном, федеральном), на уровне мезосоциальной среды (региональном), а также на уровне микросоциальной среды. Важную роль в этом направлении играет использование современных здоровьесберегающих технологий, а также просветительская работа в молодежной среде в целях повышения ее информированности о необходимости ответственного отношения к собственному здоровью.

Прежде чем вести речь о многоуровневой системе организации физического воспитания молодежи, необходимо остановить взор на категории физического воспитания и понятии «здоровьесберегающие технологии».

Физическое воспитание – это одна из тех социально-культурных сфер, в рамках которой существует возможность решения разных социальных задач. В концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года указана значимая роль физической культуры и спорта в развитии человеческого потенциала России, стабилизации демографической обстановки и снижении смертности граждан в трудоспособном возрасте¹. В связи с этим, перед государством стоит важная задача, которая заключается в создании комфортных условий для занятия спортом, популяризации спорта в молодежной среде, повышении конкурентоспособности российского спорта на мировом уровне. В Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года обозначены основные целевые ориентиры, которые поспособствуют повышению здоровья нации: увеличение доли обучающихся и студентов, систематически занимающихся физической культурой и спортом, активное развитие спортивно-зрелищной индустрии и спортивной промышленности, обеспечение доступности спортивных и физкультурно-оздоровительных услуг². Для реализации задач, обозначенных в Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации, необходимо внедрение здоровьесберегающих технологий в жизнь населения России, особенно в жизнь молодежи.

Под здоровьесберегающими технологиями в данной работе мы понимаем комплекс мер, включающая взаимосвязь и взаимодействие всех факторов социальной среды, направленных на сохранение и укрепление здоровья человека на всех этапах его развития [8]. Данный комплекс мер включает в себя оздоровительные, образовательные, педагогические и прочие методы физического воспитания, с помощью которых возможно достижение поставленных целей [11, с. 110].

Для того чтобы понять, каким образом реализуется в российском обществе комплекс мер, направленных на сохранение и укрепление здоровья молодежи на всех этапах ее развития, мы остановимся на рассмотрении многоуровневой системы организации физического воспитания.

Первым уровнем является уровень макросоциальной среды, позволяющий раскрыть роль государства в плане разработки качественной нормативно-правовой базы, направленной на развитие физической культуры и спорта и популяризацию здоровьесбережения среди молодежи.

Опираясь на цели и задачи, обозначенные в Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года, в России реализуется федеральная целевая программа «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2016-2020 годы»³. В рамках данной целевой программы в 2019 году была произведена реконструкция двух объектов: ФГБУ «Южный федеральный центр спортивной подготовки», г. Сочи, Краснодарский край и объектов спортивной базы в г. Кисловодске. Помимо этого, были произведены работы в ФГБОУ ВО «Чурапчинский государственный институт физической культуры и спорта», с. Чурапча, Республика Саха (Якутия) – строительство общежития студентов ЧГИФКиС на 200 мест со столовой на 100 посадочных мест.

Также был разработан сводов правил по строительству спортивных сооружений и государственные стандарты на спортивное оборудование и инвентарь. Была произведена закупка

¹ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Официальный портал Правительства России. URL: <http://government.ru/info/6217> (Дата обращения: 25.01.2020 г.)

² Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года. Официальный портал Министерства спорта РФ URL: <https://www.minsport.gov.ru/activities/federal-programs/2/26363/> (Дата обращения: 25.01.2020 г.)

³ О федеральной целевой программе «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2016-2020 годы» (с изменениями на 18 июня 2019 года). Постановление Правительства от 21 января 2015 года № 30. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420248844>

искусственных покрытий для футбольных полей для спортивных детско-юношеских школ и закупка спортивного оборудования для спортивных детско-юношеских школ олимпийского резерва.

Наряду с ФЦП «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2016-2020 годы», которая, как мы видим закончит свою деятельность в нынешнем году, начал свою реализацию проект «Спорт – норма жизни» – это часть национального проекта «Демография»¹. Целью данного проекта является увеличение доли населения, по большей части молодого, регулярно занимающихся физической культурой и спортом путем мотивации населения, активизации спортивно-массовой работы на всех уровнях и в корпоративной среде, в том числе вовлечения в подготовку и выполнение нормативов Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне».

Программы социального здоровьесбережения, реализуемые на федеральном (государственном) макроуровне, активно поддерживаются регионами (на мезосоциальном уровне). В частности, стоит отметить, что сейчас стало очень популярно принимать участие в забегах или марафонах: зимний марафон «Дорога жизни» (г. Санкт-Петербург), пробег «Ростовское кольцо» (г. Ростов-на-Дону), Донской марафон (г. Ростов-на-Дону), Гонка Героев (проходит во многих городах России).

При этом Ростовская область активно начала осуществлять региональный проект «Спорт – норма жизни». Для молодых людей особой значимостью обладает то, что Ростовская область в 2020 году примет Спартакиаду учащихся России 2020 г. Проведение соревнований по 23 дисциплинам, а также официальные церемонии открытия и закрытия Спартакиады назначены на лето 2020 года. Финалы соревнований пройдут в Ростове-на-Дону, Таганроге и Азовском районе. В Ростове-на-Дону пройдут финальные соревнования по акробатическому рок-н-роллу, брейкингу, баскетболу (юноши и девушки), велосипедному спорту на шоссе, треке и маунтинбайку, гандболу (девушки), гребле на байдарках и каноэ, академической гребле, настольному теннису, пляжному волейболу, синхронному плаванию, современному пятиборью, греко-римской борьбе, стендовой стрельбе и триатлону. В Таганроге состоятся финалы по гандболу (юноши), парусному спорту, тхэквондо (ВТФ) и стрельбе из лука. В селе Кулешовка Азовского района пройдут финалы Спартакиады по хоккею на траве (юноши, девушки).

В целом, на основе проведенного анализа на макро- и мезосоциальном уровнях, очевидно, что система организации физического воспитания российской молодежи в контексте реализации здоровьесберегающих технологий является весьма эффективной. Об этом свидетельствуют и данные эмпирических исследований: так, в настоящее время доля россиян, занимающихся спортом с той или иной периодичностью, выросла с 38% в 2006г. до 60% в 2018г. Наиболее активно занимаются спортом (ежедневно/почти ежедневно) 18-24-летние респонденты (23%). Самый популярный вид спорта среди молодых россиян – легкая атлетика, в том числе бег и спортивная ходьба: чаще других на беговую дорожку выходят молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет (59%)².

А каким же образом, может строиться система организации физического воспитания молодежи на микросоциальном уровне?

Микросредовой уровень предусматривает «особые жизненные обстоятельства», определяющие сознание и поведение молодежи [12, с. 31]. В этой связи, на наш взгляд, микросоциальный уровень организации системы физического воспитания молодых людей в контексте здоровьесберегающих технологий должен реализовываться на двух основных подуровнях: когнитивно-ценностном и поведенческом. На когнитивно-ценностном уровне молодежь должна получить знания о физкультурно-оздоровительных технологиях, здоровье как терминальной ценности человека, а также понять, что представляет собой здоровый образ жизни. А уже на поведенческом уровне будет происходить непосредственное применение полученных знаний в рамках социальных практик молодежи. На когнитивно-ценностном и поведенческом уровнях непосредственными акторами процесса формирования системы физического воспитания для молодых людей является также государство, образование, семья, СМИ и сами молодые люди.

Конечно, нельзя упустить роль образования в процессе формирования системы физического воспитания для молодых людей. В образовательном процессе, будь то система среднего общего образования или высшего образования, необходимо наличие в учебных планах дисциплин по физическому воспитанию. Включая данные дисциплины в учебный процесс в контексте реализации здоровьесберегающих технологий, требуется соблюдать такие правила, как: учитывать особенности

¹ Федеральный проект «Спорт – норма жизни» [Электронный ресурс] // <https://norma.sport/about/> (Дата обращения: 26.01.2020)

² Спортивная Россия: быстрее, выше, сильнее. Опрос ВЦИОМ от 28 августа 2018 г. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9272>

обучающихся; преподавателю необходимо ознакомиться с результатами медицинских осмотров; осваивая учебный материал, обучающиеся не должны испытывать сильную физическую и эмоциональную нагрузку; необходимо поддерживать в учебных группах благоприятный социально-психологический климат.

Конечно, перечисленные нами акторы, участвующие в процессе формирования системы физического воспитания молодежи в контексте реализации здоровьесберегающих технологий, обладают высокой значимостью, но без активного участия самих молодых людей в организации данной системы, она не будет являться эффективной. Молодым людям необходимо целенаправленно пополнять знания о здоровье, здоровьесберегающих и физкультурно-оздоровительных технологиях, понимать, какие факторы могут нанести вред здоровью, быть активными участниками программ, которые реализуются на всех макросоциальном и мезосоциальном уровнях среды.

Итак, для решения задач по улучшению показателей здоровья молодежи, внедрения здоровьесберегающих технологий необходимо создание многоуровневой системы организации физического воспитания с учетом макро-, мезо- и микросоциального уровней среды. Активная работа, проводимая на уровне государства и регионов, работа с семьей и самими молодыми людьми на микросоциальном уровне (с учетом когнитивно-ценностного и поведенческого подуровней) позволит обеспечить наиболее благоприятный режим физического воспитания российской молодежи в реализации здоровьесбережения нации.

Литература

1. О чем мечтают россияне (размышления социологов). Аналитический доклад. М.: ИС РАН, 2012. 181 с.
2. Жук С.С., Стуканова И.П. Здоровье россиян как показатель качества человеческих ресурсов // Стандарты и качество. 2018. № 8. С. 86 – 88.
3. Переверзева Э.В., Филиппова С.Н., Белых С.И. Здоровый образ жизни как проявление культуры здоровья человека // Вестник Российской международной академии туризма. 2016. № 3. С. 129.
4. Гафиатулина Н.Х. Здоровье как ценность в среде учащейся молодежи. Ростов-на-Дону: РАС ЮРГУЭС, 2009. 166 с.
5. Ponomarev I.E., Gafiatulina N.K., Zritineva E.I., Kasyanov V.V., Bahutashyili T.V., Ponomarev P.A. The influence of social justice crisis on social health and spiritual security of young students (a case study of the south of Russia). International Journal of Applied Exercise Physiology. 2019. Т. 8. № 2.1. С. 250 – 257.
6. Пономарев И.Е., Ляшко Г.И. Спорт в среде студенческой молодежи как компонент физической культуры и фактор подготовки спортсменов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. №4. С. 50 – 53.
7. Куликова Н.А., Плетцер С.В., Якуткина И.В. Физическая культура в жизни студенческой молодежи // Наука-2020. 2019. № 4 (29). С. 11 – 19.
8. Ивахненко Г.А. Здоровьесберегающие технологии в российских вузах // Вестник института социологии. 2013. № 6. С. 100 – 111.
9. Формирование заинтересованности у студентов технического вуза к занятиям физической культурой / Е.А. Мальгинова [и др.] // Успехи современного естествознания. 2012. № 5. С. 101 – 102.
10. Gafiatulina N.K., Makadey L.I., Gluzman I.V., Lozhechkina A.D., Volkova L.A., Bandurin A.P. The role of health-saving technologies in the process of students educational and professional socialization. EurAsian Journal of BioSciences. 2019. Т. 13. № 2. С. 1557 – 1563.
11. Должикова Х.В., Лобачев Г.А. Здоровьесберегающие технологии. Тюмень. Изд-во: «Вектор Бук». 2017. С. 110 – 113.
12. Тезаурус социологии: тематический словарь-справочник / под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2009. 487 с.

Ponomarev Igor Evgenyevich, candidate of sociology, professor, Rostov State University of Economics (RINH) (69, Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).
E-mail: ponomarev.igor54@gmail.com

Tyutyunnikov Viktor Ivanovich, Senior Lecturer, Institute of Physical Culture and Sports, Department of Physical Education and Sports, Donskoy State Technical University (DSTU), (1, Gagarina Sq., Rostov-on-Don, 344000, Russian Federation). E-mail: viktorivanovich@gmail.com

**MULTILEVEL SYSTEM FOR ORGANIZING THE PHYSICAL EDUCATION
OF YOUTH IN THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION
OF HEALTH-SAVING TECHNOLOGIES**

Abstract

This article is devoted to the problem of organizing a healthy lifestyle. The authors of the article believe that physical education is an opportunity to solve various social problems. The authors of the article believe that physical education is one of those socio-cultural spheres, within the framework of which it is possible to solve many social problems, in particular, the tasks of youth health. In the work, special emphasis is placed on three levels of the organization of physical education of youth: macro-social (state), mesosocial (regional), and micro-social (cognitive-value and behavioral).

Keywords: *physical education, physical education, sports, fitness work, physical education organization system levels, healthy lifestyle, health-saving technologies, fitness and fitness technologies, youth.*

References

1. O chem mechtayut rossiyanе (razmyshleniya sociologov). Analiticheskij doklad. M.: IS RAN, 2012. 181 p.
2. ZHuk S.S., Stukanova I.P. Zdorov'e rossiyan kak pokazatel' kachestva chelovecheskih resursov // Standarty i kachestvo. 2018. № 8. P. 86 – 88.
3. Pereverzeva E.V., Filippova S.N., Belyh S.I. Zdorovyj obraz zhizni kak proyavlenie kul'tury zdorov'ya cheloveka // Vestnik Rossijskoj mezhdunarodnoj akademii turizma. 2016. № 3. P. 129.
4. Gafiatulina N.H. Zdorov'e kak cennost' v srede uchashchejsya molodezhi. Rostov-na-Donu: RAS YURGUES, 2009. 166 p.
5. Ponomarev I.E., Gafiatulina N.K., Zritineva E.I., Kasyanov V.V., Bahutashyili T.V., Ponomarev P.A. The influence of social justice crisis on social health and spiritual security of young students (a case study of the south of Russia). International Journal of Applied Exercise Physiology. 2019. T. 8. № 2.1. P. 250 – 257.
6. Ponomarev I.E., Lyashko G.I. Sport v srede studencheskoj molodezhi kak komponent fizicheskoy kul'tury i faktor podgotovki sportsmenov // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2019. №4. P. 50 – 53.
7. Kulikova N.A., Pletcer S.V., YAkutkina I.V. Fizicheskaya kul'tura v zhizni studencheskoj molodezhi // Nauka-2020. 2019. № 4 (29). P. 11 – 19.
8. Ivahnenko G.A. Zdorov'esberegayushchie tekhnologii v rossijskih vuzah // Vestnik instituta sociologii. 2013. № 6. P. 100 – 111.
9. Formirovanie zainteresovannosti u studentov tekhnicheskogo vuza k zanyatiyam fizicheskoy kul'turoj / E.A. Mal'ginova [i dr.] // Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya. 2012. № 5. P. 101 – 102.
10. Gafiatulina N.K., Makadey L.I., Gluzman I.V., Lozhechkina A.D., Volkova L.A., Bandurin A.P. The role of health-saving technologies in the process of students educational and professional socialization. Eur-Asian Journal of BioSciences. 2019. T. 13. № 2. P. 1557 – 1563.
11. Dolzhikova H.V., Lobachev G.A. Zdorov'esberegayushchie tekhnologii. Tyumen'. Izd-vo: «Vektor Buk». 2017. P. 110 – 113.
12. Tezaurus sociologii: tematicheskij slovar'-spravochnik / pod red. ZH.T. Toshchenko. M., 2009. 487 p.

**ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ОРИЕНТАЦИИ РУКОВОДИТЕЛЯ
КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА УПРАВЛЕНИЯ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ**

- Рачипа Андрей Валерьевич** доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии, истории и политологии Института управления в экономических, экологических и социальных системах, Южный федеральный университет (347928, Россия, г. Таганрог, ул. Чехова, 22, корпус «А»); профессор-совместитель кафедры 109 «б», Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет) (125993, Россия, г. Москва, Волоколамское шоссе, 4).
E-mail: rachipa@sfedu.ru
- Бурмистров Сергей Владимирович** кандидат экономических наук, доцент кафедры управления персоналом и социологии, Ростовский государственный экономический университет (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69). E-mail: salon50@list.ru
- Самыгин Сергей Иванович** доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69). E-mail: darya.maksimovich@gmail.com

Аннотация

Системе образования отводится ключевая роль в формировании духовно-нравственных ценностей в процессе субъект-субъектного взаимодействия. В рамках статьи установлено, что ценностно-смысловые ориентации руководителя образовательной организации являются фактором повышения качества управления. В статье описаны принципы обучения и воспитания, ориентируясь на которые, руководитель сможет повысить качество управления образовательной организацией. Авторы работы выделяют следующие принципы: принцип единства образовательной, развивающей и воспитательной функций обучения, принцип сознательности и активности, принцип ориентации на систему нравственных ценностей и ценностные отношения, личностно-ориентированный подход.

Ключевые слова: *ценностно-смысловые ориентации, руководитель, образовательная организация, качество управления организацией, образовательный менеджмент, субъект управления, принципы управления, мировоззрение руководителя, образовательное пространство.*

В условиях противоречивых процессов реформирования и глубокого кризиса практически всех сфер социальной жизнедеятельности [1], когда прежние ценностно-смысловые ориентации и духовно-нравственные установки разрушены, а новые еще только формируются и носят преимущественно утилитарный, потребительский характер, вопросы управления занимают лидирующие позиции. Это имеет отношение и к вопросам управления образовательной организацией, поскольку в современных условиях реализации образовательных стандартов третьего поколения, направленных на формирование и развитие профессиональных компетенций, образовательная система нуждается не просто в преподавателе-лекторе, репрезентирующим научно-образовательную информацию, но еще и в менеджере, тренере, организаторе самостоятельной работы участников образовательного процесса [2].

В ходе наблюдений за процессом развития менеджмента в образовательных организациях в течение ряда лет демонстрируют плавное и ежегодное перетекание старых и появление новых проблем в образовательной системе. В числе такого рода проблем можно обозначить: снижение статуса образования на фоне общего понижения его качества и абсолютизации компетентностного подхода; недостаточное финансовое и материально-техническое обеспечение (финансирование по остаточному принципу); существенное снижение общего уровня педагогической активности у профессорско-преподавательского состава на фоне формализма рейтинговой оценки педагогической деятельности; слепое копирование опыта западных стран в сфере управления образовательной системой без учета национальной традиционной специфики российского образования; проявление бездуховности и злоупотреблений в образовательной среде, а также снижение качества образовательного менеджмента, что объясняется проникновением консьюмеризма – идеологии рыночных отношений, характерных для общества потребления [3, 4].

Весь спектр и серьезность обозначенных выше проблем актуализирует проблему рассмотрения ценностно-смысловых ориентаций руководителя как фактора повышения качества управления образовательной организацией. Как подчеркивает В.А. Ситаров, потребности, которые существуют у современных социальных групп «диктуют новые условия качественных характеристик управленческой деятельности» в образовательной системе, главной целью которой выступает «реализация высоких гуманитарных стандартов и достижение социально значимых результатов», направленных на повышение качества управления образовательной организацией [5, с. 18].

Целью данного исследования является анализ ценностно-смысловых ориентаций современного руководителя как субъективного фактора повышения качества управления образовательной организацией.

Теоретико-методологическая база исследования основывается на концептуальных положениях гуманитарной методологии, изучающей нравственно-смысловые ценностные ориентации личности, являющейся субъектом управляющего воздействия. Базовые аспекты гуманитарной методологии в сфере образовательного менеджмента представлены в работах таких специалистов, как: А.А. Одинцов, Л.Н. Сахьянов, В.А. Ситаров, Т.И. Шамова, В.А. Шевченко, Г.П. Щедровицкий и др.

Управление качеством образовательного процесса, по мнению Л.Н. Сахьянова, необходимо начинать с организации деятельности управленческого и педагогического коллектива в этом направлении. Рассматривая управление качеством в рамках образовательной системы, мы представляем комплекс целенаправленных мер, которые воздействуют на ценностно-смысловые элементы процесса обучения для приведения результатов учебной, воспитательной, образовательной деятельности федеральным государственным образовательным стандартам и запросам со стороны социальных партнеров [6].

Опираясь на идеи, разработанные Л.Н. Сахьяновым, необходимо отметить, что деятельность руководителя, имеющая аналитическую направленность, обладает такими характеристиками, как управленческо-ориентированная – административно-управленческий персонал, методико-ориентированная – ППС и образовательно-ориентированная – обучающиеся [6].

В рамках образовательного менеджмента (управления организацией в системе образования) есть собственные особенности, которые осуществляются путем воздействия на учебно-образовательные процессы, на условия образовательной деятельности и ценностные ориентации. Также отметим, что образование – это процесс «управления социальным институтом подготовки и включения индивидов в различные сферы жизнедеятельности общества, их приобщения к культуре человечества» [7, с. 202].

В образовательном менеджменте задействованы субъект-субъектные отношения, т.е. объектом управления в системе образования является личность как субъект, управляющее воздействие оказывает другой субъект, выполняющий функции управления и принимающий управленческие решения как субъект процесса управления [8].

Управление качеством образования – это системное, скоординированное воздействие как на образовательный процесс, так и на комплекс других связанных с ним основных, управленческих и поддерживающих процессов с целью достижения наибольшего соответствия параметров функционирования образовательной системы, ее социальных, педагогических и образовательных результатов по установленным и предполагаемым стандартам, нормам и ожиданиям системы образования. Повышение качества образования связано и с эффективным финансовым обеспечением данного процесса [9].

Все субъекты образовательного процесса наделены своей личностной мировоззренческой основой, системой ценностно-смысловых ориентаций, норм нравственности, в соответствии с которыми строится их жизнь и отношения в межличностном и деловом взаимодействии. Чем выше уровень иерархии, на котором располагается субъект управления образовательной системой, тем более высокие требования должны предъявляться к его ценностно-смысловому (духовно-нравственному) состоянию. Если сослаться на мнение американского П. Друкера, известного теоретика, то для начала процесса управления... необходимо самому себе задать вопрос: «Каковы мои моральные принципы?» [10, с. 12].

На наш взгляд, ценностно-смысловой основой и фактором повышения качества управления системой образования является выбор принципов обучения и воспитания в образовательной организации. Анализ научной литературы позволяет выделить ряд принципов, использование которых при управлении образовательной организацией, позволяет руководителю повысить качество образования. В рамках данной работы мы обозначили только те принципы, которые влияют на экстраполяцию ценностно-смысловых ориентаций как фактору повышения качества управления образовательной организацией.

Прежде всего, необходимо выделить принцип функционального триединства – единство образовательной, развивающей и воспитательной функций образовательного процесса. Для того, чтобы процесс обучения протекал эффективно для обучающегося, необходимо использовать обозначенный принцип, который включает в себе не только трансляцию знаний и умений, но и развитие духовно-нравственных качеств личности, помогающих в дальнейшем студенту сконструировать свой жизненный план.

Также необходимо обозначить принцип сознательности и активности со стороны обучающихся. Данный принцип говорит о том, что процесс обучения является эффективным в том случае, если сами студенты активным образом включены в познавательный процесс, а также ставят перед собой проблемы духовно-нравственного и интеллектуального развития, сознательно формируют систему ценностных ориентаций.

К третьему принципу отнесем принцип ориентации на систему нравственных ценностей и ценностные отношения, который означает акцентирование внимания в образовательном процессе на важность формирования социокультурных ценностей по отношению к природе, человеку и обществу, к добру, истине и духовной красоте, к профессиональной деятельности, а также знаниям и ценностно-смысловым основам жизни.

В-четвертых, отметим принцип личностно ориентированного подхода, в соответствии с которым управление образовательной организацией должно быть личностно ориентированным [11].

Бесспорно, что моральные принципы и мировоззрение субъектов образовательной системы, тем более ее руководителей, оказывает решающее воздействие на эффективность стратегического управления человеческими ресурсами в образовательной организации. Для руководства образовательной организацией важную роль играют следующие элементы мировоззрения: сложившаяся у руководителя система взглядов и принципов; представления о месте руководителя в управлении образовательной организацией; выбор определенного стиля управления (соперничество или сотрудничество, авторитаризм или демократизм); отношение к субъектам образовательного пространства, способствующее формированию того или иного социально-психологического климата; ценностные ориентации, смысло-жизненные и нравственные ориентиры и др.

Как подчеркивает А.А. Одинцов, духовно-нравственный облик руководителя и ценностно-смысловое содержание мировоззрения определяются: мотивацией к профессиональной деятельности, управленческими идеями, степенью и характером усвоения руководителем ценностей образовательной организации, способностью к командной работе, характером использования управленческого инструментария, склонностью к мировоззренческому самообразованию и пр. [12, с. 62].

В.А. Шевченко задается вопросом, каким образом увязываются ценностные ориентации личности с таким управленческим понятием, как «системные ограничения», носящие объективный характер [4, с. 99]. И, отвечая на данный вопрос, ссылается на позицию В.С. Лазарева, который к разряду системных ограничений относит «требования, идущие к процессу и результату от большей системы» [13, с. 46], причем эти требования реализуются через деятельность субъектов управленческого действия.

Субъекты образовательного менеджмента обладают личностными возможностями, которые могут быть востребованы в каждой конкретной управленческой ситуации. Позиция субъекта управления предполагает т.н. «субъектную возможность», раскрывающую сознание, в котором заложены не только личностные идеи, знания, опыт, но также идеалы и ценностно-смысловые основы. Чем выше уровень сознания субъекта управления образовательным процессом, тем выше «субъектная возможность и вероятность преодоления внешних ограничений» [4, с. 100].

Если управленческое решение соответствует системе ценностных ориентаций личности, то будет принято для исполнения. Но в случае несоответствия с системой ценностей личности, могут возникнуть трудности в качестве и добровольности исполнения управленческого решения. Согласно определению Т.И. Шамоной, возникает «насильственное управление», которое основополагается на «подавлении или манипулировании поведением другого человека, на стремлении навязать ему свою волю и свое решение. Такая ценностно-нормативная система ориентирует на установление жесткой дистанции между управляющим и управляемым» в любой образовательной организации [14, с. 84].

Ценностно-смысловые ориентации руководителя играют значимую роль в вопросе повышения качества управления системой образования. Чем яснее ценностно-смысловое наполнение образовательного менеджмента, тем более благополучно общество в своем социально-экономическом и духовно-нравственном развитии [15].

Всем субъектам, входящим в образовательную систему, следует придерживаться ценностно-смысловой основы образования, являющейся фактором повышения качества системы образования. Согласованность и слаженность действий субъектов, функционирующих в рамках системы образования, повышает эффективность образовательного менеджмента и является фактором повышения качества управления системой образования, тем самым способствуя достижению целей, ориентированных на формирование духовно-нравственных ценностей.

Литература

1. *Gafiatulina N.Kh., Rachipa A.V., Vorobyev G.A., et al.* (2018). Socio-political changes as a socio-cultural trauma for the social health of Russian youth // *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 2018. Т. 8. № 5. Р. 602-609.
2. *Резник С.Д.* Преподаватели вузов России: формирование и развитие профессиональных компетенций: монография. М., 2020. 140 с.
3. *Бурмистров С.В., Волочай А.В., Самыгин С.И.* Мотивы трудовой деятельности в системе управления персоналом организации // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2019. №9. С. 26-29.
4. *Шевченко В.А.* Нравственные ценности как субъективный фактор управления образовательными системами // *Образование. Наука. Инновации*. 2015. №1 (39). С. 95-100.
5. *Ситаров В.А.* Педагогический менеджмент как теория и практика управления образовательным процессом // *Знание. Понимание. Умение*. 2014. №3. С. 18-24.
6. *Сахьянов Л.Н.* Управление качеством образовательного процесса как педагогическая проблема // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2013. №1 (129). С. 144-149.
7. *Мухаметзянова Ф.Ш., Левина Е.Ю.* Типология управления развитием образовательных систем и структур // *Теория и практика общественного развития*. 2015. С. 201-203.
8. *Popov A.V., Rachipa A.V., Abazieva K.G., Shvets L.G., Kobysheva L.I., Goncharova S.N., Samygin S.I.* (2019). Specificity of explication of the category "management decisions" and scientific-methodological approaches for their development // *Revista Inclusiones*. 2019. Т. 6. № 2. С. 215-224.
9. *Игнатова Т.В., Немашкалова К.Г., Филимонцева Е.М.* Программно-целевая ориентация финансового менеджмента в организациях высшего образования // *Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии*. 2017. № 2. Ч.1. С. 94-97.
10. *Друкер П.* Задачи менеджмента в XXI веке. М., СПб., 2007. 272 с.
11. *Гафиагулина Н.Х.* Влияние корпоративной культура вуза на социальное здоровье студенческой молодежи // *Образование. Наука. Инновации*. 2012. № 6 (26). С. 113-119.
12. *Одинцов А.А.* Духовно-нравственное развитие руководителя как основа управления социальной организацией // *Управление*. 2013. №2. С. 60-70.
13. *Лазарев В.С.* Системное развитие школы. М., 2012. 304 с.
14. *Шамова Т.И.* Управление образовательным процессом в адаптивной школе. М., 2001. 384 с.
15. *Vaskov, M., Rezvanov, A., Kasyanov, V., et al.* (2018). Value orientations of Russian youth in the system of managing the moral security of society. *Herald National Academy of Managerial staff of culture and arts*, 2, 134-140.

Rachipa Andrey Valeryevich, doctor of sociological sciences, professor, head of department of sociology, history and political science of Institute of management in economic, ecological and social systems, Southern federal university (105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation); professor-associate of the department 109 «b», Moscow Aviation Institute (National Research University) (4, Volokolamsk Highway, Moscow, 125993, Russian Federation). E-mail: rachipa@sfedu.ru

Burmistrov Sergey Vladimirovich, candidate of economic sciences, associate professor of personnel management and sociology, Rostov state economic University (RINH) (69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: salon50@list.ru

Samygin Sergey Ivanovich, Doctor of Sociology, Professor of chair of human resource management and sociology, Rostov state economic University (RINH) (69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: darya.maksimovich@gmail.com

VALUE AND SENSE GUIDANCE OF THE HEAD AS A FACTOR OF IMPROVING THE QUALITY OF MANAGEMENT OF EDUCATIONAL ORGANIZATION

Abstract

The education system plays a key role in the formation of spiritual and moral values in the process of subject-subject interaction. In the framework of the article it was established that the value-semantic orientations of the head of the educational organization are a factor in improving the quality of management. The article

describes the principles of training and education, focusing on which, the head will be able to improve the quality of management of the educational organization of the education system. Among these principles: the principle of the unity of the educational, developing and educational functions of learning, the principle of consciousness and activity, the principle of orientation to the system of moral values and value relations.

Keywords: *value-semantic orientations, leader, educational organization, organization management quality, educational management, management subject, management principles, leader's worldview, educational space.*

References

1. Gafiatulina N.Kh., Rachipa A.V., Vorobyev G.A., et al. (2018). Socio-political changes as a socio-cultural trauma for the social health of Russian youth // *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 2018. T. 8. № 5. P. 602-609.
2. Reznik S.D. *Prepodavateli vuzov Rossii: formirovanie i razvitie professional'nyh kompetencij: monografiya*. M., 2020. 140 p.
3. Burmistrov S.V., Volochaj A.V., Samygin S.I. Motivy trudovoj deyatel'nosti v sisteme upravleniya personalom organizacii // *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 2019. №9. P. 26-29.
4. Shevchenko V.A. Nравственные ценности как суб"ективный фактор управления образователь'ными системами // *Образование. Наука. Инновации*. 2015. №1 (39). P. 95-100.
5. Sitarov V.A. Pedagogicheskij menedzhment kak teoriya i praktika upravleniya obrazovatel'nym processom // *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2014. №3. P. 18-24.
6. Sah'yanov L.N. Upravlenie kachestvom obrazovatel'nogo processa kak pedagogicheskaya problema // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2013. №1 (129). P. 144-149.
7. Muhametzyanova F.SH., Levina E.YU. Tipologiya upravleniya razvitiem obrazovatel'nyh sistem i struktur // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2015. P. 201-203.
8. Popov A.V., Rachipa A.V., Abazieva K.G., Shvets L.G., Kobysheva L.I., Goncharova S.N., Samygin S.I. (2019). Specificity of explication of the category "management decisions" and scientific-methodological approaches for their development // *Revista Inclusiones*. 2019. T. 6. № 2. P. 215-224.
9. Ignatova T.V., Nemashkalova K.G., Filimonceva E.M. Programmno-celevaya orientaciya finansovogo menedzhmenta v organizacijah vysshego obrazovaniya // *Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ekonomika, nauka, tekhnologii*. 2017. № 2. CH.1. P. 94-97.
10. Druker P. *Zadachi menedzhmenta v HKHI veke*. M., SPb., 2007. 272 p.
11. Gafiatulina N.H. Vliyanie korporativnoj kul'tura vuza na social'noe zdorov'e studencheskoj molodezhi // *Образование. Наука. Инновации*. 2012. № 6 (26). P. 113-119.
12. Odincov A.A. Duhovno-nравственное развитие rukovoditelya kak osnova upravleniya social'noj organizaciej // *Upravlenie*. 2013. №n2.nP. 60-70.
13. Lazarev V.S. *Sistemnoe razvitie shkoly*. M., 2012. 304 p.
14. SHamova T.I. *Upravlenie obrazovatel'nym processom v adaptivnoj shkole*. M., 2001. 384 p.
15. Vaskov, M., Rezvanov, A., Kasyanov, V., et al. (2018). Value orientations of Russian youth in the system of managing the moral security of society. *Herald National Academy of Managerial staff of culture and arts*, 2, 134-140.

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ФИЗКУЛЬТУРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПО ПРОЕКТИРОВАНИЮ ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТА ПО ФИЗИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ

Сорокин Владимир Алексеевич старший преподаватель, Институт физической культуры и спорта, кафедра физического воспитания и спорта, Донской государственный технический университет (344000, Россия, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1). E-mail: mr.vova.976@mail.ru

Пономарев Игорь Евгеньевич кандидат социологических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69). E-mail: ponomarev.igor54@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена осмыслению развития профессиональных компетенций по проектированию физкультурно-оздоровительных технологий, используемых при профессиональной подготовке специалистов по физической культуре и спорту. По мнению авторов, обучение специалистов должно базироваться на формировании следующих умений и навыков: проектировочных, конструктивных, организаторских, гностических, коммуникативных. В статье описана примерная последовательность действий по развитию профессионально-физкультурных компетенций в сфере проектирования оздоровительных технологий.

Ключевые слова: профессиональные компетенции, оздоровительные технологии, проектирование оздоровительных технологий, методика проектирования, специалист, физическая культура, спорт, физическое воспитание, профессиональное образование, молодежь.

В современных условиях тотального реформирования всей системы высшего профессионального образования, очевиден отказ от прежних образовательных парадигм и внедрение инновационных образовательных технологий [1, 2], диктующих новые требования к профессиональной подготовке кадров в высшей школе, в том числе и по физической культуре и спорту. В настоящее время в рамках образовательной системы мы наблюдаем за переориентацией в оценке достигаемых результатов с терминов «подготовленность», «образованность» на понятия «компетенция», «компетентность» - компетентностный подход в образовании [3]. Данный подход с полным правом относится и к развитию профессиональных компетенций по проектированию оздоровительных технологий в системе подготовки специалиста по физическому воспитанию.

Переход к компетентностно-ориентированному профессиональному образованию является адекватной реакцией системы российского образования на социальный заказ, касающийся вопросов «повышения качества и уровня профессиональной компетентности и конкурентоспособности специалистов» в области физической культуры и спорта, способствующих формированию ценностных установок современной молодежи [4, с. 93; 5]. По мнению А.Б. Шарафеевой, О.И. Загrevского и др. исследователей, в условиях высшего образовательного учреждения для формирования профессиональных компетенций наиболее эффективным является технологический подход, поскольку именно данный подход позволяет в полном объеме выполнить социальный заказ на качественную подготовку кадров [6].

В связи с тем, что в настоящее время на мировом рынке труда востребованы не сами знания, а важна именно способность выполнять конкретные функции, то появляется потребность в разработке компетентностного подхода, который позволит сделать акцент на профессиональных компетенциях, в том числе и в области социального здоровьесбережения. При этом молодежь является ближайшим резервом общества и важнейшей аудиторией для формирования социального здоровья, обучения здоровьесбережению и формированию умений и навыков по проектированию оздоровительных технологий [7].

В рамках данной работы под технологией обучения мы понимаем совокупность методов и принципов обучения, которые применяются в образовательном процессе, а также проведение мониторинга, направленного на выявление сформированности знаний, умений, навыков в рамках профессиональных компетенций в области физической культуры и спорта, готовности к трудовой деятельности специалистов по физическому воспитанию.

Как подчеркивает И.С. Барчуков, сегодня актуализируется проблема обоснования теории и практики проектирования программ, применяемых в сфере оздоровительных учреждений.

Поступающие из различных социально-оздоровительных центров, гостиничных комплексов, санаторно-курортных учреждений отзывы с оценкой эффективности деятельности специалистов по физическому воспитанию свидетельствуют, что высшие образовательные учреждения весьма слабо учитывают запросы этих предприятий. Как показывает опыт, деятельность современного специалиста по обеспечению качественных оздоровительных услуг требует целого комплекса знаний из области медицины, психологии, педагогики, валеологии, социологии, культурологии [8].

Касаясь содержательной части образовательного процесса, то стоит отдать центральную позицию методологии науки, которая отражает совокупность знаний, умений и навыков в сфере подготовки специалистов по физической культуре и спорту, относящихся к главным идеям теории проектирования оздоровительных технологий, которые отражают общие законы, теории и концепции, категориальный и понятийный аппарат. Материал, необходимый в процессе обучения, направленный на приобретение вспомогательных знаний: межнаучных (методологических, социально-философских), межпредметных (медико-педагогических, здоровьесберегающих), оценочных группируется и формируется с учетом ведущих идей проектирования содержания образовательного процесса, направленного на здоровьесбережение.

Комплекс знаний и представлений об изменениях состояния здоровья и составляет набор здоровьесберегающих компетенций, которые формируются у обучающихся в процессе обучения в области физического воспитания. К такому комплексу относят знания, умения и навыки для разработки и использования программ, направленных на сохранение здоровья как на бытовом, так и на профессиональном уровнях [9].

Профессионально-физкультурные компетенции в системе подготовки специалистов в сфере физкультурно-спортивной деятельности, по определению С.Р. Гилязиевой, выступают как специфическая часть физической культуры личности. Данные компетенции позволяют обучающемуся принять ценности физической культуры и спорта, использовать в жизни и трудовой деятельности ценности здоровьесбережения для сохранения и укрепления индивидуального здоровья [10].

Опираясь на работы Л.А. Волобаевой и С.Р. Гилязиевой, отметим, что основными компонентами процесса физического воспитания в рамках усвоения профессиональных компетенций при подготовке специалистов по физической культуре являются: социальная и индивидуальная потребность в становлении компетентного специалиста в сфере физического воспитания; физическое образование «как компонент физической культуры и полноценный процесс-транслятор ценностей физической культуры в отношении обучения, воспитания и развития личности специалиста»; физкультурная деятельность и ее методическое и дидактическое обеспечение; а также ценностные и психофизические компоненты, которые выступают в качестве основы для использования здоровьесберегающих технологий в рамках профессиональной подготовки специалиста в области физического воспитания [11, с. 31].

Обращаясь к исследованию, проведенному Л.А. Волобаевой и С.Р. Гилязиевой, отметим, что аксиологический компонент влияет на динамику ценностных установок и ориентаций личности в процессе физкультурно-спортивной деятельности. Данные, полученные в ходе исследования свидетельствуют о том, что при формировании профессионально-физкультурной компетентности, обозначен «более высокий уровень сформированности ценностных ориентаций в опытных группах по сравнению с контрольными: информационно-познавательного – на 23,2 %, оценочно-мотивационного – 12,8 %, потенциально-деятельностного – 13,3%, реально-деятельностного – на 13,5 %» [11, с. 31]. Результаты, которые были получены в ходе контрольных испытаний показали, что подготовленность специалистов по физическому воспитанию опытных групп в методическом плане по сравнению с контрольными группами является выше на 16,2 % [11, с. 31].

Методика проектирования учебно-познавательной деятельности студенческой молодежи в области оздоровительных технологий предполагает построение учебных дисциплин по следующим направлениям:

- во-первых, теоретико-методологическому, способствующему овладению молодежью фундаментальными знаниями из области здравоохранения и способами получения этих знаний;
- во-вторых, научно-прикладному, который позволяет развивать необходимые умения при решении единых задач в области профессиональной подготовки специалистов по физическому воспитанию на основе полифункциональной деятельности включающей медико-социальный, социально-психологический, психолого-педагогический и производственно-технологический компоненты;
- в-третьих, прикладному, позволяющему будущему специалисту по физическому воспитанию приобрести опыт практической деятельности в условиях конкретного оздоровительного предприятия.

С нашей точки зрения, когда в учебные планы подготовки специалистов по физическому воспитанию вносят новые учебные дисциплины, ориентированные на теорию и практику оздоровительного сервиса в целом, и оздоровительных технологий, в частности, необходима целенаправленная подготовка преподавателей физической культуры к образовательной деятельности по проектированию оздоровительных технологий.

Развитие профессиональных компетенций по проектированию оздоровительных технологий в системе подготовки специалистов по физической культуре и спорту должно базироваться на формировании следующих умений и навыков:

- проектировочных, подразумевающих целеполагание при проектировании обучения;
- конструктивных, предполагающих отбор содержания учебной дисциплины в рамках получения профессиональных компетенций по направлению подготовки в сфере физической культуры и спорта;
- организаторских, которые позволяют организовать процесс обучения специалистов по физической культуре и спорту, ориентируясь на оптимальные методики проведения занятий;
- гностических, которые позволяют ориентироваться на соотношение цели обучения и необходимых результатов;
- коммуникативных, которые способствуют установке наиболее комфортных и педагогически целесообразных отношений (преподаватель-обучающийся), позволяющих сформировать профессиональные и общепрофессиональные, коммуникативные компетенции, основываясь на применении оздоровительных технологий в области межличностного взаимодействия.

Последовательность действий по развитию профессионально-физкультурных компетенций в сфере проектирования оздоровительных технологий в системе подготовки специалиста по физическому воспитанию может быть следующей:

- целеполагание – обозначение цели обучения, а также определение содержания и объема учебно-методического материала, необходимых для обучения специалистов по физическому воспитанию;
- определение степени освоения содержания материала, учитывая временной параметр обучения;
- выбор тех способов обучения, которые подойдут под обозначенные цели;
- подготовка к занятиям, организация системы учебно-познавательной деятельности молодежи, с учетом формирования профессионально-физкультурных компетенций;
- оценка эффективности достижения цели и решения задач в сфере обучения специалистов по физическому воспитанию.

И.С. Барчуков и Ю.Н. Назаров предлагают использовать следующий алгоритм по проектированию оздоровительных технологий в системе подготовки специалистов по физическому воспитанию: теоретическая, методическая и социально-психологическая подготовка обучающихся; изучение практических задач, обозначенных в нормативно-правовых актах, касающихся области здоровьесбережения; проведение анализа состояния практической деятельности и сравнение результатов с руководящими требованиями; проектирование модели изменения педагогической деятельности в рамках формирования профессионально-физкультурных компетенций; разработка комплексной программы действий; подготовка средств – материальных, информационных, организаторских, дидактических; наконец, создание модели проектирования оздоровительных технологий на базе профессионально-физкультурных компетенций, а также создание и экспертиза данной модели, внедрение и ее распространение в качестве инновационной [12, с. 42].

Исследования подтверждают, что совершенствование процесса обучения оздоровительным технологиям сопряжено с различными проблемами, определяющими общие ориентиры профессионального образования в сфере подготовки специалистов по физической культуре и спорту, реализацию разных подходов, концепций и технологий по развитию профессионально-физкультурных компетенций, обеспечивающих эффективную подготовку студенческой молодежи к будущей профессиональной деятельности.

В целом, обучение высококомпетентных специалистов в сфере проектирования оздоровительных технологий необходимо выстраивать таким образом, чтобы оно было направлено на оптимизацию обучения, выбор наиболее подходящих форм и методов учебно-образовательной работы, направленной на развитие профессионально-физкультурных компетенций, а также активизацию самосовершенствования преподавателей по предметной подготовке, изучение, обобщение и применение педагогических инноваций в высшем профессиональном образовании.

Литература

1. Ponomarev I.E., Gafiatulina N.K., Zritineva E.I., Kasyanov V.V., Bahutashyili T.V., Ponomarev P.A. The influence of social justice crisis on social health and spiritual security of young students (a case study of the south of Russia). *International Journal of Applied Exercise Physiology*. 2019. T. 8. № 2.1. С. 250 – 257.
2. Gafiatulina N.K., Makadey L.I., Gluzman I.V., Lozhechkina A.D., Volkova L.A., Bandurin A.P. The role of health-saving technologies in the process of students educational and professional socialization. *Eur-Asian Journal of BioSciences*. 2019. T. 13. № 2. С. 1557 – 1563.
3. Волков К.Д. Формирование у будущих специалистов по физической культуре и спорту специальных профессиональных компетенций для работы в оздоровительном фитнесе: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. М., 2009. 24 с.
4. Бзуашев А.Б., Иокидими Ю.А., Карягина Н.В., Шрам В.П. Профессиональные компетенции педагогов высшей школы системы подготовки специалистов физической культуры и спорта // Вестник Адыгейского государственного университета. 2017. №1 (193). С. 92 – 102.
5. Пономарев И.Е., Стриева Л.Ю., Самыгин С.И. Популяризация в российском обществе физической культуры и спорта как фактора формирования ценностных ориентаций молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. №3. С. 61 – 64.
6. Шарафеева А.Б., Загrevский О.И. Технология формирования профессиональных компетенций в рекреационной деятельности будущих специалистов по физической культуре и спорту // Вестник Томского государственного университета. 2012. С. 153 – 156.
7. Гафиатулина Н.Х., Косинов С.С., Самыгин С.И. Спортивное движение как эффективное средство развития социального здоровья российской студенческой молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. №3. С. 19 – 22.
8. Барчуков И.С. Построение блочно-модульных программ обучения студентов физкультурно-оздоровительными технологиями / Здоровьесберегающие образовательные технологии: Материалы междисциплин. науч.-практ. конф. М., 2017. С. 32 – 37.
9. Медведева С.А. Педагогическое проектирование физкультурно-спортивной деятельности будущих специалистов // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 63-3. С. 68 – 72.
10. Гилязиева С.Р. Показатели организации сформированности профессионально-физкультурной компетентности взрослого населения // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. №12 (138). С. 38 – 43.
11. Волобаева Л.А., Гилязиева С.Р. Профессионально-физкультурная компетентность взрослого населения в системе непрерывного образования // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. №2 (163). С. 29 – 33.
12. Барчуков И.С., Назаров Ю.Н. Развитие навыков и умений по проектированию оздоровительных технологий / Здоровьесберегающие образовательные технологии: Материалы междисциплин. науч.-практ. конф. М., 2017. 255. С. 38 – 42.

Sorokin Vladimir Alekseevich, Senior Lecturer, Institute of Physical Culture and Sports, Department of Physical Education and Sports, Donskoy State Technical University (1, Gagarina Sq., Rostov-on-Don, 344000, Russian Federation). E-mail: mr.vova.976@mail.ru

Ponomarev Igor Evgenyevich, candidate of sociology, professor, Rostov State University of Economics (RINH) (69, Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: ponomarev.igor54@gmail.com

**DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL-PHYSICAL CULTURE COMPETENCIES
FOR DESIGNING HEALTH TECHNOLOGIES IN THE SYSTEM OF TRAINING A SPECIALIST
FOR PHYSICAL EDUCATION**

Abstract

The article is devoted to understanding the development of professional competencies in the design of wellness technologies in the system of training specialists in physical education and sports. According to the authors, the training of specialists should be based on the formation of the following skills: design, constructive, organizational, gnostic, communicative. The article describes an approximate sequence of actions for the development of professional and athletic competencies in the field of designing health technologies.

Keywords: *professional competencies, wellness technologies, design of wellness technologies, design methodology, specialist, physical education, sports, physical education, professional education, youth.*

References

1. Ponomarev I.E., Gafiatulina N.K., Zritineva E.I., Kasyanov V.V., Bahutashyili T.V., Ponomarev P.A. The influence of social justice crisis on social health and spiritual security of young students (a case study of the south of Russia). *International Journal of Applied Exercise Physiology*. 2019. T. 8. № 2.1. P. 250 – 257.
2. Gafiatulina N.K., Makadey L.I., Gluzman I.V., Lozhechkina A.D., Volkova L.A., Bandurin A.P. The role of health-saving technologies in the process of students educational and professional socialization. *EurAsian Journal of BioSciences*. 2019. T. 13. № 2. P. 1557 – 1563.
3. Volkov K.D. Formirovanie u budushchih specialistov po fizicheskoj kul'ture i sportu special'nyh professional'nyh kompetencij dlya raboty v ozdorovitel'nom fitnese: avtoref. diss. ... kand. ped. nauk. M., 2009. 24 p.
4. Bguashev A.B., Iokidimi YU.A., Karyagina N.V., SHram V.P. Professional'nye kompetencii pedagogov vysshej shkoly sistemy podgotovki specialistov fizicheskoj kul'tury i sporta // *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. №1 (193). P. 92 – 102.
5. Ponomarev I.E., Strieva L.YU., Samygin S.I. Populyarizaciya v rossijskom obshchestve fizicheskoj kul'tury i sporta kak faktora formirovaniya cennostnyh orientacij molodezhi // *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 2018. №3. P. 61 – 64.
6. SHarafeeva A.B., Zagrevskij O.I. Tekhnologiya formirovaniya professional'nyh kompetencij v rekreacionnoj deyatel'nosti budushchih specialistov po fizicheskoj kul'ture i sportu // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012. P. 153 – 156.
7. Gafiatulina N.H., Kosinov S.S., Samygin S.I. Sportivnoe dvizhenie kak effektivnoe sredstvo razvitiya social'nogo zdorov'ya rossijskoj studencheskoj molodezhi // *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 2018. №3. P. 19 – 22.
8. Barchukov I.S. Postroenie blochno-modul'nyh programm obucheniya studentov fizkul'turno-ozdorovitel'nymi tekhnologiyami / *Zdorov'esberegayushchie obrazovatel'nye tekhnologii: Materialy mezhdisciplin. nauch.-prakt. konf. M.*, 2017. S. 32 – 37.
9. Medvedeva S.A. Pedagogicheskoe proektirovanie fizkul'turno-sportivnoj deyatel'nosti budushchih specialistov // *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 2019. № 63-3. P. 68 – 72.
10. Gilazieva S.R. Pokazateli organizacii sformirovannosti professional'no-fizkul'turnoj kompetentnosti vzroslogo naseleniya // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012. №12 (138). P. 38 – 43.
11. Volobaeva L.A., Gilazieva S.R. Professional'no-fizkul'turnaya kompetentnost' vzroslogo naseleniya v sisteme nepreryvnogo obrazovaniya // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014. №2 (163). P. 29 – 33.
12. Barchukov I.S., Nazarov YU.N. Razvitie navykov i umenij po proektirovaniyu ozdorovitel'nyh tekhnologij / *Zdorov'esberegayushchie obrazovatel'nye tekhnologii: Materialy mezhdisciplin. nauch.-prakt. konf. M.*, 2017. 255. P. 38 – 42.

СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИРОВАННОСТЬ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДАГЕСТАНА

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна	доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН (367030, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Ярагского, 75). E-mail: madina2405@mail.ru
Гимбатова Мадина Багавутдиновна	доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН (367030, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Ярагского, 75). E-mail: gimbatova@list.ru
Ремиханова Рамила Идрисовна	кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Отечества, Дагестанский государственный технический университет (367030, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала, пр. Имама Шамиля, 70). E-mail: reramila@yandex.ru

Аннотация

В основе формирования межнациональной толерантности лежит выраженность социальной дистанцированности, диагностирующая ориентированность представителей разных этнических образований на поддержание или игнорирование межнационального взаимодействия в различных сферах социального контактирования. Эмпирические данные являются основанием для вывода о характерных для массового сознания городского населения Дагестана толерантных установок в отношении представителей другой национальной принадлежности. Более того, глубинный анализ констатирует, что позитивный настрой представителей одного народа к другому закономерно приводит к аналогичному восприятию и поведению со стороны представителей другой этнической группы. Кроме того, результаты исследования показывают наличие у дагестанских горожан положительных установок к представителям другой национальной группы при одновременно слабой интолерантности, что способствует сохранению позитивного межнационального климата в полиэтнической и поликонфессиональной среде. Индикатором зрелости межнациональной толерантности является отношение к межэтнической брачности, и данные авторского исследования демонстрируют положительное восприятие межнациональных браков. Кроме того, можно отметить и изменение отношения респондентов к заключению брачного союза с последователями иных конфессий, и такие установки обусловлены ростом толерантных установок в массовом сознании и поведении в отношении брачного союза в целом. Далее результаты исследования показывают, что опрошенным этническим группам в большей степени характерно обозначать свое этнокультурное сходство с представителями своего народа.

Ключевые слова: городское население, городское пространство, дагестанские народы, культурная граница, культура общения, межнациональная толерантность, социальная дистанцированность, межнациональное взаимодействие, межнациональное общение, этнические общности, этноконтакты.

Постановка проблемы и эмпирическая часть исследования

Исследователи отмечают, что межэтнические отношения складываются как на институциональном, так и на межгрупповом и межличностном уровнях. На межличностном уровне отношения между людьми разных национальностей реализуются в повседневной жизни – в семейной, соседской, трудовых коллективах, дружеской среде. Рассмотрение личности как субъекта национальных отношений предполагает обращение к сфере межличностных отношений и связанной с ней проблеме взаимодействия людей различных национальностей [1]. При этом межличностное общение, так же как и межличностные отношения людей различных национальностей, нельзя анализировать отдельно от национальных отношений в целом и межнационального общения в его широком понимании [см.: 2, с. 176; 3, с. 117].

Оценка межнациональных отношений в том или ином регионе, в той или иной микросреде и/или социальном слое должна быть связана с локальными социально-культурными характеристиками общественного сознания, некоторой латентной аксиоматикой относительно «нормальных» стандартов взаимодействия людей разных культур и этнической принадлежности [4, с. 59].

Кардинальные преобразования российского общества закономерно затронули городское пространство, например, Р. Парк «представляет себе город как социальную лабораторию» [5, с. 4]. Причем в городской среде социальные и культурные трансформации протекали более динамично, порой и противоречиво. К противоречивым социальным параметрам городской жизни, наряду со множеством факторов, относится «анонимность, кратковременность и поверхностность контактов в межличностном общении» [6, с. 18]. Эти тенденции в той или иной степени отражаются на состоянии межнационального климата в городской среде, социальном самочувствии горожан, в последующем выполняя существенную роль в формировании межэтнической толерантности, а также в очерчивании этнических границ, что является основой социально-культурной дистанции, ибо, по утверждению С.В. Рыжовой, «эти методы и показатели позволяют установить, насколько близкой или далекой воспринимается культура» [7, с. 41].

Характеристика исследования. Социологический опрос по изучению этнической идентичности городского населения Дагестана проведен методом случайного отбора в 2019 г. в гг. Дербент, Каспийск, Махачкала, Хасавюрт. N – 520.

Результаты исследования

Исследование этнической идентичности горожан закономерно ставит вопрос об установлении выраженности социальной дистанцированности внутри городского пространства. Для осуществления данной задачи была использована шкала Богардуса, с помощью которой фиксируется готовность респондентов принять людей другой национальности как жителей республики, делового партнера, соседа, друга, а также брачного партнера. Авторы исходят из предположения, что если человек готов к семейному, дружескому общению, то он тем более расположен к другим видам социальных контактов и взаимодействия. На основе мониторинговых исследований отечественных и зарубежных ученых было установлено, что индивиды, избегающие контакта с представителями какой-то одной национальности [8], как правило, предубеждены и против представителей других этнических общностей. Иными словами, в рамках изучения этнической идентичности городского населения Дагестана респондентам был задан вопрос, показывающий ориентацию опрошенного городского населения на социальные контакты (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос

«Готовы ли Вы принять человека другой национальной принадлежности в качестве...?» (%)

Варианты ответов // Национальности	Жителя Вашей республики		Партнера в сов-местном деле		Непосредственного начальника		Соседа по дому (квартире)		Коллеги по работе		Супруги (-а) Ваших детей		Вашей (-его) супруги (-а)	
	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет
Аварцы	71,9	7,4	62,2	13,3	57,8	14,8	65,9	11,1	67,4	5,9	37,0	40,0	34,1	40,7
Даргинцы	85,4	1,1	76,4	7,9	78,7	7,9	77,5	7,9	84,3	1,1	55,1	31,5	58,4	29,2
Кумыки	80,7	5,3	70,2	10,5	64,9	17,5	73,7	10,5	73,7	10,5	64,9	15,8	64,9	14,0
Лезгины	80,2	0	71,4	6,6	70,3	8,8	73,6	4,4	79,1	1,1	53,8	25,3	50,5	28,6
Лакцы	68,1	2,1	57,4	6,4	53,2	12,8	57,4	6,4	68,1	2,1	46,8	19,1	51,1	17,0
Русские	82,1	3,6	75,0	10,7	75,0	3,6	75,0	10,7	85,7	0	71,4	14,3	67,9	17,9
Чеченцы	63,6	18,2	63,6	18,2	54,5	27,3	63,6	27,3	63,6	18,2	36,4	45,5	36,4	45,5
Другие	83,1	3,4	74,6	10,2	66,1	15,3	74,6	8,5	79,7	5,1	59,3	27,1	52,5	32,2
Всего:	78,1	3,8	69,0	9,8	66,0	12,3	71,0	8,8	75,6	4,2	51,7	28,5	50,4	29,2

Приведенные в табл. 1 эмпирические данные показывают, что больше половины опрошенных по всем позициям принимает представителей инонациональной общности в самых различных социальных сферах. Более того, результаты опроса констатируют, что заметно больше процентное соотношение ориентированных принять человека другой этнической принадлежности по позициям «житель республики» и «сосед по дому, квартире».

Вместе с тем обращает на себя внимание, что в подгруппе чеченцев одна пятая часть демонстрирует социальную дистанцированность по позициям «житель республики» и «сосед по дому, квартире» (каждый четвертый опрошенный). Аналогично подгруппе чеченцев второе суждение

разделяет одна девятая часть опрошенных из подмассива аварцев, русских и кумыков. Далее, по сравнению с другими подгруппами, интолерантность демонстрирует одна девятая часть кумыков и каждый пятый в подгруппе чеченцев в отношении принятия человека иноэтнической общности в качестве коллеги по работе.

Неприятие в массовом сознании респондентов прослеживается также и в деловой сфере: если по всему массиву опрошенных больше половины опрошенных позитивно настроены к работе под руководством представителя другой национальной принадлежности, то, конкретно по этническим подгруппам, чеченцы (одна четвертая часть), кумыки (каждый шестой), аварцы (одна седьмая часть) и лакцы (каждый восьмой) придерживаются противоположной позиции. Кроме того, можно отметить, что респонденты демонстрируют и негативное отношение к совместной партнерской деятельности.

Одной из самых сложных сфер взаимодействия этносов являются межэтнические браки, которые характеризуются с двух разных позиций: во-первых, как один из механизмов ассимиляции, с другой, как фактор трансформации этнической идентичности. Представляется необходимым более подробно остановиться на отношении опрошенных горожан к межэтническим бракам, как «механизма поддержания единства» [9, с. 203; 10, с. 25]. Авторы придерживаются позиции, что готовность к межэтническому общению в различных сферах жизнедеятельности человека (деловой, неформальной, в том числе семейной) находится под влиянием множества факторов. Например, в производственной сфере отношение к межэтническим контактам может формироваться как соперничество за рабочие места, особенно престижные, в том числе во властных структурах, обеспечивающих доступ к собственности. В то время как в семейно-брачной сфере установки на межэтническое общение находятся под сильным влиянием национальных традиций, часто тесно связанных с религиозными предписаниями: «у народов мусульманской культуры при добром расположении к общению с русскими, а в советские времена даже престижности такого общения, тем не менее, нормой были эндогамные браки» [11, с. 45].

Если обратиться к результатам исследования, то, по сравнению с другими социальными сферами, наименьшую толерантность опрошенное городское население демонстрирует в отношении семейно-брачной. Так, анализ результатов исследования по национальной принадлежности показывает, что негативная оценка смешанного брака своих детей характерна каждому второму опрошенному в подмассиве аварцев и чеченцев, одной трети даргинцев, доля таковых в остальных подгруппах существенно меньше. Далее, отрицательное отношение к возможности собственного вступления в межэтнический брак демонстрирует такая же доля аварцев, чеченцев и даргинцев. По сравнению с другими этническими группами, в большей степени толерантность в отношении возможного межнационального брака своих детей демонстрируют опрошенных кумыков и русских: только одна шестая часть первых и каждый седьмой во второй подгруппе не готов к смешанному браку.

Далее одна седьмая часть в подмассиве кумыков и каждый шестой в подгруппе русских не допускает возможность заключения межнационального брака. Таким образом, полученные данные показывают, что, в целом массовому сознанию городского населения Дагестана характерно позитивное восприятие представителя инонациональной принадлежности в различных социальных сферах, но при этом показатели заметно снижаются в семейно-брачной сфере, и здесь проявляется консерватизм, ориентация на самоизоляцию, которая имеет свои основания – возможно желание сохранить этнокультурную специфику своей национальной общности.

Городское население в силу объективных и субъективных причин меняло свое поведение практически во всех социальных сферах, что отразилось непосредственно на структуре самого социума, трудовых коллективах, его составе и численности, во взаимоотношениях с соседями, на этническом и этическом поведении человека, его ценностных ориентациях, а также и на институте семьи. Таким образом, результаты исследования констатируют рост количества людей, позитивно оценивающих межэтническую брачность, и такие изменения в установках респондентов, по мнению авторов, обусловлены повышением толерантных установок в массовом сознании и поведении в отношении брачного союза.

Характерная опрошенному городскому населению Дагестана социальная дистанцированность проявляется не только через шкалу Богардуса, показывающую готовность поддерживать межличностный контакт, но и посредством существующих в массовом сознании установок на поддержание или игнорирование межнациональной коммуникации. Данный аспект также был затронут в рамках проведенного социологического опроса. Так, существующие в массовом сознании городского населения республики установки толерантности высвечиваются через полученные на вопрос **«С какими из народов Вам приятно общаться, дружить, поддерживать добрососедские отношения?»** результаты: 46,9 % респондентов комфортно поддерживать межнациональную

коммуникацию «со всеми народами». По национальной принадлежности данной позиции придерживается больше половины опрошенных в подгруппе даргинцев, кумыков, лезгин и русских, одна вторая часть аварцев, каждый третий среди лакцев и меньше всего таковых в подмассиве чеченцев (18,2 %). Далее 12,3 % респондентов по всему массиву предпочитают межнациональное контактирование с аварцами, при этом ответы по этническим группам распределились следующим образом: 14,6 % даргинцев, 12,8 % лакцев, 12,3 % кумыков и 10,7 % русских. В качестве комфортного представителя для межличностного взаимодействия и проживания 9,6 % опрошенных указали на даргинцев и больше всего таковых в подгруппе лакцев. Если каждый седьмой из подмассива даргинцев выбрал представителя аварского народа, то 9,6 % опрошенных аварцев предпочитают общение, дружбу и добрососедские отношения с даргинцами. Толерантные установки в отношении лезгин характерны 9,4 % респондентов по всему массиву, и по сравнению с другими подгруппами, больше всего придерживающихся данной позиции в подмассиве русских (10,7 %). Если всего 4,4 % лезгин отметили аварцев в качестве предпочитаемых субъектов в разных социальных сферах взаимодействия, то в подгруппе аварцев в отношении лезгин доля почти в 2 раза больше (8,1 %).

Таким образом, полученные результаты исследования являются основанием для утверждения о существовании в массовом сознании городского населения Дагестана толерантных установок в отношении представителей инонациональной общности, но при этом перекрестный анализ показывает, что, если один народ позитивно настроен в отношении другого, то второй в отношении первого не всегда демонстрирует зеркальность. И причины здесь могут быть самые различные, начиная от объективных, обусловленных историческими причинами, до субъективных – когда конфликт на бытовом уровне очень часто приобретает национальный оттенок и способствует формированию в массовом сознании негативных гетеростереотипов.

Далее в нашем исследовании был задан «контрольный вопрос» **«С какими из народов Вам неприятно общаться, дружить, поддерживать добрососедские отношения?»**. Полученные данные показывают, что 60,2 % респондентов придерживаются суждения «нет таких народов»; по национальной принадлежности данную позицию разделяют 53,2 % лакцев, 54,8 % аварцев, 61,4 % кумыков, 61,8 % даргинцев, 67,0 % лезгин, 75,0 % русских и существенно меньшая часть опрошенных чеченцев (18,2 %). Если посмотреть результаты опроса в разрезе социально-демографических признаков и места проживания, то толерантной установки в отношении представителей другой национальной принадлежности придерживается 74,1 % населения Дербента, 61,0 % Каспийска, 60,9 % Махачкалы и их существенно меньше в подмассиве жителей Хасавюрта (44,8 %). По возрасту, доля демонстрирующих позитивное отношение к иным народам по всем когортам больше половины опрошенных, но выделяется подгруппа «от 50 до 60 лет» (72,2 %), что вполне объяснимо – выросшее при социалистическом строе, провозгласившем «равенство, дружбу, братство», а также деклариовавшем интернациональное воспитание поколение, разумеется, и будет воплощать в реальности, заложенные с детства как в семье, так и образовательных учреждениях (детские сады, школы, техникумы, вузы и т.д.) позитивные установки. По образовательному признаку, в сравнении с имеющими среднее (53,5 %) и высшее образование (68,8 %), выделяются респонденты со средним специальным образованием, среди которых разделяющих данный тезис заметно меньше (49,6 %). Более того, можно констатировать существенное влияние уровня образования на формирование положительного настроя в межнациональном взаимодействии. Но при этом, хотя и статистически незначимая, доля опрошенных отметила народы, к которым она испытывает негативные эмоции: 0,6 % респондентов указали на чеченцев (здесь выделяются аварцы – 2,2 %), по 1,7 % на лакцев и русских, по 1,9 % на аварцев и лезгин, 2,7 % на даргинцев; по сравнению с другими этническими общностями, нежелание поддерживать общение опрошенные отметили в отношении кумыков (3,1 %).

Таким образом, эмпирические данные показывают характерность городскому населению Дагестана позитивных установок в отношении представителей другой этнической группы при очень слабо выраженной интолерантности, а это является мощным ресурсом сохранения межнационального согласия и стабильности в современном полиэтническом и поликонфессиональном дагестанском обществе. Подтверждением данного вывода являются полученные на вопрос **«Если бы Вам было суждено жить вдали от своего народа, то с каким народом Вы предпочли бы жить (кроме своего)?»** результаты: так, в массовом сознании превалирует суждение «со всеми» (40,8 %) и с большим отрывом на второй позиции располагается вариант ответа «русские» (6,9 %). По национальной принадлежности предпочтительность совместного проживания с русскими обозначена лезгинами (9,9 %), даргинцами (7,9 %), аварцами (6,7 %), кумыками (5,3 %) и лакцами (4,3 %); далее 5,4 % респондентов указали на аварцев, 4,0 % на даргинцев, 3,3 % на лакцев, при этом 5,2 % опрошенных безразлична этническая принадлежность рядом проживающего человека.

Мониторинговые исследования показывают доминирование в массовом сознании дагестанского населения толерантных установок в отношении русского населения, предпочтительность с ними совместного проживания, впрочем, как и межличностных контактов.

Многонациональность социума предполагает взаимоуважение представителей разных народов во всех сферах социального и межэтнического взаимодействия, следовательно, при изучении межэтнической напряженности [12, 13], характера межнациональных отношений (гармоничных или дисгармоничных) представляется необходимым показать существование/отсутствие между дагестанскими народами социальной дистанцированности, что ранее было подробно изложено. Авторы исходят из предположения, что на динамику этнических процессов огромное влияние имеет характер и частотность этноконтактов, а также степень «близости – далекости» этнокультур, которая также была изучена в рамках данного исследования, ибо она позволяет прогнозировать направленность этносоциальных процессов и предусмотреть потенциальные очаги возникновения межэтнической напряженности.

Ответы на вопрос **«Какие народы Вам ближе по обычаям, традициям, поведению?»** показывают, что все включенные в массив этнические общности указывают на свое этнокультурное сходство, в первую очередь, с представителями своего народа. Анализ информации по национальной принадлежности констатирует характерность большей половине опрошенных аварцев, одной второй части даргинцев, лакцев и чеченцев, каждому третьему из подмассива русских и существенно меньшей доле лезгин обозначения своего этнокультурного и поведенческого сходства с представителями аварского народа. Далее этнокультурное сходство с даргинцами отмечено каждым вторым в подгруппе лакцев, при этом обращает на себя внимание позиция одной трети даргинцев, подчеркивающих родственность с лакцами. Такая же картина характерна и для аварского населения – если больше половины даргинцев отмечает свою этнокультурную близость с аварцами, то среди опрошенных аварцев придерживающихся данной позиции в отношении даргинцев существенно меньше (одна треть). Такое же поведение одна пятая часть аварцев демонстрирует и в отношении лакцев и кумыков (каждый седьмой опрошенный), т.е. процентное соотношение в 2 раза меньше. Анализ по каждому городу показывает, что жители Хасавюрта (40,3 %) и Махачкалы (47,9 %) указывают на этнокультурное сходство с аварцами, а каспийчане (5,25 %) и дербентцы (48,1 %) с лезгинами. Авторы полагают, что численное доминирование того или иного народа в каждом населенном пункте обуславливает межнациональную коммуникацию большей частью именно с ними, что позволяет ближе знакомиться с их национальной культурой, а это является основой для измерения определяемой представителями каждого этнического образования культурной дистанции.

Таким образом, полученные эмпирические данные показывают, что опрошенные горожане этнокультурную близость подчеркивают с аварцами, даргинцами и лезгинами, доля придерживающихся данного суждения относительно лакцев, кумыков и русских заметно меньше. При этом обращает на себя внимание противоречивое поведение респондентов: если в вопросе «С какими из народов Вам приятно общаться, дружить, поддерживать добрососедские отношения?» респонденты предпочтение отдавали русским, то в вопросе «Какие народы Вам ближе по обычаям, традициям, поведению?» опрошенные на последнее место поставили русских, причем одинаковая доля опрошенных лезгин предпочитает совместное проживание с представителями русского народа, одновременно подчеркивая социальную дистанцированность от них. Иными словами, происходящие в современном дагестанском обществе сложные этнические процессы обуславливают существование в массовом сознании опрошенных горожан противоположных суждений, а такое положение, по мнению авторов, сигнализирует о наличии в латентной форме интолерантности и противостояния между народами.

Заключение

Эмпирические данные показывают слабую выраженность социальной дистанцированности в городском пространстве Дагестана: опрошенные горожане готовы принять человека инонациональной принадлежности практически во всех социальных сферах, хотя доля ориентированных на межэтническую брачность заметно меньше, иными словами, заключение межнационального брачного союза допускает существенная часть респондентов. На основе проведенного исследования можно сделать вывод о том, что происходящие трансформации института семьи намного ярче проявляются в городской среде. Так, повышается возраст вступления в брак, в некоторой степени дагестанская молодежь начала подражать нехарактерной для традиционного дагестанского общества модели семейного поведения – ориентация на карьерный рост, отход от многих семейных установок и ценностей. В изменении модели семейного и демографического поведения [14] определенная часть вины лежит и на государстве, которое предпочло именно существующую экономическую систему, которая формирует гендерное неравенство как в оплате труда, так и выборе работника, не обремененного семьей и детьми.

Далее о слабой выраженности социальной дистанции свидетельствуют результаты ответов на вопросы, показывающие существующие в массовом сознании установки на совместное проживание с представителями другой этнической общности, а также обозначенное респондентами этнокультурное сходство с дагестанскими народами.

Индикатором зрелости межнациональной толерантности является установка на совместное проживание с последователями иного вероисповедания и этнокультуры и данные исследования показывают, что горожане предпочтение отдают русскому населению. Существование таких тенденций в массовом сознании является ресурсом для формирования межнационального согласия и стабильности в современном дагестанском обществе.

Литература

1. Ponomarev I.E., Gafiatulina N.K., Zritineva E.I., Kasyanov V.V., Bahutashyili T.V., Ponomarev P.A. The Influence of Social Justice Crisis on Social Health and Spiritual security of Young Students (Case Study of the South of Russia). *International Journal of Applied Exercise Physiology*. 2019. Vol. 8. No 2.1. Pp. 250 – 257.
2. Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение / Под ред. М.К. Горшкова. М.: Новый хронограф, 2010. 256 с.
3. Яницкий О.Н. История городской социологии в России: эволюция идей // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 117 – 126.
4. Кузнецов И.М. Баланс межнациональных установок как индикатор состояния межэтнических отношений // Мир России. 2017. Т. 26. № 1. С. 58 – 80.
5. Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 3 – 12.
6. Новикова Е.Н. Влияние городской среды на добрачное поведение молодежи // Социология города. 2011. № 2. С. 16 – 23.
7. Рыжова С.В. Этническая идентичность в контексте толерантности. М.: Альфа-М, 2011. 280 с.
8. Город как социокультурное явление исторического процесса / Отв. ред. Э.В. Сайко. М.: Наука, 1995. 351 с.
9. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.
10. Социология межэтнической толерантности / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2003. 222 с.
11. Коломасова Е.Н., Романовская Е.С., Савинов Л.И. Семейно-демографическая политика в условиях урбанизации // Социология города. 2011. № 2. С. 23 – 29.
12. Гафиатулина Н.Х. Детерминанты формирования этнических стереотипов в среде молодежи юга России в контексте анализа теорий происхождения этнических стереотипов / В сборнике: КАВКАЗ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА. Сборник научных статей. Ответственный редактор И.П. Добавев. Ростов-на-Дону, 2019. С. 50 – 58.
13. Shakhbanova M.M., Kasyanov V.V., Gafiatulina N.Kh., Gluzman I.V., Polivina M.A., Gnatyuk M.A., Ramazanov R.O. The role of trust in the formation of ethnic tolerance and social health in the modern Russian society // *Revista Inclusiones*. 2019. T. 6. № 2. C. 296 – 305.
14. Chikaeva K.S., Rachipa A.V., Motsovkina E.V., Ilina L.O., Ivanov M.V., Zagirova E.M., Artamonova Ya.V. Institutional space of a family in the south of Russia: specificity of traditions and innovations // *Revista San Gregorio*. 2019. № 34. C. 127-137.

Shakhbanova Madina Magomedkamilovna, Doctor of Sociology, Leading Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (75, Yaragskogo str., Makhachkala, Republic of Dagestan, 367030, Russian Federation).
E-mail: madina2405@mail.ru

Gimbatova Madina Bagavutdinovna, Doctor in Historical Sciences, Leading Researcher in the Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (75, Yaragskogo str., Makhachkala, Republic of Dagestan, 367030, Russian Federation).
E-mail: gimbatova@list.ru

Remikhanova Ramila Idrisovna, candidate in Historical Sciences, Senior Lecturer of the Department of History of the Fatherland, Dagestan State Technical University (70, Imam Shamilya Av., Makhachkala, Republic of Dagestan, 367030, Russian Federation). E-mail: reramila@yandex.ru

SOCIAL DISTANCE IN THE CITY SPACE OF DAGESTAN

Abstract

The formation of inter-ethnic tolerance is based on the expression of social distance, which diagnoses the orientation of representatives of different ethnic entities to maintain or ignore inter-ethnic interaction in different spheres of social contact. Empirical data are the basis for the conclusion of tolerant attitudes characteristic for mass consciousness of the urban population of Dagestan towards members of another nationality. Moreover, in-depth analysis indicates that the positive attitude of members of one people towards another naturally leads to similar perception and behaviour on the part of members of another ethnic group. In addition, the results of the study show that Dagestan citizens have positive attitudes towards representatives of another national group with simultaneously weak intolerance, which contributes to the preservation of a positive inter-ethnic climate in a multi-ethnic and multi-religious environment. An indicator of the maturity of inter-ethnic tolerance is the attitude towards inter-ethnic marriage, and the author's study shows a positive perception of inter-ethnic marriage. In addition, there is a change in the attitude of respondents towards the conclusion of a marriage union with followers of other faiths, and such attitudes are due to the growth of tolerant attitudes in mass consciousness and behaviour towards the marriage union as a whole. The results of the study further show that it is more typical for the ethnic groups interviewed to indicate their ethnocultural similarities with the representatives of their people.

Keywords: urban population, urban space, Dagestan peoples, cultural border, culture of communication, inter-ethnic tolerance, social distance, inter-ethnic interaction, inter-ethnic communication, ethnic communities, ethnic contacts.

References

1. Ponomarev I.E., Gafiatulina N.K., Zritineva E.I., Kasyanov V.V., Bahutashyli T.V., Ponomarev P.A. The Influence of Social Justice Crisis on Social Health and Spiritual security of Young Students (Case Study of the South of Russia). International Journal of Applied Exercise Physiology. 2019. Vol. 8. No 2.1.Pp. 250 – 257.
2. Social'nye faktory konsolidatsii Rossijskogo obshchestva: sociologicheskoe izmerenie / Pod red. M.K. Gorshkova. M.: Novyj hronograf, 2010. 256 p.
3. YAnickij O.N. Istoriya gorodskoj sociologii v Rossii: evolyuciya idej // Sociologicheskie issledovaniya. 2016. № 8. P. 117 – 126.
4. Kuznecov I.M. Balans mezhnacional'nyh ustanovok kak indikator sostoyaniya mezhetnicheskikh otnoshenij // Mir Rossii. 2017. T. 26. № 1. P. 58 – 80.
5. Park R. Gorod kak social'naya laboratoriya // Sociologicheskoe obozrenie. 2002. T. 2. № 3. P. 3 – 12.
6. Novikova E.N. Vliyanie gorodskoj sredy na dobrachnoe povedenie molodezhi // Sociologiya goroda. 2011. № 2. P. 16 – 23.
7. Ryzhova S.V. Etnicheskaya identichnost' v kontekste tolerantnosti. M.: Al'fa-M, 2011. 280 p.
8. Gorod kak sociokul'turnoe yavlenie istoricheskogo processa / Otv. red. E.V. Sajko. M.: Nauka, 1995. 351 p.
9. Bromlej YU.V. Ocherki teorii etnosa. M.: Nauka, 1983. 412 p.
10. Sociologiya mezhetnicheskoy tolerantnosti / Otv. red. L.M. Drobizheva. M.: Izd-vo Instituta sociologii RAN, 2003. 222 p.
11. Kolomasova E.N., Romanovskaya E.S., Savinov L.I. Semejno-demograficheskaya politika v usloviyah urbanizatsii // Sociologiya goroda. 2011. № 2. P. 23 – 29.
12. Gafiatulina N.H. Determinanty formirovaniya etnicheskikh stereotipov v srede molodezhi yuga Rossii v kontekste analiza teorii proiskhozhdeniya etnicheskikh stereotipov / V sbornike: KAVKAZ: VCHERA, SEGODNYA, ZAVTRA. Sbornik nauchnykh statej. Otvetstvennyj redaktor I.P. Dobaev. Rostov-na-Donu, 2019. P. 50 – 58.
13. Shakhbanova M.M., Kasyanov V.V., Gafiatulina N.Kh., Gluzman I.V., Polivina M.A., Gnatyuk M.A., Ramazanov R.O. The role of trust in the formation of ethnic tolerance and social health in the modern Russian society // Revista Inclusiones. 2019. T. 6. № 2. P. 296 – 305.
14. Chikaeva K.S., Rachipa A.V., Motsovkina E.V., Ilina L.O., Ivanov M.V., Zagirova E.M., Artamonova Ya.V. Institutional space of a family in the south of Russia: specificity of traditions and innovations // Revista San Gregorio. 2019. № 34. P. 127-137.

БАНКОВСКИЙ КОНТРОЛЬ В СИСТЕМЕ ИСЛАМСКИХ ФИНАНСОВЫХ ИНСТИТУТОВ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В РОССИИ

Аль-Гаррави магистр финансов и банков, преподаватель (Багдадский университет, Ирак),
Мохаммед аспирант, Южный федеральный университет
Абдулвахид (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42).
Джайяс E-mail: mabd121983@gmail.com

Аннотация

В статье показано, что несмотря на существование стандартов, определяющих принципы функционирования и контроля за специфическими финансами в разных исламских странах, их финансовые системы и механизмы банковского контроля характеризуются определенными различиями. Проведен сравнительный анализ опыта его организации в исламских странах, выявлены различия и предложены варианты его использования в российской банковской практике.

Ключевые слова: шариат, исламские финансы, шариатский совет, российские банки, внутрибанковский контроль, инвесторы, клиенты банка, банковские риски, внутрибанковский аудит.

Несмотря на принципиальные отличия европейского и мусульманского финансового контроля за развитием финансовых институтов [10], между ними существуют и общие моменты, развитие которых могло бы дополнить и способствовать успешному развитию данных систем. Речь идёт о существовании и развитии общественных надсистемных институтов в той и другой системах финансового контроля.

Общепризнано, что внутрибанковский контроль осуществляется по двум направлениям (рис. 1).

Рис. 1. Направления и механизмы реализации внутрибанковского контроля

В настоящее время анализ финансового состояния кредитных организаций свидетельствует о неудовлетворенном состоянии внутреннего контроля во многих российских банках. Для осуществления постоянного контроля в ЦБ РФ создана служба внутреннего аудита (рис. 2), которая может быть эталонным примером для создания подобных служб в коммерческих банках.

Служба Главного аудитора Банка России выполняет ряд важнейших задач (рис. 3).

Следует отметить, что одной из выявленных нами специфических характеристик исламских финансов и их контроля выступает неформальная институционализация особых контрольных органов в системе исламских финансов, наряду с "хавалой" – такой же неформальной финансово-расчётной системой на основе взаимозачёта требований и обязательств [3].

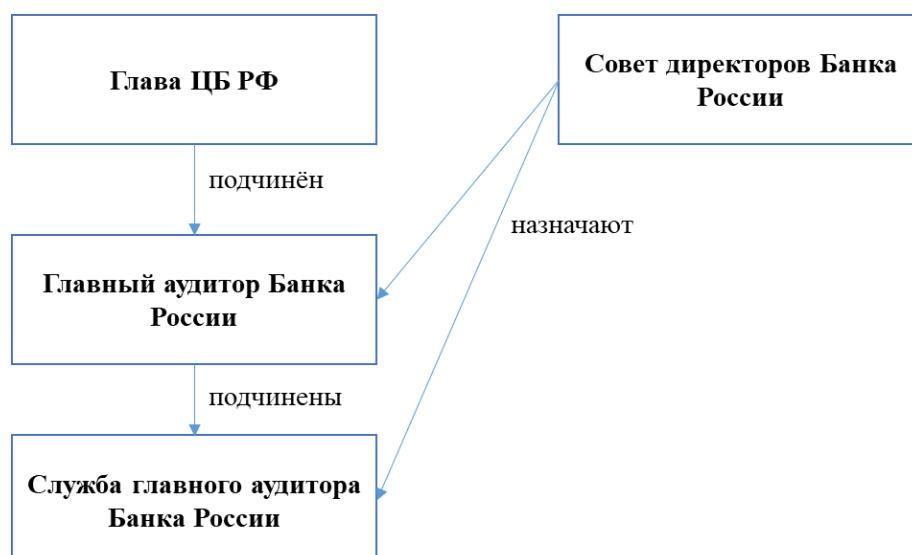

Рис. 2. Организация и подчиненность службы Главного аудитора ЦБ¹

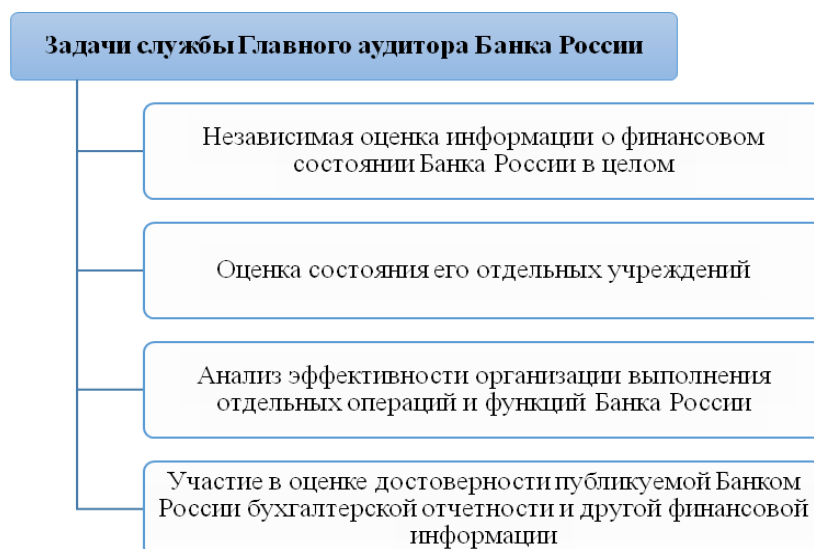

Рис. 3. Функции службы Главного аудитора Банка России²

Это шариатские наблюдательные советы, на которые гражданским обществом возложена ответственная функция оценки соответствия практической деятельности исламских финансовых институтов установленным формальным нормам и принципам мусульманского права [7]. Следует подчеркнуть еще раз, что шариатские наблюдательные советы - это неформальный институт гражданского общества, общественного контроля, но в ряде исламских стран он формализован в банковском законодательстве. Поэтому в странах с институционально развитой системой регулирования исламских финансов банкам и другим финансовым институтам государство не выдает лицензию на осуществление банковской деятельности, если в них не функционирует такой общественно-контрольный орган, как шариатский совет [3].

Шариатские советы выполняют множество основных и дополнительных функций (рис. 4).

¹ Письмо ЦБР от 7 ноября 1999 г. № 289-Т «О мерах по повышению уровня внутреннего контроля в банках». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/580694/>; Федеральный закон от 10.07.2002 N 86-ФЗ (ред. от 02.08.2019) "О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)" (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2019). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=37570-0&rnd=E6AB7BCD72253A89A246502B4A329E9F&req=doc&base=LAW&n=330979&REFDOC=37570&REFBAS E=LAW#7r7v9zth2k>.

² Письмо ЦБР от 7 ноября 1999 г. № 289-Т «О мерах по повышению уровня внутреннего контроля в банках». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/580694/>.

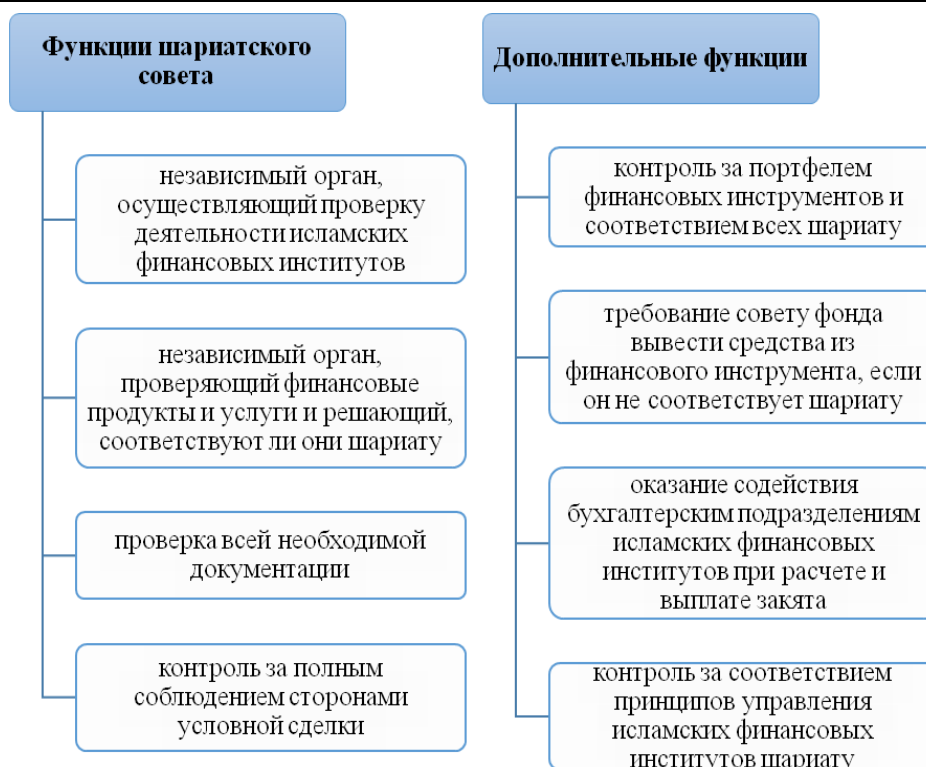

Рис. 4. Функции шариатских финансовых институтов [1]

Закята – обязательный ежегодный налог в исламских странах.

Очевидно, что необходимой предпосылкой для эффективного осуществления членами шариатских советов всех своих контрольных обязанностей является наличие у них высокого уровня квалификации, которым обладает не каждый специалист по Фикху¹.

Стандарты Организации бухгалтерского учета и аудита для исламских финансовых учреждений (The Accounting and Auditing Organization for Islamic Financial Institutions – AAOIFI)² и Совета по исламским финансовым услугам (The Islamic Financial Services Board – IFSB)³, а также документы других международных и национальных организаций, регламентирующих деятельность шариатских советов, предъявляют к членам шариатских советов достаточно жесткие требования (рис. 5).

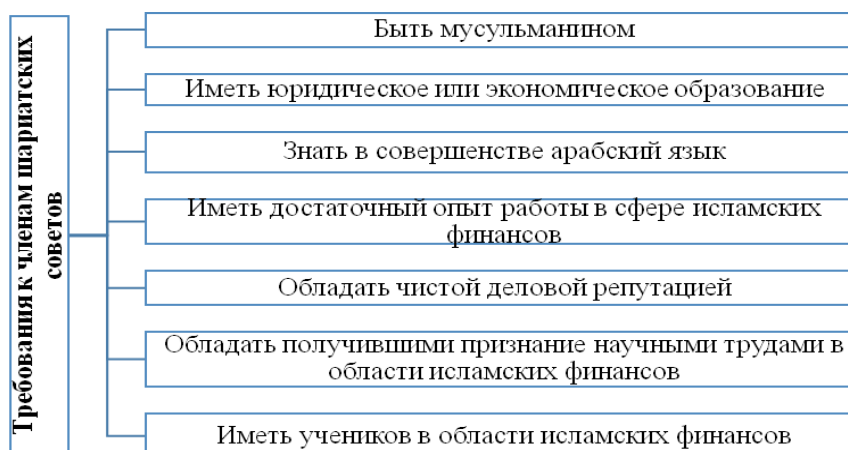

Рис. 5. Требования, которым должны соответствовать члены шариатских советов

¹ Фикх – мусульманская доктрина о правилах поведения.

² Accounting, Auditing and Governance Standards for Islamic Financial Institutions. - Bahrain, 2010. [Electronic resource]. – Access mode: <https://aaoifi.com/?lang=en>.

³ Guiding Principles on Shari'ah Governance Systems for Institutions offering Islamic Financial Services. - Bahrain, 2009. 131 p. [Electronic resource]. – Access mode: www.ifsb.org/standard/IFSB-10%20Shariah%20Governance.pdf

Более строгие требования предъявляются к председателям шариатского совета, которые кроме всего прочего должны обладать трехлетним опытом вынесения решений по какому-либо вопросу, основанному на принципах ислама (фетвом) или четырехлетним опытом преподавания или исследования исламских финансов. Для членов шариатских советов никаких ограничений по половому признаку нет, хотя подавляющее большинство из них, безусловно, мужчины.

В настоящее время общее число шариатских советников определить сложно, хотя эксперты оценивают их количество примерно в 400 человек. Ограниченное количество шариатских советников, привело к тому, что в большинстве стран они могут одновременно участвовать в работе нескольких шариатских советов, хотя в некоторых странах (Малайзия, Пакистан) допускается членство в нескольких шариатских советах [5].

В российской практике специалисты службы главного аудитора ЦБ осуществляют свою деятельность самостоятельно, поскольку функционально независимы от руководства тех подразделений ЦБ, которые являются объектами их аудиторского контроля. В процессе его осуществления персонал службы главного аудитора руководствуется только законодательными нормами, установленными федеральными законами и нормативными актами ЦБ РФ. Важнейшим требованием к составляемым ими аудиторским заключениям является объективность оценки финансового состояния подвергаемого аудиторской проверке подразделения, а также добросовестная аргументированность выводов и предложений, разрабатываемых по результатам аудита.

Ядром функционала службы главного аудитора ЦБ РФ по осуществлению ревизий выступает мониторинг соответствия деятельности подразделений банка требованиям законодательства, адекватности документального оформления проводимых финансовых операций, ведения бухгалтерского, статистического учета и подготовки соответствующих отчетов.

В целях обеспечения эффективности надзорной деятельности сотрудники службы внутреннего аудита наделяются достаточно широким кругом прав (рис. 6).

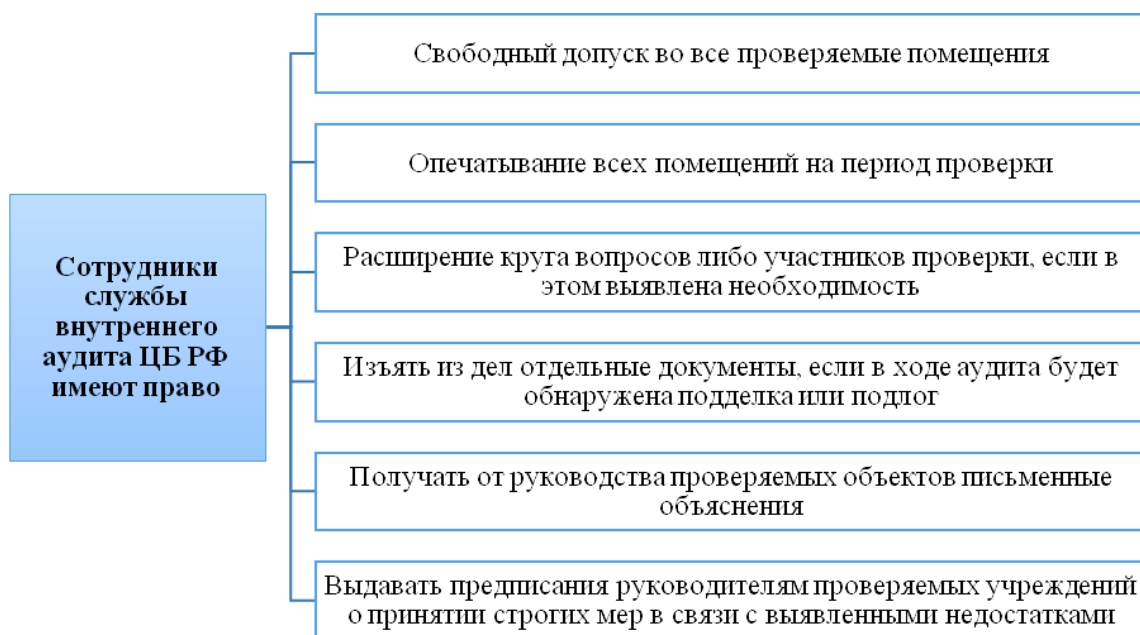

Рис. 6. Права сотрудников службы внутреннего аудита ЦБ РФ¹

Проведение аудиторских проверок подразделений ЦБ РФ санкционируется Председателя ЦБ, Советом директоров банка и главным аудитором ЦБ. Аудиторская проверка осуществляется как в отношении конкретных персоналий, так и отдельных банковских операций с признаками недостоверности, отмыывании преступных доходов, финансирования терроризма и др., особенно при взаимодействии с контрагентами из исламских стран с высокой степенью возможной угрозы национальной безопасности [3; 9].

В процессе ревизии осуществляется анализ соответствующей нормативно-правовой базы, программно-технического обеспечения, показателей бухгалтерской и статистической отчетности по деятельности проверяемого подразделения. Аудитор имеет право и свободный доступ к книгам,

¹ Письмо ЦБР от 7 ноября 1999 г. № 289-Т «О мерах по повышению уровня внутреннего контроля в банках». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/580694/>.

учетным записям, деловой корреспонденции соответствующего участка деятельности проверяемого подразделения ЦБ.

Задачей аудиторов является выявление как ошибок и неточностей, так и незаконных банковских операций или действий при их осуществлении, а также оценка потенциальной степени их воздействия на результаты выполнения ЦБ своих функций. Для этого аудиторское заключение, составляемое по итогам проверки содержит оценочное мнение аудиторов о ее характере, адекватности представляемой финансовой и другой информации установленным регламентам.

Под руководством службы главного аудитора непосредственную деятельность по осуществлению внутрибанковского аудита осуществляет Департамент внутреннего аудита и ревизий Банка России. Как системообразующее ядро внутреннего аудита ЦБ он оценивает качество проверок ревизионных отделов территориальных главных управлений и других подразделений ЦБ, каждый год составляет отчет о контрольно-ревизионной деятельности и обобщает результаты всех аудиторских проверок.

Внешней функцией Департамента является установление и поддержка взаимодействия с правоохранительными и другими контролирующими органами государства, а также общественными (саморегулируемыми) организациями в сфере аудиторской деятельности.

Для эффективной реализации своего функционала Департамент внутреннего аудита и ревизий ЦБ наделен правом запроса в ходе аудиторских проверок полной документации о деятельности подвергаемых проверке служб центрального аппарата Банка, его территориальных подразделений, всех его предприятий и организаций. Безусловно, при обеспечении приоритета Конституции РФ над международными правовыми нормами, задачу достижения которого поставил Президент РФ В.В. Путин в своем ежегодном Послании Федеральному собранию 2020 г., при организации и проведении внутрибанковского аудита ЦБ РФ опирается в этой своей деятельности на рекомендации Базельского комитета по банковскому надзору «Система внутреннего контроля в банках: основы организации»¹.

Аналогично ЦБ РФ в каждом российском коммерческом банке создается своя служба внутреннего аудита с подчинением ее руководству банка и выполнением аналогичных задач. Основными задачами службы внутреннего аудита банка является постоянный контроль за совершаемыми банком операциями, их соответствием нормативным требованиям, подготовка банка к ежегодным обязательным внешним аудиторским проверкам, контактирование с внешними аудиторами в ходе обязательной проверки и разработка плана мероприятий по устранению недостатков, выявленных в ходе обязательной ежегодной проверки. В целом, проведенное исследование позволяет сделать обоснованный вывод о том, что организация и проведение внутреннего контроля и аудита в российской банковской системе в основном соответствуют как рекомендациям Базельского комитета, так и императивам Лимской декларации руководящих принципов контроля Международной организации высших органов финансового контроля (INTOSAI). Однако, на наш взгляд, с учетом того, что в российской банковской системе существуют и мусульманские банковские институты [4] (хотя их число и незначительно), необходимо дополнить систему банковского контроля и аудита используемыми другими мусульманскими странами исламскими институтами. Так опыт использования исламского страхования в России и Казахстане описан Беккиным Р.И. [8]. Но в банковской сфере целесообразно также внедрять инструменты исламского банковского контроля и аудита, отраженные нами в данной статье.

Литература

1. Беккин Р.И. Особенности шариатского надзора в исламских финансовых институтах: современный опыт мусульманских и немусульманских стран // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. 2014. № 3. С. 150 – 152.
2. Игнатова Т.В., Добаев А.И. Исламская экономика и эволюция системы «хавала» // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2016. Т. 12. № 4. С. 141 – 170.
3. Игнатова Т.В., Добаев А.И. Оценка финансовых операций в международной системе «хавала» в контексте предотвращения угроз национальной безопасности // Финансовые исследования. 2018. № 1. С. 17 – 25.
4. Кох Л. В., Гасымов Ф. Г. Исламские финансы и традиционная банковская система // Вестник Забайкальского государственного университета. 2013. № 11. С. 133 – 138.

¹ Письмо ЦБ РФ от 10 июля 2001 г. №87-Т «О рекомендациях Базельского комитета по банковскому надзору». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32567/

5. Неведов М.Д. К вопросу об исламском банкинге // Альманах современной науки и образования. 2013. № 4 (71). С. 125 – 127.
6. Свиридов О.Ю., Шашерина М.В. Механизм воздействия религиозных воззрений на формирование национальных банковских традиций и дальнейшее развитие российской банковской системы. Ростов-на-Дону: Содействие-XXI век, 2018. 189 с.
7. Сребник Б.В. Финансы стран исламского мира и возможность их использования в российских инфраструктурных проектах // Финансы. 2010. № 11. С. 65 – 70.
8. Bekkin R. The Experience and Challenges of Islamic Insurance in the Post-Soviet Space: Case Studies of Russia and Kazakhstan // Kyoto Bulletin of Islamic Area Studies. 2015. Vol. 8. March. P. 141 – 154.
9. Khokhlov A. Islamic Finance: A Boost to the Economy or a Threat to national Security? // Problemy Natsionalnoy Strategii. 2016. № 4 (37). P. 238 – 248.
10. Siddiqi M.N. Islamic banking and finance in theory and practice: a survey of state of the art // Islamic Economic Studies. 2006. Vol. 13. N 2. February.

Al-Garravi Mohammed Abdulvahid Jayas, Master of Finance and Banking, Lecturer at Baghdad University, Iraq, Post-graduate student, Southern Federal University (105/42, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: mabd121983@gmail.com

BANK CONTROL IN THE SYSTEM OF ISLAMIC FINANCIAL INSTITUTIONS: USE IN RUSSIA

Abstract

The article shows that despite the existence of standards defining the principles of functioning and control of specific finances in different Islamic countries, their financial systems and banking control mechanisms are characterized by certain differences. A comparative analysis of the experience of its organization in Islamic countries is carried out, differences are revealed and options for its use in Russian banking practice are proposed.

Keywords: *Shari'ah, Islamic finance, Shari'ah a Council, Russian banks, internal banking control, investors, bank customers, banking risks, internal banking audit.*

References

1. Bekkin R.I. Osobennosti shariatskogo nadzora v islamskikh finansovykh institutakh: sovremennyy opyt musul'manskikh i nemusul'manskikh stran // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 5: Ekonomika. 2014. № 3. P. 150 – 152.
2. Ignatova T.V., Dobaev A.I. Islamskaya ekonomika i evolyuciya sistemy «havala» // Islam v sovremennom mire: vnutrigosudarstvennyy i mezhdunarodno-politicheskiy aspekty. 2016. T. 12. № 4. P. 141 – 170.
3. Ignatova T.V., Dobaev A.I. Ocenka finansovykh operatsiy v mezhdunarodnoy sisteme «havala» v kontekste pre-dotvrashcheniya ugroz nacional'noy bezopasnosti // Finansovye issledovaniya. 2018. № 1. P. 17 – 25.
4. Koh L. V., Gasymov F. G. Islamskie finansy i tradicionnaya bankovskaya sistema // Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 11. P. 133 – 138.
5. Nefedov M.D. K voprosu ob islamskom bankinge // Al'manah sovremennoy nauki i obrazovaniya. 2013. № 4 (71). P. 125 – 127.
6. Sviridov O.YU., Shasharina M.V. Mekhanizm vozdeystviya religioznykh vozzreniy na formirovanie nacional'nykh bankovskikh traditsiy i dal'neyshee razvitie rossijskoy bankovskoy sistemy. Rostov-na-Donu: Sodejstvie-XXI vek, 2018. 189 p.
7. Srebник B.V. Finansy stran islamskogo mira i vozmozhnost' ih ispol'zovaniya v rossijskikh infrastruktturnykh proektakh // Finansy. 2010. № 11. P. 65 – 70.
8. Bekkin R. The Experience and Challenges of Islamic Insurance in the Post-Soviet Space: Case Studies of Russia and Kazakhstan // Kyoto Bulletin of Islamic Area Studies. 2015. Vol. 8. March. P. 141 – 154.
9. Khokhlov A. Islamic Finance: A Boost to the Economy or a Threat to national Security? // Problemy Natsionalnoy Strategii. 2016. № 4 (37). P. 238 – 248.
10. Siddiqi M.N. Islamic banking and finance in theory and practice: a survey of state of the art // Islamic Economic Studies. 2006. Vol. 13. N 2. February.

КОНТУРЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ КАРТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ал Саррай аспирант, Институт философии и социально-политических наук
Ясир Южного федерального университета (344065, Россия,
Али Хаддад г. Ростов-на-Дону, Днепроvский пер., 116). E-mail: yasiralihaddad@yandex.ru

Аннотация

В классической политической науке и теории демократии мейнстримом является противопоставление персоналистского и институционального факторов политических преобразований. При этом обнаруживается обратная зависимость между этими факторами: персонализация политических режимов, как правило, происходит при недостаточной укоренённости демократических институтов и имеет следствием дальнейшее размывание всей институциональной системы. Однако, как показывает автор, вполне возможен обратный процесс, когда сильный политический лидер проводит институциональные реформы, закрепляя сложившиеся демократические практики. Под этим углом зрения в статье проводится анализ предложенных в январе 2020 г. Президентом РФ инициатив по внесению поправок в Конституцию РФ. Вывод, к которому приходит автор, состоит в том, что указанные поправки могут стать институциональной базой для проведения дальнейших демократических преобразований в России.

Ключевые слова: демократия, транзит, политическая стабильность, реформа, институт, институциональный дизайн, институциональная среда, Конституция РФ, Президент РФ, поправки в Конституцию РФ.

«Преобразованием без карты» называли процесс политической и социально-экономической модернизации России 90-х гг. XX в. профессор Гарвардского университета Андрей Шлейфер и профессор политических наук Калифорнийского Университета в Лос-Анжелесе Дэниэл Трейсман [1, pp. 175–184]. Полагая, что «реформа всегда является сложным и опасным процессом, осуществляемым неправильными людьми в неправильных условиях» [1, p. 179], авторы справедливо считают демократический транзит одним из самых рискованных институциональных мероприятий во всём комплексе проводимых реформ. И одной из самых сложных проблем в данном аспекте всегда было появление команды достаточно решительных профессионалов, способных удержать власть на всё время проведения реформ.

Поэтому долгое время в политической науке вполне приемлемой считалась ситуация, при которой просвещённый абсолютизм проводит либерализацию политической системы не под давлением общества или технологических сдвигов, а в силу собственной «просвещённости». Например, один из «столпов либерализма» Дж.Ст. Милль вполне признавал необходимость просвещённого абсолютизма «чтобы двинуть дело цивилизации» в условиях неготовности народа к представительному правлению [2, с. 68]. О невозможности прямого перехода от тоталитаризма к демократии, минув «просвещённый» авторитаризм говорили и многие политологи конца 80-х – начала 90-х гг. [см., например: 3]. Тем не менее, сегодня мы знаем, что всё обстоит гораздо сложнее. Одной из ключевых проблем для авторитарной или псевдоавторитарной политической власти в условиях демократического транзита является заложенный в самый фундамент демократии принцип неопределённости [см., например: 4, с. 66–77]. Сколь бы просвещённой ни была авторитарная власть, одним из самых сложных для неё испытаний всегда становится сам момент пореформенного перехода к демократии как системе «организованной неуверенности» [5, p. 162; 4, с. 66].

То есть, авторитарный правитель, «железной рукой» [3] подготовивший все необходимые реформы и, как следствие, приведший страну к демократии, рано или поздно вынужден «отпускать» политический процесс «на самотёк», полагаясь на предварительно созданные им институциональные механизмы. Которые с немалой долей вероятности (как показывает опыт политических преобразований в странах Восточной Европы [4]) приведут к смене власти и, соответственно, к утрате контроля над процессом дальнейшего реформирования страны. Поэтому стремление авторитарного режима каким-то образом встроить себя в пореформенную систему политических институтов с целью сохранения контроля над политическим процессом совсем не обязательно объяснять эгоистическими мотивами и страхом возможных преследований со стороны оппозиции, как это было с Пиночетом в Чили. Нельзя исключать и мотивацию одного из создателей сингапурского «экономического чуда» Ли Куан Ю, практически до самой смерти сохранявшего свои позиции в правительстве с целью поддержки и укоренения проведённых реформ.

Совершенно очевидно, что современная Россия оказалась сегодня в похожей ситуации развилки между стремлением власти сохранить стабильность и растущим в обществе запросом на политические перемены в сторону большей демократизации¹. Это хорошо понимает и власть, о чём, в частности, говорят симптоматичные публикации в проправительственной «Российской газете»². Поэтому считать «неожиданным» недавний демарш Президента России могут только очень уж наивные наблюдатели. В Послании Президента РФ Федеральному Собранию 15 января 2020 г. В.В. Путин предложил целый ряд поправок в Конституцию РФ³. Эти предложения вызвали бурную реакцию в российском обществе. Заговорили даже о конституционном перевороте и попытке захвата и удержания власти⁴, что в соответствии с законодательством РФ является тяжким уголовным преступлением.

Однако при оценке любой реформы следует учитывать, с одной стороны то, что общество теряет и, с другой стороны, то, что оно приобретает в результате этой реформы. В этом плане многие из критиков предложенных В.В. Путиным поправок согласны в том, что действующая Конституция РФ далека от совершенства и нуждается в коррекции. Многие из её положений так и остались декларативными, а часть даже деградировала за последние два десятилетия. Конституция РФ 1993 г. не зря получила название «ельцинской»: она принималась в условиях победы авторитарного президента над деморализованным парламентом. И закрепила эту победу в виде существенного перекаса в распределении властных полномочий в сторону президентской власти. Ключевые политические институты российского институционального дизайна, такие как Федеральное Собрание, Верховный, Конституционный и проч. высшие суды, Правительство РФ оказались фактически обречены на деградацию в случае избрания президентом достаточно сильного волевого человека, обладающего существенной поддержкой в обществе. Именно это и произошло в 2000-х гг.

В этом смысле нельзя не признать лаконичную правоту Дж.Ст. Милля: «Устойчивость представительных учреждений зависит от готовности народа бороться за них в случае, если им будет угрожать опасность» [2, с. 66]. Получив в 2000-х гг. беспрецедентный для всей российской истории рост материального благополучия, с одной стороны, и «хватив демократии через край в 90-х гг.», с другой, российское общество демонстрировало полное равнодушие к деградации демократических институтов и постепенной концентрации власти в руках президента. Это сделало необходимым и неизбежным формирование персоналистского режима в России конца 90-х – начала 2000-х гг. Однако это является и вполне закономерным.

В современной политической науке общим местом стало представление о том, что в трансформирующихся политических режимах резко возрастает роль персоналистского фактора, что в свою очередь, имеет следствием воспроизводство недемократического характера режима, когда один тип диктатуры сменяется другим, но никак не демократией [см., например: 6; 7; 8; 9; 10; 11 и др.]. В классической политологии хорошо изучены и причины этого «круговорота диктатур», или «ловушки трансформации»: недостаточное развитие политических институтов актуализирует персоналистский фактор, а усиление последнего приводит к дальнейшему размыванию политических институтов. Так, становление авторитарных политических режимов в межвоенной Европе (Италии, Германии, Франции и т. д.) обычно связывается с недостаточной укоренённостью демократических

¹ См., например: Мухаметшина Е. Почти 60 % россиян выступают за решительные перемены в стране // Ведомости. 05 ноября 2019 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/11/05/815494-pochti-60-grossiyan> (дата обращения: 20.01.2020); Галанина А. В России растёт спрос на гражданские права // Газета «Коммерсантъ». № 213 от 20.11.2019 г. URL:

https://www.kommersant.ru/doc/4164259?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 20.01.2020); Права человека // АНО «Левада-Центр». 20.11.2019 г. URL: <https://www.levada.ru/2019/11/20/prava-cheloveka/> (дата обращения: 20.01.2020).

² См., например: Выжutowич В. Запрос на перемены // Российская газета. № 145(7903). 04.07.2019 г. URL: <https://rg.ru/2019/07/04/vyzhutovich-rossiiane-hotiat-peremen-no-ponimaiut-cto-nuzhna-stabilnost.html> (дата обращения: 20.01.2020).

³ См.: Послание Президента Федеральному Собранию // Официальный сайт Президента России. 15 января 2020 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 20.01.2020).

⁴ См., например: Лукьянова Е. Запись от 15 января в 14:42 // Фейсбук Елены Лукьяновой. 15 января 2020 г. URL: <https://www.facebook.com/pravoslovo/posts/2726623287451903> (дата обращения: 20.01.2020); Путин хочет радикально и очень быстро переписать Конституцию – это конституционный переворот? // Meduza. 16 января 2020 г. URL: <https://meduza.io/feature/2020/01/16/putin-hochet-radikalno-i-ochen-bystro-perepisat-konstitutsiyu-eto-mozhno-nazvat-konstitutsionnym-perevorotom> (дата обращения: 20.01.2020); Коржова Д. Январский переворот. Хронология 15 января 2020 года // Ведомости. 15 января 2020 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/01/15/820678-perevorot> (дата обращения: 20.01.2020).

политических институтов либо с их разрушением в результате социально-экономического кризиса [см., например: 12; 13; 14; 15 и др.].

И действительно, противопоставление персоналистского и институционального факторов имеет определённую логику, если понимать институт как деперсонализированное «правило игры» в обществе [см.: 16, с. 17]. В то же время, в современной неоинституциональной дистрибутивной теории институтов поставлена проблема «институциональной амбивалентности»: изначальной мотивацией при создании институтов является не пресловутая коллективная польза, а борьба за власть и распределение ресурсов [см.: 17, р. 38–42]. Из этого следует, что нестабильная институциональная среда резко актуализирует личностные качества институциональных дизайнеров, которые, в свою очередь, проявляют институциональную креативность. На этот момент обращал внимание уже С. Хантингтон [см., например: 6]. Поэтому попытка подготовить будущие политические преобразования посредством закрепления некоего институционализированного комплекса правил политической игры приводит к большей «автоматизации», «техничности» политического процесса, делая его всё более независимым от личностных качеств игроков и, соответственно, более стабильным.

Если посмотреть на предложенные В.В. Путиным поправки в Конституцию РФ под этим углом зрения, то можно предположить, что за инициативой Президента РФ вполне могут стоять не эгоистические мотивы удержания власти, а стремление после 2024 г. обеспечить плавный переход страны в институциональное поле политических реформ при сохранении стабильности всей системы в целом. Поэтому прежде чем делать скоропалительные выводы, необходимо разобраться в сути предлагаемых изменений.

20 января 2020 г. В.В. Путин оформил свои предложения в виде законопроекта, который был внесён на рассмотрение в Государственную Думу РФ¹. На данный момент список поправок включает следующие²:

- закрепление в Конституции РФ обязательной индексации социальных пособий и иных социальных выплат, а также минимального размера оплаты труда, приравненного к прожиточному минимуму;
- ограничение приоритета международного права;
- повышение ценза оседлости для кандидатов в Президенты РФ с 10 до 25 лет;
- ограничение права занимать должность президента одним человеком двумя сроками;
- изменение процедуры назначения правительства РФ в пользу повышения роли парламента, который будет утверждать главу правительства, его заместителей и министров;
- изменение процедуры назначения руководителей силовых ведомств с передачей права их назначения президенту (после консультаций с Советом Федерации);
- придание конституционного статуса Государственному совету, деятельность которого конкретизируется соответствующим Федеральным законом;
- предоставление Совету Федерации права отрешать от должности судей Конституционного и Верховного судов;
- предоставление Конституционному суду права проверять конституционность федеральных законов до их подписания главой государства;
- запрет иностранного гражданства и вида на жительство за рубежом для президента, судей, глав субъектов федерации, депутатов и сенаторов, премьер-министра и министров.
- сокращение числа судей Конституционного суда с 19 до 11;
- право президента отправлять в отставку премьер-министра, с возможностью сохранения правительства в целом;
- включение органов местного самоуправления в единую систему публичной власти;
- некоторые механизмы для предотвращения затягивания назначения парламентом нового правительства и принятия новых законов.

Если посмотреть внимательно на предлагаемые поправки, то некоторые из них (закрепление индексации пособий, а также минимального размера оплаты труда), возможно, выглядят избыточными для Основного закона, но вполне популистски притягательными, что может легитимировать

¹ См.: В Госдуме рассказали об изменениях в Конституции // РИА Новости. 20 января 2020 г. URL: <https://ria.ru/20200120/1563650288.html> (дата обращения: 20.01.2020); Путин внес проект поправок в Конституцию России в Госдуму // Известия. 20 января 2020 г. URL: <https://iz.ru/966420/2020-01-20/putin-vnes-proekt-popravok-v-konstituciiu-rossii-v-gosdumu> (дата обращения: 20.01.2020).

² См.: Президент Российской Федерации. Законопроект № 885214-7 «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти» // СОЗД ГАС «Законотворчество». 20 января 2020 г. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/885214-7> (дата обращения: 20.01.2020).

в глазах населения проводимую реформу в целом. Часть поправок носит технический характер и не затрагивают духа Конституции РФ. Наибольший общественный резонанс вызвали несколько поправок, потенциально усиливающих власть Президента РФ (назначение силовых министров, а также фактическое лишение независимости высших судов), придание статуса конституционного органа Государственному совету, а также включение муниципальных органов власти в одну с государственными органами систему публичной власти. Однако при ближайшем рассмотрении опасения критиков проводимой реформы выглядят преувеличенными и надуманными.

Так, если детально проанализировать проблему усиливаемой предлагаемыми поправками централизации и вертикали власти, то здесь необходимо иметь в виду, что требование децентрализации отнюдь не является самоочевидным и, с точки зрения современной институциональной теории, нуждается в дополнительном обосновании [18, pp. 51–89]. Это особенно актуально на время проведения институциональных преобразований, когда обеспечение стабильности требует использования, а не поспешного разрушения наличных институциональных механизмов [6; 19]. Децентрализация может быть результатом, но не средством проведения реформ. А результат гарантирован уже прописанными в Конституции РФ статьями 1 и 12, отменить которые невозможно (без проведения всенародного референдума), да и никто не собирался. А временно централизовать власть для проведения реформ вполне оправданно.

Обсуждать ограничение приоритета международного права над национальным законодательством вообще не имеет смысла, поскольку фактически ничего не меняет в сути дела: Россия и ранее выполняла только те международные обязательства, под которыми поставила свою подпись. Никакого абстрактного «международного права» не существует. Есть система конкретных договоров и конвенций, часть из которых Россия взяла на себя обязательства соблюдать, а оставшиеся соблюдать никогда и не собиралась. И в данном аспекте ничего не меняется: статью 15 Конституции РФ никто не отменяет, но соблюдать Россия будет только те обязательства, которые на себя взяла.

При этом поправками запланировано некоторое перераспределение властных полномочий между Федеральным Собранием, Государственным советом и Президентом РФ. С этой точки зрения намечен тренд в пользу принципа «полиархии» [20], который свидетельствует о большей демократизации при сохранении управляемости системы в целом. Так, именно парламент утверждает главу правительства, его заместителей и министров; Совет Федерации приобрёл право отрешать от должности судей Конституционного и Верховного судов; в то же время Конституционный суд получает право проверять конституционность федеральных законов до их подписания Президентом РФ. То есть, с одной стороны, получают формальное закрепление те неформальные институты, которые существуют де-факто (Государственный совет, практики «консультаций» с администрацией Президента по самым разным вопросам, вплоть до законодательных и т. д.), но с другой стороны власть действительно всё более локализуется в нескольких ключевых государственных институтах, обеспечивать эффективное взаимодействие которых теперь призван Государственный совет.

Единственная настораживающая неясность, которая остаётся в отношении перечисленных поправок, это конкретные функции Государственного совета, принципы деятельности которого определяются соответствующим федеральным законом. Что будет прописано в данном законе, на сегодняшний день можно только гадать. Однако федеральный закон – не конституция, которую изменить достаточно трудно. Любые ошибки и недоработки федерального закона вполне подвержены коррекции. В целом же вырисовываются контуры вполне эффективной и достаточно демократичной системы, которая может стать основой для дальнейших политических преобразований России.

Наконец, последнее соображение. Как показал многомерный статистический анализ 29 посткоммунистических стран, проведённый А.Ю. Мельвилем и Д.К. Стукалом [21], при сложившихся благоприятных структурных предпосылках, действия политических акторов в решающих ситуациях определяют направленность и характер политических трансформаций. При этом, как показано в исследовании 201 кейса демократизации в мировой истории с 1820 по 2015 гг., проведённом Дэниэлом Трейсмано¹, личные мотивы и цели инициаторов этих процессов совершенно не имеют значения: более двух третей (64–67 %) случаев демократизации объясняются ошибками авторитарных элит, нажимающих на спусковой крючок реформ с целью укрепления собственной власти, но получающих прямо противоположный результат. Созданная ими в соответствии с дистрибутивной

¹ См.: Treisman D. Democracy by Mistake // National Bureau of Economic Research. October 2017. URL: <http://www.nber.org/papers/w23944> (дата обращения: 20.01.2020).

логикой [17, р. 38–42] институциональная среда становится хорошей базой для последующих политических преобразований.

Таким образом, предложенные Президентом России поправки в Конституцию РФ следует считать скорее контурной институциональной картой политических преобразований, которой так недоставало в 90-х гг. [1, pp. 205–216]. Независимо от того, входило ли это в первоначальные планы В.В. Путина, или нет, но предложенные им поправки в Конституцию РФ можно трактовать не как укрепление авторитарного персоналистского режима, но, напротив, как контурную институционализацию будущих политических преобразований, призванных минимизировать зависимость от персональных качеств президента страны.

Литература

1. *Shleifer A., Treisman D.* Without a Map: Political Tactics and Economic Reform in Russia. Cambridge, London: The MIT Press, 2000. ix+223 p.
2. *Милль Дж.См.* Рассуждения о представительном правлении. Челябинск: Социум, 2006. 384 с.
3. *Клямкин И.М., Мигранян А.М.* Нужна «железная рука»? // Литературная газета. 1989. 16 августа. № 34. С. 14.
4. *Пшевворский А.* Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 320 с.
5. *Treisman D.S.* After the Deuluge. Regional Crises and Political Consolidation in Russia. Ann Arbor: The Universitet of Michigan Press, 1999. 264 p.
6. *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. Москва: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.
7. *Линц Х., Степан А.* «Государственность», национализм и демократизация // Полис. Политические исследования. 1997. № 5. С. 9 – 30.
8. *Geddes B.* What Do We Know about Democratization after Twenty Years? // Annual Review of Political Science. 1999. No. 2. Pp. 115 – 144.
9. *Geddes B., Wright J., Frantz E.* Autocratic Regimes and Transitions: A New Data Set // Perspectives on Politics. 2014. Vol. 12. No. 2. Pp. 313 – 331.
10. *Gandhi J., Przeworski A.* Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats // Comparative Political Studies. 2007. Vol. 40. No. 11. Pp. 1279 – 1301.
11. *Поцелуев С.П., Константинов М.С., Лукичев П.Н. и др.* Игры на идеологической периферии. Праворадикальные установки студенческой молодёжи Ростовской области. Ростов н/Д.: Издательство ЮНЦ РАН, 2016. 396 с.
12. *Belkin A., Schofer E.* Toward a Structural Understanding of Coup Risk // Journal of Conflict Resolution. 2003. Vol. 47. No. 5. Pp. 594 – 620.
13. *Кудряшова И.В.* Как обустроить разделенные общества // Политическая наука. 2016. № 1. С. 15 – 33.
14. *Харитонова О.Г.* Этнические войны и постконфликтная демократия // Политическая наука. 2016. № 1. С. 34 – 59.
15. *Gates S., Hegre H., Jones M.P., Strand H.* Institutional Inconsistency and Political Instability: Polity Duration, 1800–2000 // American Journal of Political Science. 2006. Vol. 50. No. 4. Pp. 893 – 908.
16. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: НАЧАЛА, 1997. 180 с.
17. *Knight J.* Institutions and Social Conflict. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 324 p.
18. *Khight J., Johnson J.* The Priority of Democracy: Political Consequences of Pragmatism. New York: Princeton University Press, 2011. 326 p.
19. *Lukichev P.N., Potseluev S.P., Konstantinov M.S.* Language, Religion And Civic Identity // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2019. Vol. LVIII. Pp. 514 – 528.
20. *Даль Р.* Полиархия: участие и оппозиция. М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. 288 с.
21. *Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К.* Условия демократии и пределы демократизации // Полис. Политические исследования. 2011. № 3. С. 164 – 183.

Al Sarraail Yasir Ali Haddad, graduate student of Department of Theoretical and Applied Political Science at the Institute of Philosophy and Social & Political Sciences, Southern Federal University (Russia) (116, Dneprovsky Lane, Rostov-on-Don, 344065, Russian Federation). E-mail: yasiralihaddad@yandex.ru

THE INSTITUTIONAL CONTOURS OF THE POLITICAL TRANSFORMATION IN MODERN RUSSIA

Abstract

In classical political science and theory of democracy the opposition of personalistic and institutional factors of the political transformation is seen as mainstream. It reveals an inverse relationship between these practices: the personalization of political regimes tends to develop in case of the lack of democratic institutions which results in a further erosion of the entire institutional system. However, as the author shows, it is also possible to establish a process in which a strong political leader carries out institutional reforms, consolidating established democratic practices. From this point of view, the article provides the analysis of the initiatives proposed in January 2020 by the President of the Russian Federation to amend the Constitution of the Russian Federation. The conclusion reached by the author is that these amendments can create an institutional basis for further democratic changes in Russia.

Keywords: *democracy, transit, political stability, reform, institution, institutional design, institutional environment, Constitution of the Russian Federation, President of the Russian Federation, amendments to the Constitution of the Russian Federation.*

References

1. Shleifer A., Treisman D. Without a Map: Political Tactics and Economic Reform in Russia. Cambridge, London: The MIT Press, 2000. ix+223 p.
2. Mill' Dzh. St. Rassuzhdeniya o predstavitel'nom pravlenii. Chelyabinsk: Socium, 2006. 384 p.
3. Klyamkin I.M., Migranyan A.M. Nuzhna «zheleznaya ruka»? // Literaturnaya gazeta. 1989. 16 avgusta. № 34. P. 14.
4. Pshevorskij A. Demokratiya i rynok. Politicheskie i ekonomicheskie reformy v Vostochnoj Evrope i Latinskoj Amerike. Moskva: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2000. 320 p.
5. Treisman D.S. After the Deuluge. Regional Crises and Political Consolidation in Russia. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1999. 264 p.
6. Hantington S. Politicheskij poryadok v menyayushchihsya obshchestvah. Moskva: Progress-Tradiciya, 2004. 480 p.
7. Linc H., Stepan A. «Gosudarstvennost'», nacionalizm i demokratizatsiya // Polis. Politicheskie issledovaniya. 1997. № 5. P. 9 – 30.
8. Geddes B. What Do We Know about Democratization after Twenty Years? // Annual Review of Political Science. 1999. No. 2. Pp. 115 – 144.
9. Geddes B., Wright J., Frantz E. Autocratic Regimes and Transitions: A New Data Set // Perspectives on Politics. 2014. Vol. 12. No. 2. Pp. 313 – 331.
10. Gandhi J., Przeworski A. Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats // Comparative Political Studies. 2007. Vol. 40. No. 11. Pp. 1279 – 1301.
11. Poceluev S.P., Konstantinov M.S., Lukichev P.N. i dr. Igry na ideologicheskoy periferii. Pravo-radikal'nye ustanovki studencheskoj molodyozhi Rostovskoj oblasti. Rostov n/D.: Izdatel'stvo YUNC RAN, 2016. 396 p.
12. Belkin A., Schofer E. Toward a Structural Understanding of Coup Risk // Journal of Conflict Resolution. 2003. Vol. 47. No. 5. Pp. 594 – 620.
13. Kudryashova I.V. Kak obustroit' razdelennye obshchestva // Politicheskaya nauka. 2016. № 1. P. 15 – 33.
14. Haritonova O.G. Etnicheskie vojny i postkonfliktnaya demokratiya // Politicheskaya nauka. 2016. № 1. P. 34 – 59.
15. Gates S., Hegre H., Jones M.P., Strand H. Institutional Inconsistency and Political Instability: Polity Duration, 1800–2000 // American Journal of Political Science. 2006. Vol. 50. No. 4. Pp. 893 – 908.
16. Nort D. Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki. M.: NACHALA, 1997. 180 p.
17. Knight J. Institutions and Social Conflict. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 324 p.
18. Kight J., Johnson J. The Priority of Democracy: Political Consequences of Pragmatism. New York: Princeton University Press, 2011. 326 p.
19. Lukichev P.N., Potseluev S.P., Konstantinov M.S. Language, Religion And Civic Identity // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2019. Vol. LVIII. Pp. 514 – 528.
20. Dal' R. Poliarhiya: uchastie i oppozitsiya. M.: Izdatel'skij dom Gosudarstvennogo universiteta – Vyshej shkoly ekonomiki, 2010. 288 p.
21. Mel'vil' A.YU., Stukal D.K. Usloviya demokratii i predely demokratizatsii // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2011. № 3. P. 164 – 183.

**ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ ПРОВАЛА
РЕФОРМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО АППАРАТА
В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ ЕГИПТА**

Бадави аспирант кафедры теоретической и прикладной политологии,
Халед Институт философии и социально-политических наук
Рефат Южного федерального университета (344065, Россия,
Кемалэльдин г. Ростов-на-Дону, Днепроvский пер., 116). E-mail: haledrefaat@yandex.ru

Аннотация

В статье проанализированы реформы административного аппарата в Египте с 1950-х до 2000-х гг. Все попытки осуществить реформу провалились в результате действия государственной политики занятости. Эта политика способствовала распространению коррупции в административной среде. Описаны основные свойства отношений между правительством и бюрократией. Представлены основные темы национальной программы развития государственного аппарата. Показано, что любые цели административных реформ вращаются вокруг реструктуризации государственного управления. Процесс административных реформ базируется на точной диагностике дисфункций в системе управления. Процесс административной реформы должен сочетать развитие человеческих ресурсов с функционированием организаций и модернизацией технологий.

Ключевые слова: Египет, бюрократия, реформы, государственный аппарат, национальная политика, государственное управление, политический режим, чиновники, коррупция, институты.

Попытки реформировать административный аппарат в Египте длятся с 1950-х гг. Но в настоящее время эта проблема только обострилась. Специалисты зафиксировали следующие недостатки аппарата: культ власти, блокировка творчества, сопротивление любым изменениям, взяточничество, кумовство, равнодушие, отсутствие контроля со стороны общества. Все предшествующие попытки осуществить административную реформу провалились в результате действия следующих факторов:

Государственная политика занятости. Государственная служба пользовалась большим авторитетом в период после июльской революции 1952 г. Все выпускники университетов назначались в административный аппарат, который обеспечивал им безопасность и стабильную работу. Такое отношение к госаппарату сохранилось до сих пор. Оно объясняет также отрицательное отношение к новому закону о занятости населения, особенно к законопроекту о замене системы назначения системой договоров. Это является прямой угрозой для устоявшихся стереотипов отношения граждан к государственному аппарату.

Государственная политика занятости – это не только назначения в секторе государственного управления. В него входят министерства и государственные учреждения, государственные органы, Высшие Советы, Центральные аппараты, исполнительные аппараты, фонды, учреждения, местные органы и т.д. Политика занятости включает также политику в области заработной платы, льгот, пособий и продвижений по службе и т.д. Политика назначения выпускников прекратилась после 1985 – 1986 гг., хотя назначения продолжались еще некоторое время через систему контрактов. По сравнению с традиционным набором на работу, положительные свойства контрактов заключаются в их гибкости в сфере занятости. Они также меньше связаны со сторонами назначения. Но в конечном счете такая политика увеличила административный аппарат и расходы на его содержание (зарботную плату).

Административный аппарат Египта состоит из четырех основных ветвей: Министерства и Центральные аппараты, местные администрации (департаменты услуг в провинциях и отделения по всем провинциям), органы услуг, экономические органы.

Таблица 1 показывает рост числа занятых в административном аппарате с 1981 г. по 2008 г.

В 1952 г. число сотрудников административного аппарата в 15 министерствах достигло почти 8% от общего объема занятости. После революции 1952 г. и в результате перехода власти в руки нового руководства увеличились размеры бюрократического аппарата. Число работников в нем достигло 2064286. В 1978 г. бюрократия составляла 20% от общего числа рабочей силы 10337300. С 1979 г. по 1985 г. число учреждений достигло 170, кроме офисов министерств, центральных органов, подразделений и управлений услуг в провинциях.

**Рост числа занятых в административном аппарате
с 1981 г. по 2008 г.**

Год	Количество работников	Год	Количество работников
1981	2.474	2000	4.958
1991	3.948	2001	5.091
1992	4.123	2002	5.234
1993	4.313	2003	5.309
1994	4.453	2004	5.433
1995	4.666	2005	5.551
1996	4.929	2006	5.553
1997	5.104	2007	5.579
1998	5.584	2008	5.658
1999	5.189	2011	5.599

Источник: Центр информации и поддержки принятия решений. Совет министров.

В правительственном секторе уже было занято 3016000 – 24% от всего количества рабочей силы, которая составляла 12559000 в 1984-1985 гг. В 1988 г. уже было 33 министерства, с общим числом сотрудников более 3571401 (25% от общего числа рабочей силы 12,5 млн.) [1, с. 16].

По данным на 2001 г., число занятых в государственном секторе составляло около 5,599 млн человек, или 23,5% от общего числа рабочей силы 23,829 млн рабочих.

В настоящее время один чиновник приходится на 13 или 11 граждан, если добавить к ним временных работников. Это выше международных норм. При такой ситуации возникает замаскированная безработица в виде избыточной рабочей силы в государственных органах. Данный феномен развивается в результате действия нескольких факторов: высокого прироста населения; системы образования, которая не дает выпускникам навыков, необходимых на рынке труда. Государственный сектор достиг максимального количества занятости в дополнение к структурным изменениям в экономике и в обществе Египта. Это ослабило способность экономики находить необходимые рабочие места и увеличило разрыв между рабочими группами в рамках государственного аппарата. Разрыв выражается в системе специальных кадров, сотрудники которых пользуются определенными привилегиями (в заработной плате, льготах, пособиях, поощрениях и пр.). При этом у других работников возникает психологическое и социальное чувство несправедливости, которое ослабляет производительность труда.

Существуют и другие источники состояния фрустрации среди работников аппарата¹. В естественной ситуации должна существовать взаимосвязь между тремя переменными: чем выше уровень образования, тем выше занимаемая должность и уровень доходов. Однако в результате многих дисбалансов между административной системой и экономикой эта взаимосвязь нарушена, что толкает сотрудников к поиску законных и незаконных путей увеличения доходов, а также снижает ценность его работы в аппарате.

На протяжении многих поколений государство брало на себя множество функций, которые требовали постоянных и многообразных связей между народом и правительством. Но до сих пор права и обязанности каждого из них не определены по причине действия нескольких факторов [2, с. 10-15]: в Египте властвовала сильная исполнительная власть – сначала иностранная, затем национальная; сильный аппарат действовал в условиях напряженности в отношениях между местным обществом и Центральным правительством, в котором система управления подчинялась власти глав семьи и мэрам. Это обусловило отсутствие официальной политической цензуры. В египетском обществе ценность человека зависит от его положения и социального влияния.

Административная коррупция. Политика занятости способствовала распространению административной коррупции. Она выражается в избыточном накоплении сотрудников в государственных органах, низком качестве услуг, снижении заработной платы, ограничении процедур надзора и последовательности в государственных органах. Некоторые непроизводительные социальные группы смогли проникнуть в административные органы и государственные учреждения и прямо или косвенно их эксплуатировать.

¹ Министерство государственного административного развития Египта, административные реформы. [Электронный ресурс] Египет. 2004. URL: www.edara.gov.eg (дата обращения: 06.10.2019).

Административная коррупция воплощалась в следующих явлениях: облегчения для некоторых людей контроля над государственной собственностью; выдаче лицензий на незаконное строительство; обеспечение выигрыша аукционов конкретными компаниями и учреждениями после получения комиссионных; уклонении от уплаты налогов и т.д. [3, с. 150-151]. Кроме административной коррупции существовал целый арсенал «мертвых» законов и правил, рутинные и сложные процедуры оформления документов, которые препятствуют своевременному доступу граждан к услугам.

Программа реформы. В политической системе между государством и его аппаратом складываются определенные отношения: правительство разрабатывает общую политику, аппарат ее применяет, а правительство контролирует выполнение и оценивает работу аппарата как средство выполнения политики. Аппарат влияет на форму государственной политики различными способами. Поэтому социальная политика соединяет правительство и бюрократию. Но лояльность аппарата важнее населения и удовлетворения его нужд. Если политическое действие масс отсутствует, то аппарат работает изолированно и независимо от потребностей масс и общего благополучия. Обычно бюрократия изолирована от соображений общего благополучия – такова ее слабая сторона. Аппарат может использовать следующие методы для подрыва популярности и стабильности правительства: предоставление гражданам и правительству ложной информации и обман; неэффективная реализация программ и проектов; замедление или замораживание общественных услуг; сложность процедур их реализации. С другой стороны, общее благополучие можно использовать в качестве средства развития, показателя эффективности и правила при управлении аппаратом.

Уровень общественного благополучия можно измерить на основе учета жалоб, наблюдений, фокус-групп, опроса общественного мнения. С этой точки зрения вопрос о развитии административного аппарата в Египте не является новым. В поисках ответа на него проведено немало научных исследований и воплощено в жизнь юридических процедур. Большинство из них реализовано в контексте «национальной программы развития», подготовленной профессором управления и бывшим министром административного развития Али Аль-Саями. Эта программа включала в себя следующие темы [4]:

1. Составление функциональной структуры государственного аппарата, основанной на изучении реального потребления рабочих, улучшении их положения с помощью заработной платы и других льгот, радикальное улучшение положения государственных служащих путем освобождения их зарплат и льгот от налогов, пополнение источников заработной платы путем введения платы за услуги, предоставленные населению.

2. Упрощение процедур контакта граждан с государственными органами путем прекращения прямого контакта между гражданином, нуждающимся в услуге, и сотрудником, ее предоставляющим.

3. Перестройка структуры государственного аппарата на основе приведения ее в соответствие (с точки зрения организационной основы, размера и функций) с новой ролью государства в рамках политики экономической либерализации.

4. Законодательные реформы по изменению законов, регулирующих работу административного аппарата в целях повышения его эффективности и приведение в соответствие с тенденциями социально-экономической политики государства.

5. Технологическое развитие аппарата путем внедрения современных информационных технологий во всех смыслах: скорости в работе, точности и современности информации.

6. Убеждение политического руководства в важности программы и создание аппарата для ее выполнения и оценки. Речь идет о создании «высшего совета» административных реформ под руководством Президента Республики и в составе премьер-министра, министров административного развития, финансов, юстиции, трудовых ресурсов, Главы Центрального аппарата по организации и управлению, председателей административного контроля, федерации торговых палат, федерации промышленности Египта, представителей организации бизнесменов, Союза инвесторов, профсоюзов, а также ряда профессоров и экспертов по управлению и представителя официальных СМИ. Процесс реформ и обновлений государственного аппарата охватывает экономические и политические аспекты.

Административные реформы нуждаются в политическом решении. Степень успеха зависит от способности политического руководства принять и поддержать необходимую политику, процедуры и консультации с заинтересованными сторонами.

Итак, для модернизации государственного аппарата нужно внедрить систему комплексного реформирования со следующими особенностями:

1. Соединение процесса административной реформы с нормами человеческого развития. Отбор и назначение сотрудников аппарата в соответствии с основными научными принципами.

Принцип заслуг – первая гарантия создания эффективного и достойного аппарата. Подготовка комплексной системы управления человеческими ресурсами путем создания базы данных руководителей администрации. Учет руководства второго звена. Возрождение Национального института общего управления как основы для подготовки руководителей. Развитие системы оценок производительности труда путем анализа традиционных систем, формулировка коэффициента производительности на основе норм производительности, с учетом повышения эффективности работы сотрудников.

2. Соединение процесса реформы с построением новой структуры ценностей и институтов, которая отстаивает указанные ценности и качества (рационализацию расходов, экономию государственных средств, поддержку стандарта удовлетворенности получателей услуг, максимизацию достижений) [5, с. 20 – 25].

3. Соединение процесса реформы с организационно – институциональной основой. Учет инфляции и роста аппарата для достижения его оптимального размера и отражения реальных функций, которые уполномочены создавать и пересматривать действующие административные структуры для движения в этом направлении.

Достижение баланса между подразделением аппарата и его ведомствами с целью перераспределения персонала для использования излишков в одних отделах и устранения дефицита в других; пересмотр аналогичных функций в каждом секторе и администрации; активизация роли подразделений в системе процедур и оценок; оптимизация размера аппарата путем определения реального размера излишка рабочей силы; разработка новых подходов для гармонизации коэффициента эффективности и социального измерения [6, с. 120 – 125].

4. Соединение административной реформы с технологической и технической основой. Современное государство не может базироваться на иерархическом управлении. Философия информационного века и управления требуют перехода к децентрализованному управлению, которое подчеркивает необходимость всеобщего участия в процессе принятия решения и облегчения потока информации. Требуется расширить опыт электронного правительства, а также устранить прямые отношения между государственными служащими и гражданами и упростить процедуры получения услуг.

5. Соединение административной реформы с реформами на местах. Реформы на местах образуют первый уровень в отношениях между гражданином и аппаратам. Но на этом уровне египетская бюрократия отличается невежеством и коррупцией. Программа реформ требует реформы этого уровня.

Наконец, не следует упускать из виду большой разрыв между уровнем государственной службы и ожиданиями потребителей. Государственные услуги сталкиваются с низким качеством уровня сервиса с точки зрения сложности процедур и степени автоматизации этапов обслуживания. Это удлиняет время, необходимое для оказания услуг, и влияет на отношение государственной служащих с потребителями [7, с. 50-70].

Выводы

Любые цели административных реформ вращаются вокруг реструктуризации государственного управления. Для улучшения финансовых и профессиональных условий управленческого труда требуется облегчить ежедневные отношения граждан с государственными учреждениями, устранить коррупцию как основную причину бюрократизма. Необходимо достичь баланса и интеграции компонентов процесса управления.

Направленность реформ на отдельный элемент без учета остальных может нарушить общий процесс и сделать невозможным достижение поставленных целей. Процесс административных реформ базируется на точной диагностике дисфункций в системе управления (система оплаты труда, подготовка, описание работы). План административных реформ должен сосредоточиться на макро- и микро-аспектах управления. Макроуправление – это модель государственного управления в целом, включая распределение ролей между органами государства, отношения между исполнительной и законодательной ветвями власти, а также стиль работы Совета министров. Микроуправление – это работа, развитие, подъем и повышение производительности труда всех государственных органов и учреждений.

Необходимо обратить внимание на человеческие отношения и удовлетворенность работой сотрудников, воспользоваться географической и функциональной децентрализацией, делегировать политику власти, разработать гарантии, которые обеспечивают устранение административной и финансовой коррупции. Это предполагает расширение и активизацию роли Центрального аппарата по организации и управлению. Этот аппарат становится организатором и контролером административного аппарата государства, а также точного описания общих функций, обновления

системы санкций и штрафов ради эффективности и жизнеспособности [8, с. 60-66]. Но поведение людей имеет решающее значение в административной работе. Надо разработать кодекс поведения государственных служащих. Важно создать климат и благоприятные условия труда, которые позволяют достигать и активизировать эти цели и механизмы их реализации.

Процесс административной реформы многомерен. Он сочетает развитие человеческих ресурсов, организаций и модернизацию технологий [9].

Литература

1. *Aldakin A.A.* Evaluation of National Administrative Reform Plans in Egypt in the Period 1987-2002 // Administrative Issues, Consultative and Research Center for General Management. 2004. P. 16.
2. *Rawi M.* Development of Public Administration in Egypt. Egypt, Cairo. 2008. P. 10 – 15.
3. *Taufik A.* Thoughts, breaking the frame. That the matter does not remain as it is. Cairo: Center for Professional Management Experience. 2002. P. 150 – 151.
4. *Al-Selmi A.* New Governance in the Light of Technological and Environmental Changes // Al-Ahram Economic Number. Cairo. № 140. 2010.
5. *Al-Shanawani S.* Human Resources and Human Relations. Cairo: Big Cairo Library. 2000. P. 20 – 25.
6. *El-Baradei L., Zakaria K.* Attempts to develop and reform management in the Arab Republic of Egypt. Egypt: Big Cairo Library. P. 120 – 125.
7. *Abdelwa-hab S.M.* Efficiency of representation of public services in rural areas of Egypt: a field study on the effectiveness of the Egyptian bureaucracy in presenting public services in rural areas in the field of education and health // Faculty of Economics. 1986. P. 50-70.
8. *Arcan M.* Field studies in psychology of non-executive staff. Ain Shams University, Humanities Faculty. 1987. P. 60 – 66.
9. *Marya I.* Reforming the administrative apparatus in Egypt. 2014.

Badawi Khaled Refat Kemaleldin, Graduate Student of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Institute of Philosophy and Social and Political Sciences of the Southern Federal University (116, Dneprovsky Lane, Rostov-on-Don, 344065, Russian Federation).

E-mail: haledrefaat@yandex.ru

THE MAIN REASONS OF THE ADMINISTRATIVE REFORM FAILURE IN THE CONTEXT OF NATIONAL DEVELOPMENT PROGRAM IN EGYPT

Abstract

The article analyzes the reforms of the administrative apparatus in Egypt from the 1950s to the 2000s. All attempts to implement reform failed as a result of state employment policy. This policy contributed to the spread of administrative corruption. The main properties of the relationship between the government and the bureaucracy are described. The main topics of the national program for the development of the state apparatus are presented. It is shown that any goals of administrative reforms revolve around the restructuring of public administration. The process of administrative reforms is based on an accurate diagnosis of dysfunctions in the management system. The administrative reform process should combine the development of human resources with the functioning of organizations and the modernization of technology.

Keywords: *Egypt, bureaucracy, reforms, state apparatus, national politics, public administration, political regime, officials, corruption, institutions.*

**АГРОПРОМЫШЛЕННАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК ОСНОВА ОПТИМИЗАЦИИ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

**Бобровнич
Александр
Александрович**

преподаватель кафедры государственного и муниципального управления, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: bobrik161@mail.ru

Аннотация

В статье представлен комплексный анализ терминологии, используемой для описания агропромышленного сектора экономики и его институциональной структуры, доказана эффективность функционирования интеграционных связей между структурными элементами исследуемой системы, а также сделан вывод о наиболее оптимальной конфигурации агропромышленных объединений – гибких вертикально-горизонтальных интегрированных структур. Материалом исследования послужили публикации отечественных ученых и анализ существующей нормативно-правовой базы.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, аграрная сфера, агропродовольственный сектор, агропродовольственная система, агробизнес, интеграция, агропромышленная интеграция, вертикально-интегрированные организации, горизонтально-интегрированные организации, гибкие вертикально-горизонтальных интегрированные объединения.

Анализируя понятие «агропромышленный комплекс», стоит отметить, что в узком смысле оно определяет сельское хозяйство, включающее производство продуктов питания и отдельных видов сырья для перерабатывающих отраслей. В широком смысле слова – это совокупность отраслей народного хозяйства, задействованных в производстве продукции, ее хранении, переработке и доведении до потребителя [1, с. 8]. Поэтому, по мнению ряда ученых, АПК представляет собой многофункциональную отраслевую подсистему, характеризующую взаимозависимость непосредственно сельского хозяйства и связанных с ним отраслей по производству, переработке и реализации сельскохозяйственной техники и продукции [2, с. 404].

В частности, В.И. Кушлин понимает под АПК комплекс отраслей, занимающихся воспроизводством из сельскохозяйственного сырья конечного продукта.[3, с. 550] Дополняя, И.А. Минаков акцентирует внимание, что эти отрасли связаны в процессе производства, распределения, переработки и реализации сельскохозяйственной продукции [4, с. 21]. Конкретизируя, В.Г. Венжер подчеркивает исключительную роль АПК, заключающуюся в формировании особой функции труда, благодаря которой производятся продукты питания и развиваются иные обеспечивающие отрасли сельского хозяйства (например, промышленность, транспорт, торговля и отрасли) [5, с. 144]. Поэтому А.И. Качанов, рассматривая АПК как подсистему национальной экономики, обеспечивающую продовольственную безопасность страны, акцентирует внимание на его тесной взаимосвязи с комплексным развитием территорий, соответствующей инфраструктуры и товаропроизводителей [6, с. 8].

Отсутствие единой терминологии в определении АПК и его институциональной структуры вносит неоднозначность в части формулировок, принимаемых в официальных документах.

Так, в Стратегии развития пищевой и перерабатывающей промышленности на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17.04.2012 № 559-р, употребляются термины «отрасль и подотрасль»¹. В Федеральном законе от 14.07.1997 № 100-ФЗ «О государственном регулировании агропромышленного производства»² в качестве ключевого определения используется агропромышленное производство, под которым понимается совокупность предприятий, осуществляющих производство, переработку и реализацию сельскохозяйственных продуктов, а также иную связанную с этим хозяйственную деятельность.

В современных исследованиях и нормативных правовых документах активно применяются такие понятия, как «аграрная сфера» [7, с. 18], «агропродовольственная система» (агросистема) [8–10],

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.04.2012 № 559-р «Об утверждении Стратегии развития пищевой и перерабатывающей промышленности Российской Федерации на период до 2020 года» // Справочная система «КонсультантПлюс», 2018.

² Федеральный закон от 14.07.1997 № 100-ФЗ «О государственном регулировании агропромышленного производства» // Собрание законодательства РФ. 21.07.1997. № 29, ст. 3501.

«агропродовольственный сектор» [11, с. 87], «агробизнес» [12, с. 485]. При этом согласно исследованиям, между указанными понятиями существует минимальное отличие от понятия «агропромышленный комплекс».

Так, аграрная сфера представляет собой жизненно важную и системообразующую часть экономики государства, ориентированную на продовольственное обеспечение населения страны. Данная сфера не изолирована от других, а непосредственно или косвенно связана со всеми отраслями хозяйства. Например, плодородие земли и удаленность рынков сбыта продукции находится в тесной взаимосвязи с уровнем развития транспортной инфраструктуры, наличия зернохранилищ и перерабатывающих предприятий; сферы развития сельскохозяйственного производства связаны с жизнеобеспечивающими сферами строительства, электро- и газообеспечения, здравоохранения.

Аграрная система может характеризоваться, с одной стороны, как система экономических отношений в сфере агропродовольственного сектора, с помощью которых осуществляются производство, распределение и потребление сельскохозяйственной продукции, а также взаимодействие производителей, потребителей, продавцов и покупателей. С другой стороны, как совокупность сельскохозяйственных предприятий экосистемы, создаваемых человеком в целях удовлетворения своих потребностей и реализации интересов, но за счет использования организмов, созданных самой природой (хотя и измененных им в процессе искусственного отбора) [13, с. 188 – 189].

По мнению Э.Н. Крылатых [14], агропродовольственный сектор представляет собой подсистему национальной экономики, ориентированную на обеспечение удовлетворение потребностей населения в продуктах питания, сохранение и поддержание жизнедеятельности и воспроизводство. Данная подсистема ориентирована на удовлетворение жизненно важных потребностей населения страны, специализированных по продуктовым группам на основе анализа товарной ситуации на рынке конечной продукции. При этом с точки зрения понятий, используемых в системе национальных счетов, под сектором целесообразно понимать институты со сходными экономическими целями, функциями и поведением. Например, сектор финансовых и нефинансовых предприятий, сектор государственных и частных учреждений.

Анализируя указанные понятия и причинно-следственные связи между ними, стоит отметить, что они характеризуют различные аспекты взаимодействия и сотрудничества между субъектами экономических отношений и удовлетворения потребностей населения страны. Аграрная сфера, по нашему мнению, является комплексным понятием, включающим аграрную систему, агропродовольственный сектор, агропромышленный комплекс и агробизнес. При этом термины «агропродовольственный сектор», «агропромышленный комплекс» и «агробизнес» характеризуют существование тесных вертикальных межотраслевых связей между организациями, деятельность которых направлена на производство продуктов (товаров, услуг) в аграрной сфере. Интересно, что чаще всего такие структуры в агробизнесе экономически развитых стран функционируют системно, с участием как частных предприятий, так и государственных структур. К сожалению, российская агропромышленная система интеграции только начинает формироваться, в связи с чем комплексность и последовательность межотраслевого взаимодействия приобретает особую актуальность.

От слаженной работы всех субъектов АПК зависит эффективность функционирования сельского хозяйства в целом, в связи с чем рост производительности труда и масштабов производства определяет целесообразность их тесного сотрудничества с учетом применения понятного инструментария. В данном случае объединение и сотрудничество осуществляется на основе интеграционных связей, и значимость агропромышленных интеграционных формирований существенно повышается.

Анализ понятийного аппарата федеральных законов от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»¹, от 08.12.1995 № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» (далее – Закон о кооперации)², от 30.11.1995 № 190-ФЗ «О финансово-промышленных группах»³, от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»⁴ свидетельствует о том, что в Российской Федерации могут существовать как вертикально-интегрированные, так и горизонтально-интегрированные организации.

¹ Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 01.01.1996. № 1 ст. 1.

² Федеральный закон от 08.12.1995 № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» // Собрание законодательства РФ. 11.12.1995. № 50, ст. 4870.

³ Федеральный закон от 30.11.1995 № 190-ФЗ «О финансово-промышленных группах» // Российская газета. №236. 06.12.1995.

⁴ Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства РФ. 15.01.1996. № 3, ст. 145.

Ключевым сходством функционирования вертикальных и горизонтальных интеграционных структур является объединение на условиях юридического оформления отношений (создание специальных юридических лиц, членство и т.д.). При этом современные российские экономические условия стимулируют интегрированные объединения к непрерывной трансформации организационной, управленческой и производственной структур, поиску наилучшего сочетания структур АПК в целях повышения эффективности производства и улучшения качества выпускаемой продукции. При этом диверсификация производства российских сельхозпредприятий может быть возможной только в условиях преобразования рыночных отношений, обеспечения комплексного воспроизводственного процесса и сбалансированной специализации товаропроизводителей. В современных условиях важное значение приобретает создание гибкой взаимосвязи между финансовым положением сельхозпредприятия и диверсификацией его производства на основе изменения существующих подходов к образованию интегрированных объединений. Проведенный анализ интегрированных вертикальных и горизонтальных формирований подтверждает это, определяя ключевую их роль в трансформации АПК.

В целях определения максимально эффективной формы интеграционных формирований в АПК предлагается рассмотреть возможность создания вертикально-горизонтальных интеграционных объединений, организованных на гибких условиях для обеспечения полного технологического цикла в АПК конкретной сельскохозяйственной продукции или точечное развитие приоритетных сельскохозяйственных направлений. При таком подходе, ориентированном на объединение в целях производства конкретной сельскохозяйственной продукции или продукта, с одной стороны, одни и те же организации могут быть участниками различных вертикально-горизонтальных интеграционных структур. В данном случае, все зависит от потребностей рынка и экономических условий сотрудничества. С другой стороны, в целях развития АПК в условиях рыночной экономики и антироссийских санкций требуется постоянное совершенствование и создание существующих организационно-управленческих форм, внедрение новых технологий производства, установление тесных и взаимовыгодных связей с отечественными и зарубежными партнерами.

При этом такие интегрированные структуры, по нашему мнению, способны перевести убыточные экономические субъекты в разряд прибыльных. Объединение организаций подразумевает оптимальное решение следующих вопросов:

- определение организационной формы;
- выполнения условий антимонопольного законодательства;
- создание эффективной структуры управления и взаимодействия.

Существующие возможности интеграции используются лишь частично, а объемы производства дочерних предприятий агрохолдингов в 5-6 раз меньше, чем у лидеров интеграции, при этом прибыль составляет около 20% от их уровня [15, с. 46]. Кроме того, в качестве негативных факторов, препятствующих развитию интеграции, стоит выделить – низкий уровень эффективности управления, подготовки кадров, высокие процентные ставки краткосрочных кредитов, отсутствие сбалансированной кредитной политики в отношении долгосрочных проектов. Соответственно, в современных условиях необходимо сформировать такой гибкий механизм функционирования вертикально-горизонтальной интеграции, который позволит снизить указанные негативные факторы и риски.

Такой подход позволяет использовать лучшие характеристики различных форм собственности для решения разных задач агропромышленного производства, способствуя их параллельному развитию, расширяя диапазон форм и методов хозяйствования в АПК, а также раскрывая экономический потенциал аграрной сферы и форм собственности.

Формирование вертикально-горизонтальных объединений на основе гибкого взаимодействия в АПК может быть представлено как сотрудничество и взаимодействие указанных форм собственности и типов организаций в целях обеспечения следующих направлений агропроизводства:

- государственная собственность в форме государственных предприятий и учреждений, выступающих базисом инфраструктурных преобразований (например, развития селекционных центров, питомников, институтов НИОКР, учебных заведений АПК), а также институтов государственной поддержки для создания крупных сельскохозяйственных объектов;
- коллективная собственность в форме товариществ, акционерных обществ, кооперативов, ориентированных на работу в качестве организаций индустриально-отраслевого типа (например, животноводческих комплексов, птицеферм, тепличных комбинатов, перерабатывающих заводов и пр.);
- индивидуальная собственность в форме крестьянских (фермерских) хозяйств, личных хозяйств населения для производства мелкотоварного продовольственного и специализированного производства.

При таком формате взаимодействия организаций различных форм собственности происходит раскрытие потенциала и сущности организаций АПК без жестких правовых ограничений их

создания и функционирования, увеличивается количество успешно работающих агропромышленных формирований и создаются условия для формирования сильной конкурентной среды, стимулирующей участников сферы.

Создание объединенной производственной и финансовой вертикально-горизонтальной интегрированной структуры предусматривает взаимодействие трех секторов:

- бизнес-структур (коммерческие предприятия, товарищества, коммерческие банки, кооперативы);
- институтов, научных, образовательных центров, общественных и экспертных организаций;
- государственных органов власти всех уровней.

Поэтому на современном этапе развития АПК такие вертикально-горизонтальные интегрированные структуры могут включать в себя различные институты, предприятия по переработке и реализации сельскохозяйственной продукции и сырья, а также организации сельского машиностроения. При этом сложность и разноплановость структуры АПК обуславливает специфику, которую необходимо учитывать при организации сельскохозяйственной деятельности в стране и регионах. Их развитие может быть достигнуто путем тесного сотрудничества частных лиц и крестьянско-фермерских хозяйств, занимающихся производством сельскохозяйственной продукции с сельхозпредприятиями, мини заводами, индивидуальными предпринимателями, поставщиками, производителями, финансовыми организациями (банковские, лизинговые, страховые, консалтинговые) и иными некоммерческими объединениями.

Эффективное взаимодействие участников такой структуры, направленное на комплексное развитие всех взаимосвязанных отраслей и сфер, позволит снизить издержки и повысить конкурентоспособность производимой продукции. Внедрение предложенного механизма взаимодействия в сфере агропромышленного производства позволит закрепить роль и функции каждого участника с целью повышения ее устойчивости; объединить усилия сторон в рамках государственно-частного партнерства в финансовой поддержке; использовать потенциал СПКК с целью повышения эффективности АПК. Ведь на сегодняшний день важно не только конкурировать между собой, но и обеспечивать продвижение товара на другие рынки. При таком подходе создается действенный механизм социально-экономического развития сельскохозяйственных производителей, территорий и населения.

Кроме того, создание вертикально-горизонтальных интеграционных объединений на гибких условиях (то есть гибких интеграционных объединений) позволяет достигнуть ряда преимуществ, в числе которых:

- соединение между собой процессов производства, переработки и реализации продукции;
- расширение финансовой базы участников;
- повышение качества и ассортимента продукции;
- ускорение оборачиваемости оборотных средств;
- сокращение издержек от совместной информационной и управленческой деятельности;
- устранение посреднических структур;
- снижение потерь продукции и др.

По нашему мнению, основой гибких интеграционных объединений выступает конечная ценность производимого продукта. При этом организации-участники могут взаимодействовать временно и в разных форматах в зависимости от планируемого продукта (результата). Учитывая, что ключевое значение играет «производимый конечный продукт», то его производство оказывает существенное влияние на формирование и функционирование всей структуры. Следовательно, «интеграционный объект» вертикально-горизонтальной структуры можно представить в качестве проекта.

Кроме того, важной инновационной составляющей агропромышленной интеграции является интеграционное сотрудничество регионов АПК, находящихся в непосредственной близости, а также организаций в рамках кластерных структур, связанных с выпуском конечной продукции и географическим положением. Как отмечает Лазарева Е.И. [16, с. 195], географическая близость позволяет накопить социальный и человеческий капитал для распространения добавочного капитала в форме инноваций или полученного продукта на всю цепочку создания стоимости.

Таким образом, сбалансированная система производственно-финансовых отношений выступает основой развития интегрированных структур в АПК, концентрации ресурсов на приоритетных направлениях и взаимодействия государственных структур с коммерческим сектором. При этом ключевое значение приобретает внесение изменений в нормативные правовые и иные акты для обеспечения дифференцированной государственной поддержки интегрированных структур. Тем более, что политика импортозамещения стимулирует деятельность государственных структур по указанным направлениям.

Литература

1. Гусаков В.Г. Экономика организаций и отраслей агропромышленного комплекса: под общ. ред. В.Г. Гусакова. Мн.: Белорус. наука, 2007. 891 с.
2. Видяпин В.И., акад. Г.П. Журавлева. Экономическая теория (политэкономика): под общей ред. акад. В.И. Видяпина, акад. Г.П. Журавлевой. М.: ИНФРА-М, 2017. 864 с.
3. Кушлин В.И. Государственное регулирование рыночной экономики. М.: РАГС, 2005. 892 с.
4. Минаков И.А. Кооперация и агропромышленная интеграция в АПК. М.: КолосС, 2013. 264 с.
5. Гапоненко А.Л., Дульщиков Ю.С. Региональная экономика и управление. М.: «Издательство РАГС», 2006. 616 с.
6. Качанов А.И. Особенности стратегического управления развитием регионального агропродовольственного комплекса: автореф. на соиск. к.э.н. Саратов: ИАГП РАН, 2008. 21 с.
7. Наташкин В.В., Лабазнова С.В. Российский потенциал аграрной сферы региона: оценка и перспективы эффективного использования. Саратов: ИАГП РАН, 2001. 211 с.
8. Крылатых Э.Н. Агропродовольственные системы: исследование процессов интеграции, конкуренции, инновации. М., 2006. 219 с.
9. Бородин К.Г., Крылатых Э.Н., Гончаров В.Д., Рау В.В. Результаты научных исследований на тему: «Разработать методологию обоснования стратегии развития агропродовольственного рынка РФ в условиях его интеграции в рамках ЕАЭС» этап 02, задание 1. Современная экономическая теория и принципы развития агропромышленного комплекса страны в условиях глобализации и интеграционных процессов в мировой экономике. ФГБНУ Всероссийский институт аграрных проблем и информатики им. А.А. Никонова [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.viapi.ru/download/2016/20170329-Repo-VIAPI-206.pdf> (дата обращения 14.01.2020)
10. Кутенков Р.П. Агросистемы России: межрегиональные сопоставления: методы, инструментарий, результаты. Саратов: ИАГП РАН, 2001. 111 с.
11. Ушачев И.Г. Агропродовольственный сектор: основные направления и проблемы // Экономист. 2006. № 5. С. 86 – 93.
12. Костяев А.И. Стратегия развития АПК и сельских территорий: перспективные идеи и конкурентоспособные технологии. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию ФГБНУ ВНИОПТУСХ. Ответственный за выпуск: Р.Х. Адуков. 2015. С. 483 – 489.
13. Федоров М.В., Яндыганов Я.Я., Власова Е.Я. Природопользование и удовлетворение потребностей // Известия УрГЭУ. 2012. № 1 (39). С. 188 – 199.
14. Крылатых Э.Н. Агропродовольственный сектор: многофункциональность, факторы развития, риски. ФГБНУ Всероссийский институт аграрных проблем и информатики им. А.А. Никонова [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.viapi.ru/download/2016/20170329-Repo-VIAPI-206.pdf> (дата обращения 14.01.2020)
15. Камилов М.К., Камилова П.Д., Камилова З.М., Эминова Э.М. Интеграция в агропромышленном комплексе и перспективы ее развития в условиях импорт замещения // Региональные проблемы преобразования экономики. 2017. № 2. С. 37 – 50.
16. Лазарева Е.И. Инновационно-ориентированная модель кластерной политики приращивания капитала благосостояния Южно-Российских регионов // TERRA ECONOMICUS. 2013. Том 11. № 4. Ч 2. С. 194 – 199.

Bobrovnich Alexander Alexandrovich, lecturer at the Department of State and Municipal Management, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).
E-mail: bobrik161@mail.ru.

**AGRICULTURAL INTEGRATION AS THE BASIS OF OPTIMIZATION OF
THE INSTITUTIONAL-ECONOMIC SYSTEM OF THE AGRICULTURAL COMPLEX:
THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECT**

Abstract

The article presents a comprehensive analysis of the terminology used to describe the agro-industrial sector of the economy and its institutional structure, the effectiveness of the functioning of the integration links between the structural elements of the system under study is proved, and the conclusion is made about the most optimal configuration of agro-industrial associations - flexible vertical-horizontal integrated structures. The material of the study was the publication of domestic scientists and an analysis of the existing regulatory framework.

Keywords: *agro-industrial complex, agrarian sector, agri-food sector, agri-food system, agribusiness, integration, agro-industrial integration, vertically integrated organizations, horizontally integrated organizations, flexible vertically horizontal integrated associations.*

References

1. Gusakov V.G. *Ekonomika organizacij i otraslej agropromyshlennogo kompleksa: pod obshch. red. V.G. Gusakova.* Mn.: Belorus. nauka, 2007. 891 p.
2. Vidyapin V.I., akad. G.P. ZHuravleva. *Ekonomicheskaya teoriya (politekonomiya): pod obshchej red. akad. V.I. Vidyapina, akad. G.P. ZHuravlevoj.* M.: INFRA-M, 2017. 864 p.
3. Kushlin V.I. *Gosudarstvennoe regulirovanie rynochnoj ekonomiki.* M.: RAGS, 2005. 892 p.
4. Minakov I.A. *Kooperaciya i agropromyshlennaya integraciya v APK.* M.: KolosS, 2013. 264 p.
5. Gaponenko A.L., Dul'shchikov YU.S. *Regional'naya ekonomika i upravlenie.* M.: «Izdatel'stvo RAGS», 2006. 616 p.
6. Kachanov A.I. *Osobennosti strategicheskogo upravleniya razvitiem regional'nogo agroprodovol'stvennogo kompleksa: avtoref. na soisk. k.e.n. Saratov: IAgP RAN, 2008.* 21 p.
7. Natashkin V.V., Labaznova S.V. *Rossijskij potencial agrarnoj sfery regiona: ocenka i perspektivy effektivnogo ispol'zovaniya.* Saratov: IAgP RAN, 2001. 211 p.
8. Krylatyh E.N. *Agroprodovol'stvennye sistemy: issledovanie processov integracii, konkurencii, innovacii.* M., 2006. 219 p.
9. Borodin K.G., Krylatyh E.N., Goncharov V.D., Rau V.V. *Rezul'taty nauchnyh issledovanij na temu: «Razrabotat' metodologiyu obosnovaniya strategii razvitiya agroprodovol'stvennogo rynka RF v usloviyah ego integracii v ramkah EAES» etap 02, zadanie 1. Sovremennaya ekonomicheskaya teoriya i principy razvitiya agropromyshlennogo kompleksa strany v usloviyah globalizacii i integracionnyh processov v mirovoj ekonomike. FGBNU Vserossijskij institut agrarnyh problem i informatiki im. A.A. Nikonova [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: <http://www.viapi.ru/download/2016/20170329-Repo-VIAPI-206.pdf> (data obrashcheniya 14.01.2020)*
10. Kutenkov R.P. *Agrosistemy Rossii: mezhregional'nye sopostavleniya: metody, instrumentarij, rezul'taty.* Saratov: IAgP RAN, 2001. 111 p.
11. Ushachev I.G. *Agroprodovol'stvennyj sektor: osnovnye napravleniya i problemy // Ekonomist.* 2006. № 5. P. 86 – 93.
12. Kostyaev A.I. *Strategiya razvitiya APK i sel'skih territorij: perspektivnye idei i konkurentosposobnye tekhnologii* Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 50-letiyu FGBNU VNIIOPTUSKH. *Otvetstvennyj za vypusk: R.H. Adukov.* 2015. P. 483 – 489.
13. Fedorov M.V., YAndyganov YA.YA., Vlasova E.YA. *Prirodopol'zovanie i udovletvorenie potrebnostej // Izvestiya UrGEU.* 2012. № 1 (39). P. 188 – 199.
14. Krylatyh E.N. *Agroprodovol'stvennyj sektor: mnogofunkcional'nost', faktory razvitiya, riski.* FGBNU Vserossijskij institut agrarnyh problem i informatiki im. A.A. Nikonova [Elektronnyj resurs]. *Rezhim dostupa: URL: <http://www.viapi.ru/download/2016/20170329-Repo-VIAPI-206.pdf> (data obrashcheniya 14.01.2020)*
15. Kamilov M.K., Kamilova P.D., Kamilova Z.M., Eminova E.M. *Integraciya v agropromyshlennom komplekse i perspektivy ee razvitiya v usloviyah import zameshcheniya // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki.* 2017. № 2. P. 37 – 50.
16. Lazareva E.I. *Innovacionno-orientirovannaya model' klasternoj politiki prirashcheniya kapitala blagosostoyaniya YUzhno-Rossijskih regionov // TERRA ECONOMICUS.* 2013. Tom 11. № 4. CH 2. P. 194 – 199.

**ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
В ОБЛАСТИ МУНИЦИПАЛЬНО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ**

**Гапонов
Петр
Владимирович**

соискатель кафедры политологии и политического управления
Школы политических исследований Института общественных
наук, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(119571, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 82, стр.1).
E-mail: suvorovez1966@mail.ru

Аннотация

В работе рассматриваются особенности реализуемой в современной России политики в области развития механизмов муниципально-частного партнерства. Мониторинг имеющихся исследований по указанной теме позволил выделить ряд системных групп, относящихся к вопросам экономической, юридической и региональной компетенций. При этом вопрос политического управления исследуемой сферы в большинстве работ сводится к элементам государственного управления, что по мнению автора не способно в полной мере отразить социальный эффект реализации проектов муниципально-частного партнерства. В научный оборот введены некоторые статистические данные органов государственной власти, относящиеся к особенностям реализации рассматриваемых проектов в настоящее время. На основании проведенного мониторинга отраслей реализации проектов муниципально-частного партнерства предложены перспективные направления развития государственной политики в исследуемой сфере с учетом имеющихся международных практик. Также в статье предлагается совершенствование реализуемых на сегодняшний день механизмов государственного управления, в части выделения отдельного органа исполнительной власти, аккумулирующего в своих компетенциях управление проектами не только муниципально-частного, но и государственно-частного партнерства, в целях повышения адресности и, следовательно, эффективности разрабатываемых и реализуемых проектов.

Ключевые слова: государственная политика, муниципально-частное партнерство, сферы муниципально-частного партнерства, государственное управление, органы местного самоуправления, управление проектами, региональная и муниципальная власть, инвестиционная привлекательность, глава субъекта.

Политический аспект исследования особенностей формирования и последующей реализации механизмов муниципально-частного партнерства в современной России представляется на сегодняшний день достаточно перспективным и недостаточно изученным современной политической наукой. Необходимость политологического подхода обусловлена доминированием исследований экономической составляющей оценки потенциала проектов муниципально-частного партнерства [2; 3; 5], рассмотрением муниципально-частного партнерства, как инструмента регионального развития [4; 8], а также перспектив совершенствования нормативной правовой базы, регулирующей данную сферу [1; 6; 7].

Указанные подходы, находясь в рамках реализации различных административно-управленческих решений, как на федеральном, так и на региональном уровне не в полной мере позволяют учитывать реальный социальный эффект от реализуемых проектов, который способен оказывать существенное влияние на стабильность всей политической системы. Значимость, так называемого «социального эффекта» от реализуемых, как государственной, так и муниципальной властью мер, на сегодняшний день, становится краеугольным камнем формирования соответствующего лояльного электората.

Успешные избирательные кампании губернаторов-самовыдвиженцев 2019 года наглядно показали рост актуальности взаимодействия главы субъекта и муниципальных образований, в части решения насущных вопросов социальной, транспортной и коммунальной инфраструктуры. Несмотря на то, что указанная проблематика в большей части относится к компетенциям муниципальных властей, именно на органы власти субъекта Российской Федерации ложится основная задача по формированию благоприятного инвестиционного климата в регионе, в целях развития механизмов муниципально-частного партнерства и реализации, таким образом, фундаментальных задач регионального развития России.

Такая работа проводится муниципалитетами в рамках реализации Указа Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года»¹.

Вышеназванный документ, наряду с иными актами российского законодательства, определяющими компетенции местной власти, предусматривает, в том числе, выполнение муниципальной властью задач, связанных с формированием комфортной среды, обеспечением деятельности коммунальной, социальной и транспортной инфраструктуры, а также повышения инвестиционной привлекательности территорий².

Мониторинг реализуемых на сегодняшний день проектов муниципально-частного партнерства, осуществленный в рамках использования возможностей платформы развития инфраструктурных проектов «РОСИНФРА» позволяет выявить особенности их реализации на современном этапе.

Всего в указанной базе, на 24 сентября 2019 года содержалась информация о 3834 проектах инфраструктурного партнерства на муниципальном уровне (табл. 1)³.

Таблица 1

**Реализуемые проекты инфраструктурного муниципально-частного партнерства
на муниципальном уровне по сферам**

Сфера партнерства	Количество проектов
Коммунально-энергетическая	2997
Социальная инфраструктура	390
Благоустройство и сопутствующая инженерно-техническая инфраструктура	91
Транспортная инфраструктура	53
Информационные системы	21
Промышленная инфраструктура	18
Сельская и охотхозяйская	4
Оборона и безопасность страны	0
Иные	260
ВСЕГО	3834

Приведенное распределение проектов по сферам позволяет выделить основные направления взаимодействия местной власти и частных инвестиций. Коммунально-энергетическая сфера и социальная инфраструктура являются значимыми критериями оценки деятельности не только муниципальных властей, но и руководства субъекта Российской Федерации, как местных жителей, так и федерального центра. В этой связи рассмотрим две указанные отрасли более подробно (табл. 2).

Таблица 2

**Реализуемые проекты инфраструктурного партнерства
в коммунально-энергетической сфере на муниципальном уровне**

Область коммунально-энергетической сферы	Количество проектов
Теплоснабжение	1480
Водоснабжение и водоотведение	1258
Электроснабжение	111
Комплекс (теплоснабжение, водоснабжение и водоотведение)	98
Обращение с ТКО	68
Газоснабжение	17
Централизованные системы теплоснабжения	0
Иное	65
ВСЕГО	2932

¹ Указ Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. №13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <https://constitution.garant.ru/act/federative/71587690/> (дата обращения 25.10.2019).

² Федеральный закон от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». URL: https://legalacts.ru/doc/131_FZ-ob-obwih-principah-organizacii-mestnogo-samoupravljenija/. (дата обращения 25.10.2019).

³ Платформа развития инфраструктурных проектов «РОСИНФРА». URL: <https://rosinfra.ru/> (дата обращения 30.10.2019).

Особенностью развития проектов партнерства в коммунально-энергетической сфере является преобладающее (2758 случаев из 2932) заключение соответствующих контрактов в рамках реализации Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях»¹, а не Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»².

Принимая во внимание, что концессионное соглашение также, в определенной мере, можно считать инструментом развития муниципально-частного партнерства, отсутствие широкой правоприменительной практики именно в рамках 224-ФЗ, позволяет говорить о, как минимум, недостаточном информационном сопровождении и возможном наличии проблематики бюрократического характера, которая отпугивает потенциальных частных инвесторов. В этой связи, представляется необходимым развитие предметного диалога региональной и муниципальной власти с инвесторами, в части повышения информированности о принципах работы механизмов муниципального партнерства и возможном снижении бюрократических барьеров.

Оставляя за скобками достаточно динамичное развитие проектов такого партнерства в областях, связанных с коммунальным обеспечением, что в целом является устоявшейся практикой, в том числе и международной, рассмотрение коммунально-энергетической сферы позволяет выявить существенный «недобор» партнерских проектов в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами (ТКО).

Современное российское законодательство дает следующее определение ТКО: «ТКО – это отходы, образующиеся в жилых помещениях в процессе потребления физическими лицами, а также товары, утратившие свои потребительские свойства в процессе их использования физическими лицами в жилых помещениях в целях удовлетворения личных и бытовых нужд. К твердым коммунальным отходам также относятся отходы, образующиеся в процессе деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и подобные по составу отходам, образующимся в жилых помещениях в процессе потребления физическими лицами»³.

Также российское законодательство разграничивает полномочия федерального центра, органов власти субъекта Российской Федерации и органов местного самоуправления в сфере обращения с отходами. Так, в соответствии со статьей 8 Федерального закона от 24 июня 1998 № 89-ФЗ (ред. от 25.12.2018, с изм. от 19.07.2019) «Об отходах производства и потребления»: «К полномочиям органов местного самоуправления городских поселений в области обращения с твердыми коммунальными отходами относятся:

- создание и содержание мест (площадок) накопления твердых коммунальных отходов, за исключением установленных законодательством Российской Федерации случаев, когда такая обязанность лежит на других лицах;
- определение схемы размещения мест (площадок) накопления твердых коммунальных отходов и введение реестра мест (площадок) накопления твердых коммунальных отходов;
- организация экологического воспитания и формирования экологической культуры в области обращения с твердыми коммунальными отходами»⁴.

Пунктом 4 упомянутой статьи аналогичными полномочиями наделены органы местного самоуправления городских округов⁵.

Иными словами, в настоящее время существуют реальные перспективы развития востребованных проектов муниципально-частного партнерства в сфере обращения с ТКО, предметами которых могут выступать утилизация тары и упаковки, мебели, бытовой техники и электроприборов, а также пищевые отходы организаций общественного питания. Такое направление деятельности представляется перспективным еще и в связи с тем, что в настоящее время утилизация бытовой

¹ Федеральный закон от 21 июля 2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54572/. (дата обращения 30.10.2019).

² Федеральный закон от 13 июля 2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/. (дата обращения 30.10.2019).

³ Федеральный закон от 24 июня 1998 № 89-ФЗ (ред. от 25.12.2018, с изм. от 19.07.2019) «Об отходах производства и потребления». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19109/. (дата обращения 24.09.2019).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

техники и электроприборов зачастую находится в теневом секторе, и в этой связи не имеет легальных стационарных пунктов приема таких вещей.

Сложившийся таким образом перечень отходов, которые могут быть классифицированы, ТКО позволяет говорить и о перспективах развития проектов муниципально-частного партнерства в указанной области ввиду того, что согласно классификатору отходов по классу опасности ТКО, принадлежащие к 4 и 5 классу, считаются наименее опасными для окружающей среды.

Необходимо отметить, что катализатором процессов развития муниципально-частного партнерства на данном направлении, может стать политическое решение руководства страны относительно проведения так называемой «мусорной реформы». Принципиальным положением такой реформы будет закрепление изменения подхода к сортировке мусора, в целях последующей его более эффективной и экологически чистой переработки.

Мировой опыт говорит о существенной эффективности такого подхода, даже в случае элементарного «трехуровневого» (пищевые отходы-пластик-бумага) разделения отходов, как это принято в большинстве стран мира. Например, в Германии от 60 до 80% этого объема уходит на повторную переработку или мусоросжигательные заводы – для получения электроэнергии. При этом, порядка 15% вторсырья, используемого немецкой промышленностью, является продуктом переработки мусора. Также, переработка мусора является выгодным бизнесом – в 2017 г. оборот мусороперерабатывающей отрасли составил примерно €70 млрд., а работало в этой сфере более 250 тыс. чел.¹

Таким образом, государство, создавая условия для привлечения инвестиций в подобные проекты, окажет существенную пользу не только муниципальным образованиям, в части осуществления ими своего непосредственного функционала, но и окажет существенное положительное влияние на формируемую экологическую повестку.

Резонансные события 2018 года вокруг полигонов утилизации отходов «Ядрово» и «Кучино» и последующие массовые протесты местных жителей таргетировали вопросы обеспечения экологической безопасности на федеральный уровень, одновременно заняв одно из ключевых мест протестной политической повестки, как системной, так и внесистемной оппозиции.

Возвращаясь к данным информационного портала платформы развития инфраструктурных проектов «РОСИНФРА», рассмотрим следующую, наиболее популярную сферу развития муниципально-частного партнерства – социальную инфраструктуру (таблица 3).

Таблица 3

**Реализуемые проекты инфраструктурного партнерства
в областях социальной инфраструктуры на муниципальном уровне**

Область социальной инфраструктуры	Количество
Образование	101
Культура, досуг, туризм, реставрация ОКН	90
Социальное обслуживание населения	70
Здравоохранение и санаторно-курортное лечение	61
Физическая культура и спорт	52
Объекты социально-культурного назначения	15
Банно-прачечные комплексы	1
Многофункциональные спортивные комплексы	0
ИТОГО	390

Анализ количественных показателей заключенных проектов инфраструктурного партнерства на муниципальном уровне позволяет констатировать не самую высокую заинтересованность частных инвесторов в развитии объектов социальной инфраструктуры. Особенностью партнерства в указанной сфере является минимизация выделения бюджетных ассигнований из муниципальных бюджетов, т.е. участие органов муниципальной власти заключается, как правило, в административном сопровождении проектов, в целях снижения возможных бюрократических рисков, а финансирование осуществляется полностью частным партнером.

Имеющееся небольшое количество такого рода проектов может говорить о необходимости модернизации регионального и федерального законодательства в сфере муниципально-частного партнерства, в части повышения гарантий инвестиций частных лиц и конкретизации обязанностей публичного партнера.

¹ ТАСС. От отходов на улицах до глубокой сортировки: мировой опыт борьбы с мусором. URL: https://tass.ru/spec/mirovoi_musor. (дата обращения 30.10.2019).

Рассматривая перспективные направления развития, сферы реализации проектов муниципально-частного партнерства, необходимо акцентировать внимание и на вопросах государственного управления. Как известно, вопросы реализации политики в сфере государственно-частного и муниципально-частного партнерства отнесены к компетенции Министерства экономического развития России. При этом, существует определенное понимание того, что рассматриваемые механизмы являются одним из инструментов эффективного и равномерного регионального развития и, указанный функционал в настоящее время, также отнесен к сфере деятельности Минэкономразвития России¹.

Принимая во внимание значимость реализации проектов государственно-частного и муниципально-частного партнерства, можно обратиться к имеющейся практике государственного управления в современной России, которая демонстрирует возможности определенного аппаратного выделения некоторых значимых направлений государственной политики в рамках функционала отдельных, созданных в этой связи федеральных органов исполнительной власти.

В качестве примера такого управленческого конструкта можно привести Федеральное агентство по делам национальностей, отвечающее за национальную политику, Федеральное агентство по делам молодежи, являющееся куратором молодежной политики и др. Кроме того, под эгидой Министерства по делам развития Дальнего Востока и Арктики функционирует Агентство по развитию человеческого капитала на дальнем Востоке, которое, не имея статуса федерального органа исполнительной власти, наделено определенным функционалом, позволяющим говорить об Агентстве, как об одном из успешных институтов развития Дальнего Востока.

В этой связи, представляется целесообразным создание на принципах работы проектного офиса специализированного **Агентства региональных инвестиций и инфраструктурных проектов** – подведомственной организации Министерства экономического развития России, отвечающей за развитие государственно-частного и муниципально-частного партнерства в регионах Российской Федерации.

С учетом изложенного, учитывая особенности реализации проектов муниципально-частного партнерства в современной России можно сформулировать следующие перспективы.

Во-первых, повышение интереса частного капитала к участию в проектах партнерства связано с возможностью более оперативного покрытия инвестиционных затрат и получения последующей прибыли. Учитывая мировой опыт мусоропереработки, данное направление развития механизмов муниципально-частного партнерства представляется наиболее востребованным в ближайшей перспективе. Можно сказать, что потенциальное повышение интереса к муниципальным проектам связано с поиском новых областей и сфер его применения.

Во-вторых, прошедшее время с момента вступления в силу 224-ФЗ, а также новых региональных нормативных правовых актов, соответствующих федеральному законодательству, требует проведения всеобъемлющего мониторинга правоприменительной практики. Задачей такого рода мониторинга является выявление проблемных мест административно-правового регулирования, потенциальных коррупциогенных рисков и аспектов дальнейшего совершенствования профильного законодательства, как на федеральном, так и на региональном уровне. Одним из направлений совершенствования законодательства может стать усиление полномочий органов местного самоуправления, в части принятия решений заключения соглашений о муниципально-частном партнерстве, а также обеспечения дополнительных гарантий для инвестиций частных лиц.

В-третьих, новые подходы в государственном управлении требуют соответствующих подходов к проектно-плановой работе обеспечения государственной политики, повышения персональной ответственности государственных и муниципальных служащих, совершенствование их профильных компетенций, что целесообразно реализовывать в рамках отдельного подведомственного учреждения.

В целом, государственная политика в сфере развития механизмов муниципально-частного партнерства на сегодняшний день имеет четко обозначенный круг проблем, связанных с равномерным уровнем социально-экономического развития регионов Российской Федерации и муниципалитетов, как составных частей этих регионов. При этом, мировой опыт публично-частного партнерства демонстрирует набор определенных положительных практик, которые могут быть транспортированы в российскую действительность. В свою очередь, реализация таких практик требует принятия политического решения от федеральной власти, направленного на обеспечение условий, способствующих определенной децентрализации принятия управленческих решений.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 05.06.2008 №437 (ред. от 09.08.2019) «О Министерстве экономического развития Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=331515&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.37964972405707353#07822002554393546>. (дата обращения 05.11.2019).

Литература

1. Аверин А.Н., Понедельков А.В. Публичный партнёр государственно-частного и муниципально-частного партнёрства // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. №1(68). С. 124 – 129.
2. Бондаренко Т.Г., Жданова О.А., Горяинова Л.В. Потенциал государственно-частного партнёрства в системе финансирования предприятия АПК // Экономические науки. 2018. №165. С. 50 – 54.
3. Елесина М.В. Муниципально-частное партнёрство как форма соглашения между органами власти и субъектами предпринимательства // Вестник современной науки. 2015. №1(1). С. 65 – 68.
4. Заварзина А.В., Лещенко Е.М., Степаненко А.С. Муниципально-частное партнёрство: проблемы и перспективы развития // Регион: государственное и муниципальное управление. 2016. № 4(8). С. 6.
5. Запорожан А.Я. Экономическая основа местного самоуправления: муниципально-частное партнёрство // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХ и ГС. 2017. Т. 8. № 5(32). С. 17 – 21.
6. Куц Л.И. Государственно (муниципально)-частное партнерство: пути совершенствования перспективного законодательства // Вестник Института экономических исследований. 2016. № 3(3). С. 110 – 118.
7. Медведева Н.В. Муниципально-частное партнёрство: вопросы теории и практики // Материалы Ивановских чтений. 2015. № 5(5). С. 85 – 89.
8. Миронова С.М. Муниципально-частное партнерство как инструмент развития муниципальных образований: финансово-правовые аспекты // Бизнес. Образование. Право. 2015. №4 (33). С. 300 – 305.

Gaponov Petr Vladimirovich, the graduate student of political science and political management department, School of political researches of Institute of social sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadskogo Ave., Moscow, 119571, Russian Federation). E-mail: suvorovez1966@mail.ru

FEATURES OF PUBLIC POLICY IN THE FIELD OF MUNICIPAL AND PRIVATE PARTNERSHIP IN MODERN RUSSIA: PERSPECTIVE DIRECTIONS OF DEVELOPMENT

Abstract

In work features of the policy realized in modern Russia in the field of development of mechanisms of municipal and private partnership are considered. Monitoring of the available researches on the specified subject allowed to allocate a number of the system groups belonging to questions of economic, legal and regional competences. At the same time the question of political management of the explored sphere in the majority of works comes down to elements of public administration that according to the author it is fully not capable to reflect social effect of implementation of projects of municipal and private partnership. Some statistical data of public authorities relating to features of implementation of the considered projects now are introduced for scientific use. On the basis of the carried-out monitoring of the industries of implementation of projects of municipal and private partnership the perspective directions of development of public policy in the explored sphere taking into account available international the practician are offered. Also in article improvement of the mechanisms of public administration realized today, regarding allocation of the separate executive authority accumulating in the competences project management not only municipal and private, but also public-private partnership, for increase in targeting and, therefore, efficiency of the developed and implemented projects is offered.

Keywords: state policy, municipal and private partnership, spheres of municipal and private partnership, public administration, local governments, project management, regional and municipal authority, investment attractiveness, head of the subject.

References

1. Averin A.N., Ponedelkov A.V. Publichnyj partnyor gosudarstvenno-chastnogo i municipal'no-chastnogo partnyorstva // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2016. №1(68). P. 124 – 129.
2. Bondarenko T.G., Zhdanova O.A., Goryainova L.V. Potencial gosudarstvenno-chastnogo partnyorstva v sisteme finansirovaniya predpriyatiya APK // Ekonomicheskie nauki. 2018. №165. P. 50 – 54.
3. Elesina M.V. Municipal'no-chastnoe partnyorstvo kak forma soglasheniya mezhdru organami vlasti i sub"ektami predprinimatel'stva // Vestnik sovremennoj nauki. 2015. №1(1). P. 65 – 68.
4. Zavarzina A.V., Leshchenko E.M., Stepanenko A.S. Municipal'no-chastnoe partnyorstvo: problemy i perspektivy razvitiya // Region: gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. 2016. № 4(8). P. 6.
5. Zaporozhan A.YA. Ekonomicheskaya osnova mestnogo samoupravleniya: municipal'no-chastnoe partnyorstvo // Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANH i GS. 2017. T. 8. № 5(32). P. 17 – 21.
6. Kushch L.I. Gosudarstvenno (municipal'no)-chastnoe partnerstvo: puti sovershenstvovaniya perspektivnogo zakonodatel'stva // Vestnik Instituta ekonomicheskikh issledovaniy. 2016. № 3(3). P. 110 – 118.
7. Medvedeva N.V. Municipal'no-chastnoe partnyorstvo: voprosy teorii i praktiki // Materialy Ivanovskikh chtenij. 2015. № 5(5). P. 85 – 89.
8. Mironova S.M. Municipal'no-chastnoe partnerstvo kak instrument razvitiya municipal'nyh obrazovaniy: finansovo-pravovye aspekty // Biznes. Obrazovanie. Pravo. 2015. №4 (33). P. 300 – 305.

РОССИЙСКИЙ РЫНОК РЕКЛАМЫ: СОСТОЯНИЕ, СТРУКТУРА, ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Горохова Полина Андреевна – специалист по учебно-методической работе, Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет) (190013, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский пр., 26).
E-mail: polina348@yandex.ru

Аннотация

Функции рынка рекламы – интегрирующая, информационная, стимулирующая, социально-культурная – определяют её роль в национальной экономике. Российский рынок рекламы, являясь органичной частью мировой рекламной индустрии, подвержен влиянию глобальных трендов. Проведенное исследование позволило установить наличие существенного нереализованного потенциала российского рынка рекламы. Анализ рядов динамики и корреляционный анализ рекламного рынка России позволил выявить затраты на рекламу по средствам её распространения, характеризующиеся сильными и слабыми связями. В исследовании также выявлено, что российский рынок рекламы характеризуется глубокими трансформационными тенденциями.

Ключевые слова: рынок рекламы, тенденции развития рынка рекламы, интернет-реклама, потребители рекламы, изучение общественного мнения, информационная функция, рекламодатели, рекламодатели, исследование рекламного рынка.

Рынок рекламы как сектор экономики, формирование которого определяется результатами взаимодействия особой группы субъектов (рекламодателей, рекламопроизводителей, рекламодиспетчеров и потребителей рекламы [1]) выполняет значимые функции, среди которых интегрирующая (объединение экономических интересов субъектов рекламного рынка), выравнивающая (устранение дисбаланса между уровнем спроса и уровнем предложения), информационная (информирование участников рынка о состоянии конкурентной среды и прочих параметрах рынка), стимулирующая (формирование условий для развития рекламной индустрии и совершенствования компетенций её участников), социально-культурная (участие в формировании ценностей потребителей в конкретный временной промежуток) [2]. Анализ состояния национального рынка рекламы, его структуры, тенденций и перспектив развития имеет значение как для его участников, так и для субъектов, принимающих решения в отношении его развития, что определяет актуальность настоящего исследования.

Анализу российского рынка рекламы посвящено достаточно большое количество публикаций, что не отменяет актуальности данного исследования, ввиду динамичности данного рынка, его видоизменчивости, особенно в последние годы ввиду широкого распространения виртуальных средств рекламных коммуникаций.

Характеризуя степень разработанности темы исследования, отметим публикации последних лет. Е.И. Дорошенко, используя маркетинговые технологии исследования рекламного рынка, приходит к нескольким выводам, среди которых выявление специфики развития российского рынка рекламы, состоящей в запаздывающем снижении объема данного рынка относительно скорости протекания кризисных явлений [3]. Как видится, вывод указанного автора может отражать лишь одну из специфических черт развития российского рынка рекламы, но никак не всю специфику рассматриваемого рынка.

В монографии авторов [4] проведен анализ рекламного рынка России по его основным сегментам: телевизионной, радио-, печатной, интернет- и наружной рекламе. Вместе с этим, стоит отметить недостаточное освещение в работе перспектив развития рынка рекламы.

В публикациях Е.Ф. Девочкиной приводятся составляющие информационной базы анализа рынка рекламы, предлагается система статистических показателей оценки состояния рекламного рынка, исследуется влияние факторов на российский рекламный рынок, предлагается прогноз его развития [5-7]. При несомненных достоинствах работ указанного автора, состоящих в комплексном и системном исследовании показателей рынка рекламы, их недостатком можно назвать чрезмерную статистическую направленность. Рынок рекламы, особенно в последние годы, меняется под влиянием качественно новых способов, средств и технологий доставки информации потребителю. Это обстоятельство не всегда может найти отражение в статистическом анализе.

Отсутствие единства исследователей в методологии анализа устройства и состояния рынка рекламы объясняется сложностью данного рынка. Данный рынок непосредственно связан с рынком маркетинговых услуг, иногда неправомерно отождествляется с ним, он характеризуется

сложностью взаимодействия субъектов, структурной неоднородностью. Названные обстоятельства определяют методологические проблемы адекватного исследования рынка рекламы.

Анализируя состояние, структуру и тенденции рекламного рынка России, важно определить с информационной базой исследования. В силу объективных исторических причин, формирование статистической базы, включающей информацию о состоянии различных параметров рынка рекламы, началось относительно недавно – с конца 1990-х – начала 2000-х гг. Специфика рекламного рынка, характеризующегося сложной и неоднородной структурой, видоизменчивостью, делает недостаточно информативными для целей комплексного анализа данные официальной государственной статистики, которая начала формироваться в 2000 г. после ввода статистической отчетности в сфере рекламной деятельности (форма № 1 – реклама «Сведения по оказанию услуг в области рекламы»¹). Недостаточная информативность официальной статистики объясняется узкоспецифическими целями её использования: выяснение фискального статуса участников рынка рекламных услуг, установление масштабов их деятельности для целей статистического и налогового учета.

Комплексность анализа российского рынка рекламы может быть обеспечена только при использовании всего круга наиболее значимых специальных источников статистической информации о состоянии данного рынка:

- организаций, специализирующихся на изучении общественного мнения: Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Левада-центр и др., которые позволяют оценить тенденции в изменении потребительских мотивов, потребительских реакций на различные коммуникационные тенденции;

- организаций, специализирующихся на исследовании рекламной индустрии и медиапространства: Ассоциация коммуникационных агентств России (АКАР), Исследовательский холдинг РОМИР, Международное медиа-агентство Zenith Optimedia;

- организаций, осуществляющих исследование различных отраслевых рынков, в том числе рекламного: PWC, Деллойт и др.

В науке и практике не существует единства и в части количественных параметров, характеризующих рынок рекламы. Как показывает анализ источников, в этом смысле может использоваться довольно разветвленный и не всегда взаимосвязанный набор показателей: показатели развития сети рекламных компаний, кадрового потенциала рекламных компаний, затрат на рекламу, показатели потребителей рекламы, эффективности рекламной деятельности и др. [8-10].

Для целей настоящего исследования рынок рекламы будет анализироваться преимущественно в рамках его ключевого универсального показателя, имеющего стоимостное выражение – объема рекламы или суммарных затрат на рекламу за определенный период. При необходимости данный показатель будет дополняться другими, характеризующими состояние рекламного рынка России.

Оценивая состояние рекламного рынка России, важно учитывать, что он тесно интегрирован в мировую рекламную индустрию. Это выражается в осуществлении рекламных кампаний зарубежных рекламодателей в России и российских рекламодателей на иностранных рынках продукции; взаимной кооперации зарубежных и российских участников рекламного рынка при разработке и осуществлении рекламных кампаний; распространении новых технологий рекламной деятельности, привнесенных из зарубежной практики; использовании крупных зарубежных медиаплатформ (Google, Youtube, Facebook и др.) российскими операторами рекламного рынка.

Согласно исследованию агентства Zenith, в ближайшие годы российский рынок рекламы войдет в первую десятку национальных рынков по вкладу в прирост рекламных бюджетов, хотя его рост замедлится. По данным названной организации, среднегодовые темпы прироста рекламного рынка России в 2019 – 2020 гг. составят 7,9 %, а его объем к 2020 г. – более 500 млрд. руб.² Между тем, российский рекламный рынок пока составляет незначительную часть мирового рынка рекламы, а отдельные его параметры свидетельствуют о наличии существенного потенциала роста. Так, если в среднем по странам мира доля рекламного рынка составляет 0,69 % в ВВП, то в России – 0,47 % от ВВП³.

¹ Постановление Госкомстата РФ от 03.08.1998 № 78 (ред. от 25.07.2002) «Об утверждении форм федерального государственного статистического наблюдения за услугами на 1999 год» [Электронный ресурс] / Консультант-плюс. URL – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20240/ (дата обращения 25.10.2019 г.)

² Реклама сбавит обороты [Электронный ресурс] / Коммерсантъ. URL - <https://www.kommersant.ru/doc/3753652> (дата обращения 27.10.2019 г.); Advertising Expenditure Forecasts March 2019 [Электронный ресурс] / Zenithmedia. URL - <https://www.zenithmedia.com/wp-content/uploads/2019/03/Adspend-forecasts-March-2019-executive-summary.pdf> (дата обращения 27.10.2019 г.)

³ В 2018 году глобальный рекламный рынок вырастет на 4,3%, российский – на 12% [Электронный ресурс] / Sostav. URL - <https://www.sostav.ru/publication/v-2018-godu-globalnyj-reklamnyj-rynok-vyrastet-na-4-3-rossijskij-na-12-29500.html> (дата обращения 27.10.2019 г.)

Основным драйвером роста российского рынка рекламы в ближайшие годы рассматривается интернет-сегмент¹. Переход операторов рекламного рынка в виртуальное медиапространство – сравнительно многолетний глобальный тренд, который не обошел стороной российский рынок рекламы. Связано это с объективными причинами, среди которых не только рост уровня проникновения сети Интернет, но и качественное изменение моделей медиапотребления. Так, растет тренд «интерактивизации» потребителей рынка рекламы в результате распространения новых технологий рекламной деятельности.

Согласно исследованию Deloitte, 36 % медиапотребителей включают телевизор без какой-либо цели и оставляют его работать в фоновом режиме. В соответствии с результатами того же исследования в 2019 г., 62 % потребителей выходят в Интернет, используя смартфон, часто и на долгое время, при этом 91 % опрошенных имеют смартфон. Основным источником информации для респондентов всех возрастных категорий в 2019 году являются новостные, аналитические и официальные сайты в Интернете. Интернет также характеризуется самым высоким уровнем доверия среди респондентов².

Далее обратимся непосредственно к количественным параметрам, характеризующим состояние, тенденции и структуру российского рынка рекламы в последние годы. Начиная с 2000 г. российский рынок рекламы поступательно растет (рис. 1)³.

Рис. 1. Показатели динамики объемов российского рынка рекламы, 2000 – 2018 гг., %

Источник: рассчитано на основе данных АКАР

Согласно данным Ассоциации коммуникационных агентств России, российский рынок рекламы вырос в 2018 г. в 20,6 раз относительно 2000 г., а его объем составил 468,7 млрд. руб. Российский рекламный рынок показал отрицательную динамику только в 2009 г. (-27,5 % по отношению к 2008 г.) и в 2015 г. (-8,1 % по отношению к 2014 г.). В 2009 году это было связано с кризисными явлениями в мировой экономике и сокращением рекламных бюджетов участников данного рынка. В 2015 г. такое снижение было обусловлено локальными кризисными тенденциями, также вынудившими субъектов рыночной деятельности изменить структуру своих затрат.

Структура рекламного рынка России может быть охарактеризована множеством способов, но наибольший интерес представляет состав этого рынка по средствам её распространения. Традиционно выделяют следующие средства распространения рекламы: телевидение, радио, пресса, наружная и интернет-реклама.

¹ The Russian interactive advertising market 2017-2020 [Электронный ресурс] / PWC. URL - https://adindex.ru/files2/access/2018_12/230157_DigitalAdspend_final_eng.pdf (дата обращения 27.10.2019 г.)

² Тенденции монетизации контента в Интернете Медиапотребление в России – 2019 [Электронный ресурс] / Исследовательский центр компании «Делойт» в СНГ.

URL - <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/technology-media-telecommunications/russian/mediaconsumption-russia-2019.pdf> (дата обращения 27.10.2019 г.)

³ Объём рекламного рынка России в 2000-2018 гг., млрд руб., без учёта НДС [Электронный ресурс] / Ассоциация коммуникационных агентств России. URL - <http://www.akarussia.ru/node/7849> (дата обращения 24.10.2019 г.)

Оценивая состояние рекламного рынка России, можно провести анализ корреляционных зависимостей между изменением затрат на рекламу по средствам её распространения в последние годы (табл. 1).

Таблица 1

Корреляционные зависимости между затратами на различные виды рекламы по средствам её распространения, 2000 – 2018 гг.

	Телевидение	Радио	Пресса	Наружная реклама	Интернет-реклама
Телевидение	1	0,968	0,239	0,920	0,830
Радио	0,968	1	0,339	0,953	0,767
Пресса	0,239	0,339	1	0,581	-0,288
Наружная реклама	0,920	0,953	0,581	1	0,596
Интернет-реклама	0,830	0,767	-0,288	0,596	1

Источник: рассчитано на основе данных АКАР

Как видно из данных табл. 1, сильная прямая корреляционная зависимость наблюдается между затратами на рекламу на телевидении и радио (0,968), телевидении и наружной рекламой (0,920), телевидении и интернет-рекламой (0,830). При этом из проведенного анализа следует слабая прямая или вовсе обратная зависимость рекламы в прессе с другими видами рекламы. Сложившиеся связи объясняются значительным снижением значимости рекламы в прессе на российском рекламном рынке: за анализируемый период реклама в прессе выросла только в 1,7 раза (в 2018 г. по отношению к 2000 г.), а её доля в последние годы стабильно снижается.

Основным драйвером российского рынка рекламы в последние годы стала реклама в сети Интернет. По данным на 2018 г. доля рекламы в сети Интернет составляет 43,3 % от суммарного объема рекламных коммуникационных затрат в России.

Характеризуя сложившиеся тренды, логично предположить структурные сдвиги на российском рынке рекламы в последние годы. Для подтверждения или опровержения данной гипотезы можно воспользоваться показателем структурных сдвигов – индексом Рябцева, который рассчитывается по формуле (1):

$$I_r = \sqrt{\frac{\sum (d_i^1 - d_i^0)^2}{\sum (d_i^1 + d_i^0)^2}} \quad (1)$$

где, d_i^1, d_i^0 – удельный вес признаков в совокупности, i – число градаций в структуре.

Оценка меры существенности структурных различий по индексу Рябцева осуществляется в соответствии со следующей шкалой (табл. 2).

Таблица 2

Шкалы интерпретации значений индекса Рябцева

Значения индекса	Интерпретация
0,000–0,030	тождественность структур
0,031–0,070	весьма низкий уровень различий
0,071–0,150	низкий уровень различий
0,151–0,300	существенный уровень различий
0,301–0,500	значительный уровень различий
0,501–0,700	весьма значительный уровень различий
0,701–0,900	противоположный тип структур
0,901 и выше	полная противоположность структур

Источник: [11]

Для целей оценки структурных различий российского рынка рекламы в исследовании выбрано несколько укрупненных периодов последних лет: 2010 и 2015 г., 2015 и 2018 г., 2010 и 2018 г. (рис. 2).

Таким образом, различия структуры российского рекламного рынка в 2018 году в сравнении с 2010 были весьма значительны (индекс Рябцева составил 0,90). При этом в отдельные периоды последних лет эти расхождения снижаются.

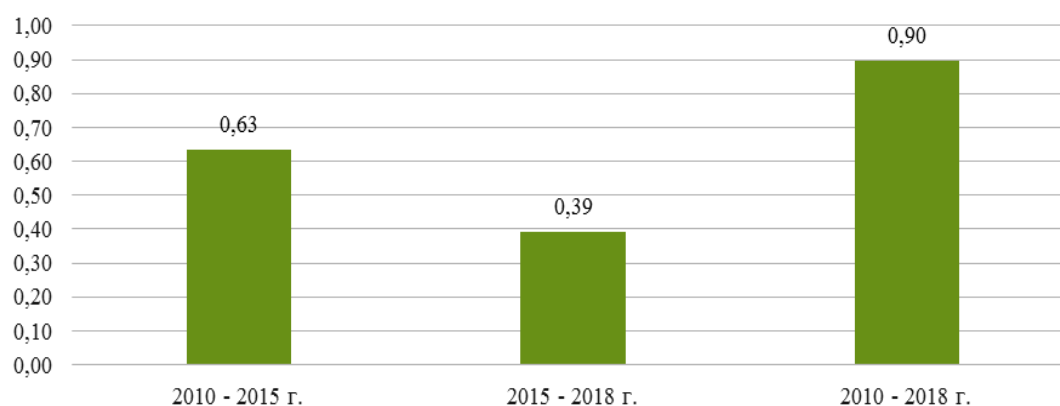

Рис. 2. Изменение структурных различий российского рынка рекламы по укрупненным периодам (Индекс Рябцева)

Источник: рассчитано на основе данных АКАР о структуре российского рынка рекламы

В структуре рекламы в сети Интернет в последние годы преобладает контекстная реклама. К 2018 г. её доля в совокупном объеме маркетинговой и рекламной активности в сети Интернет российских рекламодателей составила 62,9 %¹. Именно реклама в сети Интернет в ближайшие годы рассматривается ведущими специализированными исследовательскими агентствами как основной драйвер роста российского рынка рекламы.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить основные динамические и структурные тенденции российского рынка рекламы. Российский рынок рекламы в последние годы характеризуется глубокими трансформационными процессами, он видоизменяется, что обусловлено взаимонаправленными процессами: активным использованием рекламодателей новых технологий продвижения в сети Интернет и изменением моделей медиапотребления в России. Оценивая перспективы рекламного рынка России, можно с большой долей вероятности прогнозировать дальнейшее снижение значения рекламы в отдельных средствах распространения, которые уже в среднесрочный период (3-5 лет) могут попасть в разряд архаичных (реклама в прессе). Уже в 2018 году, впервые за историю российского рынка рекламы, затраты на рекламодателей в сети Интернет превзошли затраты на рекламу на телевидении – данный тренд в ближайшие годы также с большой долей вероятности будет усиливаться.

Литература

1. Чалова А.А. Исследование рынка рекламы: теоретический и практический аспекты // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2014. № 3 (51). С. 273 – 284.
2. Чепцова Т.Н. Рынок рекламных услуг // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2010. № 19. С. 128 – 132.
3. Дорошенко Е.И., Машенцева Г.А. Совершенствование технологий исследования рынка рекламы: монография. Волгоград : ВолгГТУ, 2017. 111 с.
4. Дубова Ю.И., Евстратов А.В., Заруднева А.Ю. Тенденции и перспективы развития современного рекламного рынка в России: монография. М-во образования и науки Российской Федерации, Волгоградский гос. техн. ун-т. Волгоград : ВолгГТУ, 2015. 93 с.
5. Девочкина Е.Ф. Исследование информационной базы статистического анализа рынка рекламы // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2014. № 4. С. 50 – 54.
6. Девочкина Е.Ф. Рынок рекламы как объект статистического исследования // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2014. № 1 (61). С. 5.
7. Девочкина Е.Ф. Система показателей рынка рекламы: методологический подход // Вестник Лeningradского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 6. № 3. С. 95 – 106.
8. Зверева Е.А. Динамика показателей рекламного рынка: новые медиаформаты журнального бизнеса (2010-2011 гг.) // Альманах теоретических и прикладных исследований рекламы. 2014. № 1. С. 70 – 86.

¹ Интернет в России в 2018 году [Электронный ресурс] / Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. М., 2019. 109 с. URL – <http://www.fapmc.ru/mobile/activities/reports/2019/teleradio/main/custom/0/0/file.pdf> (дата обращения: 27.10.2019 г.)

9. Романов А.А. Теория и практика рекламных коммуникаций: монография. М.: Изд. центр ЕАОИ, 2011. 512 с.
10. Сироватский А.С. Анализ структуры рекламного рынка России и принципов ценообразования на нем // Вопросы экономики и права. 2012. № 8. С. 88 – 91.
11. Рябцев В.М., Чудилин Г.И. Региональная статистика. М.: МИД, 2001. 378 с.

Gorokhova Polina Andreevna, specialist in educational and methodical work, St.Petersburg State Technological Institute (26, Moscow Ave., St. Petersburg, 190013, Russian Federation).

E-mail: polina348@yandex.ru

RUSSIAN ADVERTISING MARKET: STATE, STRUCTURE, TRENDS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Abstract

The functions of the advertising market - integrating, informational, stimulating, socio-cultural - predetermine its role in the national economy. The Russian advertising market, being an organic part of the global advertising industry, is influenced by global trends. The study allowed us to establish the presence of a significant unrealized potential of the Russian advertising market. The analysis of the series of dynamics and the correlation analysis of the advertising market in Russia revealed the costs of advertising by means of its distribution, characterized by strong and weak connections. The study also revealed that the Russian advertising market is characterized by deep transformational trends.

Keywords: market of advertizing, advertizing market development trend, Internet advertizing, consumers of advertizing, studying of public opinion, information function, advertizing distributors, advertisers, research of the advertizing market.

References

1. Chalova A.A. Issledovanie rynka reklamy: teoreticheskij i prakticheskij aspekty // Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperacii, ekonomiki i prava. 2014. № 3 (51). P. 273 – 284.
2. Чепцова Т.Н. Рынok reklamnyh uslug // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. 2010. № 19. P. 128 – 132.
3. Doroshenko E.I., Mashenceva G.A. Sovershenstvovanie tekhnologij issledovaniya rynka reklamy: monografiya. Volgograd : VolGTU, 2017. 111 p.
4. Dubova YU.I., Evstratov A.V., Zarudneva A.YU. Tendencii i perspektivy razvitiya sovremennogo reklam-nogo rynka v Rossii: monografiya. M-vo obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii, Volgogradskij gos. tekhn. un-t. Volgograd : VolGTU, 2015. 93 p.
5. Devochkina E.F. Issledovanie informacionnoj bazy statisticheskogo analiza rynka reklamy // Ekonomika, statistika i informatika. Vestnik UMO. 2014. № 4. P. 50 – 54.
6. Devochkina E.F. Rynok reklamy kak ob"ekt statisticheskogo issledovaniya // Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyj nauchnyj zhurnal. 2014. № 1 (61). P. 5.
7. Devochkina E.F. Sistema pokazatelej rynka reklamy: metodologicheskij podhod // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2014. T. 6. № 3. P. 95 – 106.
8. Zvereva E.A. Dinamika pokazatelej reklamnogo rynka: novye mediaformaty zhurnal'nogo biz-nesa (2010-2011 gg.) // Al'manah teoreticheskikh i prikladnyh issledovanij reklamy. 2014. № 1. P. 70 – 86.
9. Romanov A.A. Teoriya i praktika reklamnyh kommunikacij: monografiya. M.: Izd. centr EAOI, 2011. 512 p.
10. Sirovatskij A.S. Analiz struktury reklamnogo rynka Rossii i principov cenoobrazovaniya na nem // Vo-prosy ekonomiki i prava. 2012. № 8. P. 88 – 91.
11. Ryabcev V.M., CHudilin G.I. Regional'naya statistika. M.: MID, 2001. 378 p.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Научная статья должна соответствовать профилю журнала, быть ориентированной на актуальные проблемы управления, экономики, политологии, социологии.

Рукопись, подписанная автором (авторами), представляется в редакцию на электронном и бумажном носителях. Рукописи аспирантов дополняются рекомендацией к печати научным руководителем.

Объем научной статьи должен быть от 10 до 20 тыс. знаков. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный пробел – 1,5 интервала, поля по 2 см по периметру страницы, абзацный отступ – 1 см. Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах должны также иметь заголовки.

Иллюстративные материалы (рисунки, графики, схемы) должны быть четко читаемыми, черно-белыми, сгруппированными в единый объект, также не более 3-х.

Структура представляемого материала:

1) Научная статья должна быть классифицирована – иметь УДК, указываемый в левом верхнем углу материала.

2) На русском и английском языках:

- заголовок статьи;

- фамилия, имя, отчество автора полностью, ученая степень, звание, организация (вуз), полный почтовый адрес организации, контактные данные автора (электронная почта, телефон для связи);

- аннотация 10-12 строк;

- ключевые слова или словосочетания, несущие в тексте основную смысловую нагрузку (9-15).

Ключевые слова должны браться из текста научной статьи и выражать ее содержание.

3) Список литературы следует оформлять в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка». В список не включаются: нормативные акты, статистические сборники, официальные документы, архивные материалы, интернет-публикации. Ссылки на такие материалы следует давать в тексте подстрочными примечаниями (сносками).

Список литературы должен включать от 10 до 20 научных источников (статьи, монографии), причем публикации самого автора(ов) статьи могут составить не более 20 % списка.

Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [3, с. 15-16]), а список литературы, составленный в порядке встречаемости ссылок, помещается за текстом.

В публикациях в списке литературы для каждого источника должно быть указано общее число страниц (например: *Гончаров В.И.* Институционализация системы местного самоуправления в Российской Федерации. Конституционно-правовое исследование. М.: Проспект, 2016. 268 с.) либо (для статей из журналов и сборников) диапазон страниц, на которых находится статья (например: *Змияк С.С., Игнатова Т.В., Хашева И.А.* Реализация активных мер государственной политики занятости на рынке труда Ростовской области // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2016. № 4. С. 30–40).

4) На последней странице автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения. Научная статья проверена в системе «Антиплагиат». Научная статья должна иметь не менее 80 % оригинальности текста.

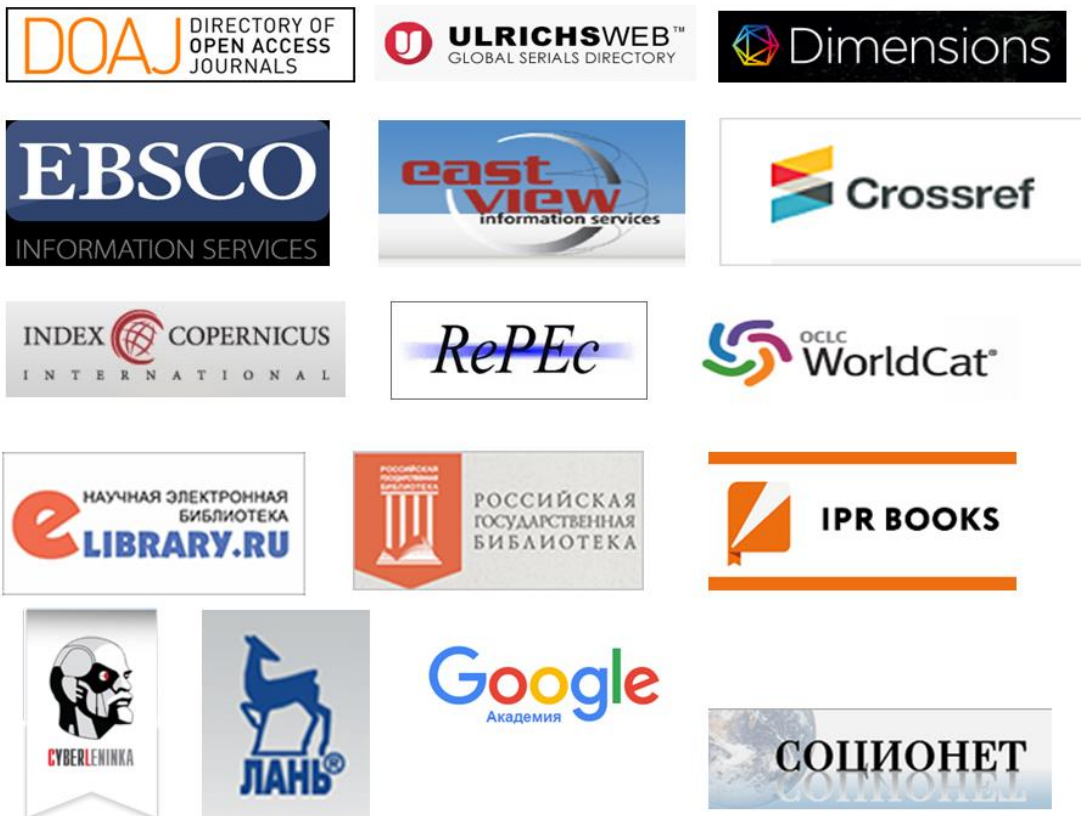
Научные статьи предоставляются по адресу: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54, к. 216, ЮРИУ РАНХиГС. Редакция журнала «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки».

Тел. 8(863) 203-63-89; e-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru; <http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

НАУЧНЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1. 2020

Выход в свет 30.03.2020. Гарнитура Cambria. Формат 60x84 1/8.
Офсетная печать. Бумага писчая. Объем 19 п.л. Тираж 100 экз.

Адрес издателя:

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, пр. Вернадского, 84.

Адрес редакции:

Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.

Свободная цена

Отпечатано в типографии «Фабрика Печати».
603057, г. Н. Новгород, Шорина, 13/13. Тел.: (831) 463-91-68, 413-62-61